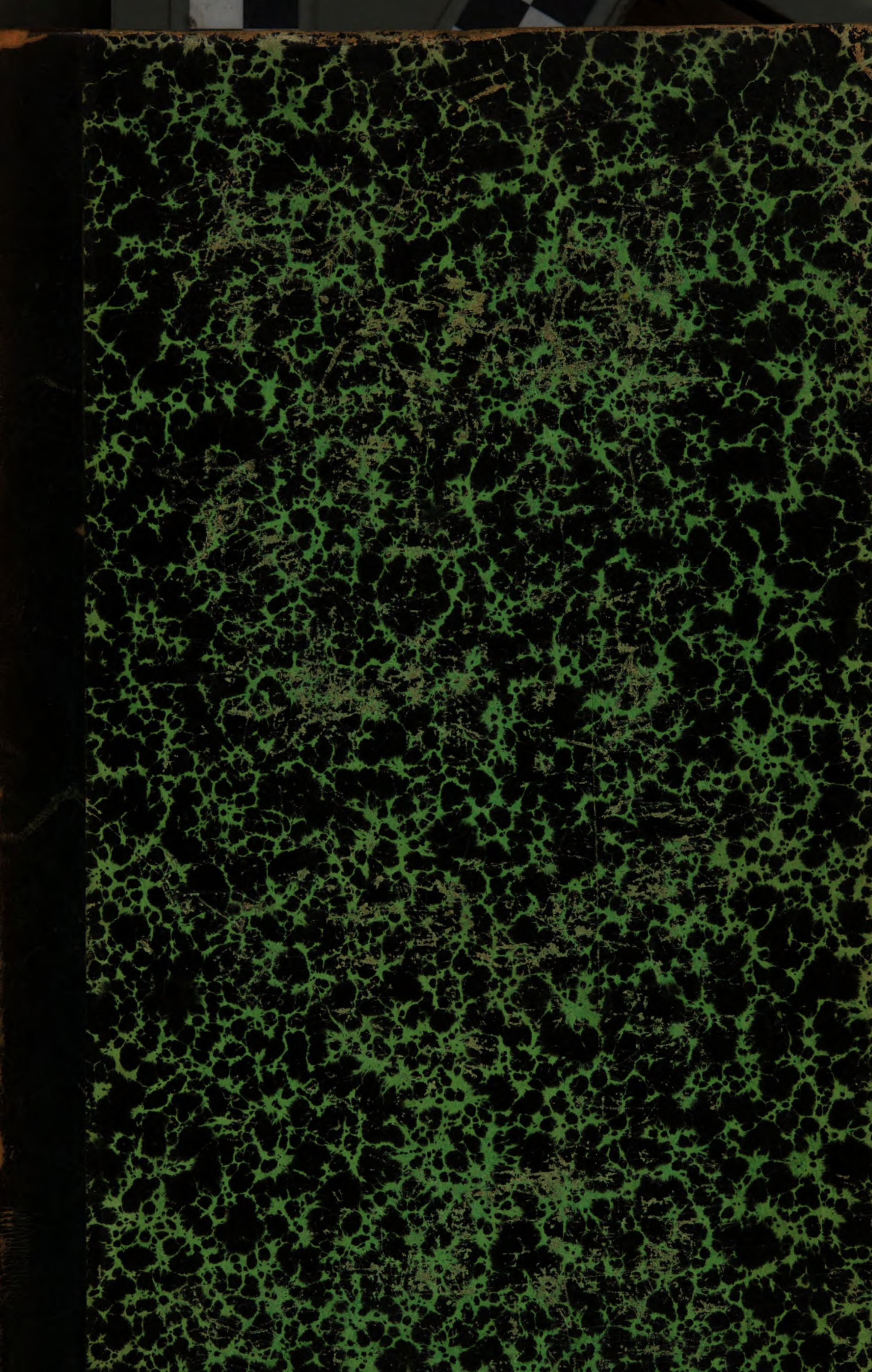

Адресъ редакціи и конторы: уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9.

ЯНВАРЬ. 1900.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

№ 1.

СОДЕРЖАНІЕ:

(См. 2-ую стр. обложки).

ЯНВАРЬ. 1900.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

№ 1.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія Б. М. Вольфа, Разъѣзжая, 15.
1900.

ЯНВАРЬ. 1900.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

№ 1.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія Б. М. Вольфа, Разъѣзжая, 15.
1900.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 27 января 1900 года

СОДЕРЖАНІЕ:

(См. на оборотѣ).

СБОРНИКЪ, подъ ред. Н. К. Михайловскаго и В. Г. Короленко. Ц. 3 р.

СОДЕРЖАНІЕ: 1) Изъ романа „Карьера Оладушкина". Въ провинціи. **Н. К. Михайловскаго.**—2. У Святыхъ могилокъ. Эскизъ. **Д. Н. Мамина-Сибиряка.**—3. На службѣ обществу. Разсказъ. **Л. Мельшина.**—4. Современная Миньона. (Изъ швейцарскихъ нравовъ). **Н. Сѣверова.**—5. Бѣлыя крылья. Изъ разсказовъ стараго шахтера. **В. І. Дмитріевой.**—6. Маруся. Разсказъ. **В. Г. Короленко.**—7. Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ. І. Пушкинъ въ сознаніи русской литературы. II. Пѣвецъ гуманной красоты. **П. Ф. Гриневича.**—8. Муки слова. **А. Г. Горнфельда.**—9. А. С. Пушкинъ и его письма. **Е. А. Ляцкаго.**—10. Изъ Пушкинской эпохи. **В. А. Мякотина.**—11. Сербско-болгарскія отношенія по македонскому вопросу. **П. Н. Милюкова.**—12. Покупательныя силы крестьянства. **А. В. Пѣшехонова.**—13. О классицизмѣ филологическомъ и о классицизмѣ идейномъ. **Н. К.**—14. Людвигъ Бюхнеръ. **В. В. Лункевича.**—15. Неудавшійся праздникъ. **А. Пѣшехонова.**—16. Правители и властители современной Европы. Очерки. **С. Н. Южакова.**—17. Послѣдній выборъ. Романъ. **Р. Штратца.** Переводъ съ нѣмецкаго А. Н. Анненской.

Шесть томовъ соч. Н. К. МИХАЙЛОВСКАГО. Ц. 12 р.

СОДЕРЖАНІЕ I Т. 1) Предисловіе. 2) Что такое прогрессъ? 3) Теорія Дарвина и общественная наука. 4) Аналогическій методъ въ общественной наукѣ. 5) Дарвинизмъ и оперетки Оффенбаха. 6) Борьба за индивидуальность. 7) Вольница и подвижники. 8) Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1872 и 1873 гг.

СОДЕРЖАНІЕ II Т. 1) Преступленіе и наказаніе. 2) Герои и толпа. 3) Научныя письма. 4) Патологическая магія. 5) Еще о герояхъ. 6) Еще о толпѣ. 7) На вѣнской всемірной выставкѣ. 8) Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1874 г. 9) Изъ дневника и переписки Ивана Непомнящаго.

СОДЕРЖАНІЕ III Т. 1) Философія исторіи Луи Блана. 2) Вико и его „новая наука". 3) Новый историкъ еврейскаго народа. 4) Что такое счастье? 5) Утопія Ренана и теорія автономіи личности Дюринга. 6) Критика утилитаризма. 7) Записки Профана.

СОДЕРЖАНІЕ IV. Т. 1) Жертва старой русской исторіи. 2) Идеализмъ, идолопоклонство и реализмъ. 3) Суздальцы и суздальская критика. 4) О литературной дѣятельности Ю. Г. Жуковскаго. 5) Карлъ Марксъ передъ судомъ г. Ю. Жуковскаго. 6) Въ перемежку. 7) Письма о правдѣ и неправдѣ. 8) Литературныя замѣтки 1878 г. 9) Письма къ ученымъ людямъ. 10) Житейскія и художественныя драмы. 11) Литературныя замѣтки 1879 г. 12) Литературныя замѣтки 1880 г.

СОДЕРЖАНІЕ V Т. 1) Жестокій талантъ. 2) Гл. И. Успенскій. 3) Щедринъ. 4) Герой безвременья. 5) Н. В. Шелгуновъ. 6) Записки современника. I. Независящія обстоятельства. II. О Писемскомъ и Достоевскомъ. III. Нѣчто о лицемѣрахъ. IV. О порнографіи. V. Мѣдные лбы и вареныя души. VI. Послушаемъ умныхъ людей. VII. Три мизантропа. VIII. Пѣснь торжествующей любви и нѣсколько мелочей. IX. Журнальное обозрѣніе. X. Торжество г. Ціона, чреда образованности и проч. XI. О нѣкоторыхъ старыхъ и новыхъ недоразумѣніяхъ. XII. Все французъ гадитъ. XIII. Смерть Дарвина. XIV. О доносахъ. XV. Забытая азбука. XIV. Гамлетизированные поросята. 7) Письма посторонняго въ редакцію „Отечественныхъ Записокъ".

СОДЕРЖАНІЕ VI Т. 1. Вольтеръ-человѣкъ и Вольтеръ-мыслитель. 2) Графъ Бисмаркъ. 3) Предисловіе къ книгѣ объ Иванѣ Грозномъ. 4) Иванъ Грозный въ русской литературѣ. 5) Палка о двухъ концахъ. 6) Романическая исторія. 7) Политическая экономія и общественная наука. 8) Дневникъ читателя.) 9 Случайныя замѣтки и письма о разныхъ разностяхъ.

Для подписчиковъ **„Русскаго Богатства"**, вмѣсто 12 р., цѣна 9 руб. безъ пересылки. Пересылка за ихъ счетъ *наложеннымъ платежомъ*— товаромъ большой скорости, посылкой или заказной бандеролью.

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины—съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9.*

Книжные магазины только передаютъ подписныя деньги въ контору редакціи и не принимаютъ никакого участія въ экспедиціи журнала.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіяхъ о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, необходимо прилагать печатный адресъ, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

Не сообщающіе № своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ провинціи слѣдуетъ прилагать 25 коп. почтовыми марками.

6) При перемѣнѣ городского адреса на иногородный уплачивается 1 р.; при перемѣнѣ же иногороднаго на городской—50 к.

7) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не позже 10 числа каждаго мѣсяца, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

8) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи или въ Московское отдѣленіе конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

2) Непринятыя рукописи, обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежомъ стоимости пересылки.

3) Рукописи, доставленныя въ редакцію до 1899 г., если авторы не потребуютъ ихъ обратно въ теченіе шести мѣсяцевъ съ 1-го ноября 1899 г., будутъ уничтожены.

РАЗДОЛЬЕ.

(Повѣсть).

Жизни вольнымъ впечатлѣніямъ
Душу вольную отдай.
Человѣческимъ стремленіямъ
Въ ней проснуться не мѣшай.
Некрасовъ.

I.

— Миссъ Фреда, укройте мнѣ ноги. Миссъ Фреда, достаньте мнѣ сакъ! Миссъ Фреда, гдѣ мой лорнетъ? Ужъ не потеряла ли я его? Ахъ, Боже мой, да поищите же!

Молодая дѣвушка оправляла плэдъ, подавала, искала. Быть можетъ недостаточно расторопно... но, и то сказать,—глядѣла она, рядомъ съ помыкавшей ею пожилой барыней, настоящей принцессой: высокая, гибкая, съ изящнымъ поворотомъ бѣлокурой головки и холеными руками. На нѣжномъ личикѣ ея, чистокровной миссъ съ кипсека, какъ молнія, мелькало порой досадливое выраженіе; всякое движеніе ея, несомнѣнно, прошло высшую школу свѣтской выправки; ея поношенное черное платье навѣрное отъ дорогой модистки... И въ отвѣтахъ этой «Миссъ Фреды» по-русски — ни слѣда иностраннаго акцента. Отвѣтами, впрочемъ, она ограничивалась самыми краткими. Выполнивъ то, что отъ нея требовалось, она садилась въ свой уголъ и, казалось, задремывала подъ мѣрное погромыхиванье вагона 1-го класса, пока опять не начиналось:

— Миссъ Фреда, достаньте мнѣ папиросы! Ахъ, догадайтесь же дать огня!—Лѣвая бровь дѣвушки вздрагивала, какъ у нервнаго человѣка, возлѣ котораго царапаютъ по стеклу; но тотчасъ же, крѣпче сжавъ губы, чтобы не выпустить нетерпѣливаго слова, она принималась съизнова подавать и доставать.

— Миссъ Фреда, что это за станція? Tiens, опять къ намъ заглядываютъ въ окно! Ce beau brun въ pince-nez *). Знаете, онъ мнѣ ужасно, ужасно напоминаетъ одного итальянца... Нѣтъ, я должна это вамъ разсказать! Разъ во Флоренціи... Вы были во Флоренціи?

---

*) Этотъ красавецъ-брюнетъ, въ пенснэ.

— Была.

— Такъ музей этотъ тамъ... Какъ его? Palazzo Pitti, кажется... Входимъ мы туда разъ съ Ипполитомъ (мой мужъ, знаете?)... Вдругъ, меня точно толкнулъ кто. Оборачиваюсь — у колонны стоитъ незнакомый господинъ. Стоитъ и смотритъ. Глаза—огонь. Такъ изъ нихъ магнетическіе токи и льются. Вы вѣрите въ магнетизмъ взгляда, миссъ Фреда?

И, не дожидаясь отвѣта, она продолжаетъ свой игривый разсказъ про итальянца съ огненными глазами; а молодая дѣвушка, изумленно взглядывая на свою эксцентричную спутницу, въ сотый разъ не безъ робости задается вопросомъ: что же, наконецъ, за госпожа эта Лариса Павловна Мирневская, которая увозитъ ее въ качествѣ компаньонки изъ Петербурга куда-то въ глушь провинціи? Говорили—богатая помѣщица-аристократка. Болтовня ея пеститъ именами блестящей родни, воспоминаніями побѣдъ въ большомъ свѣтѣ обѣихъ столицъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ, эта вульгарная заносчивость, ужимки, чуть не скабрезныя заграничныя похожденія, въ которыя она такъ непринужденно посвящаетъ едва знакомую компаньонку? Психопатка какая-то...

А изъ за словъ этой психопатки начинаетъ обрисовываться передъ миссъ Фредою и Раздолье, куда ее увозятъ: старый барскій домъ, холодный, угрюмый; въ трубахъ завываетъ вѣтеръ, и въ паркѣ воютъ волки... И силуэты ея будущихъ сожителей—въ томъ же родѣ. M-me Мирневская не церемонится съ характеристикою членовъ своей семьи: «maman» — брюзга, ханжа, старая причудница; сестрица, Рита,—кривляка, старая дѣва; братецъ—маньякъ-ученый, забившійся въ медвѣжій уголъ послѣ какого-то трагическаго романа (тоже итальянскаго). Сама-то Лариса Павловна, разумѣется, только по неволѣ живетъ при нихъ среди снѣговъ и волковъ, съ тѣхъ поръ, какъ ея супругъ—обворожительный и безпутный Ипполитъ,—съ которымъ они вдвоемъ всесело спустили два состоянія, прикинулъ ее родственникамъ. Ее и взрослую дочь... Тоже сокровище эта Мари! Нигилистка и злюка!

У молодой дѣвушки путаются мысли, и сердце сжимается ноющимъ чувствомъ подъ этотъ несмолкаемый говоръ — вотъ уже сутки. Но, слава Богу! Лариса Павловна начинаетъ умащиваться на ночь. Подвивая жидкіе акрошъ-керы надъ подрисованными бровями, она бормочетъ сквозь подступающую дремоту что-то про влюбленнаго въ нее графа Потоцкаго, который находилъ въ ней изумительное сходство съ Саррою Бернаръ... Наконецъ, она замолкла.

Но не до сна «миссъ Федѣ». Нервы мучительно напряжены, въ головѣ назойливые звуки поѣзда, въ тактъ назойливыхъ мыслей, которыя теперь, въ молчаніи и голубыхъ сумер-

кахъ купэ, разростаются и давятъ, какъ угнетающій кошмаръ. Да и въ самомъ дѣлѣ—не кошмаръ развѣ все, что переживаетъ Фреда Нейсли за послѣдніе 10 мѣсяцевъ, съ тѣхъ поръ, какъ жизнь ея сошла съ рельсовъ?!

Родилась Фреда въ полу-англійской, полу-нѣмецкой семьѣ учителя музыки, Георга Нейсли; но ее уже съ пяти лѣтъ взяла къ себѣ на воспитаніе богатая, свѣтская женщина, большая пріятельница ея отца, когда-то его ученица,—Юлія Всеволодовна Жернова. Семья музыканта въ это время переживала трудную годину: отецъ въ послѣднемъ градусѣ чахотки; мать и старшая сестра, Викторія, выбивались изъ силъ, чтобы грошевыми уроками и рукодѣльемъ прокормить и обучить семерыхъ дѣтей. Маленькая, хорошенькая Фреда сразу очаровала Юлію Всеволодовну своимъ серебристымъ смѣхомъ, шелковыми волосиками и плутовскою бойкостью. Жернова стала все чаще увозить ее къ себѣ погостить; а потомъ эти визиты, незамѣтно затягиваясь, перешли въ постоянное житье у «petite tante» (тети), какъ звала Фреда свою баловницу.

Незамѣтно стушевались въ жизни дѣвочки мать, братья, сестры, вмѣстѣ съ линючими платьицами и картофельными обѣдами; только образъ отца-артиста (скоро послѣ того умершаго и, какъ ей говорили, лѣчившагося заграницей) старательно поддерживался воспитательницей въ памяти ребенка, окруженный какимъ-то культомъ.

Фреда должна была учиться и быть «sage», чтобы этотъ миѳическій отецъ гордился ею; для нея свято сберегался всякій клочекъ оставшихся послѣ него нотъ, но для нея въ то время гораздо больше этого искусственнаго культа значили улыбка или упрекъ самой petite tante. Юлія Всеволодовна стояла передъ нею живымъ идеаломъ красоты, доброты, ума, тѣмъ безсознательнымъ идеаломъ въ ореолѣ восторженной любви, къ которому такъ страстно тянутся иныя дѣтскія души.

Правда, сама Жернова привязалась къ дѣвочкѣ совсѣмъ исключительно. Время побѣдъ и увлеченій для нея проходило, свѣтскіе друзья смѣнялись съ каждымъ сезономъ, какъ листья на деревьяхъ; каждый годъ все замѣтнѣе отодвигалъ ее въ ряды скучныхъ старѣющихъ женщинъ; а энергія жизни въ ней била еще ключемъ и вся мало по малу сосредоточилась на воспитаніи Фреды. Личное въ немъ участіе Юліи Всеволодовны ограждало дѣвочку отъ тѣхъ булавочныхъ уколовъ исподтишка, которымъ обыкновенно подвергается со стороны прислуги и всякихъ приживалокъ самолюбіе ребенка, взятаго изъ милости въ богатый домъ.

Только 2—3 раза въ годъ, бывая у матери, Фреда вспоминала, что она не дитя этого богатаго, ласковаго дома; да и то

petite tante всегда возила ее туда сама, чтобы не шевельнуть въ маленькой душѣ чувства ложнаго стыда за бѣдность родныхъ передъ гувернантками. По системѣ Жерновой всѣ шероховатости, могущія натолкнуть ребенка на гадкія и мелочныя чувства, надлежало тщательно устранять изъ «золотого дѣтства», какъ заботливый физическій уходъ устраняетъ возможность простуды и заразы. Добрыя побужденія должны развиваться свободно въ благопріятной средѣ! Не выпуститъ она, разумѣется, въ свѣтъ маленькую гусыню, которая не вѣдаетъ, что огонь жжетъ, а грязь пачкаетъ... Придетъ время—сама она подведетъ подростающую Фредочку къ проявленіямъ человѣческой пошлости, лицемѣрія и эгоизма, но такъ мягко и осторожно подведетъ, что не потускнѣетъ отъ этого жизнерадостность милой дѣвушки...

Такъ мечтала Юлія Всеволодовна. А тѣмъ временемъ самые модные учителя обучали Фреду наукамъ и искусствамъ; въ домѣ всегда бывало не меньше трехъ иностранокъ; игрушки, книги, позднѣе туалеты и бездѣлушки смѣнялись по первой прихоти, накопляясь въ шкафахъ, какъ въ музеѣ. Фреда росла счастливѣе сказочныхъ принцевъ и принцессъ, о которыхъ разсказывали ея золотообрѣзныя книги. Всѣ восхищались ею...

Восторги и похвалы, льстившіе самолюбію воспитательницы, встрѣтилу Фреду и въ свѣтѣ. Сама же она, прозрѣвая съ чужихъ словъ не всегда опрятную изнанку этого любезнаго и блестящаго общества, веселилась въ немъ отъ души; особенно въ первое время. Ломаться и оригинальничать, какъ другимъ дѣвушкамъ, менѣе избалованнымъ судьбою, ей было не зачѣмъ: за нею и безъ того много ухаживали.

Молодой человѣкъ, котораго, сперва шутя, потомъ все серьезнѣе стала отличать Фреда, оказался вполнѣ подходящею для нея партіей: прекрасно воспитанъ, изъ хорошей семьи, на хорошей дорогѣ... Юлія Всеволодовна вполнѣ одобрила выборъ. Бѣденъ? Но у petite tante, слава Богу, хватитъ на двоихъ! Сейчасъ, разумѣется, было не до скучныхъ формальностей съ завѣщаніемъ: Юлію Всеволодовну поглощало приданое, устройство роскошнаго гнѣздышка для молодыхъ. Она молодѣла сама среди ихъ оживленія, сквозь которое со дня на день проступало все замѣтнѣе ихъ увлеченіе другъ другомъ. Фреда будетъ не только богата, она будетъ счастлива.

Свадьба была назначена послѣ Пасхи, а великимъ постомъ вдругъ захворала Юлія Всеволодовна. Воспаленіе легкихъ въ 5—6 дней свело ее въ могилу...

Все, что потомъ было, лишь смутными отголосками проникало въ сознаніе Фреды. На похоронахъ она не падала въ обмороки, даже не плакала; разсѣянно приложилась она къ бѣлой рукѣ въ гробу. Всѣ были возмущены такою безсердеч-

ностью. Никто не понялъ этого растеряннаго, сухого взгляда; никто, даже Пьеръ, не попытался ласково заставить ее понять и принять непоправимое несчастье, выплакать первыя жгучія слезы. Женихъ и невѣста были еще слишкомъ чужими другъ другу, чтобы горе могло ихъ сблизить.

Очнулась Фреда мало по малу уже «дома», т. е. въ тѣсной нѣмецкой квартиркѣ, и уже не богатою наслѣдницей.

Законные наслѣдники сочли верхомъ великодушія съ своей стороны уже и то, что прислали ей дорогія ея тряпки и бездѣлушки. Мать ухаживала за нею суетливо и надоѣдливо, утѣшая ее, точно ребенка. Сестра Викторія, суровая пуританка, говорила о смиреніи, о неисповѣдимости путей господнихъ, и эти сентенціи звучали зловѣще и строго. Пробуждающееся сознаніе дѣйствительности обдавало осиротѣвшую дѣвушку такимъ ѣдкимъ горемъ, громоздило передъ нею столько острыхъ и неразрѣшимыхъ вопросовъ, впервые поставленныхъ ей жизнью и смертью любящей petite tante... Вокругъ скучно и невозмутимо струилась будничная жизнь бѣдной нѣмецкой квартирки: священнодѣйствіе вытиранья пыли, возня съ цвѣтами; дѣвочки, приходившія къ ея матери учиться «на фортепьянѣ», часами барабанили свои гаммы и экзерсисы; Викторія возвращалась съ уроковъ, вѣчно усталая, не въ духѣ. Фредѣ претили сладкіе супы и прѣсныя овощи за обѣдомъ, претила безконечная штопка старья подъ чтеніе Gartenlaube по вечерамъ, или фамильные разговоры и воспоминанія, мелкія, однообразныя, какъ песчинки, осѣвшія на платье по пути. У нея не было даже своего угла, чтобы уйти отъ всего этого въ свои воспоминанія... Когда же, по воскресеньямъ, квартирка ея бабушки переполнялась сыновьями, невѣстками, дочерьми, зятьями и внучатами всѣхъ возрастовъ, у Фреды голова разбаливалась отъ родственнаго гама, плохихъ сигаръ и пудовыхъ остротъ. Она давала себѣ слово завтра же уйти—искать себѣ самостоятельнаго заработка...

Впрочемъ, не сидѣть же ей вѣкъ, сложа руки, на содержаніи у матери и сестры... Викторія уже намекала на это. Она подыскала было для Фреды два-три урока языковъ и музыки, но дѣвушка бралась за дѣло такъ вяло и неловко... «Въ обществѣ» она слыла хорошей пьянисткой, свободно говорила на пяти языкахъ, но какъ-то не умѣла примѣнить эти пріятныя искусства къ элементарнымъ урокамъ...

Викторія отобрала уроки и махнула на нее рукою. Самостоятельныя же попытки Фреды пустить въ оборотъ свои маленькіе таланты, вродѣ рисованья по атласу и фарфору, не удавались совсѣмъ ужъ смѣхотворно. Фреда вскипала, затѣмъ опять впадала въ апатію и отчаяніе, — заволакивавшее передъ нею все сплошнымъ флеромъ, въ которомъ блѣднѣло даже самое горе ея. А изъ всѣхъ закоулковъ души выползали ме-

лочныя, злобныя чувствица, которыхъ Фреда за собою до сихъ поръ не подозрѣвала... Вообще разочарованіе въ себѣ, захваленной, заласканной Фредѣ, было послѣднею каплею желчи въ ея несчастьи. А язвительныя нотаціи Викторіи еще такъ безжалостно подчеркивали ей все малодушіе ея поведенія. Вотъ хотя бы ея нелѣпыя отношенія съ бывшимъ женихомъ... Впрочемъ, въ часы ожесточенія Фреда и сама была того же мнѣнія объ этихъ отношеніяхъ...

Пьеръ велъ себя дѣйствительно очень странно... Онъ продолжалъ бывать, въ качествѣ стараго знакомаго; бывалъ рѣдко, но считалъ нужнымъ въ этомъ оправдываться—то нездоровьемъ, то недосугомъ за массою дѣла по службѣ. А какъ мучительны бывали эти визиты! Пьеръ болталъ и кривлялся, чтобы не молчать; Фреда краснѣла за него передъ «нѣмцами», краснѣла за свою семью передъ нимъ и начинала желать въ душѣ, чтобы онъ поскорѣе ушелъ, хотя только въ его присутствіи немного радости приливало къ ея сердцу, немного оживленія къ ея поблѣднѣвшему личику. Пьеръ не искалъ возможности поговорить съ нею съ глазу на глазъ, а между тѣмъ, когда они случайно оставались вдвоемъ, онъ превращался въ былого влюбленнаго Пьера, горячія слова и взгляды котораго парализовали всякую рѣшимость выяснить до конца ихъ отношенія.

Въ такія минуты Фреда не могла ему не вѣрить; перебирая же потомъ наединѣ все, что имѣла противъ него,—напрасно силилась вѣрить. Силилась вѣрить потому, что страшно становилось увидать въ любимомъ человѣкѣ тѣ некрасивыя свойства, которыя такъ легко было называть по имени и презирать въ другихъ. И еще потому, что одинъ Пьеръ хоть отчасти связывалъ ее съ прошлымъ. Духу не хватало оттолкнуть его, остаться одной, совсѣмъ одной въ ненавистномъ настоящемъ...

Такъ прошло лѣто съ его томительными бѣлыми ночами безъ сна, съ его томительными пустыми днями безъ воздуха... Подкралась осень... Наконецъ, въ ноябрѣ подвернулось это мѣсто компаньонки въ отъѣздъ. Съ мужествомъ отчаянія Фреда рѣшилась сразу и договорилась въ нѣсколько часовъ. Вонъ, вонъ изъ Петербурга, гдѣ все бередитъ ей воспоминанія! Вонъ изъ этой затхлой, мѣщанской квартирки съ ея тамбурными салфетками и гарусными подоконниками! Фреда ходила по комнатамъ въ возбужденномъ настроеніи: она только что подписала контрактъ, закабалившій ее невѣдомо кому на два года чуть что не въ горничныя, съ жалованіемъ въ 300 р. Матери и Викторіи не было дома — онѣ ушли справлять чье-то рожденье. Фреда могла въ тишинѣ собраться съ мыслями передъ отъѣздомъ...

Звонокъ! Пьеръ! Вотъ оно, то самое важное и трудное, о чемъ она почти забыла въ эти часы рѣшимости. Пьеръ, по

обыкновенію, не вглядываясь въ ея настроеніе и ничего не замѣчая, принялся болтать о томъ, что онъ обѣдалъ у одного знакомаго, здѣсь, на Васильевскомъ, и зашелъ au petit bonheur, поболтать минутъ десять...

— Какъ! Воскресенье и Ноевъ ковчегъ не въ сборѣ? — комично воскликнулъ онъ, входя въ гостиную. Онъ былъ очень благодушно настроенъ, этотъ Пьеръ. А ей обидно, какъ никогда, стало отъ его невниманія; ей непріятенъ былъ запахъ сигаръ и вина, принесенный имъ съ пріятельскаго обѣда... Злорадно захотѣлось «удивить» его...

И коротко, просто, будто дѣло шло о поѣздкѣ въ Царское или Павловскъ, она сообщила ему про свой отъѣздъ...

— Не можетъ быть, Фреда! Такъ вдругъ... Надѣюсь, это не рѣшено?!

— Какъ не рѣшено!—вспыхнула дѣвушка.—Не зашли бы сегодня, послѣ завтра уже не застали бы меня...

Она чувствовала, что забираетъ слишкомъ высоко, не доставало разрыдаться у него на глазахъ! Но Пьеръ, растерянный, озадаченный, самъ не далъ ей говорить.

— Но вѣдь это безуміе! Дикая фантазія какая-то! Ей, Фредѣ, до сихъ поръ непривыкшей ходить безъ лакея по улицѣ, ѣхать въ какую то трущобу, неизвѣстно къ кому компаньонкою!! Да она двухъ дней не выдержитъ!

— Можетъ быть, можетъ быть!.. — перебила она, еле сдерживаясь. — Конечно, мнѣ, избалованной, безхарактерной, не къ лицу претензіи на самостоятельность... Но все же надо попробовать! И притомъ... все это уже *мое* дѣло, не правда-ли? Не *вамъ* во всякомъ случаѣ толковать о моемъ счастьи, о моемъ будущемъ, какъ бы тамъ оно ни сложилось.

— Что это—разрывъ, Фреда?—глухо спросилъ Пьеръ, останавливаясь передъ нею.

— Что же намъ разрывать? — устало отозвалась она и сѣла.—Простите, что я давно не догадалась вернуть вамъ ваше слово... Я понимаю: вы предоставляли это мнѣ, женщинѣ... изъ деликатности... Такъ принято. А я была такъ безтактна и наивна, что... съ тѣхъ поръ, какъ положеніе мое измѣнилось...

— Фреда! Бога ради! Неужто вы могли хоть на минуту допустить, что я только изъ за денегъ...

Дѣвушка усмѣхнулась, не поднимая глазъ.

— Нѣтъ... вѣдь я не старуха и не уродъ, чтобы на мнѣ жениться *только* изъ за денегъ... Но и безъ денегъ вамъ на мнѣ жениться нельзя, Пьеръ. Вы первый во время поняли это... И вѣдь правда: внѣ соотвѣтствующей обстановки, наша идиллія нелѣпа и смѣшна...—И, еще ниже опустивъ голову, она тихо, правдиво, хотя и съ большою горечью высказала ему все, что давно уже накипѣло на сердцѣ... — Ахъ, конечно! — оборвала

она себя, проводя по лбу рукою.—Развѣ вся эта наша «поэзія» ужилась бы... въ шалашѣ?! Я и не думаю васъ обвинять... Надо только устраиваться иначе... Вотъ и все.

Онъ молчалъ. Фреда теперь пристально, прямо смотрѣла ему снизу въ лицо. «Да возмутись же! Оправдайся!» говорилъ этотъ взглядъ, доискивавшійся въ его глазахъ послѣдней надежды... Она ждала искренней вспышки чувства и честнаго, прямого выясненія отношеній... Но онъ понялъ иначе: онъ просто рѣшилъ, что она колеблется, готова отступить отъ своего намѣренія. Онъ бросился къ ней:

— Фреда, не уѣзжай, я не могу безъ тебя, Фреда!

Дѣвушка слегка отстранила отъ себя его наклоненную голову, она еще разъ хотѣла заглянуть ему прямо въ глаза. Опять минута слабости парализовала волю, слабости отъ боли, отъ обиды разрыва, съ такою горечью противъ него на сердцѣ.

— Но что же я могу? Скажи скорѣе... Пьеръ! Пьеръ! Говори!

— Останься!

Фреда рѣзко встала и отошла въ уголъ за рояль, къ цвѣтамъ.

Пьеръ еще уговаривалъ ее, самъ сознавая, что говоритъ не то, что нужно, и не такъ, какъ нужно; только *одно* было бы не глупо и не обидно... Но этого именно сказать онъ не рѣшится. А лицо Фреды съ каждымъ его словомъ дѣлалось все блѣднѣе и суровѣе; пальцы ея тщательно расщипывали какой-то листъ. «Радъ развязаться, не знаетъ только, какъ бы покрасивѣе!»—озлобленно думалось ей.

— Я не могу оставаться здѣсь... такъ! И если бы вы любили меня, вы бы давно это поняли!—вырвалось у нея страстно.

— Фреда! — Онъ подошелъ къ ней близко. — Милая моя, бѣдная моя дѣвочка,—зашепталъ онъ съ проблескомъ искренней нѣжности въ голосѣ... И вдругъ отшатнулся, отошелъ къ столу... Позвонили. Фреда исподлобья слѣдила за тѣмъ, какъ онъ бросился прочь, какъ тотчасъ же его лицо приняло банальное выраженіе. Она усмѣхнулась.

Вернувшаяся мать говорила что-то съ Пьеромъ, о ней кажется. Потомъ онъ сталъ прощаться; пробормоталъ, сжимая ея руку, что не считаетъ ихъ разговоръ оконченнымъ. Фреда не отвѣтила и не пошла его провожать. Вотъ онъ надѣваетъ въ передней калоши. Громыхнулъ крюкъ у двери. Ушелъ... Какъ это все просто дѣлается въ жизни! Вотъ и кончено.

— Фреда! Um Gottes Willen!—всплеснула руками мать.— Что ты надѣлала: общипала всю новую вѣтку фикуса! Что скажетъ Викторія—она такъ радовалась этому боковому побѣгу!

Пьеръ не пришелъ ни завтра, ни послѣ-завтра. Фреда не отослала ему ни одной изъ десятка своихъ то гнѣвныхъ, то призывавшихъ его записокъ...

А два дня спустя курьерскій поѣздъ мчалъ уже на югъ мимо болотъ и лѣсовъ Ларису Павловну Мирневскую и нанятую ею въ Петербургѣ новую компаньонку — миссъ Фреду...

II.

У крыльца барскаго дома стоялъ возокъ, въ который только что усѣлись послѣ долгихъ сборовъ. Дверцу, наконецъ, захлопнули; возокъ грузно тронулся вдоль аллеи подстриженныхъ липъ, которыя теперь, всѣ въ инеѣ, бѣлѣли, какъ облако густого тумана.

Фреда облегченно вздохнула и отошла отъ окна. Уѣхали ея барыни! Уѣхали на цѣлыхъ три дня въ гости къ дальнимъ сосѣдямъ и вмѣсто нея, по какимъ то соображеніямъ, взяли горничную Грушу...

Въ столовую вбѣжалъ съ надворья лакей Семенъ, красный, съ каплями пота на лбу.

— Укомплектовалъ,—охнулъ онъ радостно и прибавилъ:

— Мадмазель, вамъ барыня приказали вышивку барышнину убрать.

Фреда поморщилась: ее до сихъ поръ еще передергивало отъ фамильярныхъ «мадмазель» прислуги и этихъ «барыня приказали». А, кажется, пора бы привыкнуть за два мѣсяца!

Нервно кутаясь въ платокъ, пробѣжала она огромный, холодный залъ съ хорами и принялась сердито запихивать въ корзину шерсти и узоры, разбросанные по столу, на срединѣ обширной, мрачной гостиной. Въ такіе тусклые дни темные обои, тисненые золотомъ, и бархатъ цвѣта oreille d'ours на мебели съѣдали послѣдній свѣтъ, проникавшій сюда изъ-подъ навѣса балкона-террасы. Гуще чернѣютъ тѣневые уголки за трельяжами безъ зелени, громоздкими козетками и диванами старомодныхъ формъ, въ пасти монументальнаго камина; всякій шорохъ гулко проносится подъ лѣпными потолками ряда настежъ-открытыхъ парадныхъ комнатъ; только двѣ Грезовскихъ головки смѣются, среди аляповатыхъ фамильныхъ портретовъ, живыми, плутовскими личиками. Хорошо имъ смѣяться, не чувствуя этого мрака, пустоты, холода, а Фредѣ жутко тутъ одной до дрожи, и она спѣшитъ на верхъ, въ свою комнату.

Вбѣжала и остановилась, безпомощно уронивъ руки. За окномъ все та же безнадежно-глухая бѣлизна, незамѣтно сливающаяся вдали съ небомъ, чуть-чуть посѣрѣе; а кругомъ и

въ ней самой растетъ, разливается все та же тишина, пустота и тоска...

А какъ ждала она этого отдыха и одиночества! Вѣдь обыкновенно у «мамзели» нѣтъ даже праздниковъ, какъ ихъ нѣтъ у горничной, повара, лакея. Фреда прожила эти два мѣсяца въ сплошномъ, напряженномъ усиліи «угодить», ужиться, наперекоръ Викторіи, на зло Пьеру... Уставала она днями до того, что засыпала полу-раздѣтая; а на утро съ пустою головою и разбитостью во всемъ тѣлѣ впрягалась заново въ свое дневное ярмо, щебеча и улыбаясь, чтобы никто изъ этихъ антипатичныхъ ей чужихъ людей не замѣтилъ ея безпомощнаго горя, ея вспышекъ обиды на каждомъ шагу. Когда же сквозь горе и утомленіе пробивался порою страшный вопросъ: «Что-же? Такъ и на вѣкъ лямка мамзели?!» дѣвушка трусливо гнала его прочь словомъ «Nonsens!» *). Такъ выплываетъ къ невѣдомому берегу, не зная даже, есть ли онъ по близости, гибнущій въ морѣ послѣ кораблекрушенія. Все потомъ! Теперь надо только плыть,—плыть во чтобы то ни стало...

И вдругъ передъ нею цѣлыхъ три дня бездѣйствія, одиночества. Вотъ-вотъ въ эту пустоту хлынутъ всѣ лишающія ее послѣдняго мужества мысли и воспоминанія... Ужъ лучше поскорѣе что нибудь дѣлать. Письмо, что-ли, написать? Но, торопливо выставивъ въ заголовкѣ почтоваго листка: «Раздолье, 27-го декабря 1889 г.», она опять запнулась. Кому ей писать? Ахъ, все равно! Давно не отвѣчала матери. Она стала писать и мало по малу, обычное водянистое письмо приняло другой тонъ.

«Вы меня спрашиваете», писала Фреда, «не скучаю-ли я? Нѣтъ. Гдѣ мнѣ скучать! Съ 9-ти утра и до полуночи я какъ заведенная машина. И сколько разнообразія! Наливаю чай, кофе; дѣлаю тартинки, подливки, вышиваю фоны, дорисовываю надоѣвшіе букеты; играю въ 4 руки, въ 2 руки, акомпанирую арфѣ; читаю на трехъ языкахъ часами, до судороги въ горлѣ, то романы, то какіе то допотопные méditations и мемуары; веду корреспонденцію, перекалываю банты, перетираю милліонъ китайскихъ, севрскихъ и др. вещицъ... И вообще: — «что прикажутъ»... «Миссъ Фреда, подвиньте мнѣ скамеечку подъ ноги. Миссъ Фреда, скажите Грушѣ, позовите Семена»... Исторія за чуть остывшій какао, окрикъ за тѣнь нетерпѣнія въ отвѣтѣ...

«И все это въ неизмѣнномъ обществѣ моихъ трехъ Паркъ. Объ Ларисѣ вы уже имѣете понятіе: она то мелетъ вздоръ, хохочетъ, напѣваетъ, то вдругъ впадаетъ въ меланхолію, плачетъ, изводитъ насъ сценами и истериками. Дерзка подчасъ не-

*) Вздоръ,

стерпимо, но тутъ же забываетъ, что наговорила, и еще обидится сама на то, чего ей никто не говорилъ... Не менѣе несносна въ другомъ родѣ ея сестрица, наша вѣчно-юная Рита, которую все еще не отчаиваются выдать замужъ. Я состою при ней въ роли *старшей* подруги, въ силу чего она непрерывно виситъ у меня на рукѣ, осчастливливаетъ меня поцѣлуями и ласкательными эпитетами.

«Но главный мой тиранъ и владыка—это сама «maman»-Софья Глѣбовна Одобарова. О, это вовсе не та смѣшная-капризная старушенка, какою она мнѣ показалась на первыхъ порахъ, не смотря на твсю свою старомодную величавость! Я начинаю прозрѣваь, что вся эта выставка окружающихъ ее сувенировъ (портретовъ, игрушекъ давно умершихъ и старѣющихъ дѣтей), вся эта сентиментальная мораль примѣрной христіанки и матери, которою она насъ угощаетъ въ перемежку съ нескончаемыми воспоминаньями о своемъ «bon vieux temps» *), даже самыя болѣзни ея—ни что иное, какъ ловкій пріемъ, которымъ эта черствая эгоистка заставляетъ все и вся вокругъ разыгрывать трогательную и очень выгодную для нея пастораль нѣжнѣйшихъ семейныхъ отношеній. Ея сороколѣтнія дѣти живутъ безотлучно при ней aux petis soins; слова наперекоръ не дерзаютъ молвить, не то что вмѣшаться въ управленіе нераздѣленнымъ имѣніемъ; ея драгоцѣнное здоровье оберегаютъ изъ часа въ часъ строгимъ ритуаломъ въ порядкѣ нашего дня. А чуть что, разражается одна изъ таинственныхъ «crises» **), и весь домъ несетъ гнетъ опалы. Можно себѣ представить, какова моя доля терпѣнія во всемъ этомъ!

«Остальныхъ членовъ нашего избраннаго общества мы видимъ только за обѣдомъ и завтракомъ, представляющимъ въ нашемъ обиходѣ родъ священнодѣйствія. Единственный сынъ Софьи Глѣбовны и представитель славнаго рода Одобаровыхъ, Анатоль, выползаетъ изъ своего кабинета съ лицомъ гипнотизированнаго факира; онъ изучаетъ тамъ философію, астрономію—право, не знаю что еще... По семейнымъ преданіямъ это обаятельный рыцарь безъ страха и упрека, теперь—пожилой чудакъ, страдающій припадками грудной жабы, вслѣдствіе чего я должна ему подавать вмѣсто чая кружку сельтерской воды съ молокомъ. Онъ же на меня, при всей своей европейской корректности, обращаетъ, повидимому, не больше вниманія, чѣмъ на лампу или графинъ... Но все-же больше, чѣмъ дочка Ларисы Павловны, m-lle Мари. Эта маленькая, смуглая, некрасивая дѣвушка является только къ обѣду, мало

*) Добромъ старомъ времени.
**) Припадковъ.

ѣстъ и коротко отвѣчаетъ, не поднимая отъ тарелки глазъ (правда, рѣсницы у нея великолѣпныя). Гдѣ она пропадаетъ весь день, что дѣлаетъ?—Комната ея напротивъ моей въ мезонинѣ, но всегда заперта на ключъ; къ ней ходятъ, кажется, учиться крестьянскія дѣти; иногда я вижу, какъ она возвращается откуда-то, закутанная, какъ эскимосъ. Иногда она по нѣскольку дней не показывается даже къ обѣду,—больна, что-то нервное. Тогда maman утѣшаетъ Ларису сентенціями на счетъ «креста», который всякій истинный христіанинъ обязанъ нести безропотно...

«Чтобы лѣчить всѣ эти печени, сердца и нервы, живетъ здѣсь гдѣ-то во флигелѣ молодой докторъ, нѣкто Хмаровъ. Атлетъ-поповичъ, являющійся въ домъ въ отвратительно сшитомъ сюртукѣ и съѣдающій съ ножа, не развертывая салфетки, половину нашего тонкаго и весьма необильнаго обѣда. Отъ манеръ и громкаго голоса этого enfant-terrible Софью Глѣбовну передергиваетъ, но она терпитъ его, считая его замѣчательнымъ докторомъ для своихъ безчисленныхъ «бо-бо». Лариса съ нимъ заигрываетъ, Анатоль тонко надъ нимъ подсмѣивается порою, но тоже называетъ его «способнымъ малымъ» и въ спорахъ съ нимъ быстро теряетъ симообладаніе. Этотъ господинъ, говорятъ, пишетъ какую-то ученую книгу. Quant à moi—не берусь судить о его умѣ: соли его жаргона я не могу оцѣнить, а когда онъ хохочетъ, откинувшись на спинку стула, selon moi, il n'a pas l'air intelligent du tout *).

«Долго-ли я проживу среди этихъ людей, не утративъ образа и подобія Божія?! Но что такое *я*? Компаньонка, мамзель... Если бы вы видѣли комнату, въ которую меня спихнули вмѣстѣ съ облупленною мебелью... Мансарда какая-то. Ни коврика, ни занавѣски! Постель вродѣ мерзлой мостовой и скрипитъ при всякомъ движеніи. Иногда я вынуждена сама растапливать неразгорающуюся и позабытую прислугою печку. Мои пальцы въ ужасномъ видѣ отъ иглы, щетки, утюга... Для меня ничего не хотятъ дѣлать, все портятъ. Все для нихъ однихъ,—этихъ уродовъ, — комфортъ, роскошь тамъ, внизу... А между тѣмъ мнѣ сто разъ на день хочется перебить ихъ сервизы, крикнуть имъ, что я не хуже ихъ, что они меня замучили, что мнѣ все здѣсь противно, противно!.. О, petite tante»...

Дѣвушка вздрогнула и уронила перо: въ раннихъ зимнихъ сумеркахъ на нее, какъ живые, смотрѣли съ портрета чуть-чуть насмѣшливые, добрые глаза Юліи Всеволодовны. Вѣдь она *ей* писала, ей—своей настоящей матери! Фреда долго проплакала, кусая платокъ... Еще подслушаютъ въ корридорѣ!

Къ обѣду она вышла, освѣживъ лицо и прическу, стараясь

*) По моему видъ у него вовсе не умный.

улыбаться. Столъ былъ накрытъ на 7 персонъ съ обычною помпой: гербовое серебро, хрусталь, свѣжее бѣлье—блестѣли, какъ на званномъ обѣдѣ, въ огняхъ массивнаго канделябра; Семенъ въ сюртукѣ и вязаныхъ перчаткахъ, угрюмый отъ первой выпивки, балансировалъ на ладони блюдо пирожковъ. Вмѣстѣ съ Фредою вошла и Мари. Безъ моднаго платья со вздернутыми рукавами и безобразящей ее высокой прической,—она показалась Фредѣ совсѣмъ другой. Сошла она внизъ въ темной фланелевой блузѣ, перехваченной кушакомъ, какъ у себя сидѣла; косы были свободно распущены на спинѣ; движенія не связаны и ни слѣда деревянной суровости въ лицѣ. Смуглое и блѣдненькое, съ неправильными, черезчуръ крупными чертами, лицо это поднималось скорѣе застѣнчиво ко всѣмъ, выше ея ростомъ; а въ немъ мягко свѣтились большіе, темные глаза, печальные и вдумчивые. Отъ всей Мари оставалось впечатлѣніе этихъ чудныхъ глазъ: съ какимъ-то тревожнымъ вопросомъ вглядываются они въ васъ и будятъ въ душѣ желаніе понять—откуда такой скорбный взглядъ у 19-лѣтней барышни? Фреда почти съ волненіемъ наблюдала въ теченіе всего обѣда за этой новой Мари.

Вслѣдъ за обѣими дѣвушками вошелъ въ столовую Анатолій Павловичъ, а съ нимъ незнакомый Фредѣ молодой человѣкъ. По синей блузѣ и высокимъ сапогамъ скорѣй рабочій, чѣмъ гость; но почему-то въ общемъ впечатлѣніи и въ томъ, какъ онъ стоялъ рядомъ съ Одобаровымъ, Фреда приняла его сперва за гостя. Худощавое, рѣзко очерченное лицо его, съ большимъ лбомъ, говорило о дѣятельности мысли и выдержанной энергіи—одно изъ лицъ, съ перваго взгляда заявляющихъ о себѣ спокойно и самоувѣренно.

— Ну, что, пообѣдаешь съ нами, Николай? Здравствуй, Маша, я не видалъ тебя еще сегодня. Что, миссъ Фреда, еще не скучаете?—Одобаровъ говорилъ необыкновенно оживленно, пожимая руки дѣвушкамъ.—Садись сюда, Николай.

— Благодарю васъ, Анатолій Павловичъ, я уже обѣдалъ.

И опять въ простомъ отвѣтѣ и полу-поклонѣ этого «Николая» Фреда невольно замѣтила тонкій оттѣнокъ достоинства, безъ тѣни развязности; только чуть замѣтная усмѣшка вскользь шевельнула усики, да темные глаза его блеснули, освѣтивъ очень выразительно всю физіономію. Кто бы это могъ быть?

— А то право бы пообѣдалъ. Вечеромъ кончимъ вычисленія.

— Я пройду покуда къ бабушкѣ. Позовите тогда.

«Да это внукъ старой няни,—механикъ изъ Репьева—, догадалась Фреда.—Вѣдь вотъ даже онъ не такъ мужиковатъ, какъ нашъ докторъ». А вмѣстѣ съ тѣмъ Фредѣ было досадно, что докторъ отсутствуетъ на сегодняшнемъ необыкновенномъ обѣдѣ.

Николай ушелъ. Фреда пошла достать горчицы, а когда она вернулась, Ободаровъ о чемъ-то спорилъ съ Мари.

— Вѣдь не пригласилъ бы ты его при бабушкѣ? Зачѣмъ же, какъ няня говоритъ, эти кукиши изъ кармана?—Щеки Мари раскраснѣлись, она говорила рѣзко. Дядю передернуло отъ вульгарнаго выраженія.

— Маша, отлично ты знаешь, что я всегда обращаюсь съ Николаемъ, какъ съ равнымъ. Онъ очень умный, способный малый...

— Котораго ты не пригласишь, тѣмъ не менѣе, обѣдать съ нами при бабушкѣ, при гостяхъ... Ты думаешь, дядя, онъ не понимаетъ этого? На его бы мѣстѣ я ни за что тоже не сѣла бы съ тобою обѣдать...

— Что за счеты! Ты забываешь, Маша, что я его вотъ какимъ зналъ. Я его училъ читать и пускать змѣя, я его крестный...

— И благодѣтель...—вызывающе вставила Мари.

Одобаровъ вспылилъ.

— Ты рада привязаться изъ-за пустяка...

— Для меня не пустякъ заигрыванье съ человѣческимъ достоинствомъ.

— Богъ знаетъ, что ты городишь, Маша! При чемъ тутъ человѣческое достоинство?! Вотъ Семена же не обижаетъ то, что я не приглашаю его ѣсть съ нами, а Николай...

— Ахъ, ужъ оставь, дядя! Вѣдь я только про то, что гадко твое вилянье съ Николаемъ... Прошли тѣ времена, когда наши споры забирались глубже,—съ горечью оборвала дѣвушка и замолчала.

— А кто въ этомъ виноватъ, Маша?

Она не отвѣтила и сидѣла съ тѣмъ холоднымъ, вытянутымъ лицомъ, какъ всегда за обѣдомъ. Одобаровъ выпилъ залпомъ стаканъ воды. Тутъ очень кстати явился Хмаровъ. Онъ принесъ съ собою волну морознаго воздуха и веселости.

— А мыши-то безъ кота какъ развольничались,—кивнулъ онъ на пустое кресло Софьи Глѣбовны.—Вы и мнѣ дозволяете, eccelenza?—прибавилъ онъ, показывая на свою сѣрую блузу, вмѣсто обычнаго сюртука.—Одна миссъ Фреда высоко держитъ знамя этикета.—И, пожавъ всѣмъ руки, онъ съ завиднымъ аппетитомъ принялся за остывшій супъ.

Анатолій Павловичъ тоже скоро развеселился; оба они принялись вышучивать Фреду по поводу письма, которое привезъ ей докторъ съ почты: Хмаровъ требовалъ выкупа. А у Фреды такъ и стучало сердце, пока, разсмотрѣвъ издали почеркъ адреса, она не узнала, что письмо отъ матери. Когда же, наконецъ, вытравитъ она изъ себя эту самолюбивую мысль, что, всетаки, Пьеръ... Она много смѣялась, глотая воду, чтобы

не дать смѣху перейти опять въ слезы. Разъ она встрѣтила на себѣ удивленный пристальный взглядъ Мари, которая, впрочемъ, тотчасъ равнодушно отвернулась... Но Фредѣ почудилось въ этомъ взглядѣ столько презрѣнія, брезгливость какая-то. И тотчасъ весь смѣхъ и шутки мужчинъ показались ей такими пошлыми, что она вспыхнула до волосъ. Одобаровъ замѣтилъ это и, приписавъ это какому нибудь выраженію разбалагурившагося доктора, тотчасъ же удвоилъ свою поверхностно-корректную любезность съ дѣвушкою. Сразу стало какъ-то скучно. Оригинальный обѣдъ «мышей безъ кота» положительно не ладился.

За кофе докторъ и Мари отошли къ дальнему окну и о чемъ-то разговорились въ полголоса. Мари стояла спиною, и только по движенію ея головы можно было понять, что она за что-то горячо выговариваетъ Хмарову. А тотъ, оставивъ въ покоѣ свою русую бороду, которую имѣлъ дурную привычку мять и кусать въ разговорѣ, какъ-то смущенно вертѣлъ пуговку на рукавѣ своей собесѣдницы, облокотившейся на спинку стула между ними. Вся веселость доктора, за минуту передъ тѣмъ такая шумная, исчезла; открытые, свѣтло-каріе глаза, всегда поблескивающіе юморомъ, серьезно и нѣсколько смущенно смотрѣли на Мари. Казалось, онъ оправдывается въ чемъ то, за что Мари бранитъ его подѣломъ. Но еще болѣе этой мимической сценки заинтересовало Фреду выраженіе какого-то, граничившаго со страданьемъ, напряженнаго вниманія во всѣхъ чертахъ Анатолія Павловича, на котораго она невольно оглянулась, потому что и онъ вдругъ, оборвавъ на полусловѣ то, что говорилъ ей, не спускалъ глазъ съ пары у окна. Синеватый румянецъ пятнами выступилъ сквозь восковую блѣдность его еще моложаваго, но болѣзненнаго лица. Онъ раза два провелъ рукою, тонкою и выхоленною, какъ у женщины, по волосамъ, сильно перемѣшаннымъ съ сѣдиною, и съ видимымъ усиліемъ вернулся къ оборванному разговору; но глаза его то и дѣло поворачивались въ сторону молодыхъ людей.

«Что это, романъ? Драма?» —спрашивала себя изумленная Фреда, впервые видѣвшая этихъ трехъ людей безъ маски, за которую пряталось все живое подъ строгимъ взглядомъ Софьи Глѣбовны. И ей, вдругъ, захотѣлось узнать про ихъ жизнь, про эти ихъ странныя отношенія...

Мари подошла и сказала сухо:

— Нельзя-ли, дядя, устроить, чтобы деньги на аптеку выдавались аккуратно: ну, хотя бы къ первому числу. Викторъ Данилычъ вторую недѣлю сидитъ безъ хины и іодистаго калія.

— Отчего же вы не потребуете сами вовремя изъ конторы,—весь вспыхнулъ Одобаровъ; у него даже губы задрожали.

— Я требовалъ,—отозвался Хмаровъ и тоже подошелъ.

— Слѣдовало напомнить maman,—тономъ выше перебилъ его Анатолій Павловичъ,—наконецъ, прямо мнѣ могли бы...

— Я два раза докладывалъ о семъ Софьѣ Глѣбовнѣ, да и вамъ говорилъ, если не ошибаюсь, еще на прошлой недѣлѣ.

— Неправда!

Докторъ пожалъ плечами.

Они стояли другъ противъ друга: два болѣе противоположныхъ типа людского рода трудно было бы умышленно подобрать ради контраста. Хрупкій, изящный Одобаровъ, съ вызывающей барской осанкой, обыкновенно скрывавшей его маленькій ростъ, но теперь почти комичной въ этомъ, повидимому, безпричинномъ раздраженіи—передъ богатырскою, лѣнивою фигурою лихача-кудрявича доктора; казалось, этотъ могъ бы одного лапищею сгресть и «сократить» своего раскипятившагося патрона; а онъ, только засунувъ руки поглубже въ карманы блузы, поглядывалъ на него сверху въ добродушнѣйшемъ удивленіи; «съ чего это взыграла дворянская кровь?» Потомъ ласково и спокойно, какъ старшій, проговорилъ:

— Полно, дражайшій паціентъ. Ночь опять худо проведете. Идемъ лучше, сразимся въ шахматы.

И, къ удивленію Фреды, очень скоро изъ кабинета стали долетать мирные возгласы: «Шахъ королю! Шахъ королевѣ! Вниманіе, eccelenza, я вамъ сейчасъ каверзу подстрою. Шахъ королю»! Мари странно усмѣхнулась (она стояла все время, видимо что-то обдумывая) и, покраснѣвъ, тоже ушла.

Черезъ нѣсколько времени, окончивъ партію, ушелъ и Хмаровъ. Анатолій Павловичъ попросилъ Фреду послать Семена за Николаемъ. Не найдя Семена въ буфетѣ и передней, Фреда сама спустилась въ подвальный этажъ, гдѣ помѣщались комнаты прислуги и кухня. Первая дверь въ корридорѣ была полуотворена, и на порогѣ ея, прислонившись спиною къ косяку, разговаривая съ кѣмъ-то въ комнатѣ, стоялъ самъ Николай. Фреда знала, что это комната его бабушки — старой няни. Она хотѣла было передать Николаю порученіе Анатолія Павловича, когда дверь отворилась шире и изъ комнаты вышла Мари.

— И это не фразы!—говорила она, видимо горячась.

— Докажите, — спокойно отозвался Николай, не мѣняя позы. Въ глубинѣ комнаты Фреда мелькомъ разсмотрѣла за самоваромъ старую няню, Алену Никаноровну, рѣдко показывавшуюся на верху.

Что это еще за Николай, который споритъ, какъ равный, съ Марьей Ипполитовной и съ усмѣшкою отказывается отъ угощеній Анатолія Павловича?..

III.

Все вновь подмѣченное чрезвычайно заинтересовало Фреду, и она рѣшила при первой возможности поговорить съ Мари. Случай представился на слѣдующій же день: докторъ къ обѣду не явился, а Одобарова вызвали куда-то за 3-мъ блюдомъ.

— Марья Ипполитовна,—заговорила Фреда, не безъ смущенія, сердясь сама на себя за робкій тонъ.—Я слышала, вы учите крестьянскихъ дѣтей?

Мари взглянула на нее удивленно, потомъ опять принялась разметать пальцемъ крошки по скатерти.

— Да. А что?—отозвалась она.

— Позвольте мнѣ когда нибудь взглянуть на вашу школу.

Мари опять подняла на Фреду свои красивые глаза.

— Отчего же? Только какая у меня школа? Просто нѣсколько дѣтей ходятъ ко мнѣ по утрамъ.

— Такъ можно? А когда?

— Да хоть завтра. Только не знаю, что вамъ въ этомъ интереснаго?

— Вѣдь вамъ же интересно?—Мари молчала. — Вамъ эти занятія доставляютъ удовольствіе, — настаивала Фреда. Мари какъ-то обидно усмѣхнулась и процѣдила сквозь зубы:

— Я это не ради удовольствія дѣлаю.

— А ради чего?—И, не дождавшись отвѣта (Мари только неопредѣленно повела плечемъ), Фреда заговорила сама, все больше волнуясь.—Я знаю, Марья Ипполитовна, вы считаете меня—и вправѣ считать—пустою, недостаточно ученою... На моѐ воспитаніе брошены тысячи, а между тѣмъ, когда пришлось зарабатывать... словомъ теперь, — я оказалась способною только на ту роль, на которую обречена здѣсь... Не сладкую роль, могу васъ увѣрить...

Мари продолжала смотрѣть на нее въ упоръ, видимо стараясь схватить смыслъ этихъ неожиданныхъ откровенностей, а Фреду все больше смущалъ этотъ пристальный, вовсе недружелюбный взглядъ. Она опять не могла связать нить начатаго ею разговора и, раздражаясь уже, вызывающее бросила:

— Отчего вы думаете, что я не пойму?

— Что же тамъ не понять? Приходите, посмотрите,—сказала Мари равнодушно, встала и ушла.

Мило! Порадовалась бы petite tante на свою питомицу: за годъ разучилась говоритъ такъ, чтобы ее слушали и отвѣчали бы ей!

А вѣдь гляди эти темные, неулыбающіеся глаза чуточку поласковѣе, она еще и не такъ бы разоткровенничалась...

Тѣмъ не менѣе на слѣдующій же день Фреда пошла разыскивать внизу школу Марьи Ипполитовны. Ей указали дверь, рядомъ съ комнатою старой няни. Фреда вошла. Что-то вродѣ кладовой—по стѣнамъ громоздятся сундуки и шкафы съ одобаровскимъ добромъ; къ одному изъ нихъ приложена доска, рядомъ стоячіе счеты. Большая сводчатая комната скупо освѣщалась окнами въ два стекла изъ-за сугробовъ на дворѣ, а въ этихъ бѣлыхъ сумеркахъ еще однообразнѣе и непривлекательнѣе показались Фредѣ лица мальчиковъ и дѣвочекъ вокругъ двухъ длинныхъ столовъ. Какія же это дѣти? Тѣ же мужицкія фигуры въ миніатюрѣ, невзрачныя, всѣ на одно лицо, какъ тѣ, которыя бредутъ иногда закутанныя черезъ дворъ или переминаются съ ноги на ногу въ прихожей. Часть учениковъ писала, низко пригибаясь къ доскамъ и нестерпимо скрипя грифелями; старшіе читали по очереди. Мари въ большомъ передникѣ, съ раскрытою книгою въ рукѣ ходила по комнатѣ. На школу,—по крайней мѣрѣ такъ, какъ представляла себѣ Фреда школу,—оно въ самомъ дѣлѣ было мало похоже. Въ носъ шибало спертымъ воздухомъ, пропитаннымъ запахомъ всѣхъ этихъ заношенныхъ одеждъ и 20-ти ребятишекъ, трудящихся надъ грамотою въ потѣ лица; тягучее чтеніе и голосъ Мари, здѣсь громкій и веселый, рѣзали по нервамъ. Фреда ушла бы сейчасъ же, если бы ей не было совѣстно; но и сидѣть такъ,—куклою, было неловко. Собравшись съ духомъ, она подошла къ мальчику лѣтъ 12-ти, особнякомъ писавшему что-то очень усердно и, стараясь не дышать, не прикоснуться къ нему, заглянула ему въ тетрадь.

— Что это вы пишете?—застѣнчиво спросила она.

Мальчикъ поднялъ къ ней бѣлокурое симпатичное лицо и отвѣтилъ съ гордостью:

— Сочиненіе.—Потомъ принялся дальше выводить строку: «А я ему: скверно, говорю, зайца ради забавы вбивать...» Къ нимъ подошла Мари.

— Ты, Яша, опять тутъ нравоученія разводишь. А вонъ Антонъ на тебя жалуется, что ты вчера самъ ихъ кошкѣ спину палкой перебилъ.

Мальчикъ густо вспыхнулъ.

— Да я, Марья Ипполитовна, за то ее, стерву...—и, подавившись браннымъ словомъ, еще сильнѣе краснѣя, онъ кончилъ шопотомъ, полнымъ искренняго негодованія:—Когда же она нашихъ голубей душитъ!

Тутъ зашумѣли маленькіе. Мари прикрикнула на нихъ. Попробовала было Фреда подойти и къ другимъ, но дѣти ей не отвѣчали, пригибались къ книгѣ, жались другъ къ другу. Эти взгляды исподлобья, шмурканье носами, полуоткрытые рты производили на Фреду удручающее впечатлѣніе чего-то

дикаго и идіотскаго... А между тѣмъ съ Мари, не смотря на ея окрики, дѣти смѣло и довѣрчиво разговаривали, порою даже раздавался смѣхъ... У нихъ съ нею, очевидно, свои дѣлишки, она всѣхъ ихъ ухитряется знать по именамъ. И сама она среди нихъ, какъ рыба въ водѣ: опять совсѣмъ другая Мари,—такая молодая, ласковая... даже съ нею, Фредою. Она указала ей наиболѣе способныхъ учениковъ, передала ей нѣсколько удачныхъ или забавныхъ отвѣтовъ. Только разъ, когда Фреда спросила ее: неужели нельзя потребовать, чтобы школьники были почистоплотнѣе?—Мари нахмурила брови и иронически усмѣхнулась въ отвѣтъ. Точно не хотѣла или подумала, что не стоитъ объяснять Фредѣ что-то очень простое и печальное.

Фреда вернулась изъ «школы» съ мигренью; она тщательно передѣлась и вымылась—ей казалось, что всѣ ея вещи напитались этимъ тошнотворнымъ запахомъ сала и грязи. Съ дрожью вспоминалось ей насѣкомое, бродившее по лбу одного изъ школяровъ... Какъ Мари выдерживаетъ по 4—5 часовъ ежедневно среди этихъ грязныхъ ребятишекъ?! И главное изъ-за чего? Рисовка это? Оригинальничанье? Нѣтъ, хоть Мари и сказала, что дѣлаетъ это не ради удовольствія, но въ томъ, *какъ* она занимается, чувствуется что-то, удовлетворяющее ее въ самой работѣ. Теперь, впрочемъ, все выяснится. Ледъ сломанъ.

— M-lle Мари,—спросила она прямо, когда онѣ опять встрѣтились въ столовой.—Вы вчера мнѣ не отвѣтили на одинъ вопросъ. Что побуждаетъ васъ заниматься школою? Сегодня я убѣдилась, что это трудъ едва ли легкій и пріятный, и еще меньше понимаю васъ.

Мари стояла, задумавшись. Фреда продолжала.

— Я видѣла, какъ люди работаютъ изъ-за карьеры, изъ-за денегъ, наконецъ, по необходимости или со скуки, но тогда они избираютъ пріятный умственный трудъ себѣ по вкусу. Вотъ вашъ дядя... Я, впрочемъ, не знаю: быть можетъ ученые труды вашего дяди очень цѣнны...

Мари странно усмѣхнулась, она была уже опять такъ далеко отъ Фреды, вялая и молчаливая,—Фреда чувствовала это. А тутъ подошелъ Анатолій Павловичъ, и Фреда тотчасъ уловила, что Мари непріятенъ разговоръ о школѣ при дядѣ. Онъ же, напротивъ, энергично подхватилъ эту тему, потрепавъ племянницу ласково по плечу.

— О, она у меня ретивый педагогъ! Вчера мнѣ ключникъ Андрей разсказывалъ, что его Яша просто бредитъ Машиными уроками. До свѣта вскакиваетъ,—не опоздать бы «до барышни». Вотъ все не соберусь заглянуть къ тебѣ на уроки.

Маша молчала.

— Да,—продолжалъ Анатолій Павловичъ, развертывая сал-

фетку,—въ ея годы и я увлекался мечтами о народной школѣ. Но, каюсь, двухъ недѣль не выдержалъ: распустилъ ребятишекъ и сталъ заниматься съ двумя, тремя поспособнѣе. Тутъ мало знаній, мало доброй воли,—нужна техника, нужно быть до нѣкоторой степени ремесленникомъ...—Онъ говорилъ, прищуривая глазъ и дѣлая изящною рукою тотъ опредѣляющій жестъ, которымъ всегда подчеркивалъ излюбленныя мысли.

— А какъ же насчетъ того, что воспитанье—искусство и никоимъ образомъ не должно попадать въ руки ремесленника?—вмѣшался Хмаровъ, подзадоривая «принципала» имъ же недавно сказанными словами. Мари чуть замѣтно вспыхнула, но смотрѣла въ тарелку и ѣла.

— Совершенно вѣрно! Но развѣ наша народная школа воспитываетъ? На это у лучшей изъ нихъ не хватаетъ ни времени, ни средствъ, да и педагоговъ. Вы можете въ вашихъ школахъ, при настоящемъ положеніи дѣлъ, выучить молитвамъ, грамотѣ, счету; нафаршировать мозги не выѣзжавшимъ изъ Раздолья мальчуганамъ слонами, аэростатами, сѣверными сіяніями и землетрясеніями; но чѣмъ рутиннѣе (при такомъ положеніи школы, повторяю)—тѣмъ лучше. Дольше удержится. Оттого-то мнѣ и жаль, что Маша съ ея способностями, съ возможностью идти дальше, запряглась въ эту поденщину. Я предлагалъ ей пригласить учительницу, если ужъ школа въ Раздольѣ необходима. Могла бы руководить ходомъ дѣла, а сама продолжать серьезно заниматься...—Послѣднее относилось уже прямо къ Мари и звучало такъ, будто Одобаровъ повторяетъ свое предложеніе.

— Я и теперь занимаюсь,—неохотно отозвалась та; разговоръ ей видимо все больше не нравился. Анатолій Павловичъ махнулъ рукой.

— Гдѣ тамъ заниматься! На тебѣ отъ усталости лица нѣтъ послѣ уроковъ въ школѣ... А тебѣ столькому бы еще надо подучиться и читать серьезно. Потомъ, если у тебя ужъ призванье стать учительницею, свезъ бы я тебя заграницу, прослушали бы мы тамъ съ тобою нѣсколько общеобразовательныхъ курсовъ, объѣздили бы школы Швейцаріи, Германіи, побывали бы и въ Парижѣ...

Мари вдругъ рѣшительно положила руку на локоть дяди и проговорила сухо, видимо сдерживаясь:

— Оставимъ, дядя. Этотъ разговоръ у насъ никогда добромъ не кончается.

— Оставимъ!—легко сказать! Ты увлекаешься школою...—По губамъ Мари мелькнула усмѣшка.—Я понимаю это и радуюсь, что у тебя есть серьезный интересъ въ жизни. Прекрасно. Но, Маша, ты на школу эту растрачиваешь силы, годныя для лучшаго. Я обязанъ тебѣ открыть на это глаза. Въ

одинъ прекрасный день, когда ты увидишь, какъ жалки плоды этихъ твоихъ усилій,.. этихъ твоихъ насилій надъ собою, ты сама пожалѣешь...

— А-га! что?—вставилъ Хмаровъ въ сторону Мари. Та сдѣлала досадливый жестъ.

— Можетъ, изо всей жизни я одного этого не пожалѣю! Никогда!—проговорила она залпомъ, не обращаясь ни къ тому, ни къ другому.

Одобаровъ не унимался. Онъ долго говорилъ о томъ, что школу надо сперва создать по западнымъ образцамъ — всю систему школьную. Потомъ акклиматизировать ее на русской почвѣ и подготовить раціонально молодыя силы воспитателей. Воспитать самихъ учителей, взявъ ихъ по возможности изъ среды того же народа, чтобы связать эту будущую школу съ интересами крестьянина и фабричнаго, — поднять уровень понятій и требованій массы... Все это dü jour au lendemain *) не дѣлается. Пусть же пока лучшія силы и дарованія молодежи не мельчаютъ среди безплодной возни съ букварями и таблицею умноженія, а сосредоточиваются въ высшихъ культурныхъ группахъ, подготовляющихъ идеи, направляющихъ общественое мнѣніе, отвоевывающихъ благотворныя реформы. И не тяготиться этимъ привилегированнымъ положеніемъ,—а нужно пользоваться имъ... Хмаровъ не вмѣшивался въ споръ, но съ видимымъ интересомъ слѣдилъ за нимъ, не скрывая порой иронической усмѣшки.

— А пока,—перебила Маша,—пусть глохнутъ тѣ ростки просвѣщенія, которые насажены вами же, шестидесятниками?

— И вотъ всегда ты такъ!—вспылилъ Анатолій Павловичъ.—Развѣ я говорю: глохнутъ. Мало-ли выпускаютъ у насъ этихъ педагоговъ ремесленниковъ — мѣстъ не хватаетъ. Ну, и пускай поддерживаютъ грамоту.

— А большаго, значитъ, крестьянскимъ дѣтямъ не нужно?

— Ахъ, Боже мой! говорю же вѣдь *надо*, *надо*! И не однимъ крестьянскимъ дѣтямъ. Если все въ странѣ сведется на букварь.. въ странѣ, начинающей только жить, гдѣ такъ много непочатыхъ вопросовъ первой культурной необходимости...

— Твои-то «ремесленники» и сведутъ все на букварь въ народной школѣ...

— Но вѣдь, кромѣ народной школы, у насъ есть средняя и высшая школы, литература, наука...

Мари рѣшительно встала.

— Мнѣ давно пора къ «наукѣ», — проговорила она неудавшимся шутливымъ тономъ, за которымъ чувствовалась еле

---

*) Въ одинъ день.

сдерживаемая вспышка раздраженія. И, не глядя ни на кого, она поспѣшила выйти.

Одобаровъ, тоже сильно волнуясь, ходилъ взадъ и впередъ черезъ кабинетъ, столовую и переднюю.

— Отчего вы не поддержали Марью Ипполитовну, если, по вашему, Анатолій Павловичъ говорилъ вздоръ? — вдругъ вызывающе спросила Фреда доктора, благодушно курившаго за столомъ передъ чашкою кофе. Самой ей очень понравилось то, что говорилъ Одобаровъ, и ироническое отмалчиваніе Хмарова бѣсило ее. Хмаровъ выпустилъ струйку дыма и внимательно оглянулся на Фреду.

— Отчего же вздоръ?—проговорилъ онъ, смѣясь глазами.— Анатолій Павловичъ говорилъ очень милыя вещи. Нѣсколько фантастично... Ну-съ, а Марью Ипполитовну не поддержалъ оттого, что я съ нею не согласенъ.

— Но какъ же такъ? Если школъ не нужно...

— Помилуй Богъ! Такъ ужъ и не нужно! Я только про то, что Марьѣ Ипполитовнѣ не слѣдуетъ въ школу влѣзать, какъ она,—по ушки. А вы ужъ: и школъ не нужно! Да вы нигилистка, миссъ Фреда!

Фреду давно выводило изъ себя подшучиванье доктора. Она его охотно оборвала бы, но ей хотѣлось выпытать отвѣтъ.

— Отчего же, по вашему мнѣнію, m-lle Мари предназначена на что-то высшее?

— Что за высшее—просто другое.

— Что другое?

— Эхъ, миссъ Фреда, много будете знать, скоро состарѣетесь. Подумайте, пріятно-ли? Зубки перлы повывалятся, вмѣсто розъ и лилей на щечкахъ пергаментъ... Ну ихъ, всѣ эти «вопросы», право!

Онъ опять по своему усмѣхнулся и ушелъ.

Одобаровъ продолжалъ свою безпокойную прогулку изъ комнаты въ комнату. Потомъ, вдругъ, вспомнивъ Фреду, опять спросилъ ее, не скучаетъ-ли она, и предложилъ ей журналовъ. Фреда прошла за нимъ въ кабинетъ. Она не была еще здѣсь ни разу. Огромная комната, вся въ тѣни, только надъ письменнымъ столомъ яркій кругъ висячей лампы падаетъ на множество чертежей, исписанныхъ листовъ, безпорядочно раскрытыхъ книгъ. Книжные шкафы отъ потолка до пола; въ простѣнкахъ широкіе сафьяновые диваны; надъ ними дѣдовскіе портреты; одинъ изъ портретовъ, прямо напротивъ стола, задернутъ почему-то синей занавѣскою. Въ открытую дверь сосѣдней комнаты виднѣется верстакъ съ нагроможденными на немъ моделями машинъ, ретортами.

— Что вы смотрите?—сказалъ ей Одобаровъ.—Да, вотъ сижу здѣсь настоящимъ Фаустомъ. Неправда-ли? Недостаетъ только

чучела крокодила подъ потолкомъ, совъ и летучихъ мышей. А вѣдь, по совѣсти говоря, ne déplaise трескучему прогрессу нашихъ дней въ техникѣ, въ полезностяхъ,—далеко-ли мы ушли отъ Фаустовскаго: «Und sehe dass vir nichts vissen können?» *).

Анатолій Павловичъ задумался, прищурившись на огонь, потомъ заговорилъ съ каждымъ словомъ раздражительнѣе:

— Впрочемъ, вопросы такого рода остаются при насъ, старикахъ. До того ли нынѣшней молодежи, отряхнувшей прахъ всяческихъ «Grübelein» отъ ногъ своихъ! У нихъ всѣхъ нынче трезвые взгляды и аллюминіевы идеалы: ясно, просто, легковѣсно и..: блеститъ. У каждаго по великой миссіи за плечами! Куда ужъ тутъ оглядываться на то, чѣмъ болѣла душа человѣчества до нашихъ славныхъ дней?! Какъ можно читать царедворца Гете, который объѣдался трюфелями, не смущаясь тѣмъ, что Францъ и Михель кушаютъ одинъ картофель! А поразспроси ихъ хорошенько,—ничего-то они, кромѣ этого, про Гете и не знаютъ. Тѣ же, кто и зналъ, спѣшатъ вытряхнуть изъ головы такой компрометирующій хламъ... Еще бы! Писаревъ говоритъ... Бебель говоритъ!!..

Одобаровъ выкрикивалъ послѣднія фразы, задыхаясь. Толстая вена вздулась у него на лбу, по лицу пошли пятна румянца до синевы. И, вдругъ, замѣтивъ испуганный взглядъ своей собесѣдницы (Фреда вспомнила, что у него бываютъ какіе-то припадки),—онъ сталъ извиняться передъ нею. Ужъ эти нервы! Незамѣтно распускаешься за 10 лѣтъ отшельничества въ деревнѣ... Потомъ онъ ловко перевелъ рѣчь на новыя политическія каррикатуры и, подбирая нумера журнала, далъ понять дѣвушкѣ короткими паузами молчанія, что ей пора бы уже и уходить... «Развѣ съ мамзелями церемонятся?— мелькнуло въ головѣ Фреды,—всѣ отъ грубіяна Хмарова до высокоцивилизованнаго хозяина дома»...

Такъ и не удалось Фредѣ поймать мелькнувшій было передъ нею кончикъ нити, за который, быть можетъ, удалось бы размотать интриговавшій ее клубокъ отношеній между этими тремя людьми. Назавтра вернулись дамы, «волненіе страстей» опять притаилось за этикетомъ. И опять пошли нанизываться дни за днями, какъ зерна длинныхъ четокъ, всѣ безъ отмѣтинки.

Только гости вносили еще нѣкоторое разнообразіе; но гости бывали рѣдко. Усадьбы крупныхъ помѣщиковъ по зимамъ пустовали, а съ уѣзднымъ городомъ и мелкою сошкою, расплодившеюся за послѣднюю четверть вѣка въ округѣ, Раздолье, понятно, не водилось. Порой наѣзжали Черновъ и Негребовскій, два старыхъ пріятеля Анатолія Павловича. Оба убѣж-

*) „И вижу, что мы ничего знать не можемъ“.

денные «шестидесятники» и земцы стараго закала, они, въ противоположность Одобарову, давно уже устранившемуся отъ мѣстной общественной дѣятельности,—только теперь были выбиты изъ колеи реформою земства и введеніемъ въ губерніи института земскихъ начальниковъ. Серьезный и сдержанный Негребовскій только недавно сдалъ свой участокъ деревенскаго мирового судьи, гдѣ проработалъ лѣтъ 20, и видимо томился теперь—простымъ обывателемъ, не у дѣлъ. Озлобленный же сангвиникъ Черновъ, не безъ эффекта отказавшійся въ съѣздѣ отъ званія почетнаго мирового судьи, нѣтъ-нѣтъ поднималъ еще и вопросъ: не слѣдуетъ ли имъ обоимъ уйти и изъ гласныхъ? Но должно быть не такъ-то легко было порвать послѣднюю связь съ дѣломъ цѣлой жизни. Отсюда возникали ожесточенные споры, сильно возбуждавшіе и Анатолія Павловича, принципіально очень интересовавшагося всѣми этими вопросами, споры до крика, которые не всегда могло заморозить даже присутствіе Софьи Глѣбовны за столомъ.

Фреду на первыхъ порахъ подобные разговоры просто ошеломляли. Изъ своего полу-бюрократическаго, полу-артистическаго круга она вынесла смутныя понятія петербургской барышни о томъ, что такое земство, и краемъ уха слышала о какихъ-то реформахъ. Теперь же ея круглое невѣжество отводило ей мѣсто среди старшихъ дамъ, ровно ничего не смыслившихъ во всѣхъ этихъ вопросахъ, годами вокругъ нихъ волновавшихся. Это было очень обидно для самолюбія Фреды: не глупѣе же она въ самомъ дѣлѣ какой нибудь Мари, которая пишетъ съ ошибками по французски и ничего, кромѣ своего Раздолья, не видала? А между тѣмъ Мари живо и сознательно всѣмъ такимъ интересуется, и по ея лицу видно всегда, на чьей она сторонѣ, хотя она рѣдко вставляетъ свое застѣнчивое слово.

Фреда пыталась вслушиваться, но рѣшительно не могла взять въ толкъ, чѣмъ и почему мѣшаютъ другъ другу всѣ эти земскіе начальники, мировые судьи, члены по крестьянскимъ дѣламъ и исправники? Что это за съѣзды, сходы, положенія, недоимки и описи, такъ возбуждающіе страсти спорщиковъ? А когда немного начала понимать, то тѣмъ болѣе удивлялась горячему отношенію этихъ пожилыхъ, независимыхъ людей ко всякимъ школамъ, больницамъ, ссудамъ и т. д., лично для нихъ рѣшительно ненужнымъ. Просто манія какая-то впутываться въ жизнь народа, съ которымъ порвана даже связь крѣпостного права! Изъ-за чего, напр., Черновъ воюетъ до хрипоты въ училищномъ совѣтѣ и на сходахъ; мыкается, объѣзжая школы,—больной, на 6-мъ десяткѣ,—по всему уѣзду въ дрянномъ тарантасишкѣ, во всякую погоду... самъ же вѣчно недовольный тѣмъ малымъ, что этимъ достигается. И это вѣчное фронди-

рованіе противъ новаго порядка вещей, для дворянства выгоднаго,— сами же они говорятъ это... Что мѣшало имъ, наконецъ, давнымъ-давно бросить эти службы, вмѣсто денегъ и почестей всегда приносившія имъ однѣ непріятности? Вѣдь надо слышать, какъ рѣзко критикуютъ они ошибки этого неотболѣвшаго прошлаго; а стоитъ только Хмарову ввернуть свое равнодушное «не все ли единственно?»,—всѣ трое, какъ одинъ человѣкъ, ополчаются они на защиту этого прошлаго, его принциповъ, его заслугъ и его дѣятелей.

Случалось, впрочемъ, что и Хмаровъ (не говоря уже о Мари) вдругъ оказывался за одно со «стариками» противъ какого-нибудь общаго противника. Такъ, разъ пріѣхалъ одновременно съ обоими друзьями нѣкто Кольнеръ, обрусѣвшій нѣмецъ-помѣщикъ. Хмаровъ говорилъ, что онъ «мягко стелетъ, да жестко спать» и что у него чисто кошачьи пріемы прижимать должниковъ и рабочихъ-крестьянъ. Зашла рѣчь о зимнемъ наймѣ на уборку... Кольнеръ злорадно сообщилъ, что, теперь, слава Богу, недоразумѣнія между рабочими и экономіями будутъ разсматриваться земскими начальниками, а не «потатчиками мировыми»... Поднялась цѣлая буря. Правда, старый волкъ огрызался довольно небрежно, а во взглядѣ его мелькало торжество: «Кричите себѣ, кричите, друзья. Не бывать по вашему. Довольно-съ!»

Еще болѣе дружное негодованіе и отпоръ вызвали самоувѣренныя рѣчи одного изъ новыхъ земскихъ начальниковъ, Вильневскаго. Это былъ упитанный и весьма корректный молодой человѣкъ изъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Водворившись еще недавно въ имѣніи, онъ вмѣстѣ со своей маменькой-піэтисткой усердно занялся упорядоченіемъ народныхъ нравовъ посредствомъ твердаго авторитета и чайныхъ, приправленныхъ душеспасительными книжками. Въ первый же его визитъ Анатолій Павловичъ вполнѣ доброжелательно сталъ ему доказывать шаткость его пріемовъ «упорядоченія». Но скоро, возмущенный пренебрежительными отзывами о поголовномъ пьянствѣ и вороватости мужиковъ, разгорячился до забвенія своего утонченнаго гостепріимства. Энергично поддержали его и остальные. Вильневскій было даже надулся и долго не повторялъ визита; потомъ простилъ, хотя сталъ держаться исключительно общества дамъ.

Но постепенно, вслушиваясь въ эти дебаты за первое полугодіе своей жизни въ Раздольѣ, рискуя иногда вопросомъ, будто бы изъ любопытства,—Фреда начинала прозрѣвать во всѣхъ этихъ спорахъ и толкахъ нѣчто большее крикливаго задора плохо воспитанныхъ провинціаловъ, поглощенныхъ дрязгами своего Тараскона. Нѣчто, пожалуй, дающее «букетъ» даже жизни захолустной... Она сама теперь уже пыталась разбираться въ этой путаницѣ оттѣнковъ мнѣній, вдругъ, груп-

пировавшихся въ цѣлое, понятное даже ей въ общихъ чертахъ; пыталась оцѣнивать, кто изъ спорщиковъ болѣе правъ и кто меньше «фантазируетъ». Это оживляло ея настроеніе, незамѣтно выводило ея изъ унынія, одиночества. Но тѣмъ обиднѣе давало себя чувствовать ея положеніе «лица безъ рѣчей»... Тогда Фреда съ горечью принималась внушать себѣ, что гораздо лучше было бы ей заняться пріобрѣтеніемъ жениха, пока еще есть молодость и туалеты... хотя бы того же синьора Вильневскаго... Это было-бы гораздо умнѣе, чѣмъ ломать голову надъ краснобайствомъ этихъ высоко-гуманныхъ господъ, которые, кстати сказать, и вниманія-то обращаютъ на нее, мамзель, не больше, чѣмъ на всякую горничную, прислуживающую за столомъ...

IV.

Софья Глѣбовна совершала свой передъ-обѣденный моціонъ. Ровно въ половинѣ пятаго, когда всѣмъ ея домочадцамъ вмѣнялось въ обязанность заниматься туалетомъ къ обѣду, она доставала изъ китайскаго столика въ спальнѣ колоду картъ и переносила ее, карта за картою, на подзеркальникъ въ концѣ залы. Ей одѣваться къ обѣду не было надобности: никогда за весь день не сдвинется ни единый фестонъ ея пышныхъ, сѣдыхъ начесовъ подъ кружевнымъ чепцомъ, а платье она носила неизмѣнно черное шелковое — родъ вѣчнаго траура по незабвеннному супругу.

Сегодня, впрочемъ, тяжелый шлейфъ скользилъ за нею по паркету недостаточно плавно, а черезчуръ стройный для 70-ти лѣтъ станъ ея выпрямлялся чопорнѣе обыкновеннаго. Софья Глѣбовна была не въ духѣ. Отвратительный мартовскій день сѣялъ мелкимъ дождичкомъ надъ оголеннымъ паркомъ, и въ домѣ водворялась полутьма раннихъ сумерекъ. Но не одна погода дурно вліяла на настроеніе хозяйки: только вчера вернулась изъ N-ска эта безумная Лариса, завеселившаяся тамъ до забвенія распутицы. Разумѣется, загнала лошадь, лучшую изъ сѣрой четверки; промотала 500 рублей, всѣ порученія исполнила кое-какъ... счастлива и довольна.

Дѣйствительно, виноватая зажигала въ эту минуту свѣчи передъ трюмо въ спальнѣ и, напѣвая, стала охарашивать на себѣ расшитую яркими шелками мантилію. Мать стояла и глядѣла на нее, поджавъ губы надъ вставными зубами и вертя на пальцѣ старинный перстень съ изумрудомъ —признакъ того, что барометръ настроенія Софьи Глѣбовны падаетъ.

— Цыганка-цыганкой!—замѣтила она презрительно.

— Ахъ, maman! И вѣчно вы право!—обидѣлась Лариса.

Павловна.—M-me Justin нарочно для меня выписала это мантелэ изъ Парижа. Оно очень идетъ къ моему типу un peu oriental...

— Да ты на себя оглянись, мать моя: бабѣ 50 лѣтъ...

— И вовсе не 50, а только 48! Притомъ всѣ находятъ, что я удивительно сохранилась. Даже Ипполитъ...

Блѣдные глаза Софьи Глѣбовны блеснули подъ припухшими вѣками, расплывчатыя черты, обыкновенно симулировавшія старческое благодушіе, стянулись въ очень опредѣленный обликъ торжествующей мегеры.

— Такъ Ипполита, значитъ, видѣла?! Зачѣмъ же лжёшь?..

Лариса Павловна на мгновеніе сконфузилась, струсила; потомъ, съ капризною минкою когда-то хорошенькой женщины, протянула:—ну такъ что-жъ?...

— Поди ручки опять лизалъ? Денегъ много выклянчилъ?

— Ахъ, maman, вѣдь мужъ!

— Молчи! И знай ты: больше гроша въ руки не получишь. Довольно вы съ супругомъ намотали...

— Кушать пожалуйте,—доложилъ Семенъ въ дверяхъ.

Лариса всхлипнула, идя за матерью:—«Что за жизнь право, что за жизнь! Утромъ Мари ей нагрубила... И за что? Мать позвала ее примѣрить новое платье. Скажите, какія государственныя занятія—эта школа! Оторвать не смѣй: прибѣжала фуріей, хлопнула дверью и ушла... Теперь опять ни за что—сцена. Какъ тутъ не рваться вонъ изъ дому?!»

Софья Глѣбовна окинула придирчивымъ взглядомъ сервировку и всѣхъ собравшихся къ обѣду. Мари разговаривала съ Хмаровымъ, поодаль отъ Анатолія Павловича, который объяснялъ какое-то приспособленіе Фредѣ и Ритѣ, съ помощью двухъ стакановъ, ножа и подставки. Рита, въ одной изъ своихъ граціозныхъ позъ, обнимала Фреду и звонко смѣялась. Издали ее можно было дѣйствительно принять за молоденькую барышню по туалету и юношеской гибкости движеній; но тѣмъ болѣе увядшимъ казалось вблизи ея лицо, которому наивные и кроткіе глаза придавали жалобное и вмѣстѣ смѣшное выраженіе. Теперь, рядомъ со свѣженькою, чуть чуть улыбающейся Фредою видъ у нея былъ совсѣмъ каррикатурный. Перстень на пальцѣ maman завертѣлся еще быстрѣе.

Сѣли за столъ. Мари была особенно блѣдна сегодня: края вѣкъ у нея покраснѣли, кое какъ причесанные волосы были влажны. Мать приставала къ ней, отчего она такая, ничего не ѣстъ? «Голова болитъ», былъ короткій отвѣтъ. Въ концѣ обѣда Лариса Павловна натащила кучу коробокъ и коробочекъ съ конфектами всякихъ сортовъ и принялась угощать. Видя, что Мари не взяла ни одной, мать опять привязалась къ ней:

— Вотъ прелестный каштанъ. Скушай, petite. Ну, для

меня, пожалуйста! Ужъ здорова-ли ты? Какъ можно выходить въ такую погоду! Ну, милочка,—хоть ломтикъ ананаса.

Лицо Мари изъ блѣднаго стало сѣрымъ, губы дрожали, пальцы комкали подъ столомъ салфетку.

— Ахъ, Лара!—протянула бабушка тономъ, обыкновенно доводившимъ Мари до дерзостей,—и охота тебѣ уговаривать ее, мой другъ? Въ наше время капризныхъ дѣтей оставляли безъ пирожнаго... Нѣтъ, нѣтъ, petite, я шучу... Кушай себѣ на здоровье и помни, что главное украшеніе благовоспитанной молодой дѣвушки—c'est une humeur toujours égale et enjouée... *).

Но тутъ произошло нѣчто неожиданное. Мари вскочила, какъ подъ ударомъ хлыста, и, сверкая своими красивыми глазами, съ судорожно измѣнившимся лицомъ, она крикнула не своимъ голосомъ:

— Оставьте вы меня въ покоѣ съ вашими ананасами, шелковыми платьями... моралью! Тутъ рядомъ, въ хатѣ голодныя дѣти... Варвара умираетъ одна въ чахоткѣ... Крыша надъ головою раскрытая, течетъ...

— Мари!!—Marie, vous êtes folle!!—Маша, голубчикъ, успокойся!—Но Мари выдернула руку у дяди, пытавшагося усадить ее.

— Есть отъ чего съ ума сойти... Тутъ, въ двухъ шагахъ! Вамъ дѣла нѣтъ... А я видѣла и не могу... не могу!

Рѣзкимъ движеніемъ отодвинувъ стулъ такъ, что онъ съ грохотомъ опрокинулся, она выбѣжала изъ комнаты и заперлась у себя наверху. Напрасно дядя просилъ ее впустить его, она не отворила; быть можетъ, не слыхала даже, потому что черезъ дверь до него доносились глухо рыданія, которыми разразилась вспышка дѣвушки.

Только гораздо позднѣе подняла Маша отяжелѣвшую голову и высунулась въ форточку горячимъ лицомъ. Опять прорвалось! Вѣдь это ужасно быть вѣчно во власти больныхъ нервовъ... И *это*—ихъ наслѣдіе, родныхъ-мучителей. Быть къ нимъ прикованной,—лгать, подличать, покоряться съ ненавистью... когда всѣми помыслами рвешься на волю—къ любви, правдѣ, труду, чтобы жить честно, не на *ихъ* позорныя деньги... Никогда этому не бывать... Слабонервная, истеричка!.. А когда такъ—лучше не жить!—И желаніе умереть не впервые уже прокралось въ Машины мысли...

Вдругъ, протяжный, надтреснутый звукъ церковнаго колокола расплылся въ сыромъ воздухѣ, еще и еще... «По душѣ звонятъ»—пробормотала дѣвушка и отшатнулась отъ форточки. Звонъ билъ ей въ голову, точно этотъ мѣдный голосъ, возвѣщавшій о покойникѣ на селѣ, гудѣлъ у нея въ мозгу.

*) Всегда ровное и веселое расположеніе духа.

— Это вѣрно по Варварѣ?..

Маша стояла, вся вздрагивая. «Ужъ постарайтесь, барышня, яблочекъ сушеныхъ... горсточку. Мамка узварцу сваритъ... кисленькаго»... слышится ей задыхающійся шопотъ чахоточной. Въ искаженныхъ уже агоніей чертахъ, въ тускломъ взглядѣ—эта мольба о «кисленькомъ» теплится послѣднею искоркою жизни...

Дождалась Варвара! Барышня «постаралась!!» Она вмѣсто того сцены устраиваетъ, стра-да-етъ! О, мерзкая эгоистка!— Маша метнулась по комнатѣ, захватила узелокъ съ сушеными яблоками и, накинувъ пледъ, бросилась внизъ по черной лѣстницѣ. Выбѣжала и остановилась, прислонившись къ колоннѣ подъѣзда. «Куда? Теперь ужъ поздно... Не надо! Могла — и пустяка такого не сдѣлала! Какая гадость, какая гадость!»— Дождь моросилъ ей въ лицо, Маша стояла, вглядываясь въ темноту... Что-то теплое и мокрое тронуло ей руку—возлѣ нея терся большой ея другъ, дядинъ сетеръ Луксъ. Она оттолкнула собаку и сама, какъ побитая, побрела назадъ, къ себѣ въ комнату.

Внизу, послѣ ухода Мари, произошла довольно продолжительная нѣмая сцена. Софья Глѣбовна сидѣла, откинувшись на высокую спинку кресла, съ видомъ разгнѣванной королевы; Рита безпомощно озиралась со слезами на глазахъ; Хмаровъ насупился, всталъ и ушелъ. Лариса, глупо путаясь, стала извиняться за дочь... Тогда Софья Глѣбовна величаво поднялась съ мѣста и молча, торжественно прослѣдовала въ гостиную.

Весь вечеръ тамъ шептались и еле двигались, какъ въ комнатѣ трудно-больного. Сама Софья Глѣбовна сперва долго молчала въ глубинѣ своего вольтеровскаго кресла, прикрывъ глаза рукою. Потомъ зажурчали, переходя въ болѣе трагическій тонъ, упреки молодому поколѣнію. Упреки за бездушіе, неблагодарность, упадокъ всѣхъ возвышенныхъ, святыхъ чувствъ: ни религіи, ни нравственности! Представительницы молодого поколѣнія, Рита и Фреда, выслушивали эти обвиненія (за отсутствіемъ Мари), не поднимая глазъ отъ вышиванья,— Рита—глотая слезы, Фреда съ разгорѣвшимися щеками.

Сцена въ столовой глубоко потрясла ее: «Неужто это все правда—что Мари сказала?» думала она, и холодокъ пробѣгалъ у нея по плечамъ; она поднимала руку и проводила ею по лицу, какъ будто ее забрызгало грязью, и она только теперь, вдругъ, увидала это въ зеркало. Ларисины конфекты торчали въ горлѣ. Отчего? Будетъ ли она, жалкая мамзель, со своими 300 р. въ годъ, ѣсть шоколадъ или нѣтъ,—что отъ этого Варварѣ, умирающей «на голыхъ доскахъ» гдѣ то тутъ... близко? Въ одной изъ этихъ хатъ, должно быть заваленныхъ снѣгомъ

и навозомъ, тамъ, на деревенской улицѣ, по которой двигаются дровни, запряженныя шаршавами лошаденками, и людскія фигуры въ овчинахъ.

До сихъ поръ все это было, для Фреды лишь декораціей скучной раздольевской зимы: какое ей могло быть дѣло до этого сѣраго, чужого народа, ей, полуиностранкѣ, случайно и поневолѣ заброшенной сюда? А вотъ же мутитъ ее чувство какой-то тревоги, хочется въ чемъ-то оправдаться, пойти къ Мари: разспросить ее, сказать ей... Что? Фреда сама не знала еще... Но, при первой возможности исчезнуть изъ гостиной, она стояла у запертой двери Марьи Ипполитовны. Постучала разъ другой... Тихо, хотя въ щель виденъ свѣтъ. Фреда хотѣла было уже уходить, когда Мари съ сердцемъ распахнула дверь.

— Ну, что еще такое? — крикнула она. — Что вамъ отъ меня нужно? Парламентеромъ отъ бабушки? Можете ей сказать, что нашли меня въ припадкѣ бѣшенства или въ покаянныхъ слезахъ... Все, что угодно, только оставьте, оставьте меня всѣ въ покоѣ!..

Она не впускала Фреду, но та рѣшительно не дала ей притворить дверь.

— Я сама пришла... мнѣ очень, очень нужно поговорить съ вами, m-lle Мари...

Она заговорила сбивчиво; Мари стояла сумрачно у стола и ждала; но, по мѣрѣ того, какъ лицо ея смягчалось, Фреда стала разспрашивать храбрѣе.

— Вы хотите знать, что дальше будетъ съ варвариной семьей?—заговорила, странно усмѣхаясь, Мари.—А вотъ что: варваринъ мужъ, съ которымъ она 14 лѣтъ душа въ душу прожила, черезъ 6 недѣль женится. На комъ попало: хорошая въ такую бѣдноту, на такую кучу дѣтей, не пойдетъ. Старшихъ дѣвочекъ распихаютъ въ люди нянъками, малыши будутъ дома терпѣть колотушки впроголодь. Старую варварину мать станутъ поѣдомъ ѣсть, что смерти на нее нѣтъ, понятно—лишній ротъ!.. Чего ужъ лучше: сама Варвара горевала, что дотянула до поста: теперь не вѣнчаютъ ужъ, а какъ двору быть безъ бабы? Скоро весна, праздники... Даже сосѣди, видите-ли, попрекаютъ, что она ни умираетъ, ни оживаетъ... только мужа связываетъ...

— Но это ужъ варварство!—вырвалось у Фреды.

— Варварство? да... Чтожъ дѣлать?.. Помните, можетъ, у Некрасова: «Есть въ мірѣ царь, этотъ царь безпощаденъ. Голодъ—названье ему»...

Мари вздрогнула, потомъ присѣла къ столу и, потирая глаза ладонями, точно очень, очень устала,—заговорила съ паузами:

— Варварство! подите, скажите имъ это... вамъ въ отвѣтъ

скажутъ: «Развѣ у насъ по пански»... Да такъ скажутъ, что впору сквозь землю провалиться.

— Но не можетъ быть, чтобы всѣ... чтобы у всѣхъ такая нужда?..

— Нѣтъ, разумѣется... Варваринъ дворъ изъ бѣдныхъ. Но попробуйте день прожить въ самой зажиточной хатѣ — ихъ восемь или десять на 200 дворовъ въ Раздольѣ. А большинство—вотъ послушайте!

Мари достала растрепанную тетрадку и закидала Фреду подробностями. Прошлымъ лѣтомъ пропали отъ засухи травы, озимое и овощи. Больше половины дворовъ еще съ осени продали корову, многіе—весь скотъ. Хлѣба своего нѣтъ ни у кого уже, а покупать? Какіе зимою заработки? Ѣдятъ картофель да грубый ячневый хлѣбъ, отъ котораго и у здоровыхъ натираются на небѣ язвы. Больные давятся или... голодаютъ. Вотъ у Лабодкиныхъ старикъ... На дняхъ у Деминыхъ...

Мари перелистывала тетрадку, глаза ея лихорадочно свѣтились, губы и брови вздрагивали: передъ нею эти бѣглыя замѣтки карандашемъ всплывали живыми сценами. А Фреду этотъ градъ именъ, цифръ, фактиковъ совершенно ей чуждой жизни больше ошеломлялъ, чѣмъ трогалъ. Сама Мари опять заслонила все это передъ нею. Фреда оглядывала ея комнату, пустую и маленькую, какъ келія. Ни бездѣлушки, ни портрета; на столѣ баночка чернилъ, перо, стопка школьныхъ тетрадей; много книгъ въ безпорядкѣ на комодѣ; два стула, да низкая желѣзная кровать. Постель смята — вѣрно Мари пролежала весь вечеръ; глядитъ она, несмотря на возбужденіе, совсѣмъ изнеможенной: въ нѣсколько часовъ черты даже обострились. И говоритъ, говоритъ эта вѣчная молчальница... Что-то Ларисино вдругъ проступаетъ въ ея миломъ лицѣ, совсѣмъ не похожемъ на мать. Фредѣ даже немножко жутко вдвоемъ наверху съ этою странною дѣвушкой.

— Неужели же нельзя помочь?—робко отозвалась она наконецъ.

— Помочь?—Мари оглянулась на нее, словно очнувшись, встала, прошлась по комнатѣ и легла на кровать, закинувъ руки за голову. — Помочь нельзя! — отрѣзала она холодно и замолчала, глядя въ потолокъ.

— Но вотъ вашъ дядя... онъ такой добрый... устроилъ имъ больницу, гдѣ m-r Хмаровъ...

— А бабушка тоже добрая: раздаетъ зимою задатки подъ лѣтнія работы. Когда деньги до зарѣзу нужны... копѣйки выжимаютъ со своимъ Доменикомъ (управляющій, знаете?) Экономія въ 8 тысячъ десятинъ — надо же обезпечить «рабочія руки»... Да, кстати, и грубому мужичью дать случай проявить добрыя чувства—убрать за полцѣны notre récolte...

Мари приподнялась на локтѣ и передразнила слащавый бабушкинъ тонъ.

— А дядя? Развѣ онъ вспомнитъ завтра, что говорилъ вчера! Вотъ хоть бы этой осенью, когда стало видно, что годъ очень плохой... Предложилъ онъ мнѣ открыть даровую чайную на деревнѣ для стариковъ и дѣтей. Конечно, одинъ вздоръ бы вышелъ, но развѣ можно отказаться? Хоть что нибудь... А вышло... что у насъ всегда выходитъ. Домеликъ нашепталъ бабушкѣ, та устроила сцену мамѣ и дядѣ. «Еще что за выдумки! Мари и безъ того на деревнѣ пропадаетъ! Не допущу, чтобы внучку Павла Одобарова увезли съ жандармами!» и т. д. Съ мамой истерика, дядя — отъ одной къ другой... Маша, такая-сякая умница, обождемъ .. Вотъ я и жду!..

— Миссъ Фреда! Миссъ Фреда! Мари! Боже мой... кто нибудь!—вопила на лѣстницѣ Лариса. Маша вскочила, вся дрожа.

— Идите, ради Бога идите! Не то она сюда ворвется... А я не могу, не могу...—почти со стономъ вырвалось у нея. Ключъ щелкнулъ за Фредой.

— Что вы тутъ пропадаете? — набросилась на нее Лариса Павловна въ темнотѣ.—Maman дурно, никого не дозовусь... Гдѣ ея флаконъ? Велите поставить самоваръ! Пошлите за Хмаровымъ!

Фреда, спускаясь съ лѣстницы, слышала, какъ Лариса колотила въ Машину дверь и кричала на всѣ голоса. «Мари, Мари! Petite mère se meurt! Voyons, descendez vite faire vos excuses *). Такія страданія—камень могли бы тронуть!..

Оказалось, что Софья Глѣбовна, не дождавшись во весь вечеръ, чтобы внучка явилась съ повинной, сочла нужнымъ закончить инцидентъ однимъ изъ своихъ таинственныхъ припадковъ. Притащили заспаннаго Хмарова, всю ночь домъ былъ на ногахъ; весь слѣдующій день всѣ ходили на цыпочкахъ. Только Хмаровъ довольно безцеремонно посмѣивался себѣ въ бороду; а когда ему надоѣло, что его поминутно зовутъ, строжайше предписалъ больной «абсолютный покой», и самъ куда-то исчезъ.

Послѣ-завтра все вошло въ колею, хотя прощенья у бабушки Мари не попросила..

V.

Мягкій по весеннему день кутался въ прозрачные испаренія, сквозь которыя краснѣли вербы, всѣ въ барашкахъ; повсюду лежалъ еще снѣгъ, но вода пропитывала его съ часу на часъ. Что-то легкое, звонкое въ воздухѣ; люди закопошились по дворамъ, дѣти повысыпали изъ хатъ; воробьи не знаютъ угомону, пригрѣтые матовымъ солнцемъ.

*) Бабушка умираетъ! Скорѣе иди, извинись передъ нею!

Повеселѣе было сегодня и лицо у Маши, которая пробиралась по деревенской улицѣ, проваливаясь въ рыхломъ снѣгу. Она вошла въ дряхлую, кривобокую хатенку, выглядывавшую однимъ оконцемъ. Въ разоренномъ дворѣ пусто; пусто и черно въ хатѣ. Дѣвочка лѣтъ пятнадцати поднялась навстрѣчу барышнѣ; глаза ея были красны, лицо вяло и изнурено.

— Гдѣ же у васъ всѣ? — удивленно спросила Маша.

— Мамка на печи. Стихла.

— Горячка у нея?

— А кто-е зна- етъ.

— А дѣти? Батька?

— Батька померъ.

— Давно?

— Вчора заховали.

— Что же это никто не пришелъ сказаться во дворъ, доктору?

Дѣвочка молчала. Еле добилась отъ нея Маша, что она все одна съ больными, которые бредятъ, лѣзутъ съ печи — бросить нельзя. Сосѣди боятся заразы. А въ хатѣ три дня не топлено: староста не велитъ: печь заваливается, страшно пожара. Да и топить нечѣмъ. Нѣтъ больше ни хлѣба, ни грошей. Они безземельные, бывшіе дворовые. Мать ходила во дворъ стирать, тѣмъ зимою только и перебивались.

Дѣвочка отвѣчала нехотя, равнодушно, видимо въ конецъ выбившись изъ силъ. Раздался отчаянный дѣтскій крикъ. Маша раскуталась и полѣзла на печь. Въ полутьмѣ ей попалась горячая рученка, потомъ заскорузлая нога больной. Мало-по-малу Маша разсмотрѣла среди тряпья, на голой глинѣ, разметавшагося въ жару мальчика, неподвижную, какъ покойница, женщину, а у ея груди, высохшей и пустой, между двумя тифозными, годовалаго ребенка, который то пробовалъ сосать, то откидывался, синѣя отъ голоднаго крика. Маша взяла его и, сквозь вопли мальца, попробовала втолковать Настѣ, что дитяти нехорошо быть съ больными, что она скоро пришлетъ ему молока и доктора пришлетъ... Дѣвочка слушала, моргая; а, когда барышня ушла, положила ребенка обратно на печь и сѣла, тупо уставившись въ уголъ.

Машѣ сказали, что Хмаровъ черезъ три двора у больныхъ. Она зашла туда. Въ этой хатѣ нѣсколько тифозныхъ лежало въ повалку—кто на печкѣ, кто на лавкѣ, кто просто на землѣ. Больные охали, бредили, одинъ непрерывно кашлялъ; новорожденный ягненокъ метался подъ ногами и блеялъ такъ, что въ ушахъ трещало; насыщенный вонью воздухъ бралъ за горло.

— Напрасно вы по тифознымъ ходите, Марья Ипполи-

товна,—сказалъ, выходя съ нею вмѣстѣ, Хмаровъ,—сами еще заразитесь.

Она не отозвалась: сердце сжало ей клещами, лицо жгло; понурившись и не разбирая, куда ступаетъ, шла она дальше. Ей нужно было еще сдѣлать перевязку полуслѣпому мальчику, на неряху-мать котораго нельзя было положиться. Тутъ въ хатѣ, промежъ кучи дѣтей толкался теленокъ, подъ лавками сидѣла на яйцахъ птица, а въ углу работалъ деревенскій сапожникъ. Воздухъ былъ, и безъ больныхъ, еще болѣе промозглый. На совѣтъ Маши, хоть временемъ бы отворять дверь во дворъ, растрепанная и угрюмая баба возразила, что и безъ того топить нечѣмъ,—станетъ она послѣднее тепло выпускать...

— И грязь у тебя, Марфа, — не утерпѣла замѣтить барышня,—дѣти вонъ совсѣмъ запаршивѣли... Рыбій жиръ даешь? — оборвала она сама себя, зная впередъ, что сейчасъ Марфа примется жаловатья, что ей, самой въ удушьѣ, одной не разорваться на всѣхъ; а что въ хатѣ, гдѣ цѣлую зиму заперто 8 душъ семьи съ телятами, ягнятами и курами, нельзя быть чистотѣ и «легкому духу»...

Отсюда Маша побрела на другой порядокъ — провѣдать давно хворавшаго ученика. Ей навстрѣчу вылѣзла изъ-за станка пожилая баба съ юркими глазами. У этой въ хатѣ было все опрятно, даже пріукрашено картинками, хотя уборъ былъ изъ небогатыхъ. На лежанкѣ, кутаясь въ свиту, сидѣлъ больной мальчикъ и кашлялъ; свѣсивъ къ нему ноги съ печи, дѣвочка поменьше съ любопытствомъ смотрѣла на принесенный барышней свертокъ съ чаемъ, сахаромъ и булкой. Маша принесла и книжку; пока она разговаривала со школьникомъ, мать завела ноющую рѣчь о томъ, какое разоренье нынѣшняя зима: вотъ продали корову, а теперь поди, купи ее! И, вдругъ, опустившись на колѣни, съ земными поклонами и причитаньями на старый крѣпостной ладъ, стала выпрашивать у барышни хоть рублишекъ пять на «коровенку». Хотя рѣдкое посѣщеніе Маши сюда обходится безъ подобныхъ сценъ, но Маша знаетъ, до какой степени нужна бы «коровенка» здѣсь, какъ нужна она и во многихъ, многихъ дворахъ Раздолья... а ей негдѣ, негдѣ взять даже этихъ «пяти рублишекъ!» Нервно поднимаетъ она Орину; съ невольною злостью на себя и на нее выдавливаетъ слова отказа, подъ вдумчивымъ взглядомъ большеглазаго мальчика, въ которомъ ей чудится упрекъ и матери, и ей, «доброй барышнѣ», и спѣшитъ вонъ. «Хоть у барина похлопочите»... шлетъ ей Орина въ слѣдъ.

На обратномъ пути Машу перехватываетъ еще бабка Егориха съ просьбою «поклопотать у барина» насчетъ возика соломы; а дальше Прасковья Грохотова зазываетъ ее взглянуть на захворавшаго мужа: ужъ не горячка-ли? Помретъ—всѣмъ

пропадать — пятеро дѣтей, дѣдъ старый... Они тоже прежніе дворовые, безъ надѣла; даже хату свою продали — собрались было на Кубань прошлымъ лѣтомъ; — люди изъ милости пустили жить. Маша украдкою оглядываетъ эту голую, *чужую* хату — она знаетъ, что Прасковьѣ обиденъ этотъ взглядъ. Жалуется Прасковья отрывисто, сердито — видно ужъ не въ моготу стало со страху за мужа, свернувшагося въ ознобѣ подъ тулупомъ. И Маша всячески оттягиваетъ предложить молока и крупъ для больного, зная, что Прасковьѣ (какъ большинству крестьянъ — Оринъ немного) ножъ вострый — идти за подачкою на барскій дворъ. Сколько натерпишься попрековъ отъ ключника, молочницы — всякому встрѣчному потомъ въ глаза глядѣть совѣстно. А попадись только управителю на глаза, такъ и огрѣетъ, — на весь дворъ крикнетъ: «Что волочешь? Попрошайка!» Даже старая няня, которая сама выхлопочетъ всегда для Машиныхъ больныхъ, что надо, и та не упуститъ случая поворчать: «Не пьянствовали-бы да не лодырничали, до такого себя-бы не доводили»...

Все это знаетъ Маша слишкомъ хорошо и робко предлагаетъ гордой Прасковьѣ помощь; та, срывая зло на ребятишкахъ, что толкутся подъ ногами, захватываетъ кувшинъ и мѣшокъ. И идутъ онѣ обѣ рядомъ, молча, — баба черезъ всѣ униженія добывать этотъ гарнецъ пшена, чайку, сахарку для больного; барышня — выпрашивать эти «возики соломки» и «пудики муки», какъ исполненія каприза своего, у баловника-дяди... гуманнаго дяди, не позаботившагося объ этой полусотнѣ семей «дворовыхъ», теперь полунищихъ... Подальше забѣжать бы отъ всего этого, уткнуться головою въ сугробъ, ничего не видать, не слыхать!.. Она такъ устала, *вся* устала! Злоба и жалость, безсильная жалость рвутъ сердце...

И вмѣсто того, чтобъ идти въ домъ, Маша поворачиваетъ во флигель, гдѣ помѣщается пріемный покой, устроенный по ея настоянію, и живетъ докторъ. Въ большой, пустой комнатѣ съ полками для лекарствъ по стѣнамъ, сидѣлъ Хмаровъ и развѣшивалъ какіе-то порошки. Онъ бѣгло оглянулся на вошедшую дѣвушку и продолжалъ работу. Маша присѣла на табуретъ къ столу, не раздѣваясь, и тоже молчала.

— Что, въ лоскъ уходились, Марья Ипполитовна? — проговорилъ докторъ, опять взглядывая ей въ лицо. — Дарма, милый человѣкъ, дарма!

— Что же мнѣ «не дарма» — сольфеджи съ Ритой распѣвать или въ дядей то физикой, то Шекспиромъ заниматься?!

— Сами знаете, что я не про то... Вы бы въ зеркало на себя поглядѣли... Что это за подвижничество? А? Вродѣ блаженной памяти перетаскиванья горы песку съ одного мѣста на другое горсточкою?

У Маши блеснуло въ затуманенныхъ глазахъ. — А если каждая песчинка живая? Мучается, бьется... И можешь помочь, хоть мало... хоть что-нибудь!..—Въ ея голосѣ уже чувствовались слезы.

— На одинъ день, Марья Ипполитовна.

— Пусть! Хоть на это годна!.. Гдѣ ужъ мнѣ больше?..

— Вздоръ! Разумѣется, если вотъ этакъ ежедневно «исходить слезами», съ вашимъ-то здоровьемъ...

— Малодушествуете, Марья Ипполитовна?—сказалъ за ея спиною Николай.

Дѣвушка съ живостью обернулась къ нему, и трогательнымъ, искреннимъ восклицаніемъ у нея вырвалось:

— И вы тоже?!

— Давай-ка, братъ, хорошенько проберемъ ее,—сказалъ весело Хмаровъ, здороваясь съ Николаемъ.

— Не тебѣ пробирать,—сухо отозвался механикъ.

— Это отчего?

— Оттого, что и самъ ты, очертя голову, прешь по бездорожью.

— Не скажи. Еслибъ поменьше вашего брата умниковъ-осторожниковъ, черезъ часъ по ложкѣ... Ужъ не отъ вашей же, прости Господи, копотни ожидать удачи!

Споръ разгорался. Однако, Николай часто оглядывался на Марью Ипполитовну и, наконецъ, спросилъ:

— Чего вы такая? Не слушаете, молчите...

Она стала ему разсказывать про все деревенское, про Настю и Прасковью. Лицо ея сразу ожило, какъ у человѣка, который заговорилъ въ тревогѣ за очень ему близкое. Николай, нахмурившись, ходилъ изъ угла въ уголъ. Маша знала, что онъ думаетъ сейчасъ нѣчто похожее на то, въ чемъ только-что упрекалъ ее Хмаровъ: о ея нервахъ, о «пересолѣ доброты» и «копотнѣ...» И, оборвавъ свой разсказъ, она запальчиво высказала ему это.

— Господи,—говорила она, все больше и больше волнуясь,—вы, кажется, оба воображаете, что я возвожу эту милостыньку въ великое дѣло? Кажется, оба вы съ Викторомъ Даниловичемъ постарались достаточно, чтобы развѣять всякія мои иллюзіи на этотъ счетъ...

— Вы какъ будто сожалѣете объ этихъ улетучившихся иллюзіяхъ?—сквозь зубы буркнулъ Николай.

— Иллюзіи даютъ силу работать и не падать духомъ,—выговорила дѣвушка сухо и отвернулась къ окну.

— Ужъ будто однѣ иллюзіи, Марья Ипполитовна? Соблаговолите замѣтить, что этакъ и назадъ, въ болото, не долго угодить.

Маша, не оборачиваясь, дернула плечомъ:

— Я сама болотная!

Николай взялъ шапку и вышелъ, хлопнувъ дверью гораздо сильнѣе, чѣмъ требовалось, чтобы ее затворить.

Въ аптекѣ молчали. Хмаровъ досталъ съ полки другую банку и опять углубился въ развѣшиванье, насвистывая потихоньку: «Тай журила-жъ мене маты».

— Марья Ипполитовна, а Марья Ипполитовна!—окликнулъ онъ дѣвушку, минутъ пять спустя,—это вы ему что же—на зло?

Она молчала, упрямо потупившись, но губы ея видимо дрожали.

— Ужъ нечего, нечего! Неблагородно оно насчетъ иллюзій вышло... по бабьи. Сами на себя теперь, поди, въ претензіи... Да вонъ онъ назадъ идетъ, Николашка. Сердце-то, видно, не камень.

— Я забылъ взять газеты. За ними и приходилъ,—сумрачно обратился къ нему Николай.

— Сейчасъ соберу.—И Хмаровъ ушелъ на свою половину, черезъ сѣни.

Марья Ипполитовна продолжала стоять, полуотвернувшись къ окну. Николай сѣлъ на мѣсто Хмарова и занялся брошенными имъ аптечными вѣсками.

— Вы на меня сердитесь?—спросилъ онъ, наконецъ, не глядя на дѣвушку.

Она, выпрямившись, обѣими руками сдвинула со лба шапочку и выбившіеся на лобъ волосы.

— Ахъ, будто въ этомъ дѣло!—тоскливо пробормотала она. Потомъ, оживляясь и краснѣя, она заговорила, съ разстановками, видимо сама вдумываясь въ свои слова.

— Ну, хорошо! Допустимъ, я послушаюсь: окопаюсь, замурую отъ всего этого... (понемножку я не могу!). Ну, а потомъ? Научившись, начитавшись... даже поздоровѣвши... опять вѣдь туда же, въ эту муку! Будетъ *себѣ* свобода, *себѣ* работа по душѣ... а на глазахъ все то же: *ихъ* страданія... несправедливости... И то же безсиліе! Не могу я утѣшаться тѣмъ, что черезъ сотни лѣтъ...

— *Я* не могу, *мнѣ* больно,—повторилъ ея тономъ, но серьезно, безъ всякаго уже зла Николай.—Сейчасъ вы вотъ сами сказали: и хорошо сказали—не въ томъ дѣло. Кромѣ нашего съ вами страданья и даже страданья Прасковьи и Насти, сегодня, завтра... есть и еще кое-что посущественнѣе... Вонъ вы себя за книжку присадить не можете, а куда хватили: начитавшись! У васъ, вѣдь, Зиберовскія статьи больше мѣсяца валяются...

— Онѣ могутъ подождать. А Прасковьи, Насти...

Николай отшвырнулъ вѣски и уставился на нее въ упоръ

рѣзко заблестѣвшими, черными глазами. Въ этомъ движеніи и взглядѣ, въ энергичномъ до жесткости выраженіи его рта было то, чѣмъ его бабушка, старая няня Алена Никаноровна, заставляла всѣхъ, до Софьи Глѣбовны, принимать свою волю, разъ она ставила свой ультиматумъ. Но Маша, закусивши удила, не сморгнула передъ внукомъ, какъ бывало бравировала гнѣвъ бабушки, вынянчившей и ее.

— Ну да! я знаю,—не дала она ему говорить,—Прасковьи и Насти не въ одномъ Раздольѣ... Да и раздольевскихъ-то милостивая ручка чувствительной шателенки не можетъ облагодѣтельствовать до очеловѣченья ихъ существованія... Знаю, знаю! Ну и что же? Если у васъ на глазахъ будетъ тонуть старикъ, ребенокъ... не кинетесь вы развѣ его спасать? Да, да, не разсуждая о томъ, что и сами потонуть можете... а съ вами всѣ ваши широкіе планы, всѣ...

— Возможно. Но я ни въ какомъ случаѣ добровольно не запишусь въ отрядъ спасанія на водахъ, когда у меня ясно сознаны другія обязанности, другія цѣли... А таковыя должны быть и у *васъ*... Иначе...—Онъ всталъ и потеръ лобъ.—Бросимъ эту канитель, Марья Ипполитовна! Ужъ сердитесь не сердитесь, а мое дѣло сказать: здóрово пора вамъ себя къ рукамъ прибрать. Нервы—нервами, а безалаберность одобаровскую этакъ распускать нельзя-съ: того не могу, другое больно!.. Надо себя заставить по настоящему работать. Да, да, хоть надъ «безчувственной» книжкою. Чтобы понять... А то, гляди, очутитесь съ одними ахами-охами передъ тѣми, кому рветесь помочь.

Мягкія ноты вдругъ проступили въ его голосѣ. Онъ передохнулъ, хрустнулъ пальцами, и кончилъ уже опять съ властнымъ, жесткимъ удареніемъ:—И должны!

Въ эту минуту вернулся Хмаровъ съ газетами.

— Что, Марья Ипполитовна, не пора ли вамъ въ подкрѣпленіе? Этотъ вандалъ, поди, совсѣмъ застукалъ васъ?

Но шутка осѣклась. Маша встала, чтобы идти.

— Ну, посидите еще, — удерживалъ ихъ Хмаровъ. Николай, не возражая, крѣпко стиснулъ ему и Машѣ руку и ушелъ.

— Ну и чортъ съ тобой!—крикнулъ ему вслѣдъ докторъ.

— Что, Марья Ипполитовна, влетѣло? Не все же мнѣ одному терпѣть ваши строгости; и на васъ гроза нашлась. Люблю я, ей Богу, когда онъ расхорохорится, Николашка. Кремень-парень. А только, воля ваша, кровинка въ немъ раскольничья есть. Прабабушки какой нибудь...

— Раскольничья? Въ чемъ вы видите?

— Да вотъ хоть бы въ этой незыблемости вѣрованій, безсознательномъ высокомѣріи ко всякому изъ другого толка... За знаменемъ, онъ не потрудится разглядѣть человѣка...

— Однако онъ друженъ съ вами—изъ «чужого толка»...

— Ну да, то я! А помните, какими дикобразами вы оба меня встрѣтили? Да Николашка и до сихъ поръ: чуть что, такъ и свернется въ клубокъ, колючками наружу.

Маша невольно улыбнулась, такъ оно образно вышло у Хмарова.—Ну, слава Богу,—солнышко проглянуло... сказалъ Хмаровъ.

Онъ вышелъ проводить ее на крыльцо.

— Вы оглянитесь: благодать то, благодать какая идетъ,—говорилъ Хмаровъ, набирая полную грудь чистаго, талаго воздуха.—Нехай ужо они тамъ ноютъ, прокисаютъ,—кивнулъ онъ на домъ.—А мы? Наше дѣло весеннее. На что нибудь сгодимся. А, Марья Ипполитовна?—Онъ крѣпко тряхнулъ ей руку.

Маша пробиралась черезъ грязь къ дому. На воздухѣ и послѣ бодрыхъ словъ Хмарова ей сразу стало легче. Она тоже съ отрадою подняла лицо къ чистому, блѣдному небу, вбиравшему въ себя дымку сырости, едва растянутую теперь надъ оттаивающей далью.

Т. Барвенкова.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

---

* * *

Съ тѣхъ поръ, какъ жизнь желѣзными сѣтями
Заботъ и нуждъ опутала меня,
И блѣднымъ сномъ проходятъ дни за днями
Безъ прежнихъ бурь, безъ прежняго огня;
Съ тѣхъ поръ, какъ, стонъ услышавши страданья,
Ужъ я не рвусь съ отвагою впередъ,—
Меня томитъ и страхъ, и ожиданье:
Что юность дастъ? Что завтра принесетъ?
Ты, молодость, подвижница святая,
Себѣ не вьешь уютнаго гнѣзда;
О счастьи всѣхъ болѣя и мечтая,
Беречь свое не хочешь никогда.
Весь міръ твой храмъ, гдѣ сложены безъ счета
Твои дары... Скажи: въ какихъ краяхъ
Не пролила ты крови или пота?
Гдѣ не лежитъ твой благородный прахъ?

Лишь объ одномъ скорбишь ты ежечасно,
Что жизнь пройдетъ среди тупого сна,
А не въ грозѣ живительно-прекрасной...
— «Бокалъ тревогъ испить до дна, до дна,
Какъ бурный валъ разбиться въ шумномъ бѣгѣ!»—
И чѣмъ бы сталъ нашъ скучный міръ скорбей,
Когда-бъ не вы, зеленые побѣги
Поросшихъ мхомъ, грозой разбитыхъ пней?
Къ родной странѣ, къ народной лучшей долѣ
У васъ однихъ живая есть любовь,
Любовь—огонь, который жжетъ до боли,
Любовь—вампиръ, сосущій сердца кровь!
Отчизнѣ въ даръ, безъ думъ и колебанья,
Свободу, жизнь несете вы любя,
И отъ нея не ждете воздаянья...
— О, молодость! я вѣрую въ тебя!
Одинъ твой взглядъ—и громче сердце бьется,
И живы вновь видѣнья прошлыхъ дней:
Изъ смолкшихъ устъ бесѣда дружно льется,
Горитъ огонь потухнувшихъ очей...
Я молодъ вновь... Забылъ, что подъ грозою
Мой челнъ погибъ среди ревущихъ водъ,
И снова радъ безстрашно мчаться къ бою,
Крича: «Впередъ, товарищи, впередъ!»
Но есть одно, чего не станетъ силы
И у тебя, волшебница, затмить,
Что буду чтить я свято до могилы,
Что, какъ враговъ, насъ можетъ раздѣлить:
То—память *тѣхъ*, что въ битвѣ съ жизнью пали...
— Вѣрь въ свѣтъ иной, мечомъ инымъ борись,
Но кто стезей страданья и печали
Шелъ *до* тебя,—предъ тѣми преклонись!

П. Я.

Камера соглашенія и третейскаго суда въ желѣзодѣлательной промышленности Сѣверной Англіи.

I. Введеніе.—Камера соглашенія Мунделлы и Третейская камера Кетлэ.

Первыя постоянныя и систематически организованныя учрежденія для мирнаго разрѣшенія споровъ между рабочими и предпринимателями возникли въ Англіи въ шестидесятыхъ годахъ текущаго столѣтія, благодаря неутомимымъ усиліямъ двухъ выдающихся дѣятелей: Мунделлы и Кетлэ *).

Anthony John Mundella—чулочный фабрикантъ изъ Ноттингэма—устроилъ въ 1860 году *„Камеру Соглашенія“* для мирнаго разрѣшенія споровъ между фабрикантами и рабочими чулочнаго производства; а немного позднѣе, въ 1864 году Rupert Kettle—судья Ворчестерскаго графства—создалъ для той же цѣли *„Третейскую камеру“* въ строительной промышленности города Вольфергэмптона **).

Ноттингэмская и Вольфергэмптонская камеры имѣли блестящій и продолжительный успѣхъ и послужили прототипами для всѣхъ подобныхъ учрежденій позднѣйшаго времени,—въ томъ числѣ и для „Камеры Соглашенія и Третейскаго Суда желѣзодѣлательной промышленности Сѣверной Англіи“, описаніе которой составляетъ главную задачу предлагаемаго очерка. Поэтому, прежде чѣмъ приступить къ этой задачѣ, необходимо посвятить нѣсколько страницъ ознакомленію съ двумя классическими образцами, созданными Мунделлою и Кетлэ.

Въ теченіе всего прошлаго и первой четверти настоящаго столѣтія городъ Ноттингэмъ—одинъ изъ главныхъ центровъ чулочно-вязальнаго производства—пользовался самою печальною репутаціей по тѣмъ отношеніямъ, которыя господствовали въ немъ между рабочими и фабрикантами. Именно здѣсь, въ Но-

*) Прежнія попытки организовать подобныя учрежденія были безуспѣшны или эфемерны, и литература не сохранила о нихъ достаточно обстоятельныхъ свѣдѣній. См. Memorandum on the Rules of Boards of Conciliation v. Arbitration. Labourcommiss. Rep. 1892 г.

**) Впослѣдствіи Мунделла былъ членомъ парламента отъ Шеффильда и министромъ промышленности въ либеральномъ кабинетѣ. Онъ скончался въ іюлѣ 1897 года, Кетлэ скончался въ октябрѣ 1894 года,

тингэмѣ свирѣпствовалъ въ то время такъ называемый „луддизмъ", т. е. ломка возмутившимися рабочими вновь вводимыхъ усовершонствованныхъ чулочныхъ станковъ. Другія проявленія насилія: убійства, поджоги и буйства были также обычными спутниками рабочихъ безпорядковъ, возникавшихъ по поводу споровъ о заработной платѣ и другихъ условіяхъ работы... Такія „ужасныя" отношенія („dreadfull ralations") продолжались до 1820 г.

Съ этого времени борьба между рабочими и предпринимателями пріобрѣтаетъ мало-по-малу иныя формы, болѣе соотвѣтвѣтствующія нравамъ цивилизованной страны. Рабочіе союзы, получившіе въ 1824 году легальное признаніе, тѣснѣе сплотили рабочихъ и начали дѣйствовать открыто въ видахъ улучшенія ихъ положенія. Ломка машинъ и другія насилія прекратились, но стачки стали еще болѣе частыми, сопровождая почти каждое измѣненіе въ положеніи рынка *).

„Система регулированія заработной платы"—говоритъ Мунделла въ своемъ показаніи передъ Королевскою Коммиссіей 1868 года, „заключалась по-просту въ слѣдующемъ. Во времена депрессіи фабрикантъ понижалъ заработную плату насколько было возможно и, разумѣется, понижалъ ее тѣмъ болѣе, чѣмъ меньше имѣлъ совѣсти, а когда положеніе рынка улучшалось, и наступало время повышенія платы, такимъ повышеніямъ всегда оказывалось всевозможное противодѣйствіе. Рабочіе посылали депутаціи отъ своихъ союзовъ въ конторы фабрикантовъ. Въ одной конторѣ имъ укажутъ на дверь: „союзовъ не признаютъ". Въ другой имъ скажутъ: „хорошо, мы подождемъ и посмотримъ, что сдѣлаютъ наши сосѣди". Обойдя такимъ образомъ различныя фирмы и получивъ подобные отвѣты рабочіе возвращались домой и начинали стачку... Иногда они, быть можетъ, требовали больше естественной цѣны, больше того, что промышленность могла по справедливости дать. Такимъ образомъ стороны изводили другъ друга до тѣхъ поръ, пока не достигался компромиссъ" **).

Сравнительно съ періодомъ, предшествовавшимъ 1820 году, только внѣшнія формы борьбы измѣнились, но въ сущности, тѣ же непріязненныя чувства переполняли сердца представителей обѣихъ враждущихъ сторонъ: „подозрительность, недовѣріе и ненависть со стороны рабочихъ; высокомѣріе, притѣсненія и столь же сильная ненависть со стороны фабрикантовъ" ***).

Въ 1860 году произошли одна за другою три стачки въ одной изъ трехъ отраслей чулочнаго производства ****). Въ послѣдней

*) X Report Royal Comm. on Trade-Unions 1868 г., вопросы 19341—2.
**) Ibid. 1943.
***) Weeks Report on Arb. v. Conc. 1879. глава III.
****) Эти три отрасли слѣдующія: узкіе ручные станки, широкіе ручные станки и механическіе станки, введенные съ 1848 года (l. c. 19342—3)

изъ этихъ стачекъ, продолжавшейся 11 недѣль, чулочники, работавшіе на широкихъ станкахъ, добивались крупнаго повышенія платы, а рабочіе другихъ отраслей производства, продолжая сами работать, поддерживали стачечниковъ денежными взносами. И вотъ на третьемъ мѣсяцѣ стачки, фабриканты собрались на совѣщаніе, чтобы сообща обсудить свое положеніе. Было предложено, въ видахъ самообороны, подвергнуть „lock-out'у" т. е. поголовному общему разсчету всѣхъ рабочихъ, чтобы такимъ образомъ лишить стачечниковъ денежной помощи и принудить ихъ сдаться на условія фабрикантовъ. „Мы знали, что это значило", говоритъ Мунделла. „Это значило-выбросить на улицу все населеніе и вызвать ужасное смятеніе. Намъ опротивѣло все это („we were sick of it"), и нѣкоторымъ изъ насъ пришла въ голову мысль испробовать лучшія средства. Я слыхалъ о „Conseils de Prudhommes" во Франціи и создалъ въ своемъ воображеніи планъ, съ помощью котораго можно бы было добиться добраго согласія съ нашими рабочими и регулировать заработную плату" *).

Планъ этотъ встрѣтилъ сочувствіе въ средѣ предпринимателей, и Мунделла, вмѣстѣ съ двумя другими фабрикантами, былъ избранъ депутатомъ для переговоровъ съ представителями рабочихъ. „Мы трое встрѣтили около дюжины руководителей рабочихъ союзовъ", продолжаетъ Мунделла, „и мы имѣли совѣщаніе съ этими людьми. Мы сказали имъ, что существующій порядокъ дуренъ, что они всѣми силами притѣсняютъ насъ, когда положеніе рынка благопріятно, и что мы всѣми силами притѣсняемъ ихъ, когда дѣла идутъ плохо, и что эта система пагубна для обѣихъ сторонъ; она приводитъ къ стачкамъ какъ при пониженіяхъ, такъ и при повышеніяхъ платы, и эти стачки въ высшей степени разорительны и вредны для всѣхъ, такъ какъ вмѣсто того, чтобы снабжать покупателей, наши машины стоятъ, и часть нашего производства, вѣроятно, уходитъ отъ насъ къ нашимъ соперникамъ во Франціи и въ Германіи".

Совѣщаніе между Мунделлой и его двумя товарищами съ одной стороны и между 12 вожаками рабочихъ съ другой происходило въ Хлѣбной Биржѣ Ноттингэма и продолжалось 2 или 3 дня. Сначала рабочіе отнеслись къ предложенію фабрикантовъ весьма подозрительно. „Невозможно описать вамъ", говоритъ Мунделла, обращаясь къ членамъ Коммиссіи, „съ какимъ подозрѣніемъ мы смотрѣли другъ на друга. Нѣкоторые изъ фабрикантовъ также порицали наши дѣйствія и говорили, что мы унижаемъ ихъ... и такъ далѣе". Но какъ бы то ни было, всѣ эти противодѣйствующія вліянія были побѣждены благодаря энергіи Мунделлы, и переговоры кончились выработкой устава новаго учрежденія

*) Ibid. 19343—5. Brentano, Arbeitergilden der Gegenwart. т. II. стр. 273.

для мирнаго разрѣшенія споровъ между фабрикантами и рабочими *).

Учрежденіе это, получившее названіе „*Камеры Соглашенія Ноттингэмской чулочной и перчаточной промышленности*", состояло изъ 9 фабрикантовъ и 9 рабочихъ, избираемыхъ ежегодно ассоціаціей фабрикантовъ съ одной стороны и рабочими союзами чулочниковъ съ другой **). На разрѣшеніе этихъ 18 лицъ отдавались всѣ безъ исключенія спорные вопросы, возникавшіе время отъ времени между фабрикантами и рабочими, и ихъ рѣшеніе признавалось обязательнымъ для обѣихъ сторонъ.

Предсѣдателемъ камеры былъ избранъ одинъ изъ 9 фабрикантовъ—самъ иниціаторъ камеры, Мунделла. По первоначальному уставу, функціи предсѣдателя заключались не въ одномъ лишь руководствѣ преніями; предсѣдатель имѣлъ также право рѣшающаго голоса въ тѣхъ случаяхъ, когда голоса членовъ камеры раздѣлялись поровну. Но впослѣдствіи оказалось, что предсѣдателю, какъ фабриканту, неудобно пользоваться предоставленнымъ ему правомъ, такъ какъ въ такихъ случаяхъ стороны могутъ легко заподозрить безпристрастіе рѣшенія. Поэтому съ 1864 года было рѣшено вовсе не прибѣгать къ баллотировкѣ вопросовъ, а рѣшать всѣ вопросы путемъ соглашенія всѣхъ членовъ камеры между собою. „Мы сказали себѣ", говоритъ Мунделла, „не будемте больше считать голосовъ; попытаемся достигать соглашенія,—и мы дѣйствительно всегда достигали его ***).

Дѣлопроизводство камеры характеризовалось полнымъ отсутствіемъ всякихъ формальныхъ стѣсненій, и засѣданія ея ничѣмъ не напоминали судебнаго трибунала. „Члены камеры сидятъ за однимъ общимъ столомъ, фабриканты часто въ перемежку съ рабочими"; они совершенно свободно обмѣниваются взглядами, спорятъ, доказываютъ и, послѣ болѣе или менѣе продолжительныхъ переговоровъ, приходятъ къ общему рѣшенію. Разумѣется, какъ замѣчаетъ Crompton, рѣшеніе это, въ дѣйствительности, далеко не всегда достигается единогласно, въ буквальномъ смыслѣ этого слова, но въ случаяхъ разногласія, меньшинство членовъ добровольно уступаетъ большинству, и такимъ образомъ рѣшеніе послѣдняго считается рѣшеніемъ всей камеры ****).

Очередныя засѣданія камеры происходили четыре раза въ годъ; но, кромѣ того, камера могла собираться и во всякое иное время, когда возникалъ спорный вопросъ, требовавшій ея разрѣшенія. Такимъ образомъ, на практикѣ, камера собиралась, въ среднемъ, по 1 разу въ мѣсяцъ *****).

*) Ibid. 19345—7.
**) Ibid. 19362—5.
***) Ibid. 19348, Crompton, Industrial Conciliation 1876 г. стр. 37.
****) Crompton, стр. 38.
*****) l. c. 19351.

Но чтобы не созывать камеру въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ достаточнаго повода отнимать дорогое время у столь значительнаго собранія занятыхъ людей, при камерѣ былъ учрежденъ, какъ необходимое къ ней дополненіе, такъ называемый „*слѣдственный комитетъ*" (comitee of inquiry), состоявшій изъ 4 членовъ камеры: двухъ фабрикантовъ и двухъ рабочихъ. На разсмотрѣніе этого комитета поступали предварительно всѣ возникавшіе споры, и на обязанности комитета лежало употребить всѣ усилія, чтобы привести спорящія стороны къ полюбовному соглашенію между собою. При этомъ, однако, 4 члена комитета являлись, въ этой стадіи процедуры, исключительно лишь *посредниками* между спорящими сторонами; они не имѣли права рѣшать споръ по своему усмотрѣнію, а могли и должны были только способствовать его разрѣшенію, склоняя заинтересованныя стороны къ непосредственному соглашенію между собою. Если посредничество слѣдственнаго комитета не приводило къ желанной цѣли, споръ поступалъ на разрѣшеніе камеры въ ея полномъ составѣ.

Важнѣйшую функцію камеры составляло *регулированіе заработной платы*. Какъ мы видѣли выше, до 1860 г. всякія измѣненія платы: повышенія, требуемыя рабочими, пониженія, требуемыя фабрикантами, достигались не иначе, какъ путемъ стачекъ и локоутовъ; со времени учрежденія камеры, засѣдавшіе въ ней представители сторонъ стали устанавливать плату мирнымъ путемъ переговоровъ и соглашенія. Второе отличіе новаго порядка отъ стараго заключалось въ томъ, что со времени учрежденія камеры, установленіе заработной платы сдѣлалось предметомъ не индивидуальнаго договора между каждымъ отдѣльнымъ фабрикантомъ и его рабочими, а предметомъ договора коллективнаго между представителями всѣхъ фабрикантовъ, участвовавшихъ въ камерѣ, съ одной стороны, и представителями всѣхъ рабочихъ съ другой. Такимъ образомъ плата, установленная камерою, становилась обязательной для всѣхъ ея участниковъ. За каждый сортъ товара всѣ фабриканты участники камеры—должны были платить одну и ту же плату, и ни одинъ изъ нихъ не могъ, не нарушая устава камеры, платить меньше своего сосѣда.

Установленіе такой однообразной таксы составило первую задачу камеры; и задача эта была не изъ легкихъ, если принять во вниманіе, что число отдѣльныхъ сортовъ товара, составлявшихъ предметъ чулочнаго и перчаточнаго производства, доходило до 6000 *).

Общая такса заработной платы, установленная камерою и обязательная для всѣхъ ея членовъ, пріобрѣла въ скоромъ вре-

*) 19351—55; Brentano стр. 284.

мени безусловно господствующее значеніе во всей чулочной промышленности. Между тѣмъ какъ первоначально къ камерѣ принадлежало не болѣе половины всѣхъ фабрикантовъ, число ея членовъ стало быстро расти, и къ 1868 году всего лишь трое или четверо изъ 45 фабрикантовъ Ноттингэма и сосѣднихъ съ нимъ округовъ продолжали оставаться внѣ камеры *). Но и для этихъ немногихъ протестантовъ условія работы, установленныя камерой, сдѣлались, какъ мы увидимъ ниже, фактически обязательными, и такимъ образомъ 20,000 рабочихъ чулочной промышленности, на какой бы фабрикѣ они ни работали, повсюду стали получать одну и ту же плату за одну и ту же работу **). „Прежде", говоритъ Мунделла, „царила величайшая неравномѣрность въ заработной платѣ, смотря по индивидуальному характеру предпринимателей. Жестокосердые и безсовѣстные, которые вели свое дѣло, эксплуатируя нужду рабочихъ, понижали заработную плату ниже всякаго разумнаго уровня, а болѣе добросовѣстные должны были или слѣдовать за ними, или быть вытѣсненными съ рынка. Наша камера измѣнила все это. Всѣ платятъ теперь одинаковую цѣну и соперничествуютъ не въ томъ, чтобы возможно сильнѣе понижать заработную плату, а въ томъ, чтобы возможно дешевле покупать матеріалъ и производить возможно лучшій товаръ ***).

Но установленіемъ нормальной платы за каждый сортъ товара вопросъ о заработной платѣ далеко не исчерпывался. Вслѣдствіе постоянныхъ измѣненій въ положеніи товарнаго и рабочаго рынка, разъ установленная такса не могла оставаться неизмѣнной: когда цѣны на извѣстный товаръ поднимались, когда увеличивалась его выработка, и ощущался недостатокъ рабочихъ рукъ, рабочіе естественно пользовались благопріятнымъ моментомъ и требовали повышенія заработной платы. При обратномъ положеніи конъюнктуры: когда извѣстный товаръ не находилъ себѣ сбыта, цѣна на него падала, и фабриканты терпѣли на его производствѣ убытокъ, они естественно искали облегченія своему положенію въ пониженіи заработной платы. Такимъ образомъ *измѣненія* ставокъ *сдѣльной платы* то за тотъ, то за другой сортъ товара становились время отъ времени необходимыми, а такъ какъ различныхъ сортовъ товара было очень много, то камерѣ приходилось разсматривать и рѣшать такіе вопросы объ измѣненіяхъ платы не только ежегодно, но даже по нѣсколько разъ въ годъ ****).

Сторона, желавшая измѣненія платы, заявляла объ этомъ въ

*) l. c. 19358—9, 19680.
**) l. c. 19368.
***) Brentano l. c. стр. 291.
****) l. c. 19381—3.

засѣданіи камеры. Черезъ мѣсяцъ камера вновь собиралась и разсматривала вопросъ. Такимъ образомъ измѣненіе не обрушивалось на противоположную сторону неожиданно, а возможность его становилась извѣстной заранѣе. Это позволяло фабриканту во время остеречься отъ заключенія контрактовъ по такимъ цѣнамъ, которыя могли оказаться убыточными послѣ повышенія заработной платы; а при пониженіяхъ послѣдней рабочіе могли, въ свою очередь, до нѣкоторой степени сообразовать свой расходный бюджетъ съ предстоявшимъ уменьшеніемъ доходовъ *).

Когда камера соберется для обсужденія вопроса, представители обѣихъ сторонъ начинаютъ, по выраженію проф. Brentano, „торговаться". „Одна сторона предлагаетъ извѣстную цѣну; другая старается ее измѣнить. Обѣ стороны сообщаютъ другъ другу основанія, по которымъ онѣ настаиваютъ на своихъ предложеніяхъ. Основанія эти заключаются частью въ дедуктивныхъ заключеніяхъ изъ общеизвѣстныхъ истинъ, частью въ фактическихъ данныхъ, приводимыхъ въ защищу высказываемыхъ мнѣній. Дедукціи—противникъ старается опровергнуть. Факты—должны быть доказаны тѣмъ, кто на нихъ ссылается... Въ результатѣ такихъ дѣловыхъ переговоровъ, цѣна, первоначально предложенная работодателями или рабочими, очень рѣдко является, по словамъ Мунделлы, тою цѣною, которая въ концѣ концовъ принимается камерою. Обыкновенно дѣлаются нѣкоторыя измѣненія и уступки" **), а иногда аргументы противника оказываются настолько вѣскими и убѣдительными, что сторона, заявившая требованіе, добровольно отказывается отъ него и беретъ его назадъ.

Такъ, напримѣръ, въ 1867 году чулочники, работавшіе на ручныхъ станкахъ, требовали повышенія заработной платы на 20% и мотивировали свое требованіе тѣмъ, что они зарабатываютъ много меньше сравнительно съ другими отраслями производства. „И дѣйствительно", говоритъ Мунделла, „двое рабочихъ сидятъ рядомъ въ камерѣ: одинъ изъ нихъ зарабатываетъ 12 шиллинговъ, а другой 2 фунта стерлинговъ (40 шиллинговъ) въ недѣлю; между тѣмъ первый, какъ работникъ, нисколько не уступаетъ второму". Такое неравенство платы, кажущееся съ перваго взгляда вопіющею несправедливостью, объясняется, на самомъ дѣлѣ, различіемъ въ условіяхъ сбыта товаровъ. Между тѣмъ, какъ въ другихъ отрасляхъ своего производства ноттингэмскій фабрикантъ пользуется фактическою монополіей на рынкѣ, въ ручномъ товарѣ ему приходится выдерживать конкурренцію дешеваго французскаго и нѣмецкаго труда. „И вотъ, въ отвѣтъ на требованіе рабочихъ, въ засѣданіи камеры, кладутся на столъ эти дешевыя французскія и нѣмецкія издѣлія", и рабочіе воочію

*) l. c. 19356—7.
**) Brentano, l. c. стр. 288—9.

убѣждаются, что иностранная конкурренція есть реальный фактъ, съ которымъ приходится считаться, и что поэтому дѣйствительно невозможно повысить ихъ плату, не рискуя лишиться сбыта товара и совсѣмъ остановить ручные станки. Чтобы разсѣять въ умахъ рабочихъ послѣднюю тѣнь сомнѣнія въ справедливости такого заключенія, камера командировала даже за свой счетъ двухъ рабочихъ во Францію и одного въ Германію. Ознакомившись съ условіями заграничнаго производства и заграничными цѣнами, делегаты вернулись домой и сказали своимъ недовольнымъ ноттингэмцамъ: „Ничего нельзя сдѣлать; мы должны довольствоваться пока тѣмъ, что имѣемъ“. Такимъ образомъ очень серьезный вопросъ, который въ прежніе годы непремѣнно привелъ бы къ жестокимъ и совершенно безцѣльнымъ стачкамъ, былъ, благодаря существованію камеры, благополучно разрѣшенъ *).

Всестороннее обсужденіе вопросовъ въ камерѣ имѣетъ, очевидно, громадное воспитательное значеніе для рабочихъ; они начинаютъ понимать тѣ дѣйствительныя условія, въ которыхъ находится промышленность, и отъ которыхъ въ концѣ концовъ зависитъ вознагражденіе ихъ труда. Поэтому требованія ихъ становятся съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе разумными и своевременными. „Они знаютъ“, говоритъ Мунделла, „такъ же хорошо, какъ и мы, можемъ ли мы повысить плату или нѣтъ; они знаютъ, великъ ли спросъ или малъ, знаютъ, за какую цѣну товаръ можетъ быть сдѣланъ во Франціи или Германіи; и они привыкли принимать во вниманіе вліяніе повышенія или пониженія цѣны хлопка совершенно такъ же, какъ и мы. И, когда они полагаютъ, что дѣла идутъ хорошо, они требуютъ свою долю барыша, а когда дѣла идутъ плохо, они добровольно соглашаются на пониженіе платы“. **).

Но регулированіе заработной платы составляло, хотя и важнѣйшій, но далеко не единственный предметъ дѣятельности камеры. Наравнѣ съ заработною платою, камера устанавливала и всѣ прочія условія работы.

Такъ, въ чулочной промышленности шестидесятыхъ годовъ отчасти еще сохранилась домашняя система производства. Фабрикантъ раздавалъ работу по домамъ чулочниковъ и снабжалъ ихъ станками, за которые они платили ему „ренту“, т. е. арендную плату. Высота этой ренты служила предметомъ постоянныхъ пререканій и столкновеній между рабочими и фабрикантами, такъ какъ эти послѣдніе нерѣдко злоупотребляли своимъ положеніемъ и брали цѣны непомѣрно-высокія. Кромѣ того, такъ называемые middlemen'ы, т. е. факторы или посредники, между фабрикантами

*) l. c. 19,358, Brentano l. c. стр. 289—90.
**) l. c. 19,358.

и рабочими имѣли обыкновеніе сверхъ ренты, идущей фабриканту, взимать за каждый станокъ еще дополнительную — и уже совершенно беззаконную—плату въ свою собственную пользу, и эта плата посреднику часто значительно превышала самую ренту. Эти неурядицы съ рентой сыздавна составляли больное мѣсто чулочной промышленности, и жалобы чулочниковъ неоднократно доходили даже до англійскаго парламента, который въ разное время издалъ до дюжины актовъ, имѣвшихъ цѣлью урегулировать ренту; но всѣ эти акты давно обратились въ мертвую букву.

Съ учрежденіемъ камеры, вопросъ о *рентѣ* естественно не могъ не обратить на себя ея вниманія. Согласно самой идеѣ новаго учрежденія, высота ренты не могла опредѣляться болѣе произволомъ отдѣльныхъ фабрикантовъ или посредниковъ, а подлежала установленію путемъ взаимнаго соглашенія между представителями фабрикантовъ и рабочихъ. Спустя 2 или 3 года послѣ своего учрежденія камера дѣйствительно занялась вопросомъ о рентѣ и установила опредѣленную плату за аренду станковъ, въ зависимости отъ ширины этихъ послѣднихъ. Установленная плата была, сравнительно съ прежнею, умѣренна и не превышала въ среднемъ 6% на затраченный капиталъ со включеніемъ ремонтныхъ расходовъ *). Само собою разумѣется также, что камера безусловно воспретила посредникамъ взимать какія бы то ни было дополненія къ рентѣ въ свою собственную пользу. Рабочіе остались довольны тарифомъ, установленнымъ камерою, и многолѣтнія пререканія совершенно прекратились **).

Если камерѣ удавалось съ полнымъ успѣхомъ разрѣшать такіе сложные вопросы, какъ вопросы о заработной платѣ и рентѣ, гдѣ дѣйствительно сталкивались противоположные интересы предпринимателей и рабочихъ, то ей и подавно не стоило большого труда искоренить такія злоупотребленія посредниковъ, которыя отравляли жизнь рабочаго, не принося въ то же время никакой пользы предпринимателю. Такъ, многіе посредники, раздававшіе работу по сельскимъ округамъ, систематически нарушали „Truck Act", т. е. законъ, запрещающій работодателямъ обязывать рабочихъ къ закупкѣ предметовъ потребленія въ опредѣленныхъ лавкахъ. Хотя сами посредники и не содержали такихъ лавокъ, но зачастую въ томъ же селеніи торговлею занимались ихъ родственники—сыновья или племянники, и посредники лишали работы всякаго, кто отказывался покупать у этихъ послѣднихъ. Вслѣдствіе такого принужденія, рабочіе получали плохой товаръ по повышеннымъ цѣнамъ, и это естественно вызывало множество жалобъ. Когда эти жалобы дошли до свѣдѣнія камеры, предприниматели объявили во всѣхъ газетахъ графства, что они бу-

*) Ремонтъ производился на счетъ фабриканта.

**) l. c. 19,704—14.

дутъ впредь отбирать станки у всякаго посредника, который позволитъ себѣ нарушеніе Truck Act'a, и будутъ преслѣдовать его по закону. Такая угроза, приведенная въ исполненіе два — три раза, привела къ полному искорененію Trucka'a *).

Другое злоупотребленіе тѣхъ же мелкихъ мастеровъ, или посредниковъ, заключалось въ томъ, что они заставляли чулочниковъ работать по субботамъ до поздняго вечера, и только поздно вечеромъ или даже въ воскресенье утромъ выдавали имъ заработанныя деньги. Взамѣнъ такого крайне стѣснительнаго порядка камера постановила, чтобы суббота была полупраздникомъ, и заработная плата выдавалась до полудня **).

Какъ было указано выше, камера имѣла большое воспитательное значеніе для рабочихъ, такъ какъ она впервые близко ознакомила ихъ съ экономическими условіями промышленности. Но, съ другой стороны, и представители фабрикантовъ многому научились, благодаря непосредственному общенію и постоянному обмѣну мыслей съ рабочими. Они ближе узнали дѣйствительныя нужды рабочихъ и во многомъ измѣнили свои прежніе взгляды на требованія этихъ послѣднихъ. Такъ, напримѣръ, весьма любопытенъ разсказъ Мунделлы о радикальномъ переворотѣ, происшедшемъ въ отношеніи фабрикантовъ къ вопросу о продолжительности рабочаго дня.

„Нѣсколько времени тому назадъ", повѣствуетъ Мунделла, „у насъ было много заказовъ, и фабрики работали по 14 часовъ въ день. Но черезъ 2 мѣсяца такой работы отъ рабочихъ поступила просьба вернуться къ прежнему 10-часовому рабочему дню. Фабриканты думали, однако, что это будетъ для нихъ неудобно, вслѣдствіе большого спроса изъ Америки. Вмѣстѣ съ другимъ фабрикантомъ, я былъ назначенъ для совѣщанія съ рабочими... Они пригласили насъ въ помѣщеніе правленія союза, гдѣ собралось отъ 30 до 50 человѣкъ рабочихъ, и доказательства, приведенныя ими въ пользу того, что слишкомъ продолжительная работа не только въ высшей степени вредна для рабочихъ, но и не полезна для насъ, фабрикантовъ, были столь ясны и убѣдительны, что мы возвратились въ камеру и сдѣлали докладъ въ этомъ смыслѣ. Самые уважаемые рабочіе поднялись со своихъ мѣстъ и сказали (и мы знали, что они говорили правду): „Я работалъ въ теченіе этихъ двухъ мѣсяцевъ отъ 6 часовъ утра до 8 или 10 часовъ вечера, и послѣдніе два часа, проводимые на фабрикѣ, убиваютъ меня; газъ и жара невыносимы, и когда мы приходимъ домой, намъ необходимо прибѣгнуть къ возбуждающимъ средствамъ. Мы страдаемъ отъ усталости и изнеможенія, и нѣкоторые изъ насъ захворали вслѣдствіе этого". И мы

*) l. c. 19,680.
**) l. c. 19,680.

возвратились въ камеру и сдѣлали докладъ, что десяти-часового труда совершенно достаточно, и что человѣкъ не можетъ исполнять то количество работы, какое мы вправѣ отъ него ожидать, если онъ будетъ дѣлать лишнее усиліе; мы сами знаемъ, что, если мы проработаемъ лишніе часы въ нашихъ конторахъ, то это производитъ утомленіе; и рабочіе испытываютъ то же самое. Вотъ, въ чемъ состоитъ преимущество непосредственнаго общенія лицомъ къ лицу: мы узнаемъ, каково положеніе рабочаго, и онъ узнаетъ наше положеніе" *).

Таковы нѣкоторые типичные примѣры того, что составляло главный предметъ дѣятельности камеры: установленіе условій работы на будущее время **)

Но если извѣстныя условія работы установлены, урегулированы камерою, то это еще не значитъ, чтобы камера совсѣмъ и навсегда покончила съ этими вопросами. Какъ было упомянуто выше, съ теченіемъ времени могутъ потребоваться измѣненія существующихъ условій. Затѣмъ условія могутъ нарушаться тою или другою стороною; могутъ возникать разногласія относительно истолкованія условія или примѣненія его къ тому или другому частному случаю. Всѣ такіе вопросы также подаютъ поводъ къ столкновеніямъ, стачкамъ или локоутамъ и, слѣдовательно, также должны составлять предметъ дѣятельности камеры.

Но основное различіе этихъ вопросовъ—„*о нарушеніи, истолкованіи или примѣненіи*" *существующихъ условій*—отъ разсмотрѣнныхъ выше вопросовъ—„*объ установленіи или измѣненіи условій работы на будущее время*"—заключается въ томъ, что, между тѣмъ какъ вопросы второй категоріи являются вопросами *общими*, касающимися всей промышленности, первые вопросы затрагиваютъ одновременно лишь отдѣльныя фирмы, и потому могутъ быть названы *частными вопросами* ***).

Ноттингэмская камера разсматривала какъ общіе, такъ и частные вопросы. Объ этой послѣдней сторонѣ ея дѣятельности мы находимъ, однако, весьма мало свѣдѣній въ нашемъ главномъ источникѣ: показаніи Мунделлы передъ коммиссіей о Trades-Union'ахъ въ 1868 г. Мунделла упоминаетъ только, что, если кто-либо изъ предпринимателей или посредниковъ нарушалъ какое-либо условіе, установленное камерой, напримѣръ, платилъ меньше общей таксы или взималъ за станки больше, чѣмъ слѣдовало, то рабочіе обращались съ жалобою въ камеру, и эта послѣдняя рѣшала вопросъ о справедливости жалобы. Но разсмотрѣніе такихъ частныхъ споровъ составляло, по словамъ Мунделлы, сравнительно второстепенный предметъ дѣятельности ка-

*) l. c. 19,715.
**) l. c. 19,355.
***) Schulze-Gaevernitz. Zum Socialem Frieden. т. II. стр. 287—288. Webb. Industrial Democracy. т. I. стр. 182—185.

меры *), и это, по всей вѣроятности, объясняется тѣмъ, что именно здѣсь оказывалось особенно плодотворнымъ посредничество слѣдственнаго комитета, благодаря которому большинство частныхъ споровъ разрѣшалось соглашеніемъ между непосредственно заинтересованными сторонами, не доходя до формальнаго разсмотрѣнія въ засѣданіи камеры.

Новые порядки, установленные камерой: мирное разрѣшеніе всякихъ споровъ, устраненіе вѣковыхъ злоупотребленій, непосредственное общеніе между представителями фабрикантовъ и рабочихъ, и обусловленное этимъ взаимное пониманіе—все это не могло не привести къ коренному измѣненію тѣхъ чувствъ, которыя стороны искони питали другъ къ другу, и которыя въ значительной степени являлись продуктомъ прежняго отчужденія и неурядицъ.

„Я родился среди рабочихъ, и именно среди чулочниковъ"; говоритъ Мунделла, „чувства, которыя они питали къ фабрикантамъ, находили выраженіе въ ихъ общемъ убѣжденіи, что ни одинъ фабрикантъ не можетъ быть справедливымъ и честнымъ человѣкомъ.... что, по самому своему положенію, онъ долженъ быть притѣснителемъ. Въ настоящее время рабочіе отличаютъ хорошихъ работодателей отъ дурныхъ..., и чувства, установившіяся между обѣими сторонами, въ общемъ болѣе сердечны, лояльны и дружественны, чѣмъ я когда-либо могъ ожидать" **).

Улучшеніе во взаимныхъ отношеніяхъ между фабрикантами и рабочими наглядно выразилось въ слѣдующемъ незначительномъ по существу, но крайне характерномъ фактѣ.

Въ прежніе годы рабочіе союзы чулочной промышленности имѣли обыкновеніе выпускать время отъ времени направленныя противъ предпринимателей печатныя афиши или воззванія, въ которыхъ нравственный характеръ и дѣятельность фабрикантовъ изображались въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. „Къ рабочимъ Англіи мы обращаемся!", такъ гласитъ, напримѣръ, одна такая афиша, прочитанная Мунделлой предъ коммиссіей 1868 года, „окажите намъ помощь и поддержку для сохраненія нашихъ правъ и вольностей; и покажите свою рѣшимость поддержать тѣхъ, кто готовъ пожертвовать всѣмъ ради правъ и достоинства труда! Чтобы защитить себя отъ заговора, имѣющаго цѣлью насъ уничтожить, угнетенные труженики, принадлежащіе къ нашему союзу употребили всѣ усилія и уже израсходовали въ теченіе послѣднихъ 6-ти мѣсяцевъ 1.000 фунтовъ стерлинговъ (рѣчь идетъ только объ одномъ небольшомъ разрядѣ ручныхъ чулочниковъ). Но такъ какъ промышленность находится въ застоѣ, наши работодатели воспользовались настоящимъ случаемъ, чтобы, подобно тиграмъ,

*) l. c. 19,715, 19,355.
**) l. c. 19,377, 19,690.

броситься на свою добычу и, предложеннымъ пониженіемъ платы, повергнуть въ стачку болѣе 700 человѣкъ" и т. д.

„Я долженъ сказать", говоритъ Мунделла, „что съ тѣхъ поръ какъ я былъ ребенкомъ, я не запомню, чтобы, идя когда-либо по улицамъ, я не видѣлъ нѣсколько такихъ афишъ". Собираясь выступить свидѣтелемъ передъ коммиссіей, Мунделла собралъ цѣлую коллекцію въ нѣсколько сотенъ такихъ любопытныхъ документовъ. Съ учрежденіемъ камеры, появленіе этихъ афишъ сразу прекращается. Послѣднія двѣ появились 6 и 14 сентября 1860 г., а 27 сентября была учреждена камера, и съ этого дня афиши перестали украшать собою улицы Ноттингэма *).

Чтобы, однако, понять причины успѣховъ, достигнутыхъ Ноттингэмскою камерою, необходимо обратить вниманіе еще на одинъ весьма существенный пунктъ, котораго мы до сихъ поръ не касались. Когда, испытавъ свою систему въ Ноттингэмѣ, Мунделла сталъ пропагандировать ее въ другихъ отрасляхъ промышленности и въ другихъ городахъ, первое возраженіе, на которое онъ повсюду наталкивался, заключалось въ слѣдующемъ: „какимъ образомъ сдѣлаете вы обязательнымъ рѣшеніе камеры для тѣхъ фабрикантовъ и рабочихъ, которые не захотятъ подчиниться ему?" Въ самомъ дѣлѣ, камера учрежденіе добровольное; рѣшенія ея не имѣютъ никакой юридической санкціи. Гдѣ же ручательство въ томъ, что ея постановленія будутъ исполняться всѣми? А если такого ручательства не существуетъ, то камера очевидно не можетъ быть долговѣчной, такъ какъ тѣ фабриканты, которые не будутъ связаны ея рѣшеніями, получатъ возможность работать на болѣе выгодныхъ условіяхъ, чѣмъ члены камеры, и эти послѣдніе поневолѣ начнутъ отпадать отъ нея, чтобы не лишиться своихъ покупателей.

Какимъ же образомъ избѣгла этой участи камера Мунделлы? Въ чемъ нашла она эффективную санкцію для своихъ рѣшеній?

Чтобы отвѣтить на эти вопросы, разсмотримъ, что произойдетъ, если кто-либо изъ фабрикантовъ откажется исполнить постановленіе камеры, откажется, напримѣръ, платить согласно установленной камерою общей таксѣ.

Въ такихъ случаяхъ камера пытается прежде всего воздѣйствовать на протестующаго фабриканта путемъ убѣжденія. Съ этою цѣлью къ нему отправляется депутація изъ 2—3 принадлежащихъ къ камерѣ наиболѣе вліятельныхъ и уважаемыхъ фабрикантовъ. „Мы дѣйствуемъ", говоритъ Мунделла, „своимъ вліяніемъ, какъ сотоварищи-фабриканты,—тѣмъ вліяніемъ, какое даетъ намъ наше соціальное положеніе, и мы уговариваемъ несогласнаго фабриканта и спрашиваемъ его, къ чему все это безпокойство, и почему не можетъ онъ платить ту же цѣну, какую платимъ

*) l. c. 19,376—7.

мы... Я самъ бывалъ у такихъ хозяевъ, которые говорятъ: „мы согласны имѣть дѣло только съ рабочими нашей собственной фабрики". Иногда они спрашиваютъ насъ: „ужъ не делегаты ли мы отъ рабочихъ союзовъ", и относятся къ намъ насмѣшливо и презрительно. Но мы стараемся ихъ убѣдить и говоримъ: „Ради мира и спокойствія, согласитесь на это, какъ согласились остальные фабриканты; мы всѣ готовы этому слѣдовать, почему же и вамъ не поступать точно также?" И такими словами, въ которыхъ не заключается ни тѣни приказанія или угрозы, но только дружественный совѣтъ и предостереженіе, депутаціи обыкновенно вполнѣ достигаютъ своей цѣли: протествующій фабрикантъ сдается на убѣжденія и подчиняется рѣшенію камеры *).

Но несмотря на то, что такіе миролюбивые способы въ большинствѣ случаевъ приводятъ къ желаемому результату, они, очевидно, еще не могутъ считаться дѣйствительною гарантіей исполненія рѣшеній камеры. Гарантія эта заключается въ той поддержкѣ, которую оказываютъ камерѣ рабочіе и ихъ союзы. Рабочіе непосредственно заинтересованы въ томъ, чтобы отдѣльные предприниматели не нарушали общихъ нормъ, установленныхъ камерою; и потому, если убѣжденія депутаціи фабрикантовъ не подѣйствуютъ на ихъ упорствующаго собрата, рабочіе берутъ дѣло въ свои руки и категорически объявляютъ нарушителю: „Мы не станемъ работать на васъ; если $^{19}/_{20}$ всѣхъ работодателей платятъ 10 шиллинговъ за извѣстный товаръ, а $^{1}/_{20}$ желаетъ платить только 9 шиллинговъ 6 пенсовъ, то мы съ своей стороны отказывается работать за 9 шиллинговъ 6 пенсовъ!" И если такая угроза не подѣйствуетъ, и дѣло дойдетъ до стачки, то это будетъ стачка съ разрѣшенія и одобренія камеры, и стачечники не только получаютъ денежную поддержку отъ рабочихъ союзовъ, но и другіе фабриканты постараются возможно скорѣе найти имъ занятіе на собственныхъ фабрикахъ. Наконецъ, великая сила нашего времени—общественное мнѣніе—будетъ въ такихъ случаяхъ также безусловно на сторонѣ стачечниковъ и безпощадно осудитъ несговорчиваго фабриканта. „Все населеніе округа", говоритъ Мунделла, будетъ противъ него. Всѣ скажутъ; хорошъ молодецъ („you are a pretty fellow")! Собственные товарищи противъ него, а онъ всетаки оказываетъ сопротивленіе" **).

Итакъ, дѣйствительную гарантію исполненія своихъ рѣшеній камера находитъ только въ содѣйствіи рабочихъ, или, вѣрнѣе, рабочихъ союзовъ, такъ какъ очевидно только эти послѣдніе сообщаютъ планомѣрность и единство дѣйствіямъ рабочей массы и только они накопляютъ средства, которыя позволяютъ

*) l. c. 19,358, 19445, 19,680, 19,715.
**) l. c, 19442, 19446—9, 19474.

рабочимъ оказывать могучее сопротивленіе всякому фабриканту, пытающемуся нарушить постановленія камеры. Но само собою разумѣется, что нарушителями правилъ и рѣшеній камеры могутъ быть не только предприниматели, но и рабочіе. Можно легко представить себѣ обстоятельства, когда часть рабочихъ недовольна извѣстнымъ рѣшеніемъ камеры, и юридически ничто не препятствуетъ недовольнымъ отказаться работать на условіи, установленномъ камерой. И въ такихъ случаяхъ только рабочій союзъ можетъ явиться надежною опорою камеры. Онъ можетъ, во первыхъ, повліять на недовольныхъ нравственнымъ авторитетомъ своихъ вождей, подобно тому, какъ фабриканты стараются вліять на протестующихъ членовъ своей среды. Но, что еще важнѣе, въ распоряженіи союза находятся тѣ средства, безъ которыхъ для рабочихъ немыслима борьба. Отказывая въ вспомоществованіи тѣмъ своимъ членамъ, которые идутъ противъ камеры, рабочій союзъ заставляетъ ихъ сложить оружіе и подчиниться ея рѣшенію.

Въ исторіи Ноттингэмской камеры санкція, исходившая отъ рабочихъ союзовъ *), оказалась настолько эффективной, что одной возможности ея примѣненія было достаточно для почти полнаго обезпеченія исполненія рѣшеній камеры. По словамъ Мунделлы, за восемь лѣтъ, протекшихъ со времени основанія камеры, союзы истратили на поддержу рабочихъ въ вышеупомянутыхъ случаяхъ только 60 фунтовъ стерлинговъ—сумму несомнѣнно крайне незначительную, если принять во вниманіе, что рѣчь идетъ о 45 фирмахъ и 20.000 рабочихъ. „Я могу сказать“, заявляетъ Мунделла, „что до настоящаго времени, хотя и встрѣчались небольшія затрудненія, и ропоты, и неудовольствія, и хотя 2—3 фабриканта все еще не любятъ камеру за то, что она не позволяетъ имъ платить рабочимъ ниже установленной общей нормы,—всетаки всѣ рѣшенія, къ которымъ приходила камера, всегда исполнялись на дѣлѣ столь же совершеннымъ образомъ, какъ если бы они были подкрѣплены силою закона“ **).

Но почему же, можно спросить, рабочіе союзы всегда солидарны съ рѣшеніями камеры, почему между камерой и руководителями союзовъ ни возникаетъ разногласій? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, нужно вернуться назадъ, къ описанію исторіи основанія камеры и дополнить ее нѣкоторыми подробностями, объясняющими связь между камерой и союзами.

Когда было рѣшено приступить къ учрежденію камеры и предстояло избрать ея рабочую секцію, союзы естественно взяли организацію выборовъ въ свои руки. Выборы были произведены

*) Рабочіе каждый изъ трехъ отраслей чулочной промышленности (узкіе ручные станки, широкіе ручные и механическіе станки) были организованы въ самостоятельный союзъ (l. c. 19342—3).

**) l. c. 19449, 19680.

путемъ всеобщей подачи голосовъ, въ которой приняли участіе всѣ безъ исключенія рабочіе, какъ члены союзовъ, такъ и не члены. Тѣмъ не менѣе, вѣроятно вслѣдствіе численнаго превосходства первыхъ, большинство голосовъ выпало на долю главныхъ руководителей союзовъ, которые и сдѣлались, такимъ образомъ, представителями рабочихъ въ камерѣ, и этимъ, конечно, вполнѣ объясняется полная гармонія дѣйствій между камерой и союзами. „Тѣ самыя лица", говоритъ Мунделла, „которыхъ фабриканты всего болѣе опасались, были избраны представителями рабочихъ въ камерѣ". Но на дѣлѣ они оказались „самыми честными (straitforward) и разумными людьми, какихъ только можно было желать" *).

Итакъ, между рабочими союзами и камерою существуетъ самая тѣсная связь. Вожди союзовъ засѣдаютъ въ камерѣ, союзы организуютъ выборы, и, что самое важное, они гарантируютъ своимъ вліяніемъ исполненіе рѣшеній камеры.

„Я не вижу возможности основать камеру безъ существованія союза", категорически заявилъ Мунделла въ 1868 году **), и вся послѣдующая исторія мирныхъ способовъ разрѣшенія споровъ въ англійской крупной промышленности вполнѣ подтвердила справедливость этого взгляда ***).

*) l. c. 19365—9.

**) l. c. 19694.

***) Въ шестидесятыхъ годахъ, когда Мунделла основалъ свою камеру, его взгляды представлялись еще пагубнымъ и еретическимъ заблужденіемъ громадному большинству предпринимателей. Въ тотъ самый день, когда Мунделла давалъ свое показаніе передъ Королевской коммиссіей о Trades-Union'ахъ, другой экспертъ, знаменитый изобрѣтатель парового молота, Нэсмитъ (Nasmyth) высказывалъ передъ тою же коммиссіей прямо противоположныя, „феодальныя" воззрѣнія, господствовавшія въ то время въ предпринимательской средѣ. Нэсмитъ настаивалъ на томъ, что фабрикантъ долженъ имѣть дѣло только съ отдѣльными индивидуальными рабочими, и вправѣ игнорировать всякія ихъ коллективныя дѣйствія и заявленія. „Я полагаю", возразилъ на это Мунделла, „что м-г Nasmyth только высказалъ очень смѣло и откровенно то, что многіе работодатели—и даже большинство работодателей—чувствуютъ втайнѣ, и именно, что они вообще не желаютъ имѣть дѣло съ депутаціями, а только съ каждымъ рабочимъ въ отдѣльности. (l. c. 19372—3).

Ноттингэмская камера Мунделлы просуществовала болѣе 20 лѣтъ, но распалась во время тяжелаго промышленнаго кризиса восьмидесятыхъ годовъ. Было, повидимому, нѣсколько причинъ, приведшихъ къ дезорганизаціи камеры: а) во первыхъ кризисъ настолько ослабилъ и истощилъ рабочіе союзы чулочниковъ, что они не были болѣе въ состояніи оказывать эффективнаго сопротивленія тѣмъ предпринимателямъ, которые нарушали правила и постановленія камеры; пользуясь этимъ и соблазняемые возможностью избавиться отъ убытковъ, причиняемыхъ кризисомъ, нѣкоторые фабриканты—и именно мелкіе, работавшіе въ сельскихъ округахъ, перестали соблюдать устанавливаемую камерою общую таксу заработной платы. „Этимъ", говоритъ Schulze-Gaevernitz, „была прорвана брешь въ существующей организаціи". Вынуждаемые конкурренціей, за

Второй замѣчательный опытъ систематическаго примѣненія мирныхъ способовъ разрѣшенія споровъ между предпринимателями и рабочими былъ сдѣланъ года три спустя послѣ учрежденія камеры Мунделлы въ строительной промышленности Вольфергэмптона. И какъ часто приходится наблюдать въ исторіи учрежденій, вызываемыхъ къ жизни насущными потребностями времени, Вольфергэмптонская камера возникла совершенно независимо отъ своей предшественницы въ Ноттингэмѣ, и организаторъ ея и руководитель Рупертъ Кетлэ ничего не зналъ объ экспериментѣ Мунделлы. Тѣмъ болѣе поразительны черты сходства, бросающіяся въ глаза при первомъ же знакомствѣ съ обѣими камерами.

Какъ и въ Ноттингэмѣ, учрежденію камеры въ строительной промышленности Вольфергэмптона предшествовалъ цѣлый рядъ тяжелыхъ и продолжительныхъ стачекъ *). Въ 1863 году борьба между обѣими сторонами достигла своего апогея. Стачка этого года, продолжавшаяся цѣлыхъ 18 недѣль, была, по словамъ Кетлэ, „не только весьма раззорительна для непосредственно участвовавшихъ въ ней рабочихъ и хозяевъ, но она вообще значительно затормазила промышленную дѣятельность Вольфергэмптона, такъ какъ всякія постройки для промышленныхъ цѣлей были пріостановлены въ теченіе цѣлаго лѣта“.

первыми нарушителями поневолѣ послѣдовали и другія—болѣе старыя, городскія—фирмы, желавшія сохранить неприкосновенность прежнихъ порядковъ (Schulze-Gaevernitz Soc. Fr. стр. 294—295, т. II); в) вліяніе моды, которому сильно подвержено чулочное и перчаточное производство, послужило второю причиною распаденія камеры. „Стремленіе фабрикантовъ превзойти другъ друга новизною товара ведетъ къ сокрытію новыхъ образцовъ, а это очевидно несовмѣстимо съ общимъ установленіемъ будущихъ условій работы, въ которомъ заключается главная цѣль всякой камеры соглашенія (Schulze-Gaevernitz. Ibid стр. 295); наконецъ с) съ теченіемъ времени характеръ чулочнаго производства измѣнился: сильно возрасло число механическихъ станковъ. Но чулочники, работавшіе на этихъ станкахъ, не захотѣли, чтобы ихъ заработная плата устанавливалась камерою, въ которой наряду съ ихъ представителями участвовали также представители другихъ разрядовъ рабочихъ. (Labour Commission Group C 13609—18; 13173—77). Вслѣдствіе всего этого, Ноттингэмская чулочная промышленность вернулась въ восьмидесятыхъ годахъ къ рабочимъ порядкамъ и отношеніямъ пятидесятыхъ годовъ: общая такса болѣе не соблюдается, рабочіе союзы не признаются. и предприниматели имѣютъ дѣло только съ рабочими собственныхъ фабрикъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ возобновилась и прежняя ожесточенная борьба (Schulze-Gaevernitz стр. 295; Lab. Com. Gr. C. 13029). Рабочіе очень желаютъ возстановленія камеры, но предприниматели не соглашаются, и причина ихъ несогласія заключается, повидимому, въ томъ, что они не довѣряютъ другъ другу, опасаясь, чтобы на другой же день нѣкоторые изъ конкуррентовъ не нарушили заключенныхъ общихъ условій (Lab. Com. Gr. C. 12959—60; 13030—37, 13619; данныя Schulze-Gaevernitz и Labourcommission относятся къ 1890—92 г.г.).

*) Royal Commission on Trade Unions 1868 г. вопр. 7050—1.

Къ началу слѣдующаго строительнаго сезона—весною 1864 г., снова замѣчалось взаимное неудовольствіе между сторонами, и призракъ новой стачки вновь показывался на горизонтѣ. Озабоченный такою перспективою, мэръ города m-r Фордъ собралъ тогда митингъ изъ хозяевъ-строителей и рабочихъ, чтобы сообща обсудить положеніе и изыскать способы предупрежденія бѣдствія. И вотъ, на этомъ митингѣ одинъ изъ цеховъ рабочихъ, именно цехъ плотниковъ рѣшилъ совмѣстно съ хозяевами избрать по 6 представителей отъ обѣихъ сторонъ, и предоставить этимъ 12 представителямъ разрѣшить всѣ спорные вопросы, угрожавшіе и на это лѣто остановкою работъ.

Черезъ недѣлю послѣ этого знаменательнаго митинга, 21 марта 1864 года, избранные делегаты собрались, чтобы приступить къ выполненію возложенной на нихъ задачи. Но, прежде чѣмъ началось обсужденіе, представители рабочихъ предложили собранію избрать предсѣдателя съ правомъ рѣшающаго голоса. Предложеніе это, имѣвшее цѣлью обезпечить успѣшный исходъ переговоровъ на случай, если мнѣнія представителей раздѣлятся поровну, было принято хозяевами, и на должность предсѣдателя — или *третейскаго судьи* („umpire“) былъ избранъ съ согласія обѣихъ сторонъ m-r Rupert Kettle, судья Ворчестерскаго графскаго суда („County court judge“) *).

Принявъ на себя должность предсѣдателя, Кетлэ потребовалъ прежде всего отъ представителей обѣихъ сторонъ, чтобы они доставили ему проекты тѣхъ условій, на которыхъ они согласны работать, а также всевозможныя фактическія свѣдѣнія о заработной платѣ и прочихъ условіяхъ работы въ другихъ, сосѣднихъ мѣстностяхъ... **). „Я нашелъ“, говоритъ Кетлэ, „что, какъ хозяева, такъ и рабочіе были склонны придти къ соглашенію, что ни съ той, ни съ другой стороны не существовало никакого враждебнаго чувства, и что обѣ стороны были готовы снабдить меня нужными свѣдѣніями... Запасшись всѣмъ этимъ, я созвалъ собраніе представителей хозяевъ и представителей рабочихъ“ ***).

На этомъ собраніи, состоявшемся 30 марта 1864 года, были прежде всего прочитаны, приняты и занесены въ протоколъ тѣ пункты будущихъ „правилъ работы“, которые не возбуждали разногласія. Затѣмъ одинъ за другимъ были обсуждены всѣ вопросы, по которымъ мнѣнія сторонъ расходились,—вопросы, касавшіеся не только заработной платы, но и многихъ другихъ условій, издавна возбуждавшихъ пререканія между плотниками и ихъ хозяевами, какъ то вопросы „о времени, предназначенномъ для ходьбы на работу“, „о субботнихъ полу-праздникахъ“ и пр. „Об-

---

*) l. c. 6993; Kettle. Strikes v Arbitration. гл. II.

**) Kettle. Strikes v. Arbitration. глава II.

***) l. c. 6993.

сужденіе“, говоритъ Кетлэ, „было совершенно свободное, и велось съ обѣихъ сторонъ хладнокровно и разумно, и результатъ, къ которому мы пришли, былъ почти единодушный: т. е. ни въ одномъ случаѣ не потребовалось прибѣгнуть къ моему рѣшающему голосу... Только одинъ разъ мнѣнія сторонъ раздѣлились, но и въ этомъ случаѣ одинъ изъ шести делегатовъ рабочихъ высказался за мнѣніе хозяевъ, и поэтому я не былъ призванъ подать свой голосъ ни разу въ теченіе всего засѣданія. Вопросъ, вызвавшій разногласіе, касался субботняго полу-праздника, и за исключеніемъ одного этого пункта, результатомъ всего обсужденія было единодушное соглашеніе между хозяевами и рабочими“ *).

Такимъ образомъ трудная задача, возложенная на совѣщаніе 12 представителей, была выполнена съ полнымъ и неожиданнымъ успѣхомъ: всѣ условія, или, какъ принято ихъ называть въ строительной промышленности, „*правила*“ *работы*, были установлены на годъ впередъ, и мирное теченіе строительной дѣятельности на предстоявшій сезонъ обезпечено. Делегатамъ оставалось только проредактировать правила, скрѣпить ихъ своею подписью и разойтись. Но, видя результаты, достигнутые совѣщаніемъ, Кетлэ предложилъ обратить его въ постоянное учрежденіе для мирнаго разрѣшеніи всякихъ будущихъ споровъ, могущихъ возникнуть между плотниками и ихъ хозяевами. Съ этою цѣлью, въ число правилъ, выработанныхъ совѣщаніемъ, былъ внесенъ особый параграфъ—такъ называемый „Arbitration Clause“, — по которому всѣ споры между предпринимателями и рабочими должны быть разрѣшаемы шестью лично поименованными предпринимателями и шестью лично поименованными рабочими. (Эти 12 предпринимателей и рабочихъ были тѣ самыя лица, изъ которыхъ состояло временное совѣщаніе). Въ случаѣ же если они, или большинство ихъ, не будутъ въ состояніи придти къ соглашенію, спорный вопросъ долженъ быть разрѣшенъ третейскимъ судьей (Рупертомъ Кетлэ) **).

По смыслу этого параграфа, юрисдикціи совѣщанія, преобразованнаго въ постоянную „Третейскую Камеру“, подлежали, какъ общіе, такъ и частные вопросы. Но, какъ мы видѣли выше, общія условія работы были установлены совѣщаніемъ на годъ впередъ и, слѣдовательно, не могли быть измѣнены до истеченія этого срока. Наоборотъ, частные споры объ истолкованіи, примѣненіи или нарушеніи существующихъ условій могли, очевидно, возникнуть во всякое время: однако, на дѣлѣ, такой спорный вопросъ поступилъ впервые на разсмотрѣніе камеры лишь 7 мѣсяцевъ спустя послѣ ея основанія.

---

*) l. c. 6993.
**) l. c. 6993—98.

„Подъ дѣйствіемъ вольфергэмптонскихъ правилъ, работы шли съ марта до ноября безъ возникновенія какого бы то ни было спора“,—такъ начинаетъ Кетлэ свой разсказъ объ этомъ первомъ и весьма характерномъ случаѣ разрѣшенія *частнаго вопроса*,— „но въ ноябрѣ возникло разногласіе между однимъ хозяиномъ-строителемъ и нѣкоторыми его плотниками относительно истолкованія одного изъ правилъ, — именно того правила, которое установляло добавочное вознагражденіе за работу въ зимніе мѣсяцы на незащищенныхъ строеніяхъ“. Получивъ письменно увѣдомленіе сторонъ объ этомъ спорѣ, Кетлэ созвалъ засѣданіе камеры и пригласилъ въ него въ качествѣ истцовъ и отвѣтчика 2 представителей тѣхъ рабочихъ и того хозяина, между которыми возникло разногласіе. Прежде всего двое рабочихъ, какъ истцы, изложили свою жалобу. Затѣмъ имъ отвѣтилъ хозяинъ, объяснивъ свое толкованіе и свой взглядъ на то правило, въ нарушеніи котораго его обвиняли. Вслѣдъ за этимъ, члены рабочей секціи камеры высказали одинъ за другимъ свое мнѣніе, и члены предпринимательской секціи сдѣлали то же. Въ заключеніе третейскій судья призналъ вѣрнымъ то толкованіе правила, котораго придерживались рабочіе, и хозяинъ добровольно согласился съ этимъ рѣшеніемъ и обѣщалъ тотчасъ заплатить рабочимъ то, что имъ слѣдовало. „Процессъ“, говоритъ Кетлэ, „все время велся въ надлежащемъ духѣ. Было проявлено много энергіи, но ни малѣйшаго взрыва раздраженія, и стороны разошлись съ неумалившимся уваженіемъ къ аргументативнымъ способностямъ противника. Обѣ чувствовали, что между ними было честное разногласіе („a bona fide disagreement“), но не было ссоры“.

„Если бы спорный вопросъ касался не истолкованія условія, а какого-либо факта, то онъ былъ бы разрѣшенъ“, по словамъ Кетлэ, „такъ же, какъ разрѣшаются всякіе другіе споры о фактахъ: были бы выслушаны свидѣтели, представленные обѣими сторонами, или была бы осмотрѣна мѣстность, или произведены измѣренія, или вообще было бы сдѣлано то, что необходимо для выясненія фактовъ. По окончаніи объясненій обѣихъ сторонъ, тяжущіеся удалились бы, а члены камеры и третейскій судья совмѣстно разсмотрѣли бы и обсудили всѣ данныя слѣдствія и рѣшили бы вопросъ или большинствомъ голосовъ членовъ камеры, или вердиктомъ третейскаго судьи“ *).

Такъ разрѣшались камерой Кетлэ частные споры. Но уже въ теченіе перваго года дѣятельности камеры руководители ея пришли, совершенно такъ же, какъ въ Ноттингэмѣ, къ тому заключенію, что не удобно и не цѣлесообразно собирать 12 предпринимателей и рабочихъ и отнимать время у графскаго судьи по поводу всякаго мелкаго вопроса, не попытавшись предвари-

*) Kettle. Strikes v. Arbitration, глава II.

тельно разрѣшить его какимъ-либо инымъ, менѣе сложнымъ способомъ. Поэтому при пересмотрѣ правилъ на слѣдующій годъ, Кетлэ дополнилъ ихъ весьма существеннымъ постановленіемъ, получившимъ наименованіе „conciliation clause“ и заключавшимся въ томъ, что „въ случаѣ возникновенія между единичнымъ хозяиномъ и его рабочимъ или рабочими какого-либо спора или разногласія частнаго характера, не затрагивающаго общихъ интересовъ промышленности“, стороны, непосредственно заинтересованныя въ этомъ спорѣ, обращаются сперва къ услугамъ *двухъ посредниковъ*, избираемыхъ ими изъ числа членовъ камеры, и только въ случаяхъ неудачи этихъ посредниковъ, дѣло поступаетъ на формальное разсмотрѣніе и разрѣшеніе камеры *).

Какъ видимъ, этотъ упрощенный порядокъ близко соотвѣтствуетъ такъ наз. „слѣдственному комитету“ въ камерѣ Мунделлы. Все различіе заключалось въ томъ, что, между тѣмъ какъ въ Ноттингэмѣ посредники назначались самою камерою изъ числа ея членовъ, въ Вольфергэмптонѣ они избирались изъ тѣхъ же членовъ камеры заинтересованными сторонами: хозяинъ избиралъ своего посредника изъ числа членовъ предпринимательской секціи камеры, рабочіе своего—изъ рабочей секціи. Два посредника сходились, разсматривали дѣло и пытались привести спорящихъ къ соглашенію между собою. Въ случаѣ неудачи, дѣло поступало въ камеру.

По словамъ Кетлэ, это дополнительное правило, организовавшее посредничество, оказалось на практикѣ даже болѣе полезнымъ для разрѣшенія частныхъ споровъ, чѣмъ основное „Arbitration Clause“: въ теченіе трехъ лѣтъ, протекшихъ со времени установленія „Conciliation clause“ и до 1868 года, посредникамъ неизмѣнно удавалось разрѣшать всѣ частные споры безъ формальнаго обращенія въ камеру, вся дѣятельность которой сосредоточивалась, благодаря этому, на разсмотрѣніи и разрѣшеніи болѣе важныхъ общихъ вопросовъ.

Какъ было упомянуто выше, *общія условія работы* были установлены въ Вольфергэмптонѣ на годъ впередъ: именно съ 1 мая 1864 до 1 мая 1865 года. Этотъ срокъ дѣйствія правилъ былъ однако не максимальный, а лишь минимальный, т. е. правила могли оставаться въ силѣ и на слѣдующій годъ и еще на слѣдующій, вообще на неопредѣленное время, пока отъ той или другой стороны не послѣдовало бы въ январѣ какого-либо года заявленія о томъ, что съ 1 мая этого года она желаетъ измѣненія правилъ.

Такія заявленія были поданы обѣими сторонами уже 1 января 1865 года; требуемыя измѣненія были весьма существенны и касались многихъ условій работы: повышенія заработной платы,

*) l. c. 6998.

субботнихъ полупраздниковъ, вознагражденія за работу на открытыхъ мѣстахъ, такъ наз. „walking time“—т. е. времени, назначеннаго на ходьбу и проч. Вновь состоялось совершенно такое же обсужденіе всѣхъ этихъ пунктовъ, какъ и въ предъидущемъ году, и вновь члены камеры пришли къ единодушному соглашенію по всѣмъ возбужденнымъ вопросамъ, ни разу не прибѣгнувъ къ рѣшающему голосу третейскаго судьи *).

Такимъ же образомъ дѣятельность Вольфергэмптонской камеры продолжалась и далѣе изъ года въ годъ. Давая свое показаніе передъ королевской коммиссіей о Trades Union'ахъ въ 1868 году, Кетлэ заявилъ, что его система третейскаго суда дѣйствуетъ въ Вольфергэмптонѣ вполнѣ удовлетворительно, и что, благодаря этой системѣ, строительныя работы производились въ этомъ городѣ въ теченіе послѣднихъ нѣсколькихъ лѣтъ самымъ мирнымъ образомъ, въ полномъ взаимномъ довѣріи между хозяевами и рабочими **).

Наилучшимъ доказательствомъ успѣха, достигнутаго камерой Кетлэ, служитъ быстрое распространеніе его системы на другіе разряды рабочихъ и по другимъ городамъ. Сперва, въ самомъ Вольфергэмптонѣ, такія же камеры, какъ первоначальная камера плотниковъ, возникли у штукатуровъ въ 1866 и у каменьщиковъ въ 1867 году. Затѣмъ рабочіе и хозяева-строители другихъ городовъ стали наперерывъ обращаться къ Кетлэ съ просьбами помочь имъ въ организаціи камеръ, которыя и основались при его личномъ участіи въ Ковентри, Ворчестерѣ и другихъ сосѣднихъ городахъ ***). „Изъ Вольфергэмптона“, писалъ Кетлэ профессору Брентано въ январѣ 1872 года, „эта система распространилась изъ города въ городъ и отъ одной отрасли промышленности къ другой“ ****).

Система Кетлэ отличалась отъ системы Мунделлы двумя характерными особенностями. Первое, уже извѣстное намъ, отличіе заключалось въ томъ, что въ камерѣ Кетлэ имѣется *лично не заинтересованный въ дѣлѣ третейскій судья*, который рѣшаетъ вопросъ въ тѣхъ случаяхъ, когда представители сторонъ не могутъ придти къ соглашенію между собою; въ камерѣ же Мунделлы такого независимаго третейскаго судьи не существовало, и хотя право рѣшающаго голоса было предоставлено уставомъ предсѣдателю камеры, этотъ послѣдній, какъ заинтересованное лицо, не могъ пользоваться этимъ правомъ безъ ущерба для авторитета камеры. Такимъ образомъ, въ системѣ Мунделлы окончательное разрѣшеніе спорныхъ вопросовъ являлось необезпечен-

---

*) l. c. 7020; 7112.

**) l. c. [illegible]99; 7018—702; Strikes and Arb., глава II.

***) l. c. 702[illegible]; 7028 38.

****) Brentano l. c. стр. 270.

нымъ, и въ этомъ отношеніи система Кетлэ, пользовавшаяся третейскимъ судомъ, очевидно заслуживала рѣшительнаго предпочтенія. Съ теченіемъ времени, руководители Ноттингэмской камеры сами пришли къ заключенію, что отсутствіе третейскаго суда составляетъ слабую сторону ихъ знаменитой камеры, и соотвѣтственно измѣнили ея уставъ *).

Слѣдуетъ только помнить однако, что хотя Кетлэ и назвалъ свою камеру „Третейскою" камерою („Arbitration" Board), и хотя въ присутствіи третейскаго судьи заключалось одно изъ характерныхъ отличій и достоинствъ его системы по сравненію съ системою Мунделлы, тѣмъ не менѣе и Кетлэ вполнѣ сознавалъ, что рѣшеніе вопроса путемъ соглашенія заслуживаетъ рѣшительнаго предпочтенія передъ третейскимъ судомъ, и потому прибѣгалъ къ этому послѣднему способу только въ крайнихъ случаяхъ, когда соглашеніе не могло состояться, не смотря на всѣ усилія представителей сторонъ и предсѣдателя камеры. Въ дѣйствительности такъ называемыя „третейскія" камеры, созданныя по плану Кетлэ, рѣшали большинство вопросовъ тѣмъ-же способомъ переговоровъ и соглашенія, какъ и камеры соглашенія („Conciliation" Board), заимствовавшія свои уставы у Мунделлы. „Не думайте, писалъ Кетлэ профессору Брентано въ 1872 г., чтобы третейскому судьѣ приходилось часто пользоваться правомъ рѣшающаго голоса. Мнѣ не пришлось рѣшать вопроса и въ десятой части тѣхъ случаевъ, когда я исполнялъ обязанности третейскаго судьи" **).

Такимъ образомъ, третейскія камеры Кетлэ были съ самаго начала также камерами соглашенія; а съ тѣхъ поръ, какъ камера Мунделлы ввела въ свой уставъ третейскій судъ въ дополненіе къ соглашенію, различіе между двумя системами, въ этомъ отношеніи, совершенно исчезло, и обѣ системы слились въ одинъ типъ учрежденій, которыя можно назвать „*Камерами соглашенія и третейскаго суда*" (Boards of Conciliation and Arbitration). ***).

Другая мысль, которую Кетлэ мечталъ осуществить въ своей камерѣ, и которая была особенно дорога ему, какъ юристу, заключалась въ томъ, чтобы *обезпечить исполненіе рѣшеній камеры силою закона*. И, несомнѣнно, ему удалось съ большимъ остроуміемъ преодолѣть первое препятствіе, которое онъ встрѣтилъ на пути осуществленія этой мысли. Препятствіе это состояло въ томъ, что англійское право не признаетъ коллективныхъ условій, заключаемыхъ между группами предпринимателей и рабочихъ, а знаетъ только индивидуальные договоры найма между отдѣльными хозяевами и отдѣльными рабочими. Задача

*) Crompton, стр. 37.
**) Brentano I. c. стр. 37.
***) Brentano стр. 279—81.

Кетлэ сводилась такимъ образомъ къ тому, чтобы обратить тѣ общія правила, которыя время отъ времени устанавливались камерою, въ условія индивидуальнаго договора, заключаемаго между каждымъ хозяиномъ-строителемъ и каждымъ нанимаемымъ рабочимъ. Съ этою цѣлью, камерою было постановлено, чтобы выработанныя ею „правила" вывѣшивались въ каждой мастерской Вольфергэмптона, и чтобы по экземпляру этихъ правилъ вручалось хозяиномъ каждому вновь нанимаемому рабочему. Съ помощью такого простого пріема, правила камеры становились, въ силу общаго права, условіями индивидуальнаго договора, пользующагося всею защитою закона. *).

Впослѣдствіи выяснилось однако, что, какъ ни остроумна была комбинація, придуманная Кетлэ, она не имѣла почти никакого практическаго значенія, такъ какъ на мѣсто того препятствія, которое Кетлэ сумѣлъ устранить, выростало новое, неодолимое. Это второе препятствіе заключалось въ томъ, что въ строительной промышленности договоръ найма между предпринимателемъ и рабочимъ можетъ быть прекращенъ въ любое время по заявленію („notice") каждой изъ сторонъ, поданному за 24 часа. Черезъ 24 часа послѣ подачи заявленія, рабочій или хозяинъ свободенъ, и никакой законъ не обязываетъ его болѣе работать на извѣстныхъ условіяхъ **). При такой краткосрочности договора найма, легальная санкція очевидно не можетъ имѣть почти никакого значенія для обезпеченія соблюденія „правилъ", установленныхъ камерой. Въ самомъ дѣлѣ, камера устанавливаетъ условія работы на годъ впередъ и требуетъ, чтобы эти условія въ теченіе цѣлаго года неукоснительно соблюдались всѣми предпринимателями и рабочими; напротивъ, законъ дозволяетъ каждому предпринимателю и каждому рабочему потребовать черезъ сутки измѣненія любого заключеннаго условія.

Такимъ образомъ, легальная санкція, придуманная Кетлэ, оказалась на дѣлѣ не болѣе, какъ фикціей, и для дѣйствительнаго обезпеченія исполненія рѣшеній Вольфергэмптонской камеры, пришлось прибѣгнуть не къ закону, а къ тому же могучему союзнику, на который всецѣло опиралась камера Мунделлы.

Не законъ, а рабочій союзъ мѣшаетъ предпринимателю сорвать со стѣны правила, установленныя камерой, и объявить своимъ рабочимъ, что черезъ 24 часа онъ понизитъ плату, удлинитъ рабочее время или измѣнитъ къ худшему другія условія работы ***).

И точно также только рабочій союзъ заставляетъ рабочихъ честно соблюдать правила, установленныя камерою, и не требовать ихъ измѣненія до наступленія назначеннаго срока. „Я по-

---

*) l. c. 6998, 7000—6.

**) l. c. 7114; 7073.

***) l. c. 7118—24.

лагаю", говоритъ Кетлэ, „что союзъ исключитъ изъ своей среды тѣхъ рабочихъ, которые потребуютъ отъ работодателя увеличенія платы въ теченіе года *).

II. Исторія основанія и организація Камеры соглашенія и третейскаго суда желѣзодѣлательной промышленности Сѣверной Англіи.

Приступая къ описанію, „Камеры соглашенія и третейскаго суда желѣзодѣлательной промышленности Сѣверной Англіи", мы должны прежде всего посвятить нѣсколько словъ болѣе точному опредѣленію той отрасли производства и той мѣстности, которыя служатъ ареною дѣятельности камеры.

Подъ желѣзодѣлательными заводами въ настоящемъ очеркѣ разумѣются заводы, занимающіяся превращеніемъ чугуна въ желѣзо и сталь и переработкою этихъ послѣднихъ въ готовыя желѣзныя и стальныя издѣлія простѣйшихъ типовъ, какъ-то: желѣзнодорожные рельсы, корабельные и котельные листы (plates), разнаго вида сортовое и угловое желѣзо для строительныхъ цѣлей и пр. **).

Желѣзодѣлательное производство составляетъ одну изъ обширнѣйшихъ и важнѣйшихъ отраслей англійской промышленности и сосредоточивается въ болѣе или менѣе отдаленныхъ другъ отъ друга округахъ: въ Стаффордширѣ и сосѣднихъ съ нимъ такъ называемыхъ „Среднихъ" графствахъ (Midlands), гдѣ, вокругъ Бирмингэма, впервые развилось добываніе и обработка металловъ, въ Ланкаширѣ къ сѣверу отъ центровъ текстильной

---

*) l. c. 7125—28; кромѣ указанныхъ вопросовъ см. также о „легальной санкціи" рѣшеній камеры: l. c. 7010—11; 7016; 7064—65; 7069—71, 7076; 7095—7; 7117; 7211—16.

Вольфергэмптонская камера продолжаетъ существовать и по нынѣ. Но въ 1890 году ея уставъ былъ пересмотрѣнъ и въ настоящее время она состоитъ не изъ 6, а изъ 4 представителей обѣихъ сторонъ. (Labour Comission Rules № 552; group. C. 18358).

**) Производство *желѣза* распадается технически на три послѣдовательные процесса: 1) добываніе чугуна изъ желѣзной руды въ такъ называемыхъ „доменныхъ" печахъ; 2) превращеніе чугуна въ желѣзо посредствомъ обработки въ пуддлинговыхъ печахъ и 3) приготовленіе изъ „пуддлинговаго" желѣза, путемъ прокатки его черезъ такъ наз. „вальцы", готовыхъ желѣзныхъ издѣлій, какъ-то: рельсовъ, листовъ угловаго желѣза и пр. При производствѣ *стали*, первая и третья стадіи процесса остаются тѣ же, какъ и при производствѣ желѣза, но „пуддлингованіе" замѣняется однимъ изъ двухъ конкуррирующихъ способовъ превращенія желѣза въ сталь: способомъ Бессемера („бессемерованіе") или способомъ Сименсъ-Мартина („мартэнованіе"). Какъ сказано въ текстѣ, только превращеніе чугуна въ желѣзо или сталь и прокатка этихъ металловъ черезъ вальцы составляютъ предметъ дѣятельности тѣхъ желѣзодѣлательныхъ заводовъ, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь. Что-же касается доменнаго производства, то хотя оно и бываетъ порою соединено въ одно предпріятіе съ желѣзодѣлательными заводами, но, по господствующимъ въ немъ рабочимъ отношеніямъ, оно рѣзко отличается отъ этихъ послѣднихъ и скорѣе примыкаетъ къ горной промышленности.

промышленности, въ Кумберлэндѣ, въ южномъ Уэлсѣ, въ Шотландіи и, наконецъ, на „Сѣверѣ Англіи".

Промышленный округъ, извѣстный подъ названіемъ Сѣвера Англіи, расположенъ на сѣверо-востокѣ страны, у берега Нѣмецкаго моря, и обнимаетъ собою графства Нортумберлэндъ (Northumberland) и Дергэмъ (Durham) и сѣверо-восточную часть графства Іоркширъ, именуемую Кливелэндомъ (Cleveland).

Вся эта мѣстность, съ безпримѣрною щедростью одаренная минеральными богатствами, можетъ быть по справедливости названа страною угля и желѣза. Богатѣйшіе залежи дергэмскаго и нортумберлэндскаго (ньюкастльскаго) каменнаго угля почти соприкасаются здѣсь съ неменѣе роскошными залежами кливелэндской желѣзной руды. Такимъ образомъ, въ этомъ округѣ имѣются рядомъ, не требуя почти никакихъ расходовъ на перевозку, оба первоначальные элемента, необходимые для производства чугуна, желѣза и стали.

Съ другой стороны, непосредственная близость моря ставитъ Сѣверъ Англіи въ чрезвычайно благопріятное положеніе по отношенію къ сбыту издѣлій, которыя прямо съ завода, „еще не успѣвши остыть", поступаютъ на корабль и такимъ образомъ съ минимальными затратами распространяются по всему міру.

При наличности такихъ, исключительно счастливыхъ естественныхъ условій, желѣзодѣлательная промышленность не могла не достичь на Сѣверѣ Англіи блестящаго и быстраго развитія. И дѣйствительно, желѣзная руда была открыта въ Кливелэндѣ сравнительно недавно—около 1849 года *), но уже въ два слѣдующія десятилѣтія, пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ, „производство желѣза приняло такіе размѣры, что поставило Сѣверъ Англіи на одно изъ первыхъ мѣстъ среди желѣзодѣлательныхъ округовъ страны" **).

Подобно Камерамъ Мунделы и Кетлэ, „Камера соглашенія и третейскаго суда желѣзодѣлательной промышленности Сѣверной Англіи" обязана своимъ возникновеніемъ не теоретической мысли идеалиста-реформатора, а суровому опыту дѣйствительной жизни.

Въ шестидесятыхъ годахъ, за послѣдніе пять шесть лѣтъ до основанія камеры, отношенія между рабочими и предпринимателями желѣзодѣлательной промышленности отличались крайней враждебностью. Вслѣдствіе цѣлаго ряда неблагопріятныхъ экономическихъ и соціальныхъ условій, съ которыми мы ознакомимся нѣсколько ниже, стачки и локоуты были въ то время не только хроническою болѣзнью промышленности, но и сопровождались многими эксцессами и насиліями, являющимися обычными спут-

*) Times. Nov. 1896 г. The Industrial North.
**) Labour Commission Group A. Вопросъ 14978.

никами столкновеній между трудомъ и капиталомъ на низшихъ ступеняхъ соціальнаго развитія.

Въ показаніяхъ одного изъ экспертовъ Королевской Коммиссіи, изслѣдовавшей въ 1867—69 годахъ положеніе рабочихъ союзовъ, упоминается о битьѣ стеколъ *), объ угрожающихъ письмахъ **), о памфлетахъ и манифестахъ, въ которыхъ заводчики награждались прозвищами „фарисеевъ“ и „тирановъ“, а судьба рабочихъ сравнивалась съ участью евреевъ въ плѣну египетскомъ. Во время стачекъ такъ называемые „black legs“, т. е. пришлые рабочіе, нанимаемые заводчиками для замѣщенія стачечниковъ, подвергались не только запугиваніямъ и угрозамъ, но также нерѣдко и физическимъ насиліямъ, за что виновные наказывались тюремнымъ заключеніемъ. Однажды толпа стачечниковъ подстерегла на улицѣ секретаря ассоціаціи заводчиковъ, M-r Jones'а и провожала его до его конторы угрожающими криками, бросаніемъ грязи и камней ***). Все это несомнѣнно свидѣтельствовало о крайней грубости и распущенности рабочей массы и о глубинѣ той пропасти, которая отдѣляла ее отъ заводчиковъ.

Отвѣтственность за такія отношенія падала, однако, не на однихъ лишь рабочихъ. Предприниматели съ своей стороны обнаруживали отсутствіе симпатіи къ рабочимъ ****) и предоставляли своимъ управляющимъ неограниченную свободу притѣснять ихъ чрезмѣрными и произвольными штрафами и вычетами.

Когда въ августѣ 1862 года рабочіе соединились въ постоянный союзъ, предприниматели вскорѣ отвѣтили на это основаніемъ грозной ассоціаціи, предназначенной для взаимной поддержки. Въ случаяхъ мѣстныхъ стачекъ на отдѣльныхъ заводахъ убытки всякаго члена ассоціаціи, причиненные ему стачкою, раскладывались на всѣхъ прочихъ членовъ, а исправное поступленіе платежей отъ этихъ послѣднихъ обезпечивалось громаднымъ резервнымъ фондомъ, достигшимъ къ 1-му января 1867 года 45,557 фун. стерл. и составленнымъ изъ векселей всѣхъ фирмъ, депозированныхъ ими въ банкѣ на имя ассоціаціи *****).

Сплотившись такимъ образомъ, предприниматели считали себя достаточно сильными, чтобы совершенно игнорировать самое существованіе рабочаго союза. Вступая, въ лучшихъ случаяхъ, въ объясненія съ депутаціями отъ рабочихъ собственнаго завода,

*) Royal Commission on Trade Unions 1868 г. вопросъ 9545.

**) Ibid. стр. 56, 57, 55.

***) Ibid. 9545.

****) Crompton l. c. стр. 54.

*****) l. c. 9391—9404. Въ теченіе 18 мѣсяцевъ, кончая 31 дек. 1866 г. сумма „субсидій“, уплаченныхъ ассоціаціей, равнялась 6,012 фун. стерл. 11 шил. 3 пен. (l. c. 9404).

они категорически отказывались принимать руководителей союза и имѣть съ ними какое бы то ни было дѣло *). Мало того, рабочіе, принимавшіе близкое участіе въ дѣлахъ союза, нерѣдко подвергались преслѣдованіямъ: имъ не только отказывали отъ мѣста, но и сообщали ихъ имена на другіе заводы, закрывая имъ такимъ образомъ доступъ на эти послѣдніе **).

Такое положеніе вещей чрезвычайно затрудняло мирное разрѣшеніе разногласій и неизбѣжно приводило къ умноженію стачекъ и локоутовъ.

Всякій разъ, когда промышленность подвергалась депрессіи, и заводчики находили нужнымъ прибѣгнуть къ общему пониженію заработной платы, они вывѣшивали на своихъ заводахъ предупрежденія о предстоящемъ пониженіи, но считали совершенно излишнимъ объяснять рабочимъ причины предъявляемаго требованія и доказывать имъ его необходимость ***). Хотя измѣненія платы производились одновременно на всѣхъ заводахъ по предварительному соглашенію между ихъ хозяевами, никакихъ *общихъ* совѣщаній между этими послѣдними и главными, признанными вождями рабочихъ не происходило; въ лучшихъ случаяхъ, все дѣло ограничивалось кое-какими случайными, отрывочными объясненіями между отдѣльными болѣе гуманными заводчиками и депутаціями ихъ собственныхъ рабочихъ ****); главные же руководители рабочаго союза, за которыми обыкновенно слѣдуетъ довѣряющая имъ масса, оставались въ сторонѣ и въ полной неизвѣстности относительно истинныхъ побужденій предпринимателей. Въ результатѣ обыкновенно оказывалось, что лишь только истекалъ срокъ предупрежденія, работы повсемѣстно прекращались, и начиналась общая, болѣе или менѣе продолжительная стачка. То же происходило и при обратныхъ условіяхъ, когда вслѣдствіе улучшенія промышленной конъюнктуры, рабочіе предъявляли требованіе повышенія платы; тогда наступала очередь рабочихъ „диктовать“ условія работы, и предпринимателямъ оставалось только или принимать эти условія, или съизнова начинать борьбу *****).

Обстоятельства послѣдней общей стачки, происшедшей въ желѣзодѣлательной промышленности Сѣверной Англіи въ 1866 году, особенно ясно иллюстрируютъ всю пагубность такого порядка разрѣшенія споровъ.

Въ концѣ іюня 1866 года предприниматели рѣшили понизить заработную плату на 10 проц. и, по своему обыкновенію, вывѣ-

*) l. c. 9711—12; 9800.

**) l. c. 8453—58; 11325.

***) Ed. Trow „Conciliation and Arbitration“. Лекція въ Кэмбриджскомъ университетѣ Ironworkers Journal 1894. Дес. стр. 1.

****) l. c. 8322.

*****) Ed. Trow. l. c.

сили объявленія о наступленіи требуемаго измѣненія черезъ три недѣли. Вмѣсто всякаго объясненія причинъ такого требованія, въ объявленіяхъ было лишь упомянуто въ самыхъ общихъ выраженіяхъ, что пониженіе заработной платы необходимо вслѣдствіе „угнетеннаго состоянія промышленности“ *). И дѣйствительно, насколько можно судить по имѣющимся даннымъ, промышленность переживала въ то время кризисъ, вызванный паденіемъ цѣны желѣза и сильнымъ сокращеніемъ спроса на внутреннемъ рынкѣ **). Ни то, ни другое изъ этихъ обстоятельствъ не было однако извѣстно рабочимъ. Они, напротивъ, видѣли, что почти всѣ заводы продолжали работать въ полномъ объемѣ, а оффиціальный отчетъ Департамента Промышленности (Board of Trade) показывалъ увеличеніе экспорта желѣза ***). Не будучи въ состояніи примирить эти факты съ бездоказательною ссылкою предпринимателей на „угнетенное состояніе промышленности“, рабочіе естественно заподозрили правильность послѣдняго утвержденія и сочли требованіе заводчиковъ за ничѣмъ неоправдываемую попытку увеличить свою прибыль за счетъ заработной платы ****).

Кромѣ недостаточной мотивировки, требованіе предпринимателей отличалось еще и другою особенностью, обусловливавшею полную невозможность его принятія рабочими безъ дальнѣйшихъ переговоровъ и объясненій. Дѣло въ томъ, что только для одного разряда рабочихъ—для пуддлеровъ—размѣръ предлагаемаго пониженія платы былъ точно обозначенъ въ вывѣшенныхъ объявленіяхъ (10%), для прочихъ же разрядовъ было сказано смутно и неопредѣленно, что пониженія должны быть не менѣе 10%. Понятно, что рабочіе не могли согласиться на столь неопредѣленныя условія, тѣмъ болѣе, что изъ частныхъ переговоровъ съ отдѣльными хозяевами оказывалось, что въ нѣкоторыхъ, правда единичныхъ, случаяхъ размѣръ проектированнаго пониженія доходилъ до 50—60% *****).

Есть полное основаніе думать, что если-бы между предпринимателями и рабочими своевременно произошли обстоятельные переговоры, оба вышеуказанныя препятствія къ достиженію соглашенія были-бы устранены: съ одной стороны рабочіе убѣдились-бы изъ подкрѣпленныхъ доказательствами объясненій заводчиковъ, что требованіе пониженія заработной платы вызвано не произволомъ, а необходимостью; съ другой стороны, предприниматели, вѣроятно, ограничили-бы свое требованіе опре-

*) l. c. 8270, 8301.

**) l. c. стр. 56; 9527.

***) l. c. 8276; 8300—8309; 9527.

****) l. c. 8277.

*****) l. c. 8317; 8320—22; 11134.

дѣленными и разумными нормами *). На дѣлѣ, при отсутствіи систематическихъ сношеній между сторонами, бездоказательность, неопредѣленность и неумѣренность требованія заводчиковъ привели къ самой жестокой и продолжительной изъ всѣхъ стачекъ, извѣстныхъ въ лѣтописяхъ желѣзодѣлательной промышленности сѣверной Англіи.

Стачка 12,000 человѣкъ на всѣхъ заводахъ округа продолжалась 5 мѣсяцевъ и кончилась полнымъ пораженіемъ рабочихъ, которымъ пришлось наконецъ вернуться къ работѣ на условіяхъ еще болѣе тяжкихъ, чѣмъ тѣ, которыя были предложены имъ до начала стачки. „Разоривъ свои жилища, заложивъ одежду и впавъ въ тяжелые долги, они были такъ разбиты и дезорганизованы, что оказались въ полной власти работодателей, вслѣдствіе чего послѣдовало два новыхъ пониженія платы въ 1867 году“ **).

Но и предприниматели не могли радоваться одержанной побѣдѣ и безмятежно пользоваться ея плодами. Во-первыхъ, побѣда была куплена дорогою цѣною многотысячныхъ убытковъ; во-вторыхъ, они вполнѣ сознавали, что рабочіе, раздраженные пораженіемъ и повторными пониженіями заработной платы, не преминутъ воспользоваться первымъ же улучшеніемъ конъюнктуры, чтобы предъявить къ предпринимателямъ столь-же безпощадныя требованія повышенія платы, какъ безпощадны были только что достигнутыя пониженія ***). Такимъ образомъ, казалось, что „округъ, обладавшій всѣми данными для процвѣтанія, былъ обреченъ на гибель вслѣдствіе промышленной войны“ ****).

Такая безотрадная перспектива не могла не озабочивать наиболѣе дальновидныхъ изъ представителей обѣихъ враждующихъ сторонъ.

Среди заводчиковъ, къ счастью, нашелся человѣкъ съ широкими и просвѣщенными взглядами, который пришелъ къ заключенію, что прежнее властное отношеніе работодателей къ рабо-

*) Требованіе заводчиковъ, повидимому, представляло въ данномъ случаѣ крайне нераціональное смѣшеніе двухъ самостоятельныхъ вопросовъ: съ одной стороны вопроса объ общемъ пониженіи платы на 10%, вызываемаго положеніемъ рынка, съ другой—вопроса о спеціальномъ и гораздо большемъ пониженіи для нѣкоторыхъ разрядовъ рабочихъ, заработки которыхъ, вѣроятно, возрасли въ такой степени, что утратили правильное отношеніе къ заработкамъ другихъ рабочихъ. Въ послѣдующей исторіи камеры вопросы второго рода никогда не смѣшивались съ вопросами первой категоріи, и это строгое разграниченіе несомнѣнно способствовало успѣшному разрѣшенію какъ тѣхъ, такъ и другихъ. (См. далѣе).

**) Trow. l. c.

***) Labour Commission. l. c. 14978.

****) Jeans Conciliation and Arbitration in Labour disputes. 1894 г. стр. 88.

чимъ отжило свой вѣкъ и должно быть замѣнено отношеніями, основанными на полной равноправности сторонъ *).

Заводчикъ этотъ—M-r. Dawid Dale изъ Дарлингтона—происходилъ изъ той же семьи, къ которой принадлежалъ Робертъ Оуэнъ и, подобно своему знаменитому предку, отличался не только передовыми и высокогуманными взглядами, но и желѣзною энергіей и терпѣніемъ въ преслѣдованіи разъ намѣченной цѣли **). Въ поискахъ за выходомъ изъ невыносимаго положенія, созданнаго безпрерывными стачками и локоутами, онъ—первый изъ предпринимателей сѣверной Англіи—обратилъ вниманіе на камеры соглашенія и третейскаго суда, какъ способъ мирнаго разрѣшенія споровъ между рабочими и работодателями. Участвуя въ происходившихъ въ Лондонѣ засѣданіяхъ соединенныхъ торговыхъ палатъ (Associated Chambers of Commerce), Dale имѣлъ случай познакомиться съ Мунделлой, читавшимъ тамъ докладъ о своей Ноттингэмской камерѣ, и, убѣдившись въ громадной пользѣ этой системы для предпринимателей и рабочихъ, рѣшилъ попытаться примѣнить къ желѣзодѣлательной промышленности.

Для осуществленія своего намѣренія онъ прежде всего вошелъ въ сношенія съ тѣми самыми лидерами рабочаго союза, которыхъ другіе заводчики клеймили названіемъ агитаторовъ и не хотѣли допускать къ какому-бы то ни было вмѣшательству въ свои отношенія къ рабочимъ. Но Dale понималъ своимъ яснымъ и трезвымъ умомъ, что безъ сочувствія этихъ лицъ, пользовавшихся безграничнымъ довѣріемъ рабочихъ, задуманная имъ реформа не имѣла-бы ни малѣйшихъ шансовъ успѣха. Къ счастью, мысли Дэля не только не были новостью для руководителей рабочихъ, но и совершенно совпадали съ направленіемъ ихъ собственныхъ мыслей и желаній ***). Еще въ 1867 году въ своемъ показаніи передъ королевской коммиссіей о Trades-Union'ахъ, президентъ рабочаго союза Джонъ Кэнъ (Kane) рѣшительно высказывался въ пользу третейскихъ камеръ и, въ общихъ чертахъ, совершенно правильно излагалъ планъ ихъ организаціи ****). „Такимъ образомъ", говоритъ Dale, „намъ было не особенно трудно убѣдить другъ друга, такъ какъ обѣ стороны независимо пришли къ почти тождественному заключенію".

Условившись съ руководителями рабочихъ Kane'омъ и Trow, M-r Dale приступилъ ко второй, сравнительно болѣе трудной, части своей задачи—убѣдить своихъ товарищей-заводчиковъ въ

*) Lotz. Das Schieds-und Einigungsverfahren in der Walzeisen und Stahlindustrie Nordenglands. Schriften des Vereins für Social-politik XLV 1890, стр, 279; Schulze Gaevernitz. T. II, стр. 386.

**) Ironworkers Journal, 1894. Septemb. Ibid. Novemb. 1888.

***) Ironwerkers Journal. Novemb. 1888 г.

****) Commission Trade Unions 1868 г. 8329; 8354; 8379—91.

цѣлесообразности проектированнаго имъ новаго плана. Къ счастью и здѣсь Dale не встрѣтилъ такого сопротивленія, какого можно было ожидать на основаніи предыдущаго опыта. Между тѣмъ какъ прежде заводчики всегда отвѣчали рѣшительнымъ отказомъ на предложенія того же рода, исходившія отъ рабочихъ, событія послѣдняго времени, повидимому, поколебали ихъ предубѣжденія и заставили ихъ съ полнымъ вниманіемъ отнестись къ предложеніямъ Дэля *).

25 марта 1868 года Дэль изложилъ подробности своего плана передъ ассоціаціей заводчиковъ сѣверной Англіи. Во введеніи къ своему изложенію Дэль говорилъ:

„Теорія, по которой каждый хозяинъ долженъ заключать условія съ каждымъ рабочимъ въ отдѣльности, несомнѣнно въ общемъ правильна. Но, когда опытъ показалъ желательность вести дѣло на томъ принципѣ, который принятъ желѣзозаводчиками и заключается въ томъ, чтобы платить одинаковую сдѣльную плату всѣмъ рабочимъ даннаго цеха на всѣхъ заводахъ округа и одновременно измѣнять эту плату на всѣхъ заводахъ—то, при такихъ условіяхъ, ощущается потребность въ какой либо организаціи, которая позволяла-бы предпринимателю входить въ сношенія и обсуждать дѣла съ цѣлымъ классомъ рабочихъ подобно тому, какъ, при первоначальномъ положеніи вещей, онъ дѣлалъ это съ индивидуумомъ".

Аргументація Дэля показалась настолько убѣдительной, что ассоціація заводчиковъ назначила—7 апрѣля 1868 года—особую коммиссію для подробнаго разсмотрѣнія его плана. Проработавъ почти цѣлый годъ и тщательно изучивъ прежнія попытки этого рода въ другихъ отрасляхъ промышленности, коммиссія высказалась—12 января 1869 года—въ пользу учрежденія камеры, „если рабочіе отнесутся сочувственно въ такому эксперименту" **).

Между тѣмъ Джонъ Кэнъ и его сотрудники со своей стороны ревностно пропагандировали ту же идею мирнаго разрѣшенія споровъ среди рабочихъ, и пропаганда ихъ была настолько успѣшна, что въ различныхъ пунктахъ сѣверной Англіи состоялись митинги рабочихъ, на которыхъ были постановлены единогласныя резолюціи въ пользу принциповъ соглашенія и третейскаго суда. Такимъ образомъ мало-по-малу съ обѣихъ сторонъ была подготовлена почва для коренного измѣненія существующихъ порядковъ и отношеній ***).

Рѣшительный моментъ наступилъ весною 1869 года, когда кризисъ, тяготѣвшій надъ желѣзодѣлательной промышленностью въ теченіе послѣднихъ 4 лѣтъ, смѣнился оживленіемъ дѣлъ, уве-

*) Ironworkers Journal Novemb. 1888 г., Decemb. 1894. (Лекція Trow въ Кэмбриджѣ).

**) Jeans l. c. стр. 88—90.

***) Ironworkers Journal. Decemb. 1894; Lotz. l. c. стр. 270.

личеніемъ спроса на желѣзо и повышеніемъ его цѣны. Какъ и слѣдовало ожидать, рабочіе немедленно воспользовались благопріятною конъюнктурою и предъявили требованіе о повышеніи заработной платы. Но, въ то же время, слѣдуя совѣту своихъ вождей, они формально предложили предпринимателямъ совмѣстно основать третейскую камеру и отдать на ея разрѣшеніе не только возникшій вопросъ о повышеніи заработной платы, но и вообще всякіе будущіе споры и разногласія. „Мы согласны", говорили рабочіе въ циркулярѣ, разосланномъ всѣмъ фирмамъ и подписанномъ всѣми рабочими каждой фирмы, „отдать наше требованіе на разрѣшеніе независимой третейской камеры скорѣе, чѣмъ прибѣгнуть къ стачкѣ, и мы искренно надѣемся, что и вы также согласитесь на это, чтобы на будущее время предупреждать локоуты и стачки, которые могутъ мучить и убивать, но никогда не убѣждаютъ" *).

На это предложеніе рабочихъ послѣдовалъ благопріятный отвѣтъ со стороны заводчиковъ. Подготовленные усиліями Дэля, они измѣнили свою прежнюю тактику и согласились вступить въ переговоры съ представителями рабочихъ и обсудить вмѣстѣ съ ними какъ требованіе прибавки, такъ и вопросъ объ учрежденіи постоянной камеры.

Первое совѣщаніе обѣихъ сторонъ состоялось 1 марта 1869 г.; затѣмъ послѣдовало еще нѣсколько засѣданій, на которыхъ, подъ предсѣдательствомъ и руководствомъ Дэля, были выработаны правила камеры. Наконецъ—22 марта 1869 года—камера была формально учреждена и немедленно начала свою дѣятельность съ разсмотрѣнія и разрѣшенія возбужденнаго рабочими вопроса объ увеличеніи заработной платы. „Послѣ цѣлыхъ годовъ труда и заботъ", сказалъ въ то время Джонъ Кэнъ, „наши усилія подвинуть вопросъ о третейскомъ судѣ наконецъ увѣнчались успѣхомъ" **).

И можно прибавить теперь, что этотъ успѣхъ превзошелъ всѣ ожиданія и не имѣлъ себѣ равнаго въ исторіи англійской и вообще всемірной промышленности. Прошло почти 30 лѣтъ со времени основанія камеры, созданной усиліями Деля и Кэна, и за все это время камера такъ успѣшно исполняла свои трудныя функціи; что въ желѣзодѣлательной промышленности сѣверной Англіи не было ни одной общей стачки, а частныя остановки работы на отдѣльныхъ заводахъ были столь рѣдки и непродолжительны, что почти незамѣтно теряются въ долгихъ годахъ всеобщаго мира.

Выясненіе причинъ столь блестящихъ результатовъ, достигнутыхъ камерой, составитъ предметъ всего послѣдующаго изло-

*) Ironwerkers Journal Decemb. 1894 г.

**) Ironworkers Journal. Decemb. 1894 г. Jeans l. c. стр. 90.

женія; но теперь же слѣдуетъ указать на тотъ отмѣчаемый всѣми изслѣдователями фактъ, что общія экономическія и соціальныя условія, среди которыхъ пришлось дѣйствовать камерѣ, не только не благопріятствовали успѣшному выполненію ея задачи, а наоборотъ составляли такой сложный комплексъ всевозможныхъ препятствій, какой рѣдко можно встрѣтить въ какой-либо другой отрасли промышленности.

1) Какъ мы видѣли выше, въ шестидесятыхъ годахъ между заводчиками и рабочими господствовало полное взаимное недовѣріе, отчужденность и даже ненависть. Такое настроеніе питалось и поддерживалось постоянными стачками и локоутами, но корни свои оно черпало главнымъ образомъ въ томъ обстоятельствѣ, что рабочіе и заводчики были фактически чужды другъ другу, что никакія узы землячества или долголѣтней совмѣстной жизни и дѣятельности не связывали ихъ между собою.

Ростъ желѣзодѣлательной промышленности на сѣверѣ Англіи былъ необычайно быстрый; мѣстныхъ рабочихъ не доставало, и рабочіе привлекались отовсюду: изъ другихъ районовъ желѣзодѣлательнаго производства, изъ другихъ отраслей промышленности, изъ сельскихъ округовъ и даже изъ Ирландіи. Поэтому здѣсь не могло быть и рѣчи о тѣхъ, въ хорошемъ смыслѣ этого слова „патріархальныхъ отношеніяхъ“, которыя порою смягчаютъ участь безправнаго рабочаго на низшихъ ступеняхъ соціальнаго развитія. Понятно, что при такихъ обстоятельствахъ, задача установленія мирныхъ отношеній между рабочими и предпринимателями сама по себѣ достаточно трудная, становилась еще труднѣе *).

2) Второе существенное препятствіе для успѣшной дѣятельности камеры заключалось въ сравнительно низкомъ нравственномъ и умственномъ уровнѣ, на которомъ стояли рабочіе.

Пришлые рабочіе, о которыхъ мы только что упоминали, далеко не отличались тою нравственною выдержкою, тѣмъ твердымъ, спокойнымъ и разсудительнымъ характеромъ, который составляетъ типичную черту коренного населенія сѣверной Англіи и дѣлаетъ это населеніе особенно подходящею средою для развитія и процвѣтанія мирныхъ способовъ разрѣшенія промышленныхъ споровъ; наоборотъ, пришельцы изъ Уэльса и Ирландіи имѣли характеръ впечатлительный и увлекающійся, склонный къ разгулу и пьянству **).

Умственный уровень многихъ рабочихъ желѣзодѣлательной

*) Crompton l. c. стр. 54; L. L. Price „Industrial Peace“ 1887 г., стр. 25; Lotz. l. c стр. 273; Jeans l. c. стр. 27. Zur-Nieden, „Die Arbeiterverhältnisse der Eisen- und Stahlhütten-Industrie Grossbritaniens, Schmollers Jahrbuch 1896, Drittes Heft стр 204; Labour Commission l. c. 14978.

**) Lotz l. c. стр 273.

промышленности былъ также далеко невысокій. Трудъ пуддлеровъ, составлявшихъ въ то время главный, руководящій цехъ, съ одной стороны не сложенъ и не требуетъ отъ рабочаго большого умственнаго развитія; съ другой стороны трудъ этотъ — промѣшиваніе крюкомъ или ломомъ расплавленной массы металла и шлака въ отражательной печи — чрезвычайно изнурителенъ и, продолжаясь по 12 часовъ въ сутки *), не оставляетъ рабочему ни силъ, ни свободнаго времени для пріобрѣтенія познаній и умственнаго развитія. „Пуддлеры не интеллигентны", говорилъ одинъ изъ рабочихъ делегатовъ въ засѣданіи камеры, „и если бы они были интеллигентны, они не были бы пуддлерами" **).

Но чѣмъ ниже умственное развитіе рабочихъ, тѣмъ труднѣе добиться отъ нихъ правильнаго отношенія къ дѣятельности такого учрежденія, какъ камера соглашенія, тѣмъ труднѣе выяснить имъ тѣ экономическія соображенія, на которыхъ въ томъ или иномъ случаѣ основывается рѣшеніе камеры, и такимъ образомъ побудить ихъ добровольно слѣдовать этому рѣшенію ***).

3) Не менѣе серьезны были и экономическія затрудненія, съ которыми приходилось бороться камерѣ. Они состояли прежде всего въ крайне непостоянномъ характерѣ желѣзодѣлательной промышленности. Спросъ на желѣзо подвергается весьма частымъ и рѣзкимъ колебаніямъ, которыя въ свою очередь вызываютъ частыя и рѣзкія колебанія цѣнъ. „Такъ какъ желѣзо необходимо почти для всякаго производства", говоритъ извѣстный заводчикъ сэръ Lothian Bell, „то на желѣзодѣлательной промышленности отражаются въ концѣ концовъ злоключенія, переживаемыя всѣми прочими производствами ****).

Насколько велики колебанія цѣнъ на желѣзо, можно видѣть изъ того, что за десятилѣтній періодъ отъ 1869 до 1879 года (включительно) средняя продажная цѣна желѣза колебалась между 5 фун. стерл. 5 шиллинг. и 11 ф. ст. 19 шил. 4 пен. за тонну, причемъ въ пятилѣтіе между 1869 и 1874 г. она поднялась съ 6 ф. ст. 11 шил. 3 пен. до 11 ф. ст. 19 шил. 4 пен., т. е. почти вдвое, а въ слѣдующее пятилѣтіе (1874—79 г.) опустилась съ 11 ф. ст. 19 шил. 4 пен. до 5 ф. ст. 5 шил., т. е. болѣе чѣмъ на 50% *****).

Такой непостоянный характеръ производства очевидно со-

*) Zur-Nieden l. c. Zweites Heft стр. 183. На желѣзодѣлательныхъ заводахъ работа производится непрерывно день и ночь 12-часовыми смѣнами. Попытки перейти къ 8-часовымъ смѣнамъ, сдѣланныя нѣкоторыми заводчиками, наталкивались на упорное сопротивленіе рабочихъ, опасающихся уменьшенія заработковъ, сопряженнаго съ такою реформою.

**) Crompton стр. 54; Price l. c. стр. 25—26.

***) Price l. c. стр. 26.

****) ibid l. c. стр. 19.

*****) Price l. c. Таблица на стр. 21—22.

здавалъ крайне неблагопріятную почву для установленія мирныхъ отношеній между рабочими и предпринимателями; чѣмъ больше колеблются цѣны, тѣмъ больше поводовъ для той или другой стороны требовать измѣненій заработной платы, тѣмъ больше поводовъ для возникновенія споровъ и столкновеній.

4) Но, независимо отъ этихъ періодическихъ колебаній спроса, желѣзодѣлательнымъ заводамъ Сѣверной Англіи пришлось испытать за время дѣятельности камеры чрезвычайно серьезныя потрясенія, обусловленныя вытѣсненіемъ изъ употребленія ихъ первоначальнаго продукта—желѣза—сталью.

До середины семидесятыхъ годовъ главный предметъ дѣятельности кливелэндскихъ заводовъ заключался въ производствѣ желѣзнодорожныхъ рельсъ; рельсы составляли почти 50% всего производства; остальные 50% приходились на долю листового и сортового желѣза для кораблестроенія и другихъ строительныхъ цѣлей *). Но около 1877 года наступаетъ внезапный и „страшно быстрый“ упадокъ производства желѣзнодорожныхъ рельсъ, вслѣдствіе ихъ замѣны стальными рельсами, вырабатываемыми по новому способу Бессемера; производство желѣзныхъ рельсъ фирмами, входившими въ составъ камеры, достигало въ 1873 году 324.000 тоннъ, а въ 1879 году оно упало до 6.769 тоннъ, т. е. уменьшилось почти въ 50 разъ. Этотъ почти смертельный ударъ, нанесенный производству желѣзныхъ рельсъ, составилъ первый этапъ на пути побѣдоноснаго вытѣсненія желѣза сталью.

Для желѣзодѣлательныхъ заводовъ Сѣверной Англіи этотъ ударъ, самъ по себѣ достаточно сильный, оказался тѣмъ болѣе тяжкимъ, что кливелэндская желѣзная руда и добываемый изъ нея чугунъ, т. е. тѣ дешевые матеріалы, которые находились подъ руками заводчиковъ Сѣверной Англіи и составляли ихъ главное преимущество въ борьбѣ съ конкуррентами, были непригодны, по своему химическому составу, для производства бессемеровской стали, и заводчики вслѣдствіе этого не имѣли возможности развить у себя производство стальныхъ рельсъ, въ замѣнъ утраченнаго сбыта желѣзныхъ **).

Къ счастью, какъ разъ около этого критическаго для кливелэндскихъ заводовъ времени, произошло быстрое увеличеніе спроса на желѣзо для кораблестроенія, и заводы нѣсколько оправились отъ постигшаго ихъ потрясенія тѣмъ, что усилили производство листового и углового желѣза. Такъ, производство корабельныхъ „листовъ“ (plates) возрасло съ 177,000 тоннъ въ 1872 до 440,000 тоннъ въ 1883 году ***).

Но и это расширеніе сбыта желѣза оказалось непрочнымъ и

*) Lotz. l. c. стр. 271.

**) „Industrial North“, Times. Novemb. 1896 г.

***) Price l. c. стр. 20; Lotz l. c. стр. 271; „Industrial North“, Times. Novemb. 1896.

временнымъ. Новое техническое усовершенствованіе—способъ Сименсъ-Мартина—вскорѣ позволило приготовлять сталь достаточно гибкую для корабельныхъ листовъ, и съ 1883 года въ области кораблестроенія начался такой же процессъ вытѣсненія желѣза сталью, какой совершился нѣсколькими годами ранѣе въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ. Уже въ 1885 году производство листового желѣза для кораблей уменьшается до 205.000 тоннъ, т. е. слишкомъ вдвое противъ 1883 года, а 10 лѣтъ спустя, въ 1895 году, оно падаетъ до очень скромной цифры 53.000 тоннъ *).

Лишившись такимъ образомъ въ два послѣдовательные удара большей части сбыта желѣза, кливелэндскіе заводы были вынуждены мало по малу переходить къ производству стали. Но переходъ этотъ былъ сопряженъ съ громадными убытками и затратами для заводчиковъ. О размѣрѣ капитала, погибшаго при этомъ болѣзненномъ процессѣ, можно составить себѣ нѣкоторое понятіе, если принять во вниманіе, что въ 1871 году въ Кливелэндскомъ округѣ работало 1860 пуддлинговыхъ печей, а въ 1896 г.—вѣроятно не болѣе 300 **)—уменьшеніе на 1560 печей, изъ которыхъ каждая представляла (съ относящимися къ ней приспособленіями) стоимость въ 1,000 фунтовъ стерлинговъ. „Вальцовые заводы“ старой конструкціи были также въ большинствѣ случаевъ непригодны для обработки стали, требующей болѣе массивныхъ машинъ. И здѣсь такимъ образомъ большой капиталъ оказался безповоротно убитымъ, и потребовались громадныя затраты на передѣлку заводовъ.

Только тѣ фирмы, „которыя располагали большими денежными средствами“, и управленія которыхъ „отличались особою энергіею и предпріимчивостью, могли совладѣть съ такими обстоятельствами, подъ бременемъ которыхъ погибло болѣе 40 предпріятій, нѣкогда процвѣтавшихъ въ Сѣверо-Восточномъ округѣ“ ***).

Понятно, что и положеніе рабочихъ было за это время очень тяжелое; многіе изъ нихъ совсѣмъ лишились работы и насегда покинули округъ; другіе должны были переучиваться, чтобы получить себѣ мѣсто при новомъ, стальномъ производствѣ.

Очевидно, что всѣ эти обстоятельства: убытки и затраты заводчиковъ, банкротства многихъ изъ нихъ ****), закрытіе одних заводовъ и передѣлка другихъ, уменьшеніе спроса на трудъ и увеличеніе числа безработныхъ, наконецъ переходъ рабочихъ къ новымъ видамъ труда,—все это должно было подавать безчисленные поводы къ недоразумѣніямъ между рабочими и предприни-

*) „Times“ l. c.
**) „Industrial North“ l. c.
***) Times, „Industrial North“. l. c.
****) Arbitration Proceedings before Sir J. W. Pease. April 1882. стр 12 и 13.

мателями и, какъ нельзя болѣе, затруднять успѣшную дѣятельность камеры *).

Таковы были разнообразныя препятствія, которыя встрѣтила на своемъ пути камера соглашенія и третейскаго суда желѣзодѣлательной промышленности Сѣверной Англіи. Препятствія эти были столь велики, что, по справедливому выраженію Price'а, описываемая нами камера можетъ считаться примѣромъ того, что лордъ Бэконъ называлъ „instantia crucis", т. е. самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ пригодности такихъ учрежденій для мирнаго разрѣшенія споровъ между предпринимателями и рабочими.

Въ *составъ* камеры соглашенія и третейскаго суда желѣзодѣлательной и стальной промышленности Сѣверной Англіи входитъ по одному представителю отъ владѣльцевъ и рабочихъ каждаго изъ принадлежащихъ къ камерѣ заводовъ. Такимъ образомъ число членовъ камеры неопредѣленно и измѣняется въ зависимости отъ числа заводовъ, участвующихъ въ камерѣ въ данное время. По послѣднему имѣющемуся у насъ отчету камеры за второе полугодіе 1897 года число участниковъ камеры равнялось 11 заводамъ, находившимся въ собственности 9 фирмъ **). На этой цифрѣ число заводовъ держалось, съ небольшими колебаніями, въ теченіе послѣдняго десятилѣтія. Но въ 70-ыхъ годахъ—въ эпоху блестящаго расцвѣта желѣзодѣлательной промышленности—число принадлежавшихъ въ камерѣ заводовъ было значительно больше: такъ въ 1874 году оно достигало 35 ***). На причинахъ, приведшихъ къ столь сильному сокращенію числа заводовъ — членовъ камеры, мы подробно остановимся нѣсколько ниже; здѣсь же замѣтимъ только, что причины эти отнюдь не заключаются въ уменьшеніи довѣрія къ камерѣ со стороны заводчиковъ или рабочихъ, а находятся въ тѣснѣйшей связи съ тѣми техническими переворотами, которымъ подверглась желѣзодѣлательная промышленность за послѣднее 25-лѣтіе.

Непосредственное участіе въ камерѣ представителей обѣихъ сторонъ отъ *каждаго* изъ принадлежащихъ къ ней заводовъ составляетъ принципъ весьма важный для успѣшной дѣятельности камеры. Въ значеніи этого принципа на опытѣ убѣдились руководители другой камеры желѣзодѣлательной промышленности, регулирующей рабочія отношенія въ Стаффордширдскомъ округѣ. Камера эта, именуемая „The Midland Iron and Sfeel Wages Board", была организована въ общемъ по образцу описываемой нами

*) Journal of the Statistical Society 1890. Septemb. стр. 425.
**) Ironworkers journal. March 1898 г.
***) Labour Commission l. c. 14.978.

камеры Дэля, но, во вниманіе къ сравнительно большому числу принадлежавшихъ къ ней заводовъ, въ ней было допущено косвенное представительство сторонъ. До 1894 года 42 фирмы*) — участницы Стаффордширской камеры не посылали въ нее особаго представителя каждая, а избирали изъ своей среды лишь 12 человѣкъ, которые вмѣстѣ съ равнымъ числомъ рабочихъ членовъ и составляли камеру**). Но опытъ показалъ, что такой порядокъ, введенный съ цѣлью сбереженія времени заводчиковъ, уменьшенія расходовъ и облегченія обсужденія вопросовъ, которое всегда затрудняется въ слишкомъ многолюдныхъ собраніяхъ***), представлялъ одинъ крайне важный недостатокъ. Оказалось, что тѣ фирмы, которыя принадлежали къ камерѣ, но не посылали въ ея засѣданія собственнаго представителя, плохо усвоивали идею мирнаго разрѣшенія споровъ и недостаточно проникались тѣмъ духомъ миролюбія и справедливости въ отношеніяхъ къ рабочимъ, безъ котораго успѣшная дѣятельность камеры становится невозможною. „Я встрѣчаю", говорилъ въ 1892 году передъ королевскою коммиссіею труда секретарь рабочей секціи Стаффордширской камеры, William Aucott, „наибольшія затрудненія на тѣхъ заводахъ, владѣльцы которыхъ не принимаютъ непосредственнаго личнаго участія въ дѣлахъ камеры. Хотя они и могутъ относиться съ симпатіей къ камерѣ, симпатія эта не такъ полна... Они не такъ тѣсно связаны съ камерою, и потому, при разрѣшеніи споровъ на этихъ заводахъ, мы наталкиваемся на затрудненія, которыя никогда не возникаютъ съ тѣми хозяевами, которые сами служили или въ настоящее время служатъ въ камерѣ". Въ заключеніе Aucott высказывалъ коммиссіи увѣренность, что, если представительство Стаффордширской камеры не будетъ преобразовано по образцу ея сѣвернаго собрата, камера неминуемо распадется вслѣдствіе сильнаго недовольства рабочихъ****). Въ февралѣ 1894 года эта реформа дѣйствительно состоялась*****), и въ настоящее время составъ „Midland Wages Board" соотвѣтствуетъ составу сѣверной камеры, усвоившей съ самаго своего основанія правильный принципъ непосредственнаго представительства въ камерѣ каждаго изъ участвующихъ въ ней заводовъ.

Представительство это организуется слѣдующимъ образомъ: Отъ администраціи каждаго завода назначается членомъ камеры одно лицо, принадлежащее къ составу высшаго управленія.

*) Многія изъ этихъ фирмъ имѣли болѣе одного завода, такъ что число заводовъ, принадлежавшихъ къ камерѣ, доходило до 70 или 80 (Labour Commission l. c. 15486).

**) Labour Commission l. c. 15617.

***) „Conciliation in Trade disputes" Neucastle Leader Extra 1894 г. стр. 27. Рѣчь Дэля на Durham Conference on Conciliation.

****) Labour Commission l. c. 15615—18; 15626—9; 15639—44.

*****) Ironworkers Journal. April. 1894.

Кромѣ этого главнаго представителя, на случаѣ его отсутствія по дѣламъ или по болѣзни, назначается обыкновенно, но не обязательно, еще одинъ или даже два замѣстителя. Если одной и той же фирмѣ принадлежатъ два или болѣе завода, то каждый изъ нихъ можетъ имѣть и по большей части имѣетъ своего особаго представителя *).

Что касается рабочихъ членовъ камеры, то они избираются рабочими каждаго завода закрытою баллотировкою, которая производится ежегодно въ декабрѣ **) и обставляется не меньшими предосторожностями, по отношенію къ соблюденію тайны, „чѣмъ выборы въ Парламентъ" ***).

Въ баллотировкѣ участвуютъ однако не всѣ рабочіе завода, а только тѣ изъ нихъ, которые состоятъ *подписчиками* (subscribers) камеры, т. е. тѣ, которые несутъ свою долю издержекъ по содержанію камеры путемъ небольшихъ періодическихъ вычетовъ изъ заработной платы. Въ настоящее время къ подписчикамъ камеры принадлежатъ слѣдующіе цехи рабочихъ: 1) уже извѣстные намъ „пуддлеры", добывающіе желѣзо изъ чугуна посредствомъ „пуддлингованія", 2) бессемеровальщики, т. е. рабочіе занятые превращеніемъ чугуна въ сталь по способу Бессемера и 3) многочисленные разряды такъ называемыхъ „millmen"— рабочихъ, формующихъ желѣзо и сталь въ готовыя издѣлія, рельсы, листы и проч. посредствомъ прокатки черезъ „вальцы" ****). Для этихъ трехъ категорій рабочихъ, принадлежащихъ къ союзу „Iron and Steel Workers of Great Britain", участіе въ камерѣ составляетъ обязательное условіе договора найма. Поступая на заводъ, каждый такой рабочій становится, тѣмъ самымъ, подписчикомъ камеры, т. е. обязуется подлежать и подчиняться ея юрисдикціи и участвовать въ издержкахъ на ея содержаніе. Этимъ повинностямъ съ другой стороны соотвѣтствуетъ право выбирать рабочаго представителя въ камеру.

Но на ряду съ „подписчиками" на каждомъ заводѣ имѣются еще сотни рабочихъ, которые или вовсе не имѣютъ отношенія къ камерѣ, или подвергаются лишь косвенному вліянію ея рѣшеній. Къ послѣдней категоріи относятся нѣкоторые изъ низшихъ, подручныхъ рабочихъ, съ заработкомъ, не достигающимъ 2 шиллинговъ 6 пенсовъ въ день. Эти рабочіе ничего не платятъ на содержаніе камеры и не участвуютъ въ выборѣ представителей, но заработная плата ихъ колеблется въ извѣстномъ опредѣлен-

---

*) Замѣстители въ этихъ случаяхъ бываютъ большею частью общіе. Rules of the Board of Conciliation 1897 г, § 4 и отчеты камеры въ Ironworkers Journal.

**) Rules § 5.

***) Trow въ Ironworkers Journal Decemb. 1894.

****) Zur Nieden l. c. Drittes Heft стр. 215.

номъ отношеніи къ измѣненіямъ, производимымъ камерой въ платѣ подписчиковъ *).

Къ рабочимъ, стоящимъ совершенно въ сторонѣ отъ камеры, принадлежатъ: во первыхъ, организованные въ самостоятельный союзъ „сталелитейщики" (steelsmelters) т. е. рабочіе добывающіе сталь по способу Сименсъ-Мартина, и во вторыхъ, многочисленные цехи мастеровыхъ, состоящихъ членами знаменитаго союза Amalgamated Engineers и другихъ союзовъ механической отрасли.

Изъ вышеизложеннаго намъ станетъ понятнымъ, почему число „подписчиковъ" камеры далеко уступаетъ числу рабочихъ, занятыхъ на заводахъ, состоящихъ членами камеры, между тѣмъ какъ на отдѣльныхъ заводахъ насчитывается отъ 400 до 2,000 рабочихъ **) число всѣхъ подписчиковъ камеры колебалось въ теченіе послѣдняго десятилѣтія (1888—97 года) между 3,000 и 5,300, что составляетъ въ среднемъ около 400 человѣкъ на каждый заводъ ***).

При выборѣ рабочихъ представителей въ камеру, пассивное избирательное право формально почти ничѣмъ не ограничено. Единственная квалификація—принадлежность кандидата къ наличному составу рабочихъ завода. Только въ томъ случаѣ, если

---

*) Lotz. l. c. стр. 241.

**) Labour Commission l. c. 14978.

***) По отчетамъ камеры за послѣднія 12 лѣтъ среднее число подписчиковъ было слѣдующее:

	Среднее за годъ.		Среднее за годъ.
1886 г. 1 полугод. 3,127	3,325.	1892 г. 1 полугод. 4,195	4,168.
2 полугод. 3,524		2 полугод. 4,142	
1887 г. 1 полугод. 3,440	3,576.	1893 г. 1 полугод. 3,633	3,569.
2 полугод. 3,712		2 полугод. 3,506	
1888 г. 1 полугод. 4,187	4,350.	1894 г. 1 полугод. 3,854	3,737.
2 полугод. 4,513		2 полугод. 3,620	
1889 г. 1 полугод. 4,773	5,023.	1895 г. 1 полугод. 3,313	3,589.
2 полугод. 5,274		2 полугод. 3,866	
1890 г. 1 полугод. 4,272	4,519.	1896 г. 1 полугод. 4,022	4,138.
2 полугод. 4,767		2 полугод. 4,255	
1891 г. 1 полугод. 4,270	4,322.	1897 г. 1 полугод. 4,190	4,118.
2 полугод. 4,374		2 полугод. 4,046	

(Ironworkers Journal 1887—88 годы). Какъ видимъ, число подписчиковъ камеры колеблется въ зависимости отъ положенія промышленности: въ годы кризисовъ, какъ то 1886—87 и 1893—95, оно уменьшается и въ годы оживленія дѣлъ, какъ напримѣръ 1888—89, увеличивается. Сокращеніе числа подписчиковъ во время кризисовъ объясняется не только временнымъ уменьшеніемъ числа рабочихъ заводовъ, но и тѣмъ, что съ работающихъ не полное время взносы на содержаніе камеры не взимаются. (Ironworkers Journal 1887. March).

представитель покинетъ заводъ, онъ лишается права участвовать въ камерѣ.

Ничто не препятствуетъ, далѣе, рабочимъ избирать въ представители изъ года въ годъ одно и то же лицо. И рабочіе широко пользуются этою возможностью съ самыми благодѣтельными результатами для дѣятельности камеры: благодаря болѣе или менѣе постоянному составу ея членовъ, эти послѣдніе пріобрѣтаютъ опытность, научаются плодотворной совмѣстной работѣ; въ ихъ средѣ вырабатываются опредѣленные взгляды, обычаи и традиціи, чрезвычайно облегчающіе эту работу.

Наконецъ *формально* уставъ камеры не дѣлаетъ никакого различія между рабочими, принадлежащими и непринадлежащими къ рабочему союзу. И тѣ и другіе совершенно одинаково пользуются какъ активнымъ, такъ и пассивнымъ избирательнымъ правомъ.

Такое безразличное отношеніе къ рабочему союзу находитъ свое объясненіе въ исторіи. Въ то отдаленное уже время, когда возникала камера желѣзодѣлательной промышленности Сѣверной Англіи, предприниматели относились еще столь недовѣрчиво и враждебно къ рабочему союзу, что учредители камеры не сочли возможнымъ признать союзъ оффиціальнымъ представителемъ рабочихъ и отдать въ его руки выборъ делегатовъ. Въ то время еще не пришли къ заключенію, что камера можетъ достигать намѣченныхъ цѣлей не иначе, какъ идя рука объ руку съ рабочимъ союзомъ. Напротивъ, при учрежденіи камеры имѣлось въ виду скорѣе замѣнить ею союзъ, чѣмъ создать механизмъ для регулированія отношеній между организованными рабочими съ одной стороны и организованными заводчиками съ другой. Повидимому, даже свѣтлому уму иниціатора камеры, Давида Дэля была въ то время не чужда мысль поставить проектируемую камеру на мѣсто союза и сдѣлать ненужнымъ этотъ послѣдній. Такъ, въ 1868 году, обращаясь къ ассоціаціи заводчиковъ, Дэль говорилъ:

„Рабочіе, интересы которыхъ тождественно и одновременно затрагиваются всякимъ измѣненіемъ сдѣльной платы, естественно должны искать какого-либо механизма („some machinery“), посредствомъ котораго могутъ быть представлены ихъ общіе интересы. Это, какъ мы знаемъ, часто воплощается въ форму союза, враждебнаго и недовѣрчиваго въ своихъ отношеніяхъ къ предпринимателямъ... имѣющаго руководителей лично совершенно незаинтересованныхъ въ тѣхъ вопросахъ, къ разрѣшенію которыхъ они призваны отъ имени общей массы рабочихъ. Такъ какъ такой механизмъ совершенно непригоденъ для свободнаго и дружественнаго общенія между работодателями и рабочими, то каждая сторона остается въ невѣдѣніи относительно побуж-

деній и чувствъ (feelings) другой стороны и неспособна взглянуть на дѣло съ противоположной точки зрѣнія“ *).

Въ дѣйствительной жизни камера однако не только не замѣнила собою и не сдѣлала ненужнымъ рабочій союзъ, но, напротивъ, въ одномъ лишь союзѣ нашла прочную опору для всей своей дѣятельности. Четверть вѣка спустя послѣ основанія камеры, тотъ-же Sir David Dale слѣдующими характерными словами резюмировалъ свои убѣжденія относительно значенія сильной организаціи сторонъ для эффективности системы соглашенія и третейскаго суда. „Первое абсолютно необходимое условіе“, говорилъ Sir Dale, „заключается въ томъ, чтобы въ ассоціаціи предпринимателей и въ ассоціаціи рабочихъ было такое преобладающее число предпринимателей и рабочихъ, которое могло-бы эффективно контролировать промышленность... Стоя поэтому здѣсь, на этой платформѣ, онъ (Dale) не колеблясь говоритъ, что считаетъ очень желательнымъ, чтобы каждый рабочій былъ членомъ своего союза“ **).

И въ самомъ дѣлѣ, въ теченіе всего послѣдующаго изложенія организаціи и дѣятельности камеры соглашенія и третейскаго суда желѣзодѣлательной промышленности Сѣверной Англіи мы будемъ на каждомъ шагу наталкиваться на факты, свидѣтельствующіе о глубинѣ и неразрывности связи, существующей между камерой и рабочимъ союзомъ „*Iron and Steel Workers of Great Britain*“, къ которому принадлежатъ рабочіе тѣхъ цеховъ, отношенія которыхъ къ предпринимателямъ регулируются камерою.

Прежде всего, эта связь сказывается при выборѣ рабочихъ представителей въ камеру. Формально, по уставу подписчикъ камеры, не состоящій членомъ вышеназваннаго союза, имѣетъ такое-же право быть избраннымъ въ камеру, какъ и самый ревностный юніонистъ; но *фактически*, за все 30 лѣтнее существованіе камеры не было ни одного случая, чтобы рабочій, не принадлежащій къ союзу, былъ избранъ въ представители рабочихъ какого-либо завода.

Это объясняется тѣмъ, что члены союза составляютъ подавляющее большинство (90%) такъ назыв. „ученыхъ рабочихъ“ (skilled workmen) ***, играющихъ среди подписчиковъ камеры руководящую роль по своему старшинству, положенію и умственному развитію. Но кромѣ того, если-бы даже случилось, что на какомъ-либо отдѣльномъ заводѣ non-unionist'ы избрали представителя, не принадлежащаго къ союзу, то такой представитель убѣдился-бы въ самомъ непродолжительномъ времени, что для

---

*) Jeans l. c. 88.

**) Рѣчь Dale на Дергэмской конференціи въ октябрѣ 1893 года, Newcastle Leader Extra стр. 27.

***) Въ противоположность неученымъ, подручнымъ рабочимъ (unskilled, underhands, helpers).

него невозможна какая-бы то ни было дѣятельность въ камерѣ: его товарищи по камерѣ стали-бы систематически его игнорировать, не стали-бы даже разговаривать съ нимъ до оффиціальнаго начала засѣданія и, путемъ такого бойкотированія, скоро принудили-бы его сложить свои полномочія. И въ такомъ образѣ дѣйствія другихъ рабочихъ членовъ камеры нельзя было-бы видѣть проявленія какого-либо грубаго деспотизма, такъ-какъ сохраненіе связи между камерой и союзомъ имѣетъ, какъ мы только что видѣли изъ словъ такого высокаго авторитета, какъ sir David Dale, и какъ мы подробно выяснимъ ниже, первостепенное значеніе для успѣшнаго достиженія цѣлей, преслѣдуемыхъ камерою *).

Наконецъ, независимо отъ двухъ вышеуказанныхъ причинъ: численнаго преобладанія членовъ союза среди „ученыхъ рабочихъ“ и невозможности успѣшной дѣятельности для представителя—не-члена, вслѣдствіе неизбѣжнаго бойкотированія со стороны товарищей,— non-unionist'ы не избираются въ камеру и потому, что, будучи въ громадномъ большинствѣ случаевъ людьми или безпечными или узко-эгоистичными, они сами относятся совершенно равнодушно ко всякимъ общимъ интересамъ и охотно оставляютъ попеченіе объ этихъ интересахъ болѣе отзывчивымъ и дѣятельнымъ членамъ союза **).

Согласно § 8 устава камеры двадцать два представителя, наполовину назначенные отъ фирмъ и наполовину избранные рабочими, получаютъ *неограниченныя полномочія* дѣйствовать отъ имени своихъ довѣрителей и рѣшать по своему усмотрѣнію всѣ вопросы, подлежащіе вѣдѣнію камеры. Эта неограниченость полномочій составляетъ, по крайней мѣрѣ въ теоріи, характерное отличіе формально организованныхъ камеръ отъ тѣхъ, такъ сказать, „неформальныхъ“ совѣщаній между представителями предпринимателей и рабочихъ, въ которыхъ эти представители играютъ только роль парламентеровъ, стѣсненныхъ въ своихъ дѣйствіяхъ опредѣленными инструкціями своихъ довѣрителей. „Пусть будетъ“, говоритъ Bupert Kettle „запечатлѣно въ умахъ тѣхъ, кто можетъ быть призванъ дѣйствовать за хозяевъ или рабочихъ на собраніи (т. е. въ камерѣ), что, хотя по имени они делегаты, но на дѣлѣ они члены совѣщательнаго собранія, въ которомъ они участвуютъ не для приведенія въ исполненіе заранѣе постановленнаго рѣшенія, а съ умомъ свободнымъ и открытымъ, чтобы дѣлать собственныя предложенія, слушать и взвѣшивать аргументы за и противъ отдѣльныхъ предложеній и въ концѣ концовъ рѣшать, не по предварительнымъ инструкціямъ, а

*) Labour Commission l. c. 15.396—402; Ironworkers journal 1897 Стр. 6 и со словъ Eduard Trow.

**) Ср. Commission on Trade-Unions 19.371, показаніе Мунделлы.

съ полною независимостью и согласно собственному убѣжденію" *).

Таково идеальное понятіе о роли представителя въ камерѣ, выраженное словами одного изъ первыхъ авторитетовъ въ области этихъ вопросовъ. И въ теоріи не трудно понять, почему неограниченность полномочій представителей составляетъ весьма существенное условіе успѣшной дѣятельности камеры. „Было-бы въ высшей степени нецѣлесообразно, пишетъ профессоръ Лотцъ, если-бы представители фирмы и рабочихъ являлись на совѣщаніе съ заранѣе ограниченными полномочіями... Ибо, если-бы одна сторона и убѣдила лично другую, ограниченность полномочій все-таки исключала-бы возможность сдѣлать уступку противнику согласно убѣжденію" **). Какъ мы видѣли въ предъидущей главѣ, пока рабочіе и предприниматели не сошлись за однимъ общимъ столомъ и не выслушали со вниманіемъ другъ друга, они часто имѣютъ совершенно односторонній взглядъ на дѣло, который можетъ радикально измѣниться подъ вліяніемъ аргументаціи противника. Въ такихъ случаяхъ, императивный мандатъ, заранѣе опредѣляющій образъ дѣйствія представителей, долженъ очевидно тормазить успѣшное и скорое разрѣшеніе спорныхъ вопросовъ.

Полному осуществленію идеала неограниченности полномочій представителей на практикѣ препятствуютъ демократическія чувства и убѣжденія рабочей массы. И въ камерѣ соглашенія и третейскаго суда желѣзодѣлательной промышленности Сѣверной Англіи полномочія представителей, неограниченныя по уставу, подвергаются порою существеннымъ ограниченіямъ въ дѣйствительной жизни. Только при разрѣшеніи частныхъ вопросовъ, представители рабочихъ въ камерѣ всегда дѣйствуютъ смѣло, на собственный рискъ и страхъ; но въ вопросахъ общихъ, затрагивающихъ интересы всѣхъ рабочихъ, они не считаютъ возможнымъ пользоваться своими неограниченными полномочіями, не справляясь, въ каждомъ данномъ случаѣ, съ желаніями и взглядами своихъ довѣрителей. Когда, напримѣръ, предприниматели поднимаютъ вопросъ о пониженіи общаго уровня заработной платы или предлагаютъ ввести такъ называемую „подвижную скалу" для автоматическаго регулированія платы на будущее время, „представители рабочихъ, особенно за послѣдніе годы, обыкновенно не рѣшаются, по собственному убѣжденію, прямо высказаться за или противъ такого предложенія, а просятъ объ отсрочкѣ засѣданія, чтобы предварительно узнать взгляды своихъ довѣрителей. Предложеніе разсылается по отдѣльнымъ

*) Kettle. Strikes and Arbitration гл. II.
**) Lotz l. c. стр. 293.

„ложамъ“ *) союза, гдѣ оно дебатируется на митингахъ членовъ; затѣмъ собирается митингъ делегатовъ отъ ложъ, на которомъ делегаты даютъ отчетъ о рѣшеніяхъ, къ которымъ пришли отдѣльныя ложи, и совмѣстно съ правленіемъ союза составляютъ инструкцію, которою должны руководствоваться представители рабочихъ въ камерѣ. Такимъ образомъ, рѣшенію вопроса въ камерѣ предшествуетъ основательное его обсужденіе въ нѣдрахъ рабочаго союза: сперва въ его мельчайшихъ ячейкахъ—ложахъ, затѣмъ въ собраніи делегатовъ, и образъ дѣйствія представителей, по крайней мѣрѣ въ общихъ чертахъ, заранѣе опредѣляется результатомъ этихъ предварительныхъ обсужденій. Здѣсь снова ясно выступаетъ связь между дѣятельностью камеры и союза.

Нельзя сказать, чтобы въ этомъ ограниченіи полномочій представителей, которое, вопреки уставу, установилось въ дѣйствительной жизни, не было своей хорошей стороны, до извѣстной степени искупающей вышеупомянутую невыгоду такого порядка. Если, съ одной стороны, при ограниченности полномочій затрудняется самое заключеніе соглашенія, то за то тѣмъ лучше обезпечивается прочность достигнутаго рѣшенія, такъ какъ существуетъ увѣренность, что оно не идетъ въ разрѣзъ со взглядами и желаніями рабочей массы. Къ тому же, по крайней мѣрѣ въ желѣзодѣлательной промышленности сѣверной Англіи, фактическая ограниченность полномочій представителей при рѣшеніи общихъ вопросовъ до сихъ поръ еще ни разу не являлась неодолимымъ тормазомъ для успѣшной дѣятельности камеры, такъ какъ, благодаря громадному нравственному авторитету исключительно талантливыхъ и энергичныхъ руководителей рабочихъ, взгляды рабочей массы всегда оставались разумными и требованія ея выполнимыми... **)

Ежегодно, на первомъ очередномъ засѣданіи, происходящемъ въ январѣ, камера избираетъ своихъ *должностныхъ лицъ* (officials): президента и вицепрезидента, двухъ секретарей, двухъ казначеевъ и двухъ „аудиторовъ“ (т. е. ревизоровъ, на обязанности которыхъ лежитъ контролированіе отчетности камеры). Президентъ и по одному изъ двухъ секретарей, казначеевъ и аудиторовъ избираются изъ предпринимательской—вицепрезидентъ и вторые секрестарь, казначей и аудиторъ изъ рабочей среды ***).

*) „Ложу“ обыкновенно составляютъ члены союза, принадлежащіе къ одному заводу.

**) Какъ мы увидимъ ниже, ограниченность полномочій представителей можетъ вести къ совсѣмъ инымъ результатамъ тамъ, гдѣ нравственный авторитетъ руководителей союза не является столь всемогущимъ. Ironwerkers journal 1887 januare; 1888 Novemb.; Arbitration Proceedings before d-r Spence Watson стр. Novemb. 1888; Ironworkers journal may 1889 стр. 5—7; Decemb. 1893; january 1894.

***) Должностныя лица могутъ не принадлежать къ числу 22 членовъ камеры.

Изъ этихъ должностныхъ лицъ наибольшее значеніе имѣютъ двое: президентъ камеры и секретарь ея рабочей секціи.

Первымъ президентомъ камеры былъ ея знаменитый основатель m-r (нынѣ sir) David Dale, который оставался въ этой должности до 1875 года. „Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ", заявляетъ передъ королевскою коммиссіею труда преемникъ Дэля William Whitwell, „что успѣхомъ своимъ камера много обязана тому искусству, съ которымъ Дэль исполнялъ обязанности президента, тому старанію и умѣнію, съ которыми онъ руководилъ преніями камеры въ первые годы ея исторіи" *).

Съ 1875 года и до настоящаго времени президентомъ камеры безсмѣнно состоитъ вышеупомянутый m-r Whitwell, который, съ самаго основанія камеры, былъ вѣрнымъ „лейтенантомъ" Дэля. То обстоятельство, что, будучи лично заводчикомъ, Whitwell тѣмъ не менѣе изъ года въ подъ, въ продолженіе почти четверти вѣка, избирается на должность президента камеры, служитъ само по себѣ краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ довѣрія, которымъ онъ пользуется въ рабочей средѣ. Въ іюлѣ 1897 года, по иниціативѣ рабочихъ, камера торжественно чествовала своего президента и поднесла ему, въ знакъ благодарности за его многолѣтнія заслуги, цѣнный подарокъ. Въ привѣтственныхъ рѣчахъ, обращенныхъ къ юбиляру, особенно обращалось вниманіе на два безцѣнныя качества Whitwell'я, какъ президента камеры и руководителя преній: на его абсолютное безпристрастіе и его всегда ровное, вѣжливое и тактичное обращеніе, соединенное съ умѣніемъ успокаивать страсти и придавать преніямъ чисто дѣловой, чуждый всякихъ личныхъ счетовъ характеръ. По словамъ Eduard'a Trow, генеральнаго секретаря рабочаго союза, „если Whitwell иногда и уклонялся сколько-нибудь отъ безусловно безпристрастнаго отношенія къ обсуждаемымъ вопросамъ, то отклоненія эти были скорѣе въ пользу рабочихъ, чѣмъ предпринимателей... и рабочимъ еще ни разу не приходилось жаловаться на образъ дѣйствій президента".

Что же касается умѣнія Whitwell'я руководить преніями, то одинъ изъ представителей заводчиковъ—m-r Upton—очертилъ это умѣнье сѣлдующими характерными словами: „Онъ, Upton,

*) Labour commission l. c. 14978. Sir David Dale состоитъ директоромъ-распорядителемъ старинной извѣстной дарлингтонской фирмы Pease and Partners, владѣющей обширными каменноугольными копями, желѣзными рудниками и доменными печами. Кромѣ того, Dale занимаетъ должность предсѣдателя правленія крупнѣйшаго изъ желѣзодѣлательныхъ заводовъ сѣверной Англіи: the Consett Iron Company. Въ 1890 году Dale былъ делегатомъ Англіи на берлинской конференціи по рабочему вопросу, а въ 1891—94 гг. состоялъ предсѣдателемъ одной изъ группъ королевской коммиссіи труда (группы A, изслѣдовавшей горную, желѣзодѣлательную и механическую промышленность). (Ironworkers jonrnal 1894 г. сентябрь, стр. 8).

видалъ, какъ всѣ они сидѣли, глядя свирѣпо другъ на друга съ поблѣднѣвшими лицами, но вотъ m-r Whitwell поднимался со своего мѣста и говорилъ имъ въ теченіе четверти часа какія-либо „незначущіе пустячки" („some little airy nothings"), и этимъ возвращалъ имъ спокойствіе, позволявшее возобновить обсужденіе" *).

Какъ ни существенна роль президента камеры, какъ руководителя преній, отъ безпристрастья, искусства и такта котораго часто зависитъ ихъ исходъ, роль эта блѣднѣетъ сравнительно съ ролью другого должностнаго лица: секретаря рабочей секціи камеры. Но значеніе этого послѣдняго основывается конечно не на всѣхъ канцелярскихъ обязанностяхъ, которыя составляютъ его ближайшую функцію въ камерѣ, а на томъ, что, съ самаго основанія камеры, ея рабочимъ секретаремъ неизмѣнно выбирается самое вліятельное лицо союза „Iron and Steel Workers of Great Britain"—его генеральный секретарь. Засѣдая въ камерѣ въ качествѣ одного изъ ея секретарей, лицо это является, съ одной стороны, главнымъ лидеромъ и ораторомъ рабочихъ представителей. Съ другой стороны, будучи высшимъ руководителемъ рабочаго союза, оно же служитъ главною нравственною опорою камеры, такъ какъ отъ его вліянія и авторитета болѣе всего зависитъ соблюденіе рѣшеній камеры со стороны рабочихъ.

Любопытно, однако, замѣтить, что это совмѣщеніе въ одномъ лицѣ обязанностей рабочаго секретаря камеры и генеральнаго секретаря рабочаго союза было принято, при основаніи камеры, не безъ сильнаго сопротивленія со стороны заводчиковъ. Проникнутые недовѣріемъ къ рабочему союзу, заводчики первоначально не соглашались даже допустить его секретаря, уже извѣстнаго намъ Джона Кэна, къ участью въ переговорахъ объ учрежденіи камеры и только вслѣдствіе рѣшительныхъ настояній рабочихъ дозволили ему наконецъ присутствовать въ засѣданіяхъ, но безъ права голоса. Къ счастью, однако, въ теченіе послѣдовавшихъ переговоровъ взгляды заводчиковъ измѣнились, и Кэнъ былъ избранъ секретаремъ рабочей секціи камеры **). Говоримъ „къ счастью", потому что для всякаго знакомаго съ дѣятельностью камеры ясно, что безъ этого условія, безъ близкаго участья и содѣйствія главнаго руководителя рабочаго союза, камера была бы мертворожденной.

Джонъ Кэнъ занималъ мѣсто секретаря союза и камеры до своей смерти въ 1876 году, и, идя рука объ руку съ первымъ президентомъ камеры Дэвидомъ Дэлемъ, много способствовалъ ея успѣхамъ въ первой половинѣ семидесятыхъ годовъ ***),

*) Ironworkers Journal августъ 1897 года.

**) Ironworkers Journal Decemb. 1894, стр. 2.

***) Labour Commission. 14984—5. Кэнъ былъ главнымъ основателемъ и организаторомъ возникшаго въ 1862 году рабочаго союза и состоялъ до конца 1868 г. его президентомъ, а съ этого времени генеральнымъ секретаремъ. (Ironworkers Journal 1891 г. іюнь стр. 5).

Съ 1876 года и до настоящаго времени преемникомъ Кэна въ обѣихъ неразрывно связанныхъ должностяхъ состоитъ M-r Edward Trow—одинъ изъ самыхъ извѣстныхъ дѣятелей современнаго англійскаго Trade-Unionism'a. На характеристикѣ замѣчательной личности Троу и оцѣнкѣ его громадныхъ заслугъ передъ камерой мы остановимся ниже, когда будемъ говорить о результатахъ, достигнутыхъ камерой. Теперь же замѣтимъ только, что на долю камеры соглашенія и третейскаго суда желѣзодѣлательной промышленности Сѣверной Англіи выпала рѣдкая удача пользоваться въ теченіе всего своего почти 30-лѣтняго существованія руководствомъ и поддержкою исключительно даровитыхъ и энергичныхъ дѣятелей. Личнымъ качествамъ Дэля и Кэна, Whitwell'я и въ особенно Trow — камера несомнѣнно обязана своимъ успѣхомъ не менѣе, чѣмъ превосходству своей организаціи.

Что касается остальныхъ должностныхъ лицъ камеры, то слѣдуетъ сказать еще нѣсколько словъ о секретарѣ предпринимательской секціи и о вице-президентѣ камеры. Подобно тому какъ должности секретаря рабочей секціи камеры и генеральнаго секретаря союза Iron and Steel Workers of Great Britain совмѣщаются въ одномъ лицѣ, такъ точно и секретарь предпринимательской секціи является одновременно секретаремъ ассоціаціи заводчиковъ „The North of England Iron and Steel Manufacturers Association“ *).

Должность вице-президента, избираемаго изъ рабочей среды,—исключительно почетная; съ нею не связано никакихъ спеціальныхъ функцій; даже, вопреки своему званію, вице-президентъ не предсѣдательствуетъ въ камерѣ въ отсутствіи президента; это не въ обычаѣ. Въ такихъ случаяхъ избирается временный предсѣдатель изъ заводчиковъ **).

Въ этомъ несоотвѣтствіи фактическихъ правъ вице-президента съ его номинальнымъ званіемъ можно усмотрѣть едва ли не единственное отраженіе прежняго подчиненнаго положенія рабочихъ. За этимъ единственнымъ и маловажнымъ исключеніемъ, принципъ абсолютнаго равенства правъ и обязанностей обѣихъ сторонъ до щепетильности строго проводится во всей организаціи и дѣятельности камеры. Мы видѣли примѣненіе этого принципа при разсмотрѣніи личнаго состава камеры; но особенно ярко онъ проявляется въ подробностяхъ ея *финансовой организаціи.*

Расходы по содержанію камеры несутся *поровну* обѣими сторонами. Изъ заработка каждаго рабочаго-подписчика камеры фирма періодически вычитаетъ извѣстную небольшую сумму—

*) Zur Nieden, стр. 207.
**) Lotz, стр. 303.

1 пенни=4 коп. съ человѣка въ каждыя двѣ недѣли—и отъ себя вноситъ столько, сколько совокупность всѣхъ ея рабочихъ, вмѣстѣ взятыхъ *). Такой способъ покрытія расходовъ на камеру путемъ обязательныхъ вычетовъ изъ заработной платы вполнѣ обезпечиваетъ существованіе камеры съ денежной стороны, тѣмъ болѣе, что въ случаѣ финансовыхъ затрудненій, вызванныхъ временнымъ уменьшеніемъ числа подписчиковъ или экстренными расходами, камера имѣетъ право пополнить дефицитѣ черезъ увеличеніе сбора. Такъ, напримѣръ, съ іюля 1893 и до іюля 1895 года сборъ взимался въ двойномъ размѣрѣ: по 1 пенсу въ недѣлю **).

Но въ послѣднее время камера Сѣверной Англіи встрѣтила неожиданное препятствіе къ такому способу покрытія своихъ расходовъ со стороны законодательства. Изданный въ 1896 году новый „Truck Act", повидимому, воспрещалъ такіе вычеты изъ заработной платы. По предложенію Троу, камера единогласно постановила ходатайствовать передъ правительствомъ объ изъятіи желѣзодѣлательной промышленности изъ области дѣйствія новаго закона; но министръ внутреннихъ дѣлъ отвѣтилъ на это ходатайство, что опасенія членовъ камеры вызваны недоразумѣніемъ, такъ какъ новый законъ вовсе не касается вычетовъ, производимыхъ для содержанія камеры ***).

Равенство между рабочими и предпринимателями соблюдается далѣе и въ вознагражденіи труда, затрачиваемаго ими на службѣ камеры. За участіе въ засѣданіяхъ члены обѣихъ сторонъ получаютъ одинаковую плату: по 10 шилл. за каждое засѣданіе, и только въ тѣхъ случаяхъ, когда рабочимъ членамъ предстоитъ работать слѣдующую ночную смѣну, имъ выдается двойное вознагражденіе ****). Точно также представителямъ обѣихъ сторонъ полагаются одиноковые желѣзнодорожные прогоны для путешествія въ засѣданія камеры и обратно *****): именно по $1^1/_2$ пенса за каждую милю, что соотвѣтствуетъ стоимости желѣзнодорожнаго билета второго класса ******).

Устанавливая вознагражденіе, и притомъ въ довольно высо-

---

*) Rules § 19.

**) Ironworkers Journal, августъ 1893 г.; августъ 1895 г.

***) Ironworkes journal March 1897 г., january 1898, Webb „Industrial Democrsty", т. I, стр. 211 примѣчаніе.

****) Если засѣданіе происходитъ не въ понедѣльникъ или субботу.

*****) Засѣданія камеры происходили въ прежніе годы обыкновенно въ Дарлингтонѣ, а за послѣднее время въ Нью-Кастлѣ (въ Station Hotel).

******) Rules § 20. Въ прежніе годы выдавалась прямо стоимость билета второго класса, но за послѣднее время на желѣзныхъ дорогахъ Сѣверной Англіи второй классъ совсѣмъ уничтоженъ. Поэтому съ 31 января 1895 г. стали выдавать вмѣсто стоимости билета второго класса по $1^1/_2$ пенса за каждую милю проѣзда. Размѣръ вознагражденія остался, однако, въ сущности, тотъ же (Ironworkers journal, мартъ 1895 г.).

комъ размѣрѣ, для рабочихъ представителей, учредители камеры руководствовались тѣмъ совершенно правильнымъ соображеніемъ, что рабочій человѣкъ не имѣетъ возможности отдавать свое время и силы на даровое, „почетное“ служеніе общему дѣлу, и что только сравнительно щедрымъ вознагражденіемъ, съ избыткомъ покрывающимъ потерю заработной платы, можно привлечь къ участію въ камерѣ наилучшихъ представителей рабочаго класса *). Но само собою разумѣется, что ни то, ни другое изъ этихъ соображеній не примѣнимо къ предпринимательской секціи камеры. Англійскіе заводчики обыкновенно занимаютъ немало почетныхъ должностей, неимѣющихъ непосредственнаго отношенія къ ихъ предпріятіямъ; тѣмъ скорѣе они могли бы безвозмездно участвовать въ дѣятельности камеры, столь тѣсно связанной съ ихъ личными интересами. Съ другой стороны, вознагражденіе въ 10 шилл., съ избыткомъ покрывающее дневной заработокъ рабочаго, можетъ зачастую далеко не соотвѣтствовать цѣнности времени работодателя. Очевидно, что оплата труда заводчиковъ введена исключительно въ интересахъ полнѣйшаго равенства между сторонами. Во вниманіе къ легко уязвимому чувству самолюбія рабочихъ, изъ организаціи камеры, по возможности, тщательно устранено все то, что могло бы напомнить о превосходствѣ одной стороны передъ другою **)

Принципъ платности услугъ распространяется камерой не только на участіе въ засѣданіяхъ и проѣзды членовъ, но и вообще на всякую затрату труда и времени въ связи съ дѣятельностью камеры. Такъ, напримѣръ, свидѣтели, вызываемые въ камеру, получаютъ вознагражденіе, и точно также представители рабочихъ, участвующіе въ разрѣшеніи споровъ на мѣстѣ ***). Общая сумма, выданная камерою отдѣльнымъ предпринимателямъ и рабочимъ за услуги этихъ различныхъ категорій (засѣданія, свидѣтели, проѣзды и пр.) равнялась: въ 1895 г.—363 фун. стерл. 6 шилл. 6 пен., въ 1896 г.—289 фун. стерл. 8 шилл. 6 пен. и въ 1897 г.—447 фун. стерл. 7 шилл. 2 пен.

Другую крупную, но постоянную статью расхода камеры составляетъ жалованье секретарей. За веденіе корреспонденціи и другихъ текущихъ дѣлъ оба секретаря получаютъ отъ камеры опредѣленное вознагражденіе въ размѣрѣ 150 фун. стерл. въ годъ каждый. Сравнительно столь значительное вознагражденіе секретарей объясняется не только большимъ количествомъ канцелярской и административной работы, выпадающей на ихъ долю, но, какъ объяснилъ намъ лично сэръ David Dale, также и тѣмъ, что камера видитъ въ секретарѣ рабочей секціи свою главную

*) Lotz l. c. стр. 291—2.
**) Ibid. стр. 292.
***) См. далѣе.

нравственную опору и старается еще болѣе укрѣпить эту опору, сдѣлавъ руководителя союза менѣе зависимымъ въ своемъ личномъ матеріальномъ положеніи отъ массы членовъ, для того чтобы онъ могъ проявлять тѣмъ большую твердость по отношенію къ нарушителямъ правилъ камеры.

Изъ прочихъ расходовъ камеры довольно значительную сумму (по 125 фун. стерл. за послѣдніе три года) составляетъ еще оплата труда „счетовода" („accountant"), производящаго періодическія опредѣленія продажной цѣны желѣза, для цѣлей камеры *). Всѣ остальныя статьи расхода—мелки и заключаются въ платѣ за наемъ помѣщенія, почтовыхъ и телеграфныхъ расходахъ, печатаніи отчетовъ, бланковъ и пр.

Общая сумма *дохода*, полученнаго камерой въ видѣ взносовъ отъ фирмъ и рабочихъ—подписчиковъ, равнялась: въ 1895 г. — 1,151 фун. стерл. 2 шилл. 2 пен. **) въ 1896 г.—900 фун. стерл. 10 шилл. 8 пен. и въ 1897 г.—892 фун. стерл. 16 шилл. 2 пен.

Общая сумма *расходовъ* камеры: въ 1895 г.—1,048 фун. стерл. 16 шилл. 1 пен.; въ 1896 г.—798 фун. стерл. 10 шилл. 9 пен. и въ 1897 г.—1.006 фун. стерл. 9 шилл. 10 пен.***).

Наличныя средства (*балансъ*) камеры: къ 1 января 1895 года 537 фун. стерл. 16 шилл. 5 пен.; къ 1 января 1897 года — 742 фун. стерл. 2 шилл. 5 пен. и къ 1 января 1898 года — 368 фун. стерл. 19 шилл. 9 пен. ****).

Какъ мы видимъ изъ этихъ цифръ, поддержаніе мирныхъ отношеній посредствомъ камеры стоитъ рабочимъ и предпринимателямъ 11 желѣзодѣлательныхъ заводовъ отъ 8 до 10.000 рублей ежегодно.

Камера, организованная вышеописаннымъ образомъ, представляетъ, очевидно, слишкомъ сложный и дорогой механизмъ, чтобы приводить его въ дѣйствіе безъ достаточно важнаго повода. Между тѣмъ, громадное большинство спорныхъ вопросовъ, подлежащихъ вѣдѣнію камеры, относится къ категоріи частныхъ споровъ, возникающихъ на отдѣльныхъ заводахъ между ихъ управленіями и отдѣльными, большею частью небольшими группами рабочихъ. Для разрѣшенія этихъ вопросовъ, не затрагивающихъ общихъ интересовъ промышленности, было бы крайне нецѣлесообразно собирать полный составъ камеры, отрывая отъ дѣла 22 человѣка заводчиковъ и рабочихъ и уплачивая каждому изъ нихъ по 10 шилл. за засѣданіе сверхъ желѣзнодорожныхъ прогоновъ. Поэтому непосредственной юрисдикціи plenum'а камеры *обязательно* подлежатъ лишь важнѣйшіе вопросы—объ из-

---

*) См. ниже.

**) До іюля взносы были двойные.

***) За исключеніемъ 259 фун. ст. 6 шилл., затраченныхъ на подарокъ президенту.

****) См. отчеты камеры въ Ironworkers journal за 1895—98 гг.

мѣненіяхъ общаго уровня заработной платы, измѣненіяхъ, касающихся одновременно всѣхъ безъ исключенія заводовъ и рабочихъ, принадлежащихъ къ камерѣ. Для разрѣшенія всѣхъ прочихъ дѣлъ, камера выдѣляетъ изъ своего состава менѣе многолюдную коммиссію, носящую названіе *„Постояннаго Комитета“* *).

Постоянный комитетъ избирается одновременно съ должностными лицами камеры, на ея годичномъ собраніи, происходящемъ въ январѣ, и состоитъ изъ 5 представителей рабочихъ и 10 предпринимателей. Изъ этихъ послѣднихъ, однако, лишь по 5 человѣкъ могутъ участвовать въ каждомъ отдѣльномъ засѣданіи комитета; двойной комплектъ избирается исключительно потому, что вслѣдствіе неотложныхъ личныхъ дѣлъ и необходимыхъ отлучекъ, одинъ и тотъ же заводчикъ не имѣетъ возможности присутствовать во всѣхъ засѣданіяхъ **).

Кромѣ избранныхъ членовъ къ составу комитета принадлежатъ ex officio президентъ, вицепрезидентъ и оба секретаря камеры ***).

Припоминая описанныя въ предыдущей главѣ камеры Мунделлы и Кетлэ и сравнивая съ ними камеру желѣзодѣлательной промышленности Сѣверной Англіи, нетрудно замѣтить нѣкоторое сходство между такъ называемыми „слѣдственными комитетами“ первыхъ и „постояннымъ комитетомъ“ послѣдней. И сходство это не случайное, а имѣетъ свое объясненіе въ исторіи. Постоянный комитетъ составляетъ продуктъ эволюціи, исходнымъ пунктомъ которой служили „слѣдственные комитеты“ двухъ классическихъ прототиповъ всѣхъ камеръ соглашенія и третейскаго суда. Уставъ камеры желѣзодѣлательной промышленности былъ во многихъ отношеніяхъ заимствованъ у Мунделлы, и первоначально ея постоянный комитетъ ничѣмъ не отличался отъ соотвѣтственнаго органа Ноттингэмской камеры. По § 11 первоначальнаго устава камеры Дэля на постоянный комитетъ возлагалась обязанность разслѣдовать всякое дѣло, поступающее въ камеру, и попытаться своимъ посредничествомъ склонить спорящія стороны къ соглашенію между собою, но комитету не было предоставлено права самостоятельно рѣшать дѣла вердиктомъ („award“) обязательнымъ для сторонъ, независимо отъ ихъ добровольнаго согласія. Въ случаѣ неудачи посредничества комитета, споръ поступалъ на разрѣшеніе камеры въ ея полномъ составѣ ****).

„Но съ теченіемъ времени“, говоритъ Schuze - Gaevernitz,

---

*) Rules § 15; Labour Commission I. c. 14.978. „Standing Committee“.

**) Labour Commission l. c. 15.039—40.

***) Rules § 11

****) Crompton l. c. стр. 58.

оказалось, что для рѣшенія частныхъ споровъ, гдѣ главнымъ образомъ требуется установленіе фактовъ, немногіе свѣдущіе люди болѣе полезны, чѣмъ многочисленное собраніе. Поэтому въ 1883 году былъ сдѣланъ тотъ шагъ, который фактически отдѣлилъ комитетъ отъ камеры. Комитету было дано право окончательно рѣшать" всѣ вопросы, за исключеніемъ вопросовъ объ общихъ измѣненіяхъ заработной платы.

Въ то же время, вмѣсто обращенія къ plenum'у камеры въ случаяхъ неудачи постояннаго комитета, была установлена особая должность *„referee"*—третейскаго судьи по вопросамъ, подлежащимъ вѣдѣнію комитета, на единоличное разрѣшеніе котораго эти вопросы поступаютъ въ тѣхъ случаяхъ, когда комитетъ не можетъ разрѣшить ихъ вслѣдствіе разногласія между своими членами *).

Съ самаго учрежденія должности „referee"—въ 1883 году и до настоящаго времени, на эту безусловно почетнѣйшую изъ всѣхъ связанныхъ съ камерою постоянныхъ должностей неизмѣнно, изъ года въ годъ выбирается Sir David Dale **). И было бы трудно найти человѣка, болѣе способнаго съ успѣхомъ выполнять отвѣтственныя обязанности referee. Будучи, съ одной стороны, директоромъ правленія крупныхъ предпріятій, Дэль обладаетъ глубокимъ знаніемъ всѣхъ техническихъ и экономическихъ подробностей дѣла; съ другой стороны, своею прежнею дѣятельностью въ должности президента камеры и своимъ всегда справедливымъ, внимательнымъ и гуманнымъ отношеніемъ, онъ пріобрѣлъ такое исключительное довѣріе и популярность среди рабочихъ, что эти послѣдніе не допускаютъ сомнѣнія въ безпристрастіи его рѣшеній, несмотря на то, что онъ, какъ предприниматель, лично заинтересованъ въ рѣшаемыхъ вопросахъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ постоянный комитетъ сдѣлался самостоятельнымъ трибуналомъ для рѣшенія большинства возникающихъ споровъ, общее присутствіе камеры стало собираться только на *очередныя засѣданія*, происходящія въ январѣ и іюлѣ для выслушанія полугодичныхъ отчетовъ постояннаго комитета и на *экстренныя* засѣданія, созываемыя въ случаѣ возбужденія тою или другою стороною вопроса объ общемъ измѣненіи заработной платы. Но какъ мы увидимъ подробнѣе ниже, при томъ способѣ регулированія платы, который господствуетъ въ настоящее время (подвижныя скалы), вопросы послѣдняго рода возникаютъ сравнительно рѣдко—далеко не каждый годъ. Соотвѣтственно не часты и экстренныя засѣданія камеры. Такъ за шестилѣтній періодъ, 1892—97 гг., камера собиралась на экстренныя засѣданія

*) Schulze—Gaevernitz l. c. Томъ II стр. 388.

**) Labour Commission l. c. 14,978; Ironworkers journal 1892—98, номера за мартъ.

только 5 разъ въ послѣдней трети 1893 года, въ остальныя же 5 лѣтъ она не имѣла ни одного экстреннаго засѣданія *).

Гораздо чаще приходится собираться постоянному комитету, на который падаетъ вся тяжесть сравнительно мелкихъ, но постоянно то тамъ, то сямъ, возникающихъ частныхъ споровъ. По даннымъ, сообщеннымъ президентомъ камеры Whitwell'емъ Королевской Коммиссіи Труда за періодъ, предшествующій 1892 г., комитетъ собирался въ среднемъ около одного раза въ мѣсяцъ **). За послѣдніе же годы, по отчетамъ камеры, число засѣданій комитета было слѣдующее: въ 1892 г. 9 засѣданій, 1893 — 14; 1894—11; 1895—10; 1896—7 и въ 1897—8 засѣданій ***). Какъ видимъ, за послѣдніе годы замѣчается нѣкоторое уменьшеніе числа засѣданій по сравненію съ временемъ, предшествовавшимъ 1892 г. ****).

А. Зотовъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

---

*) Ironworkers journal 1892—97.

**) Labour Commission l. c. 14,978.

***) Ironworkers journal 1892—98.

****) 1892 и 1893 гг. должны быть, строго говоря, исключены изъ этого сравненія, какъ годы ненормальные. Въ 1892 году многіе желѣзодѣлательные заводы Сѣверной Англіи были остановлены въ теченіе значительнаго промежутка времени, вслѣдствіе общей стачки въ дергэмской каменноугольной промышленности; въ 1893 г. число засѣданій комитета было, наоборотъ, увеличено сверхъ нормы, вслѣдствіе того, что въ этомъ году возбуждался общій вопросъ о подвижной скалѣ и, помимо своихъ обычныхъ дѣлъ, комитетъ собирался еще 4 раза для подготовки обсужденія этого общаго вопроса.

Кладбище.

Я зашелъ на кладбище зимой:
Всѣ деревья, кресты и рѣшетки
Разукрасилъ морозъ бахромой,
Бѣлый иней развѣсилъ, какъ четки.
И такая кругомъ тишина,
Что невольно съ ней хочется слиться:
Въ этомъ царствѣ предвѣчнаго сна
Величаво-прекрасна царица!

А. М. Федоровъ.

НА ВЫСТАВКѢ.

(Прерванный дневникъ).

(Повѣсть).

I.

Нижній.

Я, негласный редакторъ распространенной петербургской газеты, Петръ Васильевичъ Былѣцкій, холостякъ, переваливпій за 40, пріѣхалъ сюда, на нижегородскую всероссійскую выставку съ цѣлью написать объ ней въ газету отчетъ... И вотъ, еще и не думавъ приступать къ этому отчету, сажусь за свой личный дневникъ. А между тѣмъ даже 17—18-лѣтнимъ юнцомъ (когда и гимназисты подобными причудами напоминаютъ институтокъ) я не думалъ о дневникѣ.

Что же сей сонъ значитъ? Одно: душевное равновѣсіе мое не возстановилось, и, вслѣдствіе этого, явилась потребность и привычка копаться въ себѣ. Въ недавніе мѣсяцы, переживая нѣкій казусъ личной жизни, привыкъ переписываться съ пріятелемъ... Казусъ окончился благополучно, переписка умерла естественнымъ образомъ, а «рука невольно тянется къ перу, перо къ бумагѣ!»

— Ну, что-жъ! Почему бы и нѣтъ? Чѣмъ бы дитя ни тѣшилось! А развѣ мы не дѣти? До гроба дѣти... Тѣшиться, тѣшиться бы только намъ! И всѣ свои серьезныя дѣла взрослыхъ совершаемъ мы въ потѣ лица (порой въ слезахъ и крови), только чтобы обезпечить себѣ какую нибудь игрушку... И когда безъ оной очутимся, — не знаемъ, что дѣлать! Вотъ какъ сейчасъ я... Жилъ я до нынѣшняго лѣта скучно, вяло. Работалъ «спустя рукава», «черезъ пень колоду», въ разсчетѣ на «авось и небось» (есть ли въ иномъ, кромѣ русскаго, языкѣ подобныя милыя словечки?). Таковы ужъ условія нашей интеллигентной работы на Руси, публицистической же въ особенности. Въ герои и страстотерпцы не лѣзъ (вѣроятно, натура не геройская, а, можетъ быть, и самое геройство нѣсколько дискредитирова-

лось), къ благополучнымъ россіянамъ тоже не присталъ (умственная и нравственная брезгливость помѣшала). Словомъ, плелся съ кошолкой своего немудраго ржаного посѣва по родной кочковатой «пахотѣ», спотыкаясь, шагъ за шагомъ; а вѣтры буйные, уносящіе зерно мое съ чернозема на камень, да и птицы хищныя, клюющія его изъ подъ носа тѣхъ, кому оно предназначено,—такъ и рѣяли и рѣютъ кругомъ—вѣтры уныло завывая, птицы зловѣще каркая...

Скучная исторія!.. И вдругъ — казусъ. Конечно, бывали казусы и прежде. Сорокъ лѣтъ все же промаячилъ на бѣломъ свѣтѣ. Всякое бывало. Только тоже какъ-то ничего не вытанцовалось... Вѣроятно, не было хорошаго дирижера, когда я явился на свой балъ жизни! Но свыкся и махнулъ на все рукой. И вдругъ «эстетика» встаетъ на дыбы! Жажда другой души начинаетъ шевелиться подъ сердцемъ—точно полузамершая отъ голода змѣя вдругъ очнулась, учуявъ птичку, какихъ она ужъ давно не глотала. Влюбился. На бѣду не безъ успѣха. На бѣду и родители барышни не прочь, только по боку столицу, газету и все съ ними связанное—пожалуйте въ культуртрегеры на лоно природы... На счастье пріятель образумилъ. Все кончилось благополучно. Барышня вышла за прежняго своего жениха и осталась съ нимъ благодѣнствовать въ темномъ углу, а я снова кошолку въ руки, снова за прежній «сѣвъ». Вотъ, въ сущности, весь мой казусъ.

Въ самомъ дѣлѣ, вѣроятно, одна эстетика, какъ говоритъ мой балагуръ однокашникъ. Такъ-то оно такъ... да вотъ не могу отдѣлаться вполнѣ отъ этой эстетики... И, дѣйствительно, на ловца и звѣрь бѣжитъ. Сегодняшній разговоръ съ Гужовскимъ, напримѣръ... Интересный типъ. Читалъ я разъ одну непопавшую въ печать, по независящимъ обстоятельствамъ, статейку мою въ кружкѣ питерцевъ, у одного изъ нихъ въ домѣ. Среди слушателей были и совсѣмъ мало знакомые. Послѣ чтенія за ужиномъ поднялись по поводу статьи дебаты. Говорили многіе.

Вдругъ мягко и деликатно, разглаживая шелковистые свѣтлые усы выхоленной рукой (рукой очень красивой, а Гейне недаромъ замѣтилъ, что красота рукъ почти всегда признакъ даровитости)—заговорилъ этотъ Гужовскій. Сперва, при входѣ въ тотъ кружокъ, гдѣ я читалъ, представленный ему, я не обратилъ на него особаго вниманія. Показался онъ мнѣ обыкновеннымъ франтомъ петербуржцемъ. Но, слушая его умную, тонкую рѣчь о предметахъ, задѣтыхъ прочтенною статьей, я невольно пристально приглядѣлся къ нему. И вдругъ замѣтилъ, что по внѣшности это не просто франтъ, но человѣкъ несомнѣнно изящный. Натура, повидимому, мягкая, бархатная, хотя, быть можетъ, со стальными коготками, спрятанными по

кошачьи. Умница, воспитанный, образованный—несомнѣнно. И даровитъ—очевидно.

Всѣ его заслушались. И я, признаюсь, — рѣдко слышалъ такую оригинально содержательную и тонко красивую рѣчь. Ему рукоплескали. А онъ опускалъ мягкія рѣсницы на свѣтлые проницательные глаза, которые подергивала лазурная поволока, поволока едва замѣтной самодовольной насмѣшливости. Когда всѣ разошлись, я, тоже уходя, задержалъ хозяина въ передней и спросилъ:

— Кто сей?

Хозяинъ улыбнулся. Онъ сразу понялъ, о комъ рѣчь.

— А! маркизъ?

— Развѣ онъ маркизъ?—удивился я.

— Мы его такъ называемъ шутя. Онъ восходящая финансовая звѣзда. Въ 35 лѣтъ уже директоръ одного изъ крупныхъ частныхъ банковъ. Въ то же время анонимный газетный публицистъ и авторъ брошюръ по политико-экономическимъ вопросамъ, изданныхъ за-границей на французскомъ языкѣ.

— Вотъ какой онъ!—покачалъ я тогда головой, уходя.

Съ тѣхъ поръ (этому мѣсяцевъ восемь) я Гужовскаго не встрѣчалъ.

Сегодня утромъ, московскій поѣздъ, спеціально устроенный ради выставки и почти пустой, доставилъ меня въ Нижній. Извозчикъ, заломивъ цѣну по выставочному, но образумленный моимъ хладнокровіемъ, привезъ меня въ безконечный по длинѣ и совсѣмъ эфирный по легкости постройки баракъ изъ дерева—спеціально для выставки выстроенную гостинницу. Мнѣ все равно было, гдѣ ни остановиться, только бы поближе къ выставкѣ. Весьма почтенный сѣдовласый распорядитель и совсѣмъ представительный швейцаръ сообщили мнѣ, что комнаты въ бель-этажѣ просторнѣе и комфортабельнѣе. Но я окинулъ баракъ-гостинницу взглядомъ и спокойно отвѣтилъ:

— Да, но въ первомъ этажѣ гораздо удобнѣе выпрыгнуть въ окно въ случаѣ пожара, и посему укажите мнѣ номеръ внизу.

Распорядитель и швейцаръ, не безъ деликатной грусти, одобрили мой взглядъ. Я водворился внизу въ сколоченномъ изъ досокъ ящикѣ и отворилъ окно номера—единственное, но довольно большое. Дверь номера—тоже единственная, но весьма маленькая, сейчасъ же растворилась отъ сквозняка. И створка ея оказалась столь слабо входящей въ отверстіе, что пришлось зацѣпить ее на крючокъ, чтобы вѣтеръ ее не распахивалъ. Я подошелъ къ окну. Оно выходило въ «увеселительный садъ». Полтора куста, нѣсколько эстрадъ, столики и стулья для публики, пюпитры для музыкантовъ, на тумбахъ шары изъ стекла и т. п.

Мнѣ сообщили, что я, какъ постоялецъ, имѣю право безплатнаго входа въ «садъ». Глядя на этотъ садъ, я меланхолически оцѣнивалъ прелесть этого права и сейчасъ же рѣшился идти на выставку. Я понялъ, что этотъ ящикъ-номеръ будетъ служить мнѣ лишь мѣстомъ сна, сладкое же право «пользоваться садомъ» послужитъ мнѣ только правомъ ближайшаго черезъ него пути на выставку. Я ужъ разглядѣлъ этотъ ближайшій путь и, подъ унылыми взглядами праздныхъ лакеевъ ресторана въ саду, замкнувъ свой номеръ, прошелъ на мостки, которые вели къ выставкѣ...

Безконечный рядъ палатокъ, пивныхъ, арбузныхъ лавокъ, замыкался на заднемъ планѣ вывѣсками «синематографа», «Нана» и т. п. зрительныхъ соблазновъ. Электрическій трамвай молніеносно подкатывалъ, привозя публику, звеня и мягко гремя. Шары красные, синіе, лиловые, какъ гроздья гигантскаго винограда, повернутые кверху ягодами, летали на ниткахъ въ ясномъ небѣ надъ головами. Публика, франтовато одѣтая, подъѣзжала и подходила. Господа въ домашнихъ пиджакахъ озабоченно, съ планами и указателями выставки въ рукахъ, дѣловой походкой спѣшили къ отдѣламъ: вѣроятно разные спеціалисты.

Вся эта суета подъ лучами палящаго солнца подѣйствовала на меня раздражающе. Мнѣ вдругъ показалось, что незачѣмъ мнѣ было ѣхать сюда. Корреспондентъ нашей газеты, дѣйствительно, оказался плохъ. Но вѣдь его статьи все же напечатаны. Выставка въ печати и безъ того всѣмъ надоѣла. Къ чему еще пережевывать ее на новый ладъ... Сидѣлъ бы у себя на Литейной въ «меблировкѣ».

Но—назвался груздемъ, полѣзай въ кузовъ. И я полѣзъ. Энергически зашагалъ по мосткамъ ко входу выставки, взялъ билетъ, сдѣлалъ туръ вальса во входномъ турникетѣ и очутился на выставкѣ. Красивыя зданія... Правильно обрамленные дерномъ пруды, точно въ рамкѣ изъ темнаго малахита, отражали бирюзу яснаго неба; высокіе фонтаны переливались радугой и серебромъ на яркомъ солнцѣ; лѣнивые лебеди плавали по глади прудовъ или, подобно овальнымъ бѣлымъ камнямъ, лежали на зелени дерна; на фонѣ яснаго неба рисовались легко и воздушно павильоны и отдѣлы то античнаго характера, то восточнаго, съ башенками и минаретами, то сказочно фантастическаго въ русскомъ, или иномъ стилѣ; все это выглядѣло празднично, почти изящно. Отдаленные звуки музыки доносились съ центральнаго круга, усиливая еще болѣе впечатлѣніе праздника.

И въ душѣ моей, гдѣ, увы, было далеко не празднично,— заныла опять уснувшая было тоска по «эстетикѣ». Эти изящные павильоны, и лебеди, и фонтаны напомнили дворецъ Гоэнлое

въ Веркахъ, гдѣ я былъ недавно; вспомнился и дивный портретъ княгини, или княжны Радзивилъ, въ который я влюбился въ этомъ дворцѣ. Вспомнилось и многое другое..

И вдругъ, какъ живое воплощеніе этой выставочной праздничности и какъ новое напоминаніе о литовскомъ уголкѣ, гдѣ я пережилъ свой «казусъ», на посыпанной желтымъ пескомъ площадкѣ мнѣ предсталъ никто иной, какъ «маркизъ» Гужовскій. Сперва я его не узналъ. Я вѣдь всего только разъ и видѣлъ его въ Петербургѣ. Въ безукоризненной свѣтло-кофейной лѣтней парѣ и такого же цвѣта небольшомъ котелкѣ стоялъ онъ передо мной, сіяя бѣлизной бѣлья, еще болѣе ослѣпительной бѣлизной зубовъ между розовыми губами въ легкой тѣни свѣтлыхъ шелковистыхъ усовъ, весь цвѣтущій здоровьемъ, сдержанно благоухая духами, изящный, плѣнительный, сказалъ бы я, если бы выразиться такъ о мужчинѣ не было странно. Привѣтливо сіяя (не безъ нѣкотораго холодка) умнымъ взглядомъ глазъ съ синеватой поволокой, онъ приподнялъ котелокъ надъ мастерски причесанной бѣлокурой головой.

— Вы меня не узнали?—осторожно сказалъ онъ своимъ бархатнымъ голосомъ.

— Ромуальдъ Норбертовичъ!—вспомнилъ я даже его имя. Мы пожали другъ другу руки.

— Только что прибыли?—спросилъ онъ.—Гдѣ были лѣто?

— Да, я сегодня сюда... А лѣто, по крайней мѣрѣ, послѣдній мѣсяцъ, представьте, провелъ вблизи вашей Польши.

И я бѣгло разсказалъ о моей поѣздкѣ въ Полѣсье. Коснувшись посѣщенія Верокъ, я помянулъ о плѣнившемъ меня портретѣ княгини Радзивилъ. Онъ слушалъ меня молча, поглаживая кончики усовъ. Потомъ сдѣлалъ предположеніе, что портретъ могъ принадлежать кисти польскихъ художниковъ прошлаго вѣка, даже назвалъ имена лучшихъ изъ этихъ художниковъ. И вдругъ съ изящно иронической улыбкой, указывая на зданіе художественнаго отдѣла, сказалъ:

— Я также только что созерцалъ произведенія кисти. И женскіе изящные портреты, между прочимъ, но... но не весьма былъ плѣненъ ни усиліями въ этомъ направленіи господина Константина Маковскаго, ни позднѣйшими попытками Лемана, ни жертвой опричниковъ или сценой въ cabinet à part Новоскольцева... Знаете, бѣдно у насъ. И относительно живой женской красоты, и относительно ея воспроизведенія, а между тѣмъ, когда попадется въ этомъ родѣ настоящее, какъ вамъ, напримѣръ, этотъ портретъ Радзивилъ—уже не говоря о живой красотѣ,—чувствуешь нѣчто... необычное!

И онъ улыбнулся. Синеватая поволока его глазъ стала почти мечтательной. Рука его медленно блуждала по его усамъ.

— Да нѣчто необычное!—подтвердилъ я задумчиво.

Маркизъ внимательно посмотрѣлъ мнѣ въ глаза. Но это вниманіе было мгновенное.

— Знаете, я полагаю, ничѣмъ инымъ, какъ жаждою—притомъ, конечно, неудовлетворенною—именно этого «необычнаго» ощущенія,—продолжалъ онъ своимъ бархатно-любезнымъ тономъ,—можно объяснить многое уродливое въ искусствахъ...

— Уродливое?—удивился я.

— Да,—отвѣтилъ Гужовскій, и въ глазахъ его блеснулъ огонекъ новой, удачно вспыхнувшей мысли.—Хочется этого «необычнаго», а между тѣмъ ни вокругъ, ни въ своей ограниченной фантазіи ничего нѣтъ... Ну и начинаютъ люди измышлять... на манеръ Врубеля... Здѣсь, въ отдѣльномъ павильонѣ, за чертой выставки, вы найдете его плафоны, неодобренные академической коммиссіей... Уродливо, но «жажда чего-то» и въ этомъ уродствѣ красива... Вотъ эта жажда чего-то и есть зерно всѣхъ новѣйшихъ школъ искусства...

— Жажда чего-то?—опять мрачно-задумчиво повторилъ я.

— Да, чего-то!—повторилъ маркизъ,—чего нѣтъ и на этой «выставкѣ»—иронически подчеркнулъ онъ это слово. А между тѣмъ сколько навезли изящныхъ предметовъ, картинъ, сколько женщинъ наѣхало... впрочемъ, большинство неважныя... Все сколько нибудь haute volée учуяло, что здѣсь не поживишься, и воздержалось... Посмотрите, ни одной физіономіи сколько нибудь...

Гужовскій не кончилъ. Онъ пренебрежительно умолкъ, окидывая своимъ холодно-яснымъ взглядомъ всю площадку передъ художественнымъ отдѣломъ—на ней, дѣйствительно, не было ни одного интереснаго лица.—Ну-съ, виноватъ, мы еще увидимся. Теперь я спѣшу. Вы, значитъ, и не попали на засѣданія торговопромышленнаго съѣзда. Тронутъ былъ вопросъ и о рабочихъ...—перешелъ онъ въ другой, болѣе оживленный тонъ.

— Вѣдь вопросы о рабочихъ были изъяты изъ компетенціи съѣзда! Было, по крайней мѣрѣ, нѣчто публиковано объ этомъ.

— Было. Но это пустяки. Не желали привлечь этими вопросами на съѣздъ тѣхъ, кому туда незачѣмъ являться... Но какъ не коснуться этихъ вопросовъ!..

— Вы ими очень интересуетесь?

— Да! одни изъ самыхъ любопытныхъ по комбинаціямъ и діалектически-логическимъ, и практическимъ,—отвѣтилъ маркизъ, на ходу граціозно приподнимая котелокъ и спѣша уйти отъ меня, точно не желая втянуться въ разговоръ на эту тему.

Я остался одинъ и побрелъ по выставкѣ. Жажда «чего-то» необычнаго... и рядомъ интересъ къ вопросамъ о рабочихъ съ точки зрѣнія любопытныхъ комбинацій—думалось мнѣ. Интересный субъектъ... Но онъ своимъ разговоромъ на эстетиче-

скую тему опять тронулъ мою «эстетику», опять напомнилъ не только портретъ въ Веркахъ, но живой предметъ моего «казуса». И какъ разъ въ то время, какъ я, уже обуреваемый воспоминаніями, шелъ по выставкѣ, не зная, съ какого отдѣла начать ея обозрѣніе, я услышалъ поразившее меня восклицаніе:

— Ахъ, какіе цвѣты! Знаешь, когда я вижу цвѣты, мнѣ такъ хочется жить, жить!

Я обернулся. Возлѣ клумбы, близь пруда, ко мнѣ спиной, стояли двѣ женскихъ фигуры. Одна сразу бросилась въ глаза своей юной стройностью. Мнѣ почему-то показалось, что именно она должна была произнести свѣжимъ и звонкимъ, какъ колокольчикъ, голоскомъ, полнымъ страннаго нервнаго трепета, услышанныя мною слова. Самыя эти слова понравились мнѣ. Видя цвѣты, хочется жить! Какъ это славно, поэтически сказано!—подумалъ я. Я сдѣлалъ шагъ, чтобы обойти молодыхъ особъ и взглянуть на ихъ лица. Но онѣ вдругъ, вѣроятно, увидавъ знакомыхъ, пошли быстро прочь и, скрывшись за угломъ Нобелевскаго павильона, лишили меня возможности увидѣть лицо той, кому такъ хочется жить, когда она видитъ цвѣты.

Угрюмый и недовольный этой маленькой неудачей и проснувшимися воспоминаніями, пошелъ я снова по выставкѣ. До семи часовъ вечера я бродилъ по ней, только чтобы сколько нибудь оріентироваться. Наскоро закусилъ въ открытомъ ресторанѣ. Ни «маркиза», ни этой стройной любительницы цвѣтовъ (фигуру ея я очень хорошо запомнилъ) я болѣе не встрѣтилъ. Въ восьмомъ часу вернулся я въ свой ящикъ-номеръ. Подъ окномъ моимъ реветъ румынскій оркестръ. Ревѣлъ женскій хоръ. Будутъ взвизгивать, конечно, отдѣльныя пѣвицы. Гулянье въ саду въ полномъ разгарѣ. А я сижу и пишу дневникъ. Неужели вслѣдствіе «жажды чего-то» по словамъ «маркиза»?.. И неужели эта жажда чего-то—жажда жить, обуревающая при видѣ цвѣтовъ ту стройную незнакомку?

II.

Сегодня до трехъ часовъ съ десяти утра бродилъ по выставкѣ. Понемногу началъ внюхиваться въ нѣкоторые отдѣлы. Пріобрѣлъ одно новое знакомство и встрѣтилъ одного стараго знакомаго. Стараго не годами, а по времени первой встрѣчи съ нимъ.

Вхожу въ кустарный отдѣлъ, вижу: юноша въ тужуркѣ московскаго техническаго училища, съ клочьями едва проросшей бороды на длинномъ подбородкѣ, всматривается близорукими глазами, въ очкахъ, въ издѣлія изъ корельской березы. Подхожу и узнаю. Годъ назадъ онъ заходилъ въ редакцію съ

переводомъ какой-то нѣмецкой статьи объ опытахъ фабричныхъ коопераций. Статья не подошла, но съ юнымъ переводчикомъ, тогда студентомъ технологическаго института, мы разболтались, и онъ даже сталъ ко мнѣ заходить.

Меня очень забавляли споры съ нимъ на темы политико-экономическія. Краснорѣчивъ и, конечно, безпощаденъ онъ былъ изумительно. Теперь видъ его меня поразилъ. Не то, что похудѣлъ, а какъ-то отощалъ. Глаза ввалились, блѣденъ и мраченъ. Одѣвался чуть не франтомъ, а теперь форменная тужурка заношена до порыжѣлости, сѣрые брюки совсѣмъ отрепаны, а рубашка-косоворотка не мыта, я думаю, недѣли двѣ.

— Илья Гавриловичъ, вы?—протянулъ я ему, съ этими словами, руку.

Онъ недовѣрчиво посмотрѣлъ на меня, но потомъ, очевидно узнавъ меня, молча пожалъ мою руку холодной потной рукой.

— Какъ вы перемѣнились! — сказалъ я, вглядываясь въ него.

— Да. Перебрался въ Москву,—глухо отвѣтилъ онъ, начиная снова разсматривать пепельницы и коробочки изъ корельской березы.

— Изучаете потуги борьбы съ капиталомъ сельскаго ремесла?—въ тонъ прежнихъ нашихъ бесѣдъ началъ я шутливо.

— Нѣтъ, отчего же, потуги... дай имъ Богъ!—глуховато и нерѣшительно отвѣтилъ онъ и весь пожался, точно ему стало холодно.

— Эге, ге! какъ вы заговорили!—удивился я.

— Да, я измѣнился,—уклончиво отвѣтилъ онъ.

— Ну! А я думалъ вы пріѣхали и сюда, въ Нижній съ цѣлью порадоваться на успѣхи крупнаго производства. Видѣли фабричные отдѣлы? Совершенные дворцы и храмы новѣйшихъ владыкъ и боговъ.

— Я здѣсь не по своей волѣ. Я изъ-за куска хлѣба. При машинахъ отъ одной фирмы присматривать.

— Вотъ какъ! Въ наймиты пошли?

— Да, я разошелся съ отцомъ—содержу теперь себя самъ.

Мнѣ неловко было разспросить бѣднаго юношу въ чемъ дѣло.

— Заходите ко мнѣ чайку попить!—участливо пригласилъ я его.—Спорить теперь съ вами не будемъ, будемъ ладить.

— Едва-ли!—усмѣхнулся онъ.

— Отчего-же это «едвали»? — сказалъ я, ласково беря его за руку.

— Я теперь аскетъ,—отозвался онъ глухо.

— То есть какъ аскетъ?—удивился я.

— Ну да, вегетаріанецъ, если хотите. И сторонникъ личнаго

самосовершенствованія. Все остальное отъ лукаваго,—усмѣхнулся онъ, осторожно отнимая у меня руку.

— Вотъ какъ!—уныло протянулъ я.—Ну, все равно... чаю то вѣдь можно?

— Чаю можно!—пожалъ онъ плечами и обѣщалъ придти. Я ему сказалъ, гдѣ живу. Онъ торопливо пожалъ мнѣ руку и пошелъ въ свой машинный отдѣлъ, угловато дергая на ходу лопатками.

„Что это его бѣднаго такъ перевернуло? Надо разспросить,—думалъ я, переходя отъ корельскихъ издѣлій къ черниговскимъ полотенцамъ, привлекшимъ мое вниманіе яркостью шитья. Юркій старичокъ продавалъ ихъ высокому господину, опрятно, не безъ щегольства, но сдержанно одѣтому. Крупныя рѣзкія черты показались мнѣ вульгарными, но ихъ смягчала тщательно подстриженная рыжеватая борода.

— Дерете-съ! Дерете-съ, почтенный!—говорилъ этотъ господинъ продавцу, раскидывая длинными руками полотенца во всю длину.

— Не будь ручная работа, будь фабричная, да еще съ какимъ-нибудь Морозовскимъ клеймомъ, вдвое бы охотно заплатили,—съ упрекомъ, тоненькимъ голосомъ, обидчиво сказалъ старичокъ продавецъ и началъ свертывать полотенца, почти вырвавъ ихъ изъ рукъ покупателя.

— Ну полно, полно старина! Не разыгрывай благородства!—почти отнявъ у него полотенце, крикнулъ непріятно рѣзкимъ голосомъ рыжебородый господинъ.—Морозовъ бы это пустилъ втрое дешевле, да и то еще вышло бы съ запросомъ! Курьеза ради и покупаю: самъ вожусь съ кустарями.

Послѣднія слова онъ произнесъ, уже повернувшись ко мнѣ.

— Вѣроятно упорядочиваете?—вырвалось у меня невольно.

— Именно, именно! — вдругъ захохоталъ онъ. — Съ кѣмъ имѣю честь?.. Изучающій, по порученію земства, кустарные промыслы, Иванъ Андреяновичъ Дрюковъ,—выпалилъ онъ неожиданно, крѣпко сжимая мою руку.

Пришлось сказать, кто я такой.

— А! публицистъ! Знаю! слыхалъ!—захохоталъ онъ очень шумно.—Васъ-то намъ и надо! Оповѣстите о насъ почтеннѣйшей публикѣ. Упорядочиваемъ! Подтянемъ господина кустаря. Ему же на пользу... Культивировать, батенька, надо со всѣхъ концовъ... Индустрія прижметъ съ одной стороны... государственная регламентація съ другой—конечно, при субсидіяхъ, гарантіяхъ и сему подобномъ. Лишь бы вотъ этихъ субсидій добиться, да не въ руки фантазеровъ, а въ наши, въ дѣловыя руки... До повиданья... Встрѣтимся еще на выставкѣ. Потащу женѣ полотенца! — и, самодовольно расхохотавшись, господинъ Дрюковъ побѣжалъ отъ меня къ выходу изъ отдѣла.

Я съ недоумѣніемъ смотрѣлъ ему вслѣдъ. Вотъ жизнерадостный и самоувѣренный субъектъ!—подумалъ я. И вдругъ, не знаю почему, мнѣ стало жутко въ кустарномъ отдѣлѣ, точно эти двѣ встрѣчи съ бѣднягой техникомъ, впавшимъ въ праздное личное самоусовершенствованіе, и съ господиномъ Дрюковымъ, увѣреннымъ, что на его вѣкъ хватитъ субсидированныхъ заботъ о кустаряхъ, сразу испортили мое настроеніе.

Меня охватило желаніе уйти съ выставки, не видать на нѣкоторое время этихъ дворцовъ индустріи, и я зашагалъ къ выходу съ выставки. Повернувшись въ турникетѣ, я дошелъ до «сада» «моего» отеля.

Садъ былъ пустъ. Пюпитры оркестра стояли уныло на эстрадѣ. Два-три лакея во фракахъ, точно мухи поздней осенью, неподвижно зѣвали на просторной деревянной террасѣ ресторана. Только въ глубинѣ террассы, возлѣ отдаленнаго стола, сидѣло нѣсколько очень молодыхъ дѣвушекъ съ нерусскими лицами, одѣтыхъ въ одинаковые, весьма простые костюмы, тоже какого-то нерусскаго фасона. Два франта въ цилиндрахъ и смокингахъ угощали ихъ завтракомъ. Но вина на столѣ не было: стоялъ только огромный стеклянный кувшинъ съ клюквеннымъ квасомъ. Я понялъ, что какіе-нибудь завсегдатаи сада угощаютъ «капеллу» иностранныхъ пѣвицъ.

Я сѣлъ какъ можно дальше отъ нихъ, спросилъ себѣ рублевый обѣдъ и велѣлъ дать рюмку водки и бутылку пива. Лакей меланхолически пошелъ исполнять мои требованія. Весь въ какой то смутной мрачной апатіи я навалился грузно локтями на столъ и сталъ наблюдать за пѣвицами, которыхъ угощали господа въ цилиндрахъ. Два лакея то и дѣло подбѣгали къ ихъ столу, подавая блюда. Меня начало понемногу забавлять то, что дѣлалось за другимъ занятымъ столомъ. Пѣвички — пять или шесть подростковъ совсѣмъ юныхъ—я думаю, младшей не было болѣе 14 лѣтъ, съ милыми лукаво-невинными рожицами юныхъ румынокъ, или венгерокъ, спрашивали себѣ тѣ или другія блюда въ самомъ странномъ порядкѣ; господа, ихъ угощавшіе, сейчасъ же приказывали подавать эти блюда. Непослѣдовательность аппетита дѣвицъ, очевидно, забавляла господъ; щедрое угощеніе тѣшило дѣвицъ, а несомнѣнно растущій счетъ за угощенія радовалъ лакеевъ—и всѣ возлѣ того стола были оживлены и веселы,

— Nun! was noch?—подзадоривая, спрашивалъ субъектъ въ цилиндрѣ.

— Krebs! — торжественно объявляли хоромъ пѣвички, послѣ чего подавались и уничтожались раки.

— Nun, was jetzt?—раздавался дальнѣйшій вопросъ.

— Мороженое!—почему-то картавя, по-русски хоромъ кричали пѣвички. И подавали мороженое.

— Aber jetzt?—шло далѣе.

— Rostbraten!— заявили пѣвицы.

И послѣ мороженаго ѣли мясо, послѣ мяса сладкое суфле, послѣ суфле сосиски! И все это онѣ съѣдали, широко разѣвая рты, точно голодные галчата, выпивая неимовѣрное количество квасу. Сперва мнѣ пришло въ голову, что бѣдныхъ дѣвочекъ, вѣроятно, почти не кормитъ ихъ антрепренеръ; но потомъ я сообразилъ, что никакой голодъ, никакая молодость не оправдываетъ такого аппетита. И я понялъ, что дѣвчонки ѣдятъ, вѣроятно, сверхъ всякаго желанія, можетъ быть, даже не безъ отвращенія и труда, да и вреда для здоровья, чтобы заставлять торговать буфетъ—одно изъ условій выгоднаго найма ихъ капеллы содержателемъ сада и ресторана.

Понялъ я также, почему истребляется только квасъ. Юныя пѣвички, вѣроятно, обладаютъ еще хорошими голосами. Эти голоса сами по себѣ хорошій доходъ. Портить ихъ пьянствомъ еще не резонъ. Вотъ дѣвочкамъ и приказано держать себя, какъ дѣтямъ: кушайте, молъ, и пейте квасъ, сколько хотите... а всему прочему въ вашей жизни... чередъ придетъ. Мнѣ было любопытно одно: обкармливающіе ихъ господа вѣрятъ ли въ наивность ихъ почти дѣтской прожорливости, или прекрасно понимаютъ, въ чемъ дѣло? Умиляетъ ли ихъ возможность накормить этихъ почти дѣтей, или тѣшитъ своего рода спортъ: сколько съѣдятъ онѣ и которая больше?.. И вдругъ мнѣ стало жаль бѣдныхъ дѣвченокъ и противно смотрѣть на то, какъ онѣ, уже явно не безъ усилій, глотали куски, и ихъ длинныя смуглыя шейки двигались судорожно во время торопливой ѣды безъ конца... Я отвернулся и сталъ смотрѣть въ садъ.

Изъ бокового входа появилась стройная небольшая фигура, въ темной соломенной шляпкѣ съ перомъ и синей кофточкѣ — фигура несомнѣнно мнѣ знакомая. Молодое лицо съ большими свѣтлыми глазами, которые такъ и искрились, быстро бѣгая по саду и по террассѣ, оканчивалось острымъ подбородкомъ, придававшимъ этой особѣ видъ лисички. На мгновеніе она остановилась посреди сада, оглянулась, причемъ ея нѣсколько худощавый, но очень стройный и гибкій станъ весь зашевелился, точно змѣйка, — и вдругъ, увидавъ лакея, громко сказала:

— Никифоръ, принесите мнѣ грушевой воды!

Голосъ я мгновенно узналъ и понялъ, почему эта юная фигурка мнѣ показалась знакомой. Это несомнѣнно была она— та, кому при видѣ цвѣтовъ такъ хочется жить! Она сѣла на скамью въ саду въ полоборота ко мнѣ. У нея оказался премилый профиль — изящный и задорный. Хотя она сидѣла, но ея станъ ни на мгновеніе не оставался въ полномъ покоѣ. Она вся какъ-то неуловимо шевелилась, точно отъ избытка

жизни. И странно: въ складочкѣ между темныхъ тонкихъ бровей, едва замѣтной складочкѣ, застыла почти неуловимая тоска.

Лакей Никифоръ, съ явно небрежной фамильярностью, принесъ въ рукахъ, безъ подносика, бутылку фруктовой воды и стаканъ. Пока онъ откупоривалъ воду—она не смотрѣла на него.

— Теплая, Никифоръ, — протянула она капризно, отпивъ изъ стакана, причемъ капризно облизнула уголки рта.

— Сойдетъ и такая!—небрежно кинулъ лакей, ставя бутылку на скамью рядомъ съ ней и отходя.

Я понялъ, что эта любительница цвѣтовъ тоже или пѣвица этого сада, или нѣчто подобное. Въ это время въ саду появился мальчикъ съ корзиной, повѣшенной на ремнѣ черезъ плечо. Въ корзинѣ была масса букетовъ и букетиковъ. Мальчикъ, вѣроятно высланный въ садъ лакеями, прямо подошелъ къ столу, гдѣ происходила кормежка капеллы пѣвицъ.

— Blumen! Blumen!—захлопали въ ладоши дѣвушки, очевидно обрадованныя нѣкоторой диверсіей въ ихъ гастрономическихъ упражненіяхъ.

Ихъ кавалеры сейчасъ же накупили имъ букетовъ, причемъ выбирали сами дѣвицы, руководясь также, я думаю, доходомъ цвѣточника: конечно, и онъ былъ отъ ресторатора. Когда мальчикъ, скаля зубы отъ радости, что его корзину почти опустошили, отошелъ отъ того стола и хотѣлъ уже уйти, я поманилъ его пальцемъ къ себѣ. Выбравъ у него небольшой, но душистый букетикъ изъ маленькихъ бѣлыхъ розъ, я подозвалъ лакея.

— Вонъ та барышня здѣшняя пѣвица?—спросилъ я, указывая на особу, медленно пившую въ саду на скамьѣ грушевую воду.

— Такъ точно! — весь какъ-то сразу подтянулся лакей, и глаза его моментально оживились.

— Передайте отъ меня ей букетъ,—подалъ я ему розы.

Лакей быстро побѣжалъ исполнять мое порученіе. Я усмѣхнулся его прыти: почуялъ, что будетъ доходъ. Я видѣлъ, какъ лакей подалъ ей букетъ, какъ она оглянулась въ мою сторону недоумѣвающимъ взглядомъ. Лакей подошелъ ко мнѣ.

— Софья Михайловна васъ благодарятъ,—сказалъ онъ съ лукавой скромностью и сталъ выжидательно въ сторонѣ.

Я по прежнему усмѣхался. Софья Михайловна нетороплива допила свою воду, потомъ встала, оправила шляпку и медленно подошла ко мнѣ.

— Это вы мнѣ прислали цвѣты?—спросила она почти рѣзко, останавливаясь у самаго моего стола.

Я медлилъ отвѣтомъ. Я ее разсматривалъ. Лицо ея мнѣ показалось необыкновенно подвижнымъ и живымъ. Въ складкѣ

тонкихъ губъ блуждало что-то капризное и въ то же время ласковое. Глаза хмурились. Я привсталъ и приподнялъ шляпу. Я убѣдился, что на лицѣ ея нѣтъ ни слѣда краски, чего боялся, смотря на нее издали: у меня органическое отвращеніе ко всякому гриму.

— Вы такъ любите цвѣты,—сказалъ я;—вчера случайно на выставкѣ я услышалъ изъ вашихъ устъ слова: «когда видишь цвѣты, такъ хочется жить!» Вотъ я и рѣшился поднести вамъ букетъ. Простите за смѣлость.

Она смотрѣла на меня во всѣ глаза: свѣтлые, большіе, полные блеска.

— Вы слышали?—вдругъ серебристо разсмѣялась она.—Это я подругѣ сказала. Изъ нашего же хора, Раѣ. Вамъ понравилось, что я такъ сказала?—оживленно говорила она и опустилась на стулъ у моего стола. Я тоже сѣлъ.

— Да, понравилось,—отвѣтилъ я.

— Я правду сказала. Я ужасно люблю цвѣты. Когда еще папа мой былъ управляющимъ въ одномъ домѣ въ Петербургѣ, я тайкомъ бѣгала въ хозяйскій зимній садъ и нюхала, нюхала...

И она очень комично и въ то-же время шаловливо-граціозно показала своимъ острымъ носикомъ, какъ она нюхала...

— Вашъ папа живъ?—спросилъ я.

— Живъ! Совсѣмъ старый, больной. Въ Петербургѣ, въ богадѣльнѣ. Мама умерла. Его самого параличъ разбилъ,—вотъ его прежніе хозяева и устроили въ богадѣльню. Есть у меня еще сестра, замужемъ. Тоже въ Петербургѣ, за шорникомъ. Она не хочетъ ни меня, ни папы знать! Впрочемъ, у меня и самой есть амбиція... Къ папѣ, когда бываю въ Петербургѣ, хожу, табакъ ему покупаю, газеты—онъ безъ табаку и газетъ не можетъ жить, а денегъ у него теперь своихъ нѣтъ ни копѣечки. Все, что было, на скачкахъ, на тотализаторѣ спустилъ... Ну, мнѣ и пришлось вотъ... по хорамъ трепаться... А цвѣты я ужасно люблю. Вотъ теперь ужъ пора, кажется, ума набраться, а какъ увижу цвѣты, точно зашевелится, зашевелится все во мнѣ.

Софья Михайловна, сидя на стулѣ у моего стола, болтала оживленно и безпечно, точно птичка клювомъ погружаясь носикомъ въ розы... Въ это время лакей подалъ мнѣ обѣдъ, водку и пиво.

— Не хотите ли пообѣдать со мной?—предложилъ я ей.

— Вы думаете—пѣвица, такъ ужъ непремѣнно и угощать. И безъ того за цвѣты вамъ спасибо. Да я и ѣсть не хочу. Пива, давайте, выпью.

— Подайте еще стаканъ,—сказалъ я лакею.

Онъ, огорченный тѣмъ, что «угощеніе барышнѣ» выра-

зится только въ стаканѣ пива, не безъ злобы взглянулъ на Софью Михайловну, подавая этотъ стаканъ.

— Можетъ быть, вы вина выпьете?—предложилъ я, какъ бы уколотый этимъ взглядомъ лакея.

— Ни вина, ничего, ничего, а вотъ что: кто вы?—вдругъ спросила она и устремила глаза въ мои глаза.

— Зачѣмъ вамъ?—усмѣхнулся я, принимаясь за обѣдъ.

— Не хотите!— ну не надо! Вы, должно быть, сами любите цвѣты?

— Самъ? Не особенно.

— Значитъ тѣхъ, кто ихъ любитъ?—совсѣмъ по дѣтски спросила она... Она была очень мила, задавая этотъ наивный вопросъ.

— Нѣтъ и не тѣхъ,—улыбнулся я,—а тѣхъ, кто такъ поэтически умѣетъ выражаться...

— Поэтически?—Опять ея большіе свѣтлые глаза остановились на мнѣ съ недоумѣніемъ...—Какъ въ стихахъ?

— Не какъ въ стихахъ, а... какъ бы это вамъ объяснить...

— Не объясняйте... я поняла!—вдругъ воскликнула она.—Я значитъ красиво сказала?

— Вотъ именно: красиво!—подхватилъ я.

— Видите, какой вы славный, что про меня говорите! Позвольте вамъ подарить за это одну розочку! — И она, отдѣливъ одну розу изъ букета, приколола ее своими маленькими бойкими руками къ лацкану моего пиджака...

— Спасибо,—пожалъ я ея руку. Но въ это время къ ней подошелъ лакей.

— Маргарита Германовна зоветъ васъ,—сказалъ онъ.

— Хорошо! Сейчасъ приду,—кинула она ему раздраженно. Когда онъ отошелъ, она перегнулась ко мнѣ черезъ столъ и тихо сказала: видятъ, я съ васъ ни вина, ничего не тяну, и зовутъ... О! всѣ они за одно. И лакеишки эти!..—и она постучала по столу,—эта Маргарита Германовна наша хозяйка. Мы вѣдь тутъ же, весь хоръ, въ номерахъ живемъ. Пустыхъ-то номеровъ сколько угодно.

— Хотите, я пошлю деньги, чтобы васъ освободили... предложилъ я, понявъ въ чемъ дѣло. Мнѣ вдругъ стало непріятно прерывать болтовню съ ней и остаться одному за столомъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! Не хочу... Вы славный. Я хочу, чтобы вы были какъ просто мой знакомый! Вечеромъ заходите въ садъ. Увидимся. Мы поемъ. — Быстро вскочивъ, она протянула мнѣ руку и, нюхая розы, убѣжала.

Я сидѣлъ одинъ надъ стынущей гурьевской кашей.—Вотъ день знакомствъ!—думалъ я, странно усмѣхаясь.—Студентъ-техникъ, господинъ Дрюковъ, Софья Михайловна... Однако,

она довольно милое существо. И, расплатившись за обѣдъ, я поплелся къ себѣ въ номеръ-ящикъ отдохнуть.

Но вечеромъ я не пошелъ въ садъ: цѣлый вечеръ писалъ корреспонденцію въ газету о кустарномъ отдѣлѣ. А потомъ записалъ все это въ дневникъ.

Зачѣмъ?

III.

Понемногу моя жизнь здѣсь начинаетъ входить въ нѣкоторыя рамки. Просыпаюсь я около 9 часовъ, пью въ пустомъ ресторанѣ «нашего» сада кофе и иду на выставку.

Очень жалѣю, что пріѣхалъ нѣсколько поздно относительно съѣзда, онъ уже закрылся; но Харламовъ, мой знакомый студентъ-техникъ, и не въ мѣру шумный упорядочиватель кустарей, господинъ Дрюковъ, а частію и «маркизъ» Гужовскій, которыхъ я продолжаю встрѣчать на выставкѣ, достаточно повѣствуютъ мнѣ объ этомъ типическомъ россійскомъ сходбищѣ.

Шумный Дрюковъ, который, едва завидитъ меня, бросается ко мнѣ, какъ буря, до онѣмѣнія пальцевъ жметъ мнѣ руку и кричитъ, точно я глухой, утверждаетъ, что въ обществѣ слюнтяевъ кто палку взялъ, тотъ и капралъ, и ужъ, конечно, слюнтяи въ томъ виноваты...

Аскетъ, студентъ Харламовъ, разсуждаетъ весьма смутно, хмурясь и сгибаясь, что сила внѣшняя во всѣ вѣка была и будетъ, какъ была и будетъ сила внутренняя, духовная; и что когда эта духовная сила остается вполнѣ вѣрна себѣ, съ ней всякая матеріальная сила безсильна; и если сила внѣшняя рушитъ что-либо хорошее въ мірѣ матеріальномъ, то этимъ самымъ эмансипируетъ только силу духовную, ей враждебную, отъ лишнихъ матеріальныхъ обмановъ и соблазновъ.

Я же слушаю всѣхъ этихъ милыхъ людей и шляюсь по выставкѣ. И охватываютъ меня впечатлѣнія этой «силы матеріальной», то въ видѣ страшной металлической паутины, сотканной современной физико-механикой въ образѣ машинъ, то въ видѣ полотнищъ миткаля, сатина, шелка, бархата, заливающихъ человѣчество своими складками, точно волнами моря роскоши разныхъ степеней, то въ видѣ твердынь изъ бутылокъ вина, бутылей маслъ, бочекъ нефти, горами возвышающихся надъ этимъ моремъ, и т. п. И, какъ островки среди всего этого, мелькаютъ передо мной отдѣлы кустарный, азіатскій, учебный, художественный...

Пиши я все это не въ своемъ дневникѣ, а въ печатномъ отчетѣ—вотъ бы налетѣли на меня за эти сопоставленія... Но въ дневникѣ я самъ себѣ голова. И, право, впечатлѣніе одинаково: тюкаетъ ли на походной наковальнѣ, шлифуя свою «дамасскую» сталь, азіатъ въ чалмѣ, прядетъ ли свою кудель

баба въ головкѣ, поясняетъ ли несмѣлымъ голосомъ результаты педагогическихъ наблюденій скромный субъектъ въ очкахъ, или проходятъ передо мной—иногда весьма удачныя, не отрицаю — потуги художниковъ плѣнить публику то замысловатымъ пейзажемъ, то соблазнительными nuditées, то веселымъ жанромъ, то изумительной символической мазней — все это мнѣ кажется лишь маленькими островками среди мощнаго моря.

Надъ моремъ же только высятся, какъ недоступныя его волнамъ громады: отдѣлы военный, морской и имъ подобные.

Зрѣлище величественное! Сила и капиталистическая индустрія! Мои знакомцы этимъ зрѣлищемъ не смущаются. Маркизъ лукаво улыбается. Дрюковъ побѣдоносно разыгрываетъ варьяцію на темы о субсидіяхъ и административныхъ упорядочиваніяхъ... Юный техникъ-аскетъ точно думаетъ: пусть всѣ моря хлынутъ на меня, пусть всѣ твердыни сдавятъ меня: коли я добродѣтеленъ, что они сдѣлаютъ!.. Матерію мою, въ крайнемъ случаѣ, уничтожатъ, а соблазнить меня на іоту не соблазнятъ. А самъ я сознаюсь: приплюснутымъ чувствую я себя на этой выставкѣ...

Конечно, это индивидуально... Стоитъ, напримѣръ, взглянуть на великолѣпную цвѣтущую внѣшность здѣшняго коммиссара прессы, чтобы понять, что здѣсь и публицисту можно великолѣпно себя чувствовать. Изумительное дѣло: этотъ въ высшей степени любезный (по крайней мѣрѣ, по отношенію ко мнѣ) господинъ мнѣ кажется почему-то тоже одной изъ помянутыхъ твердынь... Тогда какъ я, его собратъ по публицистикѣ, рѣшительно жмусь къ кустарямъ, бѣднымъ азіатамъ, скромнымъ педагогамъ и т. п.

И въ то время, какъ онъ въ великолѣпной панамѣ проносится по выставкѣ, какъ истинный современный богъ Аполлонъ (вѣдь изъ подъ его пера и выходили по поводу выставки истинно олимпійскіе гимны), я плетусь съ выставки въ свой «отель» изнеможенный и вялый, и каждый разъ, какъ сажусь за новые артикли моего отчета въ газету, не знаю какъ писать. Точно не перо, а пуды въ рукѣ. Я бранилъ нашего корреспондента съ выставки за блѣдность и шаблонность сообщеній. Теперь я его понимаю. Самъ-то я напишу ли что нибудь не шаблонное, что нибудь «договоренное до конца»? Сомнѣваюсь.

У меня ужъ является малодушно коварная идея: написать издателю, что корреспондентъ былъ совершенно правъ и что прибавлять о выставкѣ нечего. Я знаю: издатель будетъ только радъ. Не любитъ онъ моихъ статей, – съ ними часто бываютъ цензурныя недоразумѣнія. И если послалъ меня сюда, то, конечно, больше для того, чтобы я отдохнулъ отъ редак-

ціонной сутолоки... Добрый малый (лишь бы не о деньгахъ шла рѣчь) по моей физіономіи считаетъ меня, кажется, серьезно уставшимъ.

Да я, должно быть, и въ самомъ дѣлѣ усталъ. Возвращаюсь я съ выставки до того разслабленнымъ, что почти физически не въ состояніи писать,—конечно не эту безтолковую болтовню въ дневникѣ, а писать для публики, обдуманно, съ оглядкой. Эту же болтовню напротивъ: въ ней я какъ будто отдыхаю. Какъ будто фонтанель, что устраивали въ старину для оттяжки «дурной» крови, этотъ дневникъ оттягиваетъ мои «дурныя» мысли.

Есть у меня еще одно—если не развлеченіе, то отвлеченіе отъ своей «меланхоліи». Это болтовня вечеромъ въ саду съ Соней. M-lle Соня!—такъ я теперь именую любительницу цвѣтовъ, Софью Михайловну. Нѣкоторое время по вечерамъ я не заглядывалъ въ садъ, а по утрамъ въ саду или въ ресторанѣ она больше не появлялась. Но однажды я засидѣлся на выставкѣ въ ресторанѣ съ Дрюковымъ, который, угощаясь пивомъ, долго, шумно и крайне многорѣчиво посвящалъ меня въ тайны всевозможныхъ «авторизированныхъ свыше» (его выраженіе) упорядочиваній. Я сперва порывался нѣсколько разъ встать, но онъ клалъ руку на мое плечо, и я въ какомъ-то странномъ безволіи покорялся и снова сидѣлъ, слушалъ... Наконецъ, когда я ушелъ отъ шумнаго упорядочивателя, былъ уже девятый часъ. Стемнѣло.

Войдя въ садъ, я замѣтилъ, что «гулянье» тамъ въ значительномъ развалѣ. На эстрадѣ пѣлъ какой-то «мадьярскій хоръ», женщины въ гусарскомъ одѣяніи взвизгивали, отплясывая, вѣроятно, чардашъ, по единственной широкой аллеѣ бродили по трое, по двое, кидая заманчивые взгляды, незанятыя пѣвицы, и у большинства столиковъ сидѣли посѣтители за бутылками.

Крикливая венгерская музыка могла бы меня раздражить. Но, во-первыхъ, здѣсь я въ этомъ отношеніи удивительно обтерпѣлся: въ районѣ выставки съ утра играетъ то тотъ, то другой оркестръ; у меня подъ бокомъ, съ четырехъ дня почти до 3 ночи, усердствуютъ то дамскій шведскій, то румынскій хоры, то отдѣльныя пѣвицы; отъ однихъ этихъ безпрерывныхъ музыкальныхъ упражненій могла у меня сдѣлаться какая-нибудь гиперэстезія! А, во-вторыхъ, изъ моего номера всю эту музыку слышно такъ же, какъ и въ саду. Бѣжать? Куда? На самый противоположный конецъ Нижняго? Ибо на нѣсколько верстъ отъ выставки «отели» и «сады» и всѣ съ музыкой! Остается одно: притерпѣться.

И я, очевидно, притерпѣлся: даже теперь, захотѣвъ чаю, я не пошелъ даже къ себѣ, а съ кроткой покорностью опу-

стился въ саду на стулъ у столика. Никифоръ (знакомый уже мнѣ и презирающій меня за скромную и скучную жизнь) подалъ съ миной снисхожденія жидкій чай. Я сидѣлъ, размѣшивая сахаръ въ стаканѣ ложечкой и безцѣльно блуждая взглядомъ по фонарикамъ, по лицамъ...

Вдругъ я увидѣлъ Софью Михайловну. Глаза наши встрѣтились. Я привсталъ и приподнялъ шляпу. Она помедлила въ нерѣшимости, потомъ подошла ко мнѣ.

— Гдѣ вы пропали?—спросилъ я, подвигая ей стулъ,—днемъ васъ совсѣмъ не видно ни здѣсь, ни на выставкѣ.

— А зачѣмъ мнѣ ходитъ сюда? Выставка мнѣ ужъ надоѣла... А сюда... днемъ... Зачѣмъ?—странно грустно усмѣхнулась она.

— Да хоть-бы со мной повидаться!—неожиданно для меня самого вырвалось у меня,—я теперь завтракаю около 2-хъ почти всегда здѣсь.

— Вотъ тебѣ разъ! А я думала, наоборотъ, вамъ не хочется со мной встрѣтиться.

— Почему это вы думали?

— Да потому, что вы вечеромъ, когда меня можно навѣрное здѣсь встрѣтить, точно нарочно сюда не ходите.

— Вечеромъ я занятъ,—отговорился я. Дѣйствительно я точно избѣгалъ встрѣтить ее, и самъ этому удивился про себя.

— Чѣмъ вы заняты? весь вечеръ?

— Весь вечеръ? Пишу.

— Что? письма?

— Да... письма.

— Женѣ?..

— А хотя бы и женѣ?—усмѣхнувшись, остановилъ я взглядъ на ея большихъ глазахъ, которые днемъ казались мнѣ совсѣмъ свѣтлыми, теперь же точно потемнѣли и вспыхнули, какъ угольки.

— Ну какже! станете вы писать женѣ каждый вечеръ!

Ея смѣхъ подѣйствовалъ на меня освѣжительно. Столько въ немъ было искренней, почти дѣтской безпечности. На фонѣ этого сада, съ его размалеванными пѣвицами, съ его нагло ревущимъ хоромъ и рѣжущимъ уши оркестромъ, смѣхъ этотъ сверкнулъ, точно серебрянный ручеекъ въ пустынѣ. И вдругъ мнѣ захотѣлось говорить просто и совершенно откровенно съ этимъ юнымъ, безпечнымъ, не смотря на всю горечь его судьбы, созданіемъ.

— Никакой у меня жены нѣтъ, Софья Михайловна, ни дурной, ни хорошей. Пишу я не женѣ и не письма.

— Вы сочинитель?—насторожилась она.

— Вродѣ. Но оставимъ это. Хотите чего нибудь? Позвольте угостить васъ.

— Ну ужъ, если вы хотите, пусть дадутъ чашку шоколада,—неохотно протянула она.

Я позвалъ Никифора. Съ недовольствомъ косясь на мою собесѣдницу, онъ подалъ ей, по моему приказанію, шоколадъ.

— Васъ опять, пожалуй, отзовутъ. Помните, какъ тогда?

— Не отзовутъ, не зачѣмъ. Никто хоровъ слушать не хочетъ, никто не зоветъ въ отдѣльный кабинетъ. Наша Германовна изводится, да и намъ не сладко. Только вѣдь и откупаемся отъ ея ругани подачками посѣтителей. Пилитъ съ утра до ночи.

Соня болѣзненно нахмурилась и вдругъ отодвинула отъ себя едва начатую чашку съ шоколадомъ.

— Не хочу. Ни къ чему аппетита нѣтъ,—сказала она.

— Софья Михайловна! тяжело вамъ живется?—спросилъ я участливо...

— Голубчикъ!—Зовите меня Соней. Не привыкла я...—и она очень мило поморщилась.

— Просто Соней? Я васъ слишкомъ мало знаю.

— А чего меня знать? Вся я тутъ на ладонкѣ!—и она комическимъ и очень милымъ жестомъ протянула мнѣ свою маленькую руку ладонью вверхъ. Я неожиданно для самого себя тронулъ эту руку пальцами.

— Ну хорошо, я буду звать васъ—mademoiselle Соня,—улыбнулся я.

— Просто, просто, просто Соня!—постучала она рукой по столу.

Она уже кокетничала. Мнѣ она вдругъ показалась самой обыкновенной профессіональной пѣвичкой.

— Хотите, Соня, я приглашу вашъ хоръ пѣть. Только если съ меня не очень сдерутъ.

— Конечно, сдерутъ!—глухо сказала она.—Или вамъ съ одной со мной скучно?—вдругъ совершенно серьезно подняла она на меня свои большіе глаза. Между бровей свойственная ей болѣзненная морщинка стала яснѣй.

— Нѣтъ, милая, я думалъ вамъ самимъ будемъ пріятно, что вашей капеллѣ дадутъ заработать. Да и ваша Германовна и Никифоръ не такъ будутъ коситься на насъ съ вами,—сказалъ я, опять беря ее за руку.

— Такъ это вы ради меня!—воскликнула она.—Нѣтъ. Къ шуту! Точно ужъ я и не могу просто завести знакомаго... Только вы, голубчикъ, заглядывайте иногда сюда вечеромъ—все съ вами поболтаешь! Вѣдь вы еще побудете въ Нижнемъ?..

— Да! дней десять!

— Ну вотъ и отлично!—и она даже тихонько захлопала въ ладоши.

Я смотрѣлъ на нее и думалъ: въ самомъ дѣлѣ этому юному существу, съ изувѣченной уже судьбой, пріятно болтать со мной, ибо я не обнаруживаю никакихъ двусмысленныхъ поползновеній, что ей, вѣроятно, смертельно надоѣло... Или она за-

тѣваетъ со мной тонкую игру: сперва заманитъ порядочностью и якобы искренней симпатіей, а потомъ попытается и пощипать! Послѣднее весьма возможно и нерѣдко бываетъ, но почему бы и не первое?..

И вдругъ я почувствовалъ себя такимъ усталымъ и одинокимъ, что мнѣ страстно захотѣлось повѣрить въ это первое предположеніе. Сердце мое, потерпѣвшее недавно аварію, было совершенно спокойно по отношенію къ этой «просто Сонѣ»; но ея видъ, юный, свѣжій, безпечный, ея болтовня, повидимому искренняя, простая, наконецъ, ея судьба, во всякомъ случаѣ достойная сожалѣнія, привлекали меня къ ней. Я чувствовалъ, что я отдыхаю съ ней. Отъ чего—самъ не знаю.

Вѣроятно отъ блистательной выставки, отъ всегда изящнаго и всегда себѣ на умѣ «маркиза», отъ всегда шумнаго и грубаго и уже явно себѣ на умѣ Дрюкова, отъ мрачнаго и скрытнаго студента Харламова... А можетъ быть ото всего, что я пережилъ и до выставки, пережилъ съ такимъ моральнымъ напряженіемъ, съ такой мучительной самооглядкой. И вдругъ мнѣ подумалось: что жъ, пусть и эта юная Соня—въ своемъ родѣ себѣ на умѣ; коли съ ней тебѣ недурно—пусть будетъ недурно.

И я, подозвавъ все того же мальчика продавца цвѣтовъ, меланхолически, полусогнувшись подъ тяжестью своей корзины бродившаго по аллеѣ, купилъ у него самый большой и самый красивый букетъ. И, вручая его Сонѣ, сказалъ:

— Ужъ отъ этого, вы, конечно, не откажетесь. И пусть это будетъ залогомъ нашей дружбы.

Она вся вспыхнула. Она, вѣроятно, не ожидала, что я поднесу ей такой дорогой букетъ. Потомъ она спрятала все свое лицо въ цвѣты.

— Дружбы?—сконфуженно произнесла она наконецъ, только глазами глянувъ изъ-за цвѣтовъ.

— Да! Мы будемъ пріятелями. Ухаживать я за вами не буду, не ждите. А пріятелями мы будемъ. Болтать, завтракать иногда, ужинать вмѣстѣ. Хотите? Я скучаю. Я, можетъ быть, немножко боленъ... нервами. Старѣю, опускаюсь. У меня здѣсь ни родныхъ, ни друзей близкихъ. Умные знакомые есть, но однихъ умныхъ разговоровъ, Соня, мало... Нужна иногда болтовня... милая, простая... Вотъ и давайте болтать... Вѣдь вамъ и самимъ хочется такой... «простой» болтовни? Да, Соня?

И я взялъ ея руку. Она не отняла ея. Совсѣмъ большими глазами изъ за букета, поднятаго другой ея рукой къ самому ея лицу, смотрѣла она на меня, изумленная и даже какъ будто испуганная.

— А какъ же васъ зовутъ?—медленно, нерѣшительно произнесла она. Рука ея была все еще въ моей рукѣ.

— Зовутъ меня Петръ Васильевичъ,—сказалъ я, ободрительно пожавъ ея руку.

Она тихонько отвѣтила на мое пожатіе.

— Вы очень славный человѣкъ,—вдругъ съ удареніемъ произнесла она и поцѣловала букетъ.

— Соня, вѣдь это вы меня хотѣли поцѣловать,—пошутилъ я.

Она опять вспыхнула.

— Что-жъ... Хотите поцѣлую! Конечно, не сейчасъ въ саду, на людяхъ!—точно вызывающе сказала она.

— Нѣтъ, этого-то, Соня, я и не хочу. Только вы, пожалуйста, не обижайтесь... У васъ губки прелестныя, но...

— Губы, какъ губы!—вдругъ смѣшно, совсѣмъ по дѣтски, поджала она свои губы.—А обижаться? Что-жъ мнѣ обижаться? Нацѣловалась, всякихъ губъ нацѣловалась,—вдругъ совсѣмъ тихо, дрогнувшимъ голосомъ прибавила она.

Мнѣ стало невыразимо жаль ее. Я постарался перевести разговоръ на другое. И чрезъ мгновеніе она щебетала, какъ птичка, о шляпкахъ на выставкѣ, въ мануфактурномъ отдѣлѣ, о томъ, какъ она съ подругами иногда плаваетъ въ лодкѣ на Волгѣ и сама гребетъ, о дѣтяхъ своей сестры, маленькихъ «бомбошкахъ», которыхъ она очень любитъ и которыхъ видитъ, тайкомъ отъ гордячки сестры, въ Александровскомъ скверѣ...

А я слушалъ и... отдыхалъ. И съ тѣхъ поръ я нерѣдко такъ отдыхаю подъ вечеръ отъ выставки, отъ Дрюкова, отъ всего, отъ чего я такъ болѣзненно, непонятно устаю...

IV.

Сегодня, вернувшись съ выставки, вечеромъ, послѣ созерцанія желѣзнодорожнаго отдѣла, я заглянулъ въ «садъ». Румынскій оркестръ (кажется, лучшій въ музыкальной программѣ сада) тянулъ какую-то унылую «рапсодію». Посѣтителей было весьма мало. Но и гуляющихъ по главной аллеѣ пѣвицъ гораздо менѣе, чѣмъ обыкновенно. Сони не было видно. А я уже привыкъ поболтать вечеромъ съ ней. Я спросилъ Никифора, гдѣ пѣвицы?

— Въ отдѣльномъ кабинетѣ два хора фабрикантамъ поютъ.

— И, вѣроятно, пропоютъ до ночи?—сдѣлалъ я предположеніе.

— До утра-съ. Коммерсанты настоящіе!—кинулъ мнѣ лакей съ едва подавляемымъ ко мнѣ презрѣніемъ.

Жалѣя внутренне мою пріятельницу, которой, волей неволей, придется всю ночь участвовать въ дикой оргіи, я пошелъ въ свой номеръ, заперъ дверь на крюкъ, заперъ плотно и окно, чтобы меньше слышать завыванія скрипокъ и пѣвицъ въ саду, легъ на постель и повернулся лицомъ къ стѣнѣ. Но заснуть я

не могъ. Я воображалъ сцену въ отдѣльномъ кабинетѣ, гдѣ поетъ теперь юная любительница цвѣтовъ, и какъ-то безпредметно тупо злился.

Я, конечно, равнодушенъ къ этой бѣдной дѣвочкѣ, даже въ смыслѣ мимолетнаго развлеченія. И равнодушенъ вовсе не потому, что въ сердцѣ, можетъ быть, еще невѣдомо для меня самого, тлѣютъ искорки недавней любви, любви къ той, кто теперь чужая жена. Это тлѣніе старой любви ничего не значитъ. Писемскій въ «Тысячѣ душъ» недаромъ замѣчаетъ, что въ сердцѣ, привыкшемъ еще къ недавнимъ нѣжнымъ ощущеніямъ, тѣмъ легче просыпается жажда замѣнить ихъ новыми, если человѣкъ такъ или иначе отсталъ фактически отъ прежнихъ. У него это выражено очень хорошо, жаль что я не помню подлинныхъ словъ. Но я... холоденъ къ Сонѣ, какъ къ женщинѣ. И мнѣ всего болѣе было бы жаль — пошло испортить легкое, простое пріятельство съ ней.

Но жаль мнѣ ее въ ея профессіи очень. И воображать ея милое ребячье личико среди этихъ настоящихъ «коммерсантовъ», во власти ихъ, или вѣрнѣе ихъ денегъ — мнѣ было тяжело. И я лежалъ, уткнувшись лицомъ въ стѣну, въ темнотѣ (огня я не зажегъ) и злился, и не могъ уснуть.

Вдругъ ко мнѣ въ номеръ постучали. Я вскочилъ съ постели. Ужели Соня? Можетъ быть коммерсанты отпустили хоръ, — мелькнуло у меня въ головѣ. Соня въ номерѣ у меня ни разу не была, — я не звалъ ее, и сама она не напрашивалась. Но она знала, въ какомъ номерѣ я стою и которое окно мое. Я какъ-то показалъ ей, бродя съ ней по саду.

Съ неожиданной для меня сáмого торопливостью я отворилъ дверь. Освѣщенный сзади лампой изъ корридора въ ней стоялъ техникъ Харламовъ. Я разочаровался и всетаки былъ радъ. Я давно его звалъ къ себѣ вечеромъ: мнѣ хотѣлось глазъ на глазъ потолковать о переворотѣ его воззрѣній, кинувшемъ его въ моральный аскетизмъ. Я обрадовался, что буду, по крайней мѣрѣ, не одинъ въ своемъ дурномъ настроеніи.

— Очень радъ васъ видѣть, Илья Гавриловичъ! — встрѣтилъ я его, пожимая его холодныя потныя руки.

Онъ молча вошелъ въ мой номеръ, въ своемъ теперь обычномъ, до неприличія почти заношенномъ одѣяніи и молча сѣлъ на стулъ.

— Отъ чаю не откажетесь? Вѣдь травка, — осторожно усмѣхнулся я по поводу его вегетеріанства.

— Отъ чаю нѣтъ! — пожавшись, тихо отвѣтилъ онъ.

Я позвонилъ и сказалъ прислугѣ подать самоваръ и чаю. Пока я зажигалъ лампу, техникъ молчалъ, сидя неподвижно. Я ходилъ по комнатѣ, не зная, какъ начать съ нимъ разговоръ. Мнѣ теперь вообще разговаривать съ нимъ трудно. Чувствуется:

что-то серьезно прошло по человѣку, и каждымъ словомъ въ его душѣ можно задѣть свѣжую и глубокую рану.

Подали самоваръ. Я началъ хозяйничать. Дверь я опять заперъ на крюкъ. Плохо заправленная лампа тускло освѣщала ящикъ-номеръ: сквозь стекла окна, которыя, казалось, дребезжали отъ силы звуковъ, доносилось до насъ какое-то каскадное попурри; мой гость упорно молчалъ, согнувшись «въ три погибели» надъ стаканомъ плохого (рестораннаго) чая, который я поставилъ передъ нимъ. Я, наконецъ, не выдержалъ.

— Голубчикъ, Илья Гавриловичъ! Вы меня простите! Но я васъ рѣшительно не узнаю. Какой вы въ Петербургѣ были добрый, энергичный, живой! Хотя я не соглашался съ вами и тогда, но все же...

— Предпочитаете меня тогдашняго, жизнерадостнаго?—едва замѣтно скривилъ губы Харламовъ.

— Ну да, если хотите! Отъ вашихъ новыхъ взглядовъ я почти такъ же далекъ, какъ и отъ вашихъ прежнихъ, но сами вы тогдашній были ближе мнѣ...

— Развѣ вы сами такой жизнерадостный? — поднялъ онъ голову и остановилъ на мнѣ свои впалые, тяжелые глаза...

— Я-то?—усмѣхнулся я, отхлебывая чай,—не весьма. Ну да вѣдь я и не въ вашихъ молодыхъ лѣтахъ. А жизнь съ ея красотой люблю, хотя, конечно, любуюсь этой красотой со стороны... да и пора къ сторонкѣ.

— Вы любите красоту жизни?—задумчиво протянулъ Харламовъ.—А что вы считаете красотой жизни?

— Ну я, голубчикъ, не въ философскомъ смыслѣ, а въ самомъ простомъ сказалъ это... Красоту чего хотите: цвѣтка, Волги, пѣсни, женщины...

— Я такъ и думалъ,—спокойно отозвался Харламовъ.—А я вотъ теперь научился понимать красоту жизни въ смыслѣ именно философскомъ! Только вы не бойтесь; метафизикой я васъ доѣзжать не буду. А если ужъ такъ вамъ любопытно, поразскажу вамъ кое-что.

— Пожалуйста, пожалуйста!—насторожился я.

— Видите ли, Петръ Васильевичъ,—началъ техникъ глухо и медленно и болѣзненно безпокойно потеръ свои колѣни. — Да, вы меня знали жизнерадостнымъ петербургскимъ студентомъ-технологомъ, почти франтомъ, насколько позволяли средства, надѣющимся пробиться на широкую и бойкую дорогу инженера, да и въ печати, къ славѣ своего имени, что-нибудь сдѣлать. Помните мои попытки компиляцій изъ нѣмцевъ и англичанъ для вашей газеты. Онѣ не пошли, благодаря различію нашихъ взглядовъ, но литературность вы мою все же признавали.

— Да, вы языкомъ владѣете. Да не только языкомъ, и идеями хорошо овладѣваете,—подтвердилъ я.

— Спасибо. Впрочемъ, я самъ знаю. Ну-съ, такъ вотъ во всеоружіи всего этого ходилъ я,—какъ пѣлъ старикъ Тредьяковскій про нѣкую птичку, — весело по тропинкѣ бѣдствій, не предвидя отъ сего никакихъ послѣдствій. Самъ я былъ довольно счастливъ. Жилъ въ Питерѣ, получая отъ отца изъ провинціи аккуратно тридцать рублей въ мѣсяцъ на прожитіе да около ста въ годъ для взноса за лекціи. На лѣто уѣзжалъ къ отцу въ уѣздъ—онъ завѣдуетъ около Рыбинска отдѣленіемъ коннозаводства или что-то въ этомъ родѣ — никогда я точно не справлялся о его должности. Отца я никогда не любилъ, но мать, слабую, чахоточную, да пару сестренокъ, славныхъ подростковъ 16 — 17 лѣтъ, тоже слегка слабоватыхъ—обожалъ. Лѣтомъ онѣ трое были для меня предметомъ высшаго комфорта: ибо совсѣмъ какъ къ комфорту относился я къ ихъ ласкамъ, къ ихъ милымъ лицамъ: пріятно мнѣ съ ними, и баста. А зимой ихъ милыя письма были мнѣ то-же, что прѣснушки деревенскія, которыя мнѣ посылала мать въ Питеръ и которыя я до страсти любилъ. Словомъ, личной тропинки бѣдствій для меня не существовало, и смотрѣлъ я молодымъ соколинымъ окомъ только въ широкую дорогу общечеловѣческаго бѣдствія, нужды и голода въ массахъ. Дескать, дѣлать нечего, и мы, и отчизна-мать, переживемъ капиталистическую стадію... Весело даже было отъ смѣлости собственной мысли, отъ безстрашія, съ какимъ признавалъ я желѣзный экономическій законъ общественной эволюціи... Да, весело, весело было. Жизнерадостный я былъ тогда — вы правы! И вдругъ очутился на тропинкѣ бѣдствій: мать безъ меня умерла отъ чахотки. Отецъ черезъ мѣсяцъ же женился на другой, уже нѣсколько лѣтъ, какъ оказалось, бывшей его тайной сожительницей, приведшей съ собой въ домъ и другихъ его дѣтей. Сестеръ моихъ мачиха начала грызть и гнать, буквально гнать замужъ за перваго встрѣчнаго. А онѣ, вмѣсто того, бѣжали ко мнѣ въ Питеръ. Отецъ наотрѣзъ отказался высылать имъ хоть копѣйку. Я вступился горячо, молодо. Вмѣсто того, чтобы вернуть милость отца сестрамъ, я самъ оной лишился. Былъ обруганъ письменно и отцомъ, и мачихой, самъ тоже вскипѣлъ, самъ вознегодовалъ письменно. Въ отвѣтъ—и меня лишили всякой поддержки! А сестры-то вѣдь къ кому же? Ко мнѣ, конечно! Ну и пошелъ я плясать по тропинкѣ бѣдствій. Пошлялся я и по частнымъ лицамъ, и по благотворительнымъ обществамъ. Поголодали мы съ сестрами. На счастье, почти черезъ три мѣсяца буквальной нищеты, товарищъ, черезъ свою тетку, устроилъ сестеръ въ Москвѣ продавщицами въ молочныхъ, а мнѣ въ Москвѣ же выхлопотали частную стипендію. Перебрался я съ сестрами въ

Москву, перешелъ въ техническое училище, ну и сталъ задумываться... Поймите, вѣдь подзатыльникъ за подзатыльникомъ: смерть матери страстно любимой, прыжокъ также нѣжнолюбимыхъ сестеръ-подростковъ въ лужу нужды; дѣйствія отца, какихъ, не смотря на всю нелюбовь къ нему раньше, я никакъ не ожидалъ, да и мать, какъ я узналъ, въ послѣднюю зиму, безъ меня, онъ буквально уморилъ своей грубостью; скачка въ теченіе трехъ мѣсяцевъ за кускомъ хлѣба для себя и сестеръ — унизительная скачка, по чужимъ людямъ, по благотворителямъ... да, тутъ задумаешься.

Харламовъ ненадолго умолкъ, точно и теперь глубоко задумался. Чай пить оба мы забыли. Стаканы, почти полные, стыли на столѣ. Въ окно доносилась разухабистая хоровая пѣсня. Лампа мигала и коптила. Вдругъ Харламовъ вскинулъ голову и продолжалъ:

— Да, я задумался. Да и не то что задумался. А просто точно внутри у меня все обожгло обидой, страданіемъ, униженіемъ. Сжался я. Ушелъ въ себя. И вдругъ понялъ: всякія стадіи, капиталистическія и другія, могутъ наступать въ свой чередъ, и теоретически можно тѣшиться безстрашіемъ, признавать ихъ неизбѣжность; но живой человѣкъ, живая душа... Эхъ—понялъ я, на себѣ перечувствовавъ самый разсубъективнѣйшій субъективизмъ: страданіе, страданіе души человѣческой!— Харламовъ почти простоналъ это слово.—Понялъ и задумался объ этой душѣ, объ ея сути, объ ея безпомощной обнаженности, объ убѣжищѣ для нея...

— Да неужели же единственное убѣжище — аскетизмъ? Хотя бы и не древній фиваидскій аскетизмъ, а вашъ юношескій, современный, вегетаріанскій, что-ли?—воскликнулъ я болѣзненной нотой, точно самъ переживалъ «обнаженность» души этого юноши, его жажду «убѣжища» душѣ.

— А что же иное? всталъ онъ со стула и подошелъ ко мнѣ въ упоръ, злобный анархизмъ? Месть всему? Это что ли?— Лицо его горѣло. Говорилъ онъ уже какъ то изступленно.

— Ну. зачѣмъ же такія крайности! — началъ я, не зная. что скажу дальше.

— Крайности! — воскликнулъ Харламовъ, шагая, какъ раненый звѣрь, по комнатѣ,—а вы думаете спасеніе середка на половинкѣ?

— Ничего я не думаю, но во всякомъ случаѣ... — Я запнулся и пожалъ плечами.

— Не знаю. какъ «во всякомъ случаѣ», — снова тихо, но какъ-то сурово настойчиво продолжалъ техникъ,—но въ моемъ случаѣ, да и въ массѣ случаевъ, которые я видѣлъ со стороны и представлялъ себѣ въ возможности, это очищеніе души

всякимъ самовоздержаніемъ и самоуглубленіемъ—единственное, что даетъ спокойствіе.

— Но не красоту же жизни!—возмутился я.

— Именно красоту,—совсѣмъ тихо, какъ-то затаенно сказалъ Харламовъ...—Вотъ идешь въ рубищѣ сквозь эту толпу, давящую другъ друга въ переживаніи всякихъ стадій — идешь, зная, что ни крохи ни у кого не отнялъ, ни пальцемъ никого не придавилъ и... я не умѣю это объяснить... но встаетъ въ душѣ красота... да именно красота жизни... И съ этимъ куда хочешь иди, въ какую угодно клоаку, обливайся какими хочешь слезами, всетаки будешь выше, выше...

— Выше чего?—уже рѣзко спросилъ я.

— Выше своего горя! Только выше своего горя. Выше ничего иного вѣдь и не нужно быть.

Я вдругъ точно потерялся отъ этихъ его словъ. Мнѣ вспомнилось это любимое Тургеневымъ гетевское: du sollst entbehren, sollst entbehren!? И этотъ юноша, не знаю — есть ли ему 23 года—постигъ это... Полоснуло же, значитъ, его. Любилъ же онъ, значитъ, мать и сестеръ. Но такъ ли все это?—все же упорно стояло въ моей головѣ.

— Однако эта найденная вами красота души или жизни не помѣшала вамъ стать мрачнымъ, подавленнымъ,—сказалъ я.

— Вы находите, что необходимо быть веселымъ и подавляющимъ?—не безъ язвительности сказалъ онъ.

— Вовсе я этого не нахожу, но думаю, что истинная красота всегда бодритъ, освѣжаетъ.

— Вы думаете?—какъ-то сострадательно усмѣхнулся онъ.—А я думаю наоборотъ: истинная красота—даже если хотите, внѣшняя, физическая, вѣетъ на душу дорогой этой душѣ грустью, тихо подавляетъ душу.

Опять мнѣ показалось, что онъ правъ, и опять мнѣ какъ будто не хотѣлось, чтобы онъ былъ правъ. Но онъ продолжалъ:

— Да и, наконецъ, я вамъ говорю не о красотѣ жизни, которой тѣшатся, а о той, которая не заставляетъ забыть горе свое и чужое, а только поднимаетъ надъ нимъ, помогаетъ смотрѣть на него сверху, взвѣшивать всю его человѣчность, всю его лучшую сторону, отрѣшаться отъ темной стороны всякаго горя. Я—напримѣръ,—переживъ это все, живя теперь такимъ аскетомъ, что ли, могъ отрѣшиться отъ ненависти къ отцу, да и мало ли къ чему... И. отца мнѣ жалко, и всѣхъ этихъ слѣпыхъ, несчастныхъ людей...

И вдругъ голосъ Харламова оборвался. Въ немъ послышались внезапно прихлынувшіе къ горлу слезы. Онъ сгребъ со стола свою поношенную фуражку и пошелъ вонъ изъ моего номера. Уже когда онъ откинулъ крючокъ отъ двери, онъ остановился.

— Простите, Петръ Васильевичъ, — сказалъ онъ совсѣмъ глухо,—я пойду.

Мнѣ хотѣлось остановить его, но я сказалъ только:

— Идите, голубчикъ. Заходите, когда вздумается. Буду очень радъ. Съ недѣлю еще здѣсь останусь.

— Спасибо. Зайду, — пробормоталъ онъ едва слышно и ушелъ.

Я медленно заперъ дверь снова на крючокъ и распахнулъ настежь окно. Мнѣ показалось, что въ комнатѣ стало душно и накурено, хотя курилъ одинъ я и немного. Въ комнату ворвалась свѣжесть. Меня поразило, что въ саду тишина. Только издали глухо, едва слышно, доносились звуки оркестра. Очевидно, онъ перебрался въ крытое помѣщеніе ресторана. Я сѣлъ къ окну. Лампа рѣшительно чадила. Я потушилъ ее. Самоваръ давно погасъ. Отхлебывая холодный чай изъ стакана, я сидѣлъ у окна и смотрѣлъ въ полутьму сада. Только на нѣсколькихъ столикахъ вдали виднѣлись огоньки: вѣроятно, немногіе посѣтители еще ужинали въ саду. Я сидѣлъ, и странное сопоставленіе возникало смутно въ моей головѣ. Этотъ юноша, признавшій то, до чего Гете додумался въ старости, и эта махина выставки съ ея индустріей, роскошью, съ ея машинами и многоразличными экспонатами, кричащими на всѣ голоса: имѣй только силу и власть (выраженную условно деньгами) и бери все: посмотри, какъ культура умѣетъ теперь вырвать изъ груди природы все, что хочетъ, и обдѣлать все, какъ угодно. Не entbehren, а haben, haben sollst du! А эти сады, эти рестораны, эти хоры, оркестры, эти пѣвицы, эта Соня—развѣ все это не объекты для «haben»? А бѣдный юноша, котораго жестоко хлестнуло жизнью, съ его аскетизмомъ, съ его вегетаріанствомъ, въ его рваньѣ, среди всего этого сторожитъ чужія машины отъ порчи и изнемогаетъ въ самоощущенія своего отреченія, своей правоты и чистоты...

Я сидѣлъ и думалъ, все думалъ на эту тему. Я не замѣтилъ, что сентябрьская ночь, не смотря на полное отсутствіе вѣтра, становилась свѣжѣй. И вдругъ я вздрогнулъ.

— Петръ Васильевичъ!—раздался надъ самымъ моимъ ухомъ ласковый шопотъ. Я мгновенно оглянулся въ окно.

У самаго окна въ саду стояла Соня, блѣдная, кутаясь въ легкую накидку.

— Отпустили васъ, наконецъ? — спросилъ я. Голосъ мой дрожалъ.

— Отпустили, голубчикъ. Ревѣли мы, ревѣли... Потомъ поить насъ принялись. Я, думаю, десятокъ салфетокъ до ниточки вымочила шампанскимъ.

— Десятокъ салфетокъ?

— Ну да, не лить же въ себя все. Развѣ выдержишь? А от-

казывать нельзя: злятся. Ну мы и снаровились: будто пьемъ, а сами въ салфетку льемъ, а салфетку подъ столъ. Да такъ ловко,—никто и не замѣтитъ.

— А цѣловаться пришлось?—вырвалось у меня неожиданно. Я смотрѣлъ на ея блѣдное, болѣзненно возбужденное лицо (это было замѣтно въ полусумракѣ довольно свѣтлой ночи) и мнѣ становилось почти до злобы жаль ее. И въ этой странной полужалости, полузлобѣ, задалъ я свой почти циничный вопросъ:

— А цѣловаться пришлось?

— Лѣзли,—отвѣтила съ болѣзненнымъ отвращеніемъ, передернувъ своими тонкими плечиками, Соня,—да я напугала Германовну, шепнула ей, что устрою скандалъ, разревусь, убѣгу—ну она имъ все другихъ подсовывала... Завтра она меня отполируетъ за это, знаю, ну да ужъ лучше ея ругань, чѣмъ...

Соня не кончила. Она заглянула ко мнѣ въ комнату.

— Милый, у васъ самоваръ? Ахъ какъ хорошо! Слушайте. Дайте, я влѣзу къ вамъ въ окно, теперь никто не замѣтитъ. Посидимъ за самоварчикомъ. Я ужасно люблю. Съ папой въ богадѣльнѣ все за самоварчикомъ сижу... Вотъ и съ вами будто — она немного запнулась—будто съ папой!

— Голубушка! онъ совсѣмъ остылъ,—сказалъ я, кладя руку на ея руку, которая лежала на подоконникѣ,—а велѣть разогрѣть...

— Не надо, не надо. Увидятъ меня эти хамы. Не хочу,—быстро сказала она. — Ахъ, какая ночь-то тихая! И небо какое! видите?

Я высунулся въ окно, касаясь грудью ея плеча. Небо все было усѣяно звѣздами. Мнѣ стало холодно.

— Соня! вы замерзнете,—сказалъ я, протягивая ей руку, прыгайте, въ самомъ дѣлѣ, сюда ко мнѣ. Посидите,—всетаки немного согрѣетесь.

Она, молча, крѣпко ухватилась за мою руку, и я почти не замѣтилъ, какъ она очутилась у меня въ комнатѣ. Я осторожно заперъ окно.

— Зажечь лампу?—спросилъ я.

— Нѣтъ, нѣтъ, не надо. Пусть будто вы спите. И будто меня нѣтъ у васъ. И будемъ говорить шопотомъ, шопотомъ, чтобъ не слыхали. Тутъ вѣдь все слышно: перегородки-то точно почтовая бумага, а я не хочу. Пусть, по крайней мѣрѣ, не сплетничаютъ про меня. Посижу съ четверть часа и незамѣтно проберусь корридоромъ къ себѣ во второй этажъ.

Соня говорила все это шопотомъ. И странное дѣло: этотъ ея безпокойный, нервный шопотъ совсѣмъ особенно подѣйствовалъ на меня, точно какое-то едва уловимое опьяненіе. Она сѣла на стулъ. Я близко, близко подсѣлъ къ ней и взялъ ея холодную неподвижную руку въ свою, которая начала едва замѣтно вздрагивать... Я молчалъ. Она же лихорадочно шеп-

тала, точно продолжая начатый разсказъ, который будто бы и не прерывала:

— Знаете, голубчикъ, что еще противно: бросаютъ они— (я сразу понялъ, что рѣчь идетъ о «настоящихъ коммерсантахъ» по выраженію Никифора)—бросаютъ они бѣшеныя деньги за пѣніе. Перепѣли мы имъ почти всѣ пѣсни, и нѣкоторыя хорошо пѣли. Нѣкоторыя мы любимъ пѣть, и я сама нѣкоторыя ужасно люблю. Заунывныя. А они слушаютъ и хоть бы что. Пялятъ на насъ глаза да вино хлещутъ!

— Соня, — прошепталъ я, — не говорите такихъ грубыхъ словъ. Это не идетъ къ вамъ.—И я крѣпче сжалъ ея руку.

— Ну, хорошо, не буду,—зашептала она снова горячо, съ наивнымъ возмущеніемъ.—Поймите, голубчикъ: распоешься, вся въ хорошую пѣсню уйдешь, а они... охъ, какъ вы больно жмете мнѣ руку,—едва подавила она чуть не вырвавшійся стонъ и отняла у меня руку. И вдругъ, испуганная чѣмъ-то, затихла.

— Простите, Соня,—прошепталъ я и отошелъ отъ нея. Она продолжала сидѣть, точно потерявшись. Нѣсколько мгновеній мы оба молчали. Вдругъ она, все еще не вставая со стула, совсѣмъ тихо сказала:

— Я пойду, Петръ Васильевичъ?

— Идите, Соня,—глухо сказалъ я и отворилъ ей дверь.

Она встала, и, вся какъ-то сжавшись, какая-то совсѣмъ маленькая—совсѣмъ неслышно выскользнула изъ комнаты. А я, стоя въ полуотворенной двери, смотрѣлъ ей вслѣдъ, наблюдая, какъ она почти бѣжала по корридору. Когда она исчезла за угломъ, я заперъ дверь и опять открылъ окно. Мнѣ опять показалось душно въ комнатѣ. Я не сѣлъ къ окну, а сталъ передъ нимъ, заложивъ руки въ карманы.

Sollst entbehren, sollst entbehren!—твердилъ я сквозь зубы, нервно покачиваясь на каблукахъ. И мнѣ чудилось, что въ саду, какъ мрачное привидѣнье, стоитъ Харламовъ и съ безмолвнымъ, кроткимъ укоромъ смотритъ на меня. Но я какъ будто не обращалъ на это вниманія, весь погруженный въ стараніе вспомнить, какъ Писемскій говоритъ по поводу того, что Калиновичъ, любя еще Настеньку, увлекся другой. И точно въ наказаніе себѣ за что-то, я зажегъ лампу и записалъ все это.

Именно въ наказаніе. Бѣдная Соня! какъ она сжалась, уходя...

(Окончаніе слѣдуетъ).

В. Михеевъ.

Душа.

(Аджарская пѣсня).

Покинувъ землю, покинувъ тѣло,
Лазурью неба, въ далекій край
Отъ мукъ вседневныхъ душа летѣла
Къ престолу Бога, въ прекрасный рай...

* * *

И стражъ Эдема, красой сіяя,
Въ своихъ объятьяхъ ее принесъ
Для жизни новой въ чертоги рая,
Гдѣ нѣтъ страданья, горючихъ слезъ...

* * *

Прошли столѣтья: съ небесъ лазури,
Отвергнувъ счастье, забывъ эфиръ,
Душа обратно для грозъ и бури
Съ восторгомъ пылкимъ летитъ въ нашъ міръ!

К. Горбуновъ.

Человѣкъ и общественная среда.

I.

Въ историческихъ взглядахъ XVIII вѣка преобладающая и рѣшающая роль въ исторіи была предоставлена, какъ извѣстно, самому человѣку. Но это идейное господство человѣка въ исторической наукѣ продолжалось очень недолго. Историческій опытъ показалъ, что человѣкъ не оправдалъ возлагавшихся на него надеждъ. Онъ очень скоро проигралъ битву, потерялъ признанное за нимъ первенствующее значеніе и долженъ былъ уступить мѣсто другимъ историческимъ факторамъ. Тогда въ исторической наукѣ началось безпощадное развѣнчиваніе человѣка.

Самыми безпощадными въ этомъ развѣнчиваніи оказались, какъ и слѣдовало ожидать, наиболѣе потерпѣвшіе въ періодъ кратковременнаго господства человѣка въ исторіи. Представители такъ называемой теократической французской школы, де Местръ, де Бональдъ и др., открыто провозглашали полное ничтожество человѣческаго разума, не забывая при этомъ отстаивать необходимость неослабнаго надзора за волтерьянскою печатью.

Жизненные факты сильнѣе логики. Въ области пониманія общественныхъ явленій эта сила непосредственныхъ впечатлѣній выражается въ извращеніи объективной исторической истины въ пользу торжествующаго факта. Неудержимому общественному вліянію философіи XVIII вѣка соотвѣтствовала вѣра въ неограниченную силу мысли; побѣдоносное вторженіе въ общественную жизнь отброшенныхъ на мгновеніе волнъ уцѣлѣвшаго стараго строя жизни вызвало такое же безграничное отрицаніе идейнаго фактора. Не говоря уже о французскихъ теократическихъ теоріяхъ, тогда именно въ умственной жизни Европы произошелъ поворотъ въ сторону признанія подавляющаго значенія, въ процессѣ исторіи, общественной среды и традиціонныхъ историческихъ данныхъ. Въ Англіи появилась теорія установленныхъ властей Бёрка; въ Германіи — знаменитая теорія органическаго, независящаго отъ человѣка развитія права Савиньи. Наконецъ, съ появленіемъ Сенъ-Симона, центръ тяжести этого умственнаго направленія переносится въ область экономическихъ явленій.

Положительная сторона всѣхъ этихъ общественныхъ теорій первой четверти XIX вѣка заключалась въ выясненіи огромнаго значенія общественной среды, установленныхъ учрежденій, тѣхъ общественныхъ рамокъ, въ которыя вдвигается жизнь каждаго человѣка, тѣхъ массивныхъ вѣковыхъ устоевъ, передъ которыми, повидимому, безсильна человѣческая личность. Схематической теоріи общественнаго договора противопоставлялась реальная картина почти неподвижныхъ, подавляющихъ человѣка формъ общественной жизни. Передъ глазами людей XIX вѣка, на исторической сценѣ, кромѣ разсуждающихъ и договаривающихся гражданъ, появились еще могучія стихійныя силы въ видѣ огромныхъ, вѣками созданныхъ общественныхъ институтовъ, перестроить которые однимъ почеркомъ пера оказались неспособными никакіе торжественные законодательные акты.

Необходимымъ послѣдствіемъ этого болѣе полнаго и правильнаго представленія объ исторической сценѣ было отдѣленіе человѣка отъ общественной среды, объективированіе этой общественной среды, какъ новаго и самостоятельнаго предмета научныхъ изслѣдованій. Религія, политическія учрежденія, право, а затѣмъ и формы экономической жизни стали изучаться, какъ нѣчто, стоящее внѣ человѣка, подчиняющее его себѣ и вкладывающее извѣстное конкретное содержаніе въ его человѣческую оболочку. Мы уже сказали, что этотъ взглядъ возникъ подъ вліяніемъ историческаго опыта, противопоставившаго отвлеченнымъ теоріямъ XVIII вѣка вещественную силу факта; онъ соотвѣтствовалъ болѣе глубокому пониманію исторической дѣйствительности и легъ въ основу господствующаго и по настоящее время представленія о человѣкѣ, какъ продуктѣ общественной среды, замѣнившей собою первоначальную естественную среду, окружавшую его въ до-историческій періодъ. Согласно этому взгляду, противопоставленному абстрактнымъ теоріямъ XVIII вѣка, общественныя условія, среди которыхъ живетъ и дѣйствуетъ человѣкъ, даютъ ему готовое, воплощенное въ нихъ міросозерцаніе и опредѣляютъ его общественную роль. Такимъ образомъ изученіе историческаго процесса свелось къ изученію общественной среды: обычаевъ, правовыхъ нормъ, экономическихъ учрежденій и ихъ развитія; самъ же человѣкъ отошелъ при этомъ на задній планъ, какъ пассивный матеріалъ, принимающій ту или другую форму подъ давленіемъ окружающихъ его условій. Наиболѣе глубокимъ и полнымъ выраженіемъ этого взгляда является, какъ извѣстно, экономическое пониманіе исторіи, которое объединило слишкомъ разбросанное представленіе объ общественной средѣ, открывъ основу ея въ способахъ производства, а принципъ ея развитія въ развитіи производительныхъ силъ.

Прекрасной художественной иллюстраціей этой исторической концепціи могутъ служить знаменитыя статьи Глѣба Успенскаго

„Власти Земли“. Въ нихъ съ необыкновенною силою и убѣдительностью выясняется полная зависимость всей жизни крестьянина отъ его главнаго орудія труда, отъ экономической основы его существованія; вмѣстѣ съ тѣмъ, въ тѣхъ-же статьяхъ, мы видимъ во-очію, въ какой полнотѣ эта матерьяльная обстановка жизни отражается на крестьянской душѣ, обусловливая и даже порождая всѣ ея влеченія, привычки и взгляды. Оторванная отъ земли и попадая въ городъ, эта крестьянская душа является туда въ видѣ какъ-бы пустой оболочки, которая немедленно же наполняется содержаніемъ, соотвѣтствующимъ новой окружающей ея средѣ. Такъ, напримѣръ, два мужика-работника, въ разсказѣ „Мишàньки“, попавъ въ Петербургъ, исполняютъ самыя экстраординарныя распоряженія своихъ хозяевъ безъ малѣйшей тѣни какого-либо внутренняго противодѣйствія со своей стороны: читатель помнитъ, что они добросовѣстно опаиваютъ нà-смерть извозчиковъ, съ цѣлью ихъ ограбленія въ пользу своихъ нанимателей.

Несомнѣнно, что эта теорія внѣшней среды, противопоставленная теоріи абстрактнаго человѣка XVIII вѣка, можетъ быть подкрѣплена богатымъ фактическимъ матеріаломъ и для всякаго даннаго момента можетъ поражать своимъ видимымъ соотвѣтствіемъ съ дѣйствительностью; но при болѣе внимательномъ анализѣ въ ней оказываются большіе научные пробѣлы. Одинъ изъ такихъ пробѣловъ хорошо выясняется въ замѣчательномъ сочиненіи англійскаго или, вѣрнѣе, австралійскаго ученаго Александра Сёзерлэнда, *О происхожденіи и развитіи нравственнаго инстинкта* *); съ основными положеніями этого сочиненія мы и хотѣли-бы познакомить въ этой статьѣ русскихъ читателей; но предварительно мы считаемъ нужнымъ сдѣлать еще нѣсколько общихъ замѣчаній.

Всякая научная историческая концепція, кладущая въ основу историческаго процесса развитіе общественной среды, т. е. религіозныхъ, политическихъ или экономическихъ учрежденій, стремится раскрыть законы этого развитія; но эти законы неизбѣжно являются тогда, согласно основной точкѣ зрѣнія такой концепціи, вмѣстѣ съ тѣмъ и законами развитія самого человѣка. Возьмите какую хотите теорію внѣшней среды, какой хотите законъ внутренняго измѣненія формъ общественной жизни, и вы необходимо должны будете придти къ этому выводу.

Извѣстно, что когда-то признавалась закономѣрной такая послѣдовательность государственныхъ формъ: патріархальная монархія, аристократія, демократія, демагогія и снова монархія; въ настоящее время признается неизбѣжной, въ силу законовъ

*) A. Sutherland, *The Origin and Growth of the Moral Instinct* (Longmans Green, and Co, London, 1898).

экономическаго развитія, смѣна натуральнаго хозяйства капиталистическимъ и затѣмъ дальнѣйшая эволюція послѣдняго. Мы не будемъ входить въ обсужденіе сущности этихъ историческихъ законовъ; но ясно, что, согласно теоріи общественной среды, они въ то же время являются и законами развитія самого человѣка. Когда демократія смѣняется демагогіей или демагогія монархіей, то человѣкъ переходитъ при этомъ изъ одной общественной среды въ другую, а слѣдовательно, согласно разсматриваемой теоріи, и его человѣческая оболочка получаетъ тогда другое конкретное содержаніе. Въ той мѣрѣ, въ какой признается, что данная общественная форма обнимаетъ и подчиняетъ себѣ всѣ стороны человѣческой жизни, ея измѣненія будутъ неизбѣжно вести за собою болѣе или менѣе полное измѣненіе внутренняго человѣка, въ которомъ и будетъ проявляться тогда его историческое развитіе. Если власть натуральнаго хозяйства безусловно опредѣляетъ собой стремленія и дѣятельность живущихъ среди него людей, а власть капиталистическаго хозяйства съ такою-же безусловностью отражается на стремленіяхъ и дѣятельности, а слѣдовательно и на душевномъ складѣ капиталистическаго общества, то переходу натуральнаго хозяйства въ капиталистическое должно, согласно такому взгляду, соотвѣтствовать измѣненіе всего душевнаго склада человѣка, т. е. извѣстный фазисъ его историческаго развитія. Такимъ образомъ процессъ развитія человѣка переносится тогда въ болѣе основной процессъ развитія общественной среды, слѣдующаго своимъ особымъ законамъ, внутреннимъ законамъ политической или экономической эволюціи.

Но спрашивается: соотвѣтствуетъ-ли эта точка зрѣнія естественно-научному представленію о развитіи человѣка; обнимаетъ-ли она собою всѣ тѣ біологическіе процессы, которые происходятъ внутри человѣка, какъ вида, согласно закону естественнаго подбора?

Положимъ, что извѣстная общественная среда дѣйствуетъ на извѣстную группу людей; положимъ, что рѣчь идетъ о крестьянахъ, живущихъ подъ властью земли. Экономическія условія ихъ существованія формируютъ извѣстнымъ образомъ ихъ понятія, сообщаютъ имъ извѣстныя стремленія, словомъ—создаютъ изъ нихъ извѣстный типъ общественнаго человѣка, отличный отъ типа, создаваемаго городской промышленностью. Съ условіями натуральнаго земледѣльческаго хозяйства неразрывно связываются такія-то и такія-то типическія черты общественнаго человѣка; съ условіями городской промышленности—иныя. Ясно, что эти именно черты, характеризующія ту или другую общественную среду, и вносятся въ область историческаго процесса всякой теоріей внутренняго развитія основныхъ формъ общественной жизни; ясно, что только однѣ эти

черты, неразрывно связанныя съ соотвѣтствующими имъ фазисами общественныхъ формъ, и являются тогда факторами исторіи и что только черезъ ихъ посредство должна происходить самая смѣна этихъ фазисовъ. Такъ, напримѣръ, развитіе крупной промышленности, переходъ отъ натуральнаго хозяйства къ капиталистическому измѣняетъ душевный складъ охваченныхъ этимъ процессомъ людей, пробуждаетъ въ нихъ новыя стремленія и способности. Эти новыя свойства, отличающія людей капиталистическаго отъ людей натуральнаго хозяйства, выступаютъ тогда на историческую сцену и переустраиваютъ ее на капиталистическій ладъ;—точно также какъ типическія черты представителей натуральнаго хозяйства служили раньше опорой соотвѣтствующаго ему общественнаго строя. Такова, очевидно, область видовыхъ признаковъ, человѣческихъ свойствъ, обнимаемыхъ процессомъ историческаго развитія, согласно всякой теоріи общественной среды.

На исторической сценѣ, а слѣдовательно и въ процессѣ историческаго развитія фигурируютъ тогда только типическія общественныя черты, отличающія представителей одного общественнаго строя отъ представителей другого, какъ, напримѣръ, крестьянина отъ городского рабочаго; но этимъ процессомъ не обнимаются тогда общія человѣческія свойства крестьянина и городского рабочаго, та физіологическая и психологическая почва, на которую дѣйствуетъ всякая общественная среда. Эта общая физіологическая и психологическая почва предполагается или неизмѣнной, или во всякомъ случаѣ остающейся за исторической сценой, не оказывающей вліянія на ходъ историческаго процесса; въ противномъ случаѣ онъ не исчерпывался-бы одной внутренней эволюціей общественныхъ формъ.

Предположимъ, что условія натуральнаго хозяйства окружали извѣстное населеніе въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, по истеченіи которыхъ они начинаютъ переходить въ условія капиталистическаго хозяйства. Спрашивается: будутъ-ли послѣднія условія дѣйствовать на ту-же самую физіологическую и психологическую почву, на которую дѣйствовала внѣшняя среда въ началѣ періода натуральнаго хозяйства? Другими словами, если предположить, что основныя политическія и экономическія устои страны остаются практически неизмѣнными въ теченіе извѣстнаго времени, то спрашивается: происходятъ-ли въ организмѣ жителей этой страны въ теченіе этого времени какія-либо неуловимыя и неотражающіяся непосредственно на внѣшней средѣ перемѣны, которыя имѣли-бы историческое значеніе?

На эти именно вопросы и отвѣчаетъ книга Сёзерлэнда, посвященная процессу развитія нравственнаго инстинкта, т. е. той стороны человѣка, которая была абстрагирована Адамомъ Смитомъ въ его ученіи о происхожденіи богатствъ. Извѣстно, что

основатель классической политической экономіи имѣлъ въ виду уравновѣсить односторонность своей экономической гипотезы *Теоріей нравственныхъ чувствъ*, согласно которой источникомъ послѣднихъ является симпатія, способность человѣка къ отраженнымъ или, по удачному выраженію Сёзерлэнда, индуктивнымъ ощущеніямъ и эмоціямъ. Но Адаму Смиту была неизвѣстна „величайшая изъ біологическихъ истинъ, установленная позднѣе Дарвиномъ“, говоритъ нашъ авторъ, а потому онъ не могъ открыть происхожденія симпатіи, и эта сторона человѣческой жизни „осталась окутанной такой-же непроницаемой тайной, какъ и прежде“.

Сёзерлэндъ выясняетъ въ своей книгѣ прихожденіе и процессъ развитія нравственнаго инстинкта. Въ основу его ученія положена великая эволюціонная теорія Дарвина. Значительную часть своей книги онъ считаетъ только „детальнымъ развитіемъ четвертой и пятой главъ *Происхожденія человѣка*“. Отсюда видно, что, затрогивая этотъ вопросъ, мы вступаемъ въ область самыхъ общихъ біологическихъ процессовъ, не связанныхъ съ тою или другою опредѣленною формою общественной жизни.

Въ самомъ дѣлѣ, основная идея Дарвина заключается въ томъ, что во всякой данной средѣ, благодаря непрерывному размноженію живущаго въ ней вида, происходитъ, путемъ вымиранія наименѣе приспособленныхъ и наслѣдственной передачи благопріятныхъ признаковъ, естественный подборъ, ведущій „къ улучшенію каждаго существа по отношенію къ органическимъ и неорганическимъ условіямъ его жизни“ *). Такимъ образомъ, согласно этой теоріи, даже при совершенно неизмѣнныхъ общественныхъ условіяхъ, среди одного и того-же выработаннаго ими обществевеннаго типа, будетъ-ли то воинъ, купецъ или пастухъ, должно происходить непрерывное измѣненіе ихъ свойствъ, непрерывное развитіе въ нихъ способностей, благопріятствующихъ сохраненію ихъ вида. На этомъ основномъ біологическомъ законѣ и построена Сёзерлэндомъ теорія происхожденія и роста нравственнаго инстинкта.

Такъ какъ органическія измѣненія, соотвѣтствующія этому процессу, происходятъ на протяженіи не только всей исторіи, но начинаются еще на очень низкихъ ступеняхъ животнаго царства, то очевидно, что ихъ нельзя пріурочить къ какимъ-либо опредѣленнымъ формамъ общественной жизни; они продолжаются во всѣхъ фазисахъ общественной эволюціи и создаютъ ту общую физіологическую и психологическую почву, на которой отражается всякая данная внѣшняя среда. Но для дальнѣйшаго выясненія этой мысли мы должны войти въ сущность теоріи Сезерлэнда.

---

*) *Происхожденіе видовъ,* перев. К. Тимирязева, стр. 84.

II.

„Наша задача—такъ начинаетъ авторъ свою книгу—показать, какимъ путемъ изъ потребностей животной жизни, по мѣрѣ того какъ онѣ возникали и развивались, выросталъ, сначала съ необычайной медленностью, а затѣмъ незамѣтно ускоряя свое движеніе, нравственный инстинктъ, составляющій, вмѣстѣ со своимъ спутникомъ—разумомъ, благороднѣйшее изъ. явленій, наблюдаемыхъ пока на нашей старой планетѣ“.

Кладя въ основу своей теоріи законъ естественнаго подбора, авторъ хочетъ прежде всего вызвать въ умѣ читателя реальную картину непрерывнаго и колоссальнаго истребленія жизней, происходящаго на землѣ и составляющаго почву, на которой дѣйствуетъ процессъ совершенствованія видовъ.

Число сельдей, ловимыхъ ежегодно около однихъ Британскихъ островов, равняется общему числу жителей всего земного шара; но въ желудкѣ каждой изъ пойманныхъ сельдей находятъ отъ 20 до 70 мелкихъ рыбокъ и ракушекъ; представьте теперь себѣ число мелкихъ животныхъ, поглощаемыхъ всѣми сельдями въ теченіе всей ихъ жизни. Такъ называемая голубая рыба *(Pomatomus Saltatrix)* часто пожираетъ за одинъ разъ до 1,000 сельдей. Профессоръ Бэйрдъ, предполагая, что каждая изъ этихъ рыбъ съѣдаетъ только по 10 сельдей въ день, опредѣляетъ въ 10.000.000,000 число сельдей, истребляемыхъ ежедневно для поддержанія одного этого вида. Ежегодное пропитаніе тюленя требуетъ не менѣе 10,000 рыбъ величиною въ сардинку; между тѣмъ высчитывается, что на одномъ только островѣ св. Павла бываетъ до 3.000,000 тюленей; морскія свиньи, количество которыхъ въ океанахъ неисчислимо, поѣдаютъ рыбы не менѣе тюленей; въ желудкѣ одного гигантскаго дельфина нашли тринадцать морскихъ свиней и четырнадцать тюленей и т. д. Но у рыбъ имѣются еще другіе враги: птицы. На одномъ маленькомъ скалистомъ островкѣ св. Кильды живетъ около 200,000 олушей, каждый изъ которыхъ проглатываетъ ежедневно около пяти рыбъ; слѣдовательно для прокормленія олушей одного этого маленькаго островка требуется ежегодно до 360.000,000 рыбъ. Но количество птицъ, питающихся рыбами, неисчислимо. Флиндерсъ разсказываетъ, что онъ разъ наблюдалъ пролетавшую надъ его кораблемъ тучу буревѣстниковъ; размѣры ея равнялись приблизительно 300 ярдамъ въ ширину и ярдамъ восьмидесяти по вертикальному направленію; эта сплошная масса птицъ двигалась надъ его кораблемъ непрерывно, съ быстротою голубинаго полета, въ теченіе полуторыхъ часовъ. „Еслибы высчитать, гово-

ритъ авторъ, сколько капель воды проносится въ одну секунду ніагарскимъ потокомъ, то это число немногимъ превысило-бы число рыбъ, погибающихъ въ ту же единицу времени".

Истребленіе еще болѣе низшихъ животныхъ происходитъ въ размѣрахъ, совершенно недоступныхъ нашему воображенію. По указанію Брэма, семейство изъ трехъ синицъ легко можетъ истребить до 1.000,000 личинокъ въ годъ; пять маленькихъ тоди могутъ истребить ежегодно такое же количество насѣкомыхъ. Но въ одной Европѣ число живущихъ въ ней птицъ опредѣляется во многія тысячи милліоновъ. Что касается самихъ птицъ, то въ одномъ только французскомъ департаментѣ въ каждый охотничій сезонъ ловится до 1.000,000 жаворонковъ. Таковы немногіе отдѣльные штрихи этой картины непрерывнаго и повсемѣстнаго процесса уничтоженія жизней.

Какимъ-же путемъ поддерживается существованіе различныхъ видовъ животныхъ при этомъ безжалостномъ истребленіи ихъ представителей? Это достигается двумя путями: или при помощи чудовищной плодовитости, или благодаря развитію свойствъ, болѣе или менѣе гарантирующихъ существованіе индивида. Первый путь характеризуетъ низшихъ животныхъ, до рыбъ включительно; второй путь ведетъ къ высшему развитію.

Среднее число яицъ икры, которая мечется одною самкою сельди, опредѣляется въ 27,800. По словамъ Бёклэнда, икра сельдей иногда покрываетъ скалистое дно моря широкими пластами въ шесть футовъ толщиною. Только половина этой икры оплодотворяется самцами, а изъ этой половины значительная часть поѣдается рыбами и водяными птицами. Уцѣлѣвшія яйца требуютъ отъ 14 до 30 дней, для того, чтобы изъ нихъ вывелись маленькія сельди, изъ которыхъ не болѣе одной десятой достигаетъ шестимѣсячнаго возраста.

Но сельдь далеко не изъ самыхъ плодовитыхъ рыбъ. У многихъ видовъ самка мечетъ сотни тысячъ яицъ, а у нѣкоторыхъ даже милліоны: самка осетра — отъ 3 до 7 милліоновъ; самка трески—болѣе 6.000,000.

Если предположить, что только изъ 1% всѣхъ яицъ трески выводятся молодыя рыбки, то и тогда на каждую самку придется по 60.000 дѣтенышей; если только сотая часть этихъ дѣтенышей достигаетъ зрѣлости, то каждая пара трески будетъ ежегодно производить на смѣну себя 600 потомковъ. „Легко слѣдовательно видѣть, какъ плодовитость такихъ размѣровъ отвѣчаетъ на потребность, порождаемую могущественными факторами разрушенія". (Стр. 25.)

Если предположить, что каждая самка трески мечетъ икру только дважды въ теченіе своей жизни, то она положитъ около 12.000,000 яицъ. Если изъ этого огромнаго числа уцѣлѣетъ и достигнетъ зрѣлости только два зародыша, то и въ такомъ слу-

чаѣ существованіе вида уже будетъ обезпечено. Если бы достигало зрѣлости десять зародышей, т. е. менѣе, чѣмъ 0,0001%, то черезъ столѣтіе „безбрежный океанъ не могъ-бы вмѣстить всей трески, даже предположивъ, что она была бы набита въ немъ, какъ сардинки въ коробкѣ". (Ibid.)

Итакъ, принимая во вниманіе огромную плодовитость рыбъ (средняя цифра яицъ, приходящаяся на каждую самку и высчитанная для 75 видовъ различныхъ отрядовъ, равняется 646,000) и ничтожное число ихъ потомства, достигающаго зрѣлости (не болѣе одного изъ 300,000), можно видѣть, какое широкое поле открывается здѣсь для процесса естественнаго подбора. Хотя въ большинствѣ случаевъ причиною переживанія такого-то индивида, а не другого, будетъ являться простая случайность, но тѣмъ не менѣе, на разстояніи очень большихъ промежутковъ времени всегда должно обнаруживаться извѣстное стремленіе въ пользу преобладанія индивидовъ, отличающихся какими-нибудь особенностями, способствующими ихъ сохраненію.

Между этими особенностями авторъ проводитъ важное различіе. Онъ раздѣляетъ ихъ на двѣ категоріи. Въ одну изъ нихъ входятъ чисто внѣшнія отличія, какъ напримѣръ, болѣе темная окраска, болѣе яркія пятна, болѣе плоская форма и т. д.,—представляющія тѣмъ не менѣе извѣстную спасительную гарантію; ко второй категоріи относится всякое усложненіе организаціи, всякій шагъ впередъ по пути къ высшему нервному типу. „Если нервная организація животнаго становится утонченнѣе, если его органы чувствъ получаютъ болѣе совершенное строеніе, а его мозгъ дѣлается болѣе дѣйствительнымъ органомъ контроля, такъ что всѣ координирующія способности животнаго функціонируютъ быстрѣе и цѣлесообразнѣе, то для развитія, вступившаго на этотъ путь, уже нѣтъ болѣе предѣла. Существуетъ степень темной окраски или плоской формы, дальше которой рыба не можетъ пойти. Но для развитія нервной системы и умственныхъ способностей нѣтъ никакихъ видимыхъ предѣловъ или, по крайней мѣрѣ, какъ это будетъ показано нами въ слѣдующихъ главахъ, міръ еще далеко не достигъ ихъ". (Стр. 29.)

Но когда нервное строеніе достигло того уровня, на которомъ оно стоитъ у рыбъ, то всякое дальнѣйшее усовершенствованіе этого строенія требуетъ одного необходимаго условія.

Извѣстенъ законъ Бэра, согласно которому каждое животное въ состояніи зародыша должно воспроизвести въ послѣдовательныхъ фазисахъ своего развитія исторію своего вида; оно должно пройти всѣ ступени, по которымъ поднималась организація его предковъ. Отсюда неизбѣжно слѣдуетъ тотъ выводъ, что чѣмъ длиннѣе эволюціонная исторія даннаго вида, т. е. чѣмъ сложнѣе его организація, тѣмъ продолжительнѣе долженъ быть тотъ періодъ, въ теченіе котораго животное этого вида будетъ нахо-

диться въ состояніи зародыша, тѣмъ позднѣе оно достигнетъ зрѣлости. Слѣдовательно всякое увеличеніе размѣровъ мозга, всякое усложненіе нервнаго строенія предполагаетъ удлиненіе для животнаго безпомощнаго періода незрѣлости. Но пока животное находится еще въ яйцѣ, высшее нервное строеніе, какимъ оно могло-бы оказаться одареннымъ въ зрѣломъ возрастѣ, вовсе не служитъ ему охраной отъ враговъ; между тѣмъ оно неизбѣжно удлиняетъ періодъ его зародышевой жизни и тѣмъ уменьшаетъ его шансы на существованіе. Когда только одно яйцо изъ 300,000 достигаетъ зрѣлости и всѣ они предоставляются на волю случая, то то изъ нихъ, которое потребуетъ большаго времени для своего развитія, навѣрное не окажется счастливымъ кандидатомъ; „вообще говоря, если вылупленіе зародыша изъ яйца замедлится даже на одинъ часъ, то и тогда его гибель неизбѣжна, потому что его первоначальный шансъ на существованіе такъ безконечно малъ, что самое ничтожное уклоненіе въ ту или другую сторону будетъ имѣть для него значеніе жизни или смерти". (Стр. 29.)

Отсюда именно и вытекаетъ вышеупомянутое необходимое условіе, которымъ должно было сопровождаться всякое усовершенствованіе въ нервной организаціи рыбъ: на ряду съ нимъ должно было обнаружиться хоть какое-нибудь проявленіе *родительскаго ухода* за яйцами. Безъ этого условія никакое повышеніе нервнаго типа не могло укрѣпиться и получить значеніе.

Взвѣшивая мозгъ у различныхъ представителей одного и того же вида рыбъ, можно легко встрѣтить довольно значительныя колебанія въ этомъ вѣсѣ; при одномъ и томъ же вѣсѣ тѣла эти колебанія могутъ доходить до 10% и даже 20%; но при отсутствіи родительскаго ухода дѣйствіе естественнаго подбора въ этомъ направленіи не имѣетъ мѣста. Рыбы съ большимъ мозгомъ могутъ вымирать вслѣдствіе удлиненнаго періода незрѣлости, а съ малымъ—оставаться въ живыхъ.

Итакъ, на извѣстной ступени развитія, появленіе родительскаго ухода было неизбѣжнымъ условіемъ дальнѣйшаго нервнаго усовершенствованія.

Но самый родительскій уходъ могъ также проявляться въ двухъ формахъ: въ формѣ случайныхъ, чисто внѣшнихъ приспособленій и пріемовъ, или же въ формѣ внутреннихъ измѣненій, ведущихъ къ развитію родительской привязанности.

Прежде всего выступаетъ на сцену первая форма родительскаго ухода. Въ этомъ отношеніи наблюдаются чрезвычайно любопытные и странные привычки и пріемы, путемъ которыхъ извѣстные виды рыбъ защищаютъ свое потомство. Такъ у шести видовъ прѣсноводной гвіанской акулы (*Aspredo*) плоское брюхо самки дѣлается въ періодъ размноженія совершенно мягкимъ, въ родѣ замазки; затѣмъ, послѣ того какъ яйца уже оплодотво-

рены самцомъ, она катается по нимъ и прилѣпляетъ ихъ къ своему тѣлу, гдѣ они и остаются до вылупленія дѣтенышей. Этотъ пріемъ оказывается настолько удачнымъ, что поддержаніе существованія упомянутыхъ видовъ обезпечивается менѣе чѣмъ 2,000 яицъ, приходящихся на каждую самку; въ то время какъ у ближайшихъ видовъ, не обладающихъ такой привычкой, самки мечутъ по 60,000 яицъ.

У нѣкоторыхъ видовъ игло-рыбъ самки вынашиваютъ яйца въ сумкахъ, образуемыхъ брюшными плавниками. Но въ большинствѣ случаевъ родительскій уходъ среди рыбъ выпадаетъ на долю самцовъ, оплодотворяющихъ икру, послѣ того какъ она уже выброшена самкою. У нѣкоторыхъ видовъ самцы вынашиваютъ яйца во рту; у другихъ на брюхѣ самцовъ имѣется для этой цѣли родъ узкой и длинной сумки, образуемой складками кожи; у третьихъ самцы прилѣпляютъ яйца къ размягченной поверхности своего тѣла и т. д. Во всѣхъ такихъ случаяхъ число яицъ, которое мечется самкой, значительно уменьшается; оно можетъ падать до тридцати и даже пятнадцати.

Но особенно важное значеніе получаютъ способы предохраненія потомства, основанные на внутреннихъ измѣненіяхъ организма. Такихъ способовъ два: постройка гнѣздъ и вынашиваніе яицъ внутри тѣла самки. Первый способъ достигаетъ огромнаго развитія у птицъ; второй открываетъ путь къ высшимъ проявленіямъ родительскаго ухода.

У многихъ видовъ рыбъ самцы строятъ гнѣзда изъ морскихъ растеній или вырываютъ ямы въ песчаномъ днѣ, покрывая ихъ голышами. Извѣстно, что особымъ искусствомъ и рвеніемъ отличается въ одномъ случаѣ колюшка. Самецъ собираетъ листья, коренья и вѣтки, и устраиваетъ изъ нихъ, при помощи хвоста, родъ небольшого гнѣзда, укрѣпляя его пескомъ и камушками, а также слизью своего тѣла. Послѣ шести-часовой работы, онъ заставляетъ самку войти въ гнѣздо и положить тамъ яйца. Затѣмъ онъ сторожитъ ихъ въ теченіе десяти или тридцати дней, въ зависимости отъ окружающей температуры, яростно нападая на приближающихся враговъ, какъ бы они ни были велики, и нанося имъ раны своими колючками. Колюшка кладетъ только отъ 20 до 90 яицъ, и тѣмъ не менѣе эта маленькая рыбка считается самой многочисленной изъ всѣхъ европейскихъ рыбъ.

Но самымъ дѣйствительнымъ способомъ предохраненія потомства является оплодотвореніе и вынашиваніе яйца внутри тѣла матери. У всего класса рыбъ около 180 видовъ принадлежатъ къ живородящимъ. Наиболѣе преобладаютъ эти виды въ отрядѣ акулъ, отличающемся наивысшею организаціею среди всѣхъ рыбъ. Бастіанъ считаетъ мозгъ акулъ наилучшимъ изъ всѣхъ рыбьихъ мозговъ (*Brain an Organ of Mind*, стр. 115). Взвѣсивъ мозгъ представителей девяти видовъ обыкновенныхъ рыбъ, Сёзерлэндъ

нашелъ, что, при общемъ вѣсѣ тѣла въ одинъ фунтъ, средній вѣсъ ихъ мозга равнялся тринадцати гранамъ; при такомъ же вѣсѣ тѣла, средній вѣсъ мозга морской собаки оказался равнымъ 39 гранамъ. „Такъ какъ рыба съ мозгомъ въ три раза большимъ должна оставаться въ состояніи зародыша дольшее время, чѣмъ обыкновенная рыба, то ничто не могло бы спасти ее отъ гибели въ этотъ періодъ, кромѣ родительскаго ухода. Но никакая форма родительскаго ухода не можетъ быть такой дѣйствительной, какъ безсознательная и органическая, не оставляющая матери выбора, слѣдующая своему естественному теченію, независимо отъ ея воли". (Стр. 38). Неудивительно поэтому, что у одиннадцати видовъ акулъ, относительно которыхъ могли быть собраны данныя, среднее число дѣтенышей не превышаетъ 24.

Съ этимъ уменьшеніемъ числа зародышей связано также другое огромное преимущество внутренняго вынашиванія яицъ. Милліоны зародышей, изъ которыхъ только единицы достигаютъ зрѣлости, безполезно истощаютъ организмъ матери. При меньшемъ числѣ яицъ въ организмѣ матери остается запасъ производительнаго матерьяла для усиленнаго и болѣе продолжительнаго питанія зародыша. Каждый изъ нихъ снабженъ тогда большимъ желточнымъ мѣшкомъ и можетъ появиться на свѣтъ уже въ видѣ большого и сильнаго существа. „Взрослая треска вѣситъ болѣе взрослой морской собаки; но только что родившаяся морская собака можетъ легко проглотить нѣсколько сотенъ только что вылупившейся изъ яйца трески".

Итакъ очевидно, что огромное преимущество въ жизненной борьбѣ на сторонѣ пользущихся родительскимъ уходомъ, что естественный подборъ долженъ былъ способствовать развитію этого ухода и что ранѣе его развитія не было возможно появленіе высшаго нервнаго типа. Таково первое и самое основное положеніе Сёзерлэнда.

III.

Въ слѣдующихъ главахъ авторъ подробно слѣдитъ за развитіемъ безсознательнаго материнскаго ухода среди животнаго міра. Онъ переходитъ, послѣдовательно, отъ низшихъ ко все болѣе и болѣе высшимъ формамъ жизни, отъ рыбъ къ земноводнымъ и пресмыкающимся, затѣмъ къ птицамъ и млекопитающимъ, причемъ неизмѣнно наблюдается одно и то же явленіе: вмѣстѣ съ повышеніемъ нервнаго типа, съ усложненіемъ нервной организаціи, увеличивается продолжительность и цѣлесообразность родительскаго ухода и уменьшается численность потомства. Особеннаго нашего вниманія заслуживаетъ конечно отдѣлъ млекопитающихъ, какъ ближе стоящій къ человѣку. Авторъ подробно излагаетъ постепенно усовершенствующееся приспособленіе организма ма-

тери къ наиболѣе успѣшному развитію въ ней зародыша. У самаго низшаго отряда млекопитающихъ, у однопроходныхъ и слѣдующаго за ними отряда сумчатыхъ, связь зародыша съ организмомъ матери еще не вполнѣ установлена; плацента отсутствуетъ; дѣтенышъ рождается полуразвившимся и донашивается въ сумкообразныхъ складкахъ кожи на животѣ самки. Затѣмъ, начиная съ насѣкомоядныхъ, появляется непосредственная связь зародыша съ тѣломъ матери, образуемая плацентой. Стѣнки яйца какъ бы сращиваются съ организмомъ матери посредствомъ множества отростковъ, и эта связь становится все полнѣе и полнѣе, достигая своего высшаго развитія у человѣка. Вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивается время, въ теченіе котораго зародышъ остается въ тѣлѣ матери.

Такова физіологическая основа безсознательнаго родительскаго ухода. Мы уже видѣли, что имъ обусловлена возможность появленія высшей нервной организаціи. Маленькая мартышка макаки вынашиваетъ дѣтеныша 196 дней; это вчетверо болѣе того времени, которое требуется для кошки, и въ шесть разъ больше времени, нужнаго для зайца. Мартышка достигаетъ полной зрѣлости только на четвертомъ или пятомъ году и сосетъ грудь матери въ теченіе двѣнадцати мѣсяцевъ. Еще продолжительнѣе періодъ зародышевой жизни человѣка; между тѣмъ, не смотря на этотъ долгій періодъ самого усовершенствованнаго питанія, ребенокъ родится въ самомъ безпомощномъ состояніи; онъ только черезъ годъ начинаетъ держаться на ногахъ и ходить, а полной зрѣлости достигаетъ будучи около двадцати лѣтъ.

„Врядъ-ли можно сомнѣваться, говоритъ авторъ, что это медленное наступленіе зрѣлости зависитъ отъ значительно возросшей сложности нервнаго строенія, основаніе котораго глубоко заложено въ самыхъ начальныхъ стадіяхъ развитія. Мускулы легко наростаютъ въ позднѣйшіе годы, и у ребенка они составляютъ гораздо меньшую часть всего вѣса тѣла, чѣмъ у юноши. Между тѣмъ головной мозгъ новорожденнаго, пропорціонально, болѣе чѣмъ въ восемь разъ тяжелѣе мозга юноши (Foster, *Physiology*, кн. II, гл. V); всѣ остальныя части нервной системы безъ сомнѣнія находятся болѣе или менѣе въ такомъ-же соотношеніи. Но эта нервная система въ концѣ концовъ и составляетъ будущаго человѣка; это—главныя очертанія, основной контуръ, который потомъ уже легко заполняется детальными штрихами; это основная идея проекта, сообразно которой располагается все остальное. Разработка этой именно нервной системы и требуетъ продолжительнаго времени“. (Стр. 96.)

Мозгъ ребенка составляетъ, въ среднемъ, седьмую часть общаго вѣса тѣла. Ничего подобнаго не встрѣчается ни у одного изъ низшихъ животныхъ; но въ то время, какъ вѣсъ ребенка

увеличивается разъ въ двадцать, при достиженіи имъ зрѣлаго возраста, вѣсъ его мозга увеличивается немного болѣе, чѣмъ вдвое. Не смотря, однако, на такое значительное развитіе мозга, только что родившійся ребенокъ гораздо глупѣе и безпомощнѣе утенка, плавающаго по водѣ и ловящаго добычу почти вслѣдъ за тѣмъ, какъ онъ вылупляется изъ яйца,—или только что появившагося на свѣтъ и уже прыгающаго теленка. Мозгъ ребенка представляетъ собою еще только потенціальную силу.

Такимъ образомъ, вся исторія развитія животнаго міра, главнѣйшія послѣдовательныя стадіи котораго закрѣплены въ сохранившихся видахъ животныхъ, подтверждаетъ основную мысль автора, а именно—тѣсную и необходимую связь усложненія и усовершенствованія нервной системы съ родительскимъ уходомъ, съ охраненіемъ зародыша и доставленіемъ ему обильнаго питанія. Это достигалось дѣйствіемъ естественнаго подбора, измѣнившаго прежде всего соотвѣтственнымъ образомъ организмъ матери, въ виду обезпеченія зародышу продолжительнаго и самаго полнаго безсознательнаго родительскаго ухода. Всякое усовершенствованіе въ этомъ направленіи сопровождалось повышеніемъ нервной организаціи, которое само было необходимымъ условіемъ для дальнѣйшихъ, болѣе сложныхъ формъ безсознательнаго родительскаго ухода. То механическое регулированіе кровообращенія, благодаря которому, въ извѣстный періодъ, обезпечивается обильный притокъ крови къ области плаценты, а затѣмъ, въ послѣдующій періодъ, онъ направляется къ молочнымъ железамъ, требуетъ цѣлой системы сосудо-двигательныхъ нервовъ и нервныхъ центровъ. Такимъ образомъ, высшія формы безсознательнаго родительскаго ухода, та удивительная полнота и цѣлесообразность, которыхъ онъ достигаетъ, напримѣръ, у человѣка, создавалась на почвѣ очень высокаго нервнаго развитія, очень сложнаго нервнаго строенія.

Но къ безсознательному родительскому уходу, еще на довольно раннихъ ступеняхъ этого процесса, присоединяется сознательный, въ формѣ родительскихъ эмоцій. Здѣсь мы должны сдѣлать небольшое отступленіе, чтобы ознакомить читателя со взглядами автора на эмоціональную сторону животной жизни и на ея огромное значеніе у высшихъ животныхъ.

Въ двухъ предпослѣднихъ главахъ своей книги Сёзерлэндъ излагаетъ теорію эмоцій, совпадающую съ той, которая быстро завоевываетъ господство въ современной психологіи и къ которой онъ пришелъ (какъ это видно изъ его примѣчанія на стр. 307 второго тома и какъ это доказывается оригинальнымъ и самостоятельнымъ ходомъ его аргументаціи) совершенно независимо отъ работъ Ланге, Джемса, Мюнстерберга и Рибо.

Согласно этой теоріи, эмоція не представляетъ собою явленія, возникающаго въ области духа и уже затѣмъ отражающа-

гося на физическомъ состояніи тѣла. Напротивъ того, въ основѣ всякой эмоціи лежитъ измѣненіе въ физіологическомъ состояніи организма, отражающееся на психикѣ. Стимуломъ эмоціональнаго душевнаго состоянія служитъ не непосредственное ощущеніе, не видъ чего-нибудь страшнаго, не радостные или раздирающіе звуки, доносящіеся до слуха, а то физіологическое состояніе, которое вызывается въ организмѣ этими ощущеніями и которое отражается въ сознаніи въ формѣ извѣстнаго душевнаго состоянія. Когда ноги человѣка трясутся, сердце бьется часто, но слабо, лицо становится блѣднымъ, губы и языкъ пересыхаютъ, гортань сжимается и т. д., то это не значитъ, чтобы какое-нибудь внѣшнее впечатлѣніе вызвало въ его душѣ страхъ и чтобы затѣмъ этотъ страхъ привелъ въ подобное состояніе его тѣло. Это значитъ только, что извѣстныя зрительные, слуховые или другіе стимулы вызвали черезъ посредство связанной съ ними симпатической нервной системы данное физіологическое состояніе его тѣла, которое и ощущается имъ какъ эмоція страха. Такимъ образомъ эмоція, какъ душевное состояніе, составляетъ психическую сторону извѣстнаго физіологическаго явленія. Такова сущность новой теоріи.

Физіологическія явленія, составляющія матеріальный базисъ эмоціи, сводятся, по мнѣнію автора, къ перемѣнамъ въ кровообращеніи, въ тонусѣ различныхъ сосудовъ, благодаря чему усиленный потокъ крови направляется въ однѣ части тѣла, въ то время какъ другія лишаются нормальнаго количества ея. Это регулированіе кровообращенія производится автоматически сосудо-двигательными нервами, подъ контролемъ симпатической нервной системы, подъ вліяніемъ извѣстныхъ внѣшнихъ впечатлѣній, или извѣстнаго внутренняго состоянія организма. Эта чрезвычайно сложная игра нервнаго аппарата соотвѣтствуетъ настоятельнымъ потребностямъ животнаго и выработана въ немъ путемъ естественнаго подбора, на почвѣ родительскаго ухода.

Когда дѣтенышъ физически отдѣляется отъ организма матери, то дальнѣйшій уходъ за нимъ, необходимый для сохраненія вида, обезпечивается тою нервною связью, какая устанавливается между матерью и дѣтенышемъ, въ формѣ различныхъ эмоцій, вызываемыхъ въ ней его видомъ, запахомъ, прикосновеніемъ, крикомъ и т. д. Эти стимулы производятъ извѣстныя перемѣны въ ея организмѣ; они заставляютъ молоко приливать къ ея грудямъ; они вызываютъ въ ней страшное напряженіе всѣхъ мускуловъ, соотвѣтствующее эмоціи гнѣва при защитѣ дѣтеныша, и т. д. Эта чрезвычайная эмоціонная чувствительность къ нервнымъ стимуламъ, исходящимъ отъ дѣтеныша, и составляетъ органическую основу сознательнаго родительскаго ухода. Она постепенно развивается въ животномъ мірѣ, наблюдается уже въ значительныхъ размѣрахъ у дикаря и достигаетъ

наивысшаго развитія у цивилизованнаго человѣка. Подобно безсознательной формѣ родительскаго ухода, она связана съ воспріимчивостью и сложностью самой нервной системы, со способностью этой системы вызывать огромныя пертурбаціи въ физическомъ и душевномъ состояніи животнаго подъ вліяніемъ чрезвычайно слабыхъ стимуловъ, не оказывающихъ непосредственно никакого вреднаго или полезнаго дѣйствія на организмъ, въ которомъ вызываются эмоціи. Эта воспріимчивость и сложность нервной системы, выработавшіяся, въ процессѣ эволюціи, какъ необходимое условіе появленія высшаго нервнаго типа, такъ какъ только при такомъ условіи, при такой отзывчивости родительскаго организма на потребности несвязаннаго съ нимъ физически существа, было возможно выживаніе этого типа, служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ почвою для всего дальнѣйшаго эмоціональнаго развитія.

Необходимо замѣтить, что высшая форма родительскаго ухода, основанная не на органическихъ приспособленіяхъ въ тѣлѣ матери, а на эмоціональныхъ, нервныхъ эффектахъ, свойственна также и отцу, унаслѣдующему нервную организацію своего вида. У высшихъ обезьянъ самецъ принимаетъ дѣятельное участіе въ охранѣ дѣтенышей, а отцы - дикари обнаруживаютъ повсюду большую эмоціональную любовь къ своему потомству.

Эмоціи играютъ чрезвычайно важную роль въ жизни животнаго; онѣ однѣ только и служатъ двигающей силой для его произвольныхъ, сознательныхъ актовъ. Сами по себѣ интеллектуальныя представленія не могутъ вызвать никакого дѣйствія. „Кошка можетъ увидѣть мышь, но это не оказало-бы никакого вліянія не нее, еслибы не вызвало въ ней эмоціи. Мышь можетъ увидѣть кошку, но вся слѣдующая затѣмъ ея дѣятельность вызывается порождаемой въ ней этимъ зрѣлищемъ эмоціей. Увидѣвъ кусокъ золота у своихъ ногъ, человѣкъ не нагнулся-бы поднять его, еслибы не былъ побужденъ къ этому той или другой эмоціей. Какое значеніе можетъ имѣть для него, что умъ увѣдомляетъ его, во первыхъ, о томъ, что это — настоящее золото, а во вторыхъ—что онъ могъ-бы купить на него извѣстные предметы? Еслибы у него не было желаній и надеждъ, которыя могутъ быть удовлетворены этимъ золотомъ, или опасеній, которыя могутъ быть устранены имъ, то зачѣмъ онъ сталъ-бы утруждать себя? Интеллектуальные процессы могутъ оказывать вліяніе на нашу дѣятельность только въ той мѣрѣ, въ какой они сопровождаются ощущеніями, способными вызвать въ насъ эмоціи“. (т. II, стр. 227.)

Когда кошка видитъ мышь, то въ ней мгновенно происходитъ извѣстная реакція: кровь приливаетъ къ периферіи ея тѣла; всѣ ея мускулы напрягаются, сердце бьется усиленно, глаза горятъ; это физіологическое состояніе, вызываемое видомъ добычи, и

составляетъ матеріальную основу эмоціи. Она возникаетъ непроизвольно и доставляетъ кошкѣ необходимую энергію для одержанія побѣды.

Авторъ разсказываетъ, что, гуляя однажды утромъ по лѣсу, въ спокойномъ и уравновѣшенномъ настроеніи, онъ вдругъ замѣтилъ, что готовился наступить на ядовитую змѣю, приподнявшую голову. Въ то же мгновеніе онъ сдѣлалъ прыжокъ, и въ этомъ прыжкѣ были сосредоточены всѣ силы его организма. Когда змѣя была убита, онъ почувствовалъ усталость и радъ былъ присѣсть, чтобы отдохнуть отъ страшнаго напряженія и нарушеннаго равновѣсія организма.

Въ процессѣ жизненной борьбы животному необходимо было выработать въ своемъ организмѣ эту способность отзываться на критическія обстоятельства, это приспособленіе своего физіологическаго и душевнаго состоянія къ потребностямъ борьбы, самозащиты или охраны потомства. Это именно и достигается эмоціональною воспріимчивостью организма, цѣлою серіею свойственныхъ ему эмоцій, порождаемыхъ въ немъ непосредственными или воспроизведенными ощущеніями и приводящими его въ состояніе, соотвѣтствующее обстоятельствамъ. Такое приспособленіе, направляющее запасъ энергіи, вырабатываемой въ организмѣ растительными процессами, въ ту или другую сторону, расходующее ее съ большею или меньшею быстротою, достигается игрою нервнаго аппарата, который у высшихъ животныхъ, а особенно у человѣка, чрезвычайно обширенъ и сложенъ.

Но мы уже видѣли, что обширная и сложная нервная система человѣка требуетъ продолжительнаго періода зародышевой жизни и затѣмъ продолжительнаго безпомощнаго состоянія въ періодъ дѣтства. Такой продолжительный періодъ развитія, а слѣдовательно и появленіе въ мірѣ такого высокаго нервнаго типа были возможны только при условіи усовершенствованнаго родительскаго ухода, какъ безсознательнаго, такъ и сознательнаго. Поэтому, вмѣстѣ съ развитіемъ нервной системы, въ процессѣ эволюціи животнаго міра развивалась также, на почвѣ этой самой нервной системы, эмоціональная воспріимчивость родителей къ своему потомству или родительская симпатія. Въ человѣкѣ эта родительская симпатія достигаетъ большихъ размѣровъ уже на ступени дикарей. Всѣ безъ исключенія путешественники свидѣтельствуютъ о сильной любви дикарей къ своимъ дѣтямъ; эта любовь носитъ конечно импульсивный характеръ; они балуютъ ихъ и въ то же время способны, въ припадкѣ гнѣва, схватить за ноги своего ребенка и размозжить ему голову о камень, но она во всякомъ случаѣ свидѣтельствуетъ о сильной эмоціональной связи, установленной процессомъ развитія, между дикаремъ и его потомствомъ.

Эта основная эмоціональная связь между двумя независимыми

организмами, эта способность волноваться, приходить въ крайнее возбужденіе, израсходывать накопленную энергію въ страстныхъ порывахъ любви или гнѣва подъ вліяніемъ импульсовъ, исходящихъ отъ другого существа, иногда въ видѣ очень слабыхъ слуховыхъ или зрительныхъ впечатлѣній, и служитъ почвой для всего дальнѣйшаго развитія нравственныхъ чувствъ.

Къ родительской любви присоединяется супружеская симпатія и родственныя чувства вообще, связывающія членовъ семьи, живущихъ вмѣстѣ, въ постоянномъ и тѣсномъ общеніи. Затѣмъ, по мѣрѣ развитія общественной жизни, сфера дѣйствія этихъ первичныхъ и индуктивныхъ эмоцій все болѣе и болѣе расширяется, распространяясь на всѣхъ членовъ одного и того же общества, и наконецъ переходя за предѣлы національныхъ и расовыхъ дѣленій.

Мы не можемъ, конечно, прослѣдить здѣсь за ходомъ этого процесса. Очень сжатое, фактическое изложеніе его, въ его наиболѣе крупныхъ проявленіяхъ, въ жизни первобытныхъ народовъ и въ процессѣ всемірной исторіи, занимаетъ собой двухтомное сочиненіе. Мы хотѣли только, въ очень немногихъ, отрывочныхъ чертахъ, познакомить читатетелей съ основной мыслью автора и съ главными факторами развитія нравственнаго инстинкта.

Въ основѣ излагаемаго имъ процесса лежатъ потребности видовой и общественной жизни, вырабатывающія, путемъ естественнаго подбора, извѣстныя органическія приспособленія въ нервной системѣ животныхъ и доводящія до высокой степени ихъ нервную эмоціональную воспріимчивость.

Естественный подборъ является непрерывно дѣйствующимъ факторомъ животной жизни; онъ не только вызываетъ на свѣтъ извѣстное свойство, напримѣръ—родительское чувство; но онъ непрерывно стремится къ его дальнѣйшему усовершенствованію. Онъ дѣйствуетъ среди цивилизованныхъ націй такъ же, какъ онъ дѣйствовалъ среди низшихъ животныхъ или дикарей.

Во всѣ вѣка и во всякой средѣ, дѣти болѣе заботливыхъ родителей, съ болѣе развитою родительскою симпатіею, имѣютъ болѣе шансовъ остаться въ живыхъ и оставить послѣ себя потомство. Принимая во вниманіе огромную смертность дѣтей даже по настоящее время, приходится признать, что дѣйствію естественнаго подбора всегда открывалось и еще открывается здѣсь широкое поле.

„Мнѣ всегда казалось чудомъ, говоритъ Рескинъ (*Time and Tide*), какъ человѣческая раса можетъ устоять, по крайней мѣрѣ въ своемъ дѣтскомъ возрастѣ, противъ гибельнаго вліянія дурнообставленныхъ родовъ, отравленной пищи, отравленнаго воздуха и полнаго пренебреженія къ душѣ?“.

„Но устаиваетъ-ли на самомъ дѣлѣ раса противъ этихъ влія-

ній? отвѣчаетъ на это Сезерлэндъ. Не вѣрнѣе-ли сказать, что чрезмѣрная смертность, случающаяся тамъ, гдѣ всего меньше заботъ и ухода, черезъ пять или шесть поколѣній незамѣтно уноситъ изъ расы наименѣе желательные элементы?“ (Стр. 155.)

Такимъ образомъ авторъ вводитъ въ исторію, какъ важный и непрерывно дѣйствующій факторъ исторической эволюціи, процессъ естественнаго подбора.

Благодаря этому процессу, родительская симпатія непрерывно развивалась и еще развивается до сихъ поръ, такъ какъ, при равныхъ остальныхъ условіяхъ, она всегда является важнымъ элементомъ, обезпечивающимъ переживаніе поколѣній, наиболѣе обладающихъ ею. Всякое измѣненіе въ нервной организаціи, соотвѣтствующее приращенію и усовершенствованію этой способности, закрѣпляется естественнымъ подборомъ.

Важнымъ пособіемъ въ дѣлѣ ухода за потомствомъ служитъ супружеская симпатія. По мѣрѣ того, какъ періодически повторявшіеся, кратковременные взрывы половой страсти принимали форму все болѣе и болѣе продолжительнаго и прочнаго семейнаго союза, охраненіе потомства становилось на все болѣе и болѣе твердую почву. Это уже само по себѣ способствовало развитію тѣхъ свойствъ, которыми обусловливается супружеская симпатія, такъ какъ взаимная привязанность между отцомъ и матерью неизбѣжно отзывалась благопріятно на участи дѣтей и, при остальныхъ равныхъ условіяхъ, увеличивала ихъ шансы на успѣхъ въ жизненной борьбѣ, а слѣдовательно и на наслѣдственную передачу родительскихъ свойствъ.

Но развитіе супружеской симпатіи связано также и съ половымъ подборомъ. Даже среди дикихъ и варварскихъ народовъ, а тѣмъ болѣе среди цивилизованныхъ обществъ, всегда оказываютъ извѣстное вліяніе на распредѣленіе брачныхъ паръ женскія и мужскія привлекательныя свойства, а среди этихъ свойствъ, на извѣстномъ уровнѣ развитія, играютъ роль не одни внѣшніе признаки. Женщина съ добрымъ характеромъ всегда имѣла болѣе шансовъ вступить въ болѣе продолжительный брачный союзъ и быть купленной или избранной лучшими изъ жениховъ, а слѣдовательно и оставитъ большее потомство. Даже среди мужчинъ, хотя другія условія выдвигали на первый планъ выработку въ нихъ воинственныхъ свойствъ, тѣмъ не менѣе ихъ болѣе или менѣе симпатическія черты не могли не оказывать вліянія на прочность ихъ семейнаго союза, а слѣдовательно и на участь ихъ потомства.

Авторъ посвящаетъ нѣсколько чрезвычайно интересныхъ главъ своей книги вопросу о развитіи цѣломудрія и объ измѣненіи положенія женщины въ процессѣ исторіи. И то, и другое тѣсно связано съ прочностью семейнаго союза и съ развитіемъ родительскаго ухода. Само по себѣ непрерывное улучшеніе положе-

нія женщины служитъ яркой иллюстраціей того невидимаго, внутренняго процесса, который выясняется авторомъ, такъ какъ это улучшеніе происходило внѣ сферы политической или соціальной борьбы, исключительно въ области обычаевъ и нравовъ. Но для ознакомленія съ относящимися сюда фактами мы должны отослать читателя къ самой книгѣ, которая, какъ мы слышали, уже переведена и находится въ печати. Мы не можемъ также остановиться здѣсь на вліяніи, какое оказывала семейная жизнь на развитіе нравственнаго инстинкта въ періодъ господства родовыхъ союзовъ. Извѣстно, что въ этотъ періодъ понятіе о преступленіи не существовало въ примѣненіи къ междуродовымъ отношеніямъ и что, напримѣръ, пеня за убійство имѣла значеніе только вознагражденія за убытки, причиненные родственникамъ убитаго. Но внутри самого рода или разросшейся семьи, объединенной общими интересами, устанавливались и развивались нравственныя связи.

Съ расширеніемъ общественнаго союза расширялся и кругъ дѣйствія эмоцій, возникшихъ впервые на почвѣ родительскихъ отношеній. Этотъ эволюціонный процессъ всегда поддерживался условіями и потребностями общественной жизни. „Въ первобытномъ обществѣ, говоритъ авторъ, гдѣ насильственная смерть со всѣхъ сторонъ подстерегаетъ человѣка, не только душевное спокойствіе, но и сама жизнь обезпечивается имѣніемъ преданнаго и вѣрнаго друга. По свидѣтельству Ричарда Бертона, среди негритянскихъ племенъ съ еще мало развитою способностью поддерживать законъ и порядокъ, обнаруживается настоящая „страсть къ общительности“, заставляющая ихъ вступать въ братскіе союзы, закрѣпляемые клятвою (Lake Regions, I, 102)“. (Стр. 355). То же самое сообщается о туземцахъ Мадагаскара, объ арабахъ и малайскихъ племенахъ. Нечего говорить о томъ, какое важное значеніе имѣла, въ періодъ междуплеменной борьбы, сплоченность даннаго общества; а эта сплоченность всецѣло зависѣла отъ степени развитія соціальныхъ свойствъ. Какъ-бы ни были очевидны соображенія о выгодности союза, они не могутъ заставить готтентотовъ образовать федерацію даже въ 1000 человѣкъ. Авторъ обращаетъ вниманіе на двѣ различныя стадіи развитія соціальной симпатіи: на развитіе ея интенсивности и на ея распространеніе вширь. Прежде чѣмъ расшириться, общественная симпатія должна была развиваться въ тѣсномъ, замкнутомъ кругѣ, сопровождаясь культивированіемъ самыхъ враждебныхъ чувствъ ко всему стоявшему внѣ его. Затѣмъ, вмѣстѣ съ полнымъ измѣненіемъ условій общественной жизни, свирѣпыя и воинственныя чувства исчезали, благодаря непрерывно дѣйствующему процессу вымиранія элементовъ, наименѣе одаренныхъ родительскими, супружескими и соціальными симпатіями.

Повторяемъ, что мы не можемъ обставить здѣсь эти выводы

тою обширною аргументаціею, какою обставляетъ ихъ Сёзерлэндъ. Мы хотѣли только намѣтить основной характеръ этой аргументаціи, ея естественно-историческую, біологическую подкладку.

„Повсюду, — говоритъ авторъ, — общественная симпатія представляетъ собою нѣчто растущее, развивающееся, и люди инстинктивно пользуются ея выгодами во всѣхъ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ они обладаютъ ею. Если они медленно и молчаливо объединяются путемъ взаимнаго притяженія, они образуютъ прочную и сплоченную массу; но никакое внѣшнее принужденіе и никакія искусственныя комбинаціи не могутъ ускорить этотъ процессъ. Этотъ ростъ никогда не прерывается; но онъ незамѣтенъ; годъ и даже двадцать лѣтъ проходятъ, не производя никакой видимой перемѣны; но протекающія столѣтія отмѣчаютъ молчаливо совершающійся прогрессъ“. (Стр. 367.)

IV.

Не слѣдуетъ думать, чтобы мы ставили развитіе нравственнаго инстинкта во главу историческаго процесса, чтобы мы считали его независимымъ факторомъ исторіи. Намъ уже приходилось довольно подробно высказывать нашъ взглядъ на этотъ предметъ. Общественная эволюція проявляется одновременно въ формахъ общественной жизни и въ умственномъ и эмоціональномъ развитіи человѣка. Это по меньшей мѣрѣ двойственный и уже никакъ не единый процессъ, такъ какъ общество не организмъ, а индивидъ не клѣточка этого организма; они не слиты въ одно органическое цѣлое. Отождествлять общество съ организмомъ въ такой же мѣрѣ ненаучно, какъ, напримѣръ, назвать организмомъ земной шаръ, а всѣ растительныя и животныя формы его клѣтками. Въ обоихъ случаяхъ существуетъ одинаково-неразрывная связь между индивидуальною жизнью или жизнью каждаго вида и внѣшнею средою; тѣмъ не менѣе это не мѣшаетъ наукѣ говорить о происхожденіи видовъ, какъ объ обособленномъ процессѣ.

Философія XVIII вѣка игнорировала самостоятельное значеніе формъ общественной жизни, ихъ инертную силу и ихъ власть надъ людьми. Общественныя теоріи XIX вѣка, отождествляющія историческій процессъ съ развитіемъ политическихъ, экономическихъ или правовыхъ формъ, съ эволюціей внѣшней среды, въ такой же мѣрѣ односторонни. Онѣ игнорируютъ историческія силы, развивающіяся внутри индивида. Въ сущности онѣ всѣ построены на ложной теоріи общественнаго организма, такъ какъ въ основѣ ихъ лежитъ та посылка, что измѣненіями, происходящими въ общественныхъ формахъ (экономическихъ или другихъ), исчерпывается историческій процессъ, а эта посылка

равносильна утвержденію, что общественныя формы и люди слиты въ одно органическое цѣлое.

Мы обращаемъ вниманіе читателей на книгу Сёзерлэнда именно потому, что она выясняетъ одинъ изъ важныхъ процессовъ, происходящихъ въ самомъ человѣкѣ, независимо отъ формъ общественной жизни; независимо въ томъ смыслѣ, что въ основѣ его лежатъ условія, присущія всякому обществу, вплоть до настоящей стадіи его развитія. Въ силу огромной смертности и постоянныхъ войнъ, господствовавшихъ въ теченіе всей прошлой исторіи, происходилъ непрерывный естественный подборъ въ пользу индивидовъ, обладавшихъ эмоціональною воспріимчивостью къ выраженіямъ ощущеній своихъ близкихъ; эта воспріимчивость все болѣе и болѣе расширялась, вмѣстѣ съ увеличеніемъ размѣровъ самаго общества. Это—органическій процессъ, совершенно независящій отъ воли и личныхъ соображеній. Никто не можетъ видѣть спокойно умирающаго ребенка или слышать за перегородкой стоны посторонняго ему человѣка; въ то же время видъ голубого неба и гораздо болѣе сильный шумъ морского прибои доставляютъ намъ удовольствіе. Это—органическія свойства человѣка, приспособленіе его нервной системы къ потребностямъ его жизни. Еслибы стоны ребенка не вызывали въ немъ индуктивнаго страданія, а видъ и звуки постоянно окружающей его природы приводили его въ раздраженіе, то человѣческій родъ исчезъ-бы съ лица земли, говоритъ Сёзерлендъ.

Потребности общественной жизни вызывали естественный подборъ въ пользу свойствъ, способствовавшихъ солидарности семейной, родовой и болѣе обширной общественной группы; но всѣ эти свойства основаны на развитіи эмоціональной воспріимчивости. Кромѣ того, тѣ же настоятельнѣйшія потребности заставляли всякое общество одобрять и поощрять проявленія соціальныхъ симпатій и преслѣдовать противоположныя наклонности. Вся сила общественнаго мнѣнія порождала и поддерживала господство понятій и обычаевъ, способствовавшихъ сохраненію внутренняго мира; этотъ кодексъ средней общественной морали воспринимается съ дѣтства каждымъ поколѣніемъ и составляетъ вторую натуру людей.

Съ другой стороны безчисленныя войны способствовали постоянному самоистребленію наиболѣе кровожадныхъ и свирѣпыхъ элементовъ общества. Сёзерлэндъ особенно настаиваетъ на важномъ значеніи этого очистительнаго процесса, быстро измѣнившаго эмоціональный типъ средневѣковаго человѣка, и намъ уже пришлось, въ одной изъ статей, сдѣлать по этому поводу выписки изъ его книги.

Такимъ образомъ, на современной исторической сценѣ, мы уже имѣемъ дѣло съ людьми, вышедшими на нее съ извѣстнымъ

историческимъ наслѣдствомъ, съ большимъ запасомъ эмоціональныхъ способностей, всегда развивавшихся въ одномъ и томъ же направленіи. Къ этому эмоціональному наслѣдству — выражающемуся въ формѣ обширныхъ солнечныхъ, полу-лунныхъ и другихъ сплетеній симпатической нервной системы — необходимо, конечно, прибавить огромное интеллектуальное наслѣдство, не только въ формѣ техническихъ наукъ, но также и въ формѣ возросшей способности понимать окружающее; но въ этой статьѣ мы не касаемся этого вопроса.

Теперь спрашивается: играетъ-ли все это наслѣдство какую-нибудь роль въ историческомъ процессѣ? Мы уже видѣли, что теоріи общественной среды выкидываютъ его изъ счета. Онѣ признаютъ историческую роль только за тѣми типическими чертами индивида, которыя накладываются на него данной внѣшней средой, а въ частности—если имѣть въ виду экономическій матеріализмъ—условіями его экономической жизни. Эти типическія черты не связаны съ эволюціей человѣческаго организма; онѣ связаны съ эволюціей внѣшней среды, независящей отъ человѣка. Измѣнится внѣшняя среда, обратится натуральное хозяйство въ капиталистическое, и измѣнится самъ человѣкъ въ своихъ типическихъ чертахъ,—тѣхъ типическихъ чертахъ, которыя однѣ только, согласно этой теоріи, и играютъ историческую роль, какъ орудіе соотвѣтствующей перестройки общественныхъ формъ. Мы не говоримъ, конечно, чтобы эти теоріи прямо отрицали эволюцію умственныхъ и эмоціональныхъ свойствъ человѣка, но онѣ игнорируютъ ее, какъ историческій факторъ, причемъ, въ силу самого этого игнорированія, въ силу исключительной роли, предоставленной внѣшней средѣ, неизбѣжно получается представленіе о человѣкѣ, противорѣчащее признанію его умственной и эмоціональной эволюціи.

Работники-мужики, въ разсказѣ Глѣба Успенскаго, оторванные отъ земли и попавшіе въ городъ, не задумываясь грабятъ и убиваютъ, просто исполняя одну изъ функцій своей новой профессіи. Взятый отдѣльно, этотъ случай былъ-бы только однимъ изъ примѣровъ ненормальнаго уклоненія отъ средняго типа; но онъ связанъ съ теоріею власти земли; онъ является характерной иллюстраціей автоматическаго подчиненія внѣшней средѣ, отсутствія внутренняго психическаго содержанія.

Но какую-же роль играютъ въ исторіи основныя личныя и общественныя свойства человѣка?

Очевидно, что они составляютъ ту физіологическую и психологическую почву, на которую реагируетъ внѣшняя среда. Люди данной среды не совершенно пассивный матеріалъ, принимающій ту или другую общественную форму; эти формы всегда опираются на внутренніе устои, заложенные въ самомъ человѣкѣ. Но если эти устои измѣняются и эволюціонируютъ, съ большею

или меньшею скоростью, но всегда въ одномъ и томъ же направленіи, то очевидно, что результаты этого процесса должны со своей стороны отзываться на всякой общественной формѣ. Натуральное сельское хозяйство господствовало въ Россіи въ теченіе многихъ вѣковъ; допустимъ на минуту, что оно именно и выработало ту форму общественныхъ отношеній, въ которой оно существовало у насъ въ послѣднія два столѣтія своего господства. Но вотъ общественныя формы существенно видоизмѣняются; крѣпостной трудъ обращается въ вольнонаемный: подъ вліяніемъ какихъ-же причинъ? Эти причины достаточно изслѣдованы теперь и прекрасно резюмированы въ „Очеркахъ по исторіи русской культуры", автора которыхъ, конечно, нельзя заподозрить въ недостаточно внимательномъ отношеніи къ экономическому фактору. Извѣстно, что еще въ 1845 г. министръ Перовскій прямо заявлялъ, что вольнонаемный трудъ становится выгоднымъ для помѣщика. Это—одна изъ причинъ. „Затѣмъ, за ликвидацію крѣпостныхъ отношеній посредствомъ выкупа, читаемъ мы у г. Милюкова, говорила и настоятельная нужда многихъ помѣщиковъ расплатиться съ долгами кредитнымъ учрежденіямъ и частнымъ лицамъ". „Но, конечно, продолжаетъ г. Милюковъ, этого было слишкомъ недостаточно, чтобы побудить дворянство взять на себя иниціативу въ упраздненіи крѣпостного права. Извѣстно, до какой степени неподготовленной оказалась къ реформѣ масса рядового дворянства, и какія усилія дѣлалъ владѣльческій классъ, чтобы затормазить эмансипацію. Иниціативу взяло на себя правительство; и, конечно, оно руководилось при этомъ не измѣненіями въ экономическомъ строѣ помѣщичьяго хозяйства. Гораздо большее значеніе имѣла та мысль, что крѣпостное право вообще стоитъ на дорогѣ всему экономическому развитію цѣлой страны. Эта мысль, конечно, должна была утвердить въ обществѣ мнѣніе о необходимости реформы. Но едва-ли мы ошибемся, если скажемъ, что рѣшающую роль въ возбужденіи вопроса о реформѣ съиграли, съ одной стороны, чисто моральныя побужденія, съ другой—соображенія государственной безопасности. Если угодно, эти двѣ причины суть двѣ стороны одной и той-же причины. Одно и то же нравственное сознаніе невыносимости крѣпостной зависимости руководило общественнымъ мнѣніемъ въ его сознательныхъ стремленіяхъ къ реформѣ и самой народной массой въ ея стихійныхъ попыткахъ освободиться изъ-подъ помѣщичьяго гнета". (См. послѣднюю главу первой части „Очерковъ".)

Вотъ эта-то внутренняя, психологическая сторона общественныхъ отношеній и ускользаетъ отъ анализа теоретиковъ эволюціи внѣшней среды. Они слѣдятъ за измѣненіемъ въ условіяхъ производства. Оказывается, что съ возрастаніемъ производительности сельскаго труда и цѣнности земли, а также съ расшире-

ніемъ рынковъ для сельскихъ продуктовъ, система барщиннаго хозяйства сдѣлалось невыгодной. Съ другой стороны государство само нуждалась въ экономическомъ развитіи страны, чтобы противостоять военному могуществу болѣе развитыхъ въ промышленномъ отношеніи государствъ. Такимъ образомъ измѣнившіяся условія внутренней и внѣшней экономической жизни потребовали отмѣны крѣпостного права, во имя разумно-понятыхъ классовыхъ интересовъ. Этихъ интересовъ и было достаточно, согласно разсматриваемой теоріи, для осуществленія реформы.

Но мы видѣли изъ вышеприведенныхъ словъ г. Милюкова, до какой степени живая дѣйствительность опровергаетъ это чисто-схоластическое толкованіе историческаго процесса. Въ сущности, въ основѣ этой схоластики лежитъ реабилитація чистаго разума, историческаго значенія разумно-понятыхъ интересовъ. Ариѳметическій разсчетъ и фактически доказанная настоятельная потребность являются тогда единственными двигателями исторіи.

Мы старались обратить вниманіе, въ этой статьѣ, на эволюцію эмоціональной стороны человѣческой природы и на вытекающую отсюда перемѣну въ отношеніи людей къ тѣмъ-же самымъ условіямъ ихъ жизни, по истеченіи извѣстнаго промежутка времени. Вообще говоря, эти условія даже значительно улучшаются за всякій истекшій періодъ; несомнѣнно, напримѣръ, что условія крѣпостного права были мягче въ пятидесятыхъ годахъ XIX вѣка, чѣмъ въ пятидесятыхъ XVIII-го; но отношенія къ нему со стороны человѣка измѣнились въ сторону гораздо большей воспріимчивости къ его тяжелымъ сторонамъ. Даже среди населенія, эмоціональная жизнь котораго была наиболѣе подавлена внѣшними условіями, неизбѣжно, въ силу біологическихъ законовъ, развивалась любовь къ дѣтямъ, супружескія чувства и отзывчивость къ участи окружающихъ; вслѣдствіе этого оно становилось все болѣе и болѣе чувствительнымъ ко всему, что затрогивало въ немъ эти стороны и вызывало въ немъ соотвѣтствующія эмоціи; и оно выдвигало изъ своей среды все болѣе и болѣе людей съ особенно развитою способностью къ этимъ эмоціямъ.

Съ другой стороны, среди слоевъ населенія, менѣе подавленныхъ въ своей эмоціональной жизни, этотъ процессъ нервнаго развитія совершался еще быстрѣе. Параллельно съ умственнымъ движеніемъ, все болѣе и болѣе возросталъ контингентъ людей, душевное равновѣсіе которыхъ нарушалось не экономическими соображеніями и не перспективой промышленнаго прогресса, а участью окружающихъ, съ которыми ихъ органически связывала ихъ эмоціональная природа.

Не увлекаясь доктриной и оставаясь на научной почвѣ, совершенно невозможно игнорировать значеніе этой эмоціональной

стороны человѣка. Господствующіе экономическіе интересы представляютъ собою огромную стихійную силу; но на ряду съ нею и независимо отъ нея исторически развивается непрерывно возрастающая контролирующая сила общественныхъ эмоцій. Она также стихійно стремится привести въ соотвѣтствіе экономическія и другія формы общественной жизни съ требованіями эмоціональной человѣческой природы, вызывая ту именно великую борьбу за индивидуальность, т. е. борьбу за личность на ея данномъ уровнѣ эмоціональнаго развитія, о которой такъ много и такъ хорошо писалъ Н. К. Михайловскій.

Мы можемъ согласиться съ тѣмъ обобщеніемъ, что эта борьба всегда происходила и происходитъ на почвѣ классовыхъ интересовъ; но отсюда еще вовсе не слѣдуетъ, чтобы она вызывалась столкновеніемъ между различными способами производства. Формы производства, такъ-же какъ и политическія формы, могутъ измѣнять условія этой борьбы, ставить для нея тѣ или другія практическія задачи, но съ ними не связана ея движущая сила. Эта сила—въ нервномъ развитіи самого человѣка, въ его возрастающей способности реагировать на свою собственную обстановку и въ его возрастающей органической связи съ окружающими.

Теорія общественнаго организма имѣетъ свою научную сторону, но только не въ смыслѣ органической связи между индивидомъ и общественной средой. Она—строго научна въ смыслѣ непрерывно развивающейся эмоціональной связи между самими людьми. Когда человѣкъ теряетъ способность наслаждаться жизнью, только *читая* описаніе бѣдственнаго положенія людей, находящихся отъ него на тысячеверстномъ разстояніи, или когда онъ, во имя того-же бѣдственнаго положенія, отстраняетъ на задній планъ греческую эстетику со всѣми ея прелестями, то это—такая-же органическая связь, какъ и та, которая установлена въ немъ природой между пустымъ желудкомъ и ощущеніемъ голода; это органическая связь между нимъ и другими людьми.

Но эмоціональная способность, связывающая людей, не составляетъ одну и ту-же величину, одну и ту-же неизмѣнную психологическую надстройку надъ каждою вновь возникающею формою производства; она непрерывно развивается, растетъ, охватываетъ все большее число людей, становится все интенсивнѣе и придаетъ соотвѣтствующее направленіе общественной жизни.

П. Батинъ.

Великая истина.

(*Очеркъ*).

Тройка отощавшихъ, но все же сильныхъ лошадокъ едва-едва тащила мой тарантасъ по невылазной грязи, разведенной послѣдними дождями; дорога къ тому же поднималась въ довольно крутую гору, изъ-за которой виднѣлась вдали маленькая церковь и острый минаретъ мечети села Киги-Князево, заброшеннаго въ самую глушь Уфимской губерніи... Теперь погода разгулялась. Съ голубого неба блестѣло яркое солнышко; по необозримо зеленому морю хлѣба ходили волны отъ набѣгавшаго вѣтерка; дышалось такъ легко и привольно этимъ чистымъ воздухомъ, пріятно пахнувшимъ рожью, васильками, сырой землей и дегтемъ... На душу спустился тотъ особый покой, то отсутствіе желаній, которое бываетъ только послѣ сильныхъ потрясеній. И душа, и тѣло нуждались въ покоѣ и только въ покоѣ. Цѣлый мѣсяцъ, проведенный среди людского горя и нужды, слезъ и безконечной покорности, цѣлый мѣсяцъ жизни въ самыхъ невозможныхъ условіяхъ сдѣлалъ свое дѣло. Я усталъ, я не хотѣлъ ничего... только дышать да любоваться кроткимъ, бездоннымъ небомъ...

Поднявшись на гору, а затѣмъ вновь спустившись въ ложбину, по дну которой бѣжала мутная отъ дождей рѣчка, ямщикъ остановился.

— Попоить лошадокъ надо, — сказалъ онъ, неторопливо слѣзая съ облучка.

Затѣмъ, также не торопясь, старикъ сталъ отвязывать болтавшееся подъ плетенымъ кузовомъ ведерко, а я вылѣзъ изъ тарантаса и, перейдя лавами чрезъ рѣченку, началъ потихоньку подниматься на косогоръ, на которомъ пріютилось небольшое, простенькое сельское кладбище, обнесенное жидкимъ, мѣстами уже обвалившимся плетнемъ.

Я вошелъ туда... Изъ густого, буйнаго бурьяна съ любопытствомъ поднялась на меня тупая морда черной свиньи, вопросительно хрюкнула, а затѣмъ, видя, что ее не безпокоятъ, вновь принялась за взрыванье земли. Въ пышно-разросшейся

сирени и цвѣтущемъ шиповникѣ, усѣянномъ хорошенькими ароматными цвѣточками, оглушительно шумѣли ранніе выводки скворцовъ. По могиламъ росли цвѣты: желтенькіе, лиловатые, голубые, розовые,—цѣлая симфонія нѣжныхъ, неяркихъ красокъ, хорошо гармонировавшая съ простыми сѣрыми тонами убогихъ крестиковъ, стоявшихъ надъ зелеными холмиками... Покой и тишина кругомъ...

Я сѣлъ на повалившійся плетень и отдался тому настроенію, которое охватываетъ на деревенскихъ кладбищахъ. Въ душѣ моей проносились какія-то смутныя печали, какъ лѣтомъ, раннимъ утромъ, по поверхности дремлющаго озера проносятся легкія бѣлыя полосы нѣжнаго тумана...

Люблю я наши сельскія кладбища за ихъ простоту, въ которой такъ много смысла, за ихъ покой, въ которомъ такъ много чувства... Какъ хорошо, кажется, лежать вонъ подъ тѣмъ зеленымъ холмикомъ, отдыхая послѣ жизни! Кругомъ тебя лежатъ простые труженики, вся жизнь которыхъ была лишь однимъ сплошнымъ тяжелымъ трудомъ, жизнь, въ которой рѣдкія радости отравлялись гнетущей заботой о завтрашнемъ днѣ, въ которой трудовой потъ мѣшался часто со слезами отчаянія... Надъ тобой небо глубокое, чистое раскинулось съ хороводами звѣздъ, съ веселымъ солнцемъ за кудрявыми облаками... Лѣтомъ цвѣты зацвѣтутъ на могилѣ, загудятъ пчелы, осенью, когда въ прохладномъ, прозрачномъ воздухѣ протянутся нити блестящей паутины, журавли изъ глубины неба прокричатъ тебѣ свое грустное прости; зимой вьюга будетъ распѣвать свои дикія пѣсни, а потомъ опять весна, жизнь, веселье, опять рожь на родимой нивѣ зашумитъ надъ тобой, и засверкаютъ вдали зарницы, обѣщая хорошій урожай... Изрѣдка донесется до тебя грустное, тоскливое «Со святыми упокой», а иногда чистая слеза неподдѣльнаго горя, сверкая, какъ бриллiантъ, уйдетъ въ глубь сырой земли, прячась отъ нескромнаго людского взора. Нѣтъ тутъ великолѣпныхъ, тяжелыхъ памятниковъ, нѣтъ праздной толпы, нѣтъ надутыхъ и глупыхъ рѣчей; лишь порой принесутъ сюда новаго труженика, отбывшаго тяжелую повинность жизни, на вѣчный покой, или рыжій теленокъ, отбившись отъ стада, зайдетъ пощипать свѣжей травы на твоей могилѣ... Все тутъ и просто, и ясно, и грустно...

Мой старикъ что-то замѣшкался... Я подошелъ къ плетню и заглянулъ въ ложбину. Онъ съ очень недовольнымъ видомъ возился около заднихъ колесъ, прилаживая что-то. Временами онъ выпрямлялся и, качая головой, смотрѣлъ на колесо. Я уже хотѣлъ было спуститься опять къ нему, чтобы узнать, въ чемъ дѣло, какъ вдругъ до слуха долетѣло погребальное пѣніе. Я быстро обернулся назадъ и увидѣлъ процессію, направлявшуюся къ кладбищу. Тутъ только замѣтилъ я въ сторонѣ

свѣже-вырытую могилу, надъ которой молодая березка лепетала что-то веселое, и отцвѣтающій шиповникъ осыпалъ своими нѣжными лепесточками ея песчаное дно...

Процессія приближалась... Впереди мальчикъ съ золотистой головкой, быстро сѣменя ножонками по грязной дорогѣ, несъ икону на полотенцѣ. За нимъ четыре рослыхъ крестьянина несли, мѣрно покачивая, простой досчаный гробъ, покрытый жалкимъ вылинявшимъ покровомъ. Сзади виднѣлось духовенство, сестра милосердія въ бѣломъ и пестрая толпа крестьянъ, среди которыхъ было много татаръ, — село было полубашкирское, полурусское. Все ближе и ближе подвигалось ко мнѣ печальное шествіе. Я уже различалъ дряхлаго батюшку, заплаканное миловидное лицо очень молоденькой сестры и эти ужасныя, желтыя, исхудалыя лица, которыя я встрѣчалъ тысячами на моемъ пути, лица цынготныхъ... Вотъ уже мальчикъ съ иконой подошелъ къ могилѣ и, не зная, что дѣлать, остановился въ нерѣшительности, въ то время, какъ процессія замѣшкалась у покосившихся воротъ съ полинявшимъ мѣднымъ крестикомъ наверху.

— Кого это хоронятъ?—спросилъ я мальчика, съ любопытствомъ уставившагося на меня своими голубыми глазенками.

— Дохтура...—застѣнчиво отвѣчалъ онъ.

Больше я не успѣлъ разспросить его, такъ какъ гробъ поднесли уже къ могилѣ и опустили на желтый песокъ, на краю. Я поклонился сестрѣ и батюшкѣ. Они грустно и молча отвѣтили на мой поклонъ.

Началась панихида... Дребезжащій, разбитый голосъ батюшки былъ едва слышенъ среди гомона молодыхъ скворцовъ и веселаго лепета деревьевъ; дьячокъ вторилъ ему звонкимъ, высокимъ, слегка вибрирующимъ теноромъ. Въ толпѣ слышались вздохи и шопотъ молитвы; крестьяне молились съ большимъ усердіемъ; башкиры стояли, сосредоточенные и серьезные.

«Со святыми упокой...»—раздалось скорбное пѣніе среди шума ликующей природы, и вдругъ мы всѣ вздрогнули: сестра судорожнымъ движеніемъ закинула назадъ голову, прижавъ платокъ къ глазамъ, и изъ груди ея вырвались потрясающія, отчаянныя рыданья... Какая-то старуха подбѣжала къ ней и, поддерживая ее за талію, начала тихонько утѣшать, забывая утирать слезы, которыя катились но ея морщинистому, изможденному лицу и падали на бѣлый передникъ сестры...

Послѣдніе звуки замерли въ воздухѣ... Крестьяне, быстро переговариваясь низкими голосами, стали спускать гробъ въ могилу. Вотъ онъ тихо коснулся земли... Батюшка, прерываемый затихающими рыданьями сестры, произносилъ послѣднія слова и, взявъ лопату, бросилъ въ могилу немного земли.

Глухо стукнула она по крышкѣ гроба и—съ удвоенной силой вырвались рыданья изъ груди дѣвушки, точно эта земля ударила не по гробу, а по ея сердцу... Сдерживаемая двумя плачущими женщинами, она все порывалась впередъ къ могилѣ, чтобы взглянуть послѣднiй разъ на гробъ... Всѣ бабы плакали; мужики старались смотрѣть въ сторону и печально покачивали головами... Батюшка, привыкшiй къ людскому горю, тоже прослезился и вытеръ глаза краснымъ поношеннымъ платкомъ.

Земля съ глухимъ непрерывнымъ шумомъ падала на крышку гроба, сыплясь изъ-подъ ногъ подступившихъ ближе крестьянъ, желавшихъ тоже, по обычаю, бросить въ могилу горсть земли. Кто-то подалъ на лопаткѣ земли и сестрѣ, приглашая ее выполнить грустный обычай... Она съ ужасомъ взглянула на эту землю и какъ-то вся подалась назадъ... Тихiй, сдавленный стонъ вылетѣлъ вдругъ изъ-подъ платка, которымъ она закрыла лицо, рука ея безсильно опустилась, уронивъ платокъ, и сама она, съ мертвенно-блѣднымъ, скорбнымъ лицомъ, безжизненная, опустилась на землю... Всѣ бросились къ ней... Я тоже поспѣшилъ было на помощь, но въ это время въ глаза мнѣ бросилось другое страдальческое лицо... Недалеко отъ могилы стояла молоденькая татарочка лѣтъ восемнадцати на видъ и, кусая конецъ краснаго платка, покрывавшаго ея голову, неподвижно уставилась въ глубину могилы, какъ бы не понимая, что это происходитъ... Вдругъ концы губъ ея задрожали все чаще и чаще, грудь поднялась, точно волной, и изъ глазъ брызнули слезы... Чрезъ минуту она съ быстротой дикой козы перепрыгнула черезъ двѣ, три могилы и скрылась въ морѣ ржи... Въ суматохѣ никто не замѣтилъ ея бѣгства...

Чрезъ нѣкоторое время сестра пришла въ себя. Поглядѣвъ вокругъ усталымъ, равнодушнымъ взглядомъ, она опять закрыла глаза. Крестьяне собирались послать за лошадьми, чтобы отвезти ее въ деревню, но я вспомнилъ о своемъ тарантасѣ и предложилъ довести сестру до дому... Какой-то шустрый мальчуганъ подбѣжалъ къ краю ложбины и звонкимъ голосомъ закричалъ ямщику:

— Эй, дяденька, давай лошадей-то... Сюды, сюды!..

Батюшка, между тѣмъ, представился мнѣ и спросилъ, не отъ земства ли я. Я отвѣчалъ отрицательно.

— Ахъ, извините, извините въ такомъ случаѣ...—заговорилъ онъ, улыбаясь и кланяясь.—А я такъ и думалъ, что отъ земства, потому что обѣщались оттуда быть непремѣнно на похоронахъ... Да, должно быть, въ дорогѣ задержались гдѣ нибудь,—вѣдь, грязь-то по ступицу, не проѣдешь...

Я спросилъ о покойникѣ. Батюшка сообщилъ мнѣ, что умершiй былъ студентъ, прiѣхавшiй на голодовку еще съ осени:..

Всю зиму работалъ онъ, рукъ не покладая, и кормилъ, и поилъ, и одѣвалъ, и лѣчилъ; оставалось всего двѣ недѣльки какихъ нибудь, вдругъ опять тифъ вспыхнулъ на селѣ и унесъ его...

— А что за человѣкъ былъ-съ!—заключилъ батюшка...

— Бульна карошъ былъ, бульна карошъ... Спасиба... Рахметъ...—живо, съ одушевленіемъ забормотали столпившіеся вокругъ башкиры.—Бульна карошъ... Меня лѣчилъ, дочку тащилъ, дочку лѣчилъ... Всѣхъ лѣчилъ... Себя не жалѣлъ... Спасиба...

Тихо позвякивая колокольчикомъ, тройка подъѣхала и остановилась у воротъ. Я подошелъ къ сестрѣ и спросилъ ее: можетъ ли она дойти съ моей помощью до тарантаса; тогда я отвезъ бы ее домой, гдѣ ей было бы лучше... Она открыла глаза, внимательно вглядѣлась въ незнакомое ей лицо и проговорила тихо:

— Хорошо...

Я помогъ ей подняться и тихонько повелъ къ тарантасу... Вдругъ взглядъ ея упалъ на свѣжій, еще неправильной формы, холмикъ и я услыхалъ подавленный стонъ... Слезы вновь затуманили ея глаза и покатились по блѣднымъ щекамъ, падая на красный крестъ, нашитый на груди...

Посадивъ ее въ тарантасъ, я поспѣшилъ откланяться батюшкѣ который пригласилъ меня потомъ «откушать чайку». Я поблагодарилъ и сѣлъ въ тарантасъ, рядомъ съ горько плакавшей дѣвушкой. На козлы вспрыгнулъ бойкій мальчуганъ,—онъ хотѣлъ «показывать дорогу».

Мы поѣхали шагомъ среди двухъ стѣнъ высокой ржи, откуда, изъ прохлады колосьевъ, смотрѣли на насъ голубые васильки... Жаворонки такъ и заливались въ ослѣпительномъ блескѣ лѣтняго утра.

Минутъ чрезъ десять мы въѣхали въ село. Раскрытыя крыши, избы-землянки безъ воздуха и свѣта, могильная тишина,—все говорило о тяжелой бѣдѣ. Скоро мы остановились у небольшого домика, надъ которымъ трепеталъ бѣлый флагъ съ краснымъ крестомъ, и вошли въ раскрытый, пустой дворъ, производившій грустное впечатлѣніе раззореннаго гнѣзда. Ни звука—очевидно, хозяинъ «все кончалъ», какъ говорятъ башкиры; даже куръ и тѣхъ не было... У крыльца стояла толпа человѣкъ въ двадцать, съ разными баночками, бутылочками, узелками. Нѣсколько рукъ протянулись къ сестрѣ съ требованіями лѣкарства, лимоновъ; нѣсколько голосовъ заговорили сразу, жалуясь на свои болѣзни.

— Подождите, подождите немного,—слабо говорила дѣвушка.—Дайте вздохнуть минутку... Сейчасъ...

Мы вошли въ маленькую, чистенькую комнатку; по ея уют-

ности сразу было видно, что здѣсь живетъ женщина, хотя теперь замѣтенъ былъ нѣкоторый безпорядокъ...

— Садитесь, пожалуйста,—сказала сестра.—Я сейчасъ велю поставить самоваръ, а сама займусь съ больными.

— Послушайте,—воскликнулъ я невольно.—Отдохните хоть немного...

— Нельзя!—слабо улыбнулась она.—Можетъ быть, имъ еще хуже, чѣмъ мнѣ...

— Ну, позвольте, я хоть помогу вамъ,—сказалъ я.—Я бывалъ на амбулаторныхъ пріемахъ.

— Нѣтъ, не безпокойтесь, право; эта слабость пройдетъ скоро... Если вы хотите сдѣлать мнѣ удовольствіе,—прибавила она, взглянувъ на меня съ выраженіемъ робкой просьбы,—такъ останьтесь до вечера у меня... Можно?.. Я... боюсь теперь одиночества...

— Конечно... Съ величайшимъ удовольствіемъ...

— Спасибо вамъ... А теперь вотъ почитайте хоть газеты, а тамъ и чаю вамъ приготовятъ.

Она подала мнѣ пачку, хотя старыхъ, но еще не распечатанныхъ газетъ, потомъ подошла къ столу, и взяла стоявшій на немъ портретъ.

— Это онъ,—прошептала она, подавая мнѣ портретъ.

Я понялъ, что это былъ портретъ умершаго студента... Съ темнаго фона фотографіи на меня смотрѣло умное лицо съ высокимъ лбомъ, вокругъ котораго вились черные волосы. Большіе глаза смотрѣли энергично, и мнѣ казалось, что я подмѣчаю въ нихъ и въ складкѣ добраго рта какую-то затаенную, просящуюся наружу улыбку. Все лицо было красиво и полно жизни...

Сестра вытерла глаза и неровной походкой направилась къ двери... Мнѣ стало страшно жаль эту слабую страдающую дѣвушку. Я невольно всталъ и вышелъ вслѣдъ за ней на другую половину избы, гдѣ производился амбулаторный пріемъ.

Блѣдная улыбка показалась на лицѣ дѣвушки, когда она увидала меня. Я присѣлъ на стулъ въ уголкѣ и сталъ слѣдить за пріемомъ.

Тѣ, кто побывалъ на голодовкѣ, никогда не забудутъ, вѣроятно, тяжелой картины, которую представляетъ изъ себя амбулаторный пріемъ. Десятки больныхъ проходятъ одинъ за другимъ, разсказывая о своихъ страданіяхъ, показывая свои раны и язвы, произведенныя цынгой. Никогда не забудешь этого поражающаго разнообразія болѣзней, которыя гложутъ истомившееся въ непосильной борьбѣ крестьянство; не забудешь и эти изможденныя лица, эти лихорадочные глаза, съ жадной надеждой смотрящіе на какой нибудь пузырекъ, который долженъ избавить отъ страданій.

Двое десятскихъ съ мѣдными бляхами впускали больныхъ по очереди въ душную, не смотря на открытыя окна, маленькую комнатку, воздухъ которой, казалось, былъ пропитанъ всевозможными лѣкарствами. Эти же десятники служили и переводчиками. Какая нибудь башкирка, закрывая лицо и отворачиваясь въ сторону, шопотомъ,—какъ этого требуетъ законъ пророка въ разговорѣ съ пожилымъ мужчиной,—разсказываетъ десятскому о своей болѣзни.

— Животъ, баетъ, болитъ...—переводитъ тотъ.—Бульно, баетъ, болитъ... Совсѣмъ даже силъ нѣту, баетъ...

— Спроси, что же она—приняла лѣкарство, что я ей дала?—говоритъ сестра.

Башкирка шепчетъ что-то.

— Нѣтъ, баетъ... Потерялъ, баетъ...

— Опять потеряла? Скажи ей, что сладкаго лѣкарства у меня нѣтъ; пусть пьетъ горькое... Тогда легче будетъ... Вы знаете, что они нарочно бросаютъ лѣкарство, если оно имъ не нравится,—обратилась ко мнѣ сестра,—а потомъ говорятъ «потерялъ», въ надеждѣ, что имъ дадутъ сладкаго. Совсѣмъ, какъ дѣти...

Башкирка опять шепчетъ что-то...

— Лимонъ, баетъ, дай...—переводитъ десятникъ.—Бульно помогалъ, баетъ...

Сестра надѣляетъ башкирку лимономъ и какимъ-то пузырькомъ съ цвѣтной жидкостью, и та уходитъ, кланяясь и шепча: «рахметъ, спасиба».

Ее смѣняетъ другая. Это дѣвушка, лѣтъ двадцати; на лицѣ ея играетъ яркій румянецъ, глаза неестественно блестятъ. Едва она вошла, какъ сразу, безсильная, опустилась на стулъ. Ее бьетъ ужасная лихорадка; она едва можетъ вымолвить слово и даже лицо не закрываетъ предъ мужчинами.

Сестра тревожно смотритъ на нее, быстро разстегиваетъ ей платье и, замѣтивъ на груди нѣсколько красноватыхъ пятнышекъ, говоритъ взволнованно:

— Въ больничку... Тифъ...

Потомъ идетъ какая-то русская крестьянка съ двумя ребятами, сплошь покрытыми язвами чесотки; затѣмъ двое выздоравливающихъ цынготныхъ за лимономъ; ихъ смѣняетъ опять баба съ ребенкомъ, безпокойно мечущимся у нея на рукахъ въ страшномъ жару...

Сестра вдругъ пошатнулась и, вся блѣдная, схватилась за печку, чтобы не упасть... Я быстро подхватилъ ее...

— Не могу больше... Силъ нѣтъ...—прошептала она.

Я далъ ей воды и увелъ въ комнату, сказавъ десятскимъ, чтобы объявили больнымъ, что сестра сама нездорова и пріема сегодня не будетъ...

— А-а, бѣдный, бѣдный!..—забормотали башкиры, жалостливо покачивая головами.—Ну, ничего, ничего... Мы завтра придемъ...

И толпа, выросшая уже до полсотни, потихоньку разбрелась, не жалуясь, что ея болѣзни оставлены безъ помощи, не протестуя; многимъ пришлось возвращаться домой за нѣсколько верстъ, въ сосѣднія деревни, откуда они едва-едва притащились, обезсиленные болѣзнью...

Я уложилъ сестру на широкія татарскія нары, покрытыя бѣлой кошмой, и одѣлъ теплымъ плэдомъ. Чрезъ минуту, какъ-то прерывисто вздохнувъ, она погрузилась въ глубокій сонъ.

— Больше недѣли подрядъ почитай не спала, бѣдняжка,—прошептала хозяйка, принеся мнѣ чай.—Все за дохтуромъ-то ухаживала, ужъ больно она его жалѣла. А потомъ больничка вся на ея рукахъ осталасѣ, а въ ней одиннадцать человѣкъ въ тифу лежитъ... А ужъ какъ убивалась-то она, сердешная, какъ онъ померъ-то!.. Извѣстно, дѣло молодое; восемь мѣсяцевъ вмѣстѣ маялись они тутъ съ нами, оба молодые да хорошіе, ну, и слюбились... А теперь вонъ конецъ какой...

Старуха сокрушенно вздохнула и покачала головой,

— Ужъ больно хорошъ человѣкъ-атъ былъ,—продолжала она тихимъ шопотомъ.—И любили же его всѣ, царство ему небесное...

Сестра чуть пошевелилась во снѣ... Я сдѣлалъ знакъ хозяйкѣ, и она на цыпочкахъ вышла. Я потихоньку принялся за чай, просматривая газеты, которыхъ давно уже не видалъ. Онѣ были полны извѣстіями изъ голодныхъ мѣстъ, со страницъ ихъ я слышалъ отчаянный крикъ «помогите» и временами легкій, осторожный укоръ равнодушію общества. Тутъ же были извѣстія о какомъ-то «гвоздѣ» Парижской выставки, о какомъ-то конгрессѣ, объ австрійскихъ неурядицахъ, о новой экспедиціи къ полюсу... Какими-то непонятными, странными, ненужными являлись здѣсь всѣ эти новости, такъ волнующія, такъ интересующія другой міръ, тамъ гдѣ-то далеко, далеко, гдѣ не знаютъ, что такое повальный тифъ, цынга, голодовка...

Минута улетала за минутой, а въ моей головѣ одна за другой тянулись печальныя мысли о томъ, что мнѣ пришлось видѣть и слышать за послѣднее время... Старуха хозяйка вошла опять съ подогрѣтымъ самоваромъ и остановилась предъ тревожно спавшею дѣвушкой, съ состраданіемъ глядя на нее.

— Ахъ ты, болѣзная моя... — прошептала она. — И сама мучается, и тамъ вонъ безъ нея народъ мучается.

И она указала на домикъ съ зловѣщимъ краснымъ флакомъ, напротивъ,—тифозная больничка.

— Кромѣ Хадыи, тамъ нѣтъ никого, а что она безъ сестрички да безъ дохтура-то смыслитъ?..

— Какой Хадыи?—спросилъ я.

— А дѣвушка тутъ одна, татарка, сидѣлкой нанялась... за два рубля въ мѣсяцъ.

Мнѣ почему-то вспомнилась плакавшая на похоронахъ татарочка и, описавъ ея примѣты, я спросилъ, не она ли...

— Вотъ, вотъ, она самая...—отвѣчала старуха.—Чудная какая-то она... Была она, вишь ты, больна тифомъ этимъ самымъ, ну, и положилъ ее дохтуръ въ больничку; два мѣсяца за ней ухаживалъ и отходилъ. Ну, а она потомъ въ сидѣлки попросилась, дохтуръ и взялъ ее. Свои-то было не хотѣли, а она и ухомъ не ведетъ... Потому, вѣдь, это противъ ихъ закона, чтобы дѣвушка за чужими мужчинами ухаживала или тамъ съ непокрытымъ лицомъ ходила,—а въ больничкѣ какое ужъ тутъ покрыванье?. И Господь ее знаетъ... полюбился ей баринъ, что-ли: какъ собачка, бывало, ходитъ за нимъ да въ глаза смотритъ, какъ околдованная... А теперь вонъ, что потерянная, изъ угла въ уголъ ходитъ, мѣста себѣ не найдетъ... Э-эхъ, дѣла, дѣла!—вздохнула старуха и, поглядѣвъ опять на сестру, потихоньку вышла.

Понемногу и этотъ самоваръ потухъ, и въ начинающихся сумеркахъ я слушалъ его унылую пѣсенку, которая такъ шла и къ притихшей подъ бѣдой деревнѣ, и къ моимъ грустнымъ думамъ...

Между тѣмъ сонъ сестры становился все тревожнѣе и тревожнѣе... Она временами говорила что-то неясное, тихо стонала и безпокойно металась головой по подушкѣ; очевидно, ее мучилъ кошмаръ. Я уже подумывалъ было разбудить ее, чтобы прервать ея тяжелыя сновидѣнья, но вотъ она громко вскрикнула и заплакала. Блѣдное миловидное личико выражало безконечное страданіе...

Я подошелъ и потихоньку назвалъ ее по имени... Она сразу раскрыла глаза, сначала не узнала было меня, но потомъ вспомнила и сказала тихо:

— Вы здѣсь?.. Спасибо вамъ... Я такъ страдаю... Мнѣ такъ страшно, такъ больно... О, хоть бы умереть!..

Она заплакала.

Я старался утѣшить ее, но — что могъ я сказать ей?... утѣшить можно ребенка, ушибившаго себѣ руку, а человѣка, у котораго душа истекаетъ кровью, разбитая жизнью,—какъ? Я только взялъ ея руку и тихонько сталъ гладить ее... Дѣвушка нѣсколько успокоилась и лежала неподвижно съ закрытыми глазами. Я предложилъ ей чаю; она попыталась приподняться, когда я принесъ стаканъ, но сейчасъ же голова ея упала опять на подушку...

— Не могу... Голова кружится...

Я далъ ей выпить нѣсколько ложечекъ...

— Нѣтъ, спасибо... Не могу больше...

Сумерки все болѣе и болѣе окутывали тихую деревеньку и нашу комнатку; очертанія предметовъ пропадали понемногу, сливаясь съ темнотою. Этотъ сѣрый свѣтъ вечера, этотъ печальный крикъ муллы и унылое завываніе поднявшагося вѣтра въ трубѣ холодили какъ-то душу; въ нихъ было что-то мистическое, страшное, точно грядущая тьма несла съ собой новыя, еще неизвѣданныя бѣды... И дѣвушка почувствовала это... Она вздрогнула, какъ-то вся съежилась и затѣмъ, взявъ мою руку, проговорила съ какою-то дѣтской довѣрчивостью и страданіемъ, глядя мнѣ въ глаза:

— Скажите, зачѣмъ все это такъ жестоко? Онъ страдалъ, страдали всѣ вокругъ насъ, теперь страдаетъ его мать, сестра, я... Куда ни посмотри, все страданія и страданія... Зачѣмъ онъ, такой добрый, молодой, сильный, ушелъ такъ рано? А я такъ его любила, такъ безгранично любила... И люблю!—воскликнула она со слезами.—И буду всегда любить...

Я подумалъ, что ей станетъ легче, если она выскажется, и спросилъ:

— Вы съ нимъ только здѣсь встрѣтились?

— Да, еще осенью... Восемь мѣсяцевъ тому назадъ... Онъ поступилъ въ земство, чтобы бороться здѣсь съ тифомъ, а меня Красный Крестъ прикомандировалъ ему въ помощницы... Очень ужъ много дѣла было тогда...

Она говорила съ большимъ трудомъ, совсѣмъ ослабѣвъ, и я уже раскаявался, что началъ разговоръ.

— Знаете что?—сказалъ я.—Отдохните-ка лучше, а завтра разскажете все...

— Ахъ, нѣтъ... Сейчасъ лучше, вотъ такъ, въ темнотѣ... Мнѣ легче будетъ, когда я вамъ все разскажу... Дайте мнѣ, пожалуйста, глотокъ чаю...

Я пошелъ налить чаю и вдругъ услышалъ изъ темноты ея слабый голосъ:

— Боже, а что теперь въ больничкѣ-то безъ меня дѣлается! И посмотрѣть некому...

Я поспѣшилъ успокоить ее, солгавъ, что тамъ идетъ все хорошо, что я справлялся...

Она вздохнула и, выпивъ чай, опять какимъ-то дѣтскимъ, необыкновенно трогательнымъ жестомъ взяла меня за руку... Руки ея были горячи; глаза, замѣтилъ я даже въ темнотѣ, неестественно блестѣли... Мнѣ показалось, что у нея начинается лихорадка...

— Начали мы вмѣстѣ работать,—опять тихо заговорила она.—Голодъ, болѣзни, холодъ... средствъ нѣтъ, рукъ нѣтъ... Съ

первыхъ же шаговъ у меня пропала вся энергія; я поняла все наше безсиліе въ борьбѣ съ этимъ необъятнымъ моремъ, поняла всю игрушечность нашихъ средствъ... Сомнѣнія задавили меня: ну, что толку, думала я, что я накормлю и вылѣчу ихъ сегодня... вѣдь, завтра они опять и голодны, и холодны, и умирать безъ призора будутъ... Тутъ-то и спасъ меня... Николай,—едва выговорила она дрогнувшимъ голосомъ.—Спасъ своимъ примѣромъ... Я не знаю, когда онъ ѣлъ, когда спалъ, я помню его всегда за работой, въ столовой, въ амбулаторной, въ тифозной... Такой энергіи, такой полноты жизни, такого умѣнія поднять духъ ослабѣвшихъ въ тяжелой борьбѣ я еще не видывала. И все это съ доброй улыбкой, иногда съ шуточкой, чтобы хоть немного развеселить бѣдняковъ... Онъ скоро замѣтилъ, что моя работа идетъ плохо, что мнѣ не по себѣ; спросилъ меня, я ему все сказала... Ахъ, какъ помню я эту ночь въ больничкѣ, когда онъ горячимъ шопотомъ, чтобы не безпокоить больныхъ, разбивалъ мои сомнѣнія!.. Онъ говорилъ, что было бы хорошо, если бы всего этого не было, что этого надо желать всей душой, стремиться къ этому всѣми силами, но что пока надо дѣлать, что можно, и не опускать рукъ въ ожиданіи лучшаго будущаго, что само оно не придетъ, его надо заставить придти, что малодушествовать стыдно... Накормить голоднаго, одѣть холоднаго, утѣшить страдающаго надо сегодня, теперь же, не спрашивая себя—на долго ли ему послужитъ твоя помощь... Одной слезой меньше, и то хорошо... Я не могу теперь вспомнить все, что еще онъ говорилъ мнѣ тогда, но я скоро почувствовала себя бодрѣе, сильнѣе и страстно принялась за дѣло. Да, одной слезой меньше—это уже много, очень много. Помню, разъ мнѣ удалось отходить одну женщину, заболѣвшую тифомъ, у которой было пять человѣкъ дѣтишекъ, одинъ другого меньше. Какъ она плакала!.. Плакала и я, когда послѣ болѣзни привела ее въ избу, и ребята облѣпили ее со всѣхъ сторонъ... Или же сотни голодныхъ людей, а особенно дѣтишекъ, маленькихъ, невинныхъ, но уже страдающихъ... Мои сомнѣнія умерли, я видѣла пользу своей работы и дѣлала все, что могла... Съ этого времени, съ той ночи, — я привязалась къ Николаю; это чувство все росло, росло и скоро охватило меня... совсѣмъ... всю... онъ тоже сталъ относиться ко мнѣ теплѣе, внимательнѣе. Въ горячкѣ нашей работы, весной, намъ некогда было обращать вниманіе на наше чувство, нужно было работать, работать... И онъ работалъ. Въ распутицу, бывало, когда на лошадяхъ проѣхать по нашимъ дорогамъ было нельзя, а въ сосѣднихъ деревняхъ были больные, онъ отправлялся туда пѣшкомъ, за нѣсколько верстъ, возвращался полумертвый отъ усталости, весь мокрый... Какъ вынесъ онъ тогда эту пытку, я не

знаю... Разъ его схватила лихорадка, и онъ, едва держась на ногахъ, при температурѣ почти въ сорокъ градусовъ, какъ безумный, продолжалъ работать въ больничкѣ и въ амбулаторіи; потомъ свалился, пролежалъ четыре дня и опять за дѣло... Въ это время... мы и узнали, что... мы любимъ другъ друга...

Въ голосѣ ея задрожали слезы, но она справилась съ собой и продолжала тихо:

— Я не могу не разсказать вамъ этого утра... Это было такъ хорошо, такъ безконечно хорошо... Онъ лежалъ больной у себя... Я пришла навѣстить его и дать лѣкарство... Утро было яркое, яркое, радостное какое-то, и мнѣ было тоже какъ-то особенно хорошо... Ну, увидалъ онъ меня, улыбнулся, и я замѣтила у него въ глазахъ что-то особенное, точно радость какую-то, и, сама не знаю почему, покраснѣла .. Подаю ему лѣкарство. Вдругъ... онъ взялъ мою руку, не пускаетъ... и молчитъ... Чувствую я, что онъ на меня смотритъ, а сама на него взглянуть боюсь... И вдругъ... онъ поцѣловалъ мою руку и... слышу я... онъ шепчетъ... нѣжно, нѣжно... Маликъ... Такъ меня мама всегда звала... Я взглянула на него и меня охватило что-то... Я сразу поняла, что этотъ человѣкъ мой богъ, моя жизнь, и... я... я...

Ея голосъ сразу осѣкся, зазвенѣвъ, какъ оборванная струна.

— И его нѣтъ ужъ больше!.. Навсегда!..

Я почувствовалъ, что слезы душатъ и меня, при видѣ этого бьющагося предо мной въ душевной агоніи ребенка... Въ комнатѣ было уже совсѣмъ темно; только временами все вздрагивало: то сверкали безмолвныя зарницы...

Дѣвушка скоро успокоилась... Выпивъ глотокъ чаю, она опять начала горячимъ голосомъ, въ которомъ, какъ отдаленная гроза, еще слышалась пронесшаяся буря отчаянія:

— Все перенесли мы, и голодъ, и болѣзни... И какъ легка казалась намъ наша работа — мы были вмѣстѣ!.. Край началъ приходить въ себя понемногу послѣ погрома, люди вздохнули въ теплѣ посвободнѣе; урожай хорошій Богъ посылалъ... Мы уже мечтали и о возвращеніи домой, гдѣ его ждала старушка мать и сестра, которыхъ онъ поддерживалъ своимъ трудомъ... мечтали о нашей свадьбѣ... Вѣдь, онъ уже кончалъ университетъ... Вдругъ опять тифъ разразился у насъ и... унесъ его... въ три дня... Ахъ, какъ не хотѣлъ онъ умирать, какъ не вѣрилъ онъ, что умретъ... Очнется, бывало, отъ жара, улыбнется мнѣ и скажетъ:

— Не унывай, Маликъ... Помни тургеневскаго воробья: мы еще повоюемъ!.. Но бѣдный мой, родной, не пришлось!..

Сухія рыданья опять потрясли ее; слезъ уже не было больше... Лицо ея разгорѣлось, пульсъ лихорадочно бился; она, какъ въ забытьи, все повторяла имя дорогого человѣка,

жаловалась, зачѣмъ онъ оставилъ ее одну, говорила, что она не хочетъ этого, что она тоже пойдетъ за нимъ...

У нея начался бредъ... Я совсѣмъ растерялся, не зная, какъ помочь ей... До ближайшаго доктора, который жилъ въ уѣздномъ городкѣ, было сорокъ верстъ. Я написалъ ему нѣсколько строкъ о состояніи дѣвушки и о томъ, что осталось нѣсколько тифозныхъ безъ призора, и немедленно послалъ туда верхового...

Всю ночь провелъ я у постели бѣдной дѣвушки, метавшейся въ жестокомъ жару и безпрерывно бредившей о своемъ разбитомъ счастьѣ... Разъ только посѣтила ее какая-то чудная греза... Она нѣжно смѣялась и все повторяла: «ахъ, какъ я счастлива, какъ рада!.. Коля, милый, еще полмѣсяца... Ты будешь мой, мой, мой...»

Потомъ опять начались слезы; она умоляла кого-то не брать Колю, потому что безъ него она жить не можетъ... Развѣ она сдѣлала кому нибудь зло, что ей дѣлаютъ больно?.. Напротивъ, она дѣлала все, что могла... «Одной слезой меньше, и то хорошо»...

И она начинала рыдать...

Временами она затихала... Тогда усталость и перенесенныя за день волненія брали свое, и я забывался, впадая въ какое-то тяжелое состояніе. Чрезъ минуту я какъ-то непріятно вздрагивалъ и приходилъ въ себя.

Эта тишина, эта темнота, эти слабые стоны сестры нагоняли страшную тоску, а тутъ еще вѣтеръ вылъ заунывно въ трубѣ, точно хоронилъ кого-то... Очень хотѣлось плакать почему-то, иногда хотѣлось крикнуть громко, во всю мочь, застучать,—только бы не было этой мучительной, давящей тишины...

Я былъ радъ, когда на другой половинѣ заплакалъ ребенокъ. Но онъ скоро замолчалъ, и опять потянулись съ убійственной медленностью мучительные часы, опять вѣтеръ завелъ свою унылую пѣсню, прерываемую изрѣдка грустнымъ бредомъ страдающей дѣвушки...

Я забылся тревожнымъ сномъ... Мнѣ приснилось, что я лежу въ гробу; что меня давитъ его крышка, давитъ земля... Изъ міра живыхъ до меня не долетаетъ ни одного звука, они не знаютъ, что я погребенъ живымъ... Я задыхался...

Холодный потъ выступилъ по всему тѣлу, я вздрогнулъ и проснулся...

Кругомъ стояла все та же томящая тишина... Меня охватила безсмысленная, безсильная злоба. Когда же, наконецъ, наступитъ день съ яркимъ ласкающимъ свѣтомъ солнца, отъ котораго бѣгутъ дикіе, нелѣпые призраки ночи?.. Силъ уже не было выносить эту пытку...

Я опять забылся и, когда проснулся, въ окно смотрѣлъ уже разсвѣтъ, блѣдный и печальный, точно грядущій день предостерегалъ отъ напрасныхъ надеждъ: не избавленіе несетъ онъ, а все то же горе, все тѣ же страданія...

Сестра спала, и на ея блѣдномъ, точно восковомъ, прозрачномъ личикѣ было написано глубокое страданіе; въ углахъ глазъ блестѣли невысохшія слезы...

Верховой вернулся съ отвѣтомъ доктора. Онъ писалъ мнѣ, что для больнички онъ посылаетъ сидѣлку изъ земской больницы, а сестру просилъ немедленно привезти въ городъ; самъ онъ не могъ пріѣхать, такъ какъ больныхъ и въ городѣ было много. Я приказалъ приготовить самый покойный тарантасъ, а самъ задумался, какъ лучше справиться съ этой нелегкой задачей... На мое счастье дѣвушка проснулась и позвала меня.

— Я совсѣмъ больна!—проговорила она.—Какъ же теперь они-то?

И она показала глазами на больничку.

Я успокоилъ ее, сказавъ, что къ нимъ сейчасъ пріѣдетъ опытная сидѣлка, но что ей самой надо немедленно ѣхать въ городъ, гдѣ за ней будетъ хорошій уходъ, по крайней мѣрѣ...

— Хорошо!—отвѣчала она безучастно и, вдругъ замѣтивъ портретъ на столѣ, опять тихо заплакала.

Дверь осторожно отворилась, и въ комнату легко проскользнула стройная фигурка Хадыи. Она остановилась у порога и съ глубокимъ состраданіемъ устремила свои черные глаза на сестру... Та замѣтила ее и кивнула головой, чтобы она подошла. Хадыя бысто подбѣжала, опустилась на колѣни у изголовья больной дѣвушки, какъ-то порывисто поцѣловала ее и вдругъ заплакала... Сестра, очевидно тронутая, обняла ее...

Но вдругъ брови ея нахмурились, и она сразу отодвинулась отъ Хадыи,—точно какая-то мысль озарила ее. Нѣсколько мгновеній она вглядывалась въ глаза Хадыи и—вдругъ опять обняла ее, нѣжно, нѣжно, по матерински, поцѣловала и тоже заплакала.

Я вышелъ изъ комнаты.

Чрезъ нѣсколько минутъ дверь осторожно пріотворилась и Хадыя быстро пробѣжала мимо меня, закрывъ лицо платкомъ. Я опять вошелъ...

— Бѣдная Хадыя, и она тоже страдаетъ,—сказала дѣвушка задумчиво.—И она его тоже любила... Теперь я поняла, почему она осталась при больничкѣ... почему всегда краснѣла, когда Николай, бывало, шутилъ съ ней... Помню, какъ она

сторонилась меня, когда узнала, что я невѣста Николая, а потомъ вдругъ точно примирилась и привязалась къ намъ еще болѣе... Бѣдная дѣвочка...

Я просилъ ее не говорить, успокоиться, чтобы опять не повторилось припадка. Она была страшно слаба... Личико ея какъ-то вытянулось, и подъ глазами легли синія тѣни... Съ помощью хозяйки я напоилъ ее чаемъ, а затѣмъ мы начали собирать ея вещи. Скоро тарантасъ подкатилъ къ крыльцу, и мы вынесли ее, плачущую, въ нѣмомъ отчаяніи. Она прощалась со своей комнаткой, со всѣмъ, что было свидѣтелемъ ея короткаго счастья и тяжелой утраты...

Когда мы усадили ее, какъ слѣдуетъ, обложивъ подушками, ко мнѣ приблизилась безъ шапокъ цѣлая толпа оборванныхъ крестьянъ, женщинъ, ребятишекъ.

— Что вамъ, братцы?

— Къ твоей милости, батюшка.

— Въ чемъ же дѣло?

— Да на счетъ одежки... Посмотри, на что мы похожи,— заговорили вдругъ всѣ, разводя руками и оглядывая себя съ горькой усмѣшкой.—Вѣдь, людямъ показаться стыдно... Слышали мы, что казна одежу раздаетъ... Запиши и насъ, батюшка...

— Пиши, пиши...—забормотали оживленно башкиры.—Все кончалъ: лошадка кончалъ, овечка кончалъ, одежка кончалъ— все кончалъ... Савсимъ бѣдный сталъ... Ай-ай, бѣдный.

Я испыталъ,—и не въ первый разъ во время моей поѣздки, тяжелое чувство отказа... Я не могъ ничего сдѣлать... И толпа сразу замолкла, потупилась, точно недоумѣвая...

— И на счетъ лошадей, батюшка, не знаешь?—спросилъ какой-то старикъ.—Вѣдь, обезлошадѣли мы совсѣмъ...

И тутъ пришлось отдѣлаться неопредѣленнымъ отвѣтомъ.

Пока я разговаривалъ съ мужиками, вокругъ тарантаса собрались бабы, ребятишки и прощались съ сестрой, желая ей здоровья, благодаря ее за труды да заботы, прося не забывать ихъ... Дѣвушка тихо плакала, глядя на эти исхудалыя лица, свѣтившіяся состраданіемъ и неподдѣльной добротой.

Я сѣлъ въ тарантасъ, и, звякнувъ колокольчикомъ, лошади тронулись.

— Съ Богомъ!.. Счастливо... Выздоравливай, сестрица!..— послышалось со всѣхъ сторонъ.—Бульна спасибо... А ты бы сказалъ тамъ, батюшка, о лошадяхъ-то, да и на счетъ одежки-то... Обнищали, вѣдь... Да, да, бульна плоха, все кончалъ... Съ Богомъ...

Мы выѣхали въ пустынную улицу, спугнувъ двухъ совершенно голыхъ ребятъ, которые возились въ пыли на дорогѣ.

Тройка пошла тихой рысью, чтобы не очень безпокоить больную.

Мелькнула околица, и снова насъ захватилъ зеленый океанъ душистой ржи; свѣжій утренній воздухъ былъ полонъ трелей жаворонковъ. Сестра, видимо, волновалась, подъѣзжая къ кладбищу, и не спускала съ него глазъ. Вдругъ среди могилокъ мелькнуло красное платье и кто то торопливо исчезъ во ржи.

— Хадыя!—прошептала дѣвушка и попросила остановиться у воротъ кладбища.

Я помогъ ей выйти и подъ руку довелъ ее до могилы. На ней лежалъ начатый вѣнокъ изъ полевыхъ цвѣтовъ, которые были брошены тутъ же на пескѣ убѣжавшей Хадыей. Сестра вдругъ оставила мою руку и, твердо отойдя нѣсколько шаговъ, упала на могилу. Я поспѣшилъ оставить ее одну.

Прошло нѣсколько минутъ... Тихій шорохъ заставилъ меня оглянуться. Дѣвушка встала съ искаженнымъ муками лицомъ, покрытымъ слезами, блѣдная, какъ смерть, и, оторвавъ отъ вѣнка нѣсколько цвѣтовъ, позвала меня. Я осторожно довелъ ее до тарантаса, усадилъ, и она тотчасъ же впала въ забытье.

Кое какъ доѣхали мы до города, гдѣ я помѣстилъ ее въ больницу, прося доктора извѣщать меня о ходѣ ея болѣзни. Самъ же я долженъ былъ спѣшить домой.

Передъ самымъ моимъ отъѣздомъ, дѣвушка опять пришла въ себя, трогательно благодарила меня за хлопоты о ней и тепло простилась, подаривъ мнѣ на память нѣсколько цвѣтковъ изъ вѣнка Хадыи.

Чрезъ недѣлю я получилъ извѣстіе отъ доктора, что сестра умерла, ушла къ своему Колѣ, на тихое, хорошенькое кладбище села Киги-Князева.

Я свято берегу засохшіе цвѣты изъ неоконченнаго вѣнка Хадыи, какъ дорогое воспоминаніе о двухъ душахъ прекрасныхъ, какъ полевые, безыскусственные цвѣты.

Ив. Наживинъ.

Хорошо она сдѣлала или дурно?

Разсказъ *Оливіи Шрейнеръ*.

Переводъ съ англійскаго.

Въ уголкѣ комнаты за конторкой сидѣла женщина; позади нея весело топился каминъ.

Вошелъ слуга и подалъ ей карточку.

— Скажите, что я занята и никого не могу теперь принять. Мнѣ надо къ двумъ часамъ кончить эту статью.

Слуга воротился и доложилъ своей госпожѣ, что посѣтительница задержитъ ее какихъ нибудь двѣ минуты; ей необходимо видѣть госпожу.

Женщина встала изъ-за конторки.

— Скажите мальчику, чтобы онъ подождалъ. Попросите эту даму сюда.

Вошла молодая дѣвушка, высокая, тонкая блондинка, въ шелковомъ платьѣ и въ плащѣ, спускавшемся до самыхъ ея ногъ.

— Я знала, что вы не разсердитесь. Мнѣ такъ хотѣлось васъ видѣть!

Хозяйка пригласила ее сѣсть возлѣ камина.

— Позвольте мнѣ разстегнуть вамъ плащъ. Въ комнатѣ тепло.

— Мнѣ такъ надо было повидаться съ вами! Вы единственное существо въ мірѣ, которое въ состояніи мнѣ помочь. Я знаю, вы такъ сердечны, такъ великодушны, такъ добры ко всѣмъ женщинамъ!

Онѣ сѣли. Въ большихъ голубыхъ глазахъ гостьи стояли слезы; машинально она стала стягивать съ маленькихъ ручекъ перчатки.

— Вы знаете мистера...—она назвала фамилію извѣстнаго писателя,—я знаю, вы часто встрѣчаетесь съ нимъ въ литературныхъ кружкахъ. Я пришла просить васъ помочь мнѣ.

Хозяйка пристально посмотрѣла на нее.

— Я ни за что не сказала бы этого ни отцу своему, ни матери, и никому на свѣтѣ; но вамъ я могу это сказать, хотя такъ мало васъ знаю. Вы вѣрно слышали, что прошлое лѣто онъ прогостилъ у насъ цѣлый мѣсяцъ. Я постоянно видалась

съ нимъ. Не знаю, нравилась ли я ему, но знаю, что онъ любилъ слушать мое пѣніе, и мы вмѣстѣ катались верхомъ. Мнѣ же онъ нравился такъ, какъ до сихъ поръ никто еще не нравился. О, вы знаете, это не правда, будто женщинѣ можетъ нравиться только тотъ, кто самъ ее любитъ. Но я все-таки думала, что можетъ... и я ему немножко нравилась. Съ тѣхъ поръ, какъ мы возвратились въ городъ, мы посылали ему приглашенія, но онъ у насъ не былъ ни разу. Быть можетъ, ему что нибудь сказали обо мнѣ. Вы его знаете, постоянно встрѣчаетесь съ нимъ... Не можете ли вы сказать что нибудь въ мою пользу или сдѣлать что нибудь для меня?

Она подняла голову, губы ея побѣлѣли и сжались.

— Порой мнѣ кажется, что я схожу съ ума! О, какъ это ужасно быть женщиной!

Хозяйка опять взглянула на нее.

— А теперь до меня дошелъ слухъ, будто онъ любитъ другую. Я не знаю, кто она, но говорятъ, что она замѣчательно умна и пишетъ въ газетахъ. О, это такъ ужасно!.. Я не могу подумать объ этомъ!

Хозяйка облокотилась на каминъ и, заслонивъ лицо рукой, стала смотрѣть въ огонь. Потомъ она обернулась и посмотрѣла на свою гостью.

— Да, — сказала она, — быть женщиной дѣйствительно ужасно. Она помолчала, потомъ съ нѣкоторымъ усиліемъ заговорила вновь:

— Увѣрены ли вы въ томъ, что любите его? Увѣрены ли вы, что это не простое увлеченіе молоденькой дѣвушки человѣкомъ, который много старше ея и привлекаетъ ее тѣмъ, что онъ знаменитъ и что имя его у всѣхъ на устахъ?

— О, я чуть съ ума не сошла, сколько ужъ недѣль не знаю сна!—Она стиснула свои маленькія ручки, такъ что брилліантовое кольцо почти врѣзалось въ пальцы.—Онъ все для меня составляетъ, все! Кромѣ него, у меня ничего нѣтъ въ мірѣ! Вы такая умная, такая энергичная, такая великая, вы, для которой мужчины только товарищи и друзья, потому что весь смыслъ жизни для васъ заключается въ трудѣ, вы не можете понять, что это значитъ, когда одинъ человѣкъ составляетъ для васъ все, когда, кромѣ него, у васъ ничего другого нѣтъ въ мірѣ!..

— Что же могу я для васъ сдѣлать?

— Ахъ, я не знаю!..—Она подняла глаза. — Женщина всегда знаетъ, что она можетъ сдѣлать. Не говорите ему только, что я люблю его.—Она опять подняла глаза. — Придумайте что нибудь. О, какъ это ужасно быть женщиной! Ничего нельзя сдѣлать! Вѣдь вы не скажете ему, что я его люблю? Это просто можетъ заставить мужчину возненавидѣть жен-

щину, которая его любитъ, если сказать ему объ этомъ напрямикъ.

— Если я буду говорить съ нимъ, то должна сказать ему правду. Онъ мой другъ. Я не могу съ нимъ лукавить. Я никогда не лукавила съ нимъ въ своихъ собственныхъ дѣлахъ.

Она сдѣлала движеніе, какъ будто собираясь отойти отъ камина, но затѣмъ снова повернулась лицомъ къ гостьѣ.

— Случалось-ли вамъ когда-нибудь думать о томъ,—сказала она,—что такое любовь между женщиной и мужчиной, когда они связаны бракомъ? Случалось-ли вамъ думать объ этой долгой, долгой однообразной совмѣстной жизни, гдѣ нѣтъ уже романическаго элемента и нѣтъ больше разстоянія, объ этой жизни съ глазу на глазъ, когда видишь другъ друга такъ ясно, какъ свою собственную душу? Отдаете-ли вы отчетъ себѣ въ томъ, что цѣль брака—сдѣлать мужчину и женщину болѣе сильными духомъ, чѣмъ они были, и что если, достигнувъ старости, оба супруга не будутъ въ состояніи сказать, сидя у домашняго очага: «Намъ было легче и отраднѣй пройти жизненный путь, потому что мы шли рука съ рукой, а не въ одиночку»,—если они не будутъ въ состояніи это сказать, то это значитъ, что для нихъ бракъ оказался неудачнымъ? Настолько-ли вамъ дорогъ этотъ человѣкъ, чтобы вы могли для него жить не завтра только, а тогда, когда молодость и силы измѣнятъ ему, и когда ваша юность тоже поблекнетъ и увянетъ? Найдете-ли вы въ себѣ мужество прощать ему его слабости и прегрѣшенія, когда они будутъ причинять вамъ самыя жестокія страданія? Если бы ему было суждено двадцать лѣтъ пролежать капризнымъ паралитикомъ, ручаетесь-ли вы, что все это время будете безъ ропота держать его въ своихъ объятіяхъ и лелѣять его, какъ мать лелѣетъ больного ребенка?

Она остановилась и тяжело перевела духъ.

— О, я люблю его безгранично! — воскликнула молодая дѣвушка.—Я рада была-бы умереть, если-бы только мнѣ хоть разъ услышать, что онъ любитъ меня больше всего на свѣтѣ!

Хозяйка стояла и смотрѣла на нее.

— А развѣ вы никогда не думали о той, другой женщинѣ? не думали, что, быть можетъ, *она* сумѣла-бы не хуже васъ сдѣлать его жизнь счастливой?—спросила она, замедляя слова.

— О, ни одна женщина въ мірѣ никогда не могла-бы быть для него тѣмъ, чѣмъ была бы я. Я только для него и жила-бы. Онъ *мнѣ* принадлежитъ, мнѣ одной!

Она наклонилась впередъ; она не плакала, но плечи ея вздрагивали.

— Это такая ужасная вещь быть женщиной и ничего не имѣть возможности сдѣлать, ничего не имѣть возможности сказать!

Хозяйка положила ей руку на плечо; дѣвушка заглянула ей въ глаза. Затѣмъ старшая изъ нихъ отвернулась и нѣсколько времени смотрѣла въ огонь. Въ комнатѣ царила тишина, только часы тикали надъ письменнымъ столомъ.

— Одну вещь я могу для васъ сдѣлать,—сказала хозяйка.— Я не знаю, послужить-ли это къ чему-нибудь... но я это сдѣлаю.

Она отвернулась.

— О, вы такая великая, такая добрая, такая прекрасная! Вы такъ не похожи на другихъ женщинъ, которыя вѣчно думаютъ только о себѣ! О, какъ я вамъ благодарна! Я знаю, что могу ввѣриться вамъ. Я своей матери этого не могла-бы сказать и никому другому не могла-бы, кромѣ васъ, васъ одной!

— Теперь вамъ пора уходить; мнѣ надо кончить работу.

Дѣвушка обвила ея шею руками.

— О, вы такая добрая, такая прекрасная!

И она исчезла изъ комнаты, шурша шелковымъ платьемъ и мѣховымъ плащомъ.

Оставшись одна, хозяйка стала ходить взадъ и впередъ, подъ конецъ все быстрѣй и быстрѣй, такъ что на лбу ея выступили капли пота. Спустя нѣсколько времени, она подошла къ письменному столу; на клочкѣ, оторванномъ отъ рукописи, было написано неразборчивымъ мужскимъ почеркомъ: «*Можно мнѣ придти къ вамъ сегодня, передъ обѣдомъ?*» Возлѣ лежалъ заклеенный и надписанный конвертъ. Она вскрыла его. Тамъ былъ слѣдующій отвѣтъ: «*Да. Приходите пожалуйста*».

Она разорвала записку и написала другую: «*Нѣтъ; я не буду свободна*».

Она вложила ее въ конвертъ, надписала адресъ, потомъ свернула въ трубку рукопись, лежавшую на столѣ, и, позвонивъ, отдала бумаги слугѣ.

— Скажите мальчику, чтобы онъ передалъ это редактору и сказалъ-бы, что статья обрывается нѣсколько неожиданно; надо отмѣтить, что будетъ продолженіе; я докончу ее завтра. По дорогѣ пусть онъ занесетъ это письмо въ № 20.

Слуга вышелъ изъ комнаты. Она снова стала ходить взадъ и впередъ, заложивъ руки за голову.

Спустя два мѣсяца, та-же женщина стояла передъ каминомъ. Дверь внезапно отворилась, и вошла прежняя посѣтительница.

— Я должна была придти... я не могла ждать. Вы слышали? Сегодня утромъ была его свадьба. Какъ вы думаете: неужели это правда? О, помогите же мнѣ!

Она протянула къ ней руки.

— Присядьте. Да, это совершенно вѣрно.

— О, это такъ ужасно! А я-то ничего не знала! Говорили-ли вы ему обо мнѣ?—Она схватила ее за руки.

— Я не видала его послѣ того дня, какъ вы были у меня, поэтому и не могла поговорить съ нимъ... Но я сдѣлала то, что было въ моей власти.—Она стояла, безучастно смотря въ огонь.

— И говорятъ, что она совсѣмъ дитя, что ей не больше восемнадцати лѣтъ! Говорятъ, онъ видѣлъ ее всего три раза передъ тѣмъ, какъ сдѣлалъ ей предложеніе. Какъ вы думаете, это правда?

— Да, это истинная правда.

— Онъ не можетъ любить ее. Говорятъ, онъ женится на ней только изъ-за ея состоянія и положенія въ свѣтѣ.

Хозяйка порывисто обернулась къ ней.

— Какое право вы имѣете такъ отзываться о немъ? Только я одна знаю его. На что ему богатство и положеніе въ свѣтѣ? Онъ самъ по себѣ великъ и стоитъ выше всѣхъ! Могло случиться, что онъ не встрѣтилъ того, что искалъ у женщины постарше, и, чтобы найти себѣ замѣну, обратился къ этому свѣжему, юному, прекрасному существу. Это—дѣвушка, которую всякій могъ-бы полюбить: такая она юная, такая прелестная! Ея семья славится своими дарованіями; если онъ воспитаетъ ее, она будетъ ему такой хорошей женой, какой ни одна женщина не могла-бы быть для него.

— О! но я не могу этого вынести, не могу этого вынести!—Молодая дѣвушка опустилась на стулъ.—Она будетъ его женой, матерью его дѣтей!

— Да.—Старшая собесѣдница сдѣлала порывистое движеніе.—Какое это счастье имѣть дитя, положить его головку къ себѣ на грудь и кормить его!

Она опять порывисто заходила по комнатѣ.

— Пусть другая произведетъ его на свѣтъ; это не имѣетъ значенія; лишь-бы только можно было заботиться о немъ!

— О нѣтъ! я не могла-бы примириться съ тѣмъ, чтобы это было *ея* дитя. Какъ только я о ней подумаю, мнѣ кажется, что я умираю, мои пальцы леденѣютъ; я чувствую, что жизнь покинула меня. О, вы были только его другомъ, вы этого не понимаете!

Старшая заговорила тихо и быстро:

— Развѣ нѣтъ у васъ болѣе мягкаго чувства къ ней при мысли о томъ, что она будетъ его женой и матерью его дѣтей? Мнѣ такъ хотѣлось-бы обнять ее и хоть разокъ ее поцѣловать, если-бы только она позволила мнѣ. Говорятъ, она такая красавица!

— О, я не въ состояніи была-бы видѣть ее, это убило-бы меня! И оба они такъ счастливы сегодня! Онъ такъ любитъ ее!

— Развѣ-же вы не желаете ему счастья?

Она пристально глядѣла на нее.

— Развѣ-же вы *никогда* его не любили, совсѣмъ не любили его?

Лицо другой было закрыто руками.

— О, это такъ ужасно, такой мракъ кругомъ! И я должна буду жить годъ за годомъ, все въ той-же страшной мукѣ! Если-бы только смерть пришла скорѣй!

Хозяйка стояла и смотрѣла въ огонь. Потомъ она сказала тихимъ, размѣреннымъ тономъ:

— Бываютъ періоды въ жизни, когда все намъ кажется окутаннымъ мракомъ, когда въ головѣ у насъ мутится, и мы не можемъ подумать, чтобы для насъ оставалось что-нибудь иное, кромѣ одной только смерти. Но если мы будемъ терпѣливо ждать, то послѣ долгихъ, долгихъ лѣтъ для насъ наступитъ умиротвореніе. Быть можетъ, мы не въ силахъ будемъ сказать, что-то, что было, было къ нашему благу. Но мы почувствуемъ, что вновь обрѣли ясность духа и можемъ примириться съ прошлымъ. Борьбѣ приходитъ тогда конецъ. Этотъ день наступитъ и для васъ и, быть можетъ, раньше, чѣмъ вы думаете.

Она говорила медленно и съ усиліемъ.

— Нѣтъ, никогда не наступитъ для меня этотъ день! Разъ я полюбила, я полюбила навѣки. Я никогда не сумѣю забыть.

— Любовь не единственная цѣль жизни. Есть и другія вещи, ради которыхъ стоитъ жить.

— О, да, для васъ!... Для меня-же любовь—все на свѣтѣ.

— Теперь, мой другъ, вамъ пора уйти.

Дѣвушка поднялась съ своего мѣста.

— Какое это было утѣшеніе поговорить съ вами! Мнѣ кажется, я покончила-бы съ собой, если-бы не пришла къ вамъ. Вы такъ помогли мнѣ! Я всегда вамъ буду благодарна.

Хозяйка взяла ее за руку.—У меня къ вамъ просьба.

— Что такое? Скажите, скажите!

— Я не могу объяснить это вамъ вполнѣ. Вы не поймете. Но вотъ что я скажу вамъ: бываютъ минуты, когда въ жизни происходитъ нѣчто болѣе ужасное, нежели утрата любимаго существа. Если у васъ была мечта о томъ, чѣмъ должна-бы быть жизнь, и вы стараетесь осуществить эту мечту и терпите неудачу, и если вдругъ то, что вы много, много лѣтъ тому назадъ, казалось, умертвили въ своемъ сердцѣ, вдругъ просыпается и громко говоритъ: «Пусть всякій ведетъ только свою игру и не заботится объ игрѣ ближняго! Каждый самъ за себя! *Вотъ какъ надо вести игру!*»... И вы начинаете сомнѣваться во всемъ томъ, для чего вы жили, и почва какъ-будто ускользаетъ изъ-подъ вашихъ ногъ...

Она остановилась.

— Такое-то время настало теперь для меня. Обѣщайте

мнѣ, что, если когда-нибудь придетъ къ вамъ другая женщина и станетъ просить у васъ помощи, вы не откажетесь ее поддержать и постараетесь полюбить ее ради меня; обѣщайте мнѣ это; я думаю, что это мнѣ поможетъ; я думаю, что тогда у меня хватитъ силъ сохранить мою вѣру.

— О, я все готова сдѣлать, о чемъ-бы вы ни попросили. Вы такая добрая, такая великая!

— О!.. добрая и великая!.. Еслибъ вы знали!.. Но теперь идите домой, дорогая.

— Я вамъ не помѣшала работать? Надѣюсь, что нѣтъ?

— Нѣтъ; я не работала послѣднее время. Прощайте, другъ мой.

Младшая ушла, старшая опустились на колѣни возлѣ стула и стала тихонько плакать, какъ плачетъ ребенокъ, когда его прибили, и онъ не смѣетъ плакать навзрыдъ.

Прошелъ годъ; на дворѣ опять стояла ранняя весна.

Женщина сидѣла за конторкой и писала; позади нея ярко топился каминъ. Она писала передовую статью о причинахъ, ведущихъ въ однѣхъ странахъ къ принятію свободной торговли, въ другихъ—къ практикѣ протекціонизма.

Она писала быстро. Спустя нѣкоторое время, вошелъ слуга и положилъ на столъ кипу писемъ.

— Скажите мальчику, что я кончу черезъ четверть часа.

Она продолжала писать. Затѣмъ ея вниманіе привлекъ почеркъ на одномъ изъ писемъ. Она отложила перо и распечатала конвертъ. Письмо было слѣдующаго содержанія:

— «Дорогой другъ, я пишу вамъ, потому что знаю, что вы рады будете узнать о моемъ великомъ счастьѣ. Помните, въ тотъ день у камина вы мнѣ совѣтовали быть терпѣливой и ждать и говорили, что послѣ долгихъ, долгихъ лѣтъ я увижу, что все было къ лучшему? Это время наступило раньше, чѣмъ мы надѣялись. На прошлой недѣлѣ я обвѣнчалась въ Римѣ съ лучшимъ, благороднѣйшимъ, гуманнѣйшимъ изъ людей. Мы съ нимъ теперь во Флоренціи. Вы не можете себѣ представить, какимъ прекраснымъ мнѣ кажется весь міръ. Теперь я знаю, что прежнее увлеченіе было пустой фантазіей глупой дѣвочки. Мой мужъ—первый человѣкъ, котораго я люблю истинной любовью. Онъ меня любитъ и понимаетъ, какъ не могъ-бы никто другой. Я благодарна Провидѣнію за то, что дѣвическая мечта моя разбилась; мнѣ была суждена еще лучшая доля. Въ моемъ сердцѣ нѣтъ больше ненависти къ той женщинѣ,—оно ко всѣмъ исполнено теперь любви!

«А вы, дорогая, какъ поживаете? Мы навѣстимъ васъ, какъ только возвратимся въ Англію. Я всегда думаю о томъ, какъ

вы должны быть счастливы, посвятивъ всю свою жизнь вашему высокому труду и помощи ближнимъ. Теперь мнѣ ужъ не кажется, что быть женщиной есть нѣчто ужасное; нѣтъ, это такъ прекрасно!

«Надѣюсь, что вы наслаждаетесь этими чудными весенними днями.

Всегда вамъ благодарная и любящая васъ Э.....»

Дочитавъ до конца, она поднялась со стула и направилась къ камину. Она не стала перечитывать письма, но остановилась, держа его раскрытымъ въ рукѣ, и долго смотрѣла пристальнымъ взоромъ въ огонь. Губы ея были крѣпко сжаты. Вдругъ она медленно разорвала письмо и стала слѣдить, какъ клочки одинъ за другимъ перелетали за рѣшетку камина. Затѣмъ она снова сѣла за конторку и принялась писать; ея ротъ былъ все еще сжатъ. Спустя нѣкоторое время, она положила руку на бумагу, опустила на нее голову и какъ-будто заснула.

Слуга постучался.

— Мальчикъ дожидается,— напомнилъ онъ.

— Скажите ему, чтобъ онъ подождалъ еще десять минутъ.

Она взяла въ руки перо.— Политика австралійскихъ колоній въ пользу протекціонизма будетъ понятна. .—она остановилась— если мы примемъ въ соображеніе тотъ фактъ... тотъ фактъ...—

И затѣмъ она дописала статью.

Нѣмецкій крестьянинъ.

Фр. Энгельса.

Переводъ съ нѣмецкаго.

Чѣмъ онъ былъ? Что онъ есть? Чѣмъ онъ могъ бы быть? *)

Въ такой странѣ, какъ Германія, гдѣ еще около двухъ третей населенія живетъ земледѣліемъ, вопросъ о томъ, какимъ образомъ возникло современное землевладѣніе, какъ крупное такъ и мелкое имѣетъ особый интересъ; нельзя не сопоставить настоящее бѣдственное положеніе поденщиковъ и закабаленныхъ мелкихъ крестьянъ-собственниковъ съ прежнимъ общиннымъ владѣніемъ всѣхъ свободныхъ людей землею, бывшей тогда дѣйствительно ихъ „отчизной“—наслѣдственной, свободной общинной собственностью. Я хочу поэтому изложить здѣсь въ самыхъ общихъ чертахъ исторію того стариннаго нѣмецкаго земельнаго устройства, жалкіе остатки котораго уцѣлѣли до нашихъ дней. Въ теченіе всего средневѣковаго періода оно лежало въ основѣ общественнаго строя и проникало всю общественную жизнь не только Германіи, но и сѣверной Франціи, Англіи и Скандинавіи, и тѣмъ не менѣе до самого послѣдняго времени о немъ досконально забыли.

Въ ранней исторіи всѣхъ или почти всѣхъ народовъ господствуютъ два факта, возникшіе естественнымъ путемъ: расчлененіе народа на группы по родственнымъ отношеніямъ и общинное владѣніе землей. Такъ обстояло дѣло и у германцевъ. Когда,

*) Въ послѣднее время въ нѣмецкой экономической литературѣ возникла оживленная полемика по поводу книги К. Каутскаго „Аграрный вопросъ“ и брошюры Эд. Бернштейна. Такъ какъ эта полемика нашла отголосокъ и въ русской печати, причемъ съ книгой Каутскаго публика познакомилась по ея переводу, а съ брошюрой Бернштейна по изложеніямъ, и такъ какъ въ этой полемикѣ значительное мѣсто удѣлено возможной судьбѣ крестьянства въ предѣлахъ капиталистическаго хозяйственнаго строя, то намъ казалось не безъинтереснымъ познакомить нашу публику со взглядомъ на этотъ вопросъ Фр. Энгельса. Настоящая статья его появилась въ 80-хъ годахъ въ одномъ изъ нѣмецкихъ журналовъ безъ его подписи. Но въ оттискѣ его, который Энгельсъ прислалъ одному изъ своихъ друзей, онъ подписалъ его своими иниціалами. Къ тому же историческая часть ея: *чѣмъ былъ нѣмецкій крестьянинъ*, по изложенію почти тождественна съ предисловіемъ Энгельса къ статьѣ: Вильг. Вольфа, перепечатанной изъ „Neue Rheinische Zeitung“ (апр. — мартъ 1849) и изданной въ 1886 г. подъ заглавіемъ „Die schlesische Milliarde“.

послѣ долгихъ скитаній, болѣе двухъ тысячъ лѣтъ тому назадъ они овладѣли землями къ востоку отъ Рейна и къ сѣверу отъ Дуная, каждое племя размѣстилось тамъ не по волѣ случая и прихоти, а сообразно съ родственными отношеніями членовъ племени. Объ этомъ совершенно ясно свидѣтельствуетъ Цезарь, первый изъ римскихъ полководцевъ, вступившій на германскую почву (приблизительно за 1900 лѣтъ до нашего времени). Крупнымъ группамъ, связаннымъ между собой болѣе близкими родственными отношеніями, доставался извѣстный округъ, внутри его разселялись отдѣльными поселками роды, состоящіе изъ нѣсколькихъ семей. Нѣсколько родственныхъ деревень, составляли сотню, нѣсколько сотенъ—волость, а всѣ волости вмѣстѣ народъ. Земля, которую не распредѣляли между собой деревни оставалась въ распоряженіи сотни; что не разбирали сотни оставалось за волостью и, наконецъ, что оставалось послѣ всего этого дѣлежа— по большей части очень значительный участокъ земли—то находилось въ непосредственномъ владѣніи всего народа. Въ Швеціи мы находимъ рядомъ всѣ эти различныя ступени общиннаго владѣнія. Каждое селеніе имѣло свою сельскую общинную землю (bys allmänningar), рядомъ съ этимъ тамъ были земли сотенъ (pärads), волостей (lands) и, наконецъ, общественныя земли, принадлежавшія королю, какъ представителю всего народа, называвшіяся konungs allmänningar. Но всѣ эти земли безъ различія, въ томъ числѣ и королевскія, носили названіе allmänningar—общинныя, общественныя.

Такое правильное распредѣленіе общественныхъ земель не было извѣстно въ Германіи. Быстрый ростъ населенія повелъ къ тому, что на каждой *маркѣ*—большомъ участкѣ земли, предназначенномъ для одной деревни—возникало еще нѣсколько селеній. Эти деревни—дочери (выселки) составляли на равныхъ или на неравныхъ правахъ съ деревней—матерью (съ первымъ селеньемъ) общину-марку (Markgenossenschaft) для пользованія землей, принадлежавшей всѣмъ сообща. Такимъ образомъ въ Германіи, какъ бы далеко мы ни заглядывали вглубь временъ, мы всегда встрѣчаемъ большее или меньшее количество селеній, соединенныхъ въ пользованіи однимъ общимъ участкомъ земли. Надъ этими союзами стояли, по крайней мѣрѣ въ первое время, болѣе крупные поземельные союзы: сотни, волости. Наконецъ, весь народъ образовалъ въ началѣ одинъ большой союзъ для пользованія сообща землями, оставшимися въ непосредственномъ владѣніи всего народа и для верховнаго наблюденія за подвластными марками, принадлежавшими къ его области. Еще въ „имперскомъ правѣ“ тринадцатаго и четырнадцатаго вѣка принималось за правило, что марка обнимаетъ собой отъ шести до двѣнадцати деревень.

Во времена Цезаря значительная часть германцевъ, а именно

свевы, не перешедшіе еще окончательно къ осѣдлости, обрабатывали землю сообща. Происходило это,—какъ можно судить по сравненію съ другими народами, слѣдующимъ образомъ: каждый родъ, состоявшій изъ нѣсколькихъ родственныхъ семей, обрабатывалъ сообща участокъ земли, назначеный ему и ежегодно перемѣнявшійся, и дѣлилъ между семьями полученные продукты. Но когда къ началу нашей эры свевы окончательно осѣли на своихъ новыхъ мѣстахъ, этотъ порядокъ скоро прекратился. По крайней мѣрѣ, Тацитъ (полтораста лѣтъ спустя послѣ Цезаря) знаетъ только обработку земли отдѣльными семьями. Но этимъ послѣднимъ земля отдавалась тоже на одинъ только годъ; по истеченіи года она снова передѣлялась между ними.

Какъ это происходило, мы можемъ видѣть и теперь на Мозелѣ и въ Гохвальдѣ въ сохранившихся еще тамъ земельныхъ общинахъ, т. н. Gehöferschaften. Если не ежегодно, то каждыя 3, 6, 9 или 12 лѣтъ вся воздѣлываемая земля—пашня и луга—соединяется и дѣлится на нѣсколько участковъ, или клиньевъ, сообразно положенію и качеству почвы. Каждый такой клинъ дѣлятъ снова на столько равныхъ частей—длинныхъ, узкихъ полосъ—сколько земельныхъ паевъ насчитывается въ общинѣ, и эти полосы распредѣляются по жребію между владѣльцами паевъ. Первоначально каждый членъ общины получалъ по куску земли равной величины во всякомъ клину, т. е. земли всякаго качества. Въ настоящее время эти участки, вслѣдствіе дѣлежа при наслѣдованіи, перепродажъ и пр., стали неравными, но полный прежній участокъ, который складывается изъ всѣхъ этихъ половинъ, четвертей, восьмыхъ и т. д., представляетъ собой до сихъ поръ извѣстную счетную единицу. Невоздѣлываемая земля—лѣса и выгоны,—остается общинной собственностью и служитъ для общаго пользованія.

Точно такое же устройство существовало въ началѣ нашего столѣтія на такъ называемыхъ жеребьевыхъ участкахъ въ рейнской Баваріи. Съ тѣхъ поръ воздѣланныя поля перешли тамъ въ частную собственность отдѣльныхъ членовъ общины. Точно также и вышеописанныя общины съ теченіемъ времени нашли болѣе выгоднымъ для себя оставлять передѣлы и превращать временное владѣніе въ частную собственность. Въ послѣднія сорокъ лѣтъ эта форма владѣнія почти совершенно исчезла, и хуторскія общины превратились въ обыкновенныя деревни крестьянъ-собственниковъ, съ совмѣстнымъ пользованіемъ лѣсомъ и выгономъ.

Изъ всѣхъ видовъ земли въ частную собственность прежде всего перешла усадьба. Неприкосновенность жилища—эта основа личной свободы—ограждала кибитку кочевника, хижину переселенца и перешла, наконецъ, въ неограниченное право собственности на домъ и усадьбу. Это произошло еще во времена

Тацита. Усадьба свободнаго германца уже тогда не входила въ составъ марки; въ нее не имѣли доступа должностныя лица марки, она служила вѣрнымъ убѣжищемъ для бѣглецовъ, какъ это значится въ позднѣйшихъ „уставахъ“ марокъ (Markordnungen) и въ „народныхъ правахъ“ отъ V до VIII вѣка.

Спустя четыре, пять вѣковъ, полевая земля тоже превратилась въ наслѣдственную, если и не вполнѣ свободную собственность отдѣльныхъ крестьянъ; они получили право распоряжаться ею, продавать и отчуждать другими способами. Объясняется этотъ переходъ двумя основными причинами.

Во первыхъ, съ самаго начала въ Германіи существовали, рядомъ съ только-что описанными деревнями съ общиннымъ владѣніемъ полевыми угодьями, другія деревни, гдѣ не только усадьбы, но и пахатныя земли не входили въ составъ марки и составляли наслѣдственную собственность отдѣльныхъ крестьянъ. Но такое устройство бывало только тамъ, гдѣ оно обусловливалось самымъ характеромъ мѣстности: въ тѣсныхъ долинахъ, какъ, напримѣръ, въ Бергенѣ, на узкихъ возвышенныхъ полосахъ между болотами, какъ въ Вестфаліи, позднѣе также въ Оденвальдѣ и во всѣхъ почти Альпійскихъ долинахъ. Тамъ деревня представляла собой, какъ и теперь, нѣсколько разбросанныхъ отдѣльныхъ дворовъ, окруженныхъ принадлежащими къ нимъ полями. Передѣлъ полей былъ здѣсь совершенно немыслимъ и въ непосредственномъ владѣніи марки оставались только необработанныя земли. Когда право распоряжаться домомъ и усадьбой и передавать ихъ постороннимъ пріобрѣло важное значеніе, тогда вся выгода оказалась на сторонѣ этихъ собственниковъ. Желаніе воспользоваться въ свою очередь этимъ преимуществомъ могло побудить многія деревни, владѣвшія землей сообща, отказаться отъ передѣловъ. Послѣ этого участки отдѣльныхъ членовъ становились наслѣдственными и могли продаваться и уступаться кому угодно.

Во вторыхъ, завоеванія привели германцевъ въ римскую область, гдѣ земля уже много вѣковъ составляла частную собственность (и притомъ римскую, неограниченную). Небольшое количество завоевателей не могло, конечно, устранить сразу такую укоренившуюся форму владѣнія. Здѣсь скоро прекратились ежегодные передѣлы земли между отдѣльными семьями, ихъ смѣнила частная собственность на поля и луга, а вслѣдъ затѣмъ и внутри Германіи обработанная земля перешла въ частное владѣніе.

Германцы-завоеватели ввели у себя частную собственность на поля и луга, т. е. непосредственно вслѣдъ за первымъ передѣломъ земли или вскорѣ послѣ него отказались отъ новыхъ передѣловъ (именно въ этомъ и выразилось измѣненіе формы владѣнія); но въ то же время они сохранили старые германскіе порядки общаго владѣнія лѣсомъ и выгономъ и верховную власть

марки и надъ раздѣленной землей. Такъ происходило дѣло не только у франковъ въ сѣверной Франціи и у англо-саксовъ въ Англіи, но и у бургундцевъ въ восточной Франціи, у вестготовъ въ южной Франціи и Испаніи и у остготовъ и лангобардавъ въ Италіи. Въ этихъ послѣднихъ странахъ слѣды марки сохранились, насколько извѣстно, только въ горныхъ мѣстностяхъ. Отказываясь отъ своего права передѣлять отъ времени до времени поля и луга, община-марка ни въ какомъ случаѣ не уступала остальныхъ своихъ правъ на эти земли. А права эти были очень значительны. Община передавала отдѣльнымъ членамъ свои земли только для пользованія ими въ качествѣ полей и луговъ, и ни для какой иной цѣли. Частный владѣлецъ не имѣлъ никакихъ правъ на то, что выходило за эти предѣлы. Находимыя въ землѣ сокровища, если они лежали глубже, чѣмъ можетъ захватить плугъ, принадлежали не ему, а всей общинѣ, точно также какъ и право добыванія руды и т. д. Впослѣдствіи всѣ эти права были захвачены въ свою пользу помѣщиками и князьями.

Самое пользованіе пашней и лугами было обставлено извѣстными правилами со стороны общины и находилось подъ ея наблюденіемъ. Гдѣ господствовала трехпольная система, т. е. почти вездѣ,—вся пашня деревни дѣлилась на три равныя поля; каждое изъ этихъ полей находилось поочередно—первый годъ подъ озимымъ хлѣбомъ, второй—подъ яровымъ и третій—подъ паромъ. Такимъ образомъ деревня имѣла ежегодно свое озимое, яровое и паровое поля. При раздѣлѣ земли наблюдалось за тѣмъ, чтобы участокъ каждаго члена распредѣлялся равномѣрно на всѣ три поля и чтобы, такимъ образомъ, каждый общинникъ могъ безъ вреда для себя подчиняться хозяйственной системѣ общины, засѣвая озимый хлѣбъ только на своей полосѣ въ озимомъ полѣ и т. д.

Поле, остававшееся подъ паромъ, поступало на все это время снова въ общее владѣніе и служило для всей деревни выгономъ. Оба остальныя поля тотчасъ послѣ уборки хлѣба и вплоть до новаго посѣва тоже переходили въ общее владѣніе и тоже употреблялись въ качествѣ выгона. Точно также и луга послѣ вторичнаго покоса. Во всѣхъ поляхъ, куда выгонялся скотъ, владѣльцы должны были снимать всѣ изгороди. Этотъ принудительный выгонъ скота требовалъ естественнымъ образомъ, чтобы время посѣва и жатвы не было предоставлено отдѣльнымъ членамъ, а устанавливалось всей общиной или обычаемъ. И вездѣ, гдѣ мы встрѣчаемъ такую систему принудительнаго сѣвооборота и пастьбы (Flur und Hutzwang) или остатки ихъ, тамъ они являются пережитками старой марки-общины.

Вся остальная земля, кромѣ усадьбы и раздѣленныхъ на участки полей, оставалась, какъ въ прежнее время, общей собственностью и шла на общее пользованіе: лѣса и лѣсныя поляны, рощи, болота, рѣки, пруды, озера, дороги и тропинки, охота и

рыбная ловля. Каждый членъ имѣлъ первоначально равную долю полей общины, и точно также получалъ равную долю и въ пользовании „общею маркою“. Способъ этого пользованія опредѣлялся сообща всѣми общинниками; точно также и способъ раздѣла въ тѣхъ случаяхъ, когда воздѣланной земли не хватало и приходилось выдѣлить для обработки еще одинъ кусокъ общей марки. Общую марку составляли прежде всего пастбища для выгона скота и для прокорма его желудями, потомъ лѣса, доставлявшіе дрова, строевой матеріалъ, листья, ягоды и грибы, наконецъ—гдѣ они были, торфяныя болота. Правила относительно пользованія пастбищемъ, рубки дровъ и т. п. составляютъ главное содержаніе „Уставовъ“ различныхъ марокъ, записанныхъ въ то время, когда древнее неписанное обычное право сдѣлалось спорнымъ. Встрѣчающіеся еще и теперь общественные лѣса представляютъ жалкій остатокъ этихъ древнихъ нераздѣльныхъ марокъ. Другимъ остаткомъ, по крайней мѣрѣ въ южной и западной Пруссіи, служитъ глубоко вкоренившееся въ народное сознаніе представленіе, что лѣсъ есть общественное достояніе, и что каждый можетъ тамъ собирать цвѣты, ягоды, грибы, желуди и вообще дѣлать все, что угодно, не причиняя вреда лѣсу. Но и здѣсь Бисмаркъ нашелъ способъ съ помощью своего знаменитаго закона о ягодахъ повернуть западныя провинціи на старо-прусскій, юнкерскій ладъ.

Получая равные участки земли и одинаковыя права пользованія общинной собственностью, члены марки принимали также первоначально равное участіе и въ законодательствѣ, управленіи и судѣ внутри своей марки. Въ опредѣленные сроки, а въ случаѣ надобности и чаще, собирались они подъ открытымъ небомъ, чтобы обсуждать общественныя дѣла, судить преступленія и разбирать споры между членами марки. Эти собранія представляли въ маломъ видѣ древнія народныя собранія германцевъ,—точно также какъ эти послѣднія первоначально были ничѣмъ инымъ, какъ большими собраніями марки. На нихъ создавались въ случаѣ надобности законы, избирались должностныя лица, контролировалась ихъ дѣятельность, но, главнымъ образомъ, велись судебныя разбирательства. На обязанности предсѣдателя лежала исключительно постановка вопросовъ, а приговоръ постановлялся всѣми присутствовавшими сообща.

Общественный строй марки былъ единственной правительственной формой у тѣхъ германскихъ племенъ, у которыхъ не было королей. И начала этого строя пустили такіе глубокіе корни въ жизни германцевъ, что мы на каждомъ шагу встрѣчаемъ ихъ слѣды въ исторіи развитія нашего народа. Въ древнія времена вся общественная власть въ мирное время сводилась исключительно къ судебной и эта власть принадлежала народному собранію и въ сотнѣ, и въ волости, и въ цѣломъ племени. Но

судъ народа былъ тотъ же судъ марки, примѣняемый къ такимъ случаямъ, которые не составляли исключительно дѣлъ марки, но входили въ кругъ компетенціи общественной власти.

Когда съ развитіемъ волостного устройства, государственный волостной судъ былъ отдѣленъ отъ обыкновеннаго суда марки, судебная власть въ обоихъ по прежнему принадлежала народу. Только въ то время, когда старинная народная свобода сильно пошатнулась и отправленіе судебныхъ обязанностей стало такой же тягостью для обѣднѣвшихъ свободныхъ людей, какъ и военная повинность, только тогда могъ Карлъ Великій замѣнить волостной судъ судомъ шеффеновъ *). Но это не касалось суда марки. Этотъ послѣдній послужилъ даже образцомъ для леннаго суда среднихъ вѣковъ; и тутъ владѣльцу лена принадлежало только право вести допросъ, приговоръ же постановляли сами ленники. Деревенское управленіе было тожественно съ управленіемъ марки; только здѣсь одна деревня являлась цѣлою маркою. Со временемъ деревенскія марки превращались въ городскія, по мѣрѣ того какъ и самыя деревни превращались въ города, т. е. окружались рвами и стѣнами. Изъ этой первоначальной организаціи марки-города возникли впослѣдствіи всѣ городскія учрежденія. Наконецъ, по образцу „уставовъ“ марки, составлены были уставы безчисленныхъ свободныхъ союзовъ среднихъ вѣковъ, не основанныхъ на общемъ владѣніи землей, главнымъ образомъ—вольные цѣхи. Принадлежавшее цеху исключительное право на какое нибудь занятіе разсматривалось, какъ его общая марка. Тѣми же самыми средствами и также ревниво, какъ и тамъ, слѣдили цехи за тѣмъ, чтобы каждый членъ имѣлъ по возможности равную долю въ предметѣ общаго пользованія.

Ту же самую изумительную способность приспособленія, какую марка проявила въ общественной жизни по отношенію къ самымъ разнообразнымъ ея запросамъ, она выказала также по отношенію къ развитію земледѣлія, въ борьбѣ съ растущей крупной земельной собственностью. Она возникла въ эпоху переселенія германцевъ въ Европу, т. е. въ то время, когда главнымъ источникомъ пропитанія служило скотоводство, а вынесенное изъ Азіи, полузабытое земледѣліе едва начинало снова развиваться. Она пережила всѣ средніе вѣка, выдержавъ трудную борьбу съ землевладѣльческимъ дворянствомъ. И всетаки она оставалась настолько необходимой, — что всюду, гдѣ дворянство завладѣвало крестьянской землей, подвластныя ему деревни со-

*) Не слѣдуетъ смѣшивать съ Бисмарко-Леонгардтовскими судами шеффеновъ, гдѣ шеффены и судьи совмѣстно постановляютъ приговоръ. Въ старыхъ судахъ шеффеновъ не было никакихъ юристовъ, предсѣдатель или судья не имѣлъ никакого голоса и судьи самостоятельно постановляли приговоръ.

храняли порядки строй марки, хотя и сильно урѣзанные землевладѣльческими притязаніями; ниже мы увидимъ примѣры этого. Она приспособлялась къ измѣняющимся формамъ владѣнія воздѣланной землей, пока оставалась какая нибудь общая марка, и къ самымъ разнообразнымъ правамъ собственности на общую марку, съ тѣхъ поръ какъ она перестала быть свободной. Она пришла въ упадокъ послѣ того, какъ вся почти крестьянская земля, какъ раздѣленная, такъ и нераздѣленная, была разграблена дворянствомъ и духовенствомъ при усердномъ содѣйствіи властей. Но экономически она устарѣла и утратила жизнеспособность, какъ форма земледѣлія, только тогда, когда подъ вліяніемъ быстрыхъ успѣховъ земельнаго хозяйства въ послѣднемъ столѣтіи земледѣліе превратилось въ науку и возникли совершенно новыя производственныя формы.

Разложеніе марки началось уже вскорѣ послѣ переселенія народовъ. Какъ представители народа, франкскіе короли захватывали громадные участки земли, принадлежавшіе всему народу, главнымъ образомъ лѣса, и раздаривали ихъ своимъ придворнымъ, своимъ полководцамъ, епископамъ и аббатамъ. Такимъ образомъ, они клали основаніе будущей крупной собственности дворянъ и церкви. Послѣдняя еще задолго до Карла Великаго владѣла *цѣлой третью всей земли* во Франціи. Такое же отношеніе сохранялось несомнѣнно въ теченіе всего средневѣковья почти во всей западной Европѣ.

Непрестанныя внутреннія и внѣшнія войны, естественнымъ слѣдствіемъ которыхъ являлся захватъ земли, разорили главную массу крестьянства, такъ что еще до Карла Великаго было много свободныхъ людей, лишенныхъ земельной собственности. Безостановочныя войны Карла Великаго сломили силу свободнаго крестьянства. Первоначально каждый свободный землевладѣлецъ обязанъ былъ служить и притомъ долженъ былъ не только вооружиться на свой счетъ, но и содержать себя въ теченіе шести мѣсяцевъ на военной службѣ. Не удивительно, что уже во времена Карла едва одинъ изъ пяти человѣкъ дѣйствительно являлся на службу. Во времена безалабернаго правленія его преемниковъ, крестьянская свобода еще быстрѣе пошла на убыль. Съ одной стороны, нападенія норманов, вѣчныя войны королей и усобицы знати принуждали свободныхъ крестьянъ, одного за другимъ, искать себѣ защитниковъ. Съ другой стороны, алчность дворянъ и церкви ускоряла этотъ процессъ. Хитростью, обѣщаніями, угрозами и силою забирали они подъ свою власть крестьянъ и крестьянскую землю. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ крестьянская земля превращалась во владѣльческую землю и по большей части снова отдавалась тѣмъ же крестьянамъ за оброкъ и барщину. А самъ крестьянинъ изъ свободнаго собственника превращался въ зависимаго, несущаго оброкъ и бар-

щину или прямо въ крѣпостного. У западныхъ франковъ, вообще къ западу отъ Рейна, это стало даже общимъ явленіемъ. Къ востоку отъ Рейна сохранилось, наоборотъ, большое количество свободныхъ крестьянъ, по большей части живущихъ отдѣльно, иногда соединенныхъ въ свободныя деревни. Но и здѣсь съ X по XII вѣкъ растущее могущество дворянства и церкви все больше давило на крестьянство и обрекало его на рабство.

Если духовный или свѣтскій помѣщикъ пріобрѣталъ крестьянскій участокъ, то онъ пріобрѣталъ вмѣстѣ съ тѣмъ и относящіеся къ участку права въ общей маркѣ. Новые землевладѣльцы становились, такимъ образомъ, членами марки, первоначально равноправными съ остальными членами, какъ свободными, такъ и не свободными, часто даже ихъ собственными крѣпостными. Но вскорѣ, не смотря на упорное сопротивленіе крестьянъ, они получили во многихъ мѣстахъ нѣкоторыя особыя права въ маркѣ; часто имъ удавалось совершенно подчинить марку своей власти. Но всетаки старая община—марка продолжала существовать, хотя и подъ господской опекой.

Насколько въ то время общественные распорядки общины-марки являлись существенно необходимыми для земледѣлія даже въ крупныхъ владѣніяхъ, доказываетъ колонизація восточной Пруссіи, Бранденбурга и Силезіи нидерландскими, саксонскими и рейнскими переселенцами. Начиная съ XII по XV вѣкъ, люди селились тамъ на владѣльческихъ земляхъ цѣлыми деревнями на основаніи германскаго права, т. е. стараго „права марки“ (Markrecht), поскольку оно сохранилось въ господскихъ владѣніяхъ. Каждый получалъ усадьбу, одинаковый со всѣми полевой участокъ по жребію и право на пользованіе лѣсомъ и пастбищемъ,—по большей части въ помѣщичьихъ угодьяхъ, иногда же въ особой маркѣ. Все это переходило по наслѣдству. Собственникомъ земли оставался помѣщикъ, ему колонисты платили извѣстный оброкъ и наслѣдственно обязывались исполнять нѣкоторыя работы на него. Но эти обязательства были такъ умѣрены, что положеніе крестьянъ здѣсь было лучше, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ Германіи. Поэтому они сохраняли спокойствіе, когда разразились крестьянскія войны. За эту измѣну своему собственному дѣлу они понесли, однако, жестокое наказаніе.

Въ общемъ въ половинѣ XIII вѣка въ положеніи крестьянъ начался рѣшительный поворотъ къ лучшему. Значительно содѣйствовали этому крестовые походы. Многіе землевладѣльцы, принявшіе въ нихъ участіе, совершенно освободили своихъ крестьянъ. Другіе умерли, пропали безъ вѣсти, сотни дворянскихъ родовъ совершенно исчезли, а крестьяне ихъ въ большинствѣ случаевъ получили свободу. Къ этому присоединилось и то обстоятельство, что по мѣрѣ роста потребностей земельныхъ

собственниковъ распоряженіе повинностями крестьянъ пріобрѣло гораздо болѣе важное значеніе, чѣмъ распоряженіе ихъ личностью. Крѣпостное право начала среднихъ вѣковъ, сохранившее многія черты древняго рабства, давало помѣщикамъ много такихъ правъ, которыя постепенно утрачивали свое значеніе. Понемногу оно вездѣ перерождалось, и крѣпостные приближались все болѣе къ вассаламъ. Система обработки земли оставалась прежнею и доходы собственника могли увеличиваться только отъ поднятія новыхъ земель и отъ заселенія новыхъ деревень. А этого можно было достичь только при помощи хорошаго обращенія съ колонистами, все равно были ли они подвластны землевладѣльцу или нѣтъ. Поэтому въ это время мы видимъ вездѣ твердо установленныя повинности крестьянъ, по большей части умѣренныя, и хорошее обращеніе съ самими крестьянами, особенно на земляхъ духовенства. Въ то же время выгодное положеніе новыхъ колонистовъ вліяло въ свою очередь и на условія жизни сосѣднихъ зависимыхъ крестьянъ. Такъ, во всей сѣверной Германіи эти послѣдніе, сохраняя свои повинности къ собственнику, получили личную свободу. Но только положеніе это было далеко не прочно.

Въ XIV и XV вѣкахъ города быстро выросли и разбогатѣли. Особенно процвѣтала городская роскошь и изящныя искусства въ южной Германіи и на Рейнѣ. Пышность городскихъ вельможъ не давала покоя сельскимъ юнкерамъ съ ихъ грубой одеждой, грубой пищей и неуклюжей мебелью. Но какъ доставать всѣ эти прекрасныя вещи? Разбои на большихъ дорогахъ становились все болѣе опасными и все менѣе прибыльными; а для покупокъ нужны были деньги. Но ихъ могъ доставлять только крестьянинъ. Отсюда усилившійся гнетъ на крестьянъ, увеличенные оброки и барщины, возобновившіяся упорныя попытки превратить свободныхъ крестьянъ въ зависимыхъ (Hörigen), зависимыхъ въ крѣпостныхъ, а земли общей марки—во владѣльческія земли. Въ этомъ дворянамъ-землевладѣльцамъ помогали римскіе юристы. Примѣняя римскіе законы къ германскимъ, непонятнымъ для нихъ отношеніямъ, они производили невообразимую путаницу, но умѣли производить ее такъ, что въ выигрышѣ оказывался всегда помѣщикъ, а крестьянинъ всегда проигрывалъ. Духовные землевладѣльцы устраивались еще проще,—они поддѣлывали документы, урѣзывая права крестьянъ и увеличивая ихъ повинности. Противъ такихъ разбойничьихъ пріемовъ дворянъ и поповъ возстали крестьяне; съ конца XV вѣка начались безпрестанные бунты, пока въ 1525 году ни разразилась великая крестьянская война, охватившая Швабію, Баварію, Франконію, Пфальцъ, Рейнскую область и Тюрингію. Крестьяне обезсилѣли въ жестокой борьбѣ. Съ этихъ поръ крѣпостное право снова расцвѣло среди нѣмецкихъ крестьянъ. Въ той мѣстности, гдѣ свирѣпствовала война, всѣ сохранившіяся у крестьянъ права

были откровенно уничтожены, ихъ общественныя земли превращены во владѣльческія, а они сами—въ крѣпостныхъ. А сѣверногерманскіе крестьяне, жившіе въ лучшихъ условіяхъ, въ вознагражденіе за то, что они не приняли участія въ общемъ возстаніи, попали нѣсколько времени спустя въ точно такое же угнетенное состояніе. Съ половины XVI вѣка крестьяне были окончательно закрѣпощены въ восточной Пруссіи, Помераніи, Бранденбургѣ и Силезіи, а съ конца XVI вѣка въ Шлезвигѣ-Гольштейнѣ.

Это новое угнетеніе крестьянъ имѣло и экономическую подкладку. Вслѣдствіе войнъ реформаціонной эпохи увеличилось могущество однихъ только нѣмецкихъ князей. Благородному разбойничьему промыслу дворянъ пришелъ конецъ. Если дворянинъ не хотѣлъ пасть очень низко, онъ долженъ былъ извлекать какъ можно больше доходовъ изъ своихъ владѣній. Единственнымъ средствомъ къ этому было обрабатывать хоть часть своихъ владѣній за свой счетъ по примѣру самыхъ крупныхъ землевладѣльцевъ, преимущественно монастырей. Что раньше являлось исключеніемъ, стало теперь необходимостью. Но препятстіемъ для этой новой системы хозяйства служило то, что земля почти вездѣ была сдана оброчнымъ крестьянамъ. Когда свободные и полусвободные оброчные крестьяне превратились въ крѣпостныхъ, господинъ получилъ полную свободу дѣйствій. Часть крестьянъ была или совсѣмъ прогнана, или обезземелена. Каждому крестьянину предоставлена была только хижина и кусокъ земли для огорода. Ихъ участки были соединены въ одинъ большой владѣльческій участокъ, который должны были воздѣлывать въ видѣ барщины эти безземельные крестьяне, а также и остальные, сохранившіе еще свои участки. Такимъ образомъ, съ одной стороны, значительная часть крестьянъ была разорена, съ другой—барщинная повинность остальныхъ сильно увеличена и съ теченіемъ времени увеличивалась все болѣе и болѣе. Капиталистическій періодъ въ земледѣліи начинался съ крупныхъ землевладѣльческихъ хозяйствъ, основанныхъ на крѣпостномъ барщинномъ трудѣ.

Этотъ переворотъ совершался вначалѣ довольно медленно. Но тутъ подошла тридцатилѣтняя война. Въ продолженіе цѣлой человѣческой жизни Германія была вся сплошь добычей самыхъ беспутныхъ въ мірѣ солдатъ. Грабежи, пожары, насилія и убійства царили вездѣ. Больше всего крестьянинъ страдалъ тамъ, гдѣ въ сторонѣ отъ главныхъ армій хозяйничали за свой страхъ и счетъ толпы добровольцевъ или, лучше сказать, разбойниковъ. Разореніе и опустошеніе страны не поддаются описанію. Когда, наконецъ, насталъ миръ, Германія лежала безпомощная, окровавленная, обезсиленная; и хуже всего опять-таки было крестьянину.

Дворяне-землевладѣльцы стали теперь единственными хозяевами земли. Князья, уничтожившіе къ этому времени всѣ политическія права дворянъ, предоставили имъ за то полную свободу дѣйствій въ отношеніи къ крестьянамъ. Послѣдняя сила сопротивленія крестьянъ была сломлена войной. Такимъ образомъ, дворянство могло устраивать свои земельныя дѣла какъ было выгоднѣе для поправленія разстроенныхъ финансовъ. До тѣхъ поръ брошенные крестьянскіе дворы не были еще крѣпко и окончательно связаны съ господской усадьбой; только теперь обезземеленье крестьянъ было поведено систематически и широко. Чѣмъ больше становился господскій участокъ, тѣмъ больше естественнымъ образомъ возрастала крестьянская барщина. Настало опять время несчитаной и немѣреной работы. Господинъ могъ заставлять своего крестьянина и его семью работать сколько заблагоразсудится. Крѣпостное право распространилось теперь всюду; свободный крестьянинъ сталъ такою же рѣдкостью, какъ бѣлый воронъ. А для того, чтобы господинъ имѣлъ возможность подавлять въ зародышѣ малѣйшее сопротивленіе крестьянъ, князья передали ему право вотчиннаго суда; онъ сталъ, такимъ образомъ, единственнымъ судьей надъ всѣми мелкими проступками и спорами крестьянъ, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда у крестьянина была тяжба съ самимъ господиномъ,—т. е. онъ становился судьей въ своемъ собственномъ дѣлѣ. Съ тѣхъ поръ въ деревнѣ стала царить палка и плеть. Нѣмецкій крестьянинъ, какъ и вся Германія, былъ доведенъ до глубочайшей степени униженія, онъ обезсилѣлъ до такой степени, что уже не могъ спасти себя самъ; помощь могла придти только извнѣ.

И она пришла. Вмѣстѣ съ французской революціей и для Германіи, и для германскаго крестьянина взошла заря лучшаго будущаго. Едва революціонныя арміи завоевали лѣвый берегъ Рейна, какъ тамъ, точно по волшебству, исчезъ весь старый хламъ барщинъ, оброковъ, всевозможныхъ повинностей въ пользу помѣщика, исчезъ и самъ помѣщикъ. Крестьянинъ на лѣвомъ берегу Рейна сталъ хозяиномъ на своемъ участкѣ. Кромѣ того, онъ получилъ созданный въ эпоху революціи и только испорченный Наполеономъ *Code civile*—Сводъ законовъ, опредѣляющій его новое положеніе. Его онъ могъ не только понимать, но даже съ удобствомъ носить въ карманѣ.

Но крестьянинъ на правомъ берегу Рейна долженъ былъ еще долго ждать. Положимъ, въ Пруссіи, послѣ заслуженнаго пораженія при Іенѣ, нѣкоторыя права дворянъ были уничтожены, и закономъ разрѣшено освобождать крестьянъ отъ остальныхъ повинностей. Но долгое время всѣ эти постановленія оставались на бумагѣ. Въ остальныхъ государствахъ произошло еще меньше перемѣнъ. Нужна была вторая французская революція 1830 года для того, чтобы въ Баденѣ и нѣкоторыхъ другихъ сосѣднихъ съ

Франціей мелкихъ государствахъ началось освобожденіе крестьянъ. Когда третья французская революція 1848 года увлекла, наконецъ, за собой и Германію, въ Пруссіи освобожденіе еще далеко не было закончено, а въ Баваріи даже еще не началось! Теперь дѣло дѣйствительно пошло быстрѣе; барщинная работа крестьянъ, тоже начавшихъ, наконецъ, бунтовать, потеряла теперь всякую цѣну.

Въ чемъ же заключалось это освобожденіе? За извѣстную сумму денегъ или за извѣстную долю крестьянскаго участка, землевладѣлецъ соглашался признать остальной участокъ крестьянина его свободной собственностью, не отягченной никакими повинностями. А между тѣмъ вѣдь всѣ дворянскія земли вообще представляли ни что иное, какъ отнятыя у крестьянъ земли! Мало этого. При размежеваніи, чиновники, приводившіе его въ исполненіе, жили обыкновенно у помѣщика и, конечно, держали его руку, такъ что крестьянинъ подвергался всѣмъ притѣсненіямъ, даже идущимъ въ разрѣзъ съ прямымъ смысломъ закона

И вотъ, наконецъ, благодаря тремъ французскимъ и одной нѣмецкой революціи, германскій крестьянинъ снова сталъ свободенъ. Но какъ далеко теперешнему свободному крестьянину до свободнаго члена марки древнихъ временъ! Его участокъ сталъ гораздо меньше, а нераздѣленная марка превратилась въ маленькій запущенный клочекъ общественнаго лѣса. А между тѣмъ безъ общей марки у мелкаго крестьянина-собственника не можетъ быть и скота, безъ скота—нѣтъ навоза, а безъ навоза не можетъ быть правильнаго хлѣбопашества. Сборщикъ податей и выглядывающій изъ за его спины представитель судебной власти,—оба хорошо знакомые современному крестьянину,—были совсѣмъ неизвѣстны общиннику старой марки, также какъ ростовщикъ, въ когти котораго попадаютъ одинъ за другимъ крестьянскіе дворы. Но хуже всего то, что эти новые свободные крестьяне появились въ Германіи,—гдѣ все происходитъ слишкомъ поздно, — именно тогда, когда земледѣльческая наука, съ одной стороны, и новоизобрѣтенныя земледѣльческія машины—съ другой, превратили мелкое землевладѣніе въ отжившую, нежизнеспособную форму хозяйства. Точно такъ же, какъ механическая пряжа и тканье безвозвратно уничтожили самопрялки и ручные ткацкіе станки, такъ новыя системы обработки земли уничтожатъ систему мелкаго земельнаго хозяйства, замѣнивъ ее крупной земельной собственностью.

Всему европейскому земледѣлію въ его современномъ видѣ угрожаетъ могущественный соперникъ въ видѣ американскаго массоваго производства хлѣба. Съ этой почвой, отъ природы плодородной, долгіе годы удобрявшейся и уступаемой за безцѣнокъ, не могутъ соперничать ни наши задолженные крестьяне, ни крупные собственники, тоже кругомъ запутавшіеся въ дол-

гахъ. Американская конкурренція убиваетъ всю систему европейскаго хозяйства. Земледѣліе можетъ сохраниться въ Европѣ единственно при томъ условіи, если оно будетъ вестись общиной и за счетъ общины.

Вотъ какіе виды на будущее могутъ имѣть нѣмецкіе крестьяне. Возникновеніе класса крестьянъ свободныхъ, хотя и нуждающихся, имѣло ту хорошую сторону, что теперь крестьяне очутились въ такомъ положеніи, при которомъ они — при содѣйствіи своихъ товарищей-рабочихъ — могутъ сами себѣ помочь, если только они пожелаютъ понять, *какъ* это сдѣлать.

А какъ же? Возстановивъ снова марку, но не въ ея отжившемъ, старомъ видѣ, а въ иной, обновленной формѣ; измѣнивъ земельную общину такимъ образомъ, чтобы она дала возможность отдѣльнымъ членамъ общины воспользоваться всѣми преимуществами крупнаго хозяйства и примѣненія земледѣльческихъ машинъ. Кромѣ того эта община должна доставить имъ средства устроить рядомъ съ земледѣльческимъ хозяйствомъ крупное промышленное производство, пользующееся силой пара и воды, и тоже за счетъ не капиталиста, а всей общины.

Крупное земледѣльческое хозяйство и примѣненіе земледѣльческихъ машинъ — это значитъ, иными словами, такой порядокъ вещей, при которомъ работа большинства мелкихъ землевладѣльцевъ, обрабатывающихъ собственнымъ трудомъ свои участки, становится ненужной. Для того, чтобы эти люди, оторваные отъ земледѣлія, не остались безъ работы и не были вытѣснены въ города, они должны получить на мѣстѣ фабричную работу, а фабричная работа требуетъ силы пара или воды.

УГЛЕКОПЫ.

Романъ Артура Грушецкаго.

(*Переводъ съ польскаго I. Е. М.*).

I.

Матвѣй Бибѣля, старшій углекопъ, вынулъ часы, посмотрѣлъ на нихъ при тускломъ свѣтѣ лампочки и крикнулъ грубымъ голосомъ:

— Эй, Адамъ, когда-же ты кончишь свою работу? Уже первый часъ—черезъ пять часовъ мы уходимъ, а дѣла много,— нужно мину заложить и уголь вывезти.

Тусклый, желтоватый огонекъ освѣтилъ усталое, морщинистое лицо, почернѣвшее отъ пыли, смѣшанной съ потомъ; только глаза сверкали изъ-подъ темныхъ густыхъ бровей.

— А чортъ бы его побралъ какой твердый уголь! Отъ усталости рукъ не чувствую,—послышалось съ высоты свода, гдѣ, у самой лѣстницы, тускло горѣла лампочка; отвѣчавшій продолжалъ работать надъ отверстіемъ пороховой мины.

— Ну, не ругайся такъ, далеко ли до бѣды!—отозвался другой углекопъ, Викентій Бѣлунь, опершись на тяжелую кирку, и поднялъ къ Адаму голову, крѣпко сидѣвшую на сильномъ, коренастомъ туловищѣ.

— За работу! — крикнулъ «старшій», Матвѣй, поднимая кверху лампочку:—Нечего ругаться, нечего каркать, какъ воронье надъ свѣжей падалью. Чему быть, того не миновать!..

Въ забоѣ штольни «Прокопа» разговоръ на время умолкъ; слышны были только стукъ угля, съ грохотомъ падавшаго въ стоявшіе на рельсахъ вагончики, мѣрные удары кирокъ, да скрипъ бурава, врѣзывавшагося въ плотные угольные слои.

Изъ глубины штольни «Прокопа» послышался отголосокъ тяжелыхъ шаговъ и удары палки по рельсамъ узкоколейной желѣзной дороги.

Матвѣй взглянулъ въ черную пасть штольни, гдѣ тревожно мерцалъ огонекъ лампочки, тускло освѣщая изуродованныя стѣны и бѣлыя деревянныя подпорки.

— Эй!—предупредилъ онъ—господинъ штейгеръ идетъ.

И сразу кирки ударили сильнѣй въ угольныя глыбы, рѣзче заскрежетали бурава въ скалѣ, сильнѣй загрохоталъ уголь, падая въ вагончики.

— Богъ на помощь!—послышался грубый голосъ.

— Спасибо,—дружно отвѣтило пять громкихъ голосовъ.

Матвѣй, какъ старшій углекопъ и надсмотрщикъ, бросилъ кирку и сталъ, вытянувшись, съ лампой въ лѣвой рукѣ, готовый къ рапорту.

— Когда заложишь мину?—спросилъ штейгеръ, поднимая лампу къ самому лицу Матвѣя.

— Черезъ часъ, господинъ штейгеръ!—коротко отвѣтилъ тотъ.

— Лишь бы не позже; смотри, выбрать весь уголь; пусть другіе сами на себя работаютъ, а мы будемъ на себя.

— Хорошо, господинъ штейгеръ!

Штейгеръ взглянулъ на работу углекоповъ, направляя по очереди лучъ свѣта на каждаго изъ нихъ. Хотя тусклый огонекъ лампочки слабо озарялъ окружающую темноту, однако изъ нея довольно ясно вырисовывалась высокая, сильная, крупная фигура молодого штейгера Гелляка, съ большимъ заросшимъ лицомъ, свѣтлыми глазами, въ темной курткѣ, высокихъ сапогахъ и съ большими, грубыми руками.

— Эй! ты, па лѣстницѣ!..—крикнулъ штейгеръ послѣ короткаго молчанія,—очень глубоко?

— Будетъ по плечо.

— Вверху спокойно?—продолжалъ спрашивать штейгеръ, разсматривая погруженный въ темноту потолокъ.

— Да, господинъ штейгеръ!—послышался отвѣтъ.

— Уголь предостережетъ углекопа...—не смѣло проговорилъ Матвѣй и, ободренный молчаніемъ штейгера, продолжалъ:—уголь, господинъ штейгеръ, когда падаетъ на углекопа, шумитъ, какъ лѣсъ въ бурю.

— А то Скарбникъ *) остережетъ,—осмѣлившись добавилъ Бѣлунь.

— Молчать!—заоралъ штейгеръ,—ни уголь, ни Скарбникъ не остережетъ васъ,—подпорки ставьте, какъ слѣдуетъ, и все будетъ отлично.—Замѣтивъ молодого нагрузчика, который, заинтересовавшись разговоромъ, пересталъ было набирать уголь въ ящики, штейгеръ крикнулъ:

— Чего пялишь глаза, лѣнтяй! Набирай уголь, мерзавецъ.

---

*) Скарбникъ—легендарный владѣлецъ и хранитель подземныхъ сокровищъ.

Прим. перев.

Мальчишка до того перепугался, что уголь вывалился у него изъ рукъ, а самъ онъ не могъ отвести глазъ отъ штейгера.

Замѣтивъ это, начальникъ ударилъ киркой въ близь лежавшую глыбу угля и продолжалъ кричать:

— Что же ты смотришь на меня?

Нагрузчикъ молчалъ.

— Говори!—раздался суровый приказъ.

Молчаніе и испугъ нагрузчика начинали раздражать штейгера, привыкшаго къ безграничному повиновенію подчиненныхъ.

Онъ схватилъ мальчика за плечи и такъ встряхнулъ, что ящикъ, наполненный углемъ, съ грохотомъ упалъ на землю; взбѣшенный штейгеръ крикнулъ надъ самымъ ухомъ мальчика:

— Говори же!

— Не знаю,—пробормоталъ тотъ.

— Не знаетъ, а смотритъ, какъ скотина... За работу!—крикнулъ онъ, ударивъ при этомъ мальчика въ затылокъ.

Нагрузчикъ скорчился подъ тяжелымъ ударомъ и съ трудомъ удержался на ногахъ, протянувъ безпомощно руки и ища въ пространствѣ точку опоры. Одинъ изъ углекоповъ разсмѣялся. Смѣхъ долетѣлъ до ушей штейгера.

— Эй, ты! чего смѣешься?

Разсмѣявшійся углекопъ, дѣлая видъ, что не знаетъ, къ кому обращаются, усердно продолжалъ долбить глыбу угля.

— Эй, ты, около стѣны!—закричалъ штейгеръ,—какъ тебя зовутъ?

— Войцѣхъ Шпалекъ,—отвѣтилъ тотъ, повернувшись лицомъ къ штейгеру.

Тотъ приблизился и блеснулъ лампочкой передъ самымъ лицомъ углекопа; молодое, желтоватое лицо поблѣднѣло, а большіе, голубые глаза смотрѣли съ тревогой на ироническую улыбку штейгера.

— А, это ты!—уже мягче проговорилъ штейгеръ.—Не будь такъ веселъ, послѣ веселья бываютъ слезы,—сказалъ штейгеръ и обратился къ Матвѣю:—хватитъ брусьевъ?—Онъ опустилъ лампочку, осматривая сосновый столбъ, приготовленный для подпорки въ новой штольнѣ.

— Хватитъ, господинъ штейгеръ, тутъ нѣтъ даже и девяти метровъ.

— А пороху?

— Я хотѣлъ было просить у васъ квитанцію на порохъ.

— Ахъ вы, черти! Неужели я долженъ заботиться о каждой мелочи?—кричалъ начальникъ.

Матвѣй молчалъ. Тогда штейгеръ вынулъ квитанцію, по которой можно было получить 12 фунтовъ пороху изъ подземнаго склада, и отдалъ ее Матвѣю.

Штейгеръ постоялъ еще немного, посмотрѣлъ на работу и вышелъ.

Матвѣй провожалъ глазами лампочку штейгера, мелькавшую въ глубокой темнотѣ штольни, а когда она исчезла на поворотѣ, вздохнулъ такъ глубоко, какъ будто у него гора съ плечъ свалилась.

— Камень, а не человѣкъ...

— Завзятый шельма!—прибавилъ Бѣлунь.

— Злой онъ — это правда, но я его не боюсь,—сказалъ молодой Войцѣхъ, протягивая кверху свои сильныя, мускулистыя руки. Всѣ продолжали работать. Послѣ продолжительнаго молчанія, Матвѣй спросилъ:

— Что же, Адамъ, готово?

— Черезъ четверть часа будетъ готово! Можно идти за порохомъ.

— Ну, такъ я иду... а вы уберите тѣмъ временемъ уголь, наполните вагончики, чтобы все было чисто... А ты, Янъ,—обратился онъ къ нагрузчику,—пойдешь со мною безъ лампы: понесешь порохъ.

Послѣ ухода Матвѣя углекопы нѣкоторое время молча отдыхали, но вскорѣ принялись опять за работу, въ ожиданіи возвращенія старшаго. Они наполнили четыре вагончика и ждали у входа въ новый забой. Вскорѣ Матвѣй вернулся, отобралъ порохъ у нагрузчика и сказалъ:

— Ты, Янъ, отвези вагончики и живо возвращайся, работы пропасть!.. Кирки, мѣшки, жестянки въ порядкѣ?

Викентій и Войцѣхъ обшарили съ лампочками старый забой, вынесли оттуда всѣ вещи и стали съ Матвѣемъ у входа. Только Адамъ прочищалъ отверстіе, стоя вверху на лѣстницѣ.

— Слѣзай скорѣе, порохъ свое сдѣлаетъ!—крикнулъ Матвѣй.

— Еще минутка и готово! — отвѣтилъ тотъ. Заскрипѣлъ уголь, и углекопъ, довольный своей работой, крикнулъ:

— Ну, вотъ и готово, можно порохъ заложить!—Онъ уже слѣзалъ и съ довольной улыбкой постукивалъ буравомъ въ стѣну, приговаривая:

— Вотъ ты, уголекъ, поѣдешь ночью въ шахту, увидишь тамъ солнышко на небѣ...—Вдругъ вверху раздался оглушительный трескъ и огромная глыба угля, оторвавшись надъ самой головой углекопа, задѣла его, въ дребезги разбила лѣстницу и съ глухимъ шумомъ упала внизъ, разсыпаясь на мелкіе куски и поднимая цѣлое облако пыли.

Въ первую минуту углекопы стояли неподвижно и съ ужасомъ смотрѣли въ черное отверстіе, откуда не доносилось ни малѣйшаго звука, кромѣ шороха все еще сыпавшагося угля. Силь-

ная струя воздуха потушила лампочки; всѣ бросились искать спичекъ; вскорѣ засвѣтились маленькіе желтые огоньки. При этомъ тускломъ освѣщеніи вырисовывались фигуры трехъ углекоповъ, блѣдныхъ, нѣмыхъ отъ ужаса.

Первымъ опомнился Матвѣй, перекрестился и набожно произнесъ:

— Вѣчная память!

За нимъ оправились и остальные. Бѣлунь снялъ шапку и тихо произнесъ:

— Упокой, Господи, душу усопшаго!

— Ужъ и умеръ!—возмутился молодой Шполекъ; оглушило его, только и всего.

— Нужно спасать его! — воскликнулъ Матвѣй, сбрасывая мѣшокъ, и всѣ трое одновременно бросились въ забой, съ нѣмымъ ужасомъ посматривая кверху. Они повѣсили лампочки на крючкахъ, вколоченныхъ въ стѣны, поправили огонь и дружно принялись за работу. Обвалившаяся глыба засыпала значительную часть забоя. Чтобы добраться до мѣста, гдѣ стояла лѣстница, нужно было сначала прочистить входъ. Они судорожно стали отбрасывать наваленный уголь. Потъ струился съ усталыхъ лицъ. Викентій раньше остальныхъ пришелъ въ себя и началъ:

— А вы слышали, какъ Скарбникъ остерегалъ его... явственно слышенъ былъ стукъ.

— Ну, я въ это мало вѣрю!—отвѣчалъ Войцѣхъ.

— Молодъ ты еще, оттого и глупъ, — поработалъ бы, какъ я, въ «Іонѣ» пятнадцать лѣтъ, тогда-бы повѣрилъ.

— А ты видѣлъ его?—спросилъ Матвѣй.

— Какъ не видать!—пробормоталъ Викентій.

— А какой онъ?—спросилъ Войцѣхъ.

— Теперь потише работайте—крикнулъ Матвѣй,—кирки вверхъ! Расчищать только рукоятками!

Осторожно, въ гробовомъ молчаніи, углекопы отбрасывали уголь. Три лампочки слабо освѣщали ихъ согнутыя фигуры, отражаясь въ кожаныхъ латахъ, блестя на засаленныхъ шапкахъ и острыхъ стальныхъ киркахъ.

— Дай сюда лампочку, Войцѣхъ, посвѣти! У меня что-то мягкое подъ рукояткой.

Лампочка освѣтила небольшое пространство. Оказалось, что это былъ мѣшокъ засыпаннаго углекопа.

Двое продолжали работать при свѣтѣ лампочки; наконецъ, подъ стѣной они натолкнулись на тѣло, засыпанное мелкимъ углемъ и толстымъ слоемъ пыли.

— А что, живъ?—спросилъ Войцѣхъ.

— Снесемъ его въ штольную, тамъ можно будетъ удобнѣе уложить тѣло,—распорядился Матвѣй.

Войцѣхъ приблизилъ свѣтъ къ самой головѣ лежавшаго. Лицо его было почти черное; со слипшихся волосъ сбѣгала тонкая струя крови, свертываясь маленькими шариками въ пыли и застывая на лохмотьяхъ разорванной рубахи. Лѣвая часть тѣла, отъ лопатки до пояса, была совсѣмъ обнажена и имѣла видъ чернаго, сыраго, испорченнаго мяса.

Матвѣй, не говоря ни слова, поднялъ одну руку, потомъ другую у безжизненно лежавшаго Адама и тихо сказалъ:

— Руки цѣлы... А ноги?—Какъ разъ въ это время Викентій осматривалъ ноги.

— Правая здорова, а лѣвая обнажена и окровавлена. Берите за ноги, а ты, Войцѣхъ, поддерживай голову и освѣщай дорогу.

Они подняли безжизненное тѣло и медленно двинулись къ штольнѣ, спотыкаясь на груды угля. Въ штольнѣ они опустили тѣло на землю. Матвѣй сталъ на колѣни и приложилъ ухо къ сердцу.

— Еще осталось немного жизни,—сказалъ онъ.

— Ты, Войцѣхъ, сбѣгай за вагончикомъ, а мы пойдемъ захватимъ инструменты.

Молодой углекопъ быстро побѣжалъ вдоль штольни, а Матвѣй и Викентій вернулись въ забой за кирками и лопатами.

— Такъ вотъ и умеръ—проговорилъ Викентій.

— Каждый родится для того, чтобы умереть...—философствовалъ Матвѣй;—что же тутъ удивительнаго?

— Прямо не вѣрится, какъ подумаешь: человѣкъ только что разговаривалъ, а теперь лежитъ безъ чувствъ, какъ колода,—сказалъ Викентій.

— Вотъ штейгеръ будетъ злиться: вѣдь за этотъ мѣсяцъ у него пропадетъ опять 10 руб.

— Ну, для штейгера 10 руб. пустяки, а вотъ горе вдовѣ да ребятишкамъ.

— А Богъ таки щедро наградилъ ихъ этимъ добромъ—вздохнулъ Матвѣй, старательно отыскивая упавшую жестянку для кофе.

— Старшая дочь пойдетъ на работу, вдова получитъ коечто изъ кассы взаимопомощи; но всетаки, какъ тутъ выжить съ четырьмя ребятишками?

— Не наше это дѣло—отвѣтилъ Матвѣй, который нашелъ, наконецъ, въ углу жестянку.

Они вернулись въ штольню, гдѣ мелькали лампочки рабочихъ и слышался глухой стукъ быстро катившагося вагончика. Когда вагончикъ, подталкиваемый Войцѣхомъ и нагрузчикомъ, подъѣхалъ слишкомъ близко къ тѣлу Адама, Матвѣй крикнулъ.

— Осторожно! (окрикъ обычный у углекоповъ, призывающій ко вниманію).

Вагончикъ остановился. Нагрузчикъ съ лампочкой наклонился надъ лежавшимъ и крикнулъ въ испугѣ:

— О, Господи!—да это человѣкъ!

— А ты думалъ, собака—проворчалъ Викентій. Въ эту минуту приблизились другіе углекопы, которые только что спустились въ шахту на дневную смѣну.

— Богъ на помощь!—сказали они мрачно.

— Спасибо—отвѣтили прежніе.

Всѣ тѣснымъ кольцомъ окружили тѣло Адама и нѣкоторое время стояли въ молчаніи... Потомъ почти одновременно всѣ стали на колѣни и начали вполголоса читать молитву за усопшихъ.

Скоро всѣ встали, и одинъ изъ прибывшихъ сталъ разсказывать испуганнымъ голосъ:

— Какъ только вошелъ я на спускъ, такъ меня и обдало чѣмъ-то холоднымъ... Дрожь пробѣжала по всему тѣлу и я сталъ молиться св. Варварѣ, нашей заступницѣ и защитницѣ отъ внезапной и неожиданной смерти.

— А передо мной мелькнуло что-то бѣлое, словно ясное облачко—добавилъ второй.

— Душа спѣшила проститься со своими.

— Да какъ же это случилось?—отозвалось нѣсколько голосовъ. Всѣ три очевидца одновременно начали разсказывать о случившемся своимъ ближайшимъ сосѣдямъ. Самое большое впечатлѣніе произвели слова Викентія, который живо передалъ, какъ ругался Адамъ, какъ онъ его останавливалъ и, наконецъ, какъ предупреждалъ его стукомъ даже самъ Скарбникъ.

Вдругъ, среди оживленнаго разговора послышался тихій, жалобный стонъ. Всѣ вздрогнули и затихли.

— Онъ живъ еще!—промолвилъ кто-то.

— Вѣдь я вамъ говорилъ, что живъ,—торжествующе сказалъ Матвѣй.—Ну, помогите положить его, можетъ еще поправится.

— Конечно!—воодушевленно крикнулъ Войцѣхъ.

Стоны Адама понемногу утихали; товарищи осторожно положили его въ вагончикъ и тихо двинулись впередъ.

II.

Нагрузчикъ съ Войцѣхомъ слегка подталкивали вагончикъ. Впереди шелъ Матвѣй, сбоку Викентій. Лампочки бросали мерцающій свѣтъ, переливавшійся въ капляхъ воды, струившихся по стѣнамъ; онъ отражался на мокрыхъ рельсахъ и колесахъ вагончика, тускло освѣщая черную, густую темноту штольни, поддерживаемой тонкими деревянными столбами.

Изрѣдка Викентій приближалъ лампочку къ лицу лежав-

шаго Адама, смотрѣлъ на закрытые, глубоко ввалившіеся глаза, на плотно сжатыя губы, съ выраженіемъ застывшей боли, смотрѣлъ на черную, запекшуюся кровь и тяжело вздыхалъ.

Встрѣчавшіеся по дорогѣ углекопы останавливались на нѣсколько минутъ, спрашивали имя погибшаго, мѣсто, гдѣ случился обвалъ, и, тяжело вздохнувъ, продолжали свой путь.

Штольня «Прокопа» находилась на глубинѣ 120 метровъ ниже поверхности земли. Печальная процессія должна была добраться до основанія шахты, центра копей, лежавшаго еще глубже на 300 метровъ подъ землею; тамъ, въ шахтѣ ритмически поднимались и опускались подъемные ящики. Въ этихъ ящикахъ углекопы въ шесть часовъ утра спускались на работу, а въ шесть часовъ вечера подымались для двѣнадцати-часового отдыха на поверхность земли. Рабочіе, входившіе теперь, принадлежали къ дневной смѣнѣ, Матвѣй-же съ товарищами находился въ эту недѣлю въ ночной смѣнѣ, работавшей отъ шести часовъ вечера до шести утра.

Далѣе печальный кортежъ свернулъ на право и сталъ спускаться по уклону, лежавшему подъ острымъ угломъ, по направленію къ другой нижней штольнѣ «Іосифа».—Вдоль этого уклона, пересѣкавшаго поперекъ всѣ штольни, были уложены рельсы. По одной сторонѣ бѣжали внизъ, по направленію къ штольнѣ «Іосифа», наполненные углемъ вагончики, которые автоматически, силою своей тяжести поднимали другой рядъ пустыхъ вагончиковъ вверхъ, въ штольню «Прокопа». Замкнутый эллипсъ, расположенный вдоль уклона, безустанно гремѣлъ отъ движенія вагончиковъ: здѣсь работала цѣлая армія подземныхъ работниковъ, занятыхъ при разгрузкѣ, нагрузкѣ, на тормазахъ, при сцѣпкѣ, перевозкѣ и откатываніи вагончиковъ.

Сворачивая къ спуску, товарищи подняли раненаго на руки и понесли его въ штольню «Іосифа», громко повторяя при этомъ обычный окликъ: «осторожно».

Мимо нихъ съ шумомъ и свистомъ мчались вагончики, отъ которыхъ углекопамъ постоянно приходилось уклоняться то въ ту, то въ другую сторону, чтобы ихъ не задѣло и не втянуло подъ колеса.

Въ штольнѣ «Іосифа» раненаго опять положили въ вагончикъ и медленно двинулись впередъ, какъ вдругъ передъ ними появилась фигура старика, вышедшаго изъ темнаго углубленія, и послышался густой, низкій голосъ:

— Богъ на помощь!

Этотъ старый рабочій былъ извѣстенъ когда-то своей отвагой и ловкостью, но съ утратой физическихъ силъ онъ постепенно спускался на болѣе низкія ступени и теперь служилъ сторожемъ при подземномъ складѣ пороха и динамита въ глубинѣ копей. Безъ свѣта, лишенный права даже курить трубку

онъ неподвижно просиживалъ по двѣнацати часовъ въ сутки, впродолженіе цѣлыхъ восемнадцати лѣтъ, на маленькой скамейкѣ, выдолбленной въ стѣнѣ, у дверей склада, запертаго на нѣсколько замковъ, въ вѣчной темнотѣ, которую освѣщала только маленькая лампочка, прикрѣпленная надъ дверью склада, да случайное появленіе рабочихъ. Ноги у него одеревенѣли въ суставахъ, спина сгорбилась отъ неудобнаго сидѣнья, глаза какъ бы сузились отъ недостатка свѣта, онъ весь пожелтѣлъ въ этой глубокой темнотѣ; лицо его обрюзгло, какъ у долголѣтняго узника; волосы и борода совсѣмъ побѣлѣли, онъ весь дрожалъ отъ холода и сырости, прикованный своею службою къ четырехметровому пространству, которое онъ могъ оставлять только на двѣнадцать часовъ въ сутки. Онъ пересталъ уже высчитывать свой возрастъ количествомъ пережитыхъ лѣтъ, его лѣтосчисленіе опредѣлялось теперь цифрами привезеннаго пороха и динамита. Каждый новый транспортъ взрывчатыхъ веществъ, каждая повѣрка въ складкѣ, были важными событіями въ его жизни. Старикъ остановилъ вагончикъ и съ любопытствомъ бывалаго человѣка началъ разспрашивать о подробностяхъ катастрофы. Онъ быстро взялъ лампочку, съ довольной улыбкой поправилъ огонь и съ видомъ знатока началъ разсматривать раны. Послѣ тщательнаго осмотра онъ покачалъ своей сѣдой головою.

— Что-же, дядя Валентъ,—поправится онъ?—спросилъ Матвѣй, который служилъ когда-то подъ начальствомъ старика. Но тотъ не отвѣчалъ прямо, поднялъ свои маленькіе, прищуренные глаза и тихо сказалъ:

— Такой славный углекопъ, и какъ это Скарбникъ не остерегъ его?..

— Да онъ стучалъ совершенно отчетливо, мы всѣ слышали—отозвался Викентій.—Что-же дѣлать, не отскочилъ во время подъ стѣну.

— Въ томъ то и бѣда,—сказалъ Валентъ,—Скарбникъ милостивъ, но за неповиновеніе мститъ. Не убилъ его совсѣмъ—дѣтокъ пожалѣлъ, а можетъ быть св. Варвара подставила свой мечъ, и глыба не обрушилась всей тяжестью на него; а всетаки наказанъ.

— Да, это вѣрно, дядя Валентъ—вставилъ Матвѣй—этотъ Адамъ насмѣхался надъ углемъ: говорилъ, что повезутъ его въ шахту, что солнышко освѣтитъ его...

— О, это плохо! Этого Скарбникъ не любитъ. Если онъ и позволяетъ добывать уголъ, то только по добротѣ своей, изъ милости... Уголь нужно брать съ благодарностью и благоговѣніемъ. Адамъ пошутилъ, а Скарбникъ его за это бацъ!.. Онъ всегда такой; шутить съ нимъ нельзя.

Изъ глубины штольни глухо доносился грохотъ вагончиковъ, и вскорѣ послышался обычный возгласъ: «осторожно»!

Углекопы съ раненнымъ отправились дальше. Они несли его по крутымъ спускамъ, везли черезъ штольни, прислушиваясь къ тихимъ стонамъ, которые издавалъ раненый при перекладываньи и смѣнѣ вагончиковъ. Наконецъ они добрались до основанія шахты. Здѣсь, въ шахтѣ ритмически опускались и поднимались подъемные ящики, висѣвшіе на стальныхъ канатахъ и приводимые въ движеніе паровой машиной. Черезъ эту шахту приливала и отливала цѣлая волна углекоповъ, цѣлая армія такъ называемыхъ «шлепровъ», къ которой принадлежали всѣ вспомогательные рабочіе... Этой же дорогой отправлялась вся масса добытаго угля, подъ присмотромъ спеціальныхъ рабочихъ: накатчиковъ и откатчиковъ. Первые съ автоматическою точностью и быстротою вкатывали на площадку подъемнаго ящика наполненные углемъ вагончики; вторые скатывали пустые вагончики, спускаемые сверху. Все это продѣлывалось молча, автоматически, спокойно. Два удара электрическаго звонка обозначали уголь, четыре увѣдомляли о спускѣ или подъемѣ людей. Рабочіе, поглощенные своей автоматической работой, мелькомъ взглянули на привезеннаго въ вагончикѣ Адама и почти безсознательно произнесли обычное: Богъ на помощь! Тутъ нѣтъ никакихъ мыслей, никакихъ чувствъ, никакихъ волненій, никакихъ произвольныхъ движеній—здѣсь все строго разсчитано и опредѣлено; здѣсь все подчиняется суровой, безстрастной, неумолимой силѣ слѣпой машины. Одно неловкое движеніе головы или руки, минута замедленія въ скатываніи или накатываніи вагончиковъ, и несчастіе готово.

Здѣсь, подъ мрачнымъ скалистымъ сводомъ, несчастіе распростерло свои черныя крылья, обагренныя кровью, паря въ пыльной атмосферѣ копей. Оно не страшится яркаго свѣта электрическихъ лампъ, стука вагончиковъ, ржанья лошадей, привозящихъ цѣлые поѣзда угля, шума и говора рабочихъ.

Оно неустанно слѣдитъ жаднымъ испытующимъ взоромъ за людьми, ожидая малѣйшаго несоотвѣтствія между ударами звонка и движеніями людей, чтобы ринуться и раздавить человѣческую жизнь.

Вагончикъ съ Адамомъ ждалъ своей очереди. Тутъ же, за ними остановился гнѣдой конь, съ усиліемъ дотащившій цѣлый поѣздъ угля, и прислонился къ нему своею грудью. Благородное животное съ любопытствомъ наклонилось надъ Адамомъ, обнюхивая его одежду; но, натолкнувшись на обнаженное мясо, покрытое запекшейся кровью, смѣшанной съ углемъ, конь вздрогнулъ, рванулся въ сторону, опустилъ голову и съ ужасомъ сталъ смотрѣть на безчувственнаго углекопа. Накатчикъ нажалъ четыре раза звонокъ, и вагончикъ вкатили на платформу; его обступили товарищи, и подъемный ящикъ, сильно закачавшись, быстро началъ подниматься вверхъ. Под-

нимавшихся окружалъ со всѣхъ сторонъ срубъ шахты, надъ ними и подъ ними находились доски подъемнаго ящика; желтый свѣтъ трехъ лампочекъ бросалъ странный отблескъ на лицо раненаго, напоминая погребальныя свѣчи.

Войцѣхъ, самый младшій изъ углекоповъ, съ дрожью въ голосѣ прошепталъ:

— Мы точно въ гробу.

— Тамъ вѣроятно темнѣе!—отозвался нагрузчикъ Янъ.

— Да замолчите вы!—крикнулъ раздраженный Матвѣй.

Наконецъ, они достигли поверхности земли. Откатчики скатили вагончикъ и пробормотавъ:—Богъ на помощь, спросили:

— Живъ?

— А Богъ его знаетъ—отвѣтилъ Викентій.

Въ ожиданіи вагончиковъ съ углемъ, рабочіе стояли наготовѣ, чтобы передавать уголь въ сортировки. Работали здѣсь большей частію женщины и подростки.

При появленіи вагончика съ Адамомъ, женщины съ любопытствомъ заглянули въ него и громкимъ крикомъ ужаса обратили вниманіе другихъ.

Въ огромномъ надшахтномъ зданіи среди грохота угля, звонковъ, грома телѣжекъ, свиста и рева машинъ, скрежета колесъ и цѣпей раздались стоны и причитанія женщинъ. Только громкій, повелительный голосъ надсмотрищика прекратилъ смятеніе. Появился фельдшеръ и принялъ раненнаго у усталыхъ товарищей; они же поспѣшно направились въ контору, чтобы извѣстить штейгера и управленіе о происшествіи, сдать отчетъ въ сегодняшней работѣ и лично присутствовать при перекличкѣ рабочихъ, выходившихъ изъ копей.

III.

Осеннее утро было сѣро и пасмурно. Туманъ, смѣшанный съ черными клубами дыма, окутывалъ разбросанныя зданія, стелясь по самой землѣ. Пригнетаемый собственною тяжестью, онъ лѣниво перекатывался, какъ бы утомленный ночной работой и усыпленный позднимъ разсвѣтомъ. Отъ времени до времени онъ всѣмъ своимъ чудовищнымъ, закоптѣлымъ туловищемъ окутывалъ колоссальными кольцами выступы зданій и погружалъ ихъ въ таинственный полумракъ. Между тѣмъ въ шахтѣ гудѣли, выли, свистѣли машины, сортировки съ глухимъ грохотомъ разбирали уголь, вагоны громыхали, стучали, скрипѣли, ударяясь другъ о друга; всѣ эти отголоски подхватывала почернѣвшая мгла, впитывала ихъ въ себя и, сливая въ одинъ мощный, угрожающій ревъ, глухо передавала куда-то далеко, другимъ туманамъ, застилавшимъ окрестности.

Повременамъ открывались двери мастерскихъ, и красный

отблескъ прорѣзывалъ мглу; на одно мгновеніе показывались тѣни рабочихъ, обрисовывались контуры зданій и затѣмъ все опять исчезало въ сырой мглѣ, какъ видѣніе. Контора копей «Іоны» помѣщалась въ каменномъ, одноэтажномъ, длинномъ и неуклюжемъ зданіи, какъ бы придавленномъ высокими трубами и огромными сооруженіями шахты; она стояла вдали, напоминая своимъ видомъ огромнаго, отвратительнаго, темнаго червя, присосавшагося къ копямъ, разбухшаго и изнемогающаго отъ пресыщенія. Два ярко освѣщенныхъ окна казались мигающими глазами; остальная же часть зданія тонула въ сырой, непроницаемой мглѣ, временами только, при дуновеніи вѣтра, обрисовываясь яснѣе.

Когда Матвѣй съ товарищами подошелъ къ зданію, въ дверяхъ показалась кучка рабочихъ; раздѣлившись на группы, они быстро исчезли въ туманѣ. Первымъ вошелъ Матвѣй и, стоя у дверей, сказалъ:

— Богъ на помощь!

Въ глубинѣ большого продолговатаго, бревенчатаго зала, слабо освѣщеннаго висячей лампой, стояло нѣсколько рабочихъ, отдѣленныхъ отъ штейгера и трехъ конторскихъ служащихъ деревяннымъ барьеромъ.

Стоявшая за перегородкой лампа бросала яркій свѣтъ на длинный столъ, заваленный бумагами, и на сидѣвшихъ кругомъ служащихъ. Штейгеръ, узнавъ Матвѣя по голосу, крикнулъ обычнымъ при подземныхъ работахъ громкимъ голосомъ:

— Чего тащишься, какъ дохлая кляча?.. Я васъ проучу!.. Ну, разсказывай!..

Матвѣй медленно подошелъ къ мѣсту, освѣщенному лампой, выпрямился и сказалъ:

— Случилось несчастіе, господинъ штейгеръ!

Только теперь штейгеръ и служащіе посмотрѣли на Матвѣя: лицо его было черно и покрыто пылью, на выпукломъ желтоватомъ лбу прилипли пряди волосъ, на рукавахъ виднѣлась запекшаяся кровь, присохшая къ его одеждѣ, а весь передъ блузы алѣлъ кровавыми пятнами.

— Говори!—сказалъ сдавленнымъ голосомъ штейгеръ. Онъ нагнулся впередъ всѣмъ своимъ крупнымъ туловищемъ и пристально смотрѣлъ большими свѣтлыми глазами, поглаживая грубой рукой черную густую бороду, покрывавшую скуластое нахмуренное лицо.

— Мы уже собирались уходить, ожидая въ «Прокопѣ» Адама, какъ вдругъ обрушился сводъ и засыпалъ его, а лѣстницу разбилъ въ дребезги.

— Живъ?—спросилъ штейгеръ съ затаенной злобой.

— Все время, когда мы его везли, онъ не приходилъ въ сознаніе. Теперь его увезли въ больницу.

Одинъ изъ служащихъ, молоденькій брюнетъ, съ черными усиками и небольшой бородкой подмигнулъ штейгеру и, улыбаясь, сказалъ по нѣмецки:

— Опять ухнуло десять рублей!

— Такое ужъ мое счастье, — отвѣчалъ штейгеръ тоже по нѣмецки, — въ этомъ году уже третій разъ они ускользаютъ изъ моихъ рукъ. Вотъ, вотъ кажется получу, бацъ... и опять кто нибудь свернулъ себѣ шею.

Матвѣй понималъ по нѣмецки, но не обнаружилъ этого ни однимъ движеніемъ. Высокаго роста, хорошо сложенный, не много сутуловатый, онъ стоялъ молча и серьезно.

Штейгеръ посмотрѣлъ на него и спросилъ:

— А остальные изъ твоего номера цѣлы?

— Да, господинъ штейгеръ, они здѣсь.

— Нужно составить протоколъ... Разсказывай!

— Хорошо, господинъ штейгеръ!

Служащій, молодой брюнетикъ, пригладилъ бѣлой рукой напомаженные волосы, подкрутилъ усики, обмокнулъ перо, открылъ книжку, закурилъ тоненькую папироску и ждалъ. Штейгеръ началъ диктовать:

— Номеръ 26, состоящій изъ старшаго углекопа Матвѣя Бибѣли и углекоповъ: Викентія Бѣлуня, Адама Гротка, Войцѣха Шпалка и нагрузчика Янъ Ляха—при этомъ онъ повелъ рукою въ сторону стоявшихъ рабочихъ — работалъ въ ночной смѣнѣ въ забоѣ, въ штольнѣ «Прокопа». Послѣ моего посѣщенія, въ 1 часъ и 30 минутъ утра, случилось слѣдующее...

Начался подробный допросъ свидѣтелей, потомъ они подписались. По окончаніи всѣхъ формальностей, штейгеръ обратился къ Матвѣю:

— Теперь тебѣ нуженъ рабочій для ночной смѣны?

— Да, господинъ штейгеръ.

— Кстати, у насъ есть новый изъ Силезіи — отозвался одинъ изъ служащихъ.

— А гдѣ же онъ?

Служащій посмотрѣлъ въ книгу и крикнулъ:

— Владиславъ Пакошъ!

— Здѣсь—послышался звучный голосъ изъ глубины зала.

— Ступай сюда!—крикнулъ штейгеръ.

Къ мѣсту приблизился молодой человѣкъ, высокаго роста, стройный, съ свѣжимъ, покраснѣвшимъ отъ волненія лицомъ; его пунцовыя крупныя губы оттѣнялись небольшими, темными усами, а темносиніе глаза смотрѣли прямо и смѣло.

Штейгеръ опытнымъ взглядомъ оцѣнивалъ ростъ, движенія и силы молодого рабочаго, прикоснулся къ мускуламъ его рукъ, посмотрѣлъ на ноги и тихо пробормоталъ:

— Сойдетъ.

Начался подробный допросъ.

— Свидѣтельство доктора? — спросилъ штейгеръ у новаго рабочаго.

— Отдано.

— Паспортъ?

— Отданъ.

— Откуда?

— Изъ Силезіи.

— Какъ зовутъ?

— Владиславъ Пакошъ.

— Гдѣ служилъ?

— Въ Laura-Hütte углекопомъ.

— Свидѣтельство?

— Отдано.

— Зачѣмъ перешелъ сюда?

— Хотѣлось узнать новыя мѣста.

Штейгеръ, обращаясь къ Матвѣю, сказалъ:

— Можетъ быть, и пригодится.

— Какъ прикажете, господинъ штейгеръ, — отвѣтилъ тотъ.

— А правила знаешь? — опять обратился штейгеръ къ рабочему.

— Знаю.

— Грамотный?

— И читаю, и пишу — съ довольной улыбкою отвѣтилъ тотъ.

— Тамъ, на стѣнѣ виситъ табель, можешь прочесть. Семь дней поработаешь на пробу, а тамъ увидимъ. Теперь ты приписанъ къ 26 номеру; понялъ?

— Понялъ, господинъ штейгеръ.

— Можешь идти.

Молодой рабочій низко поклонился и отошелъ въ глубину зала. Штейгеръ обратился къ Матвѣю:

— Ступай со мной къ старшему штейгеру и завѣдующему.

Затѣмъ онъ отыскалъ свою шляпу и палку, попрощался съ сослуживцами и вышелъ.

IV.

Викентій, Войцѣхъ и Янъ вышли изъ конторы, стуча тяжелыми сапогами, за ними пошелъ и Пакошъ, записанный въ ихъ номеръ.

Въ воздухѣ чувствовалось приближеніе солнца, хотя ни одинъ лучъ свѣта еще не прорѣзывалъ медленно подымавшагося тумана, который продолжалъ окутывать трубы, цѣпляясь за крыши и окна домовъ и свѣшиваясь надъ землею прозрачными, медленно таявшими хлопьями. Лязгъ машинъ, грохотъ молотовъ и свистъ паровиковъ доносились теперь яснѣе.

Пакошъ подозрительно посматривалъ на своихъ будущихъ товарищей, которые тяжелою поступью направились въ сторону рабочихъ казармъ, лежавшихъ на разстояніи 500 метровъ отъ фабричныхъ сооруженій.

Нѣкоторое время онъ колебался, но, наконецъ, обращаясь ко всѣмъ товарищамъ, заговорилъ съ сильнымъ горно-силезскимъ акцентомъ:

— Такъ какъ я уже зачисленъ въ 26 номеръ, то нужно угостить товарищей... Такой у насъ обычай.

Войцѣхъ и Янъ посмотрѣли на Викентія, ожидая отвѣта.

— У насъ тоже такой обычай, слѣдуетъ только старшаго обождать—степенно отвѣтилъ Викентій.

— Старшій это кто, обергейеръ?

— У насъ говорятъ: старшій углекопъ, а у Васъ обергейеръ,—объяснилъ Викентій, опираясь на рукоятку кирки,—въ номерѣ 26 старшимъ состоитъ Матвѣй Бибѣля.

— А когда онъ вернется?

— Когда вернется, кланяться тебѣ не станетъ,—отвѣтилъ съ ироніей въ голосѣ Викентій.—Ты долженъ самъ пойти и пригласить его; таковъ у насъ обычай.

Пакошъ смутился, а Войцѣхъ и Янъ улыбнулись, довольные защитою достоинства своего старшаго углекопа.

— Я это знаю—сказалъ, наконецъ, совсѣмъ сконфуженный Пакошъ,—но, пока онъ придетъ, мы можемъ и сами выпить.

Викентій медленно вынулъ часы, посмотрѣлъ на нихъ и тихо сказалъ:

— Восемь часовъ, жена ждетъ меня съ завтракомъ. Нужно умыться—все платье въ крови. Да и жену Адама нужно увѣдомить о случившемся несчастіи.

— Съ тяжелою вѣстью нечего спѣшить—совѣтовалъ Пакошъ.

— Можетъ быть у васъ такіе обычаи, у насъ товарищи обязаны прежде всего извѣстить жену. Вмѣстѣ работали, вмѣстѣ веселились, такъ и терпѣть будемъ вмѣстѣ.

— Истинную правду вы говорите, Викентій—отозвался Войцѣхъ—пусть отъ своихъ узнаетъ, это справедливо.

— Ну, такъ идемъ!—сказалъ Янъ.

Оба углекопа съ пренебреженіемъ посмотрѣли на Яна, и послѣ короткаго молчанія Викентій, сдвинувъ брови, замѣтилъ:

— Хвостъ головѣ не указчикъ!—это дѣло наше, углекоповъ... съ шлепрами будемъ разсуждать о шлепрахъ *).

Янъ молча опустилъ голову.

*) Шлепры—простые рабочіе, занятые при подсобныхъ работахъ, вагонщики, саночники, нагрузчики, накатчики и др. (Пр. перев.)

Всѣ продолжали свой путь по грязной дорогѣ, оставляя глубокіе слѣды отъ большихъ сапогъ. Съ лѣвой стороны дороги, въ глубокой канавѣ струилась желтая вода, выкачиваемая изъ копей; въ тяжеломъ неподвижномъ воздухѣ носились бромисто-іодистыя испаренія, смѣшанныя съ амміакомъ, выдѣлявшимся изъ отбросовъ сосѣднихъ жилищъ, которыя тянулись по обѣимъ сторонамъ улицы.

Вдали, по дорогѣ, навстрѣчу углекопамъ, показались фигуры нѣсколькихъ мужчинъ, свернувшихъ изъ поперечной улицы на главную.

Углекопы внимательно посмотрѣли въ ихъ сторону, и Войцѣхъ, съ видомъ глубокаго презрѣнія, сказалъ:

— Смолиморды идутъ!

— Да, это они, собачьи дѣти—добавилъ Викентій—не уступать имъ ни шагу!

— Конечно,—съ сознаніемъ собственнаго достоинства сказалъ Янъ.

Пакошъ посмотрѣлъ на своихъ товарищей, потомъ на подходившихъ мужчинъ и съ изумленіемъ спросилъ:

— Кто это?

— Это смолиморды!—литейщики проклятые! Держись нашей стороны, а то, того и гляди, ножемъ пырнутъ.

— А кулаки у меня зачѣмъ!—сказалъ Пакошъ, крѣпко сжимая свои мускулистые кулаки—пусть попробуютъ.

По срединѣ улицы, благодаря небольшому подъему, было сравнительно сухо, но по обѣимъ сторонамъ ея стояла черная, густая грязь. Углекопы шли рядомъ, тѣсно сплотившись, самой серединой дороги и крѣпко сжимали кирки, каждую минуту готовые вступить въ драку. Хотя число заводскихъ было больше, но сила оставалась на сторонѣ углекоповъ, вооруженныхъ кирками.

На разстояніи нѣсколькихъ шаговъ разгоряченный Войцѣхъ крикнулъ:

— Дорогу, смолиморды!

— Дорогу, кроты!—гаркнули литейщики, останавливаясь сбоку и приготовившись къ дракѣ. Углекопы тоже встали, изучая позицію. Но Войцѣхъ, возбужденный двѣнадцатичасовою работою, катастрофой съ Адамомъ и присутствіемъ новаго человѣка, первый подскочилъ съ поднятой киркою въ рукахъ.

— Всѣхъ васъ вымету, чертово отродье!

Въ рукахъ двухъ старшихъ литейщиковъ блеснули ножи; но нападеніе Войцѣха, за которымъ шло трое углекоповъ, было такъ неожиданно, размахъ кирки въ воздухѣ такъ силенъ, что заводскіе сразу разступились, и углекопы прошли серединою дороги.

Черезъ нѣсколько шаговъ обѣ партіи остановились, и Войцѣхъ торжествующе крикнулъ:

— А что? смолиморды, сальные вытопки!.. какъ свиньи залѣзли въ грязь!

Заводскіе не остались въ долгу:

— Кроты оголтѣлые!—подождите, придете вы, мокрохвостые, обогрѣться къ намъ!

Это окончательно возмутило углекоповъ, и Викентій заоралъ:

— Подохли бы вы съ голоду безъ нашего угля, чертово отродье!

— Кроты слѣпые! собаки облѣзлыя! вы работаете на насъ, на нашихъ господъ!

Это состязаніе въ ругани затянулось бы еще надолго, если бы заводскимъ не нужно было спѣшить на работу къ назначенному времени. Они ушли, но еще долго доносились ихъ ругательства, полныя презрѣнія къ углекопамъ: кроты!

Это оскорбительное прозвище углекопы получили за свою постоянную работу подъ землей. Послѣднимъ словомъ углекоповъ было: смолиморды проклятыя!—тоже не менѣе злое и оскорбительное прозвище литейщиковъ, принужденныхъ стоять по цѣлымъ днямъ передъ печью. Глубокая, непримиримая, чуть ли не стихійная вражда между заводскими и углекопами дошла до того, что они имѣли отдѣльные трактиры, отдѣльныя залы для танцевъ, и браки между лицами этихъ группъ считались невозможными.

Ругань рабочихъ привлекла вниманіе жителей сосѣднихъ домовъ, появившихся въ окнахъ и принимавшихъ самое живое участіе въ уличной сценѣ. Жены углекоповъ пискливыми голосами поощряли своихъ и издѣвались надъ литейщиками.

Квартиры рабочихъ помѣщались въ каменныхъ трехэтажныхъ казармахъ, безъ штукатурки, безъ отдѣлки; кругомъ нихъ не было даже признаковъ какой бы то ни было растительности; онѣ носили на себѣ неизгладимую печать частой смѣны жильцовъ и краснорѣчиво свидѣтельствовали объ ихъ тяжелой мрачной жизни, съ неизвѣстнымъ будущимъ, объ ихъ постоянномъ страхѣ предъ возможностью каждую минуту быть выброшенными изъ насиженныхъ мѣстъ, чтобы начать новые поиски тяжелаго заработка.

Окна рабочихъ квартиръ смотрѣли на мутную желтую воду въ канавѣ, на черную, грязную дорогу: ихъ было по шестнадцати въ первомъ и второмъ этажѣ и шесть въ мансардѣ. Въ каждой казармѣ помѣщалось обыкновенно 38 семействъ. Количество жильцовъ, разумѣется, очень часто мѣнялось: одни умирали, другіе родились, тѣ женили сына, другіе брали зятя, а болѣе бѣдные принимали къ себѣ квартирантовъ.

2

Въ одну изъ такихъ казармъ вошли углекопы 26 номера. На узкомъ дворикѣ блуждало нѣсколько куръ, въ помояхъ рылась утка, слышалось хрюканье свиней, запертыхъ въ деревянныхъ сараяхъ. Сараи эти, какъ и жилища людей, были раздѣлены перегородками на множество маленькихъ каморокъ, въ которыхъ помѣщались отдѣльно гуси, утки, куры и свиньи. Каждая такая каморка запиралась на замокъ и принадлежала отдѣльному семейству, живущему въ казармахъ.

Углекопы поднялись по тремъ ступенькамъ и вошли въ корридоръ. Шлеперъ Янъ задумался было—идти-ли ему, но всетаки пошелъ дальше, тревожно оглядываясь назадъ. Викентій пристально посмотрѣлъ на него и сказалъ:

— Ты тоже съ визитомъ?—Иди прежде одѣнься и умойся прилично—семейство это почтенное. Янъ быстро исчезъ. Товарищи стали подыматься по узкой, крутой деревянной лѣстницѣ на первый этажъ. Наверху, въ корридорѣ валялся неубранный соръ, картофельная шелуха, куриныя перья, у стѣны стоялъ большой запертый сундукъ изъ неотесанныхъ досокъ. Викентій постучалъ въ дверь, на которой виднѣлся 18 номеръ, и, не дожидаясь отвѣта, вошелъ съ обычнымъ привѣтствіемъ:

— Богъ на помощь!

Посерединѣ комнаты стояла немолодая женщина, съ горшкомъ въ рукѣ, въ открытой рубахѣ и ситцевой юбкѣ, съ растрепанными волосами.

При видѣ постороннихъ людей, она вскрикнула пискливымъ голосомъ и скрылась въ двери направо, противъ окна. Двое старшихъ полуодѣтыхъ ребятишекъ, еле сдерживаясь отъ плача, сунули головы подъ подушку, и самый младшій—двухлѣтній съ ревомъ подползъ подъ кровать.

Три углекопа стояли посерединѣ, осматривая комнату, освѣщенную единственнымъ окномъ, выходившимъ во дворъ. Въ углу, налѣво отъ входной двери стояла англійская печь, на которой теперь готовилось кушанье. Противъ окна, у стѣны стояла широкая скамья, служившая постелью; дальше за скамьею была дверь въ другую комнату. Противъ входной двери, у стѣны стояли двѣ огромныя кровати, съ неубранной постелью; между ними помѣщался бѣлый сосновый шкафъ, со стеклянными дверцами вверху, черезъ которыя виднѣлись на полкахъ тарелки, блюдечки, стаканы, кубки. На стѣнахъ висѣла цѣлая коллекція картинъ и образовъ въ темныхъ рамкахъ, самыхъ разнообразныхъ размѣровъ. Въ почетномъ углу висѣлъ образъ святой Варвары, заступницы и покровительницы углекоповъ. Въ комнатѣ царилъ полнѣйшій безпорядокъ: постели стояли неубранными, все было покрыто пылью, на столѣ валялись

остатки вчерашняго ужина, слышался приторный запахъ цикорія, удушливыя испаренія тѣла и грязной сырости.

Вскорѣ вошла сама хозяйка въ полинялой кофточкѣ, застегнутой булавкой на груди, съ полнымъ, немного зарумянившимся лицомъ и блестящими со сна голубыми глазами; она съ дружескою улыбкою обратилась къ углекопамъ:

— Садитесь, Викентій... Что же это Адама такъ долго не видно?

Углекопы молчали, опустивъ голову и теребя свои засаленныя шапки.

— Пресвятая Дѣва! чего вы такъ смотрите?!! Войцѣхъ, говори хоть ты... Ахъ, я несчастная! что же вы онѣмѣли всѣ, что ли?—закричала она со слезами на глазахъ.

Викентій серьезно посмотрѣлъ на нее и тихо сказалъ:

— Успокойтесь, ничего особеннаго не случилось, только вашего мужа...

— О, Боже милосердный! — завопила пораженная женщина — Пресвятая Дѣва! чѣмъ же я несчастная провинилась, что Господь такъ жестоко меня караетъ?! Бѣдныя мои сироты!— причитала она среди рыданій.

Малютки при первомъ воплѣ матери высунули головы изъподъ подушекъ и испуганно глядѣли на нее; услышавъ же ея рыданья, и сами ударились въ слезы. Самый младшій подъ кроватью кричалъ громче всѣхъ. Въ эту минуту распахнулась изъ сосѣдней комнаты дверь, и въ ней появилась молодая, красивая дѣвушка, лѣтъ восемнадцати, высокая, стройная, въ плотно облегавшемъ ея изящную фигуру платьѣ. Она съ ужасомъ и недоумѣніемъ смотрѣла своими большими темными глазами на рыдающую мать и на прибывшихъ углекоповъ. Одной рукой она держалась за ручку двери, другой оперлась въ черный косякъ. Она не причитала, не плакала, но, плотно сжавъ свои пунцовыя губы и наклонивъ голову, обрамленную густыми, черными кудрями, молча прислушивалась.

— Ну, причитаніями и слезами тутъ не поможешь! — сурово прервалъ Викентій, — помяло его немного, Богъ дастъ оправится.

Дѣти продолжали ревѣть. Стараясь подавить рыданія, Гроткова стала разспрашивать про мужа.

— Войцѣхъ, говори правду,—живъ онъ или нѣтъ?

— Фельдшеръ взялъ его живымъ и увезъ въ больницу.

— Въ больницу! — съ ужасомъ воскликнула она и снова заголосила.

Въ эту минуту приблизилась старшая дочь и, успокоивъ дѣтей, обратилась къ Войцѣху:

— Скажи по правдѣ, что случилось съ отцомъ.

— Сводъ обвалился въ забоѣ и ему расшибло голову и бокъ...

— Ахъ, я сирота несчастная!—простонала мать.

— Руки и ноги—добавилъ Викентій.

— И за что на него такая бѣда обрушилась? сиротъ-то сколько оставилъ... Небось вы всѣ во время убѣжали, одинъ онъ поплатился—жаловалась она.

— Глупая болтовня!—возмутился Викентій—будь онъ послушнѣе, навѣрное остался бы цѣлъ и невредимъ: звалъ его старшій, остерегалъ Скарбникъ, всѣ мы ждали его въ «Прокопѣ», но на упрямство нѣтъ лѣкарства.

— А гдѣ же его мѣшокъ?

— Тамъ вѣроятно остался.

— А жестянка для кофе?

— Вѣроятно разбилась,—сказалъ Войцѣхъ.

— А кирка? Гдѣ кирка съ новой рукояткой?—спрашивала она со злобой, подозрительно посматривая на товарищей мужа.

— Мы не видѣли ее тамъ,—отвѣтилъ Викентій.

Она зарыдала еще громче, причитая сквозь слезы:

— О, мой бѣдный Адамъ, увезли тебя въ больницу!.. Что же я, несчастная, буду дѣлать съ этой мелюзгой? Какъ тутъ заработать на кусокъ хлѣба, если нѣтъ ни мѣшка, ни жестянки, ни лампочки, ни кирки!

Все это время Пакошъ, какъ человѣкъ незнакомый и совершенно посторонній, относился равнодушно ко всѣмъ жалобамъ Гротковой, только появленіе молодой дѣвушки заинтересовало его. Онъ не спускалъ съ нея глазъ. Ея стройная, высокая фигура, ея выхоленное тѣло и руки, сохранившія свою нѣжность, благодаря чистой работѣ швеи, ея спокойствіе и увѣренность въ движеніяхъ—ярко выдѣлялись въ этой душной, грязной комнатѣ, наполненной запыленными углекопами, среди рева грязныхъ дѣтей и монотоннаго причитанія матери. Онъ ловилъ ея взглядъ и, наконецъ, глаза ихъ встрѣтились; его глаза возбужденно горѣли, она удивленно взглянула на него и, видя незнакомца впервые, вспыхнула и потупилась. Не поднимая глазъ, она мелькомъ оглянула комнату: неубранная постель, ушаты съ помоями, соръ и грязь, наполнявшіе комнату, смутили молодую дѣвушку. Она украдкою подняла глаза, чтобы лучше присмотрѣться къ незнакомцу. Выраженіе его глазъ ясно говорило о впечатлѣніи, которое она произвела на него.

На плачъ матери появились сосѣдки, жившія въ томъ же корридорѣ. Не столько узнавъ, сколько догадавшись о происшедшемъ, онѣ сами начали плакать и давать разные совѣты.

— Тише!—прикрикнулъ на нихъ Викентій, потерявъ терпѣніе.

— Адаму еще слѣдуетъ получить за шесть дней работы, а тамъ касса взаимопомощи поможетъ, квартирантовъ возьмете... глядишь какъ нибудь и перебьетесь...

— Господи! Господи! Изъ этихъ денегъ нужно и долгъ уплатить, и въ лавку отдать, и въ трактирѣ не уплачено; откуда же мнѣ взять столько?—жаловалась хозяйка.

— Старшую дочь отдайте въ сортировочную — совѣтовалъ Викентій — всетаки что нибудь заработаетъ, да и квартиранты найдутся.

— Какъ можно, чтобы она съ углемъ возилась!—возмутилась мать: — она шьетъ на машинѣ и на себя зарабатываетъ. Вы бы дали мнѣ лучше квартиранта.

— Есть и квартирантъ, — сказалъ Пакошъ, выступая впередъ.

— Кто это? откуда?—шептались женщины.

— Вотъ видите: Богъ хорошихъ людей не забываетъ—отозвался Викентій. — Это новый углекопъ, принятый на мѣсто Адама.

Между тѣмъ смущенная дѣвушка занялась дѣтьми, которыя теперь сидѣли смирно, утомленныя долгимъ плачемъ.

— Ну, прощайте,—сказалъ Викентій, направляясь съ Войцѣхомъ къ выходу.

Пакошъ взглянулъ на часы и сказалъ имъ вслѣдъ:

— Черезъ часъ я васъ жду въ трактирѣ «Подъ голубемъ».

— Придемъ... до свиданія.

Вмѣстѣ съ ними стали уходить и любопытныя сосѣдки, радуясь интересной новости, которой онѣ могли подѣлиться съ другими кумушками.

Остался только Пакошъ. Хозяйка поспѣшила осушить слезы, громко высморкалась въ передникъ и спросила:

— А какъ васъ зовутъ?

— Владиславъ Пакошъ; я только что изъ Силезіи,—отвѣтилъ тотъ, отыскивая глазами дѣвушку, которая, стоя у окна, утирала заплаканныя лица дѣтей.

— Ужъ вѣрно плохо тамъ, если забрались такъ далеко?

— Нельзя сказать, чтобы плохо: мнѣ приходилось зарабатывать по двѣ марки и больше, но дома много заботъ, — поэтому и ушелъ, говорилъ Пакошъ съ сильнымъ силезскимъ акцентомъ, что вызвало на лицѣ дѣвушки легкую улыбку.

— Заботъ? Какія могутъ быть заботы дома у холостого человѣка?—заинтересовавшись, разспрашивала хозяйка.—Садитесь пожалуйста, будьте, какъ дома.

Пакошъ сѣлъ, вынулъ папироску изъ кармана своей сѣрой куртки и началъ:

— Былъ я уже углекопомъ, дома было тихо и спокойно. Отецъ нашъ человѣкъ добрый, сестры повыходили замужъ,

остались дома братъ, да я; ну, тутъ вмѣшалась женщина, и все пошло прахомъ: силъ не стало выносить все это. Я плюнулъ и ушелъ.

— Какая женщина? а гдѣ же мать?

— Мать уже два года какъ умерла, а отецъ взялъ себѣ какую то евангелистку для хозяйства.

— Удивительно, какъ это пришло въ голову такому старому, у котораго уже взрослыя дѣти?

— Братъ у шурина, а я пришелъ къ вамъ, на копи, работать.

Хозяйка посмотрѣла на Пакоша, одѣтаго въ праздничную сѣрую куртку, темные брюки, ватное пальто и, покачавъ головою, сказала:

— О! у насъ работа тяжелая и страшная дороговизна!

— Работать всегда нужно, на то человѣкъ и созданъ, чтобы работать. А всетаки здѣсь лучше, чѣмъ въ Пруссіи; тамъ только и слышишь: «Schweinskerl», «polnischer Hund», «verfluchter Wasserpolack». А тутъ хоть и ругаются, такъ по крайней мѣрѣ по нашему.

— Здѣсь тоже нѣтъ недостатка въ нѣмцахъ—говорила хозяйка, подходя къ печкѣ, въ которой кипятилась вода, и, обращаясь къ дочери, сказала:

— Павлися, принеси изъ шкафа гречневой каши. А можетъ быть и вы съ нами покушаете, что Богъ послалъ?

— Мнѣ нужно спѣшить въ трактиръ — тамъ ждутъ товарищи. Какъ же будетъ съ квартирой?

— За кровать съ постелью два рубля, ни больше, ни меньше—это ужъ у насъ цѣна извѣстная; что же касается содержанія, то объ этотъ мы еще поговоримъ.

— Гдѣ же эта кровать?

— А вотъ передъ вами, первая отъ окна.

— А кто на ней спалъ?

— Шлеперъ съ дневной смѣны. У васъ вѣдь ночная?

Пакошъ, желая возвыситься въ глазахъ дѣвушки, съ важностью сказалъ:

— Я привыкъ имѣть собственную кровать, и на день мнѣ нужно тихій уголъ.

— Гм... Павлися! своди его въ другую комнату. Тамъ тоже есть кровать, но уже подороже—добавила хозяйка, видя, что есть хорошій случай поживиться.

Другая комната была гораздо меньше; здѣсь, кромѣ кровати, помѣщался столикъ, три стула, ольховый шкафъ и комодъ, на которомъ стояла швейная машина.

Павлися подошла къ окну, дѣлая видъ, что смотритъ на пустынную дорогу. Растерявшійся Пакошъ стоялъ посрединѣ комнаты и наконецъ спросилъ:

— Кто же тутъ спитъ?

— Я,—тихо отвѣтила Павлися.

— Такъ я вамъ не стану мѣшать—горячо заговорилъ Пакошъ—устроюсь какъ нибудь и въ первой комнатѣ.

— Вѣдь вы не хотите общей кровати?—смущенно сказала Павлися и посмотрѣла ему въ глаза.

Въ эту минуту вошла хозяйка.

— Что же и здѣсь не по вкусу?—спросила она.

— Уступаю вашей дочери, а самъ устроюсь какъ нибудь въ первой комнатѣ. Что же дѣлать, если иначе нельзя.

Хозяйка самодовольно улыбнулась.

— Въ первой комнатѣ весь день шумъ, гамъ, берите ужъ эту постель. Ночью Павлися и такъ будетъ здѣсь спать. Добавьте только на стирку наволокъ и на уголь.

— Ну, хорошо, только вы будете еще варить мнѣ кофе на работу—говорилъ онъ, вынимая задатокъ,—вотъ рубль, а сундучекъ съ вещами перенесу послѣ, теперь же мнѣ надо спѣшить. Прощайте.

Послѣ его ухода мать обратилась къ дочери:

— Сразу влюбился!

— Вотъ еще, какой-то пруссакъ! — отвѣтила та, презрительно пожавъ плечами.

Черезъ нѣсколько минутъ открылась дверь, и вышелъ Пакошъ, спрашивая:

— А гдѣ живетъ обергейеръ 26 номера?

— Старшій, Матвѣй Бибѣля живетъ въ слѣдующемъ домѣ, въ квартирѣ № 20. А вамъ зачѣмъ туда?—подозрительно спросила она.

— Хочу пригласить его на угощенье...

— Берегите сердце,—у него хорошенькія дочки—съ улыбкою сказала хозяйка.

— Для меня это не опасно—разсмѣялся Пакошъ:—приглянулась мнѣ получше.

— Хоть и силезецъ, а какой обходительный, — сказала хозяйка послѣ ухода Пакоша.

— Такъ себѣ, — тихо отвѣтила дочь, посматривая въ зеркальце.

V.

Матвѣй, почти одновременно съ остальными товарищами, вошелъ въ трактиръ, носившій громкое названіе «ресторана». Первая небольшая комната была раздѣлена деревянной баллюстрадой на двѣ половины. Въ передней помѣщались посѣтители, въ задней находилась стойка для продажи водки и пива. За стойкой, слѣва висѣли колбасы всевозможныхъ видовъ и сортовъ: охотничьи, копченыя, свѣжія, краковскія, съ чесно-

комъ и безъ чесноку, тоже обращали на себя вниманіе огромныя, неуклюжія кровяныя колбасы, круглые салями, толстые окорока. Справа на полкахъ стояли бутылки съ водкой всевозможныхъ сортовъ и съ ликерами, а на самомъ верху красовались бутылки съ виномъ. Молодой, рыжебородый трактирщикъ привѣтливо улыбался, обращаясь къ посѣтителямъ и исполняя ихъ требованія съ помощью мальчика.

Онъ любезно встрѣтилъ знакомыхъ углекоповъ и предложилъ всей компаніи занять отдѣльный столъ въ сосѣдней комнатѣ. Стѣны ея были расписаны голубыми цвѣтами и обвѣшаны нѣмецкими олеографіями, изображавшими нѣмецкую идилію.

Компанія усѣлась у окна, выходившаго на грязную дорогу, и поглядывала на Пакоша.

Трактирщикъ вошелъ вслѣдъ за ними и остановился, ожидая приказаній.

— Прежде всего подайте водки, потомъ колбасы съ капустой, а затѣмъ пива,— отдавалъ распоряженія Пакошъ, ощупывая рукою карманъ, чтобы убѣдиться, тамъ ли кошелекъ.

Выпивъ по три рюмки водки, углекопы съ аппетитомъ стали уплетать колбасу съ капустой. Когда голодъ былъ удовлетворенъ, Матвѣй сталъ вѣжливо разспрашивать новаго товарища.

— Ну, какъ-же тамъ у васъ, въ копяхъ?

— Тяжело нашему брату: нѣмцы притѣсняютъ,—они рады бы изъ насъ всю кровь высосать.

— А какъ платятъ?

- Двѣ марки, а иногда и больше за смѣну.

— Тяжелая работа?

— Извѣстно, какъ всегда въ копяхъ... всяко бываетъ.

— Приходилось вамъ работать въ каменной породѣ?.

— Ого, сколько разъ случалось работать въ забоѣ и у столбовъ!— хвастался Пакошъ.

— А сколько вамъ лѣтъ?

— Двадцать восемь уже, слава Богу; въ копяхъ работаю сызмала. Ну, а какъ у васъ?

— Теперь мы работаемъ въ забоѣ. Вчера у насъ былъ обвалъ—Гротка придавило; а сегодня закладываемъ мину.

— А что будетъ съ обваломъ?—поспѣшно спросилъ Пакошъ.

— Видно, что вы углекопъ,—замѣтилъ Викентій.

— Главное это сводъ, нужно его хорошенько изслѣдовать.

— Я пойду первымъ,—сказалъ Войцѣхъ.

— Это ужъ дѣло штейгера распорядиться; посмотримъ, кто первый рискнетъ своей головой.

— Не вы, дядя Матвѣй и не вы, Викентій, у васъ семья, дѣти, а я вольная птица—засмѣялся Войцѣхъ.

— И я пойду!—воскликнулъ Пакошъ.—А что за человѣкъ нашъ штейгеръ, хорошiй?

— Ничего себѣ—флегматически отозвался Матвѣй, пережевывая хлѣбъ—только ругаться очень любитъ и ужъ больно скупой. Ему лишь бы подешевле да побольше добыть угля; а чтобы показать свое усердiе передъ правленiемъ, онъ готовъ изъ-за рубля пожертвовать жизнiю рабочаго.

— Постоянно такъ и нюхаетъ, какъ собака, чтобы углекопъ чѣмъ нибудь не попользовался,—добавилъ Викентiй.

— И глупъ, какъ собака,—разсмѣялся Войцѣхъ.—Бѣжитъ за мясомъ, а колбасы не чуетъ.

Онъ намекалъ на утайку пороха углекопами.

— А у тебя есть развѣ что нибудь?—спросилъ Матвѣй.

— Какъ-же не имѣть для св. Варвары,—отвѣтилъ тотъ съ гордостью.

— Настоящiй ты углекопъ—воскликнулъ Пакошъ—давай, выпьемъ на брудершафтъ. Эй, хозяинъ! пива!

Выпили.

— Знаешь что, Пакошъ!—началъ говорить Войцѣхъ—ты былъ бы славный малый, научись только говорить по человѣчески. Все что-то непонятное бормочешь: гляди, дѣвушки будутъ смѣяться.

— Придетъ время, выучусь—отвѣтилъ Пакошъ, нахмуривъ брови.

— А гдѣ ваша квартира?—спросилъ Матвѣй.

— Нанялъ у Гротка—сказалъ Викентiй.

— Квартира ничего себѣ, близко къ «Iонѣ», только вотъ если бы хозяйка была получше.

— А что, она злая?

— Нѣтъ, не злая. Адамъ ее хвалитъ; только работать не любитъ, дѣти безъ призора, а носъ задираетъ выше печной трубы, такая гордячка,

— Да съ чего это?—удивился Пакошъ.

— Семья Гротковъ—началъ разсказывать Викентiй—ведетъ свое происхожденiе изъ хорошаго рода. Еще прадѣды жили въ Загорьѣ, и ксендзъ, чиновникъ или солтысъ (староста) въ ихъ родѣ не рѣдкость.

— Когда шлеперъ Францъ, который у нихъ стоитъ на квартирѣ, сталъ сватать Павлисю, мать отказала, хотя дѣвушка и относилась къ нему благосклонно—добавилъ Войцѣхъ.—У нихъ постоянныя ссоры.

— Что это за шлеперъ?—спросилъ Пакошъ.

— Нагрузчикъ: былъ-бы уже углекопомъ, еслибы умѣлъ поклониться, польстить: гордый парень,—сказалъ Викентiй.

— А онъ съ нами работаетъ?—допытывался Пакошъ.

— На другомъ участкѣ и въ дневной смѣнѣ,—пояснилъ Войцѣхъ.

— А отецъ, какъ его?.. Гротекъ—отдалъ бы за него дочь?

— Гротекъ прекрасный человѣкъ, золотое сердце, готовъ на все для товарищей—говорилъ Викентій, пришедшій въ умиленіе отъ выпитаго имъ вина—и если бы онъ не глумился вчера да послушался Скарбника, то остался бы здоровъ и невредимъ.

— И у васъ есть Скарбникъ?—воскликнулъ удивленный силезецъ.

— Есть, а у васъ?—поинтересовался Викентій.

— И у насъ есть,—отвѣтилъ тотъ задумчиво.

— Какой-же онъ, разскажи!—торопилъ его нетерпѣливый Войцѣхъ.

— Изволь, разскажу, только нужно бы еще пива.

— Эй, полегче, скоро смѣна,—напомнилъ ему Матвѣй.

— Ничего, у меня крѣпкая голова, не скоро поддается—отозвался съ улыбкою Пакошъ.

Принесли пива, выпили еще немного. Пакошъ закурилъ папиросу и началъ разсказывать:

— Наша семья испоконъ вѣка работаетъ въ каменноугольныхъ копяхъ, и никто не знаетъ ихъ такъ, какъ мы. Дѣдъ мой разсказывалъ такую исторію. Жилъ себѣ въ незапамятныя времена одинъ знатный господинъ, а можетъ быть и король. Онъ владѣлъ всей Силезіей, имѣлъ жену и дѣтей и былъ счастливъ, но его сгубило богатство. И днемъ, и ночью онъ только и думалъ, какъ-бы накопить побольше серебра, золота и всякихъ драгоцѣнностей. Онъ любилъ только сокровища и укрывалъ ихъ въ разныхъ мѣстахъ подъ землею, чтобы никто не могъ ихъ найти, кромѣ него. И жена, и дочь умерли съ тоски, а онъ все копилъ, да копилъ деньги. Насталъ голодъ въ нашей землѣ, народъ идетъ къ нему за помощью,—всѣ знали, какъ онъ богатъ... но онъ прогналъ людей прочь. Случилась война: нѣмцы заняли всю страну, народъ проситъ, умоляетъ его на колѣняхъ: дай денегъ на вооруженіе, на порохъ, на обмундировку. А онъ, старикъ сѣдой, бездѣтный... опять прогналъ ихъ и не далъ ни копѣйки. Пришли къ нему нѣмцы, говорятъ: дай золота, мы сами уйдемъ, перестанемъ разорять народъ... онъ ничего не далъ. И тогда самъ Богъ, видя его скаредность, сказалъ: «за это ты будешь стеречь свои сокровища и послѣ смерти, будешь бродить тамъ, гдѣ ты ихъ скрылъ, и будешь вѣчно дрожать, чтобы ихъ не нашли люди, пока не искупишь своего грѣха». Тогда тотъ заплакалъ и спросилъ: когда же кончится это наказаніе?—«Когда искупишь свой грѣхъ,—отвѣчалъ ему Господь—тогда и будетъ конецъ, а предвѣстникомъ твоего освобожденія будетъ освобожденіе Силезіи отъ нѣмцевъ». Такъ онъ

и до сихъ поръ замаливаетъ свой грѣхъ. Къ нашимъ онъ относится хорошо, а нѣмцевъ—не дай Богъ, какъ ненавидитъ.

— Какой-же видъ у вашего Скарбника?—спросилъ глубоко заинтересованный Викентій.

— Дѣдъ мой видѣлъ его и разсказывалъ, что одѣтъ онъ въ платье стариннаго покроя; вмѣсто пуговицъ нашиты алмазы, у пояса прикрѣплена лампочка; опирается онъ на кирку, а самъ старый, престарый и сѣдой, какъ лунь. Для него не существуетъ камня, угля, запруды: стоитъ только ему прикоснуться своей киркой, и все передъ нимъ разступается. Если углекопы слишкомъ приблизятся къ его сокровищамъ, онъ предостерегаетъ нашихъ, а нѣмцевъ губитъ или дурачитъ, превращая уголь въ камень, и углекопы уходятъ съ носомъ... Вотъ онъ какой—нашъ Скарбникъ.—Всѣ примолкли.

— Нашъ не таковъ—замѣтилъ наконецъ Матвѣй, нарушая тишину,—но и вашъ хорошъ.

Въ это время подошелъ къ ихъ столику новый углекопъ и, поздоровавшись со всѣми, началъ разспрашивать про Адама.

Ему разсказали всѣ подробности, и Викентій въ заключеніе спросилъ:

— А у васъ все благополучно?

— У насъ все ладно; только вотъ одному шлепру руку оторвало.

Во время этого разговора подошли углекопы изъ третьяго участка, выслушали разсказъ объ Адамѣ и добавили, въ свою очередь, что у нихъ одному шлепру оторвало палецъ.

— Такой ужъ тяжелый день сегодня—заключилъ Матвѣй.

— Какой тамъ тяжелый день?—усмѣхнулся приземистый углекопъ со свѣтлой бородой и живыми глазами; звали его Юзефъ Безъ, онъ работалъ на третьемъ участкѣ.—Уголь никакъ не можетъ обойтись безъ человѣческой крови: иначе компанія тотчасъ-же обанкрутилась бы.

— Это какъ такъ?—послышались голоса со всѣхъ сторонъ.

— А вотъ какъ. Если бы насъ больше работало въ копяхъ на каждой смѣнѣ, если бы работа велась осторожно и какъ слѣдуетъ, тогда щадились бы и человѣческія силы и здоровье, а уголь былъ-бы дороже... А откуда взяли-бы тогда проценты господа штейгера, оберштейгера, управляющій? Что получало-бы тогда правленіе? Нашъ потъ и наша кровь, вотъ ихъ богатство!

— Пустая это болтовня—ворчливо и недовольно замѣтилъ Матвѣй.

— Это вы говорите такъ потому, что вы старшій рабочій. А спросите-ка Адама, что онъ вамъ скажетъ? Спросите тѣхъ шлепровъ, которые сегодня ушли безъ рукъ.

Присутствующіе замолкли и угрюмо глядѣли другъ на друга. Пакошъ, который много слышалъ и много читалъ въ Силезіи,

равнодушно слушалъ Юзефа. Обратившись къ Войцѣху, онъ спросилъ:

— А что за человѣкъ вашъ оберштейгеръ?

— Оберштейгеръ? Былъ-бы хорошій человѣкъ, только больно горячъ.

— Человѣкъ справедливый. Ни за что, ни про что накричитъ и выругаетъ, а иной разъ и ударитъ; но за то тутъ-же и пожалѣетъ—добавилъ Викентій.

— А его племянникъ, штейгеръ, тоже хорошій человѣкъ?—спросилъ Юзефъ съ ироніей.

— Онъ вашъ штейгеръ, а не нашъ,—отозвался Матвѣй.

— О-го, на удары у него рука щедрая—сказалъ Юзефъ.

— Дождется и онъ своего,—пробормоталъ чей-то голосъ въ глубинѣ залы.

Матвѣй посмотрѣлъ на часы и сказалъ, вставая:

— Ну, довольно этой забавы; уже второй часъ, скоро смѣна, надо и отдохнуть.

Расходившійся Пакошъ позвалъ хозяина и, пересчитавъ присутствующихъ, велѣлъ подать четырнадцать рюмокъ сладкаго ликеру. Когда угощенье было подано, онъ всталъ и проговорилъ растроганнымъ голосомъ:

— Товарищи! будемъ братьями!

Въ отвѣтъ на этотъ тостъ всѣ углекопы закричали хоромъ:

— Виватъ, нашъ братъ!

VI.

Номеръ 26, пополненный углекопомъ Пакошемъ и еще однимъ нагрузчикомъ (кромѣ Яна Ляха), въ надеждѣ на большую добычу угля, медленно двигался вдоль штольни «Прокопа». Во главѣ шелъ штейгеръ, постукивая кованой палкой, вслѣдъ за нимъ Матвѣй, далѣе Викентій; Пакошъ, Войцѣхъ, а два нагрузчика несли лѣстницу;—всѣ шли молча, освѣщая на мгновенье густую и черную мглу, вѣчно царящую подъ землею. Отъ времени до времени попадался углекопъ или чернорабочій, поспѣшно уступавшій дорогу штейгеру; отвѣтъ на его привѣтствіе глухо раздавался подъ сводами галлереи, и вскорѣ мерцающій свѣтъ тонулъ въ темнотѣ. Наконецъ они остановились у входа въ забой.

Штейгеръ, обращаясь къ стоявшимъ за нимъ углекопамъ, сказалъ:

— Прежде всего нужно осмотрѣть обвалъ; пойдетъ...

— Я, господинъ штейгеръ!—воскликнулъ Войцѣхъ.

— Ступай!

Войцѣхъ схватилъ лѣстницу и пошелъ въ забой. На мгновенье онъ остановился въ нерѣшительности, подыскивая удобное мѣсто для лѣстницы.

Разгребая ногою уголь, онъ сталъ искать надежную точку опоры; наконецъ онъ приставилъ лѣстницу къ стѣнкѣ. Уголь заскрипѣлъ и посыпался сверху.

Углекопы съ трудомъ сохраняли молчанье въ присутствіи штейгера, и только тихій шопотъ выдавалъ ихъ волненіе.

Услышавши трескъ посыпавшагося угля, штейгеръ закричалъ:

— Тише!.. Уходи подъ стѣну!

Вскорѣ, среди глубокаго мрака и молчанья раздался скрипъ подававшихся подъ ногами Войцѣха ступенекъ лѣстницы, и огонекъ лампочки сталъ подыматься все выше и выше.

— Здѣсь!—воскликнулъ наконецъ Войцѣхъ.

— Осмотри сбоку!.. попробуй молоткомъ!.. глубокъ обвалъ?..

— Я думаю, не болѣе десяти телѣжекъ упало...

— А стѣна держится крѣпко?—спросилъ штейгеръ. Раздались мѣрные удары киркой.

— Возлѣ лѣстницы крѣпка.

Огонекъ медленно передвигался направо...

— Господинъ штейгеръ! тамъ направо, вверху что-то блеститъ... только не видно...

— Плохо! Поставь крѣпче лѣстницу.

Въ то время, когда Войцѣхъ выполнялъ распоряженія штейгера, Пакошъ выступилъ впередъ:

— Господинъ штейгеръ, я пойду.

— Молчать!—закричалъ начальникъ и пробормоталъ:—придетъ и твоя очередь.

Матвѣй безпокойно вертѣлся и, наконецъ, сказалъ:

— Господинъ штейгеръ! вчера мы были въ забоѣ, когда забирали Адама... и съ нами ничего не случилось.

— Старшимъ считаешься, а глупъ! Что должно было оборваться вчера, то и оборвалось, а за время дневной смѣны опять могло что нибудь попортиться.

— Можетъ быть попортилось, а можетъ быть и нѣтъ,— пробормоталъ Пакошъ, завидовавшій Войцѣху.

Штейгеръ приподнялъ лампочку вверхъ и сердито посмотрѣлъ на Пакоша:

— Ты, пруссакъ, не смѣй мнѣ грубить! Понимаешь!

— Понимаю!

Между тѣмъ, Войцѣхъ опять сидѣлъ на лѣстницѣ и кричалъ оттуда:

— Господинъ штейгеръ! это вода блеститъ.

— Вода?.. Слѣзь!..—онъ продолжалъ отдавать приказанія обращаясь къ Пакошу:—возьми кирку съ собою, ударь слегка въ стѣну и приподними глыбу угля, упираясь въ сухое мѣсто.

Пакошъ бросился къ лѣстницѣ, и не успѣлъ Войцѣхъ спуститься, какъ тотъ уже сталъ подниматься кверху.

Послышались равномѣрные удары киркой съ лѣвой стороны лѣстницы.

— Fest!—закричалъ Пакошъ.

— Бей въ воду!

Раздалось громкое эхо, и глыба угля свалилась. Лѣстница пошатнулась, огонекъ вверху дрогнулъ.

— Эта глыба висѣла,—пояснилъ Пакошъ,—а выше лучше будетъ!

— Бей!

Посыпались куски угля отъ ударовъ кирки.

— Налягъ!—отдавалъ приказаніе штейгеръ.

Только скрипъ ступенекъ лѣстницы показывалъ, что Пакошъ напрягаетъ всѣ свои силы, такъ какъ лампочка, привѣшенная къ стѣнкѣ, висѣла ниже и съ боку.

— И не дрогнетъ!

— Слѣзай!.. А вы за работу!

Углекопы и нагрузчики сейчасъ же вошли въ забой, снявъ шапки и привѣтствуя штейгера.

Началась спѣшная уборка и нагрузка упавшаго угля, разбиваемаго сильными ударами кирокъ. Штейгеръ посмотрѣлъ нѣкоторое время на работу углекоповъ, одобрительно кивнулъ головой и, проворчавши пожеланіе успѣха, ушелъ изъ забоя.

Всѣ работали молча, пока не были наполнены пустые вагончики.

— По справедливости, этотъ уголь принадлежитъ Адаму,— замѣтилъ Викентій.

— Разумѣется,—воскликнулъ Войцѣхъ.—Здѣсь есть часть его крови и пота.

Старшій углекопъ молчалъ: издали доносился стукъ приближавшихся телѣжекъ.

— Чья работа, того и плата,—сказалъ Пакошъ.

— Ахъ ты, пруссакъ!—отозвался Войцѣхъ,—всѣ вы такіе жадные.

— Я жадный!?—вспыхнулъ Пакошъ и, опершись на кирку, закричалъ: ты, Войцѣхъ, брось лучше ругаться пруссакомъ и бездѣльникомъ; я тоже углекопъ и сумѣю проучить тебя, какъ слѣдуетъ!

— Проучить?!—воскликнулъ Войцѣхъ.—Смотрите! какой-то бродяга, да еще проучить берется!

Съ ненавистью посмотрѣли они другъ на друга и уже готовы были затѣять драку. Лихорадочная работа въ копяхъ, подъ постоянною угрозою смерти, всегда дѣйствуетъ раздражающимъ образомъ на нервы углекоповъ.

— Тише! за дѣло!—закричалъ на нихъ Матвѣй.

Телѣжки опять вернулись за углемъ, и работа быстро дви-

гались впередъ. Спустя нѣкоторое время, Пакошъ подошелъ къ Матвѣю и, приподнявъ шапку, сказалъ:

— Господинъ обергейеръ! Они хотятъ подѣлиться своими заработками съ Гротекомъ, я также подѣлюсь съ нимъ, я вѣдь не пруссакъ, а чистокровный силезецъ, и не жаденъ, а только хочу справедливости.

— Хорошо! хорошо! — поговоримъ послѣ.

Когда кончилась уборка угля и мальчикъ, бывшій на посылкахъ, принесъ за Матвѣемъ Бибѣлей порохъ для мины, Викентій, работавшій въ верхнемъ отверстіи, взялъ часть пороху, насыпанную въ бумажную трубку, толщиною въ кулакъ, и вложилъ въ отверстіе, сдѣланное раньше Адамомъ. Онъ прикрѣпилъ гутаперчевый фитиль, тщательно забилъ отверстіе и слѣзъ съ лѣстницы. Въ то же время и Войцѣхъ внизу продѣлалъ ту же самую операцію. По сигналу, данному старшимъ углекопомъ, они оба зажгли фитили своими лампочками и быстро отретировались въ штольню. Не прошло и трехъ минутъ, какъ раздался глухой трескъ сначала внизу, а затѣмъ и вверху забоя. Мелкая угольная пыль, поднявшаяся отъ взрыва, густымъ облакомъ окутала углекоповъ. Они тщательно укрывали свои лампочки отъ сильнаго тока воздуха въ галлереѣ. Грохотъ и трескъ валившагося угля слышался еще нѣсколько секундъ. Когда все стихло, углекопы вернулись въ забой.

Пакошъ, утирая струившійся со лба потъ чернымъ отъ угля платкомъ, сказалъ:

— Страсть какъ усталъ... Отдохнуть бы маленько.

Матвѣй посмотрѣлъ на свои огромные серебряные часы.

— Гм... Уже безъ десяти минутъ двѣнадцать, пора пить кофе.

Всѣ четверо усѣлись на глыбахъ угля, открыли свои жестянки, вынули изъ мѣшковъ хлѣбъ и начали завтракать.

— Однако, ровно отвалился уголь, какъ будто топоромъ отрубило,—сказалъ Войцѣхъ, довольный удачно заложенной миной.

— Порохъ всегда такъ дѣйствуетъ, — сказалъ увѣренно Матвѣй,—не то, что динамитъ.

— Когда я работалъ въ Querschlag'ѣ *),—заговорилъ Пакошъ,—отъ динамита только пыль поднималась.

— Это потому, что динамитъ расширяетъ, а порохъ ломитъ,—пояснялъ Матвѣй общеизвѣстныя углекопамъ вещи.

— Ой, ой!—сказалъ Викентій.—Всю верхнюю часть какъ топоромъ отрубило, вотъ бы радъ былъ Адамъ бѣдняга...

*) Querschlag—поперечная галлерея.

Прим. перев.

— Ну, а какъ вы думаете, Викентій, не дать ли чего нибудь Адаму за его потъ и кровь, пролитыя на этой работѣ.

— Я дамъ часть...—сказалъ Матвѣй въ раздумьи.

— И я!—воскликнулъ Войцѣхъ.

— И я!—добавилъ Викентій, недовѣрчиво смотря на Пакоша.

— И я не хуже васъ, хоть и чужой,—сказалъ Пакошъ,—я также дамъ свою часть.

— Если всѣ согласны,—сказалъ Матвѣй послѣ непродолжительнаго размышленія,—то раздѣлимъ заработокъ за эту смѣну пополамъ. Ему половина, а намъ другая.

Услыхавъ рѣшеніе, нагрузчикъ Янъ Ляхъ сказалъ покорнымъ голосомъ:

— Чѣмъ же мы хуже? Возьмите и съ насъ!

Углекопы посмотрѣли на Матвѣя, который, проглотивъ кофе съ хлѣбомъ, отозвался:

— И это вѣрно! Если бы не обвалилась гора, не было бы угля. Не сдѣлай Адамъ отверстія, кто нибудь другой за него сдѣлалъ бы, но я не хочу васъ обижать: вы дадите третью часть и баста!

— Господинъ старшій!—отозвался Янъ,—почему же не половину?

— Я сказалъ: третью часть!—крикнулъ Матвѣй.—Ну, и довольно! Это не твоего ума дѣло. Понимаешь?

— Да, оно вѣрно!—покорно согласился Янъ.

Послѣ минутнаго молчанія Пакошъ замѣтилъ, позѣвывая и потягиваясь:

— Люблю такую работу, когда фоляры не поспѣваютъ. Работа, какъ огонь, горитъ въ рукахъ!

— У насъ говорятъ не фоляры, а нагрузчики, а объ огнѣ не особенно болтай,—предостерегъ его Войцѣхъ, смягчившійся послѣ того, какъ Пакошъ уступилъ половину заработка Адаму.

— Да! Съ огнемъ поосторожнѣй!—поддержалъ его Викентій.—Никто не знаетъ ни часа, ни минуты, когда онъ можетъ вспыхнуть.

— А у васъ горѣло?—спросилъ заинтересованный Пакошъ.

— А ты какъ думалъ?—похвастался Войцѣхъ.—Горѣло и теперь еще горитъ!

— Лампочка?!—съ ироніей замѣтилъ Пакошъ.

— Не лампочка, братъ!—вѣско и медленно сказалъ Викентій,—а настоящій уголь. Погибло тогда пятьдесятъ человѣкъ... впрочемъ не помню хорошенько сколько,—при этомъ онъ посмотрѣлъ вопросительно на Матвѣя.

— Пятьдесятъ шесть,—пояснилъ старшій углекопъ.

— Ну, и какъ же? какъ это было?—допытывался Пакошъ.—

У насъ огня не было, только отецъ мой разсказывалъ, что давно когда-то горѣло.

— А что-жъ особеннаго?.. Людей похоронили, какъ слѣдуетъ, а отъ огня отгородились каменной плотиной, толщиною въ два метра, и теперь продолжаютъ работу.

— И теперь горитъ?

— Разсказывалъ мнѣ Францъ Буракъ,—продолжалъ Викентій,—что стѣна до того нагрѣлась, какъ будто печка зимою. А если приложить къ стѣнѣ ухо, то гудитъ, какъ въ печной трубѣ.

— Гдѣ же это?

— На нашемъ участкѣ, но далеко, въ противоположной сторонѣ.

— Вотъ посмотрѣть бы!—воскликнулъ Пакошъ.

— Если будешь съ нами работать, то недѣли черезъ двѣ или три мы будемъ близко, вѣдь мы идемъ кругомъ по номерамъ,—прибавилъ Матвѣй.—Ну, будетъ болтать, ребята! За работу!

VII.

Въ ближайшее воскресенье Пакошъ, одѣтый по праздничному—въ сѣрую куртку, черные штаны и въ сапогахъ съ блестящими голенищами, ходилъ въ нетерпѣніи по комнатѣ въ квартирѣ Гротка. Отъ времени до времени онъ покрикивалъ на расшалившихся дѣтей, которыя шопотомъ передразнивали его силезскій выговоръ.

Проходя мимо маленькаго зеркальца, надъ кроватью хозяйки, Пакошъ то и дѣло поправлялъ стоячій воротничекъ, зеленый галстухъ съ красными полосками и приглаживалъ непослушные вихры волосъ надъ ухомъ. Онъ поджидалъ хозяйку съ Павлисей, надѣясь проводить ихъ въ костелъ. Ему очень хотѣлось поскорѣе выйти изъ дому, пока не пришелъ шлеперъ Францъ Бушный, квартирантъ и поклонникъ Павлиси.

Онъ остановился передъ полуоткрытою дверью въ другую комнату, гдѣ одѣвались женщины, и воскликнулъ:

— Уже двѣнадцатый часъ, опоздаемъ въ костелъ.

— О! о! времени еще много. Мнѣ нужно одѣться... Простая крестьянка и та долго одѣвается, а что же ужъ про насъ говорить?!—отвѣчала хозяйка.

— Я такъ и забылъ уже, когда одѣлся, а вы...

— Э, что тамъ у васъ!..—отвѣчала хозяйка пренебрежительно.—Двѣ минуты и готовы, а мы другое дѣло. Подождите, я сейчасъ выйду.

Пакошъ прошелся вдоль комнаты и остановился у окна. Среди сѣренькаго, туманнаго утра длинныя и почернѣвшія рабочія казармы напоминали своимъ видомъ острогъ. Вдали

пустынныя поля тонули въ пропитанномъ дымомъ туманѣ. Пакошъ не выдержалъ и плюнулъ при видѣ такого ландшафта: ему невольно вспомнилась красивые, чистенькіе, бѣлые домики въ Силезіи, окруженные деревьями; потомъ онъ оглядѣлъ грязную неприбранную квартиру и еще разъ плюнулъ; наконецъ, онъ сталъ думать о Павлисѣ, голосъ которой слышался черезъ полуоткрытую дверь. Въ теченіе этихъ нѣсколькихъ дней, пользуясь свободнымъ временемъ (Пакошъ работалъ въ ночной смѣнѣ), онъ имѣлъ возможность познакомиться ближе съ Павлисей. Дѣвушка нравилась ему все больше и больше, и онъ былъ отъ нея безъ ума; когда Павлися приходила изъ швейной мастерской къ обѣду, онъ не отступалъ отъ нея ни на шагъ. Въ эти минуты глаза его не видѣли никого, кромѣ нея. Онъ прекрасно зналъ всѣ изгибы ея стройнаго стана, ея походку, шрамъ на лѣвой рукѣ, родимое пятнышко возлѣ уха. Онъ восхищался ея буйными, темно-каштановыми волосами, заплетенными въ тяжелую косу, а съ ея карихъ очей не сводилъ глазъ.

Павлися, замѣчая свою власть надъ Пакошемъ, стала все чаще и чаще смотрѣть на него съ пренебреженіемъ, нарочно опуская глаза и отворачиваясь, хотя въ сущности ей очень льстило, что молодой углекопъ сходитъ по ней съ ума.

Пакошъ лишился сна, аппетита, похудѣлъ и терялъ въ ея присутствіи свою развязность, свой насмѣшливый и строптивый характеръ. Наконецъ, онъ сказалъ себѣ: не она, такъ и никто на свѣтѣ. И съ настойчивостью влюбленнаго, съ упорствомъ крестьянина, съ горячностью человѣка, не увѣреннаго въ завтрашнемъ днѣ, онъ добивался ея ласки, жаждалъ ея привѣтливой улыбки.

Вдругъ заскрипѣла дверь, и въ комнату вошла Павлися въ темномъ платьѣ и сѣренькой шляпкѣ, украшенной цвѣтами. Жакетъ, плотно облегавшій ея станъ, обрисовывалъ изящную фигурку, тонкую въ таліи и широкую въ плечахъ, благодаря моднымъ, широкимъ рукавамъ. Она иронически улыбнулась при видѣ Пакоша, глядѣвшаго на нее, какъ на святыню, и стала поправлять передъ зеркаломъ шляпку своей бѣлоснѣжной рукой.

Скорѣе въ шутку, чѣмъ серьезно, она сказала Пакошу, не глядя на него:

— Еслибы Францъ былъ дома, вы навѣрное не торчали бы здѣсь.

— Это почему?

— А потому, что мы давно съ нимъ знакомы, и онъ имѣетъ полное право проводить меня въ костелъ.

— Правъ тотъ, кто сильнѣе,—пробурчалъ, нахмурившись, Пакошъ.

— О, онъ очень силенъ!—усмѣхнулась дѣвушка.

— Э, какой-нибудь шлеперъ!—отвѣтилъ онъ съ презрительной улыбкой.

Въ это время вошла сама хозяйка, шелестя накрахмаленными юбками и, услышавъ послѣднія слова, сказала съ материнской гордостью, довольная соперничествомъ квартирантовъ, изъ которыхъ она извлекала порядочный доходъ:

— Ну, онъ не какой-нибудь шлеперъ! У него въ кассѣ рублей 200.

— И у меня будутъ! Не велика штука!

Разговоры въ такомъ тонѣ, подстрекавшіе самолюбіе Пакоша, велись уже не въ первый разъ. Франца по вечерамъ также угощали подобными разговорами, въ отсутствіи молодаго углекопа, и въ обоихъ все болѣе и болѣе разгоралась ревность.

До сихъ поръ они еще не встрѣчались на квартирѣ, хотя знали другъ друга, сталкиваясь въ конторѣ. Тамъ они поглядывали другъ на друга съ затаенной злобою, какъ двѣ собаки, мѣтящія на одну и ту же кость. Сегодня они должны были встрѣтиться въ первый разъ, такъ какъ по воскресеньямъ дневная смѣна кончалась къ полудню. Поэтому-то Пакошъ обнаруживалъ такое нетерпѣніе, желая предупредить Франца и проводить Павлисю въ костелъ.—Мать отдавала послѣднія распоряженія младшей одиннадцатилѣтней дочери:

— Смотри хорошенько за огнемъ; поставь воды для каши, а ребенка укачай. Въ костелъ пойдешь послѣ, къ вечернѣ.

— Я хочу къ папѣ!—запротестовала дѣвочка.

— Къ папѣ пойдешь во вторникъ, съ Францемъ.

— А я хочу сегодня.

— Папа никого не узнаетъ, зачѣмъ же къ нему идти? Я принесу тебѣ конфетку,—прибавила она, замѣтивъ слезы на глазахъ ребенка.

— Я сегодня пойду, сегодня! — упорствовала маленькая дѣвочка.

— Можетъ быть тебя возьметъ съ собой Пакошъ, тогда, конечно, пойдешь.

— Разумѣется возьму!—закричалъ углекопъ изъ корридора, гдѣ онъ стоялъ уже съ Павлисей.

Вышли. На улицѣ стояла грязь, только по одной сторонѣ тянулась протоптанная дорожка, часто пересѣкаемая большими и маленькими лужами. По этой дорожкѣ двигалась непрерывная толпа народу въ праздничныхъ нарядахъ. Женщины, подобравъ въ руки свои широкія юбки, высоко приподнимали ихъ изъ опасенія выпачкаться въ грязи; онѣ подолгу останавливались надъ лужами, чтобы неосторожнымъ шагомъ не загрязнить башмаковъ.

Пакошъ, довольный отсутствіемъ соперника, гордый красотой своей спутницы, оказался необыкновенно вѣжливымъ и услужливымъ кавалеромъ.

На всѣхъ опасныхъ и скользкихъ мѣстахъ онъ подавалъ ей руку, заботился о чистотѣ ея ботинокъ и чаще, чѣмъ слѣдовало, поглядывалъ на цвѣтные чулки Павлиси. Когда дорожка сталъ нѣсколько шире, онъ робко предложилъ ей руку.

— Ха-ха-ха!—разсмѣялась Павлися.—У насъ ходятъ подъ руку только помолвленные, а я еще свободна!

— Это отъ васъ зависитъ,—пробормоталъ Пакошъ,—а я такъ готовъ хоть сейчасъ.

— Можетъ быть у васъ ужъ готово и кольцо?—дразнила своего кавалера дѣвушка.

— А что же? Развѣ здѣсь мало магазиновъ? Лишь бы деньги были, а у меня ихъ достаточно.

— Еще у мастера нѣтъ золота для этого кольца; да врядъ-ли и будетъ когда-нибудь,—продолжала насмѣшливо Павлися.

— Ой, какая вы недоступная!—сказалъ Пакошъ со вздохомъ.

— А у васъ все доступныя?—смѣялась она.

— Ну, не балуйтесь!—сказала съ напускною важностью мать.—Всѣ на васъ смотрятъ и удивляются, а Маня Куракъ такъ даже остановилась.

— Ого, смотрите: и Войцѣхъ за ней, какъ тѣнь,—прибавила дочь.

— Что, это его любовница?—спросилъ Пакошъ.

— Ну, не совсѣмъ-то его!—злобно засмѣялась мать.—Вы спросите ка у нея, сколькихъ она любила... Эхъ, жаль мнѣ парня, вѣдь онъ мнѣ родня.

Они молча продолжали свой путь.

— Посмотри, мама, какъ разрядилась Бибѣлиха? Какое у нея клѣтчатое платье,—вѣрно отъ бабушки осталось,—теперь такихъ не носятъ.

— Ой, вижу я, дитя мое, еще дальше: недаромъ Бибѣля все якшается со штейгеромъ,—сказала-та со вздохомъ.—А дочка-то его—видишь, Павлися?—какъ стрѣляетъ глазами въ кавалеровъ, лишь бы поймать кого на удочку и покрыть грѣхъ!

— Сегодня у нихъ, кажется, помолвка; Бронися поймала шлепра Михаила.

— Котораго это?—допытывалась мать.

— А того, который за Манькой ухаживалъ, пока съ ней связался Войцѣхъ.

— Велика честь!—сказала насмѣшливо мать—простой вагонщикъ!

Здѣсь къ нимъ присоединилась новая компанія, нагнавшая

ихъ сзади, и начались разспросы о домашнихъ и хозяйственныхъ дѣлахъ.

На улицѣ было оживленное движеніе,—всѣ направлялись въ костелъ,—и Пакошу съ трудомъ удавалось держаться рядомъ съ Павлисей, которая оживленно болтала со встрѣченными по дорогѣ подругами.

Наконецъ, они вошли въ простыя, деревянныя ворота, украшенныя крестомъ, и очутились въ узкомъ проходѣ, обнесенномъ съ обѣихъ сторонъ деревяннымъ заборомъ. Небольшой, каменный костелъ вмѣщалъ не болѣе 200 человѣкъ, между тѣмъ, какъ число прихожанъ доходило до нѣсколькихъ тысячъ.

Опоздавшіе, не имѣя возможности попасть внутрь, стояли у входа, и на площади предъ костеломъ, для нихъ на открытомъ воздухѣ былъ устроенъ скромный алтарь съ иконой Ченстоховской Божьей Матери.

Пакошъ съ трудомъ добрался до середины узкаго прохода, очищая дорогу своимъ спутницамъ. Когда онѣ протискивались черезъ толпу, среди тихаго шопота молитвъ послышались язвительныя замѣчанія, направленныя по ихъ адресу:

— Смотрите! Ужъ Гроткова съ дочкой лѣзутъ впередъ, къ главному алтарю!

— Важныя барыни!

— Здѣсь всѣ равны!—шипѣла случайно задѣтая кумушка.

И мать, и дочь, прекрасно слышавшія всѣ эти колкости, бросали молніеносные взгляды на шептавшихся кумушекъ, но упорно отмалчивались. Мать только еще выше подняла голову и злобно стиснула губы; дочь побагровѣла отъ оскорбленій. Наконецъ, онѣ остановились, воспользовавшись болѣе свободнымъ мѣстечкомъ, очищеннымъ для нихъ у забора при энергичномъ содѣйствіи крѣпкихъ локтей Пакоша; онѣ раскрыли свои молитвенники и усердно стали молиться.

Пакошъ началъ разсматривать окружавшую его толпу, но видѣлъ только разряженныхъ женщинъ самыхъ разнообразныхъ возрастовъ, и мужчинъ, усердно слѣдившихъ по книжкамъ за богослуженіемъ. Желтыя, изнуренныя лица молящихся, съ застывшимъ на нихъ мрачнымъ выраженіемъ, почти не отрывались отъ молитвенниковъ. Среди торжественнаго богослуженія то и дѣло слышался грохотъ машинъ и самые разнообразные отголоски кипучей фабричной жизни: какой-то скрежетъ, лязгъ, глухіе и звонкіе свистки, грохотъ вагоновъ на близлежащей желѣзнодорожной станціи, стукъ экипажей и повозокъ на улицѣ, покрикиванье возчиковъ, топотъ лошадей и хлопанье бичей.

Благодаря фабричной суетѣ и шуму, толпа молящихся на площади еле слышала тихіе звуки органа въ костелѣ, и только

рѣзкій звонъ колокольчиковъ при мессѣ ясно выдѣлялся среди этого моря различныхъ звуковъ. Почти одновременно съ этимъ звономъ вся толпа начинала колыхаться, изъ всѣхъ устъ вырывался какой-то тихій стонъ смиренія и восторга, всѣ преклоняли головы и опускались на колѣна; только менѣе набожные довольствовались низкимъ склоненіемъ головы. Женщины, приподнявъ свои юбки, опускались на мокрую землю, уткнувъ головы въ молитвенники и цѣлуя образки святыхъ, мужчины подкладывали подъ колѣни носовые платки и подкладки шапокъ. Черезъ мгновеніе толпа опять подымалась, склоняясь по направленію къ костелу, и шопотъ молитвъ становился громче.

По окончаніи мессы, когда толпа стала выходить изъ костела, Гроткова съ дочерью поспѣшили воспользоваться удобною минутою, чтобы попасть внутрь костела, и стали пробираться къ паперти. Пакошъ, видя ихъ намѣреніе, попробовалъ замѣтить, что пора бы уже и уходить, но его слова встрѣтили рѣзкій отпоръ:

— Только язычники молятся въ праздникъ подъ открытымъ небомъ, а католики должны молиться въ костелѣ.

Пакошу опять пришлось прочищать собственными локтями дорогу къ самому алтарю. Здѣсь обѣ женщины опустились на колѣни и прилежно шептали молитвы, которыя полагается читать при слушаніи мессы. Наконецъ онѣ кончили и направились къ выходу. Теперь уже толпа была немного рѣже и выбраться было легче. На паперти было почти совсѣмъ пусто, да и на площади осталось мало молящихся. Гроткова уже сходила съ паперти, какъ вдругъ послышался голосъ ея младшей дочери:

— Мама! Мама!

Мать съ удивленіемъ остановилась.

— Ты откуда? Кто остался съ дѣтьми?

— Пришла тетя Катерина, а меня послали за вами.

Въ это время къ нимъ подошелъ худощавый, средняго роста, молодой брюнетъ, одѣтый въ чистый, хотя и поношенный черный сюртукъ. Онъ откинулъ со лба жесткіе волосы своей костлявой, мозолистой рукой и сказалъ тихимъ голосомъ:

— Я привелъ Юльцю сюда!

— И хорошо сдѣлали, Францъ,—будь она одна, ее пожалуй раздавили бы.

Францъ искалъ взгляда Павлиси, спокойно стоявшей рядомъ съ Пакошемъ. Но она смотрѣла вдаль, не поворачиваясь къ Францу, и глаза шлепра встрѣтились съ глазами Пакоша, который торжествующе смотрѣлъ на опоздавшаго соперника.

Ревность, натравливанье женщинъ и сплетни сдѣлали свое дѣло.

Глаза Франца сверкнули, желтоватое лицо налилось кровью, шрамъ на лбу изъ бѣлаго сдѣлался краснымъ; онъ стиснулъ зубы такъ крѣпко, что усы совсѣмъ спустились книзу, и сталъ упорно и вызывающе смотрѣть на молодого углекопа. Пакошъ понялъ этотъ взглядъ. Его голубые глаза блеснули, какъ сталь, онъ слегка раскрылъ ротъ и тяжело дышалъ, судорожно теребя рукой ни въ чемъ неповинную шляпу.

— Пора домой,—рѣшила Гроткова.

Пакошъ шелъ, молча и нахмурившись, рядомъ съ Павлисей. Выйдя на улицу, женщины остановились, чтобы посовѣтоваться насчетъ нѣкоторыхъ покупокъ, но Юльця, младшая дочь, начала со слезами упрашивать, чтобы идти къ отцу.

Мужчины молчали, дѣлая видъ, что они незнакомы. Павлися взглянула на обоихъ.

Стройный, ловкій, прилично одѣтый Пакошъ показался ей даже красавцемъ по сравненію съ Францемъ, который впопыхахъ плохо одѣлся и небрежно умылся; въ ушахъ у него виднѣлась угольная пыль; на усталомъ лицѣ отпечатлѣлись упорство и ревность.

— Кто-жъ проводитъ тебя въ больницу? — спросила мать, уступая просьбамъ дочери, и взглянула на обоихъ спутниковъ. И тотъ, и другой молчали. Тогда Павлися сказала:

— Я пойду съ ней.

— Одна?—спросила мать.

Оба кавалера одновременно воскликнули:

— Я васъ провожу.

Мать расхохоталась и взглянула на улыбавшуюся дочь.

— Комедія! Ей Богу комедія! Сначала никто не хотѣлъ, а теперь оба вмѣстѣ!—она продолжала заливаться хохотомъ.— Впрочемъ вы еще не знакомы, хотя и вмѣстѣ живете.

— Я его знаю, знаю—поспѣшилъ сказать Францъ.

— Я не гонюсь за такимъ знакомствомъ...—презрительно отозвался Пакошъ.

При этихъ словахъ женщины разсмѣялись; мать рѣшила сдѣлать покупки сама, а дочкамъ предстояло отправиться къ отцу въ обществѣ обоихъ квартирантовъ.

Павлися взглянула на ихъ искаженныя злобой лица и сказала, взявъ Юльцю подъ руку:

— Пойдемъ вмѣстѣ, только пожалуйста безъ всякихъ скандаловъ; иначе я разсержусь и не буду говорить съ тѣмъ, кто начнетъ первый.

Эти слова подѣйствовали, какъ ведро холодной воды; оба соперника успокоились и шли рядомъ въ примѣрномъ молчаніи по узкой дорожкѣ, вслѣдъ за сестрами. Когда, наконецъ, они вышли на дорогу, Пакошъ быстрымъ движеньемъ занялъ мѣсто рядомъ съ Павлисей, которая, кокетливо улыбнувшись,

тотчасъ же обратилась къ Францу, шедшему рядомъ съ Юльцей;

— Отчего вы сегодня такой грустный?

— Мало развѣ причинъ? Вы не слыхали, что хлѣбъ вздорожалъ?

— Нѣтъ, мама ничего мнѣ не говорила.

— Поневолѣ вздорожаетъ, когда грабятъ чужіе, а своимъ не хватаетъ...

Пакошъ понялъ, въ чей огородъ бросаютъ камешокъ, и отвѣтилъ, намекая на занятіе шлепра:

— Я не гонюсь за ржанымъ хлѣбомъ.

— Ржаной, да свой—воскликнулъ тотъ съ горячностью.

— Ну, такъ и сиди себѣ съ нимъ—усмѣхнулся углекопъ.

— Уже начали!—поспѣшила вмѣшаться Павлися.

Всѣ продолжали путь молча, но Францъ, который уже почти заручился согласіемъ дѣвушки и родителей, чувствовалъ себя болѣе увѣреннымъ, несмотря на то, что со времени прибытія молодого углекопа къ нему стали относиться хуже. Послѣ непродолжительнаго молчанія онъ опять началъ:

— А вы знаете интересную новость?

Получивъ отрицательный отвѣтъ, онъ сталъ поспѣшно разсказывать:

— Въ конторѣ вывѣшено объявленіе о розыскахъ какого-то пруссака, который убилъ и ограбилъ восемь дѣвушекъ. Онъ всѣмъ имъ по очереди обѣщалъ жениться, а затѣмъ, не сдержавъ обѣщанія, грабилъ и убивалъ. Боже мой! Этотъ негодяй изъ Пруссіи избивалъ даже невинныхъ дѣвушекъ!—Онъ передохнулъ, искоса поглядывая на Пакоша, какъ будто онъ то и былъ этимъ разбойникомъ. И Павлися подозрительно посматривала на углекопа, который мѣнялся въ лицѣ и, наконецъ, сталъ говорить хриплымъ голосомъ:

— Пруссія велика, можетъ быть тамъ и встрѣчаются такіе негодяи, которые живутъ грабежомъ. А когда имъ и случится попасть на копи, то, не имѣя опредѣленной профессіи, они поступаютъ въ шлепры, въ жалкую шайку такихъ же разбойниковъ и жуликовъ, какъ и они сами.

При этихъ словахъ онъ вызывающе и презрительно взглянулъ на Франца, также въ свою очередь задорно смотрѣвшаго на него. Павлися, подмѣтивъ эти злобные взоры, которыми обмѣнивались соперники, сначала было смутилась, но затѣмъ, сознавая свою власть надъ ними, сердито нахмурила брови, остановилась и сказала съ гнѣвомъ:

— Францъ, вы проводите меня въ больницу и обратно до поворота на полдорогѣ, а вы, Владиславъ, подождите тамъ и проводите меня къ Вандзѣ.

Пакошъ видимо колебался и заявилъ, глядя на Павлисю:

— Сегодня мое право, вѣдь я васъ провожалъ въ костелъ.

— Не хотите меня провожать—гнѣвно воскликнула она—ну, такъ и не надо, я пойду съ Францемъ.

— Иду, иду! — поспѣшно согласился Пакошъ—но гдѣ же этотъ поворотъ?

— Тамъ, на право, гдѣ начинается тротуаръ, — пояснила ему дѣвушка, нѣсколько смягченная этой быстрою побѣдою.

Пакошъ медленно направился къ указанному мѣсту. Францъ, обрадованный тѣмъ, что хотя временно одержалъ верхъ надъ соперникомъ, повеселѣлъ и шелъ рядомъ съ Павлисей.

— Разскажите, Францъ, что это за исторія съ этимъ пруссакомъ, который убивалъ дѣвушекъ?

— Такая же, какъ и всегда въ подобныхъ случаяхъ: придетъ какой нибудь бродяга, прикинется кавалеромъ, разрядится въ пухъ и прахъ, ухаживаетъ, говоритъ комплименты... а дѣвушкамъ, разумѣется, только этого и надо...

— Это въ чей огородъ камешокъ? — сурово спросила Павлися.

— Ни въ чей, я разсказываю про пруссака.

— Совѣтую вамъ поосторожнѣе выражаться. Пакошъ хорошій углекопъ и много зарабатываетъ, это мнѣ разсказывала дочка Бибѣли со словъ отца.

— Чортъ бы побралъ этого Пакоша—проворчалъ Францъ—холера принесла его сюда.

— Вотъ и неправда, не холера,—онъ пріѣхалъ по желѣзной дорогѣ—наивно заявила маленькая Юльця.

Нѣкоторое время всѣ молчали, наконецъ Францъ спросилъ:

— Что же будетъ съ нами, Павлися?

— А что жъ особеннаго? Мнѣ хорошо, а кому плохо, пусть самъ о себѣ позаботится.

— Вы хорошо знаете, о чемъ я говорю. Вѣдь вы уже дали мнѣ слово.

— Но вѣдь помолвки еще не было, — живо прервала его Павлися.

— А слово ничего не значитъ?

— Я должна слушаться родителей, — схитрила молодая дѣвушка.

— Прекрасно, но знайте, — какъ только меня сдѣлаютъ углекопомъ, мы немедленно внесемъ деньги за оглашеніе.

— Когда еще это будетъ,—насмѣшливо замѣтила Павлися.

— Скорѣе, чѣмъ вы думаете, я это навѣрное знаю — сказалъ онъ убѣжденно.

— Неужели?—тревожно спросила она.

— Я знаю дорогу къ штейгеру— пояснилъ Францъ, жаль только денегъ... Да видно жизнь еще дороже, а безъ васъ мнѣ и жизнь не въ жизнь.

— Ха-ха, вотъ какъ?—разсмѣялась Павлися.

— Я человѣкъ простой и красиво говорить не умѣю, а только скажу вамъ прямо: пусть этотъ пруссакъ не становится мнѣ поперекъ дороги, иначе я ему всѣ ребра переломаю.

— Хорошъ кавалеръ; нельзя ужъ и посмотрѣть на другого!.. А вѣдь мы еще и не вѣнчаны.

— Можете смотрѣть, на то и глаза у человѣка... А только этотъ пруссакъ пусть знаетъ границы и къ нашимъ не лѣзетъ; пускай женится на пруссачкѣ.

— А вы ему это скажите—насмѣшливо замѣтила она.

— Я еще съ нимъ поговорю, только для него это будетъ тяжелый день.

— Я не знала, что вы такой горячій.

— Я всегда таковъ. Разъ полюблю, готовъ умереть ради любимой дѣвушки! Но если какой нибудь негодяй становится на дорогѣ, я ему не спущу.

— Прошу васъ только не устраивать скандаловъ у насъ дома, иначе мы на вѣки поссоримся, — внушительно замѣтила она.

— Искать его я не стану, но если онъ самъ вздумаетъ задирать меня...

— Только пожалуйста не у насъ дома.

— О, я съумѣю найти его и въ другомъ мѣстѣ.

— Вотъ и больница—воскликнула Юльця.

— Ну такъ какже, Павлися, согласны?—спросилъ Францъ, заглядывая ей въ лицо.

— На что?—притворилась она непонимающей.

— Да относительно нашего брака...

— Объ этомъ не можетъ быть и рѣчи, пока отецъ не поправится... Ну, а когда родители согласятся... Тутъ она остановилась въ нерѣшительности.

— А почему бы имъ не согласиться, разъ я буду углекопомъ. Ну, что же тогда, Павлися?

— Хорошо: если вы будете углекопомъ, да перестанете ревновать, а родители дадутъ свое согласіе, тогда пусть уже будетъ такъ—закончила она съ легкимъ вздохомъ.

— Вотъ и отлично! Ваше согласіе—самое главное. А я ужъ постараюсь сдѣлаться поскорѣе углекопомъ. Я было хотѣлъ добиться этого своимъ трудомъ—жаль было трудовыхъ денегъ. Ну, да если иначе нельзя, надо видно приступить къ дѣлу—говорилъ онъ рѣшительно.

Павлися шла въ раздумьи: вѣдь Пакошъ ужъ и теперь углекопъ, а какъ онъ влюбленъ въ нее... Какой красавецъ... а всетаки пруссакъ: пришелъ Богъ знаетъ откуда; говоритъ будто бы и по польски, но такъ, что всѣ надъ нимъ смѣются;

кто его знаетъ! можетъ быть онъ вертопрахъ какой-нибудь: приволокнется, а потомъ и броситъ? Чего добраго убьетъ еще?...— при этой мысли она вздрогнула.—А этотъ всетаки свой. Какой онъ бережливый, — хоть и шлеперъ, а вотъ скопилъ уже немного деньжонокъ. Нѣтъ, ужъ пусть лучше онъ...—мысленно кончила она свой монологъ.

Какъ разъ въ это время они остановились передъ больницей, помѣщавшейся въ новомъ каменномъ, одноэтажномъ зданіи, съ громадными окнами.

При самомъ входѣ ихъ поразилъ непріятный запахъ карболки и іодоформа, которыми, казалось, были пропитаны даже стѣны.

Изъ передней они вошли по каменному полу въ пріемную, гдѣ, у стѣны, на скамьяхъ сидѣло болѣе десяти посѣтителей.

Павлися усѣлась съ сестренкой, молча ожидая, пока Францъ выхлопочетъ ей разрѣшеніе повидаться съ больнымъ отцомъ. Францъ хорошо зналъ всѣхъ больничныхъ сторожей и фельдшера, такъ какъ самъ пролежалъ въ больницѣ нѣсколько недѣль, когда ему разбило голову; съ того времени у него и остался шрамъ на лбу. Онъ подошелъ къ сторожу, исполнявшему на этотъ разъ обязанности швейцара, и, давъ ему на чай, узналъ, что получить разрѣшеніе можно только у фельдшера. Тогда Францъ перешелъ черезъ корридоръ и, робко постучавъ въ дверь, вошелъ въ пріемную фельдшера. Комната, гдѣ онъ очутился, была небольшихъ размѣровъ, съ однимъ окномъ; вдоль стѣнъ стояли небольшіе шкафчики съ самыми необходимыми лѣкарствами и хирургическими инструментами. Войдя сюда, онъ вспомнилъ свою болѣзнь и содрогнулся при видѣ цѣлой коллекціи щипцовъ, ножей, скальпелей, пинцетовъ, пилъ.

— Кто тамъ?—спросилъ фельдшеръ, невысокій, худощавый блондинъ, слегка повернувшись къ вошедшему.

— Я пришелъ просить вашей милости,—сказалъ Францъ.

— Въ чемъ дѣло?—при этомъ онъ погладилъ свою бороду бѣлой, выхоленной рукой, внимательно и ласково вглядываясь въ стоявшаго у двери Франца.

— Здѣсь въ палатѣ лежитъ Адамъ Гротекъ; дочки пришли его провѣдать.

Фельдшеръ, замѣтивъ у него шрамъ, не переставалъ къ нему присматриваться. Наконецъ, взглянувъ еще разъ ему въ лицо, онъ спросилъ:

— А ты былъ въ больницѣ?

— Былъ.

Въ памяти фельдшера ярко встала картина, какъ привезли раненаго Франца съ надтреснувшей лобной костью, какъ затѣмъ ему дѣлали операцію.

— Ты лежалъ подъ десятымъ номеромъ?

— Да.

— Ну, какъ теперь? Побаливаетъ голова?

— Спасибо вамъ; иногда только поболитъ съ сутки да и пройдетъ.

— Ну, слава Богу; а интересный былъ случай,—замѣтилъ онъ тономъ врача-спеціалиста.—Зачѣмъ же ты пришелъ сюда?

— А вотъ видите... Адамъ Гротекъ, углекопъ, лежитъ здѣсь въ палатѣ, дочки пришли его провѣдать, и я съ ними...

— Адамъ Гротекъ?.. Ага, знаю, знаю,—это углекопъ, въ хирургической палатѣ; внѣшнее поврежденіе задней части черепа съ сотрясеніемъ мозга, поврежденіе плечевой кости и переломъ одного ребра. Болѣзнь сложная...

— А что, онъ останется живъ?

— Мы дѣлаемъ все, что въ нашихъ силахъ; ему теперь немного лучше, жаръ уменьшился, но всетаки жизнь его еще въ опасности.

— А дочкамъ можно съ нимъ повидаться?

— Гм... гм... А онѣ какъ тебѣ приходятся? Ты что, зять его, что ли?

— Еще нѣтъ, но старшая дочь дала ужъ мнѣ свое согласіе.

— Видишь ли: говорить онъ еще не можетъ, хотя иногда приходитъ въ себя... Я велю васъ впустить черезъ нѣсколько минутъ.

Они вышли. Проходя черезъ пріемную, Францъ поманилъ рукою молодую дѣвушку. Фельдшеръ посмотрѣлъ на Павлисю и на ходу замѣтилъ:

— Красивая же у тебя невѣста! Только гляди, какъ бы она не забрала тебя въ руки.

— О! о!—выразилъ свое сомнѣніе Францъ, а Павлися покраснѣла до ушей.

Фельдшеръ открылъ двери и отдалъ нужныя распоряженія сторожу.

Хирургическая палата помѣщалась въ просторной, продолговатой комнатѣ, съ высокимъ потолкомъ и большими окнами, пропускавшими много свѣта; но, не смотря на хорошую вентиляцію, воздухъ былъ пропитанъ запахомъ іодоформа и испареніями больныхъ, искалѣченныхъ тѣлъ, мучающихся въ жару отъ тяжелыхъ ранъ. Кровати, установленныя въ два ряда, по восьми въ каждомъ, были обращены изголовьями къ стѣнамъ, а ногами къ проходу.

Всѣ онѣ были заняты. Здѣсь, на чистыхъ постеляхъ лежали больные, изувѣченные въ копяхъ. Тихіе стоны, бредъ,

тяжелые вздохи, да изрѣдка конвульсивныя движенія обнаруживали страданія больныхъ.

Адамъ Гротекъ занималъ койку номеръ 14.

Рядомъ, подъ номеромъ 15, лежалъ больной, одѣтый въ больничный халатъ темно-синяго цвѣта съ бѣлыми полосками; одинъ пустой рукавъ его халата былъ засунутъ за поясъ, на другой рукѣ уцѣлѣло всего два пальца, на которые больной ежеминутно поглядывалъ.

Адамъ лежалъ неподвижно съ забинтованной головой и закрытыми глазами. Судя по восковой блѣдности его лица, крѣпко сжатымъ губамъ и полной неподвижности его тѣла, казалось, что онъ умеръ.

Юльця съ тихимъ стономъ бросилась на колѣни и припала къ правой рукѣ отца, лежавшей на одѣялѣ. Павлися плакала. Больной застоналъ, почувствовавъ прикосновеніе къ больной рукѣ.

— Тише вы,—сказалъ сторожъ.

Адамъ открылъ глаза, взглянулъ на Павлисю, на Юльцю, затѣмъ опять закрылъ ихъ, но черезъ минуту посмотрѣлъ на нихъ снова.

На его блѣдныхъ губахъ мелькнула легкая улыбка, онѣ слегка пошевелились, но не издали ни звука.

— О, мой татусь! татусь!—стонала Юльця.

Больной закрылъ глаза и явственно прошепталъ:

— Больно!

Сторожъ грубо схватилъ Юльцю за руку и отвелъ въ сторону.

— Сами видите, какъ онъ боленъ, приходите черезъ недѣльку: тогда онъ немножко поправится и поговоритъ съ вами, а теперь уходите!

Дочери поцѣловали на прощанье руку отца и вышли.

Покидая больницу, Юльця заливалась слезами при воспоминаніи объ отцѣ.

— Какой татусь бѣдный! какой несчастный!

— Фельдшеръ говорилъ мнѣ,—началъ успокоительнымъ тономъ Францъ,—что теперь ему лучше; жара уже нѣтъ, а это самое главное, остальное не важно; раны зашьютъ, замажутъ, онѣ заживутъ и Адамъ будетъ здоровъ.

Павлися сквозь слезы благодарно посмотрѣла на спутника.

Они продолжали путь въ молчаніи. Франца начинала безпокоить мысль о Пакошѣ, поджидавшемъ ихъ на поворотѣ.

— Ну, какъ же, Павлися, дѣло значитъ рѣшено: я буду углекопомъ, а вы моею женою? Мнѣ нужно это знать навѣрное, нужно дѣлать сбереженія, чтобы послѣ не бѣдствовать... Что же, согласны вы?

Эти слова возмутили Павлисю, которая была еще подъ впечатлѣніемъ только-что пережитаго: ей представлялась хирургическая палата, больной, почти умирающій отецъ, измѣнившійся до неузнаваемости, и она рѣзко отвѣтила:

— Отстаньте отъ меня со своими любовными дѣлами! Тамъ у меня больной отецъ, дома мать бѣдствуетъ, — прямо смотрѣть жалко, а онъ, вмѣсто того, чтобы помочь, вѣчно пристаетъ со свадьбой... Нашелъ время!!

Францъ посмотрѣлъ на нее съ затаенной злобой, но, подавивъ вспышку гнѣва, продолжалъ спокойно:

— Отецъ, Богъ дастъ, поправится, матери я далъ взаймы 15 рублей, а если нужно будетъ, то и еще дамъ, лишь бы только вы дали мнѣ слово.

— Да, вѣдь, я уже дала его вамъ!

— Ну, вотъ и отлично, только этотъ пруссакъ!

Павлися украдкой улыбнулась и, повеселѣвъ немного, заговорила:

— Какой вы странный человѣкъ, Францъ, прямо-таки глупый. Вѣдь онъ квартирантъ у матери: платитъ ей, и прекрасно, услужливъ—и это хорошо. А что онъ на меня заглядывается, ну такъ что же? Развѣ я ребенокъ? Точно у меня головы нѣтъ? Пусть его увивается, если ему это нравится.

— Гм... гм... оно будто и вправу такъ, лишь бы дѣло не заходило слишкомъ далеко.

— Это еще что такое?—возмутилась Павлися.—Пока ксендзъ не обвѣнчаетъ насъ, я, слава Богу, свободна.

— Лишь бы не слишкомъ далеко...—пробормоталъ онъ мрачно.

— Мнѣ уже восемнадцать лѣтъ, до сихъ поръ я не дѣлала глупостей и не буду.

Видя, однако, что спутникъ продолжаетъ хмуриться, Павлися измѣнила тонъ, стараясь его задобрить.

— Я очень рада, что вы такъ заботитесь обо мнѣ, но нужно же какъ нибудь ладить съ людьми. Возьмемъ хотя бы этого Пакоша, — онъ платитъ за кровать, за обѣдъ, за кофе, всегда готовъ услужить, когда васъ нѣтъ, — все это хорошо. Головы онъ мнѣ не вскружитъ, но я должна быть съ нимъ любезной, иначе мама сживетъ меня со свѣту...

— Хорошо, хорошо, я совершенно спокоенъ!—воскликнулъ обрадованный Францъ.—Провались онъ сквозь землю, этотъ Пакошъ. А какъ его огорошитъ наша свадьба!—И онъ въ восторгѣ громко расхохотался.

Затѣмъ онъ добавилъ:

— Я вамъ вполнѣ вѣрю; и вотъ увидите, когда онъ съ вами пойдетъ, я даже не взгляну на васъ.

— Вотъ это умно,—одобрила его Павлися съ довольной улыбкою,—я вижу: мы хорошо заживемъ послѣ свадьбы.

— Дай Богъ только, чтобы это случилось поскорѣе!—вздохнулъ влюбленный Францъ.

Уже издали видно было Пакоша, который прохаживался по улицѣ, поджидая Павлисю. Онъ также замѣтилъ ихъ и привѣтливо раскланялся. При видѣ соперника, Францъ покраснѣлъ, а Павлися стала просить его уйти:

— Пожалуйста, сверните тутъ налѣво.

Францъ пожалѣлъ теперь о своемъ обѣщаніи и злобно пробормоталъ:

— Я самъ знаю, когда нужно уйти.

Затѣмъ онъ спросилъ въ раздумьи:

— Вы пойдете прямо къ своей подругѣ?

Она посмотрѣла на него съ обиженнымъ видомъ, но все же отвѣтила ласково:

— Прямо, но черезъ городъ,—по дорогѣ слишкомъ грязно.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Пакоша Францъ остановился и, отвѣсивъ глубокій поклонъ передъ Павлисей, громко поцѣловалъ ея руку въ темной съ яркими полосками перчаткѣ.

— До свиданія, до вечера,—и съ этими словами онъ свернулъ налѣво.

Пакошъ подошелъ къ дѣвушкамъ. Францъ, обернувшись, пробормоталъ со вздохомъ:

— Безъ тебя мнѣ легче было бы жить на свѣтѣ! О, зачѣмъ я полюбилъ тебя такъ сильно?! А всетаки, неприступная красавица, ты будешь моею!

VIII.

Пакошъ сталъ жаловаться Павлисѣ:

— Ужасно надоѣло ждать васъ, бродить, какъ песъ на цѣпи.

— Не надо было ждать,—шутливо замѣтила она.

— Ну, васъ-то я прождалъ бы до второго пришествія. Такая ужъ у меня натура. Если я чего нибудь захочу, меня самъ чортъ не удержитъ.

— Лишь бы это не касалось меня,—засмѣялась Павлися.

— Васъ? О васъ-то и рѣчь. Я хорошо знаю себя. Едва увидавъ васъ, я сказалъ себѣ: она или никто.

— Тогда никто,—дразнила его дѣвушка.

— Не можетъ быть! Не за шлепра же вамъ выходить замужъ. Дочь углекопа должна вступать въ бракъ только съ углекопомъ, таковъ обычай!

— Будетъ и онъ углекопомъ,—вмѣшалась Юльця.

— А ты откуда это знаешь?—спросилъ Пакошъ.

— Онъ сегодня говорилъ объ этомъ Павлисѣ,—смѣло заявила дѣвочка.

— Ну, это еще вилами на водѣ писано. Да если бы даже его сдѣлали углекопомъ, то все же я старше его.

Всѣ молчали. Навстрѣчу имъ шло много народу изъ города съ веселыми, оживленными лицами. Пакошъ, глядя на шедшихъ впереди спутницъ, вспомнилъ про больницу и спросилъ:

— А какъ вашъ отецъ?

— Татусь очень боленъ, — съ волненіемъ прошептала Юльця.

— Но ему уже лучше... Черезъ недѣлю опять пойдемъ къ нему,—добавила Павлися.

Вдоль длинной улицы было проложено шоссе, а сбоку тянулся узкій тротуаръ, по которому безпрерывно двигалась толпа народу. Рядомъ съ большими, многоэтажными каменными домами стояли маленькіе, деревянные домики съ садиками. Возлѣ магазиновъ ютились деревянные лари, на которыхъ были разложены фрукты, пирожное, разноцвѣтные конфекты, колбаса, окорока, свѣжее мясо и самые разнообразные овощи.

Сосѣдство старенькихъ, покосившихся домиковъ съ громадными богатыми дворцами, крайней нищеты съ богатствомъ, пышныхъ магазиновъ съ жалкими лавчонками, — эта смѣсь противоположностей въ товарахъ, ихъ внѣшнемъ видѣ и качествѣ,—отражалась и въ уличной толпѣ. Рядомъ съ бѣдняками, одѣтыми въ дешевенькое, поношеное платье, покупаемое обыкновенно на толкучкѣ, рядомъ съ фигурами, сгорбленными отъ тяжелаго физическаго труда, важно прохаживались приличные господа, разодѣтые по послѣдней модѣ, въ блестящихъ цилиндрахъ, съ тросточками въ рукахъ; передъ ними остальная сѣрая публика почтительно разступалась, чтобы дать имъ дорогу. Эти господа проходили съ высоко поднятыми головами и, казалось, совершенно не замѣчали окружавшихъ ихъ людей съ пожелтѣвшими, измученным лицами и усталыми движеніями,—они видѣли, узнавали, здоровались и сторонились только при встрѣчѣ съ такими же, какъ и они сами, прилично-одѣтыми господами.

По серединѣ улицы совершалось безпрерывное движенье повозокъ. Брички, тяжело нагруженныя колымаги, закрытые фургоны, вмѣстѣ съ еврейскими балагулами, крестьянскими телѣгами и извозчичьими дрожками, запряженными жалкими, заморенными клячами—и тутъ-же рядомъ блестящіе экипажи, ландо, кареты съ блестящей упряжью и запряженныя породистыми рысаками. Надъ этой грязной улицей, заваленной гніющими отбросами, въ душномъ и испорченномъ воздухѣ, пропитанномъ дымомъ, тянулись многочисленныя проволоки телефоновъ и телеграфовъ; рядомъ съ жалкими уличными фонарями

Буржуазная мораль для дѣтскаго обихода.

Для нѣкоторыхъ расторопныхъ людей самые сложные и трудные вопросы представляются до того простыми и легко разрѣшимыми, что довѣрчивый человѣкъ, полюбовавшись развязностью, съ которою эти господа разсѣкаютъ всякіе гордіевы узлы, только руками разведетъ... Васъ, напримѣръ, волнуетъ или просто интересуетъ кризисъ, переживаемый въ нѣкоторыхъ западно-европейскихъ государствахъ и въ особенности во Франціи парламентаризмомъ; вы стараетесь разобраться въ причинахъ этого явленія и, по мѣрѣ того, какъ подвигается ваша работа, вы убѣждаетесь, что дѣло идетъ о вопросѣ чрезвычайно сложномъ, связанномъ, повидимому, съ весьма разнообразными явленіями политической и общественной жизни страны; но тутъ ваше расходившееся воображеніе спѣшитъ остановить расторопный человѣкъ, который любезно наставляетъ васъ на путь истины и убѣдительнѣйшимъ образомъ доказываетъ вамъ, что если французскіе депутаты и сенаторы часто ведутъ себя не совсѣмъ ладно и теряютъ довѣріе своихъ избирателей, то это, видите-ли, зависитъ главнымъ образомъ отъ... архитекторовъ, строившихъ палату депутатовъ и сенатъ *). Помилуйте, въ самомъ дѣлѣ, въ томъ и другомъ зданіи залы засѣданій тѣсны, плохо освѣщены, неизящны, это—истинные очаги туберкулеза и лихорадокъ (заболѣваемость и смертность депутатовъ и сенаторовъ—какой богатый предметъ для медико-статистическаго изслѣдованія!); удивительно-ли, что у людей, засѣдающихъ въ такихъ конурахъ, умъ за разумъ заходитъ! Это-ли не ясно!.. Такой-же просто открывающійся ларчикъ представляетъ, по мнѣнію одного расторопнаго француза, учителя гимназіи, пресловутый вопросъ о нравственномъ воспитаніи. Извѣстно, что замѣчаемый теперь во Франціи болѣе или менѣе значительный упадокъ нравственныхъ идеаловъ въ средѣ учащейся молодежи приписывается отчасти тому, что учебныя заведенія заботятся исключительно объ образованіи юношества, совершенно оставляя въ сторонѣ его воспитаніе. Г. Міель **)

*) „Revue des Revues.“ 15 ноября 1898, стр. 357.

**) Mielle. Les réformes et l'Université, „Revue des Revues 15 mars 1899.

учитель, о которомъ у насъ идетъ рѣчь, признаетъ справедливость этихъ жалобъ: да, соглашается онъ, есть такой грѣхъ, что и говорить! Мы то и дѣло развиваемъ мысль въ ущербъ чувству, начиняемъ юношескія головы, нисколько не заботясь о томъ, чтобы изъ этихъ юношей вышли хорошо воспитанные люди! Я не стану разбирать—продолжаетъ нашъ авторъ—почему это такъ: возможно, что тутъ виноватъ нахлынувшій въ наши учебныя заведенія демократическій элементъ, возможно... но не все-ли равно, въ чемъ причины зла! Я вотъ лучше вамъ скажу, какъ этому злу помочь!—Читатель огорченъ, что на вопросъ *почему* ему такъ-таки и не придется получить никакого отвѣта, но онъ съ тѣмъ большимъ интересомъ ждетъ указаній на средства, которыя г. Міель считаетъ необходимыми для борьбы со зломъ... И что-же! Оказывается, что по своей простотѣ средства эти оставляютъ далеко позади себя даже архитектурно-гигіеническую теорію кризиса парламентаризма. Все дѣло разрѣшается слѣдующимъ трогательнымъ восклицаніемъ автора: „Почему-бы не возстановить во всѣхъ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ обученіе танцамъ и хорошимъ манерамъ!“ Ахъ, голубчикъ, и какъ въ самомъ дѣлѣ объ этомъ до сихъ поръ никто не подумалъ! И чего смотрѣло начальство! Caveant cosules! И то сказать, не всякій „консулъ“ способенъ дойти своимъ умомъ до того, до чего дошелъ г. Міель! Правда, точкой отправленія для его изысканій послужило древнее изреченіе *mens sana in corpore sano*, но вѣдь отсюда до морали на танцмейстерской основѣ не рукой подать и честь открытія этого новаго направленія этики всецѣло должна принадлежать г. Міелю. Долгъ справедливости требуетъ также сказать, что нашъ авторъ готовъ и на кое-какія уступки: „къ тому-же“, великодушно прибавляетъ онъ, „можно будетъ не ограничиваться внѣшней культурой... Вмѣстѣ съ мягкостью манеръ и внѣшнимъ изяществомъ будетъ пріобрѣтаться и соотвѣтствующая мягкость характера“.

Если судить по состоявшемуся недавно въ Парижѣ съѣзду учителей и учительницъ среднихъ учебныхъ заведеній, проектъ г. Міеля не обратилъ на себя вниманія товарищей почтеннаго автора: нисколько не касаясь облагораживающей роли танцклассовъ, съѣздъ счелъ болѣе интереснымъ заняться разсмотрѣніемъ вопроса о томъ, слѣдуетъ-ли ввести въ гимназическую программу преподаваніе морали, какъ отдѣльнаго предмета,—вопросъ, являющійся какъ нельзя болѣе умѣстнымъ, такъ какъ, что касается по крайней мѣрѣ теоретическаго преподаванія этики съ *воспитательной* цѣлью, то польза его часто оспаривалась и оспаривается по настоящее время.

Тѣмъ не менѣе, оставаясь до сихъ поръ не вполнѣ выясненнымъ по отношенію къ среднимъ учебнымъ заведеніямъ, вопросъ этотъ во Франціи уже давно рѣшенъ въ утвердительномъ смы-

слѣ относительно начальныхъ школъ, гдѣ такое преподаваніе морали введено закономъ 28-го марта 1882 г. объ обязательномъ обученіи и успѣло принять вполнѣ опредѣленный характеръ, съ которымъ русскому читателю будетъ тѣмъ интереснѣе познакомиться возможно ближе, что на первый взглядъ введеніе этого преподаванія можетъ показаться желательнымъ и для русскихъ школъ. Къ такому выводу недавно пришелъ, по крайней мѣрѣ, г. Ивановскій *), который, не оспаривая, что „нравственныя чувства воспитываются въ людяхъ болѣе путемъ жизненныхъ примѣровъ, въ семьѣ и обществѣ, нежели путемъ книжнаго или класснаго преподаванія", все же полагаетъ, „что преподаваніе этики, какъ искусства съ воспитательными цѣлями, хотя бы въ тѣхъ размѣрахъ, какъ это принято во Франціи, должно быть весьма желательнымъ". Правда, авторъ касается этого вопроса только мимоходомъ, вовсе не задаваясь цѣлью „сдѣлать обстоятельную характеристику этого рода преподаванія", характеристику, для которой онъ, къ тому же, не располагалъ, по его словамъ, достаточнымъ матеріаломъ, такъ какъ въ его распоряженіи имѣлся только „Cours de morale" Леопольда Мабильо.

Внимательное изученіе оффиціальныхъ программъ и инструкцій, касающихся преподаванія интересующаго насъ предмета, близкое знакомство со всѣми сколько нибудь употребительными во французскихъ начальныхъ школахъ учебниками по нравственности и личныя впечатлѣнія, вынесенныя нами изъ посѣщенія этихъ школъ, — все это заставляетъ насъ думать, что преподаваніе этики, *какъ оно поставлено во французскихъ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ*, не только не соотвѣтствуетъ здравымъ воспитательнымъ цѣлямъ, но часто идетъ прямо въ разрѣзъ съ ними.

Прежде чѣмъ коснуться избраннаго нами матеріала, постараемся разобраться въ принципіальномъ вопросѣ о воспитательной роли теоретическаго преподаванія морали для дѣтей и о характерѣ, который должно носить это преподаваніе.

На одной изъ первыхъ страницъ учебника по нравственности, составленнаго г-жею Клариссъ Жюранвиль **) для дѣвочекъ и написаннаго, какъ большинство французскихъ первоначальныхъ учебниковъ, въ видѣ бесѣды учителя съ учениками, авторъ задаетъ вопросъ: „Ainsi, la morale est une science et elle s'apprend?", на что слѣдуетъ отвѣтъ: „Oui, mes petites amies, car tout s'apprend, même la vertu". Дѣло обстоитъ, однако, не совсѣмъ такъ, какъ его изображаетъ г-жа Жюранвиль своимъ

*) В. В. Ивановскій, Роль общественныхъ наукъ въ дѣлѣ образованія и воспитанія; „Русская Мысль", февраль 1899, стр. 105 и 106.

**) Clarisse Juranville, Manuel d'éducation morale et d'instruiction civique à l'usage des jeunes filles", 11-ое изд.; Парижъ.

маленькимъ читательницамъ. Этика представляетъ собою науку лишь постольку, поскольку она занимается описаніемъ явленій нравственной дѣятельности человѣка и изученіемъ причинъ этихъ явленій, ихъ происхожденія и развитія—въ такомъ видѣ преподаваніе ея, конечно, не можетъ быть приспособлено къ низшей школѣ; съ другой стороны, разъ этика принимаетъ нормативный или законадательный характеръ, задаваясь цѣлью выработать извѣстный кодексъ правилъ, которыми долженъ руководствоваться человѣкъ въ своихъ дѣйствіяхъ (а именно такую практическую цѣль и преслѣдуетъ преподаваніе морали въ начальныхъ школахъ), то она перестаетъ быть наукою и должна быть разсматриваема какъ искусство. Рѣчь идетъ здѣсь не о какихъ-нибудь діалектическихъ тонкостяхъ, а о различіи весьма существенномъ, ибо ясно, что разъ задача препадаванія этики состоитъ въ развитіи нравственныхъ чувствъ ребенка, то ей нельзя *обучать* дѣтей, какъ обучаютъ ихъ географіи или ариѳметикѣ. Эту особенность преподаванія морали подчеркиваютъ, къ тому же, и оффиціальныя разъясненія, которыми должны руководствоваться учащіе. Такъ, въ одномъ изъ приложеній къ постановленію министра народнаго просвѣщенія отъ 18 января 1887 года *), касающемуся организаціи учебнаго дѣла и плана занятій въ начальныхъ школахъ, мы читаемъ, что въ этихъ школахъ мораль должна быть преподаваема не какъ наука, а какъ искусство (ce n'est pas une scienee, c'est un art) и что преподованіе это не должно ни по тону, ни по характеру, ни по формѣ походить на *урокъ*. „Недостаточно", поясняетъ разбираемый нами документъ, „дать ученику правильныя понятія и заставить его усвоить разумныя нравоученія (maximes), нужно вызвать въ немъ чувства настолько искреннія и сильныя, чтобы они могли впослѣдствіи помочь ему выйти побѣдителемъ изъ борьбы со страстями и пороками. Отъ учителя не требуется обогащать память ребенка, а тронуть его душу, дать ему почувствовать непосредственнымъ образомъ величіе нравственнаго закона; это достаточно говоритъ, что нужныя здѣсь средства не могутъ имѣть ничего общаго съ тѣми, которыя примѣняются на урокахъ грамматики или естественныхъ наукъ. Средства эти должны быть не только болѣе тонки и разнообразны, но также болѣе интимны, болѣе задушевны, болѣе наглядны; они должны, однимъ словомъ, носить характеръ менѣе дидактическій и въ тоже время болѣе серьезный".

Постановленіе, изъ котораго мы выписали сейчасъ приведенныя слова, никогда не подвергалось какимъ-нибудь существен-

*) Arrêté du 18 janvuer 1887, modifiant celui du 27 jullet 1882 sur l'organisation pédagogique et le plan de'études des écoles primaires. Annexe F.

нымъ измѣненіямъ и остается въ силѣ и по настоящее время, но заключающіяся въ немъ немногія вполнѣ опредѣленныя и потому дѣйствительно полезныя указанія относительно метода преподаванія морали какъ будто очень мало принимаются къ свѣдѣнію составителями учебниковъ по этому предмету, а, слѣдовательно, и учителями, большинство которыхъ всегда строго придерживается учебника. Соотвѣтственно этимъ указаніямъ, преподаваніе этики, какъ мы сейчасъ видѣли, должно носить возможно менѣе дидактическій характеръ, а г-жа Жюранвиль считаетъ, напримѣръ, нужнымъ торжественно заявить дѣтямъ, что они теперь приступаютъ къ изученію новой „науки"—морали, что „tout s'apprend, même la vertu" и т. п. Послѣ такого громкаго вступленія дѣти едва-ли будутъ въ состояніи смотрѣть на „бесѣду", посвященную нравственности, иначе, чѣмъ на какой бы то ни было другой урокъ, и все дѣло будетъ для нихъ въ сущности сводиться къ старанію запомнить подчеркиваемыя формулы прописной морали. Говорю *подчеркиваемыя формулы*, потому что ни одинъ учебникъ, ни одинъ урокъ по морали не обходится безъ въ чисто дидактической формѣ выраженныхъ правилъ; мало того, на эти послѣднія обращается главное вниманіе ребенка, и къ нимъ только пристегиваются примѣры, разсказы изъ исторіи и болѣе или менѣе отвлеченныя разсужденія, долженствующія служить какъ-бы иллюстраціями къ „правилу", а на самомъ дѣлѣ часто нисколько не уступающія ему въ сухости и искусственности. При помощи такихъ скудныхъ средствъ едва-ли возможно оказывать на дѣтей сколько-нибудь дѣйствительное нравственное вліяніе. По вполнѣ справедливому мнѣнію Гербарта, необходимо прежде всего давать извѣстное направленіе дѣятельности ребенка, предоставляя по возможности ему самому формулировать правила, соотвѣтствующія нравственнымъ привычкамъ, которыя такимъ образомъ зарождаются въ немъ съ раннихъ лѣтъ. Во французскихъ начальныхъ школахъ нѣтъ ничего подобнаго: тамъ на формулу не смотрятъ какъ на естественное и само собою появляющееся выраженіе сложившихся привычекъ, а считаютъ ее, напротивъ, точкою отправленія для нравстеннаго развитія ребенка. Взглядъ этотъ сказывается въ методѣ преподаванія, въ манерѣ составленія учебниковъ и даже въ названіяхъ книжекъ. Такъ, одинъ изъ наиболѣе распространенныхъ учебниковъ, составленный покойнымъ ректоромъ Монпельерскаго университета Жераромъ и раздаваемый въ парижскихъ школахъ какъ даровое пособіе, носитъ названіе „Maximes morales du petit écolier français" *) и каждый параграфъ этой книжки озаглавленъ какой-нибудь нравоучительной формулой, вродѣ: „Il faut obéir par prudence", „Aucune

*) Дѣвочкамъ раздаются такого же рода „Maximes morales de la petite écolière française" того же автора.

patrie ne mérite d'être aimée plus que la France" и т. п. Въ томъ же спискѣ учебниковъ, выдаваемыхъ въ качествѣ даровыхъ пособій, мы находимъ другой элементарный курсъ морали *), на обложкѣ котораго значится, что онъ составленъ „соотвѣтственно закону 28-го марта 1882 года объ обязательномъ начальномъ обученіи"; между тѣмъ курсъ этотъ представляетъ не что иное, какъ сборникъ краткихъ сухихъ формулъ съ преобладаніемъ повелительнаго наклоненія и обильными „vous devez"; эти положенія иллюстрируются, правда, разсказами, но послѣднимъ отведено второстепенное мѣсто и даже напечатаны-то они мелкимъ шрифтомъ, въ видѣ подстрочныхъ примѣчаній.

Такъ обстоитъ дѣло по отношенію къ пункту, довольно обстоятельно разъясненному въ оффиціальныхъ инструкціяхъ. Но, какъ мы увидимъ дальше, практика преподаванія выработала много и такихъ нежелательныхъ особенностей, которыя въ этихъ инструкціяхъ вовсе не предусмотрѣны. А между тѣмъ далеко нельзя сказать, чтобы французскія учебныя программы страдали отсутствіемъ детальныхъ указаній: къ упомянутому уже нами постановленію отъ 18-го января 1887 года даже приложено для такъ называемыхъ „leçons de choses" примѣрное распредѣленіе занятій по мѣсяцамъ. Такія же распредѣленія имѣются и относительно морали, если не въ оффиціальныхъ документахъ, то въ программахъ, составленныхъ лицами, занимающими болѣе или менѣе выдающееся положеніе въ министерствѣ народнаго просвѣщенія и считающихся какъ-бы полу-оффиціальными руководствами. Для примѣра не безынтересно будетъ привести заимствуемое нами изъ книжки Бруара и Дефодона **) детальное росписаніе занятій моралью для дѣтей средняго возраста (отъ 9-ти до 11-и лѣтъ) ***).

Октябрь.—Ребенокъ въ семьѣ. Обязанности по отношенію къ родителямъ. Послушаніе, уваженіе, любовь, признательность.—Дѣти должны помогать своимъ родителямъ; ухаживать за ними во время ихъ болѣзни, служить имъ поддержкою на старости.

Ноябрь —Тотъ же сюжетъ.—Взаимныя обязанности братьевъ и сестеръ.— Взаимная любовь; покровительство младшимъ; вліяніе примѣра.

Декабрь.—Тотъ же сюжетъ.—Обязанности по отношенію къ прислугѣ.— Вѣжливое обращеніе; снисходительность.

Январь.—Ребенокъ въ школѣ.—Прилежаніе, послушаніе, работа, благо-

---

*) Pierre Laloi, „La première année d'insrtuction morale et civique", Парижъ.

**) Brouard et Ch. Defodon, „Les nouveaux programmes des écoles primaires avec divisions mensuelles et emploi du temps", Парижъ; 1896.

***) Преподаваніе во французскихъ начальныхъ школахъ дѣлится на *три* курса: младшій—для дѣтей отъ 7 до 9 лѣтъ, средній—для дѣтей отъ 9 до 11 лѣтъ и старшій—отъ 11 до 13 лѣтъ.

пристойность.—Обязанности по отношенію къ учителю.—Обязанности по отношенію къ товарищамъ.

Февраль.—Отечество.—Франція, ея величіе и ея несчастія. — Обязанности по отношенію къ отечеству и къ обществу.

Мартъ.—Повтореніе пройденнаго.—*Обязанности по отношенію къ самому себѣ.*—Опрятность, умѣренность; воздержаніе; вредъ пьянства; гимнастика.

Апрѣль.—Внѣшнія блага.—Бережливость; слѣдуетъ избѣгать дѣлать долги; пагубныя послѣдствія пристрастія къ азартнымъ играмъ; не слѣдуетъ слишкомъ любить деньги и барыши; расточительность, скупость; трудъ (не слѣдуетъ терять время; каждый человѣкъ обязанъ трудиться; благородство ручного труда).

Май.—Душа. — Правдивость и искренность; не слѣдуетъ никогда лгать.—Собственное достоинство, самоуваженіе.—Скромность: не слѣдуетъ закрывать глаза на свои недостатки.—Слѣдуетъ избѣгать гордости, тщеславія, кокетства, легкомыслія.—Стыдно быть невѣждой и лѣнивцемъ.—Мужество при опасности и несчастіи; терпѣніе, предпріимчивость.—Вредъ гнѣва.

Мягкое обращеніе съ животными; не слѣдуетъ понапрасну заставлять животныхъ страдать.—Законъ Граммона *); общества покровительства животнымъ.

Іюнь.—Обязанности по отношенію къ ближнему. — Справедливость и милосердіе (не дѣлайте другимъ того, чего не желаете себѣ; поступайте съ людьми такъ, какъ вы хотите, чтобы они поступали съ вами).—Не слѣдуетъ посягать на жизнь, личность, имущество и репутацію людей.—Любовь, братство.—Терпимость и уваженіе къ чужимъ мнѣніямъ.

Іюль—августъ.—Тотъ же сюжетъ. Повтореніе пройденнаго.

Слѣдуетъ замѣтить, что сейчасъ приведенное нами росписаніе представляетъ въ сущности не что иное, какъ дословное воспроизведеніе оффиціальной программы, отъ которой оно отличается только распредѣленіемъ матеріала на извѣстное число параграфовъ, изъ коихъ каждый соотвѣтствуетъ одному или нѣсколькимъ мѣсяцамъ учебнаго года. По разработкѣ деталей французскія программы для преподаванія морали нисколько не уступаютъ, слѣдовательно, программамъ по любому учебному предмету, вродѣ географіи или грамматики. Фактъ этотъ на первый взглядъ можетъ показаться весьма страннымъ, такъ какъ въ преподаваніи этики личная иниціатива учителя несомнѣнно должна играть несравненно болѣе крупную роль, чѣмъ на какихъ-бы то ни было другихъ урокахъ. Это признаетъ и упомянутая нами инструкція министерства народнаго просвѣщенія, когда она говоритъ: „Для того, чтобы ученикъ проникся уваженіемъ къ нравственному закону, нужно прежде всего, чтобы самъ учитель по своему характеру, по своему поведенію и словамъ служилъ убѣдительнѣйшимъ примѣромъ. Учитель, излагающій правила и го-

---

*) По закону Граммона, виновные въ истязаніи животныхъ подвергаются денежному взысканію или даже тюремному заключенію на 1—5 дней.
Л. Ш.

ворящій объ обязанностяхъ безъ убѣжденія, холодно, не только напрасно теряетъ свои усилія, но прямо вредитъ дѣлу: курсъ морали правильный, но несогрѣтый чувствомъ, банальный и сухой, не научитъ нравственности, потому что не вызоветъ любви къ ней. Самый простой разсказъ, въ которомъ ребенокъ почувствуетъ серьезную нотку, одно искреннее слово предпочтительнѣе цѣлаго ряда машинальныхъ уроковъ".

Все это такъ. Но, съ другой стороны, полагая, что теоретическое преподаваніе морали съ воспитательной цѣлью является дѣломъ черезчуръ новымъ, труднымъ и требующимъ величайшаго такта и осторожности, составители оффиціальныхъ программъ не сочли возможнымъ предоставить полную свободу иниціативѣ учителя. И если, прекрасно сознавая важную роль этого послѣдняго, они тѣмъ не менѣе признали нужнымъ ограничить его иниціативу довольно узкими рамками, то это обстоятельство только доказываетъ всю сложность предстоявшей имъ задачи. Когда, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, на страницахъ „Revue Bleue" велся ожесточенный споръ между приверженцами и противниками преподаванія философіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и когда былъ затронутъ вопросъ о цѣлесообразности принятыхъ по этому предмету программъ, членъ высшаго совѣта народнаго просвѣщенія, извѣстный Поль Жане, участвовавшій въ составленіи очень многихъ учебныхъ программъ по философіи и этикѣ, писалъ по этому поводу слѣдующее: „Напомню, какъ происходило дѣло относительно преподаванія морали въ начальныхъ школахъ. Это былъ совершенно новый учебный предметъ—мы въ правѣ были, слѣдовательно, искать новыхъ путей. И вотъ было прежде всего заявлено, что не нужно вовсе никакой программы: мораль нельзя преподавать какъ ариѳметику или естественную исторію, по пунктамъ—во первыхъ, во вторыхъ и т. д. Мораль всецѣло заключается въ чувствѣ. Прекрасно, но попробуйте-ка довѣриться чувству 4000 школьныхъ учителей Франціи! Владѣютъ-ли эти простые люди достаточнымъ даромъ слова, чтобы говорить экспромптомъ о морали, и можно-ли, даже если бы они обладали такимъ ораторскимъ талантомъ, довѣриться исключительно ихъ импровизаціямъ? Даже духовенство, занимавшееся до того времени преподаваніемъ морали во Франціи, руководствовалось чѣмъ-то положительнымъ, а именно катехизисомъ, который несомнѣнно могъ служить программою; даже проповѣди болѣе и менѣе подготавливаются заранѣе по извѣстнымъ образцамъ. Приходилось заключить, что нужны, по крайней мѣрѣ, кое-какія инструкціи, которыми могли-бы руководствоваться учителя, кое-какія рамки, общія правила. Но и здѣсь опять-таки ограничиться одними заголовками значило-бы ничего не сказать.

Нужна была большая точность. Въ концѣ концовъ пришлось составить подробную программу, какъ это дѣлалось всегда" *).

Эта подробная программа, какъ мы уже видѣли, не въ силахъ была однако помѣшать преподаванію этики принять тотъ черезчуръ дидактическій, книжный характеръ, который такъ непріятно поражаетъ на урокахъ по этому предмету въ любой французской школѣ. Въ этомъ отношеніи преподаваніе морали совершенно не отвѣчаетъ тѣмъ воспитательнымъ цѣлямъ, съ которыми оно было введено. Подробная программа не предостерегла это преподаваніе и отъ другихъ болѣе или менѣе серьезныхъ ошибокъ, слишкомъ многочисленныхъ, чтобы мы могли останавливаться здѣсь на каждой изъ нихъ—ограничимся указаніемъ на наиболѣе крупныя и характерныя, совокупность которыхъ достаточно говоритъ о несостоятельности этой воспитательной мѣры въ томъ видѣ, какъ она примѣняется во Франціи.

Какъ ни коробитъ людей, воспитанныхъ на правилахъ ходячей морали, извѣстный афоризмъ Паскаля о томъ, что истина по ею сторону Пиринеевъ считается ложью по ту сторону, дѣйствительность очень часто оправдываетъ парадоксальное изреченіе французскаго философа и на каждомъ шагу говоритъ намъ объ относительности юридическихъ нормъ и этическихъ формулъ. Къ тѣмъ и другимъ нужно относиться осторожно не только потому, что онѣ мѣняются въ пространствѣ и во времени, но главнымъ образомъ еще потому, что даже въ данномъ мѣстѣ и въ данный моментъ ихъ примѣненіе можетъ вести къ далеко не всегда одинаковымъ результатамъ, такъ какъ вездѣ и во всякое время есть Пиринеи, за которыми великое обращается въ смѣшное и summum jus становится summa injuria. Формула съ этимъ обстоятельствомъ въ большинствѣ случаевъ не считается: она не только не говоритъ объ опасности, съ которою сопряженъ переходъ черезъ Пиринеи, но при своемъ лаконизмѣ умалчиваетъ даже о существованіи предательской вершины, такъ, что слѣдуя прямолинейности этой формулы, иной идетъ, все еще повторяя какъ девизъ „excelsior!" и не замѣчаетъ, что онъ уже давно двигается внизъ по наклонной плоскости...

Когда-жъ предметъ пойдетъ по направленью,
Противному его предназначенью,
По сущности добро, онъ станетъ зломъ.
Такъ человѣкъ: что добродѣтель въ немъ,
То можетъ быть порокомъ.

*) См. сборникъ статей, печатавшихся по этому поводу въ „Revue Bleue" въ началѣ 1894 года и изданныхъ отдѣльной книгой подъ заглавіемъ „Pour et contre l'enseignement philosophique"; Парижъ, 1894; стр. 48.

Представители современной буржуазіи едва-ли когда-нибудь задумывались надъ этими прекрасными словами великаго англійскаго драматурга. Для буржуазіи такой взглядъ представляется непростительной ересью, потому что понятія о „добрѣ“ и „злѣ“ въ глазахъ буржуазіи отдѣлены одно отъ другого китайскою стѣною предразсудковъ, которыми буржуа дорожитъ чуть-ли не болѣе, чѣмъ самимъ понятіемъ о добрѣ. Именно въ силу этихъ предразсудковъ буржуа не допускаетъ, чтобы вещи, испоконъ вѣковъ относимыя къ категоріи „зла“, могли заключать хоть крупицу добра, какъ онъ не допускаетъ и того, чтобы въ отгороженную столь же почтенными традиціями область „добра“ могла проникнуть хоть самая легкая тѣнь. Прямолинейность требуетъ, чтобы съ одной стороны полновластно царилъ мракъ и скрежетъ зубовный, съ другой стороны ослѣпительно сіяла добродѣтель, а такъ какъ жизнь не считается съ требованіями прямолинейности и симметріи, такъ какъ въ дѣйствительности

Гдѣ солнце, тамъ и тѣнь! Гдѣ слезы и молитвы,
Тамъ и голодный стонъ мятежной нищеты,

то любителямъ прямолинейности quand même приходится не только на многое закрыть глаза, но даже продѣлывать и впрямь некрасивыя вещи, прикрывая ихъ совершенно несоотвѣтствующими дѣлу благородными терминами. Въ такомъ именно положеніи очутились, напримѣръ, недавно тѣ французскіе „патріоты“, которые съ Дрюмономъ и Рошфоромъ во главѣ сочли нужнымъ изъ „патріотизма“ увѣковѣчить память офицера, павшаго... отъ собственной руки, послѣ того какъ онъ былъ уличенъ въ возмутительномъ подлогѣ. Вотъ они—геркулесовы столбы той буржуазно-прямолинейной морали, которая создаетъ идеалы, настолько-же похожіе на добродѣтель, насколько каррикатура похожа на живого человѣка!

А между тѣмъ, читатель, именно такую мораль и преподноситъ французская начальная школа своимъ воспитанникамъ. Утрировка, представляющая отличительную черту этой „морали“, безжалостно искажаетъ все содержаніе этики. Начать съ того, что эта утрировка превращаетъ разумную любовь къ родинѣ въ кичливое національное самохвальство, въ драчливый національнизмъ и пошлый шовинизмъ. Да и можетъ-ли быть иначе, когда ребенку съ раннихъ лѣтъ только и твердятъ, что въ цѣломъ мірѣ нѣтъ другой такой прекрасной страны, какъ Франція; что ни одно государство не обладаетъ такимъ великолѣпнымъ климатомъ, такою чудною природою и такими милыми обитателями, какъ французская республика; что „маленькій французъ“ (un petit français) не долженъ дѣлать ничего дурного, тогда какъ—подразумѣвается—маленькій англичанинъ, русскій или пруссакъ (въ особенности пруссакъ!) могутъ творить всякія пакости: къ

нимъ, дескать, и требованій такихъ нельзя предъявлять, какія предъявляются къ сынамъ Франціи! Для французскаго буржуа все это также ясно, какъ для иного русскаго крестьянина ясно, что у человѣка душа, а у животнаго—паръ. Еслибы французскіе путешественники, такъ обстоятельно описавшіе своимъ соотечественникамъ „тѣнистыя клюквы“ (...à l'ombre d'un immense klukva), „troïka à quatre chevaux“ и тому подобныя интересныя особенности русской жизни, познакомили ихъ съ сейчасъ приведеннымъ психологическимъ воззрѣніемъ нашего мужика, среди французовъ - „патріотовъ“ нашлись - бы, пожалуй, охотники придать этому воззрѣнію такую формулировку: „у француза душа, а у иностранца — паръ“. Греція и Римъ, несмотря на всю глубину отдѣлявшей ихъ отъ варваровъ пропасти, едва-ли питали болѣе великолѣпное презрѣніе къ чужеземцу, чѣмъ французская буржуазія. Этому презрѣнію, между прочимъ, немало способствуетъ глубокое невѣжество относительно всего, что происходитъ за предѣлами Франціи, и легковѣріе, съ которымъ французъ готовъ принять за чистую монету самыя диковинныя на этотъ счетъ небылицы. По этому поводу небезынтересно будетъ напомнить здѣсь слѣдующій фактъ. Три года тому назадъ, въ средѣ французскихъ студентовъ-медиковъ возникло сильное движеніе противъ занимающихся во Франціи врачебной практикой иностранцевъ. Студенты обратились къ правительству съ петиціями о томъ, чтобы къ дѣлу поданія медицинской помощи была примѣнена политика протекціонизма, какъ если бы вопросъ шелъ о ввозѣ заграничныхъ винъ или пшеницы. Иниціаторами дѣла явились монпельерскіе студенты, делегатъ которыхъ *въ сопровожденіи декана медицинскаго факультета* преподнесъ ректору университета петицію, гдѣ особенно подчеркивалось превосходство подготовки французскихъ студентовъ, поступающихъ въ университетъ съ титуломъ баккалавра, тогда какъ иностранцы принимаются съ какими-то... „certificats de gymnastique“ (свидѣтельствами объ обученіи гимнастикѣ)! Наивные юноши слышали, что ихъ товарищи-иностранцы (главнымъ образомъ, русскіе евреи) кончили курсъ *гимназіи*, а такъ какъ во Франціи подъ именемъ *gymnases* извѣстны учрежденія, въ которыхъ занимаются гимнастикой, то легковѣрные молодые люди немедленно же заключили, что поступающіе въ ихъ университеты „варвары“ обучались только гимнастикѣ, а не менѣе легковѣрный деканъ факультета, возмутившись такимъ поразительнымъ неравенствомъ (съ одной стороны баккалавры, съ другой—гимнасты!), счелъ нужнымъ присоединить свой авторитетный голосъ къ ходатайству студентовъ. Ни у этихъ послѣднихъ, ни у почтеннаго декана не хватило настолько скептицизма, чтобы заглянуть хотя бы въ весьма распространенный небольшой словарь Ларусса, гдѣ поясняется, что gymnase не только „établis-

sement où l'on forme la jeunesse aux exercices du corps", но также и „collège ou école latine en Allemagne". При всей своей неполнотѣ это объясненіе все же открыло бы передъ расторопными сочинителями петиціи новые горизонты... Но вѣдь дѣло идетъ объ иностранцахъ, о „варварахъ", а по отношенію къ нимъ самыя невѣроятныя вещи должны казаться правдоподобными людямъ, которые въ дѣтствѣ, на школьной скамьѣ, только и слышали разсужденія вродѣ того, что „ни одна страна не сравнится съ Франціей" (Жюранвиль, *Manuel d'éducation morale*, стр. 80), которую „Богъ какъ бы надѣлилъ всѣми благами міра" (*тамъ же*; стр. 81), что „ни одна современная нація не превосходитъ французовъ въ поэзіи, въ краснорѣчіи, въ пониманіи прекраснаго, въ блестящей и поразительной логикѣ, ни одна не породила столько разнообразныхъ литературныхъ chefs-d'-œuwre'овъ", что „французскіе математики, астрономы, геологи, физики, естествоиспытатели сдѣлали самыя удивительныя открытія" (*тамъ же*, стр. 84)! На одномъ урокѣ, гдѣ рѣчь шла о „патріотизмѣ", намъ пришлось также слышать самыя рѣзкія замѣчанія по адресу другихъ націй и въ особенности нѣмцевъ и англичанъ, которыхъ учитель обвинялъ въ непомѣрной „жадности" и т. п. Чтобы выразить такое отношеніе ко всему чужому, „моралисты" пользуются всякимъ удобнымъ и неудобнымъ случаемъ: такъ, восхваляя выгоды и красоты географическаго положенія Франціи, г-жа Жюранвиль не можетъ отказать себѣ въ удовольствіи задѣть англичанъ и заявляетъ, что „Англія похожа на гнѣздо ястребовъ, теряющееся въ туманахъ" (*Manuel d'éducation morale*, стр. 80). Можно-ли послѣ этого удивляться, что какъ только было опубликовано извѣстное обвинительное письмо Зола, антисемиты и другіе „патріоты" того же пошиба не замедлили вспомнить объ итальянскомъ происхожденіи знаменитаго романиста и стали упоминать о немъ не иначе какъ о „генуэзцѣ Зола" (le génois Zola). Тому, кто видѣлъ, какое волшебное дѣйствіе оказываетъ на французскую толпу брошенный по чьему-либо адресу такого рода эпитетъ, не трудно понять руководившій „патріотами" разсчетъ. Если читатель знакомъ съ интересной драмой Октава Мирбо „Les mauvais bergers", то онъ навѣрное помнитъ сцену сходки рабочихъ, довольно робко выступающихъ противъ своего вожака, пока кто-то изъ присутствующихъ не обращается къ послѣднему съ такими словами: „Развѣ кто-нибудь тебя знаетъ?.. Извѣстно-ли хоть кому-нибудь, откуда ты!.. Довольно, убирайся!.. Пруссакъ!" *)... Это магическое слово сразу же производитъ цѣлую бурю: робкая и нерѣшительная до тѣхъ поръ толпа приходитъ въ бѣшеную ярость и изо всѣхъ силъ вопитъ: „долой пруссака"!..

---

*) Octave Mirbeau, „Les mauvais bergers"; Парижъ 1898; стр, 128.

Другія указанія учебной программы по морали искажаются не менѣе, чѣмъ параграфы, касающіеся патріотизма. Въ учебникѣ, изъ котораго мы взяли приведенное выше образное и пропитанное желчью изображеніе Англіи, доказывается, напримѣръ, что книжка сберегательной кассы есть свидѣтельство о нравственности и трудолюбіи. Мало того, для внушенія дѣтямъ любви къ бережливости авторъ не нашелъ ничего лучшаго, какъ нарисовать имъ такую заманчивую картину: „Два франка, еженедѣльно сберегаемые и отдаваемые на проценты въ теченіе десяти лѣтъ, образуютъ капиталъ въ 1,200 франковъ, а сорокъ сантимовъ, ежедневно откладываемые и помѣщаемые въ сберегательную кассу, даютъ по прошествіи тридцати лѣтъ 10,000 франковъ“ (*Manuel d'éducation morale*, стр. 121). Согласитесь, читатель, что трудно найти болѣе дѣйствительное средство для того, чтобы обратить невинныхъ ребятишекъ въ будущихъ Гарпагоновъ! Школьная мораль въ данномъ случаѣ не парализуетъ, какъ это слѣдовало бы, дурное вліяніе окружающихъ ребенка жизненныхъ примѣровъ, а напротивъ, какъ бы дополняетъ ихъ, усугубляя ихъ пагубное вліяніе.

Но главнымъ зломъ этой морали является проводимый ею повсюду въ самой грубой формѣ принципъ утилитаризма. Маркъ Гюйо, не только не возстававшій противъ теоретическаго преподаванія этики въ школахъ, но считавшій даже необходимымъ „внушать ребенку *законъ*, который онъ призналъ бы справедливымъ и раціональнымъ“, полагалъ, однако, что цѣль нравственнаго воспитанія должна заключаться въ томъ, чтобы пріучить дѣтей находить удовольствіе въ добродѣтели и источникъ огорченія въ проступкѣ. „Имъ нужно показать“, говорилъ онъ, „не столько *пользу* добра, сколько его *красоту*, благодаря которой добро само по себѣ доставляетъ непосредственное наслажденіе. Утилитарная школа, основывая нравственное воспитаніе на подражаніи, на соображеніяхъ о пользѣ и благодѣтельныхъ послѣдствіяхъ альтруизма, мѣшаетъ развитію у дѣтей истиннаго моральнаго чувства, лишая ихъ возможности творить добро для добра, независимо отъ того, что дѣлали, дѣлаютъ и будутъ дѣлать другіе“ *). Французская начальная школа какъ нельзя болѣе заслуживаетъ этотъ упрекъ: преподаваемая ею мораль не только злоупотребляетъ указаніями на достойные подражанія примѣры, но крайне грубо подчеркиваютъ на каждомъ шагу *выгоду*, связанную съ „нравственнымъ“ дѣйствіемъ, и *вредъ*, являющійся послѣдствіемъ „безнравственнаго“ поступка. Эта особенность, какъ мы видѣли, выражена до извѣстной степени и въ программѣ, гдѣ мы находимъ такія любопытныя

*) Guyau, „L'éducation et l'hérédité“; 4-е изд.; Парижъ, 1895; стр. 133 и 134.

темы, какъ „*вредъ* пьянства", „*вредъ* гнѣва" и т. д. Нужно-ли говорить, что практика преподаванія идетъ въ этомъ отношеніи гораздо дальше программы. Учитель, говоря о тѣхъ или иныхъ нравственныхъ качествахъ, особенно настаиваетъ на томъ, что лица, обнаруживающія эти качества, встрѣчаютъ вообще сочувствіе и одобреніе, тогда какъ проявленіе соотвѣтствующихъ недостатковъ вызываетъ враждебное отношеніе къ виновному; иными словами ученику внушаютъ мысль, которая сводится въ сущности къ такой откровенной формулѣ: нужно вести себя честно *потому, что* это выгодно; не слѣдуетъ вести себя безнравственно *потому, что* это невыгодно. Но такъ какъ грустная дѣйствительность можетъ даже и ребенка легко убѣдить въ томъ, что добродѣтель далеко не всегда торжествуетъ, а порокъ далеко не всегда наказывается, то онъ, ребенокъ, не замедлитъ, конечно, видоизмѣнить сейчасъ упомянутую формулу и порѣшить, что нужно вести себя честно, *когда* это выгодно. Дѣло сводится, слѣдовательно, къ своего рода житейской практичности, не только не имѣющей ничего общаго съ нравственностью, но даже прямо грѣшащей противъ этой послѣдней. Французскіе „моралисты для дѣтей" считаютъ нужнымъ привить ребенку такую практичность съ самыхъ раннихъ лѣтъ путемъ весьма разнообразныхъ средствъ: то они пускаются въ назидательныя разсужденія о томъ, напримѣръ, что „нужно повиноваться изъ-за благоразумія" (Жераръ, *Maximes morales*, стр. 27), такъ какъ, дескать, неповиновеніе наказывается вызываемымъ имъ-же зломъ; то внушаютъ дѣтямъ, что не слѣдуетъ красть, потому-де, что виновные „рискуютъ попасть въ тюрьму" (Мабильо, *Cours de morale*, стр. 50); то сообщаютъ, что „тѣхъ, кто не повинуется закону, жандармы отводятъ къ судьѣ, который наказываетъ виновныхъ", а для вящшаго страха эти слова иллюстрируются рисункомъ, изображающимъ „виновнаго" между двумя жандармами, и это въ первоначальной книжкѣ, предназначенной для дѣтей, читающихъ по складамъ! Книжка эта *), замѣтьте, еще одна изъ лучшихъ и составлена весьма популярнымъ во французскомъ педагогическомъ мірѣ авторомъ — Ж. Брюно (псевдонимъ г-жи Фулье). Подобный же устрашающій рисунокъ мы находимъ, къ тому же, и въ элементарномъ курсѣ Леопольда Мабильо (стр. 71). Въ области обязанностей по отношенію къ самому себѣ утилизируются другія пугала. Такъ, говоря о невоздержности, г-жа Жюранвиль разсказываетъ дѣтямъ, что какой-то врачъ имѣлъ привычку при посѣщеніи богатыхъ больныхъ благодарить ихъ поваровъ за услуги, которыя они оказываютъ докторамъ, отравляя своихъ господъ. Благодаря этому анекдоту, авторъ однимъ уда-

*) G. Bruno, „Premier livre de lecture et d'instruction pour l'enfant. Парижъ, 1897.

ромъ убиваетъ двухъ зайцевъ: съ одной стороны, дѣти усвоиваютъ довольно своеобразный взглядъ на врачей, а съ другой стороны они знакомятся съ непріятными послѣдствіями невоздержанія. На ряду со средствами, долженствующими удерживать дѣтей отъ дурныхъ поступковъ, пускаются въ ходъ и такія, которыя должны побуждать ихъ дѣлать добро. Самымъ главнымъ стимуломъ здѣсь являются „награды“ (prix), играющія во всей французской учебной организаціи (начиная съ низшихъ школъ и кончая университетами) весьма значительную роль. Французская школа необыкновенно щедра на эти награды, которыя она даетъ не только за успѣшныя занятія ученика по всѣмъ предметамъ курса, но и за успѣхи въ той или иной области, такъ что имѣются отдѣльные „prix de géographie“, „prix d'arithmétique“ и т. п., причемъ не забытъ, конечно, „prix de bonne conduite“.

Итакъ, преміи и награды за хорошее поведеніе съ одной стороны, боязнь жандарма и диспепсіи съ другой—вотъ тѣ краеугольные камни, на которыхъ зиждется все зданіе буржуазной морали для дѣтей. Этическій элементъ здѣсь въ сущности играетъ третьестепенную роль; а на первомъ планѣ стоитъ житейская мудрость, пресловутые *savoir-faire* и *savoir-vivre*. Надо полагать, что, при такихъ условіяхъ, г-жѣ Жюранвиль, составившей уже раньше особую книжку „Le savoir-faire et le savoir-vivre dans les diverses circonstances de la vie“, совсѣмъ не трудно было написать учебникъ по нравственности! И, въ концѣ концовъ, мы можетъ быть совершенно напрасно приписали открытіе танцмейстерской этики г-ну Міелю, ибо несомнѣнно, что почтенный учитель состоитъ въ духовномъ родствѣ съ авторомъ сейчасъ упомянутой книжки.

Въ заключеніе упомянемъ, что курсъ морали дополняется кое-какими свѣдѣніями изъ политической экономіи, общественнаго управленія, права и т. п. Встрѣчаются и тутъ курьезы: политической экономіи, напримѣръ, посвящается пять-шесть страничекъ, при чемъ удѣляется, однако, очень много мѣста разсужденіямъ вродѣ слѣдущаго: „Имѣть капиталъ—хорошо, но онъ не долженъ оставаться непроизводительнымъ; необходимо, слѣдовательно, найти ему вѣрное помѣщеніе. Деньги съ трудомъ зарабатываются, такъ что не надо рисковать ими. Изъ выгодныхъ помѣщеній я укажу вамъ, между прочимъ, сберегательныя кассы, государственную ренту, желѣзнодорожныя облигаціи. Можно также помѣщать деньги подъ закладныя“ (Жюранвиль, *Manuel d'éducation morale*, стр. 293). И тутъ, въ отдѣлѣ политической экономіи, все та же благоразумная „мораль“! Чувствуя, должно быть, насколько эта послѣдняя успѣла надоѣсть дѣтямъ,

авторъ этого разсужденія спѣшитъ вложить въ уста ученицы такое откровенное замѣчаніе: „Какое счастье! Вотъ мы и покончили съ политической экономіей! То, что вы, мадамъ, намъ говорили объ этой наукѣ, можетъ быть весьма полезно, но ужъ конечно, это не увлекательно, въ особенности для такихъ головъ, какъ наши"...

Прочитавъ это любопытное замѣчаніе, не знаешь, чему удивляться—грубой-ли безтактности, съ которой ребенку внушаютъ сознаніе, что его для какихъ-то непонятныхъ цѣлей знакомятъ съ крайне скучными для него вещами, способными вызвать въ немъ только желаніе поскорѣе покончить съ ними, или же той душевной черствости, которая нужна для того, чтобы, прекрасно понимая, повидимому, состояніе дѣтской души, всетаки не стѣсняться преподносить дѣтямъ лишенный для нихъ всякаго интереса винегретъ изъ прописной морали, основъ политической экономіи, полицейскаго права и т. п. Бѣдные школьники и школьницы! Только познакомившись поближе со спеціально фабрикуемой для васъ „моралью", я понялъ весь ужасный смыслъ маленькой сценки, свидѣтелемъ которой мнѣ пришлось когда-то быть на югѣ Франціи. То было въ провансальской деревнѣ, въ разгарѣ лѣта, въ полдень, когда нестерпимая жара, ослѣпительный свѣтъ и несносныя мухи заставляютъ южанъ на глухо запирать ставни и когда въ деревнѣ, казалось, прекращалась всякая жизнь. И вдругъ, среди этого невозмутимаго спокойствія и мирной тишины, на улицѣ раздаются оглушительные крики, пѣніе, хохотъ... Когда я подошелъ къ окну, чтобъ узнать въ чемъ дѣло, глазамъ моимъ представилась такая картина: окутанная цѣлымъ облакомъ пыли, по улицѣ неслась ватага ребятишекъ съ раскраснѣвшимися потными лицами и, повидимому, нисколько не обращая вниманія на палящіе лучи солнца и на кружившуюся около нихъ пыль, расходившіеся бѣсенята, подпрыгивая и оживленно жестикулируя, во всю силу своихъ дѣтскихъ голосовъ скорѣе выкрикивали, чѣмъ пѣли, какую-то пѣсенку, каждый куплетъ которой оканчивался припѣвомъ: „c'est bientôt les vacances!"... Веселая толпа промчалась уже давно, а въ моихъ ушахъ все еще раздавалось „c'est bientôt les vacances"... И не разъ вспоминаются мнѣ эта шумная манифестація и радостный припѣвъ, возвѣщавшій близкое освобожденіе отъ школьной канители!..

Л. Шейнисъ.

Народный университетъ въ Вѣнѣ.

Его возникновеніе и настоящая организація.

Осенью 1899 года мнѣ пришлось познакомиться съ вѣнскимъ „народнымъ университетомъ". Блестящая постановка этого дѣла, прочность его будущаго, и тотъ общій интересъ, который имѣетъ всякая попытка University Extension, побуждаютъ меня подѣлиться съ русскимъ читателемъ сущностью этого учрежденія и своими впечатлѣніями.

Каждый вечеръ, начиная съ первыхъ чиселъ октября и кончая апрѣлемъ, Вѣна въ одномъ изъ своихъ бецирковъ *), а часто и въ нѣсколькихъ заразъ,—открываетъ двери собранія для тѣхъ, кого жизнь обдѣлила знаніемъ. Вы попадаете въ аудиторіи анатомическаго или физіологическаго института, гдѣ амфитеатромъ расположенныя мѣста сплошь заняты слушателями; вы видите приблизительно ту же публику въ физическомъ институтѣ, замѣчаете, съ какимъ жаднымъ вниманіемъ слѣдятъ слушатели за опытами и объясненіями профессора; вы встрѣчаете подобную же бодрую атмосферу вниманія и труда въ небольшой залѣ „образовательнаго союза рабочихъ", гдѣ вы читаете на карнизѣ красивую надпись: Alle Räder stehen still, wenn dein starker Arm es will. Нѣкоторыя чтенія происходятъ въ общинныхъ залахъ различныхъ бецирковъ, среди бюрократически-чинной обстановки, другія—въ рекреаціонныхъ залахъ мужскихъ гимназій, въ рукодѣльномъ классѣ женскаго училища, наконецъ — въ чудной по своему изяществу, по строгости готическаго стиля парадной залѣ „академической гимназіи".

Во всѣхъ этихъ мѣстахъ собираются каждый день то тамъ, то здѣсь сотни слушателей. Хотя каждый курсъ по составу своихъ посѣтителей носитъ свой особенный отпечатокъ, представляетъ ту или другую окраску, все же за самыми незначительными исключеніями, о которыхъ будетъ рѣчь ниже,—вы увидите вездѣ: и въ анатомическомъ институтѣ, и подъ темнокрасными сводами академической гимназіи главнымъ образомъ тотъ контингентъ слушателей, для которыхъ и былъ созданъ народный университетъ въ Вѣнѣ. Вы увидите, изучая аудиторію и всматриваясь въ отдѣльныя личности, что здѣсь собираются главнымъ образомъ рабочіе, ремесленники, учителя и учительницы народныхъ школъ, и что только незначительный процентъ слушателей состоитъ изъ „привилегированной публики"—мелкихъ

*) Вѣна дѣлится на XIX округовъ, или бецирковъ.

рантье, барышенъ и дамъ, купцовъ и учениковъ высшихъ учебныхъ заведеній.

„Народные курсы дѣйствительно привлекли ту именно часть, для которой они были созданы“, говорится въ отчетѣ по народному университету за три первые года его существованія.

Посмотримъ теперь, какъ возникло, выросло и пустило глубокіе корни это молодое и симпатичное дѣло.

Начало его относится къ 1893 году. Въ декабрѣ мѣсяцѣ 37 ординарныхъ профессоровъ вѣнскаго университета и 16 приватъ-доцентовъ, будучи представителями всѣхъ (четырехъ) факультетовъ, подали академическому сенату просьбу о разработкѣ и созданіи народныхъ курсовъ.

„Нынѣшняя школа, давая первоначальныя свѣдѣнія ученику, не можетъ разсчитывать на то, чтобы ея образовательное вліяніе распространялось далѣе на жизнь. Бѣдное населеніе лишено необходимыхъ стимуловъ для дальнѣйшаго образованія, лишено возможности удовлетворить своей жаждѣ знанія, если таковая возникаетъ. Союзы рабочихъ и народный образовательный союзъ, существующій въ Вѣнѣ, несмотря на цѣлый рядъ чтеній, устраиваемыхъ ими изъ года въ годъ,—не въ состояніи удовлетворить потребность населенія. Всѣ эти союзы прежде всего страдаютъ недостаткомъ средствъ, необходимыхъ для широкой постановки дѣла. Если же вѣнскій университетъ, пользуясь ежегодною субсидіей со стороны министерства, создаетъ стройный и постоянный рядъ чтеній по разнымъ отраслямъ знанія, бѣдное населеніе Вѣны—мѣщане, ремесленники, рабочіе будутъ имѣть возможность дальнѣйшаго образованія на почвѣ строгой научности“.

Такъ былъ мотивированъ докладъ профессоровъ.

Академическій сенатъ образовалъ коммиссію, которой было поручено выполненіе проекта.

Учредили правленіе, въ составъ котораго вошли профессора-представители четырехъ факультетовъ. Предсѣдателемъ избранъ ректоръ университета, профессоръ Менгеръ.

Правленіе приступило къ сложному и трудному дѣлу организаціи народныхъ курсовъ. Только въ ноябрѣ 1895 года осуществилось наконецъ открытіе курсовъ, въ виду того, что съ этого года министерство исповѣданій и народнаго просвѣщенія опредѣлило народному университету ежегодную поддержку въ 6000 гульденовъ *).

Къ тому же времени былъ утвержденъ уставъ народнаго университета. Приведу нѣкоторыя, наиболѣе характерныя черты этого устава.

Съ самаго начала дѣло задумано на широкихъ основаніяхъ. Въ виду имѣется не только Вѣна съ ея многотысячнымъ насе-

*) Эта субсидія увеличена на 1000 гульденовъ съ 1898 года.

леніемъ, но также пригороды столицы, гдѣ особенно много фабрикъ и заводовъ. Распространеніе народныхъ курсовъ намѣчается далѣе на другіе города и мѣстечки Нижней Австріи, наконецъ на всѣ города областей, подвластныхъ австрійской коронѣ.

Мы увидимъ далѣе, насколько удалось выполнить этотъ грандіозный замыселъ въ теченіе четырехъ лѣтъ.

Вторая весьма интересная черта устава: въ силу § 2 народный университетъ исключаетъ изъ предметовъ занятій всѣ тѣ вопросы, которые касаются политическихъ, соціальныхъ и религіозныхъ интересовъ настоящаго времени. Такимъ образомъ, среди тяжелой борьбы народностей и партій, этотъ университетъ желаетъ быть мирнымъ убѣжищемъ строгой науки, желаетъ давать своимъ слушателямъ только чистое знаніе, не окрашенное нетерпимостью и враждою.

Несмотря на то, что по уставу допускаются циклы чтеній и отдѣльныя лекціи, правленіе рѣшило на первыхъ же порахъ по возможности избѣгать устройства отдѣльныхъ чтеній, такъ какъ вѣнскій народно-образовательный союзъ, а также различные рабочіе союзы уже въ достаточной степени удовлетворяютъ запросу населенія своими воскресными собраніями. Было рѣшено, что по каждому предмету будетъ прочитано шесть лекцій; такіе краткіе курсы представляютъ въ теченіе года три серіи, причемъ не исключается возможность придать связь всему годичному курсу.

Всего на первый годъ было назначено 58 курсовъ, изъ которыхъ 15 были посвящены естественной исторіи, 17 — медицинѣ, 13—исторіи, 8—литературѣ и исторіи искусствъ, и 7—юридическимъ наукамъ.

Установивъ такимъ образомъ содержаніе и объемъ чтеній, правленіе перешло къ вопросу о преподавателяхъ. Была утверждена плата за преподаваніе (15 гульденовъ за лекцію), причемъ всякая другая работа лектора,—напримѣръ, объясненіе въ естественно-историческомъ музеѣ, бесѣда въ обсерваторіи и въ академіи художествъ,—оплачивалась особо.

Потомъ возникъ вопросъ о томъ, что лучше: сдѣлать курсы народнаго университета платными или нѣтъ. Большинство высказалось за то, чтобы была назначена небольшая плата, въ виду того, что средства университета требовали нѣкотораго пополненія, а кромѣ того для устраненія лицъ, которыя стали бы посѣщать чтенія только изъ любопытства. Послѣдній разсчетъ оказался вѣрнымъ, такъ какъ, при невысокой платѣ въ одну крону за серію чтеній, аудиторіи и залы оказались съ первыхъ же лекцій переполненными, и нѣкоторые предметы пришлось читать на параллельныхъ курсахъ въ силу того, что множество записавшихся не находило себѣ мѣста въ аудиторіяхъ.

Одною изъ симпатичныхъ мѣръ правленія была раздача билетовъ большими партіями различнымъ рабочимъ союзамъ Вѣны; такимъ путемъ привлекалась на курсы рабочая часть населенія. Выдача билетовъ союзамъ установилась въ теченіе времени какъ постоянное правило, причемъ плата была понижена на половину. Такимъ образомъ въ настоящее время лекція обходится слушателю-рабочему въ $4^1/_6$ крейцера, то есть, серія въ шесть лекцій стоитъ 25 крейцеровъ (полъ-кроны).

Не малую заботу доставило пріисканіе даровыхъ помѣщеній. Народный университетъ могъ сводить концы съ концами только пользуясь безплатными аудиторіями. Такъ какъ по уставу лекціи должны происходить *внѣ* главнаго зданія вѣнскаго университета, то явилась возможность пользоваться прекрасными, приспособленными для опытовъ помѣщеніями институтовъ: анатомическаго, физическаго и физіологическаго, а также помѣстительной залою химической лабораторіи. Кромѣ того вѣнское городское управленіе предоставило новому дѣлу залы своихъ общинныхъ собраній по разнымъ бециркамъ, а начальство гимназій предложило рекреаціонныя залы своихъ заведеній. Народному университету приходится такимъ образомъ уплачивать только за отопленіе и освѣщеніе предоставленныхъ ему аудиторій *).

И такъ, подготовительная работа была окончена. Оставалось только объявить о началѣ занятій и приступить къ нимъ. Время было дорого: подходилъ ноябрь мѣсяцъ, и нужно было поторопиться, чтобы учебный 1895—96 годъ вмѣстилъ въ себѣ три серіи курсовъ.

Все было сдѣлано, чтобы распространить въ массѣ вѣнскаго народа свѣдѣнія о новомъ народномъ университетѣ. Воспользовались афишами, и на всѣхъ заборахъ Вѣны, гдѣ расклеены огромныя яркія афиши театровъ, магазиновъ и пр., появились такія же огромныя объявленія, на которыхъ большими буквами были напечатаны имена профессоровъ и названія разныхъ предметовъ, назначенныхъ къ чтенію. Объявленія эти точно и подробно указывали мѣсто, время, содержаніе лекціи и плату за нее.

Такихъ объявленій было расклеено 3.000 экземпляровъ. Кромѣ того, во всѣ газеты было послано извѣщеніе о новыхъ курсахъ. (Многія газеты впослѣдствіи завели у себя отдѣлъ для свѣдѣній о народномъ университетѣ). Для успѣшнаго распространенія среди публики свѣдѣній о лекціяхъ, была принята еще такая мѣра: ежедневно во всѣ газеты разсылались особые листки съ обозначеніемъ тѣхъ лекцій, которыя читались въ этотъ день, причемъ прилагался краткій конспектъ лекціи.

*) Къ сожалѣнію, физическій институтъ въ настоящее время отказался давать свою аудиторію для народныхъ курсовъ.

На всѣ эти объявленія и извѣщенія правленіе народнаго университета при всей скудости своего бюджета не побоялось истратить болѣе тысячи гульденовъ. Разсчетъ оказалось вѣрнымъ. Популярность народнаго университета создалась въ первые же дни его существованія, количество слушателей превзошло самыя смѣлыя ожиданія; пришлось учредить параллельные курсы въ виду переполненія аудиторій.

И такъ, начало было положено, лекціи пошли своимъ чередомъ и благополучно закончились весною.

Каковы же были результаты перваго года?

При 12,381 гульденовъ приходу къ концу года остался на будущее небольшой капиталъ въ 3,000 гульденовъ. Главнымъ расходомъ была плата приватъ-доцентамъ за чтеніе лекцій, на что потрачено приблизительно пять съ половиною тысячъ гульденовъ. Изъ этого видно, что хозяйственная часть курсовъ была удовлетворительна.

Теперь обратимся къ главной задачѣ дѣла. Удалось ли оно?

На это отвѣтитъ намъ отчетъ народнаго университета за первый годъ его существованія.

Въ статистическихъ таблицахъ мы видимъ, что число посѣтителей курсовъ достигло почтенной цифры 6,172 человѣкъ. Большинство слушателей посѣщало чтенія по естественной исторіи и медицинѣ. Менѣе всего собиралось народу на лекціи по юридическимъ вопросамъ. Отчетъ указываетъ на чрезвычайно пестрый подборъ слушателей, хотя было замѣчено преобладаніе рабочихъ на нѣкоторыхъ чтеніяхъ, какъ, напримѣръ, на чтеніяхъ *о первой помощи при заболѣваніяхъ*, о *строеніи машинъ*, объ *основныхъ понятіяхъ геометріи*.

Далъ-ли первый опытъ University Extension удовлетвореніе слушателямъ и преподавателямъ?

О послѣднихъ нечего и говорить. Всѣ отчеты отдѣльныхъ лекторовъ за первый годъ свидѣтельствуютъ о глубокомъ нравственномъ удовлетвореніи преподавателя при общеніи со своими слушателями. Что же касается слушателей, то рвеніе ихъ и живой интересъ къ дѣлу, постоянство въ посѣщеніи лекцій и готовность исполнять предложенныя работы заставляютъ думать, что университетъ удовлетворяетъ дѣйствительной, глубокой потребности вѣнскаго народа. Въ отчетахъ лекторовъ постоянно попадается похвала аудиторіи, удивленіе передъ ея понятливостью, быстротой воспріятія, передъ тѣми продуманными и тщательно написанными работами, какія подавались по предложенію профессора. Какъ было установлено съ самаго начала, каждая лекція начиналась въ половинѣ 8-го вечера, продолжалась часъ, а затѣмъ въ теченіе получаса преподаватель вопросами и непринужденною бесѣдой старался вызвать своихъ слушателей на обмѣнъ мыслей и обсужденіе прочитанной лекціи. Вначалѣ ауди-

торія весьма туго поддавалась на такое общеніе съ лекторомъ; неловкость и боязнь показаться невѣждою часто удерживала того, кто охотно желалъ бы выслушать разъясненіе труднаго вопроса; однако мало-по-малу стали находиться смѣльчаки, и къ концу года многіе изъ лекторовъ могли уже указать на нѣкоторое сближеніе съ аудиторіей. Насколько высоко цѣнится слушателями народный университетъ, можно видѣть, между прочимъ, изъ такого факта: одинъ доцентъ, закончившій свою серію чтеній, былъ почтенъ благодарственной рѣчью представителя курса и даже подаркомъ. Для нѣмецкихъ нравовъ это случай довольно рѣдкостный.

Таковы въ краткихъ чертахъ результаты перваго учебнаго года.

Дальнѣйшій ходъ дѣла раскрылъ много новыхъ и интересныхъ сторонъ. Потому перейду къ очерку и жизни народнаго университета до конца 1899 года, въ надеждѣ, что читатель не испугается нѣкоторыхъ статистическихъ табличекъ, безъ которыхъ нельзя обойтись.

Если мы обратимся къ организаціи хозяйственной и административной части, то увидимъ, что и въ слѣдующіе года она осталась такою, какою сложилась въ самомъ началѣ. Во главѣ дѣла стоитъ правленіе; члены его поочередно выбываютъ и замѣняются другими. Къ чтенію лекцій на ряду съ прежними лекторами, которые сумѣли привлечь симпатіи слушателей, приглашаются новыя силы, въ послѣднее время обратились къ профессорамъ высшей технической школы и поручили имъ чтеніе нѣкоторыхъ курсовъ по электротехникѣ. Въ виду того, что народный университетъ, какъ всякій живой организмъ, постоянно развивается и видоизмѣняется, учрежденъ особенный „исполнительный“ комитетъ; на обязанности его лежитъ рѣшеніе текущихъ дѣлъ и удовлетвореніе разныхъ запросовъ въ жизни университета.

Что касается теперешняго бюджета курсовъ, то мы укажемъ только на нѣкоторое увеличеніе какъ приходовъ, такъ и расходовъ. Въ прошедшемъ 1898—99 году приходъ достигъ 22,597 гульденовъ, а расходъ выразился цифрою 14,290 гульд. Кромѣ субсидіи со стороны министерства, о которой уже знаетъ читатель, университетъ пользуется вкладами многихъ лицъ, интересующихся дѣломъ народнаго образованія.

Теперь перейдемъ къ самому дѣлу. Необходимость ввести возможно-лучшую отчетность на первыхъ же порахъ столкнулась съ нежеланіемъ публики давать о себѣ свѣдѣнія. Были придуманы опросныя карточки, и каждый посѣтитель получалъ таковую вмѣстѣ съ входнымъ билетомъ. Однако, несмотря на просьбу заполнить всѣ графы и возвратить карточку, многія изъ нихъ были, очевидно, брошены, другія заполнены только от-

части. Какъ объяснить такое странное отношеніе посѣтителей къ просьбѣ университета? Большинство стѣсняется обозначить, сколько классовъ народной школы пройдено въ дѣтствѣ; совершенно неосновательный стыдъ удерживаетъ многихъ отъ подачи записей и заставляетъ смотрѣть на опросную карточку, какъ на непріятное вторженіе въ личную жизнь. Возрастъ и занятіе сообщаются также весьма неохотно. И такъ, карточка бросается, или заполняется небрежно, а университетъ остается безъ статистическихъ данныхъ. Какъ ни старается правленіе упростить форму карточекъ, все же немалая часть ихъ пропадаетъ. До сихъ поръ не удалось побѣдить страхъ посѣтителей передъ опросомъ.

Насколько можно судить по розданнымъ билетамъ, число учениковъ народнаго университета за три послѣдніе года выразилось въ такихъ цифрахъ:

1896—1897	7162	человѣка.
1897—1898	7300	„
1898—1899	7148	„

Интересно, что число слушателей остается приблизительно постояннымъ. При огромномъ населеніи столицы можно было бы ожидать, что каждый учебный годъ будетъ привлекать все новыхъ и новыхъ слушателей, что число учениковъ будетъ возрастать вмѣстѣ съ упрочившейся въ массѣ славою народнаго университета; однако цифры показываютъ иное. Причины этого явленія кроются въ соціальномъ положеніи тѣхъ, для кого былъ созданъ университетъ.

Итакъ, число посѣтителей опредѣляется числомъ розданнымъ билетовъ. Что же представляетъ изъ себя эта семитысячная толпа? Съ какою подготовкою приступаютъ отдѣльныя лица къ слушанію лекцій? Чѣмъ заняты они въ продолженіи дня,—послѣ какой работы, какого труда приходятъ они съ готовностью слѣдовать за мыслью и словомъ профессора? Какія дисциплины особенно дороги и интересны этимъ мало-подготовленнымъ, стыдящимся своего невѣжества слушателямъ? Что увлекаетъ ихъ, что заставляетъ ихъ тратить свободные часы въ аудиторіяхъ? Наконецъ, какъ великъ среди нихъ процентъ слушательницъ, и изъ какихъ слоевъ населенія явились эти женщины?

На цѣлый рядъ вопросовъ, къ сожалѣнію, статистическія таблицы не могутъ дать вполнѣ точнаго отвѣта. Виноваты, какъ мы видѣли, сами слушатели. Ихъ предубѣжденіе противъ статистики лишаетъ насъ ясной и точной картины, имѣющей глубокій интересъ. Каждый годъ приблизительно 1.500 слушателей не возвращаютъ опросныхъ карточекъ и сохраняютъ такимъ образомъ полное инкогнито.

Все же правленіе университета, на основаніи собранныхъ данныхъ, освѣтило нѣкоторые вопросы и дало возможность заглянуть въ среду слушателей.

Самымъ лучшимъ временемъ для занятій оказывается осенняя часть учебнаго года. Въ концѣ декабря, въ январѣ, въ серединѣ февраля вниманіе народной аудиторіи ослабѣваетъ. Наступаютъ святки, масляница,—а вѣнецъ любитъ повеселиться,—значитъ ученье можно пока оставить въ сторонѣ. Точно также весною профессорамъ приходится заканчивать свои чтенія передъ значительно порѣдѣвшой аудиторіей, потому что и молодежъ и старики спѣшатъ за городъ или въ Пратеръ при первыхъ ясныхъ и теплыхъ дняхъ.

Каковы вкусы аудиторіи? Пятая часть слушателей посѣщаетъ чтенія по естественной исторіи. Любимыми предметами оказываются астрономія и анатомія. Въ самой большой залѣ, въ зданіи химической лабораторіи, не хватаетъ мѣстъ для слушателей, когда бываетъ назначена лекція по астрономіи. Анатомія тоже пользуется большимъ успѣхомъ, и въ каждую серію лекцій непремѣнно включается тотъ или другой отдѣлъ анатоміи. Физика и электротехника усердно посѣщаются главнымъ образомъ рабочимъ сословіемъ. Для этихъ двухъ предметовъ постоянно приходится назначать параллельные курсы. То же самое можно сказать про лекціи химіи.

Мы видимъ, что народная аудиторія обнаруживаетъ особенную склонность къ естественнымъ наукамъ, и въ этомъ вкусы ея совпадаютъ съ общимъ направленіемъ нашего времени. Вѣроятно, объявленіе о томъ, что лекція будетъ сопровождаться опытами, демонстрированіемъ препаратовъ, посѣщеніемъ музея, обсерваторіи, электрической станціи, оказываетъ тоже въ значительной степени вліяніе на выборъ курса. Слушатели народныхъ курсовъ особенно дорожатъ наглядностью преподаванія; стоитъ только побывать на лекціяхъ химіи, которыя ведутся такимъ образомъ, что представляютъ длинный рядъ всевозможныхъ опытовъ съ краткими объясненіями профессора, стоитъ только посмотрѣть на эти внимательные, неотступно слѣдящіе взоры, на живой и глубокій интересъ аудиторіи, не отвлекающейся ни на минуту отъ своего занятія, чтобы оцѣнить все значеніе наглядности въ такомъ учебномъ заведеніи, какъ народный университетъ.

Какъ мы увидимъ далѣе, правленіе университета въ полной мѣрѣ признаетъ значеніе этого фактора.

Второе мѣсто послѣ естественныхъ наукъ принадлежатъ философіи и исторіи искусствъ и литературы. Сравнительно меньше посѣщаемость на лекціяхъ исторіи, хотя рабочій элементъ относится къ этому предмету съ большимъ сочувствіемъ. Менѣе всего бываетъ слушателей на такихъ чтеніяхъ, которые или слишкомъ

спеціальны, напр., метеорологія, или кажутся мало интересными (напр., *Нашъ календарь*, *Миѳологія древнихъ германцевъ*). Къ числу непопулярныхъ предметовъ, какъ это ни странно, относится географія. Надо полагать, что вина тутъ на сторонѣ читающихъ, а не слушателей.

Скептики говорятъ, что въ народный университетъ люди приходятъ для того, чтобы погрѣться. Дома тѣсно, неуютно, холодно,—а тутъ открыты большія теплыя залы, хорошо освѣщенныя, и на всѣхъ дверяхъ вывѣшены большіе листы картона, съ надписью „народный университетъ", такъ что даже идіотъ найдетъ дорогу. Если оставить въ сторонѣ вопросъ, что лучше: „грѣться" около науки или около кружки пива,—все же надобно признать, что вѣнецъ—человѣкъ себѣ-на-умѣ, денегъ тратить зря не станетъ и понимаетъ довольно ясно, что можетъ дать ему народный университетъ, и чего не можетъ. Нѣкоторая часть слушателей, преимущественно изъ рабочаго круга, имѣетъ надежду улучшить свое матеріальное положеніе, посѣщая тѣ или другіе курсы. Множество слушателей слушаютъ потому, что имъ нужны тѣ или другія познанія. Рабочіе—механики посѣщаютъ охотно курсы физики, электротехники; массажисты, служители въ водолечебныхъ заведеніяхъ, мозольные операторы записываются на курсы анатоміи и „первой помощи"; люди изъ торговаго міра слушаютъ чтенія о вексельномъ правѣ. На лекціяхъ по искусству вы встрѣтите рисовальщиковъ, рѣзчиковъ; чтенія о музыкѣ привлекаютъ тоже свою публику: вы увидите тутъ учительницъ и учителей музыки, ученицъ вѣнской консерваторіи, добросовѣстныхъ мамашъ, у которыхъ дома дѣти учатся bon gré — mal gré игрѣ на фортепіано.

На ряду съ такими слушателями, которые относятся къ народному университету съ чисто практической стороны, несомнѣнно есть и другіе,—и число ихъ навѣрное очень велико, — которые ищутъ знанія безкорыстно, потому, что жаждутъ знанія и рады возможности прикоснуться устами къ этому источнику. Какъ примѣръ, могу привести одну молодую дѣвушку, съ которою мнѣ пришлось встрѣчаться на лекціяхъ по философіи. Въ то время какъ другой мой сосѣдъ, студентъ, приходилъ изъ любопытства, чтобы посмотрѣть, какъ „вывернется" его профессоръ (темою служила философія Фихте), эта молодая дѣвушка, швея по ремеслу и членъ одного изъ многочисленныхъ рабочихъ союзовъ, слѣдила за рѣчью профессора съ какимъ-то радостнымъ и благодарнымъ выраженіемъ въ лицѣ. Она записывала кое-что, видимо старалась вникнуть въ трудные философскіе термины и разочарованно посмотрѣла на меня, когда профессоръ какъ-то очень быстро окончилъ лекцію краткимъ обѣщаніемъ вернуться къ философіи Фихте въ слѣдующій понедѣльникъ.

Сколько мнѣ ни случалось бывать на этихъ курсахъ, посто-

янно аудиторія отличалась какимъ-то сдержаннымъ одушевленіемъ; многіе записывали лекцію, многіе послѣ ея окончанія обращались къ лектору съ вопросами, въ которыхъ обнаруживалось желаніе побольше и получше ознакомиться съ даннымъ предметомъ. Однако, о такихъ бесѣдахъ рѣчь будетъ еще ниже, перейду теперь къ вопросу о подготовкѣ учениковъ народнаго университета.

На основаніи собранныхъ свѣдѣній можно сказать, что около 15% слушателей окончили народную школу. Не лишнее будетъ прибавить, что въ Австріи народная школа имѣетъ восьмилѣтній курсъ. Вѣроятно, почти всѣ тѣ слушатели, которые не подали опросныхъ карточекъ, также принадлежатъ къ этой категоріи учениковъ народнаго университета, значитъ процентъ ихъ будетъ уже не 15, а гораздо больше.

Къ этой категоріи нужно отнести бывшихъ учениковъ городскихъ школъ (Bürgerschulen), ремесленныхъ и торговыхъ училищъ и всѣхъ лицъ, получившихъ домашнее образованіе.

Сложивъ цифры этихъ рубрикъ въ статистическихъ таблицахъ, получимъ такой результатъ: три четверти слушателей народнаго университета закончили свое первоначальное образованіе на 15-мъ году своей жизни.

Около 10% слушателей составляютъ учителя и учительницы начальныхъ школъ. Ихъ занятія въ народномъ университетѣ особенно цѣнны, потому что отразятся самымъ благодѣтельнымъ образомъ на тѣхъ школьникахъ, которымъ они передадутъ свои знанія.

Нѣкоторыя лекціи посѣщаются преимущественно лицами „привилегированныхъ“ классовъ; такъ, напримѣръ, лекціи музыки и философіи, гдѣ преобладаютъ дамы, лекціи литературы, гдѣ вы увидите главнымъ образомъ молодежь изъ состоятельныхъ слоевъ общества.

Слушательницы представляютъ приблизительно 30% всего числа посѣтителей. Это главнымъ образомъ жены и дочери вѣнскихъ бюргеровъ, которыхъ необходимость или проснувшійся съ недавнихъ поръ интересъ къ знанію побуждаютъ пользоваться народнымъ университетомъ за недостаткомъ другихъ учебныхъ заведеній. Хотя въ настоящее время вѣнскій университетъ пошелъ навстрѣчу новымъ запросамъ нѣмецкой женщины,—но есть еще множество вѣнокъ, у которыхъ нѣтъ времени или желанія заниматься наукою серьезно, и такія дѣвицы и женщины предпочитаютъ не очень длинные и не слишкомъ трудные курсы народнаго университета систематическому высшему образованію.

Теперь обратимся къ вопросу: каково соціальное положеніе слушателей народнаго университета?

Благодаря раздачѣ билетовъ цѣлыми партіями разнымъ рабочимъ союзамъ, народный университетъ насчитываетъ среди своихъ посѣтителей множество лицъ изъ рабочаго міра. Рабочіе со-

ставляютъ 1/3 всего числа слушателей. Такъ, въ прошедшемъ году (1898—99) продано по половинной цѣнѣ черезъ посредство разныхъ рабочихъ ферейновъ 2338 билетовъ; кромѣ того много билетовъ продано отдѣльнымъ лицамъ изъ того же рабочаго сословія. Статистика показываетъ, что народный университетъ посѣщается почти исключительно лицами, занимающее подчиненное (въ экономическомъ отношеніи) положеніе въ обществѣ. Характерно, что въ графѣ: „самостоятельные ремесленники и торговцы“ оказываются ничтожныя цифры; лица этой категоріи составляютъ лишь 4% всего состава слушателей.

Конечно, дѣятели народнаго университета должны испытывать большое удовлетвореніе, видя постоянно растущій наплывъ слушателей изъ народа; они находятъ важную поддержку въ различныхъ рабочихъ союзахъ, дѣятельно пускающихъ въ ходъ билеты въ средѣ своихъ членовъ. Надо полагать, что участіе рабочаго класса будетъ возрастать и впредь.. Однако есть нѣкоторыя данныя, заставляющія думать, что развитіе народнаго университета почти достигло уже своего высшаго предѣла.

Въ самомъ дѣлѣ, оказывается, что 3/4 всѣхъ слушателей-рабочихъ состоятъ членами того или другого рабочаго ферейна. Чѣмъ лучше организація даннаго ферейна, тѣмъ большее число его членовъ записывается въ университетъ. Чѣмъ хуже эта организація, тѣмъ труднѣе идетъ раздача билетовъ и распространеніе свѣдѣній о народныхъ курсахъ. Далѣе: только тѣ группы изъ этого сословія принимаютъ большое участіе въ новомъ просвѣтительномъ движеніи, которыя находятся въ лучшихъ экономическихъ отношеніяхъ: имѣютъ большую заработную плату, больше свободнаго времени и большее развитіе. Какъ ни велико стараніе со стороны правленія народнаго университета—сдѣлать этотъ университетъ дѣйствительно народнымъ, все же только одни счастливцы могутъ попадать на его лекціи, а огромная масса населенія, заваленная, оглушенная, убитая трудомъ, не можетъ даже думать о такой роскоши. Въ послѣдніе годы правленіе университета рѣшило устроить воскресные дневные курсы для тѣхъ, у кого нѣтъ свободныхъ часовъ по вечерамъ въ теченіе всей недѣли. Воскресныя чтенія были строго обдуманы и дѣйствительно представляютъ даже сами по себѣ нѣчто цѣнное въ смыслѣ элементарныхъ научныхъ курсовъ; они посѣщаются хорошо; будущее покажетъ, каково будетъ вліяніе этихъ лекцій на воскресныхъ слушателей.

Вниманіе читателя можетъ быть нѣсколько утомлено перечисленіемъ тѣхъ выводовъ, какія дала статистика народнаго университета; однако для характеристики аудиторіи они прямо необходимы.

Перейдемъ теперь къ самымъ чтеніямъ народнаго университета.

Распредѣленіе учебнаго матеріала и объемъ его мѣняются съ каждымъ годомъ, впрочемъ только въ подробностяхъ, а не въ главныхъ чертахъ. Для примѣра привожу программы прошлаго года (98—99) и первой половины нынѣшняго (99), которыя читатель можетъ и пропустить, если пожелаетъ.

Положительно,—русскому человѣку становится завидно, когда онъ пробѣгаетъ глазами одни только оглавленія этихъ курсовъ; кажется, такъ бы пошелъ и послушалъ самъ, о чемъ читаютъ умные люди, да еще со всякими опытами, пособіями, художественно прекрасными картинами электрическаго волшебнаго фонаря. Если уже просматривая программы испытываешь удовольствіе, то тѣмъ болѣе любопытно было бы видѣть и слышать все это самому.

Предлагаю читателю обратить вниманіе на нѣкоторыя особенности программы.

1) Связь не только отдѣльныхъ курсовъ между собою, но также задуманное распредѣленіе ихъ на два и даже три года подъ рядъ (напр. философія, исторія). При этомъ надо замѣтить, что каждая серія изъ шести лекцій имѣетъ строго-законченный планъ и можетъ быть съ пользою прослушана совершенно независимо отъ предыдущихъ и послѣдующихъ.

2) Замѣна однихъ предметовъ другими въ томъ случаѣ, если первые одно время занимали преобладающее мѣсто.

3) Различный объемъ курсовъ; иногда совершенно частный вопросъ служитъ предметомъ шести лекцій.

4) Нѣкоторыя попытки давать отвѣтъ на текущіе вопросы жизни и т. д.

Обзоръ лекцій за прошлый годъ (1898—1899).

Философія.

1. *) Философія въ средніе вѣка. Арабы и евреи.
1. Введеніе въ философію.
2. Философія въ средніе вѣка. Схоластика.
3. Исторія новой философіи. Отъ Бэкона до Лейбница.
3. Къ психологіи воли.
4. Исторія новой философіи. Отъ Лейбница до Канта.
4. О мышленіи и умозаключеніи.

---

*) Цифры: 1, 2, 3, 4 обозначаютъ, въ которую серію приходился курсъ лекцій: 1) октябрь—ноябрь, 2) ноябрь—декабрь, 3) январь—февраль, 4) мартъ—апрѣль.

Исторія.

1. Паденіе античнаго міра.
2. Борьба за конституцію въ Англіи въ 17 вѣкѣ.
3. Эпоха реформаціи.
3. Оливеръ Кромвель и его время.
4. Марія-Терезія и Іосифъ II.
4. Эпоха реформаціи. Продолженіе.
4. Исторія Наполеона.

Исторія искусствъ.

1. Исторія греческой драмы.
1. Главныя эпохи въ развитіи новаго искусства. Время до Возрожденія
1. Начало музыкальной драмы.
2. Объясненіе нѣкоторыхъ памятниковъ искусства среднихъ вѣковъ.
2. „Фаустъ" Гете.

Исторія культуры.

2. Жизнь древнихъ германцевъ.
2. Очерки средневѣковой жизни.
3. Исторія нѣмецкаго языка.

Политическія науки.

1. Австрійская конституція.
1. Основанія страхованія.
2. Конституція Австріи. Продолженіе.
2. Уголовное право.
2. Исторія политической экономіи.
3. Общій обзоръ правъ австр. гражданина.
3. Уголовное право. Продолженіе.
3. Исторія хозяйственной эволюціи до конца среднихъ вѣковъ.
4. Уголовное право.
4. Возникновеніе науки о хозяйствѣ.

Географія и этнографія.

2. Народы Австрійской имперіи.
4. Восточная Азія.

Антропологія.

1. Естественная исторія человѣка.
2. Первобытный человѣкъ.

Гигіена и практическая медицина.

1. Гигіена кожи.
1. Яды и отравленія,
1. Паразиты человѣка и животныхъ.
1. Народныя лечебныя средства.
2. Первая помощь.
2. Питаніе и пища.
3. Первая помощь.
3. Гигіена труда физическаго и умственнаго.

Анатомія и физіологія.

1. Анатомія. Сердце и кровеносные сосуды.
2. Физіологія. Дыханіе.
2. Краткая гистологія.
2. Физіологія. Пищевареніе и питаніе.
2. } Анатомическое строеніе центральной и периферической нервной
3. } системы.
4. Общая анатомія человѣка.

Зоологія.

2. } Вліяніе среды на образъ жизни животныхъ.
3. }

Геологія и астрономія.

1. Астрономія. Солнечная система.
2. Астрономія. Земля, какъ небесное тѣло.
3. „ Солнечная система (повтореніе).
4. Исторія земли.
4. Неподвижныя звѣзды.
4. Измѣреніе времени и нашъ календарь.

Химія и физика.

1. Химія въ обыденной жизни.
1. Объ электричествѣ.
1. Драгоцѣнные камни.
1. О твердыхъ тѣлахъ.
2. Исторія освѣщенія.
2. Жидкія и газообразныя тѣла.
3. Прикладная оптика.

Технологія.

1. Новыя машины.
2. Два курса по электротехникѣ.
2. Теплота какъ двигатель.
3. Два курса по электротехникѣ.
4. Электротехника.

Обзоръ лекцій за первую половину текущаго учебнаго года (Осень 1899).

Философія.

1. Психологія чувствъ.
1. Исторія новой философіи, Кантъ.
2. Нѣмецкіе философы XIX вѣка. Фихте.

Исторія.

1. Франція. Средніе вѣка.
2. „ Бурбоны.
2. Исторія Австріи.

Исторія искусствъ.

1. Исторія музыки.
2. Моцартъ и опера его времени.
2. Искусство въ эпоху Перикла.
2. Объясненіе избранныхъ памятниковъ искусства. Соборъ св. Стефана.

Исторія культуры.

2, Исторія нѣмецкаго языка.
2. Миѳологія древнихъ германцевъ.

Политическія науки.

1. Правовые вопросы въ обыденной жизни.
1. Стремленіе народовъ къ миру.
2. Исторія политической экономіи.
2. Уголовное право.
2. Конституція Австріи.

Антропологія.

1. Первобытный человѣкъ.
2. Естественная исторія человѣка.

Гигіена и практическая медицина.

1. Первая помощь.
2. Заразныя болѣзни.

Анатомія и физіологія.

1. Анатомія человѣка.
2. Физіологія. Кровь и ея обращеніе.
2. Анатомія. Органы пищеваренія.

Зоологія.

1. Ядовитыя животныя.

Геологія и астрономія.

1. Солнечная система.
1. Метеорологія.
2. Исторія земли.

Химія и физика.

1. Неорганическая химія.
1. Источники электричества.
2. Физика въ жизнеописаніяхъ ученыхъ.
2. Основы понятія земли.
2. Неорганическая химія. Продолженіе.

Технологія.

1. Электротехника.
1. Вода какъ двигатель.
2, Дѣйствіе электрическихъ токовъ.

Новаго въ этихъ программахъ и вообще въ обиходѣ народнаго университета, сравнительно съ первымъ годомъ его существованія,—немного. Жизнь и опытъ подсказали только дѣленіе курсовъ на четыре серіи, вмѣсто трехъ, какъ было вначалѣ, и привели къ большей связи и послѣдовательности между серіями. Установленіе связныхъ курсовъ въ теченіе года или даже двухъ лѣтъ оказалось весьма желательнымъ съ точки зрѣнія слушателей. Обыкновенно, интересъ къ чтеніямъ побуждалъ ихъ желать именно продолженія курса или пополненія того, что уже было пріобрѣтено. Слушатели изъ народа, изъ рабочаго сословія входили во вкусъ занятій и всякое исчезновеніе этого интереса начинало имъ казаться непріятнымъ и нежелательнымъ.

Кромѣ этихъ общеобразовательныхъ курсовъ, правленіе открыло съ второго года (1896—1897) учебные курсы латинскаго языка и математики. Эти курсы стоятъ нѣсколько особнякомъ отъ общихъ чтеній, но привлекаютъ свою публику, прилежную и серьезную, которая съ рвеніемъ изучаетъ данные предметы и достигаетъ довольно значительныхъ результатовъ. И здѣсь вы встрѣтите женщинъ, большею частью учительницъ. Любопытно, что курсъ математики ведется по историческому плану—сообщаются постепенно всѣ попытки, открытія и пріобрѣтенія человѣческаго ума, начиная счетомъ первобытнаго человѣка и кончая Эвклидомъ и великими математиками новаго времени.

Обратимся теперь къ внутреннему укладу жизни народнаго университета.

Въ самомъ началѣ, правленіе предложило приватъ-доцентамъ, читающимъ лекціи на народныхъ курсахъ, нѣкоторыя инструкціи, какъ руководство при преподаваніи. Было выставлено два основныхъ условія.

1. Если чтеніе должно принести пользу слушателямъ, оно должно быть просто и ясно. Преподавателю не слѣдуетъ забывать, что передъ нимъ—люди съ весьма скудною подготовкой. Надобно избѣгать употребленія иностранныхъ и техническихъ словъ, всегда стараться брать примѣры изъ практической жизни. Отвлеченная рѣчь мало понятна слушателямъ изъ народа.

2. Лекція ни въ коемъ случаѣ не читается по книгѣ или по рукописи; она должна быть непринужденною, свободною бесѣдою, легко воспринимаемою аудиторіей. Слѣдуетъ держаться плана, даннаго въ подробныхъ программахъ, и не отступать отъ него.

Преподаватель долженъ обратить особенное вниманіе на бесѣду съ слушателями по окончаніи лекціи, и поощрять всякую попытку съ ихъ стороны вступить въ обсужденіе слышаннаго.

Главнымъ же стремленіемъ лектора должно быть дружеское сближеніе съ слушателями, простота въ обращеніи съ ними, такъ какъ только этимъ путемъ возможно возбудить довѣріе въ народной аудиторіи.

Большой интересъ представляютъ подробныя программы народнаго университета. Нѣкоторыя изъ нихъ могутъ служить подробными конспектами прочитаннаго и замѣчательно полезны для укрѣпленія въ памяти данной лекціи. Каждая программа снабжена спискомъ подходящихъ книгъ, такъ что намѣчена дальнѣйшая работа самообразованія для всякаго желающаго.

Книги, однако, составляютъ больное мѣсто вѣнскаго народнаго университета. Запросъ на книги со стороны слушателей великъ, а недостатокъ средствъ университета не даетъ возможности создать свою собственную библіотеку, что было бы лучшимъ рѣшеніемъ вопроса. Только благодаря счастливому случаю, оказалось возможнымъ раздать по двумъ-тремъ предметамъ необходимыя книги; всѣ онѣ были возвращены слушателями въ приличномъ видѣ, ни одна книга не пропала. Такое бережное отношеніе къ книгѣ не удивитъ того, кто имѣлъ когда-либо дѣло съ простымъ народомъ.

Насколько ясно сознается недостатокъ въ руководствахъ и книгахъ самими слушателями, видно изъ письма одного ученика народнаго университета, поданнаго имъ правленію. Отъ имени многихъ слушателей авторъ письма проситъ правленіе издать руководства по нѣкоторымъ предметамъ, которые требуютъ домашняго чтенія (слушатель указываетъ на философію). Авторъ письма выражаетъ надежду, что просьба будетъ исполнена, и высказываетъ общее желаніе учениковъ даже платить за книги.

До сихъ поръ вопросъ о книгахъ и о созданіи собственной библіотеки примѣнительно къ курсамъ остается открытымъ за недостаткомъ средствъ.

Что касается письменныхъ работъ на предложенныя темы, надобно сказать, что число ихъ довольно ограничено. Это легко объясняется невозможностью найти свободное время для выполненія работы. Тѣ изъ нихъ, которыя подавались профессорамъ въ теченіе послѣднихъ лѣтъ, отличаются добросовѣстнымъ отношеніемъ къ предмету. Видна любовь къ дѣлу и стремленіе по мѣрѣ силъ овладѣть данною темою.

Заключительная бесѣда по окончаніи лекціи установилась, какъ общее правило. Сами собою выработались различные способы обмѣна мыслей. Мнѣ пришлось видѣть, какъ передъ началомъ лекціи по антропологіи нѣсколько слушателей положили на каѳедру билетики съ вонросами. Окончивъ лекцію, профессоръ взялъ билетики и громко прочелъ вопросы. Затѣмъ послѣдовало объясненіе вопросовъ, причемъ многіе изъ слушателей высказывали свои соображенія. Такой способъ ставить вопросы имѣетъ то преимущество, что самый застѣнчивый человѣкъ можетъ получить разъясненіе, оставаясь при этомъ какъ бы въ тѣни. Боязнь насмѣшливой улыбки сосѣда или непріятнаго вниманія всей аудиторіи такимъ способомъ создала особенную форму обмѣна

мыслей между слушателемъ и профессоромъ, причемъ еще является возможность не разбрасываться, не отвлекаться отъ темы. Такъ, однажды профессору Гернесу (Hoernes) были поданы на билетикахъ такіе вопросы: нѣтъ ли популярнаго журнала, гдѣ можно было бы прочесть о высшихъ типахъ обезьянъ?—отчего у человѣка развилась рѣчь?—одинаковый ли мозгъ у здорового человѣка и у идіота?—какая переходная форма между обезьяною и человѣкомъ? (На послѣдній вопросъ профессоръ Гернесъ отвѣтилъ особенно подробно, указывая на несостоятельность прежнихъ взглядовъ и на вѣроятную невозможность когда-либо окончательно выяснить научно этотъ вопросъ).

Случается, что слушатели набираются храбрости и сами спрашиваютъ лектора. Въ памяти моей особенно ярко запечатлѣлся одинъ вечеръ въ химической лабораторіи, гдѣ собралась масса слушателей. Лекція имѣла своимъ содержаніемъ основныя понятія химіи. Старичокъ-профессоръ (Wegscheider) въ теченіе цѣлаго часа производилъ опыты, замѣчательно ясно и наглядно пояснявшіе его простую, безыскусственную рѣчь. Аудиторія, состоявшая на одну треть изъ рабочихъ, внимательно слѣдила за опытами; какъ всегда бываетъ, взрывъ газа вызвалъ общій восторгъ. Лекція затянулась. Профессоръ съ доброй улыбкой окинулъ аудиторію и предложилъ вопросъ: не осталось ли что мало понятнымъ? Посыпались вопросы, началась бесѣда, причемъ большинство покинуло свои мѣста на ступеняхъ амфитеатра и сошлось внизу у большого стола, гдѣ производились опыты. Профессоръ еще захотѣлъ показать кое что для выясненія вопроса; было уже поздно, онъ замѣтилъ это. Тогда слушатели въ одинъ голосъ отвѣтили, что если господину профессору можно еще побыть, то они готовы оставаться еще сколько угодно времени.

Вообще, на основаніи сдѣланныхъ мною наблюденій, могу сказать, что отношенія профессоровъ къ аудиторіи и обратно не оставляютъ желать ничего лучшаго. Зачастую лекторъ своими шутками и добродушнымъ видомъ расшевеливаетъ самыхъ замкнутыхъ, необщительныхъ слушателей и они рѣшаются вступить съ нимъ въ бесѣду. Слушатели держатъ себя въ аудиторіи просто и непринужденно, но вмѣстѣ съ тѣмъ съ величайшимъ уваженіемъ къ профессору. Рѣдки случаи, чтобы кто опоздалъ на лекцію и нарушилъ тишину скрипомъ отворяемой двери. Передъ началомъ лекціи всѣ уже сидятъ по мѣстамъ, а на лекціяхъ анатоміи случается даже, что съ пяти часовъ люди дожидаютъ, когда откроютъ двери аудиторіи, чтобы занять мѣсто получше, откуда виднѣе препараты. До прихода профессора большинство читаетъ газеты, другіе бесѣдуютъ вполголоса; всѣ держатся съ достоинствомъ.

Какъ только появляется профессоръ, его встрѣчаютъ рукоплесканіями, газеты прячутся, и многіе вынимаютъ карандаши и тетради, чтобы записать лекцію. Если на столѣ у каѳедры раз-

ложены какіе-нибудь препараты, предметы изъ научнаго кабинета по естествознанію, то передъ началомъ лекціи многіе слушатели внимательно осматриваютъ эти предметы.

Характерно, что меньше всего обнаруживаетъ охоты вступить въ бесѣду аудиторія изъ лицъ привилегированныхъ классовъ; рабочіе, несмотря на боязнь обнаружить передъ всѣми свое невѣжество, всетаки гораздо чаще рѣшаются спрашивать профессора, нежели „чистая“ публика.

Ежегодные отчеты профессоровъ и приватъ-доцентовъ заключаютъ въ себѣ, между прочимъ, указаніе на примѣрное поведеніе учениковъ народнаго университета. Привожу выдержки изъ двухъ такихъ отчетовъ.

„Вспоминая мою аудиторію за послѣдніе два года, — пишетъ одинъ приватъ-доцентъ, — я долженъ признаться, что поведеніе слушателей, ихъ точность въ посѣщеніи лекцій, ихъ вниманіе и интересъ не оставляли желать ничего лучшаго. Каждому лектору пріятно читать передъ такой аудиторіей...“

Другой дѣятель народнаго университета, прочитавшій уже шесть серій лекцій по юридическимъ вопросамъ, пишетъ въ своемъ отчетѣ: „Опытъ убѣдилъ меня, что въ народномъ университетѣ лекторъ имѣетъ дѣло съ избранной публикой, которая доставляетъ преподавателю истинное удовлетвореніе. Эта аудиторія въ своемъ стремленіи къ знанію можетъ быть сравниваема только съ самою лучшей студенческой аудиторіей“.

Интересны также свѣдѣнія, сообщаемыя лекторомъ по философіи о результатахъ его чтеній.

„Трудность предмета, пишетъ онъ, заставляла меня опасаться полной неудачи курса. Однако я встрѣтилъ среди слушателей самое рѣдкое вниманіе. Всѣмъ понравилось мое предложеніе — кратко записывать подъ диктовку въ концѣ каждой лекціи ея содержаніе. По моей просьбѣ, вопросы предлагались мнѣ письменно; въ началѣ слѣдующей лекціи я устно разъяснялъ ихъ. Съ теченіемъ времени число писемъ возрасло въ такой мѣрѣ, что уже оказалось невозможнымъ отвѣчать на каждое письмо, и пришлось выбирать только самые важные и общіе вопросы“.

Касательно устныхъ вопросовъ въ концѣ лекцій, высказался въ своемъ отчетѣ лекторъ по геологіи. Онъ пишетъ, что долгое время никакъ не могъ добиться въ аудиторіи непринужденнаго отношенія къ дѣлу и уже отчаявался достигнуть обмѣна мыслей послѣ чтеній. Но вотъ онъ предложилъ слушателямъ посѣтить вмѣстѣ съ нимъ естественно-историческій музей; собралось множество народу, и тутъ послѣдовала оживленная, свободная бесѣда. Преграда между слушателями и профессоромъ исчезла и впослѣдствіи лекторъ уже не находилъ никакого труда вызвать своихъ слушателей на бесѣду.

Другіе профессора тоже отмѣчаютъ эту черту въ своихъ слу-

шателяхъ, и указываютъ на то, что сближеніе съ аудиторіей возможно только при болѣе долгомъ общеніи съ слушателями.

Блестяще поставлены въ вѣнскомъ народномъ университетѣ вспомогательные элементы лекцій. При чтеніяхъ пользуются всевозможными опытами и наглядными пособіями; демонстрируютъ препараты; показываютъ картины съ помощью электрическаго волшебнаго фонаря. Лекціи по музыкѣ и ея исторіи сопровождаются пѣніемъ и игрою на рояли; лекціи по исторіи искусства заканчиваются посѣщеніемъ академіи художествъ. Образовательныя бесѣды въ естественно-историческомъ музеѣ, въ обсерваторіи, на метеорологической и электрической станціи собираютъ многочисленныхъ охотниковъ. Наконецъ, два года подрядъ, весною, устраивалась археологическая экскурсія слушателей, съ профессоромъ во главѣ, въ мѣстечко Карнунтъ близь Вѣны, гдѣ сохранились развалины древне-римской крѣпости и города. Эта экскурсія доставила участникамъ большое наслажденіе.

Въ заключеніе скажу нѣсколько словъ о распространеніи народныхъ курсовъ въ другихъ городахъ Австріи.

Согласно уставу народнаго университета, съ первыхъ-же лѣтъ правленіе намѣтило нѣкоторые мѣстечки и города близь Вѣны для учрежденія народныхъ чтеній.

Въ 1897 году открыты курсы въ мѣстечкѣ Баденѣ близь Вѣны, въ городахъ *Леобенѣ* и *Брюннѣ*. Въ 1898 году открыты новые курсы въ мѣстечкѣ *Флоридсдорфѣ* близь Вѣны; рѣшено въ настоящее время включить его въ районъ вѣнскаго народнаго университета. Въ томъ-же году и въ началѣ 1899 года народные курсы учреждены въ *Кремсѣ*, *Лизингѣ* и *Вейштадѣ* (мѣстечки близь Вѣны).

На открытіе этихъ курсовъ ландтагъ нижней Австріи ассигновалъ ежегодную поддержку въ 1.000 гульденовъ. Половина расходовъ покрывается рабочими союзами и общиннымъ правленіемъ данной мѣстности.

Всѣ вышепоименованные курсы открыты какъ отдѣленія вѣнскаго народнаго университета, который назначаетъ профессоровъ и намѣчаетъ содержаніе лекцій. Населеніе названныхъ городовъ и мѣстечекъ относится съ большимъ сочувствіемъ къ новому дѣлу, и въ будущемъ можно ожидать еще большаго распространенія и расширенія программъ этихъ курсовъ внѣ австрійской столицы.

Подъ вліяніемъ этой работы вѣнскаго народнаго университета, и другіе города австрійской имперіи начали открывать народные курсы, при своихъ университетахъ. До сихъ поръ послѣдовали примѣру Вѣны слѣдующіе города: Инсбрукъ, Прага, Львовъ, Грацъ. Кромѣ того, пражское общество *Лотосъ* устроило

рядъ чтенiй въ разныхъ мѣстечкахъ и небольшихъ городахъ Чехiи.

Таково въ краткихъ чертахъ настоящее положенiе вѣнскаго народнаго университета. Задуманное съ самаго начала на широкихъ основанiяхъ, это дѣло расло въ продолженiи четырехъ лѣтъ, успѣло прочно укрѣпиться и даже распространилось на многiя мѣста внѣ столицы. Незначительная поддержка со стороны министерства не помѣшала университету достигнуть весьма почтенныхъ результатовъ; появились пожертвованiя частныхъ лицъ, и можно думать, что впредь эта поддержка со стороны общества будетъ увеличиваться съ каждымъ годомъ.

Истинную оцѣнку дѣятельности вѣнскаго народнаго университета могутъ сдѣлать только тѣ, кому дорого народное образованiе, кто тоже пытался создать нѣчто подобное и знаетъ по опыту, какъ много трудностей представляетъ организацiя такого сложнаго учрежденiя.

„Много, очень много остается намъ еще сдѣлать,—читаемъ мы въ отчетѣ вѣнскаго народнаго университета,—безконечно велики тѣ усилiя, которыя еще необходимы для укрѣпленiя начатаго дѣла. Мы все еще не успѣли привлечь въ наши аудиторiи широкiе круги общества, до сихъ поръ прозябающiе во мракѣ невѣжества; до сихъ поръ еще мало сдѣлано нами для ближайшихъ окрестностей Вѣны, гдѣ живетъ такое множество рабочихъ. Намъ недостаетъ средствъ для созданiя прiуроченной къ курсамъ научной библiотеки; мы еще не въ состоянiи разработать болѣе подробные курсы. Хорошо сознавая недочеты нашего дѣла, мы утѣшаемъ себя мыслью, что упорнымъ трудомъ мы сумѣемъ преодолѣть многiя затрудненiя и лучше осуществимъ нашъ замыселъ въ будущiе годы“.

Сергѣй Орловскiй.

Изъ области школьныхъ вопросовъ.

Среди незаконченныхъ дѣлъ и нерѣшенныхъ вопросовъ, завѣщанныхъ прошлымъ годомъ въ наслѣдство ближайшему будущему, весьма видное мѣсто занимаетъ вопросъ о реформѣ средней школы. Вновь поднятый не такъ давно въ оффицiальныхъ сферахъ, онъ быстро привлекъ къ себѣ общее вниманiе. Объ немъ за послѣднiе мѣсяцы немало толковали въ различныхъ обществахъ, много писали въ газетахъ и журналахъ, особенно въ

первыхъ, объ немъ велись и ведутся еще горячіе дебаты въ залахъ земскихъ и даже дворянскихъ собраній. Столь сильный и напряженный интересъ къ нему самъ по себѣ едва-ли вызывалъ въ комъ-либо недоумѣніе. Ни для какого общества не могутъ быть безразличны вопросы, связанные съ воспитаніемъ молодыхъ поколѣній, а у насъ есть еще и особыя причины живо интересоваться этими вопросами въ ихъ практической постановкѣ. Школа, и въ частности именно средняя школа, давно составляетъ одно изъ больныхъ мѣстъ въ нашей жизни. Между русскою школой и русскимъ обществомъ не одинъ уже десятокъ лѣтъ существуютъ отношенія, которыя мало было бы назвать странными и къ которымъ всего лучше подходитъ имя враждебныхъ. Ни для кого не тайна также, что это враждебное отношеніе къ существующимъ школьнымъ порядкамъ не чуждо порою и самимъ дѣятелямъ школы, по крайней мѣрѣ тѣмъ изъ нихъ, которые не съумѣли или еще не успѣли уйти изъ-подъ всякаго воздѣйствія общественной жизни и замкнуться въ тѣсной области отправленія служебныхъ обязанностей либо упражненій въ педагогической схоластикѣ. И попытка нынѣшняго министерства народнаго просвѣщенія приступить къ реформѣ средней школы, открывъ въ извѣстной степени двери обсужденію положенія послѣдней, тѣмъ самымъ дала возможность лишній разъ проявиться этому настроенію общества. Какъ въ общей, такъ и въ спеціально-педагогической печати появился рядъ статей, указывавшихъ на желательность и необходимость реформы и выяснявшихъ принципіальные недостатки дѣйствующей учебной системы. Въ оцѣнкѣ послѣднихъ печать проявила поразительно рѣдкое единодушіе и нашлись оптимисты, по мнѣнію которыхъ „уже одно это обстоятельство позволяетъ заключить, что вопросъ о ликвидаціи современной школьной системы совершенно созрѣлъ“. Въ связи съ этимъ и на предполагаемую министерствомъ реформу многими возлагаются большія надежды. Уничтоженіе классицизма или, по крайней мѣрѣ, значительное сокращеніе его господства въ школѣ, уравненіе въ правахъ классическаго и реальнаго образованія, коренныя измѣненія въ учебныхъ программахъ въ смыслѣ приданія имъ большей жизненности и въ педагогическихъ пріемахъ, практикуемыхъ школой, наконецъ, сближеніе школы съ семьей— таковы серьезныя ожиданія и требованія, предъявляемыя къ возвѣщенной реформѣ среднихъ школъ. Въ дружномъ хорѣ голосовъ, привѣтствовавшихъ мысль объ этой реформѣ, время отъ времени прорывались однако и грустныя ноты сомнѣнія въ возможности достигнуть поставленной цѣли при помощи намѣченныхъ средствъ...

Настойчивыя требованія коренныхъ измѣненій въ постановкѣ средняго образованія, сопровождаемыя то далеко идущими надеждами, то глубокимъ скептицизмомъ,—таковы, пожалуй, наи-

болѣе характерныя черты въ отношеніи общества къ вопросу о школьной реформѣ. Не предполагая въ настоящей замѣткѣ разсматривать этотъ сложный вопросъ во всемъ его объемѣ, мы хотѣли бы лишь отмѣтить нѣкоторыя его стороны, въ извѣстной мѣрѣ объясняющія такое отношеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ порою остающіяся какъ бы въ тѣни, если не въ незаслуженномъ забвеніи. И для созданія плановъ реформы, и—еще болѣе—для оцѣнки ихъ шансовъ на успѣхъ необходимо по возможности точное представленіе о той дѣйствительности, въ условіяхъ которой они должны осуществляться. Иначе реформаторскіе планы рискуютъ оказаться черезчуръ общими и туманными, черезчуръ приподнятыми надъ реальною жизнью и въ силу этого лишенными возможности серьезнаго воздѣйствія на нее. Между тѣмъ при обсужденіи вопроса о школьной реформѣ очень много говорится о настоятельной необходимости перемѣнъ въ быту нашихъ гимназій и о томъ направленіи, въ какомъ должны пойти эти перемѣны, и сравнительно мало—о современномъ положеніи гимназій. Оно и понятно. Внутренняя жизнь средней школы составляетъ у насъ не только мало изслѣдованную, но въ значительной мѣрѣ и запретную для изслѣдованія область. Благодаря этому, хотя обществу хорошо извѣстны общіе недостатки современной школы, съ результатами которыхъ ему постоянно приходится имѣть дѣло, истинныя причины этихъ недостатковъ нерѣдко остаются скрытыми отъ его вниманія. Едва-ли нужно подробно доказывать, что въ этомъ обстоятельствѣ скрывается серьезная опасность для правильнаго разрѣшенія проблемы переустройства школьнаго быта. Въ самомъ дѣлѣ, вы можете какъ угодно измѣнить учебныя программы, изгнать изъ школы экзамены и баллы, можете много говорить о сближеніи школы съ жизнью и семьею, но если при этомъ вы оставите въ силѣ условія, обращающія работу педагога въ формальную передачу заученныхъ свѣдѣній, подрывающія умственную самодѣятельность учащихся и уничтожающія возможность свободнаго духовнаго общенія ихъ между собою и съ преподавателемъ,—школа по прежнему останется мертвымъ механизмомъ, калѣчащимъ молодыя силы и вносящимъ уродливыя неправильности въ умственную жизнь страны. Вотъ почему приходится съ благодарностью привѣтствовать всякій, даже случайный, даже слабый, лучъ свѣта, который прорѣзываетъ таинственный полумракъ, облекающій жизнь нашей средней школы и даетъ возможность ближе присмотрѣться къ ея внутреннимъ порядкамъ. Мы хотѣли бы предложить читателю послѣдовать вмѣстѣ съ нами за однимъ изъ такихъ лучей, не особенно яркимъ, но все же освѣщающимъ хотя нѣкоторыя стороны этихъ порядковъ.

Передъ нами лежатъ двѣ небольшія книги, напечатанныя въ 1899 г. въ г. Маріуполѣ Екатеринославской губерніи и пред-

ставляющія собою отчеты мѣстной мужской (классической) и женской гимназій за 1898 годъ. Къ сожалѣнію, директора нашихъ гимназій рѣдко слѣдуютъ примѣру мариупольскаго директора, г. Тимошевскаго, опубликовавшаго эти отчеты на средства почетнаго попечителя мѣстныхъ гимназій, и обыкновенно не даютъ возможности слѣдить этимъ путемъ за дѣятельностью управляемыхъ ими учебныхъ заведеній. Отчеты двухъ гимназій—это, конечно, немного. Но, повторяемъ, другихъ такихъ отчетовъ почти не существуетъ. И, съ одной стороны, при полномъ почти отсутствіи подобныхъ матеріаловъ приходится пользоваться тѣмъ, что имѣется, а съ другой,—какъ солнце отражается и въ „малой каплѣ водъ", такъ въ очень мелкихъ и частныхъ явленіяхъ школьной жизни сказываются ея общіе порядки, изслѣдованіе которыхъ всего любопытнѣе. Отчеты маріупольскихъ гимназій сами по себѣ далеко не даютъ полной картины школьной жизни, но въ нихъ разбросаны весьма любопытныя свѣдѣнія о положеніи учащихся, о направленіи дѣятельности преподавателей и о педагогическихъ взглядахъ оффиціальныхъ руководителей школы. Мы и попытаемся собрать болѣе важныя изъ этихъ свѣдѣній и при помощи ихъ освѣтить указанныя стороны въ жизни современной школы. Сопоставленіе ихъ съ намѣченными уже путями выработки школьной реформы поможетъ намъ въ дальнѣйшемъ оцѣнить и существующія гарантіи ея успѣшности.

Прежде всего надо отмѣтить то обстоятельство, что маріупольская мужская гимназія, о которой у насъ главнымъ образомъ будетъ идти рѣчь, въ сознаніи какъ своихъ руководителей, такъ и мѣстнаго общества, если и выдѣляется изъ ряда подобныхъ ей учебныхъ заведеній, то лишь въ положительную сторону. Отчетъ самого директора гимназіи заканчивается слѣдующими выводами. „Гимназія трудилась, какъ и въ прежніе годы, кромѣ прямыхъ своихъ обязанностей, надъ изученіемъ края и по обще-педагогическимъ вопросамъ. Гимназія имѣетъ достаточно и удачно подобранныхъ учебныхъ пособій. Успѣхи и поведеніе учащихся удовлетворительны. Искусства—поставлены также удовлетворительно". Въ свою очередь представители мѣстнаго общества, повидимому, съ не меньшимъ оптимизмомъ смотрятъ на дѣятельность гимназіи. Изъ того же отчета мы узнаемъ, что предводитель дворянства Маріупольскаго уѣзда, г. Каменскій, былъ очень огорченъ, когда до его свѣдѣнія дошло намѣреніе директора гимназіи „оставить свой постъ". Ссылаясь на то, что „такое событіе было бы весьма прискорбно для многихъ обывателей Маріупольскаго уѣзда, дѣти коихъ обучаются во ввѣренной попеченію г. Тимошевскаго гимназіи, и что онъ извѣстенъ всѣмъ намъ, какъ гуманный просвѣщенный педагогъ, истинный отецъ-руководитель ввѣреннаго его заботамъ юношества", г. Каменскій просилъ уѣздную управу „предложить очередному земскому со-

бранію обратиться съ просьбою къ г. Тимошевскому удѣлить на пользу юношества еще хоть нѣсколько лѣтъ своей плодотворной педагогической дѣятельности". Съ своей стороны управа нашла умѣстнымъ „обратить вниманіе собранія на то глубокое знаніе душевныхъ качествъ нашего юношества, которое дало возможность г. Тимошевскому поднять такъ высоко уровень знаній и нравственныхъ устоевъ учащихся во ввѣренной ему мужской, а также и въ женской гимназіи, въ которой онъ состоитъ главнымъ отвѣтственнымъ руководителемъ учебно-воспитательнаго дѣла въ качествѣ предсѣдателя педагогическаго совѣта этой гимназіи". По словамъ управы, „постоянное общеніе г. Тимошевскаго съ учащимися обѣихъ гимназій, заботы его о расширеніи круга ихъ знаній, не только въ стѣнахъ классовъ, но и путемъ сдѣлавшихся знаменитыми экскурсій, наконецъ, неуклонное стремленіе его развить въ учащихся нравственное и эстетическое чувство при помощи столь дорогихъ юношеству музыкально-литературныхъ вечеровъ, постановки учащимися на сценѣ выдающихся отрывковъ лучшихъ русскихъ оперъ, торжественнаго празднованія важнѣйшихъ событій нашей исторіи и памяти великихъ русскихъ людей—все это дало управѣ возможность" исполнить предложеніе предводителя дворянства и въ особомъ докладѣ предложить земскому собранію просить г. Тимошевскаго продолжать свою дѣятельность въ качествѣ директора гимназіи. Собраніе 11 октября 1898 г. единогласно утвердило докладъ управы и г. Тимошевскій внялъ обращенной къ нему просьбѣ *). Итакъ, директоръ доволенъ гимназіей, а представители интересовъ общества вполнѣ довольны директоромъ. Обратимся же къ самому состоянію гимназіи, какъ оно обрисовано въ отчетѣ г. Тимошевскаго.

Отчетъ говоритъ объ учащихся съ перваго момента ихъ поступленія въ гимназію. „При пріемныхъ испытаніяхъ, сообщается въ немъ, обращено вниманіе на слѣдующее явленіе: а) изъ года въ годъ евреи приготовляются хуже и хуже,—наоборотъ, подготовка христіанъ улучшается, и б) поступающіе изъ училищъ, особенно г-жи Иващенки, подготовлены лучше, чѣмъ домашняго приготовленія" **). Оказывается такимъ образомъ, что семья не вполнѣ способна подготовить мальчика къ курсу средней школы и для поступленія въ послѣднюю желательна, если не обязательна, предварительная школьная же дрессировка, причемъ гимназическое начальство любезно указываетъ и мѣсто, гдѣ такая дрессировка производится всего удачнѣе. Насколько серьезно это условіе, показываетъ уже то обстоятельство, что въ 1898 г. изъ 104 лицъ, подавшихъ прошенія о поступленіи въ гимназію,

---

*) Отчетъ о состояніи Маріупольской Александровской гимназіи за 1898 годъ, с. 100 и Приложенія, с. 6—8.

**) Тамже, с. 45.

принято было лишь 68 и изъ нихъ 15 перешло изъ другихъ среднихъ учебныхъ заведеній; 35% желавшихъ поступить въ гимназію не было принято въ нее, и въ томъ числѣ 14,9%—благодаря плохой подготовкѣ; другими причинами непринятія были неявка на экзамены (1,9%) и неимѣніе помѣщенія и вакансіи для евреевъ (18,2%) *). Какъ видно, весьма значительное количество стремящихся въ среднюю школу спотыкается объ ея порогъ, либо не вмѣщается въ ея стѣнахъ. И самая слабость подготовки, столь странная на первый взглядъ при незначительности требованій, предъявляемыхъ къ поступающимъ въ гимназію, легко найдетъ себѣ объясненіе, если вспомнить, что при невозможности для школы принять всѣхъ желающихъ вступительный экзаменъ самъ собою обращается въ конкурсный, на которомъ, естественно, всего легче проходятъ дѣти, подвергшіяся уже своего рода тренировкѣ при посредствѣ какой-либо школы. Это явленіе не мѣстное, а общее, повторяющееся во всѣхъ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и прямо зависящее отъ недостаточности ихъ количества и отпускаемыхъ на нихъ средствъ. Небезъинтересно и другое, носящее болѣе специфическій характеръ, сообщеніе отчета, свидѣтельствующее о томъ, что въ Маріуполѣ религія оказываетъ вліяніе на общую подготовку ученика. Ниже мы будемъ еще имѣть случай убѣдиться, что въ жизни маріупольской гимназіи существуютъ и другія, аналогичныя этому явленія. Пока же лишь отмѣтимъ, что утвержденіе г. Тимошевскаго относительно плохой подготовки учениковъ-евреевъ плохо мирится съ его же сообщеніемъ о большомъ количествѣ евреевъ, не могущихъ попасть въ гимназію исключительно благодаря отсутствію вакансій для нихъ.

Поступившіе въ гимназію ученики распредѣляются обыкновенно на три группы: пансіонеровъ, приходящихъ, живущихъ у своихъ родителей, и приходящихъ, не имѣющихъ семьи въ данномъ городѣ или не живущихъ въ ней, а устраивающихся съ квартирой какимъ-либо инымъ образомъ. Въ маріупольской гимназіи пансіона нѣтъ и имѣются лишь двѣ послѣднія группы учениковъ: изъ 282 учениковъ $^4/_5$ живутъ у родителей и $^1/_5$—не въ своихъ семьяхъ. Послѣдніе устраиваются различно: 58% ихъ помѣщаются у служащихъ въ гимназіи, 31,5%—у ближайшихъ своихъ родственниковъ, 7%—на ученическихъ квартирахъ и 3,5%—у частныхъ лицъ въ качествѣ репетиторовъ. Нѣчто подобное наблюдается и въ женской гимназіи, гдѣ изъ 63 ученицъ, жившихъ не у родителей, 11 помѣщалось у начальницы гимназіи. Такимъ образомъ изъ учащихся, жившихъ не въ своихъ семьяхъ, въ мужской гимназіи $^3/_5$, а въ женской—$^1/_6$ находили себѣ помѣщеніе у лицъ, принадлежащихъ къ учебному персоналу

*) Также, с. 44.

гимназій. Г. Тимошевскій находитъ такой порядокъ вполнѣ естественнымъ и защищаетъ его на будущее время. „Лишеніе преподавателей права давать частные уроки и держать у себя учениковъ—говоритъ онъ въ своемъ докладѣ попечителю—будетъ вмѣстѣ наказаніемъ и для тѣхъ родителей, которые пожелали бы дать своимъ дѣтямъ наилучшее обученіе и воспитаніе" *). Позволительно однако не согласиться съ этимъ мнѣніемъ. Исторія нашей школы даетъ груду разительныхъ доказательствъ тому, что подъ данной формой—квартированія учениковъ у учителя, которое ставитъ послѣдняго въ непосредственную финансовую зависимость отъ родителей учащихся,—наиболѣе часто проникали въ школу значительныя злоупотребленія. И даже въ томъ случаѣ, когда такихъ злоупотребленій не будетъ на лицо, ученикъ, живущій на квартирѣ у учителя, всегда будетъ поставленъ въ неловкое, если не въ фальшивое, положеніе по отношенію къ своимъ товарищамъ и къ другимъ преподавателямъ. Между тѣмъ это нежелательное явленіе, какъ видно изъ примѣра Маріуполя, едва-ли составляющаго въ данномъ случаѣ рѣзкое исключеніе, широко распространено въ провинціальныхъ гимназіяхъ и находитъ себѣ энергичныхъ защитниковъ въ средѣ учебнаго начальства.

Что касается самаго хода учебныхъ занятій въ гимназіи, то въ этомъ отношеніи свѣдѣнія, даваемыя маріупольскимъ отчетомъ, довольно скудны. И это тѣмъ болѣе жалко, что въ немъ нашлось мѣсто для многаго другаго, не столь, пожалуй, важнаго. Мы узнаемъ изъ него, когда въ гимназіи служились молебны и панихиды, узнаемъ, что 27-го марта „была совершена военная прогулка за городъ", причемъ гимназистовъ „сопровождали нѣкоторые родители и публика", а 29-го апрѣля „ученики участвовали въ парадѣ" и „при возвращеніи съ парада гимназію сопровождала многочисленная толпа народа". Отчетъ подробнѣйшимъ образомъ перечисляетъ всѣ музыкальные и литературные вечера и спектакли, происходившіе въ гимназіи и въ ея пользу, и даетъ перепечатку ихъ афишъ. Перепечатана въ немъ и статья „Московскихъ Вѣдомостей", описывавшая одинъ изъ такихъ спектаклей, въ которомъ гимназисты, подъ руководствомъ директора, ставили „Ревизора"; по словамъ автора статьи, „всѣ зрители были поражены и недоумѣвали, что это за средства, которыми можно почти-что изъ ничего создать нѣчто прекрасное". Всего этого такъ много, что невольно припоминается одинъ эпизодъ, сообщенный самимъ г. Тимошевскимъ. Одна изъ начальницъ женской гимназіи, разсказываетъ онъ, „на мое предложеніе устроить литературный вечеръ отвѣтила, что такіе вечера нужны

---

*) Тамже, с. 98 и приложенія, с. 27; Отчетъ о состояніи Маріупольской Маріинской женской гимназіи за 1898 годъ, с. 58.

мнѣ не для дѣла, а для отчета“ *). Быть можетъ, начальница гимназіи и не была такъ неправа, какъ это кажется г. Тимошевскому, объясняющему ея отвѣтъ либо лѣностью, либо непониманіемъ. Какъ бы то ни было, но, богатый извѣстіями о торжествахъ и развлеченіяхъ въ гимназіи, отчетъ чрезвычайно скупъ на сообщенія о ходѣ въ ней преподаванія. Онъ сообщаетъ лишь, что „по всѣмъ предметамъ преподаваніе шло во всемъ согласно уставу и учебнымъ планамъ безъ всякихъ отступленій“, что въ шестомъ классѣ былъ введенъ учебникъ всеобщей исторіи проф. Виноградова, „въ виду того, что прежній учебникъ Иловайскаго мало согласованъ съ учебными планами“ и что затѣмъ никакихъ „заявленій о необходимости составленія новыхъ учебниковъ не было **). Судя по этимъ свѣдѣніямъ, дѣло преподаванія въ гимназіи поставлено въ безусловномъ и пассивномъ подчиненіи установленнымъ однажды начальствомъ учебнымъ планамъ и это подчиненіе идетъ такъ далеко, что даже замѣна плохого учебника хорошимъ мотивируется не сравнительными ихъ достоинствами, а малою согласованностью перваго съ учебными планами. Возможно, конечно, что отчетъ нѣсколько утрируетъ эту черту и въ дѣйствительности преподаватели немного свободнѣе относятся къ рамкамъ учебныхъ правилъ. Но характерно уже одно это стремленіе выставить наружу полное согласіе дѣятельности школъ съ предустановленнымъ для нея шаблономъ.

По вопросу объ успѣшности этого преподаванія, заключеннаго въ рамки современныхъ учебныхъ плановъ, отчетъ даетъ нѣсколько любопытныхъ указаній. Правда, по словамъ составителя отчета, „успѣхи получились вообще удовлетворительные“, но достигнуто это было, по его же сообщенію, лишь „благодаря добровольному труду преподавателей“: „классные наставники и преподаватели обращали особенное вниманіе на малоуспѣвающихъ по болѣзни или другимъ причинамъ“ и „особенно занимались съ неуспѣвающими по праздникамъ и воскреснымъ днямъ“ ***). О количествѣ этого „добровольнаго труда“ преподавателей отчетъ умалчиваетъ. Но, если припомнить, что болѣе десятой части учениковъ живетъ у учителей и, конечно, пользуется при этомъ ихъ помощью въ своихъ занятіяхъ, что въ маріупольской гимназіи, какъ на это есть указанія и въ отчетѣ, практикуются, какъ и во всѣхъ другихъ, репетиторскія занятія и учителей, и гимназистовъ, и постороннихъ лицъ, и что сверхъ того, наконецъ, существуютъ еще указанныя занятія преподавателей съ неуспѣвающими учениками по праздничнымъ днямъ, — легко будетъ пред-

*) Тамже, приложенія, с. 17.
**) Отчетъ мужской гимназіи, с. 4—5.
***) Тамже, с. 51.

ставить себѣ, какая масса репетиторскаго труда требуется для достиженія удовлетворительности успѣховъ учащихся. Уже одно это обстоятельство свидѣтельствуетъ о какомъ-то органическомъ порокѣ школьнаго преподаванія. Но дѣло станетъ еще яснѣе, если мы ближе присмотримся къ тому, что отчетъ называетъ удовлетворительными успѣхами учениковъ. Въ гимназіи числилось въ году 319 учениковъ; изъ нихъ окончило курсъ 11 или 3,4% и выбыло до окончанія курса 25 или 7,8%, въ $2^1/_3$ раза болѣе. Послѣдняя цифра составляется такимъ образомъ: 1 ученикъ умеръ, 16 поступили въ другія учебныя заведенія, 7—совершенно покинули школу и перешли „на поприще частной дѣятельности" и 2—уволены изъ гимназіи *). Такимъ образомъ до окончанія курса оставили школу или были выброшены изъ нея какъ будто лишь 9 учениковъ. Но отчетъ совершенно умалчиваетъ о причинахъ, по которымъ 16 человѣкъ перешли въ другія заведенія. Между тѣмъ всякому, знакомому съ бытомъ нашихъ гимназій, хорошо извѣстно, что такой переходъ часто бываетъ слѣдствіемъ неуспѣшныхъ занятій ученика въ данномъ заведеніи, либо же прямо является замаскированнымъ уходомъ его изъ школы, практикуемымъ учебнымъ начальствомъ по соглашенію съ родителями ученика, чтобы не закрывать ему возможности дальнѣйшаго образованія. Во всякомъ случаѣ передъ нами остается тотъ фактъ, что значительное количество учениковъ не доходитъ благополучно до конца гимназическаго курса. И это наблюденіе находитъ себѣ новое и яркое подтвержденіе въ другомъ косвенномъ указаніи отчета. Сравнивая число учениковъ въ различныхъ классахъ за отчетный годъ, мы видимъ, что, тогда какъ въ низшихъ классахъ это число довольно значительно—въ приготовительномъ—44 ученика, въ первомъ даже 50,—въ послѣдующихъ оно неуклонно и быстро падаетъ и въ восьмомъ классѣ мы находимъ лишь 9 учениковъ. Это обстоятельство нельзя объяснить дѣйствіемъ причины, лежащей внѣ школы,—ростомъ потребности населенія въ образованіи, вызывающемъ усиленный приливъ учениковъ въ младшіе классы. Такой ростъ, несомнѣнно, существуетъ, но его вліяніе въ значительной мѣрѣ парализуется самою школой, не всѣхъ, въ нее стремящихся, впускающей въ свои двери; по словамъ того же отчета, „число поступающихъ въ гимназію ежегодно *не значительно* увеличивается" **). Стало быть, объясненія указаннаго явленія надо искать во внутреннемъ строѣ самой школы. Девять учениковъ, добравшіеся до восьмаго класса, несомнѣнно, должны были немало своихъ товарищей растерять на дорогѣ, особенно при пе-

*) Тамже, с. 43.
**) Тамже, с. 42—3 и 45.

реходахъ изъ одного класса въ другой; въ свою очередь, въ составъ этихъ девяти, конечно, вошли и подобранные на трудной дорогѣ отъ приготовительнаго класса къ восьмому второгодники. Принимая во вниманіе оба эти обстоятельства, мы должны будемъ заключить, что едва-ли и 1/10 учениковъ проходитъ классическую гимназію благополучно и безъ задержекъ, громадное же большинство либо задерживается на пути, либо вовсе не оканчиваетъ учебнаго курса. Маріупольская гимназія не составляетъ въ этомъ отношеніи какого-либо рѣзкаго исключенія. Намъ извѣстна гимназія, въ которой изъ 40 учениковъ перваго класса доходилъ безъ задержекъ до „аттестата зрѣлости" лишь одинъ, иначе говоря, только 2½% воспитанниковъ гимназіи нормально оканчивали ея курсъ. И мы настолько присмотрѣлись къ подобнымъ фактамъ, что они почти никого уже и не поражаютъ собою. Между тѣмъ, при надлежащемъ вниманіи къ нимъ, они ставятъ передъ нами совершенно опредѣленный выводъ. При все возрастающемъ стремленіи населенія къ образованію существующая постановка средняго образованія въ классической гимназіи такова, что учебный курсъ оказывается либо ненужнымъ, либо непосильнымъ для значительнаго количества учащихся. Осаждаемая стремящимися къ образованію дѣтьми и юношами, средняя классическая школа не только скупо впускаетъ ихъ къ себѣ, но и изъ впущенныхъ больше выбрасываетъ за свои стѣны, нежели выпускаетъ окончившими курсъ. Она является не столько наставницей, сколько своего рода ситомъ для учащейся молодежи, черезъ которое проходитъ, тѣмъ самымъ получая право на дальнѣйшее образованіе, лишь малая часть этой молодежи. Быть можетъ, однако, школа такъ плохо входитъ въ жизнь въ силу своей идеальной высоты, въ силу черезчуръ приподнятаго, сравнительно съ окружающей ее средой, уровня своихъ образовательныхъ стремленій?

До сихъ поръ у насъ шла рѣчь о признакахъ чисто внѣшняго характера. Отчетъ маріупольской гимназіи даетъ, по крайней мѣрѣ, одно указаніе, позволяющее заглянуть въ дѣло школьнаго преподаванія нѣсколько глубже и оцѣнить его съ иной точки зрѣнія,—именно, со стороны достигаемаго имъ внутренняго развитія учащихся. Это—свѣдѣнія о пользованіи учениковъ библіотекой. Гимназія, прежде всего, образовательное заведеніе. Насколько же она развиваетъ въ своихъ ученикахъ общеніе съ тѣмъ книжнымъ міромъ, изъ котораго современнный человѣкъ почерпаетъ и свои знанія, и свои руководящія идеи? Но прежде, чѣмъ отвѣчать на этотъ вопросъ, надо сказать о внѣшнихъ условіяхъ такого общенія, установленныхъ въ нашей школѣ. Было время, — лѣтъ двадцать, и даже менѣе тому назадъ, — когда въ гимназіяхъ существовала одна такъ называемая фундаментальная библіотека, которою пользовались всѣ

ученики подъ надзоромъ завѣдывавшаго ею учителя. Позже отъ нея была отдѣлена собственно ученическая библіотека, а фундаментальная оставлена для учителей, ученики же могли получать изъ нея книги лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, по специальному разрѣшенію. Еще позже — и съ этимъ порядкомъ мы уже имѣемъ дѣло въ цитируемомъ отчетѣ — ученическая библіотека была разбита на три отдѣленія: для учениковъ младшихъ, среднихъ и старшихъ классовъ. Съ педагогической точки зрѣнія такой порядокъ въ пользованіи книгами, замѣняющій разумное руководительство личностью отдѣльнаго ученика огульными предписаніями и запретами, едва ли выдерживаетъ серьезную критику. Книгъ, безусловно вредныхъ, вообще немного и еще меньше ихъ въ гимназическихъ библіотекахъ. Конечно, изъ пользованія учениковъ должны быть исключены книги, способныя развратить молодой умъ и неразвитое чувство, но не нужно забывать, что и въ этомъ крайнемъ случаѣ одни запрещенія немного помогутъ. Стоитъ припомнить, что гимназисты-классики нерѣдко всего легче и свободнѣе переводятъ именно тѣ мѣста древнихъ авторовъ, которыя не читаются имъ учителями. Затѣмъ есть книги, доступныя для юношей и недоступныя для дѣтей; послѣднія обыкновенно и сами не берутъ ихъ для чтенія. Но еще больше, пожалуй, книгъ, которыя равно могутъ быть прочитаны и ребенкомъ, и юношей, тому и другому принося пользу и наслажденіе, хотя бы и въ различной мѣрѣ, въ зависимости отъ различнаго пониманія ими содержанія прочитаннаго. Великихъ поэтовъ и мыслителей, и даже просто любимыхъ своихъ авторовъ мы перечитываемъ всю жизнь, каждый разъ открывая въ нихъ новыя и новыя стороны. Въ наиболѣе рѣзкой формѣ нѣчто подобное можно наблюдать въ отношеніи къ книгѣ ребенка, еще только втягивающагося въ міръ, открываемый чтеніемъ, и юноши, передъ которымъ уже занялась заря вполнѣ сознательной жизни. Весьма многія классическія произведенія поэзіи и беллетристики, многія историческія и географическія книги окажутся равно завлекательными и—въ извѣстномъ смыслѣ—равно понятными и для мальчика, и для юноши, хотя каждый изъ послѣднихъ пойметъ въ нихъ лишь то, что доступно его возрасту и развитію. Надо, наконецъ, принять во вниманіе и то, что школьное дѣленіе по классамъ опредѣляетъ—и то въ грубыхъ чертахъ—лишь уровень познаній учениковъ, но не уровень ихъ развитія. Иной 12-лѣтній мальчикъ выше по развитію своего 15-лѣтняго товарища, стоящаго старше его по классу. Не рѣдкость съ другой стороны и то, что между двумя товарищами по классу есть два-три года разницы, отражающіеся и бо́льшимъ развитіемъ старшаго изъ нихъ. Всего этого не принимаютъ и не могутъ принимать во вниманіе каталоги Ученаго Комитета, устанавливающіе три указанные типа ученическихъ библіотекъ. Но стрижка подъ одну линію дѣтскихъ

умовъ производится не такъ легко и не съ такими безобидными послѣдствіями, какъ стрижка садовыхъ деревьевъ, и порядокъ, вводящій мертвыя, неподвижныя грани туда, гдѣ онѣ менѣе всего, пожалуй, умѣстны,—въ пользованіе книгами, неизбѣжно повліяетъ на характеръ такого пользованія. Само собой, въ послѣднемъ отражается не одинъ лишь этотъ порядокъ, но и весь строй школы, вся ея образовательная тенденція. И вотъ какія свѣдѣнія на этотъ счетъ сообщаетъ маріупольскій отчетъ мужской гимназіи. Въ приготовительномъ классѣ бравшихъ книги изъ библіотеки учениковъ было въ первомъ полугодіи 93% общаго числа, во второмъ—100%; въ младшемъ возрастѣ — 74,5% и 88%, въ среднемъ возрастѣ—57% и 76,6% и въ старшемъ возрастѣ—82,7% и 96%. Въ годъ на каждаго читавшаго ученика въ среднемъ приходилось прочитанныхъ книгъ: въ приготовительномъ классѣ — 27,8, въ младшихъ—10,5, въ среднихъ—8 и въ старшихъ—6,8 *). Школа, слѣдовательно, не только не развила интереса къ чтенію, но еще ослабила его и ученикъ VIII класса читалъ рѣже и, принимая въ соображеніе ихъ сравнительныя силы, приблизительно раза въ четыре меньше, нежели ученикъ приготовительнаго класса. Небезъинтересно сравнить эти свѣдѣнія съ подобными же свѣдѣніями въ отчетѣ женской гимназіи. Въ послѣдней за ничтожными исключеніями читали почти всѣ ученицы и на каждую изъ нихъ въ среднемъ приходилось въ годъ: въ младшихъ классахъ—13, въ среднихъ—10,6 и въ старшихъ—10 книгъ**). Печальная привилегія—понижать интересъ ученика къ книгѣ по мѣрѣ приближенія его къ концу учебнаго курса—оказывается такимъ образомъ принадлежащей по преимуществу мужской школѣ. Будемъ ли мы затѣмъ искать корней ея въ библіотечныхъ порядкахъ или,— что было бы справедливѣе, какъ доказываетъ отчасти и приведенное сравненіе,—въ общей постановкѣ учебнаго дѣла, намъ во всякомъ случаѣ придется констатировать то грустное явленіе, что современная школьная жизнь, поскольку она отразилась въ этихъ фактахъ, не благопріятствуетъ развитію умственной самодѣятельности учащихся. Школа, очевидно, не только не расширяетъ въ этомъ случаѣ интересовъ своихъ питомцевъ, но въ извѣстной мѣрѣ требуетъ даже ихъ съуженія ради приспособленія къ своимъ порядкамъ.

Перейдемъ въ другую область. Маріупольская гимназія, какъ и всѣ другія, ставитъ своею задачей по отношенію къ обучающемуся въ ней юношеству не только образованіе, но и воспитаніе его. Директоръ ея склоненъ смотрѣть и на эту область дѣятельности управляемаго имъ заведенія съ бодрымъ оптимизмомъ. По словамъ г. Тимошевскаго, въ гимна-

*) Тамже, с. 69—71.
**) Отчетъ женской гимназіи, с. 8.

зіи можно констатировать „значительное улучшеніе поведенія“, какъ „результатъ мѣръ, указанныхъ высшимъ начальствомъ, и дѣятельности педагогической корпораціи“. Мы прослѣдимъ здѣсь исключительно послѣднюю, поскольку она обрисовывается въ отчетѣ. Прежде всего, по его сообщенію, воспитанію придавался церковный и патріотическій характеръ. „Первенствующее значеніе въ воспитаніи, — говорится въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ отчета, — конечно, имѣетъ церковь. Общее направленіе заключается въ томъ, чтобы ученики не относились къ церкви формально, а смотрѣли бы на нее, какъ на такое учрежденіе, которое имъ же принадлежитъ и составляетъ необходимость въ ихъ жизни,—какъ на мѣсто, откуда они получаютъ руководящія начала для своей жизни“. Не совсѣмъ грамотная фраза отчета нѣсколько затемняетъ въ этомъ случаѣ мысль его составителя, но послѣдняя уясняется изъ дальнѣйшаго. Оказывается, поставленная цѣль достигается тѣмъ, что изъ гимназистовъ составленъ церковный хоръ, „группа чтецовъ“ и группа прислужниковъ въ гимназической церкви, что въ послѣдней вмѣстѣ говѣютъ ученики и учителя гимназіи и т. п. Во всемъ этомъ нѣтъ ничего необычайнаго, все это практикуется почти во всѣхъ нашихъ гимназіяхъ и дѣло, кажется, лишь въ томъ, что авторъ отчета смѣшалъ церковь, какъ общество вѣрующихъ, тенденціи котораго могутъ полагаться и не полагаться во главу угла воспитанія, въ зависимости отъ общаго его плана, съ церковью-храмомъ, который можетъ принадлежать гимназистамъ, но не можетъ, конечно, имѣть „первенствующаго значенія въ воспитаніи“. „Патріотическое воспитаніе“ достигается участіемъ гимназистовъ въ высокоторжественные дни въ торжественныхъ церковныхъ богослуженіяхъ и парадахъ и рѣчами директора, произносимыми въ потребныхъ случаяхъ передъ гимназистами *). Слѣдующею мѣрою нравственнаго воспитанія учащихся являлись литературные, музыкальные и танцовальные вечера, которымъ руководитель маріупольской гимназіи придаетъ весьма большое значеніе. Насколько опредѣленны въ этомъ отношеніи его взгляды, можно видѣть изъ напечатаннаго имъ самимъ въ отчетѣ письма его къ одному изъ учредителей танцовальнаго вечера въ гимназіи. Вотъ это письмо: „М. Г. Устройствомъ танцовальнаго вечера 13-го текущаго февраля учащимся во ввѣренныхъ мнѣ гимназіяхъ вы, во-первыхъ, способствовали гимназіи къ достиженію возможно большаго единенія между школой и обществомъ, а, во-вторыхъ, поощрили учениковъ къ дальнѣйшему усовершенствованію и научному, и нравственному, и развитію въ нихъ истиннаго самоуваженія, — и то и другое и трудно, и въ высшей степени для заведенія

*) Отчетъ мужской гимназіи, сс. 84, 57, 58—9.

важно“ *). Мы отнюдь не рѣшимся, конечно, усомниться въ пользѣ такихъ вечеровъ, засвидѣтельствованной къ тому же и мѣстнымъ земствомъ, но, признаемся, очень хотѣли бы посмотрѣть на маріупольскихъ гимназистовъ и гимназистокъ, которые, танцуя, вырабатываютъ истинное самоуваженіе и въ вихрѣ вальса или въ чинной кадрили совершенствуются въ наукѣ и нравственности. Пожалуй, смѣшивать два эти ремесла только на первый взглядъ легко и пріятно, а на дѣлѣ очень трудно. Нравственное воздѣйствіе на учащихся оказывалось, далѣе, путемъ единенія съ ними учителей, которое, впрочемъ, было связано все съ тѣми же вечерами, соединявшими, какъ мы только что видѣли, школу и съ обществомъ. Мѣрою воздѣйствія на учениковъ служило, говоритъ по этому поводу отчетъ, „не формальное, а сердечное близкое единеніе воспитующихъ и воспитуемыхъ. Прекраснымъ примѣромъ можетъ служить музыкальный вечеръ 14 ноября, гдѣ исполнителями были и воспитывающіе, и воспитываемые“ **). Единеніе школы съ обществомъ и учащихъ съ учениками, достигаемое исключительно при помощи подобныхъ вечеровъ, повидимому, не пріобрѣло однако большой прочности и во всякомъ случаѣ не избавило гимназію отъ шаблонныхъ пріемовъ въ видѣ наградъ и наказаній за поведеніе. Первыя давались какъ въ формѣ наградъ за успѣхи въ наукахъ, причемъ такія награды были получены 11,7% всего числа учениковъ, такъ и въ формѣ освобожденія отъ платы, доставшагося на долю 25,4% учениковъ, разрѣшенія репетиторства и наградъ за успѣхи въ искусствахъ. Наказанія были примѣнены за годъ въ 225 случаяхъ, причемъ въ низшихъ классахъ на одного ученика приходилось 0,5 случавъ наказанія, а въ высшихъ—1,4. „На одного христіанина,—прибавляетъ отчетъ,—приходится 0,5 наказанія и на одного еврея—1,7“. Поведеніе учениковъ, судя по этому, ухудшается по мѣрѣ того, какъ они становятся старше и ближе знакомятся съ гимназіей, такъ что въ старшихъ классахъ ученикъ уже втрое чаще заслуживаетъ наказанія, чѣмъ въ младшихъ,—фактъ, какъ будто и не совсѣмъ оправдывающій оптимизмъ г. Тимошевскаго. Любопытно отмѣтить также, что ученикъ-еврей навлекаетъ на себя втрое болѣе наказаній, чѣмъ его товарищъ-христіанинъ. Очевидно, еврейская религія серьезно противодѣйствуетъ и успѣшнымъ занятіямъ, и хорошему поведенію ученика. Самыя наказанія, практикуемыя гимназіей, заключались въ задержаніи провинившихся учениковъ на нѣкоторое время въ гимназическомъ зданіи, а въ одномъ случаѣ примѣнено было увольненіе изъ гимназіи. Сверхъ всего этого, какъ и вообще въ гимназіяхъ, ученикамъ выставлялись отмѣтки за поведеніе. „При оцѣнкѣ поведенія — сообщаетъ объ этомъ отчетъ—въ со-

*) Тамже, с. 30—1.
**) Тамже, с. 80.

вѣтѣ принимаются во вниманіе не только сдѣланные ученикомъ проступки, но обращается вниманіе на его религіозно-нравственное направленіе, отношеніе его къ родителямъ, воспитателямъ, товарищамъ, прислугѣ и даже животнымъ, благовоспитанность, внѣшнюю опрятность и проч.“ *). Отчетъ не говоритъ, какъ именно примѣнялась эта туманная и растяжимая мѣрка, опасная по своей растяжимости, и остается предполагать, что она по счастью не находила себѣ широкаго практическаго примѣненія. Въ концѣ же концовъ, если исключить изъ счета парады, директорскія рѣчи и разнообразные вечера, окажется, что маріупольская гимназія въ сферѣ нравственнаго воздѣйствія на учениковъ вращалась въ старинномъ порочномъ кругѣ наградъ, наказаній и отмѣтокъ за поведеніе. Весьма возможно, что другія гимназіи примѣняютъ для достиженія той же цѣли и иныя, болѣе раціональныя мѣры, но, къ сожалѣнію, объ нихъ ничего неизвѣстно въ печати. Думается, однако, что общій типъ отношеній средней школы къ ученику на почвѣ воспитанія безъ большой ошибки можетъ быть признанъ довольно близкимъ къ тому, какой обрисованъ въ маріупольскомъ отчетѣ.

Таковы важнѣйшія свѣдѣнія о положеніи учениковъ, какія можно извлечь изъ этого отчета. При всей ихъ краткости и неполнотѣ они все же позволяютъ придти къ нѣкоторымъ небезъинтереснымъ заключеніямъ. Школа, какъ она очерчена приведенными указаніями, менѣе всего является передъ нами въ видѣ живого союза учащихъ и учащихся, объединенныхъ энергичной и плодотворной умственной работой, союза, успѣшно подготовляющаго молодыя поколѣнія къ самостоятельному труду. Напротивъ подъ внѣшнимъ лоскомъ, сообщаемымъ порою школьной жизни, скрывается во всякомъ случаѣ серьезная болѣзнь. Характерными чертами этой жизни служатъ въ сферѣ преподаванія—неуклонное слѣдованіе учителя установленнымъ образцамъ, сопровождаемое непосильнымъ трудомъ ученика, мало однако развивающимъ послѣдняго и часто не дающимъ ему даже возможности усвоить сообщаемыя ему знанія, въ сферѣ воспитанія—господство шаблонныхъ, чисто механическихъ пріемовъ воздѣйствія на нравственную природу ученика. И та, и другая черта могутъ зависѣть и отъ личнаго состава педагогическаго персонала школы, и отъ того общаго положенія, въ которое поставленъ этотъ персоналъ. Какъ всегда и вездѣ бываетъ, это общее положеніе оказываетъ извѣстное—и не малое—вліяніе и на самый личный составъ, производя своего рода искусственный подборъ въ средѣ педагогической корпораціи. По вопросу объ этомъ положеніи педагоговъ въ школѣ отчетъ маріупольской гимназіи даетъ нѣкоторыя цѣнныя указанія. На четырехъ страницахъ перечи-

*) Тамже, сс. 78—9, 82, 83—4.

сляетъ онъ всѣ дѣла, разрѣшавшіяся втеченіе года въ педагогическомъ совѣтѣ гимназіи, и во всемъ этомъ длинномъ перечнѣ нѣтъ ничего, кромѣ вопросовъ, касающихся техники учебнаго дѣла, какъ постановка балловъ ученикамъ, составленіе росписанія экзаменовъ, присужденіе наградъ и т. д.; если же совѣтъ и обсуждалъ порою вопросы о нѣкоторыхъ мелкихъ измѣненіяхъ въ самой постановкѣ учебнаго дѣла, какъ измѣненіе порядка экзаменовъ или сокращеніе урока съ 55 до 50 минутъ, то дѣлалъ онъ это лишь по предложенію попечителя учебнаго округа. Почти совершенно такой же характеръ имѣла и дѣятельность педагогическаго совѣта женской гимназіи *). Подобный характеръ совѣтскихъ засѣданій, конечно, не былъ случайностью. Дѣло въ томъ, что въ нашей средней школѣ учитель поставленъ въ положеніе простого исполнителя учебныхъ плановъ, не имъ составленныхъ и не имъ измѣняемыхъ. При этомъ контроль надъ его дѣятельностью принадлежитъ не педагогической корпораціи, а единоличной власти директора, который сообщаетъ свои замѣчанія объ немъ непосредственно попечителю, не доводя ихъ даже до свѣдѣнія педагогическаго совѣта. Благодаря послѣднему обстоятельству, работа совѣта, даже въ предоставленной его вѣдѣнію области текущихъ дѣлъ учебнаго заведенія, не можетъ отличаться достаточною и совершенно необходимою самостоятельностью. Къ тому же въ рукахъ директора находится еще одно право—назначать, съ разрѣшенія попечителя, единовременныя пособія преподавателямъ — право, весьма важное при тощемъ бюджетѣ учителя средней школы. Какъ видно изъ отчета, въ маріупольской гимназіи за годъ изъ 17 лицъ преподавательскаго персонала такія пособія, въ размѣрѣ отъ 50 до 200 р., были получены 8 учителями. Общее количество выданныхъ такимъ образомъ единовременныхъ пособій составило 5,5% всей суммы учительскаго вознагражденія, а въ бюджетѣ отдѣльныхъ лицъ они играли и гораздо болѣе видную роль **). Все это условія, очень мало благопріятствующія живому отношенію учителя къ своему дѣлу. Поставленная подъ слишкомъ бдительный и мелочной контроль, не дающая ни простора личной иниціативы, ни гарантій корпоративной работы, педагогическая дѣятельность въ средней школѣ естественно вырождается въ мертвенный формализмъ. Естественно также и то, что болѣе живые и энергичные элементы, попадающіе въ педагогическую среду, либо болѣе или менѣе быстро исчезаютъ изъ нея, либо, оставаясь въ ней, не находятъ достаточ-

*) Тамже, сс. 36—9; отчетъ женской гимназіи, с. 29—30.

**) Тамже, с. 31. Слѣдуетъ прибавить, что и внѣ школы учитель остается связаннымъ своимъ положеніемъ, и притомъ гораздо болѣе, нежели это практикуется по отношенію ко всякому другому служащему лицу.

наго приложенія для своихъ силъ и, за рѣдкими исключеніями, понемногу опускаются до общаго уровня.

Въ женскихъ гимназіяхъ, кромѣ педагогическихъ совѣтовъ, существуютъ еще такъ называемые попечительные совѣты. Сфера ихъ компетенціи значительно шире въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и, напримѣръ, совѣтъ маріупольской женской гимназіи, какъ видно изъ ея отчета, втеченіе года обсуждалъ нѣсколько интересныхъ вопросовъ, между прочимъ и вопросъ о „желательныхъ измѣненіяхъ Положенія о женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ". Что именно желалъ совѣтъ измѣнить въ Положеніи,—объ этомъ въ отчетѣ не говорится. Но изъ него мы узнаемъ также, что въ ряду другихъ своихъ дѣлъ попечительный совѣтъ разсматривалъ и „вопросъ о желательности ограниченія числа ученицъ іудейскаго исповѣданія 10 или 20%" причемъ отчетъ, къ сожалѣнію, опять умалчиваетъ о постановленномъ совѣтомъ рѣшеніи *). Уже въ третій разъ такимъ образомъ отчеты маріупольскихъ гимназій приводятъ насъ къ вопросу о положеніи евреевъ въ средней школѣ. Здѣсь не мѣсто обсуждать этотъ вопросъ съ точки зрѣнія обще-государственныхъ интересовъ или правъ еврейскаго населенія въ государствѣ, но не лишнимъ будетъ, пожалуй, указать кое-какія чисто педагогическія соображенія, съ которыми также не мѣшаетъ считаться, разъ рѣчь идетъ о школѣ. Въ Маріуполѣ могутъ быть спеціальныя причины для обсужденія названнаго вопроса. Въ прошломъ году читатели „Русскаго Богатства" могли познакомиться изъ его хроники съ любопытнымъ инцидентомъ, разыгравшимся въ этомъ городѣ. Директоръ гимназіи, г. Тимошевскій, внесъ въ мѣстную думу предложеніе измѣнить назначеніе стипендій, устроенныхъ городомъ въ гимназіи для учениковъ всѣхъ исповѣданій, и обратить ихъ на нужды исключительно православныхъ учениковъ, но дума отвергла это предложеніе **). Весьма возможно, что и указываемая отчетомъ худшая подготовка еврейскихъ мальчиковъ къ школѣ, и болѣе частыя наказанія ихъ въ послѣдней сравнительно съ христіанами, и необходимость для попечительнаго совѣта женской гимназіи разсуждать о желательности сокращенія числа евреекъ въ стѣнахъ гимназіи стоятъ въ извѣстной связи съ этою тенденціей г. Тимошевскаго. Но мѣстная окраска факта не должна все же заслонять отъ насъ общаго, принципіальнаго значенія, несомнѣнно, ему присущаго. Совершенно независимо отъ взглядовъ отдѣльныхъ дѣятелей школы, въ ней существуетъ группа учениковъ, поставленныхъ въ неравноправное положеніе съ другими уже при самомъ входѣ въ двери учебнаго заведенія. Удивительно ли, что эта неравно-

---

*) Отчетъ женской гимназіи, с. 31.

**) „Русское Богатство", 1899, № 3, Хроника внутренней жизни, с. 184—5.

правность даетъ себя чувствовать и въ дальнѣйшемъ ходѣ школьной жизни? Къ чести нашихъ педагоговъ надо сказать, что среди нихъ въ настоящее время, повидимому, немного еще людей, рѣшающихся, подобно г. Тимошевскому, вводить вѣроисповѣдную и національную политику во внутреннюю жизнь школы. Но уже одинъ фактъ присутствія въ школѣ неравноправныхъ съ другими учениковъ, выдѣленныхъ въ особую группу, неизбѣжно долженъ такъ или иначе отразиться въ сознаніи ихъ товарищей. И кто возьмется исчислить возможные плоды ядовитыхъ сѣмянъ расовой и религіозной нетерпимости, забрасываемыхъ такимъ путемъ въ дѣтскую душу, равно способную отозваться на добро и жестокость? Возможно и то, что правильно поставленная школа сама заглушитъ эти посѣвы, не давъ имъ взойти. Но, какъ мы видимъ, не всегда такъ бываетъ, а еслибы даже и всегда такъ было, то сколько же понадобится напрасной траты силъ, сколько лишнихъ усилій для сложнаго рѣшенія задачи, которая могла бы быть разрѣшена несравненно болѣе простымъ и болѣе достойнымъ школы способомъ.

Возвращаясь еще на минуту къ учителямъ средней школы, нельзя не признать, что въ тѣхъ, подчасъ весьма ожесточенныхъ, нападкахъ на нихъ, какія все чаще слышатся въ обществѣ, заключается много горькой истины. Тѣмъ не менѣе не слѣдуетъ забывать и того, что настоящими хозяевами и руководителями школы являются не учителя, а учебное начальство. Первую ступень его представляетъ собою директоръ, педагогическіе взгляды и пріемы котораго играютъ поэтому въ жизни гимназіи весьма важную роль. Съ педагогическими воззрѣніями г. Тимошевскаго мы имѣли уже возможность нѣсколько познакомиться въ предъидущемъ изложеніи и теперь намъ остается лишь добавить къ нему еще кой-какія указанія, даваемыя на этотъ счетъ цитированными отчетами. Г. Тимошевскій, конечно, рьяный защитникъ классическаго образованія и послѣдователь взглядовъ гр. Д. А. Толстого, преклоненіе передъ памятью котораго онъ доводитъ до полнаго отрицанія своей личности. Установленная гр. Д. А. Толстымъ система образованія, по словамъ г. Тимошевскаго въ его рѣчи къ гимназистамъ, „выше нашего пониманія". Всѣ нападенія на эту систему лишь плодъ злостной интриги. „Значеніе дѣятельности — современника и послѣдователя по направленію графа Муравьева Виленскаго—графа Толстого врагами русскихъ было понято,—не могли интриговать противъ открытія учебныхъ заведеній, напали на классическую систему, достигли увольненія графа въ отставку, произвели смуту въ обществѣ, — она продолжается и до сихъ поръ" *). Не усматривая такимъ образомъ никакой надобности въ основной реформѣ классическихъ гимназій,

*) Отчетъ мужской маріупольской гимназіи, сс. 60, 62.

г. Тимошевскій настаиваетъ однако на нѣкоторыхъ частныхъ измѣненіяхъ гимназическаго строя. Слѣдуетъ, по его мнѣнію, измѣнить порядокъ и размѣръ матеріальнаго вознагражденія преподавателей, равно какъ поднять ихъ „приниженное общественное положеніе“, причемъ послѣднее можетъ быть достигнуто лишь заботами высшаго учебнаго и губернскаго начальства. Слѣдуетъ также измѣнить порядокъ, по которому окончившіе гимназію поступаютъ въ университетъ безъ экзамена, такъ какъ „это величайшее право гимназіи служитъ однимъ изъ величайшихъ источниковъ нерасположенія общества къ гимназіи, — всѣ средства,—клеветы, доносы и пр.—хороши, лишь бы сынъ получилъ искомое право поступленія въ университетъ“. Въ ряду другихъ частныхъ мѣръ, предлагаемыхъ маріупольскимъ директоромъ, заслуживаетъ вниманія одна безусловно свѣтлая его мысль. „Гимназическіе отчеты—говоритъ онъ—обязательно должны печататься и, по возможности, подробные,—родители будутъ знакомиться не по слухамъ, а по дѣйствительнымъ фактамъ съ жизнью заведенія—это, несомнѣнно, полезно, а, во вторыхъ, каждое заведеніе практикуетъ какую-нибудь изъ такихъ учебныхъ или воспитательныхъ мѣръ, которую могли бы перенять и другіе“ *).

Гораздо радикальнѣе взгляды г. Тимошевскаго на существующій порядокъ женскаго образованія, который онъ хотѣлъ бы подвергнуть коренной передѣлкѣ. „Положеніе о женскихъ гимназіяхъ—говоритъ онъ—составлено въ 70-хъ годахъ, т. е. во время полнаго господства вопроса о „женской эмансипаціи“. Тогда въ ходу былъ вопросъ объ уравненіи служебныхъ и общественныхъ правъ женщинъ съ мужчинами. Къ этому должны были подготовить гимназіи и потому женскому образоваиію дано мужское направленіе: онѣ есть не совсѣмъ удачная копія съ мужскихъ, съ небольшою женскою окраскою въ видѣ рукодѣлія, которое только въ послѣднее время пріобрѣло кое-какое право гражданства“. Но „такое одностороннее направленіе женскихъ гимназій не оправдалось жизнью: высшихъ учебныхъ заведеній, куда гимназіи служили бы подготовленіемъ, за исключеніемъ медицинскихъ курсовъ, нѣтъ (?), учительскихъ женскихъ мѣстъ какъ въ гимназіяхъ, такъ и въ народныхъ училищахъ мало, а требованій женскаго труда по другимъ профессіямъ еще меньше. Основной центръ для женской дѣятельности остается старый — семья, все-же остальное имѣетъ характеръ случайности. Слѣдовательио, и образованіе должно быть направлено главнымъ образомъ къ приготовленію матери и устроительницы дома, и затѣмъ уже учебное заведеніе должно дать возможность для болѣе способныхъ къ дальнѣйшему занятію науками и для приготовленія къ учительской и частной службѣ“. Для достиженія этой цѣли г. Тимошевскій считалъ по-

*) Тамъ же, приложенія, сс. 21—5, 17, 19—20.

лезнымъ сильно сократить гимназическій курсъ, исключивъ изъ него, между прочимъ, алгебру и математическую географію, какъ „предметы, очень трудные для женщины вообще и врядъ-ли необходимые для общаго женскаго образованія и женской практики въ частности“. Съ другой стороны онъ полагалъ необходимымъ сдѣлать обязательными для учепицъ уроки танцевъ, рисованія, пѣнія и „музыкѣ на скрипкѣ“. Въ доказательство этой необходимости онъ ссылался на „чрезвычайно важное воспитательное значеніе искусствъ въ мужскихъ гимназіяхъ,—достаточно указать на ихъ роль въ исправленіи гимназій въ царствованіе имп. Александра III“. „Въ женскихъ гимназіяхъ они, по словамъ г. Тимошевскаго, имѣютъ еще больше значенія, но, къ сожалѣнію, прививаются очень туго. Почти повсемѣстно жалуются на то, что ученицы ведутъ себя хуже, чѣмъ мальчики. Въ числѣ прочихъ причинъ не малую роль играетъ и плохая постановка искусствъ“. Равнымъ образомъ и порядокъ управленія женскими гимназіями г. Тимошевскій желалъ-бы видѣть значительно исправленнымъ. Начальница гимназіи, по его мнѣнію, должна быть непремѣнно православною и право представленія кандидатокъ на эту должность должно принадлежать не только попечительному совѣту гимназіи, какъ это практикуется теперь, но и мѣстному учебному начальству по его усмотрѣнію. Вообще права попечительныхъ совѣтовъ представляются г. Тимошевскому черезчуръ большими и подлежащими ограниченію даже съ принципіальной точки зрѣнія. „Безконтрольныя дѣйствія попечительныхъ совѣтовъ и предоставленныя имъ громадныя права,—замѣчаетъ онъ,— несомнѣнно, вліяніе того времени, которое создало безконтрольныя земскія и городскія общества въ ущербъ государственнымъ властямъ“. Съ нѣкоторымъ ужасомъ вспоминая о томъ, что были случаи, когда „попечительные совѣты обсуждали дѣйствія членовъ и даже предсѣдателей педагогическаго совѣта“, г. Тимошевскій предлагалъ строго ограничить кругъ ихъ дѣятельности „только изысканіемъ способовъ къ матеріальному процвѣтанію учебныхъ заведеній“. За то онъ предлагалъ установить такой порядокъ, чтобы „члены попечительнаго совѣта или по крайней мѣрѣ одинъ изъ нихъ присутствовалъ на экзаменахъ если не во всѣхъ классахъ, то хоть въ послѣднемъ выпускномъ безъ права, конечно, голоса,—это сблизитъ гимназію съ обществомъ и избавитъ ее отъ многихъ нелѣпыхъ пререканій“. Докладъ г. Тимошевскаго, заключавшій въ себѣ всѣ эти мнѣнія и проекты, былъ внесенъ имъ въ педагогическій совѣтъ женской гимназіи и затѣмъ представленъ послѣднимъ попечителю учебнаго округа *).

Долговременный педагогическій опытъ привелъ такимъ образомъ г. Тимошевскаго лишь къ слѣдующимъ общимъ заключе-

*) Отчетъ женской гимназіи, приложенія сс. 1—2, 3, 4, 17, 16, 21—2, 32.

ніямъ: въ мужскихъ гимназіяхъ учебное дѣло поставлено въ общемъ вполнѣ правильно, въ женскихъ же слѣдуетъ сильно сократить учебный курсъ и выдвинуть на первый планъ преподаваніе искусствъ, ограничивъ одновременно съ этимъ участіе общественнаго элемента въ контролированіи жизни учебныхъ заведеній. Мы не думаемъ, чтобы такія мнѣнія безусловно раздѣлялись даже большинствомъ директоровъ нашихъ учебныхъ заведеній, но въ средѣ маріупольскихъ педагоговъ они не встрѣтили, повидимому, никакихъ возраженій. И это обстоятельство приводитъ насъ къ вопросу, насколько мѣстныя совѣщанія педагоговъ, происходившія за послѣдніе мѣсяцы въ различныхъ городахъ Россіи, могли вскрыть реальные недостатки нашей средней школы и выяснить средства къ ихъ излеченію. Въ предыдущемъ изложеніи мы вовсе не разсчитывали дать читателю сколько-нибудь общую картину школьной жизни,—для такой картины прежде всего нѣтъ подходящихъ матеріаловъ и уже одно это условіе дѣлаетъ ее невозможной. Но на частномъ примѣрѣ, имѣющемъ лишь значеніе иллюстраціи, мы видѣли во всякомъ случаѣ, что въ этой жизни есть нѣкоторые недостатки, независящіе отъ учебныхъ программъ и плановъ и вмѣстѣ съ тѣмъ способные обезсилить дѣйствіе такихъ программъ, какъ бы онѣ ни были сами по себѣ удачны. Можно-ли надѣяться на то, что мѣры, предпринятыя до сихъ поръ для проведенія задуманной реформы средней школы, окажутся совершенно достаточными для того, чтобы выяснить всѣ подобные недостатки и устранить ихъ на будущее время?

Въ печати извѣстны двѣ мѣры, принятыя министерствомъ народнаго просвѣщенія для выясненія характера необходимой реформы средней школы,—созывъ въ Петербургѣ коммиссіи педагоговъ, составленной изъ представителей всѣхъ учебныхъ округовъ, и предшествовавшее открытію работъ этой коммиссіи устройство въ разныхъ провинціальныхъ городахъ совѣщаній педагоговъ съ родителями учениковъ. Созывая педагоговъ въ столицу, министерство просило попечителей „заблаговременно избрать 2—4 лицъ изъ числа наиболѣе опытныхъ, образованныхъ и даровитыхъ руководителей или преподавателей средней школы, стараясь по возможности, чтобы они явились выразителями потребностей обѣихъ общеобразовательныхъ русскихъ школъ (гимназіи и реальнаго училища) и разныхъ направленій, господствующихъ среди педагоговъ учебнаго округа“. Безъ сомнѣнія, работы подобной коммиссіи могутъ представить немалый интересъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ работы этихъ лицъ, выбранныхъ для ихъ миссіи непосредственнымъ ихъ начальствомъ, легко можетъ вкрасться и извѣстная односторонность, которая не позволитъ имъ отразить вполнѣ точно даже всѣ взгляды педагогической среды, тѣмъ болѣе, что въ послѣдней „разныхъ на-

правленій“ по существу не полагается. Въ виду этого многіе возлагали больше надеждъ на совѣщанія съ родителями, которыя, казалось, должны внести свѣжую струю въ обсужденіе наболѣвшаго школьнаго вопроса. Но и эти надежды значительно поблекли послѣ того какъ изъ появившихся въ газетахъ сообщеній выяснилось, что состоявшіяся совѣщанія отличались поразительнымъ однообразіемъ и почти не выходили за предѣлы вопросовъ о сокращеніи экзаменовъ и измѣненіи учебныхъ программъ, главнымъ образомъ въ смыслѣ ограниченія классицизма. Между тѣмъ въ извѣстной мѣрѣ такихъ результатовъ и надо было ожидать. Родители учениковъ, конечно, не меньше педагоговъ заинтересованы въ успѣхѣ школы и знаютъ, чего желать для своихъ дѣтей. Но, съ одной стороны, они недостаточно посвящены во внутренній строй школьной жизни, чтобы всегда имѣть возможность оцѣнить истинныя причины ея особенностей, а съ другой— они, въ лицѣ своихъ дѣтей, бываютъ связаны слишкомъ кровными интересами съ данной школой, чтобы черезчуръ громко говорить объ ея недостаткахъ. Яркій примѣръ подобнаго отношенія мы уже видѣли выше, въ томъ случаѣ, когда земское собраніе единогласно одобрило школу, по всей видимости, страдавшую довольно серьезными недостатками. Очевидно, для сближенія школы съ потребностями общества и семьи необходима болѣе широкая и устойчивая общественная организація, нежели та, какая имѣла мѣсто въ довольно случайно составленныхъ совѣщаніяхъ педагоговъ съ родителями. Въ этомъ смыслѣ нельзя не присоединиться къ высказанному въ нѣкоторыхъ земскихъ собраніяхъ пожеланію, чтобы къ участію въ работахъ петербургской коммиссіи были приглашены и представители земствъ.

В. Мякотинъ.

Изъ писемъ о голодѣ.

I. Изъ Самарскаго уѣзда.

Въ началѣ февраля прошлаго года земскій врачъ села Кошекъ Самарскаго уѣзда г. Байковъ получилъ заявленіе отъ сельскаго старосты д. Новой Тюгальбуги, что въ его обществѣ „люди начали *пухнуть* отъ недостатка пищи“ *).

*) Подробныя свѣдѣнія о появленіи цынги въ Тюгальбугахъ приведены въ статьѣ А. С. Пругавина: „Самарскій голодъ“, помѣщенной въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“, 1899 г. № 64.

Немедленно врачъ совмѣстно съ земскимъ начальникомъ Запѣсошнымъ произвелъ осмотръ больныхъ въ Новой и Старой Тюгальбугахъ и нашелъ тамъ 74 цынготныхъ и множество больныхъ съ неопредѣленными признаками недостаточнаго питанія — безсиліемъ, исхуданіемъ, малокровіемъ и т. д.

Села эти были объявлены неблагополучными; въ больныя семьи выданы цынготные пайки:—пшено, мука и лукъ, а земскій начальникъ возбудилъ ходатайство объ усиленіи земской ссуды Тюгальбугамъ.

Цынга, конечно, не прекратилась, такъ какъ средства для борьбы съ нею были слабыя.

Около половины февраля я пріѣхалъ въ село Степную Шенталу на мѣсто участковаго земскаго врача; къ моему участку принадлежали и Тюгальбуги. Зная, что въ этихъ селахъ цынга, и получая каждый день тревожныя вѣсти и заявленія о появленіи эпидеміи и въ другихъ татарскихъ селахъ участка, я рѣшилъ лично объѣхать эти села и провѣрить слухи. Первый визитъ сдѣланъ былъ мной въ Тюгальбуги. Цынга въ Тюгальбугахъ при моемъ посѣщеніи уже достигла почтенной цифры 210. 23-го я былъ въ старомъ Фейзулловѣ и тамъ зарегистрировалъ 54 цынготныхъ; 24-го въ Моисеевкѣ—19 цынготныхъ, Колмаюрѣ—23 цынготныхъ. Вмѣстѣ съ цынгою по всѣмъ этимъ селамъ найдена страшная нищета, *голодъ настоящій* со всѣми тяжелыми симптомами и спутниками.

Поднята тревога: 24 февраля я послалъ нарочнаго въ Самару съ заявленіемъ въ санитарное бюро о прогрессивномъ ростѣ цынги и крайне бѣдственномъ экономическомъ положеніи населенія. Благодаря этому заявленію, на Тюгальбуги обратили вниманіе. Земская управа прислала мнѣ фельдшерицу, средства далъ эпидемическій врачъ губернскаго земства Яблонскій.

Немедленно приступлено къ организаціи въ наиболѣе пораженныхъ центрахъ столовыхъ и больничекъ для цынготныхъ. Черезъ нѣсколько дней заработали въ Тюгальбугахъ 7 столовыхъ на 210 человѣкъ и 2 больнички, въ которыя положены 23 тяжело больные. Такъ начата въ моемъ участкѣ борьба съ цынгою; она и велась бы вѣроятно земскими силами, если бы дѣло помощи больнымъ и голоднымъ не взялъ вскорѣ на себя Красный Крестъ.

Цынга росла очень быстро, село за селомъ попадали въ цынготные списки. Стоило только врачу пріѣхать въ любое село участка и цынга находилась. А такъ какъ регистрація цынготныхъ велась въ участкѣ мною, зваленнымъ массой работы по организаціи и завѣдыванію столовыми, то и шла медленно. Цынга во многихъ селахъ по недѣлямъ ждала врача. Въ мартѣ мѣсяцѣ зарегистрировано еще 8 цынготныхъ селъ, а всего къ 1 апрѣля цынготныхъ зарегистрировано мною 704 человѣка

и отрядомъ Краснаго Креста, работавшимъ въ Тюгальбугахъ, около 150.

Слѣдовательно въ мартѣ вся Шенталинская волость, состоящая изъ 14 деревень, поражена была цынгою (за исключеніемъ д. Грачевки). Несмотря на то, что во всѣхъ этихъ селахъ Красный Крестъ устроилъ десятки своихъ столовыхъ для цынготныхъ и въ видахъ профилактическихъ для лицъ съ ослабленнымъ питаніемъ, — ростъ цынги не былъ остановленъ; въ апрѣлѣ цынга прогрессивно росла. Апрѣль представляетъ fastigium цынготной кривой, % выздоравливающихъ былъ ничтожный: — за два мѣсяца, мартъ и апрѣль, по 9 селамъ выздоровѣло 42 человѣка, за то записано за одинъ апрѣль 202 новыхъ цынготныхъ случая. Къ 1 мая всѣхъ цынготныхъ зарегистрировано мною 908. Съ 1 мая по 1 іюня вновь еще заболѣло по моему району 140 человѣкъ и затѣмъ цынга остановилась и пошла на убыль; послѣ 20 іюня у меня не наблюдалось ни одного свѣжаго заболѣванія. За апрѣль и май отрядомъ Краснаго Креста еще зарегистрировано около 150 человѣкъ.

Слѣдовательно *всѣхъ* цынготныхъ въ моемъ участкѣ зарегистрировано было врачемъ, студентами и фельдшерицами 1368 человѣкъ. Если взять общее число жителей въ Степной Шенталинской волости (12877) и общее число цынготныхъ (1368), то окажется, что поражено цингою было 10,65% всего населенія волости, а въ нѣкоторыхъ селахъ % цынготныхъ оказывается громаднымъ: 26—20%.

Что же за причина такого массоваго заболѣванія цынгою одновременно по всѣмъ 14 дер. Шенталинской волости?

Мы не знаемъ общихъ причинъ цынги; этіологія этой болѣзни до сихъ поръ не выяснена и темна; ни одна изъ теорій (калійная, заразная, почвенная), предложенныхъ къ выясненію сущности заболѣванія цынгою, не можетъ быть признана удовлетворительной. Бактерія цынги не найдена, заразительность не доказана. Я лично, имѣя тысячи больныхъ, не могъ убѣдиться въ заразительности цынги. Не зная сущности цынги, мы сравнительно хорошо знаемъ условія, при которыхъ она развивается. Опытъ многихъ лѣтъ учитъ, что цынга неизбѣжный спутникъ голодовокъ, войнъ, общественныхъ работъ, связанныхъ съ большимъ скопленіемъ людей; цынга развивается у лицъ, принимающихъ ограниченное количество пищи, въ особенности дурной, или абсолютно голодающихъ, лицъ живущихъ скученно, грязно, терпящихъ холодъ и всякія лишенія. Поэтому, если цынга и заразительна, то заразительна для лицъ съ извѣстнымъ предрасположеніемъ,—говоря проще, чтобы заболѣть цынгою слѣдуетъ долго голодать и жить по колѣна въ грязи. Цынга—болѣзнь бѣдныхъ, „болѣзнь нищеты и грязи“.

Обращаясь къ этіологіи только что пережитой нами эпидеміи

скорбута, мы видимъ, что тѣ же факторы—голодъ, холодъ, отвратительныя гигіеническія условія—сырость, грязь... играли главную роль въ происхожденіи и развитіи ея.

Главнымъ этіологическимъ факторомъ настоящей цынги является безспорно голодъ. Голодъ здѣсь былъ *настоящій*, никѣмъ не раздутый, никѣмъ не преувеличенный. Хлѣба не родилось; населеніе не получило обратно даже сѣмянъ. Яровыя поля въ нѣкоторыхъ селахъ не убирали совсѣмъ, а пустили на нихъ съ начала лѣта стада. Всего по Степно-Шенталинской волости изъ урожая 1898 года собрано хлѣба по даннымъ земской статистики: яровыхъ 10,804 пуда и озимыхъ 80,025 пудовъ, тогда какъ среднее количество собираемаго изъ урожая хлѣба въ Шенталинской волости таково: озимыхъ 331,690 пуд., а яровыхъ 314,200 пуд., слѣдовательно *недобрано* озимыхъ 251,666 пуд. и яровыхъ 303,396 пуд.

Насколько плохъ былъ урожай хлѣбовъ, показываетъ прилагаемая таблица. Въ ней выведенъ урожай (самъ-сколько) важнѣйшихъ продуктовъ крестьянскаго хозяйства по каждому селу отдѣльно.

СЕЛЕНІЯ:	Озимыхъ.	Овса.	Полбы.	Картофеля.
Ст. Шентала	5	1/3	1/4	1
Ст. Кормала	2 1/2	2/3	1/3	1
Нов. Кормала	2	2/3	1/2	1
Грачевка	3	1/2	1/3	1
Юреево	2	0	0	1
Фейзулово чувашск.	2	0	0	0
Колмаюръ	1 1/4	1/2	2/3	1
Вор. Кустъ	2	4	4	1
Ст. Салаванъ	1/2	0	0	0
Нов. Салаванъ	1	0	0	0
Ст. Тюгальбуга	1/2	0	0	1
Нов. Тюгальбуга	1/2	0	0	1
Фейзулово тат.	1/2	0	0	0
Моисеевка	1	0	0	1

Не лучше были и травы. При полномъ неурожаѣ хлѣбовъ и травъ населеніе съ осени готовилось голодать. Сначала продавали все—скотину, домашій скарбъ, продавали свои земли, посѣвъ, потомъ свой будущій заработокъ и мускульную силу. Заработковъ никакихъ не было, не было даже домашней работы для бабъ, овцы распроданы, шерсти нѣтъ, конопля и ленъ не родились. И вотъ тысяча людей — мужики, бабы и молодежь — обречены были сидѣть безъ дѣла, сложа руки и выдумывать различныя ожидающія ихъ льготы и милости. Общественныхъ работъ, доступныхъ населенію, устроено не было. Съ ноября 9/10 этого голоднаго населенія взяты были на прокормъ земствомъ. Многіе питались исключительно земскою ссудою, выдаваемою по 30 ф. на „неработниковъ“. А такъ какъ заработковъ не было,

то этимъ ссуднымъ хлѣбомъ питалась вся семья, включая и „работниковъ“, такъ что на каждаго ѣдока въ цынготныхъ семьяхъ приходилось по моимъ вычисленіямъ: въ старой Тюгальбугѣ 22 фунта муки, и въ д. Фейзуловѣ всего 19 на мѣсяцъ, поэтому большинство цынготныхъ во вторую половину мѣсяца принуждено было питаться болтушкой (мука, сваренная въ водѣ), печеный хлѣбъ употребляя изрѣдка, какъ лакомое кушанье; во многихъ домахъ въ Тюгальбугахъ, Юрьевѣ при подворномъ обходѣ я не могъ найти куска ржаного хлѣба; въ одномъ мѣстѣ врасплохъ засталъ двѣ кадушки сушеныхъ желудей, приготовленныхъ на мельницу. Къ хлѣбу чаще всего примѣшивали такіе суррогаты, какъ мука изъ желудей, лебеда, отруби... Образцы такого „голоднаго хлѣба“ посылались мною не разъ въ управу. Хлѣбъ такой при мнѣ съ жадностью ѣли дѣти. Можно ли удивляться, что послѣ такого питанія появляется не одна сотня цынготныхъ, анемичныхъ...

Нѣкоторые скептики и до сего дня упорно отрицаютъ, что наша цынга была порождена голодовкою, они не признаютъ даже тѣсной зависимости между цынгой и экономическимъ благосостояніемъ населенія. На цынготную эпидемію они смотрятъ какъ на обыкновенную заразную вспышку дифтерита, тифа и т. д., не щадящую ни богатыхъ, ни бѣдныхъ. Блистательнымъ опроверженіемъ такого несомнѣнно невѣрнаго взгляда является изучаемая нами эпидемія скорбута. Наша цынга поражала исключительно бѣдныхъ, голодныхъ, „грязный оборванный людъ“ и крайне рѣдко, въ видѣ исключенія, заходила въ состоятельные дома;— это лучше всего доказывается слѣдующими таблицами *).

Цынготныя сел. Степно-Шентал. вол.	Количество собраннаго хлѣба на кажд. жителя: озим. (пудовъ)	яров. (пудовъ)	% цынготныхъ къ общему числу жителей.
Моисеевка	2,25	0	26,65
Ст. Фейзулово	2,59	0,05	19,82
Юреево	6,77	0	13,13
Калмаюръ	4,74	0,96	10,19
Нов. Кармала	9,31	2,12	5,43
Ст. Кармала	6,87	2,18	4,69
Ст. Шентала	11,66	1,27	4,48
Грачевка	14,03	2,51	1,15

Таблица говоритъ, что чѣмъ бѣднѣе село, чѣмъ меньше собрало оно съ полей хлѣба на каждаго своего жителя, тѣмъ больше имѣетъ цынготныхъ. Наименьшее количество собраннаго на жителя хлѣба падаетъ на села: Моисеевку, и Старое Фейзулово; въ нихъ и цынготныхъ больше другихъ—26,65 и 19,82%. Деревни Гра-

*) Въ таблицы вошли только тѣ селенія, въ которыхъ больные переписаны были мною.

чевка, Старая и Новая Кармалы, болѣе зажиточныя селенія съ урожаемъ 16—12 пуд. на жителя, цынготныхъ имѣютъ немного; цынга появилась у нихъ поздно и держалась недолго. Ту же мысль доказываетъ другая табличка, помѣщаемая далѣе; чѣмъ ниже благосостояніе крестьянина, тѣмъ вѣрнѣе у него обезпечено цынготное заболѣваніе. Изъ общаго числа цынготныхъ состоятельныхъ всего 1,66%, безлошадныхъ же 42,18%. Да и сами татары подмѣтили тѣсную зависимость появившейся у нихъ болѣзни отъ экономическаго благосостоянія. Если цынга „баръ" значитъ „ашарга юкъ" (если цынга есть, значитъ ѣсть нечего) говорили татары и въ ихъ народномъ лексиконѣ „писать цынга" значило давать ѣсть.

Названіе цынготн. селъ Степн. Шент. волости.	Число цынготныхъ въ селѣ.	Изъ этого числа: безлошадные.	съ 1 лошад.	съ 2 лошад.	съ 3 и бол. лошад.
Стар. Фейзулово . . .	245	120	110	12	3
Моисеевка	121	52	61	7	1
Юреево	126	32	79	10	5
Калмаюръ	100	38	49	10	3
Ст. Шентала	86	39	37	9	1
Нов. Кармала	62	23	37	2	0
Ст. Кармала	50	28	19	3	0
Грачевка	9	5	3	1	0
	799	337	395	54	13
%	100	42,18	49,42	6,74	1,66

Вторая причина, не мало способствовавшая успѣху эпидеміи—это отвратительныя гигіеническія условія, въ которыхъ живутъ инороццы сѣвера нашего уѣзда. Вся Шенталинская волость населена инородцами — чувашами—7 селъ, татарами — 4 села и мордвою—3 села. Всѣ они живутъ очень грязно, въ особенности чуваши. Избы маленькія и биткомъ набиты народомъ: на 3—5 кб. саженей приходится по 10—15 человѣкъ. По зимамъ въ этихъ же избахъ находится и скотъ: овцы, свиньи... Воздухъ всегда насыщенъ отвратительными зловоніями, одурманивающими свѣжаго человѣка. У татаръ есть избы съ топкою по черному и куда рѣдко попадаетъ солнечный лучъ черезъ брюшинныя окна. Сифилисъ, чесотка и трахома—вотъ тріада, украшающая чуть не каждаго инородца. Словомъ, вся домашняя обстановка нашихъ инородцевъ представляетъ какой-то гигіеническій абсурдъ, при которомъ могутъ жить лишь полудикіе чуваши.

И вотъ наличность двухъ указанныхъ факторовъ,—продолжительное голоданіе, употребленіе въ пищу негодныхъ суррогатовъ и вопіющее нарушеніе элементарныхъ правилъ гигіены—создали ту благопріятную почву, при которой цынга развилась, окрѣпла и свирѣпствовала около ½ года въ 14 деревняхъ. Скажемъ теперь,

какъ боролись у насъ съ цынгою и вообще съ голодовкою, какія мѣры были принимаемы въ борьбѣ и какіе результаты онѣ имѣли.

Борьба съ цынгою дѣло не легкое, въ особенности, когда ею поражены тысячи населенія. Бороться съ цынгою — значитъ бороться съ голодовкою, попросту значитъ кормить голодающихъ. Мѣры профилактическія, предупреждающія появленіе такимъ эпидемій, какъ цынга, такъ же сводятся къ кормленію. И такъ на вопросъ, что дѣлать въ борьбѣ съ цынгою и что дѣлать, чтобы предупредить ея появленіе, отвѣтъ одинъ и тотъ же—поднять питаніе населенія.

Первымъ на борьбу съ голодовкою и цынгою, какъ и слѣдовало ожидать, выступило земство, послѣ пришли къ нему на помощь Красный Крестъ и самарскій частный кружокъ. Земство съ начала августа 1898 г. озабочено было выясненіемъ послѣдствій неурожая; оно запросило Степно-Шенталинское волостное правленіе, какъ недородъ хлѣбовъ отразился на благосостояніи крестьянъ, и 7 августа предписало волостному правленію представить управѣ свѣдѣнія о лицахъ, не имѣющихъ возможности обойтись до новаго урожая безъ земской помощи на продовольствіе. Такихъ лицъ оказалось тогда по спискамъ правленія 9,566 человѣкъ. Выясняя нужду по продовольствію, управа одновременно заботилась обезпечить посѣвомъ заготовленныя подъ рожь площади полей и выдала семи селамъ, наиболѣе пострадавшимъ отъ неурожая, на обсѣмененіе озимыхъ полей 17,654 пуда. А съ ноября управа приступила къ кормленію населенія—наиболѣе нуждающимся выдавались ссуды по 30 ф. на ѣдока, исключая „работниковъ“ и дѣтей до одного года *). Въ ноябрѣ такой ссуды выдано Шенталинской волости 4,417 пуд. 20 фунтовъ, не увеличивая ссуды на каждаго ѣдока. Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ управа была вынуждена увеличить общую выдачу. Въ январѣ появившійся тифъ въ д. Старый Салаванъ (около 20 случаевъ) заставилъ управу разрѣшить для Салавана дополнительную ссуду и на „работниковъ“. Тифъ, благодаря принятымъ энергичнымъ мѣрамъ и установкѣ правильнаго питанія во всѣхъ тифозныхъ семьяхъ на средства частнаго кружка, скоро былъ подавленъ. Въ февралѣ появилась цынга и съ марта, вслѣдствіе появленія цынги, земство увеличило ссуды до 1 пуда и разрѣшило ссуды и „работникамъ“ въ 8 селахъ, наиболѣе пораженныхъ цынгою. Поэтому за мартъ ссуды выдано уже 9,642 п. Въ маѣ ссуда еще увеличена до 1 пуда 10 ф. и наконецъ въ іюнѣ выдано по 17½ ф. въ 7 селахъ, въ которыхъ цынга продолжала свирѣпствовать. Всего земство выдало ссудами хлѣба пострадавшимъ отъ неурожая и цынготнымъ Шенталинской волости

*) Работники считаются отъ 18 до 55 лѣтъ.

51107 пуд. 22 фунт. Помимо ссудъ земство въ февралѣ приступило къ устройству больничекъ и столовыхъ для цынготныхъ, но скоро всѣ столовыя передало Красному Кресту.

Но и послѣ этого земство не оставалось въ роли равнодушнаго зрителя; оно слѣдило за всѣми фазисами переживаемаго народомъ бѣдствія. Въ апрѣлѣ оно прислало мнѣ 3 фельдшерицъ; въ маѣ по моей просьбѣ командировало еще отрядъ фельдшерицъ и хожалокъ (6 человѣкъ), тогда же выслало оно въ мой районъ 3 аптечки. Въ маѣ же выдало по Шенталинской волости 101 лошадь на льготныхъ условіяхъ, съ цѣлью поддержать разоренное крестьянское хозяйство.

Вообще земство сдѣлало большія затраты въ борьбѣ съ острою продовольственною нуждою 1898 года и послѣдствіемъ этого экономическаго бѣдствія—цынгою. Дѣятельность Краснаго Креста въ моемъ участкѣ начинается лишь съ марта мѣсяца. Въ первый же день кормленія въ Тюгальбугѣ, туда пріѣхалъ д-ръ Выходцевъ, завѣдующій медицинскою частью Краснаго Креста. Онъ обѣщалъ поддержать начатое земствомъ и обезпечить скорую и широкую помощь населенію. Телеграммою на имя г. Александровскаго, уполномоченнаго Краснаго Креста, г. Выходцевъ просилъ для Тюгальбугъ студентовъ, сестеръ милосердія. Пока обѣщанный отрядъ и средства Краснаго Креста ожидались, мѣстное участковое попечительство въ селѣ Кошкахъ, видя неотложность самой экстренной помощи, кромѣ Тюгальбугъ, и въ другихъ селахъ моего участка, вручило мнѣ 200 рублей на борьбу съ цингою.

Благодаря этимъ средствамъ и энергичному содѣйствію земскаго начальника г. Запѣсошнаго, я могъ открыть цѣлую сѣть новыхъ цынготныхъ столовыхъ и больничекъ въ Колмаюрѣ, Моисеевкѣ, Старомъ Фейзуловѣ. Работа закипѣла; всѣ мѣстныя интеллигентныя силы подняты на ноги,—учителя, священники. Наконецъ, прибыла давно ожидаемая помощь Краснаго Креста. Въ Тюгальбуги пріѣхали въ началѣ марта два студента военно-медицинской академіи и г. П—скій, довѣренное лицо частнаго жертвователя, съ отрядомъ. Г. Вокано, директоръ Жигулевскаго пивовареннаго завода въ Самарѣ, пожертвовалъ Красному Кресту 5,000 руб. и пожелалъ распорядиться своими средствами черезъ своего служащаго П—скаго. Въ отрядѣ П—скаго прибыли двѣ учительницы, слушательница курсовъ профес. Лесгафта и 2 приказчика. П—скій и весь отрядъ его назначались для завѣдыванія хозяйственною частью, но въ виду недостатка медицинскихъ силъ, лицамъ, назначеннымъ въ хозяйственный отдѣлъ, по необходимости пришлось играть роль фельдшерицъ, завѣдующихъ больничками и т. п.

Студенты и отрядъ П—скаго заняли Тюгальбуги и 3 сосѣднія села; остальныя 9 селъ я оставилъ за собою. Въ нихъ работалъ

я самостоятельно, имѣя средства сначала отъ г. П—скаго, потомъ отъ Краснаго Креста и медицинскій персоналъ отъ земства. Такое раздѣленіе моего участка на два медицинскихъ района существовало до конца эпидеміи.

Студенты въ своемъ районѣ нашли еще не одну сотню цынготныхъ, устроили десятки больничекъ и столовыхъ...

Я попрежнему остался почти одинъ, имѣя на 9 селъ 1 фельдшерицу и 1 сестру милосердія, и окрестныя села по прежнему были обречены печальной участи ждать *очереди* и жить надеждою, что когда-нибудь и до нихъ доберется участковый врачъ. А цынга не ждала, когда Тюгальбуги будутъ устроены и прибудутъ новые отряды; населеніе прогрессивно истощалось, цынга увеличивалась; Красный Крестъ прислалъ 3-хъ сестеръ милосердія; дѣло, думалось, наладится, но вдругъ Тюгальбуги опустѣли: курсистка Лесгафта сбѣжала, одинъ изъ студентовъ отказался работать съ П—скимъ, а другой экстренно командированъ въ Нурлатъ. Тогда Тюгальбуги съ 300 больныхъ остались на одну сестру милосердія. Наконецъ, 24 марта прибыли въ Тюгальбуги фельдшерица и сестра милосердія. А между тѣмъ къ тому времени зарегистрировано было болѣе 700 цынготныхъ, пущено въ ходъ до полсотни столовыхъ, разбросанныхъ по 12 селамъ, и медицинскаго персонала оказалось опять недостаточно. Не взирая на это, отрядъ П—скаго все расширялъ кругъ своей дѣятельности: онъ взялъ себѣ Нурлатъ, гдѣ было цынготныхъ также около тысячи. Создались крайне тяжелыя условія для работы: въ медицинскомъ персоналѣ хроническая недостача; фельдшерицы, сестры милосердія, заваленныя непосильнымъ дѣломъ, буквально терялись и приходили въ отчаяніе отъ невозможности раціонально работать. Фельдшерица Б. имѣла 3 цынготныхъ села и все время убивала на разъѣзды по столовымъ и больнымъ; на самую работу въ столовыхъ и больницахъ ей недоставало времени; или учительница У. завѣдывала 2-мя селами: въ одномъ было около 100 цынготныхъ и 1 больничка, а въ другомъ около 70 цынготныхъ и 3 больнички.

Комментаріи излишни. Медицинскій персоналъ постоянно мѣнялся: сегодня пріѣдетъ, завтра уѣдетъ; за 4 мѣсяца въ Тюгальбугахъ работало попеременно около 20 человѣкъ. Къ тому же хозяйственная сторона нашихъ столовыхъ сильно хромаетъ. Завѣдующій хозяйственной частью г. П—скій по пріѣздѣ въ Тюгальбуги получилъ еще новое назначеніе—стать во главѣ медицинскаго санитарнаго отряда на сѣверѣ Самарскаго уѣзда (!)... При всемъ добромъ желаніи, коммерческому человѣку руководить санитарнымъ отрядомъ было мудрено,—медики же прямо отказывались работать съ нимъ; а главное, это новое назначеніе отвлекло г. П—скаго отъ прямого дѣла—покупки и заготовки продуктовъ и матеріаловъ для столовыхъ: ему пришлось рабо-

тать скачками, разбрасываться и на хозяйственный отдѣлъ обращать меньше вниманія, чѣмъ слѣдовало. Вслѣдствіе этого столовыя Краснаго Креста не рѣдко сидѣли безъ пищевыхъ запасовъ— муки, пшена...

Вакановское пшено шло изъ Сергіевска до Тюгальбугъ 100 верстъ $1^1/_2$ мѣсяца. Я всѣ столовыя Краснаго Креста снабжалъ долгое время запасами частнаго кружка; студентъ въ Нурлатѣ покупалъ пшено на базарахъ по 5 пуд., а пшено было бы у всѣхъ столовыхъ, стоило только согласиться взять его изъ Кошкинскаго попечительства Краснаго Креста, а не ожидать $1^1/_2$ мѣсяца непремѣнно *своего* пшена. Чай, сахаръ покупали по мѣсяцамъ въ мелочныхъ лавочкахъ. Завѣдующіе столовыми терпѣли хроническую нужду въ деньгахъ (это при значительныхъ средствахъ, ассигнованныхъ на это дѣло)... Въ весеннюю распутицу и въ маѣ столовымъ Краснаго Креста грозила серьезная опасность быть закрытыми, благодаря отсутствію муки, пшена и др. запасовъ, о чемъ оффиціально сообщалось въ уѣздное попечительство Краснаго Креста. Въ столовыхъ моихъ и студента Чачхіани не было ни пылинки муки и болѣе 1,000 руб. у каждаго долгу. Занимали вездѣ, гдѣ только было можно и кто давалъ; такъ, бывшій проѣздомъ въ Шенталѣ предсѣдатель самарской земской управы, по собственному почину, далъ мнѣ заимообразно 100 руб. изъ личныхъ средствъ, чтобы я могъ уплатить особенно назойливымъ кредиторамъ.

Не въ лучшемъ положеніи были и школьныя столовыя, открытыя г. П—скимъ; онѣ долго сидѣли безъ запасовъ. Столовыя въ Шенталѣ, Юреевѣ и Стар. Кармалѣ существовали только потому, что брали заимообразно изъ запасовъ частнаго кружка к Краснаго Креста.

И только въ маѣ могла начаться спокойная серьезная работа и создались такія условія, которыя обезпечивали быстрое и вполнѣ благопріятное разрѣшеніе разыгравшейся у насъ эпидеміи цынги. Такія благопріятныя условія создались слѣдующими фактами: Красный Крестъ выслалъ мнѣ 2,000 руб. на уплату долговъ и расходы по столовымъ и далъ право впредь получать средства непосредственно изъ главной канцеляріи (безъ прежнихъ проволочекъ и посредниковъ), значительно улучшилъ питаніе въ своихъ столовыхъ (введена 2-я варка—ужинъ); П—скаго замѣстилъ новый агентъ Краснаго Креста г. Пятницкій, спеціально назначенный завѣдывать только хозяйственной стороной дѣла; земство командировало мнѣ отрядъ фельдшерицъ и хожалокъ, черезъ что больной въ каждомъ селѣ получилъ доступную медицинскую помощь и, наконецъ, самарскій частный кружокъ далъ мнѣ средства на прокормленіе 2,500 чел. и прислалъ своихъ сотрудниковъ. Тогда только могущество цынги было сокрушено; въ маѣ

ей соединенными силами нанесено было рѣшительное пораженіе, и съ іюня она быстро пошла на убыль...

Обратимся теперь къ видамъ помощи, оказанной Краснымъ Крестомъ и частнымъ кружкомъ нашему населенію, пострадавшему отъ неурожая.

Помощь Краснаго Креста населенію выражалась: 1) въ устройствѣ столовыхъ для цынготныхъ и лицъ съ ослабленнымъ питаніемъ; 2) въ устройствѣ больничекъ для цынготныхъ и 3) выдачѣ пайковъ 30 ф. вдовамъ, сиротамъ, не получающимъ земской ссуды. Помощь частнаго кружка выражалась въ устройствѣ столовыхъ, до половины апрѣля преимущественно для дѣтей до 14 л. возраста, а потомъ и для взрослыхъ больныхъ и въ выдачѣ въ исключительныхъ случаяхъ пайковъ муки, пшена.

Кромѣ этого, Красный Крестъ и частный кружокъ снабжали одеждою бѣднѣйшія семьи, съ каковою цѣлью Красный Крестъ выслалъ мнѣ двадцать кусковъ матеріи и частный кружокъ 15 коробовъ прекраснаго сшитаго бѣлья. Главное вниманіе Красный Крестъ и частный кружокъ сосредоточили на устройствѣ столовыхъ, считая ихъ наиболѣе раціональнымъ видомъ помощи голоднымъ и больнымъ.

Столовыя Краснаго Креста работали въ 13 селахъ, частный кружокъ въ 8. Столовыми Краснаго Креста въ Тюгальбугахъ и 3 окрестныхъ селахъ завѣдывалъ работавшій тамъ медицинскій отрядъ; остальными столовыми въ 8 селахъ а также и всѣми столовыми частнаго кружка завѣдывалъ я. Столовыя частнаго кружка явились первыя, еще въ декабрѣ; за ними въ февралѣ начали функціонировать столовыя Краснаго Креста. Столовыя устраивались тамъ, гдѣ только находились цынга и нужда. Устройство столовыхъ было очень несложно и просто. Въ одинъ день составлялись списки нуждающимся, повѣрялись списки сельскимъ сходомъ, старостою, священникомъ, учителемъ, находились пекарни и пекаря, заготовлялся пищевой матерьялъ для столовыхъ. Для столовыхъ обычно выбирали на селѣ сравнительно большіе, чистенькіе дома, хозяева которыхъ обязывались за то, что будутъ кормиться сами въ этихъ столовыхъ, печь хлѣбы и варить горячую пищу на 30—40 человѣкъ. Для варки пищи приспособлялись подтопки, имѣющіяся въ каждомъ домѣ, въ нихъ вмазывались котлы; дѣлали 2 простыхъ лавки, приносились сосѣдями 2—3 стола; посуду—чашки, ложки—каждый столующійся носилъ самъ, и столовая готова къ открытію. Разъ въ день народъ собирался въ эти столовыя и здѣсь же получалъ хлѣбъ и горячій приварокъ. На домъ пища выдавалась только тяжело больнымъ и старымъ. Завѣдываніе столовою поручалось кому нибудь изъ интеллигентныхъ лицъ: священнику, учителю, фельдшерицѣ, сестрѣ милосердія; у нихъ было по нѣскольку помощниковъ изъ крестьянъ, такъ наз. „дежурныхъ“. Помощники

получали изъ склада провизію, вѣшали и рѣзали хлѣбъ, смотрѣли за порядкомъ и т. д..

Предоставить наблюденіе за столовыми самимъ крестьянамъ у меня оказалось невозможнымъ, такъ какъ всегда были большія растраты и пища не попадала по назначенію; (не нужно забывать, правда, что въ моихъ столовыхъ я имѣлъ дѣло съ чувашами, мордвою и татарами). Въ одномъ только селѣ нашли вѣрнаго человѣка, ему и поручили вести столовыя кружка. Съ мая всѣ свои столовыя я вынесъ за черту селъ прямо въ поле. За селомъ, по возможности около рѣки, устраивали походную кухню— въ землянкахъ дѣлались печи и вмазывались котлы, а подъ столовую въ собственномъ смыслѣ приспособлялся большой сарай или рига, вмѣщающая человѣкъ 200—300. Такія полевыя пекарни были недороги и очень практичны; они могли легко работать человѣкъ на 500—700. Фейзуловская пекарня, напримѣръ, успѣвала выпекать въ іюнѣ ежедневно по 23 пуда муки. Пища при варкѣ въ большихъ котлахъ получалась много вкуснѣе, сберегалась экономія на дровахъ, надзоръ за работающими въ такихъ пекарняхъ облегчался, удобенъ былъ осмотръ цынготныхъ, собранныхъ въ одно мѣсто, и столовыя были безопасны въ пожарномъ отношеніи. Такія пекарни работали въ 8 селахъ, а всѣ имѣвшіе съ ними дѣло были довольны. Всѣ столовыя Краснаго Креста и частнаго кружка предоставлялись народу безплатно, но также безплатно трудился и народъ для столовыхъ. Трудъ пекаря, кашевара, дежурныхъ, по часту отдающихъ весь свой досугъ, былъ безплатенъ, даромъ отдавали крестьяне свои риги, амбары, безъ копѣйки свезли на тощихъ лошаденкахъ четыре тысячи пуд. разнаго хлѣба за 10—15 верстъ. Эту черту благодарности народа и готовность помочь въ тяжелую годину своимъ собратьямъ, такимъ же бѣднякамъ, нельзя не отмѣтить.

Ростъ столовыхъ Краснаго Креста и частнаго кружка въ моемъ районѣ шелъ такъ:

Первыми открыты были столовыя частнаго кружка. Ростъ ихъ мало увеличивался до половины мая; поле дѣятельности было уступлено Красному Кресту, но потомъ оказалось, что работы всѣмъ достанетъ... Въ маѣ кривая столовыхъ частнаго кружка поднимается очень высоко—столовыя имѣютъ 620 человѣкъ; въ іюнѣ достигаетъ maximum'а — 1.768 человѣкъ и такъ держится до конца работы.

Столовыя Краснаго Креста начали функціонировать съ февраля; росли онѣ быстро; въ маѣ достигли наивысшаго развитія— 1.913 человѣкъ, съ іюня, по мѣрѣ увеличенія столовыхъ частнаго кружка, стали сокращаться — 1.308; въ іюлѣ число столующихся падаетъ до 545.

Сравнивая питательную норму столовыхъ Краснаго Креста и частнаго кружка, мы должны признать лучшей продовольственной

нормой норму частнаго кружка; она представляетъ нормальный пищевой паекъ, требуемый гигіеной, тотъ пищевой minimum, при которомъ организмъ приходитъ въ равновѣсіе обмѣна веществъ; ниже была норма Краснаго Креста въ цынготныхъ столовыхъ и еще въ ниже столовыхъ для лицъ съ ослабленнымъ питаніемъ.

Вотъ сравнительная таблица примѣрныхъ обѣдовъ:

Примѣрные обѣды въ столовыхъ:

Самарскаго частнаго кружка.	Краснаго Креста для цынготныхъ.	Краснаго Креста для лицъ съ ослаблен. питан.
Обѣдъ № 1.	**Обѣдъ № 1.**	**Обѣдъ № 1.**
щи { капуст. 1/80 в., мяса 1/4 ф. }	щи { капуст. 1/100 в., мяса 1/4 ф. }	щи { капуст. 1/100., сала 2 зол. }
и		
каша — 1/4 ф. пшен.	"	"
Обѣдъ № 2.	**Обѣдъ № 2.**	**Обѣдъ № 2.**
горохъ — 1/4 ф.	горохъ — 1/6 ф.	горохъ — 1/6 ф.
и		
каша — 1/4 ф. пшен.	"	"
Обѣдъ № 3.	**Обѣдъ № 3.**	**Обѣдъ № 3.**
Супъ { картофел. 1/4 ф., мяса 1/4 ф. }	супъ { картоф. 1/6 ф., мяса 1/4 ф. }	супъ { картоф. 1/6 ф., сала 2 зол. }
и		
Каша — 1/4 ф. пшен.	"	"
Обѣдъ № 4.	**Обѣдъ № 4.**	**Обѣдъ № 4.**
Кулешъ { пшена 1/4 ф., мяса 1/4 ф. }	кулешъ { мяса 1/4 ф., пшена 1/6 ф. }	кулешъ { сала 2 з., пшена 1/6 ф. }
Хлѣба — 1 1/2 ф.	Хлѣба — 2 1/2 ф.	Хлѣба — 1 ф.
Масла — 4 зол.	Масла — 2 зол.	Масла — 2 зол.

Въ кушанія рекомендовано класть лукъ, уксусъ, перецъ и Kal. aceti,c. какъ вѣрное противоцынготное средство. Четверть фунта мяса для цынготныхъ слѣдуетъ считать пищей недостаточной. Врачъ Эйгесъ, боровшійся съ цынгой въ Новоузенскомъ уѣздѣ, давалъ своимъ цынготнымъ 3/4 ф. и даже фунтъ, а 1/6 ф. мяса, разрѣшенная подконецъ въ столовыхъ Краснаго Креста для лицъ съ ослабленнымъ питаніемъ, едва уловимы. Столовыя для лицъ съ ослабленнымъ питаніемъ мяса не давали (подконецъ разрѣшено 1/6 фунта), хлѣба полагалось на человѣка всего 1 фунтъ. Такія столовыя не могли, конечно, играть профилактической роли и задерживать появленіе цынги. Всѣ такъ называемыя противоцынготныя средства, какъ то: лукъ, перецъ, уксусъ, а также

уксуснокислое кали, горячо рекомендованныя Краснымъ Крестомъ въ своихъ столовыхъ, оставлены мною вскорѣ, какъ средства безполезныя и часто даже вредныя.

Самымъ важнымъ въ борьбѣ съ цынгою являлась питательная, разнообразная смѣшанная пища, а такой то пищи какъ разъ мы долго и не могли дать своимъ цынготнымъ.

Одновременно со столовыми въ селахъ, гдѣ находились тяжелые цынготные, Красный Крестъ открывалъ свои походныя больнички. Больнички помѣщались въ крестьянскихъ избахъ, никакихъ приспособленій для больныхъ не дѣлалось, кромѣ мѣшковъ, набитыхъ соломою, которые служили для больныхъ тюфяками; больные располагались на нарахъ — длинныхъ, широкихъ лавкахъ;—каждая больничка помѣщала отъ 10 до 15 человѣкъ; при больничкѣ имѣлась хожалка изъ мѣстныхъ жительницъ; въ больничкахъ лежали исключительно тяжелые больные, которые имѣли сильные кровоподтеки, контрактуры и не могли ходить. Поправлялись цынготные медленно, въ запущенныхъ случаяхъ лежали по 2—3 мѣсяца безъ видимыхъ улучшеній. Особенно трудно излечивались контрактуры и некрозъ челюстей. На цынгу многіе привыкли смотрѣть, какъ на пустую болѣзнь, но кто видѣлъ цынготныя больнички, тотъ знаетъ до какихъ страшныхъ уродствъ можетъ довести цынга. Больнички цынготныя—это тяжелое зрѣлище! Представьте себѣ небольшую крестьянскую избу съ плохимъ освѣщеніемъ и вентиляціею. На длинныхъ нарахъ, тянущихся у стѣнъ, лежатъ рядкомъ десять — пятнадцать больныхъ, едва покрытыхъ своими дырявыми рубищами; они неподвижно прикованы къ койкѣ, ноги ихъ скорчены, опухли, у иныхъ тверды какъ камень, по тѣлу кровоподтеки. Блѣдныя одутловатыя лица выражаютъ страданіе, „уныніе тупое въ мутномъ взорѣ“; изо рта противный запахъ гнили, десны распухли, изъязвлены, кровоточатъ, зубы повывалились или едва держатся; они какъ бы потонули въ мягкой кровавой массѣ разрыхленныхъ десенъ. Ѣсть твердую пищу такимъ больнымъ невозможно, трудно и говорить. „Аурта аякъ, аурта тышь“ (больно ноги, больно зубы)—повторяютъ всѣ несчастные въ одинъ голосъ, охотно показывая свои ноги. Больные по преимуществу женщины; рѣдкая женщина не имѣетъ съ собою ребенка, а то и два-три, такихъ же худыхъ, оборванныхъ грязныхъ. Сердце судорожно сжимается при видѣ такихъ потрясающихъ картинъ.

А что было бы съ этими несчастными, если бы не пришло къ нимъ со стороны помощь въ лицѣ земства, Краснаго Креста и друг.! Они обречены были на *вѣрную* голодную смерть...

Первую больничку открылъ я въ своемъ районѣ въ мартѣ въ д. Ст. Фейзуловѣ на 15 человѣкъ.

Въ мартѣ больнички росли быстро, въ апрѣлѣ кривая роста больничекъ достигаетъ своего maximum'a, — въ нихъ за апрѣль

лежало около 150 больныхъ, также высоко держится она въ маѣ и потомъ падаетъ, оставляя въ іюлѣ всего 20 больныхъ. Наши больнички оказали большую услугу населенію даже при своемъ примитивномъ устройствѣ. Онѣ дали *сотнямъ больнымъ*, буквально брошеннымъ родственниками *доканчивать свою печальную жизнь*, теплый уголъ, кусокъ хлѣба и медицинскій уходъ. Благодаря больницамъ, число умершихъ отъ цынги ограничилось только 10,—это на 799 цынготныхъ моего района, т. е. 1,25% заболѣвшихъ, безъ больничекъ смертность была бы гораздо выше; такъ въ Тюгальбугахъ до больничекъ за 5 — 6 дней умерло изъ 210 цынготныхъ 8 человѣкъ — 3,8%.

Интересная зависимость наблюдалась нами между ростомъ цынготныхъ и ростомъ столовыхъ.

Столовыя Краснаго Креста въ апрѣлѣ и маѣ достигли наивысшаго своего развитія по числу столующихся, и цынга въ апрѣлѣ и маѣ имѣла наибольшія цифры; она росла какъ бы пропорціонально росту столовыхъ. Съ мая положеніе дѣла мѣняется. Число столующихся увеличивается и въ столовыхъ частнаго кружка, и Красный Крестъ улучшаетъ питаніе больныхъ; тогда цынга быстро идетъ на убыль. Отсюда выводъ тотъ, чѣмъ выше питаніе столовыхъ, тѣмъ скорѣе прекращается цынга.

Много затрачено средствъ, положено силъ за 5 мѣсяцевъ напряженной борьбы съ голодной эпидеміей, но, къ счастью, борьба окончена побѣдою. Отъ тысячъ цынготныхъ въ моемъ районѣ къ 15 іюля осталось 3 больныхъ и въ Тюгальбугахъ съ окрестностями 35.

Цынга побѣждена соединенными усиліями земства, Краснаго Креста и частнаго кружка.

Земство и обѣ благотворительныя организаціи, сдѣлавъ большія затраты матерьяльныхъ средствъ, выставили еще цѣлый полкъ самоотверженныхъ борцовъ — студентовъ, фельдшерицъ, сестеръ милосердія... Они то на своихъ плечахъ и вынесли всю тяжесть борьбы на мѣстѣ.

Не іодъ, не уксуснокислое кали, не другія медицинскія средства спасли нашихъ несчастныхъ цынготныхъ, а всѣ эти то скромные труженики, не задумавшіеся отдать самихъ себя на служеніе многострадальному народу.

Въ заключеніе я считаю не безполезнымъ передать читателю свои наблюденія, сдѣланныя за настоящую эпидемію, объ отношеніи населенія къ намъ, къ нашей работѣ по голодовкѣ и вообще нашимъ мѣропріятіямъ.

Населеніе встрѣтило насъ не особенно дружелюбно и на первыхъ порахъ относилось къ намъ недовѣрчиво, съ затаеннымъ подозрѣніемъ. Нѣкоторыя села, какъ Колмаюръ (чуваши), Ст. Фейзулово (чуваши) совсѣмъ не желали насъ видѣть; они составляли тайные уговоры на сходахъ, чтобы цынгу не открывать

и къ себѣ доктора не пускать. При первыхъ моихъ визитахъ въ Колмаюрѣ нѣсколько чувашъ убѣжали отъ медицинскаго осмотра, заперлись въ домахъ, а въ Юреевѣ съ палкою бѣгали за фельдшерицею Б*. Старо-Фейзуловскимъ чувашамъ удалось скрыть свою цынгу значительное время и только одна храбрая старуха Татьяна, не боясь общественнаго мщенія и гнѣва, пришла ко мнѣ и разсказала, что больна она, больны также многіе въ ихъ обществѣ, но *богачи* не велятъ пускать къ себѣ доктора, пугаютъ тѣмъ, что больныхъ послѣ будутъ рѣзать, и легковѣрные чуваши вѣрятъ такимъ нелѣпымъ баснямъ. Я немедленно отправилъ къ нимъ фельдшерицу, она обошла всѣ дома, зарегистрировала 28 цынготныхъ, изъ нихъ 10 очень тяжелыхъ. Открыли больничку. Татьяна вошла въ больничку первая, а за нею и другіе. Вообще Татьяна, полуслѣпая старуха, оказала большую услугу намъ и своимъ односельцамъ; послѣ сельчане оцѣнили ее, прозвавъ „башь—цынга" („голова цынготнымъ"), благодарили, что она кормила ихъ.

Больничекъ нашихъ первое время боялись во многихъ селахъ, а въ Моисеевкѣ (татары) и Колмаюръ я первый день не могъ никого убѣдить лечь въ больнички, такъ что въ Моисеевкѣ вынужденъ былъ прибѣгнуть къ такому маневру—положить въ больничку одну здоровую татарку старушку, выдавъ ее за цынготную. Она полежала день, другой, ей понравились больничные порядки и уходъ, за ней пошли другіе и больничка скоро переполнилась; послѣ старушка, пріучивъ населеніе къ больницѣ, была выписана и со слезами оставила больничный покой. Въ Колмаюрѣ чуваши три дня не желали положить своихъ больныхъ въ открытыя много больнички. „Сюкъ, сюкъ... рѣжь носъ, не пойдемъ...", наконецъ поддались моимъ увѣщаніямъ и согласились двѣ поступить въ больничку. Скоро больнички наши полюбили и черезъ больнички мы сблизились съ народомъ.

Нѣкоторую часть народа очень смущала *безплатная* помощь, оказываемая ему въ нынѣшнюю тяжелую годину. Все давалось: пища, одежда, даже чай, сахаръ и все... *даромъ*. Почему это даромъ? Вотъ вопросъ, надъ которымъ нѣкоторые задумывались. Нашъ инородецъ, привыкшій къ разнаго рода поборамъ и взысканіямъ, безплатной услуги и безкорыстной жертвы не понималъ и не признавалъ. Онъ начиналъ строить различныя загадки и предположенія, не дѣлается ли это съ цѣлью опять закабалить въ удѣлъ или не антихристовы ли это дѣла. Но скоро всѣ эти тяжелыя недоумѣнія разсѣивались.

Вообще недовѣріе народа къ намъ продолжалось недолго, скоро оно смѣнялось полнымъ довѣріемъ, откровенностью. Народъ не довѣрялъ намъ, пока не зналъ насъ. Работая полгода въ самыхъ дикихъ захолустьяхъ Самарскаго уѣзда, я ни разу не встрѣтилъ серьезнаго и упорнаго сопротивленія со стороны населенія; были правда примѣры, когда села цѣлымъ сходомъ заяв-

ляли, что не желаютъ столовыхъ и больничекъ, когда больнички пустовали, но здѣсь я видѣлъ темную массу, не вѣдающую, что она творитъ и терпѣливо ждалъ, настойчиво увѣщалъ и достигалъ желаемаго. Часто въ такихъ случаяхъ открывалась интрига богачей, деревенскихъ кулаковъ; они-то составляли тайные заговоры и обѣщали кару и мщеніе каждому открывшему цынгу, запугивали крестьянъ различными сказками, словомъ они принимали всѣ мѣры къ тому, чтобы не пустить къ себѣ людей, пришедшихъ на помощь больнымъ и голоднымъ, не безъ основанія видя въ нихъ опасныхъ враговъ своему могуществу надъ бѣдствующими односельцами.

Татары приручались скорѣе другихъ; они доступнѣе были убѣжденію. Имѣя 4 татарскихъ деревни, я полгода не слышалъ о какомъ нибудь татарскомъ фанатизмѣ; во всѣхъ этихъ селахъ были столовыя Краснаго Креста и никто изъ татаръ не боялся креста. Въ мартѣ я представлялъ сестеръ Евгеньевской общины своимъ Фейзуловскимъ татарамъ; они очень ласково ихъ приняли и на мой вопросъ, не боятся ли они Краснаго Креста, улыбаясь, отвѣтили: „Намъ хоть черный крестъ только ашать (ѣсть) давай"... „Сестричекъ мы знаемъ", добавилъ кто-то изъ бывшихъ солдатъ. Послѣ всѣхъ фельдшерицъ и хожалокъ татары звали ласковымъ именемъ „сестричекъ". Татары вообще очень цѣнили помощь со стороны русскихъ: „не будь креста и русака", говорили они, „кончалъ бы наша башка; богатый нашъ хуже шайтана, умри—не дастъ куска".

Въ Казанской губерніи неподалеку отъ меня татары не пустили къ себѣ столовую Краснаго Креста, но, по разсказамъ участника этой исторіи, здѣсь руководили общественнымъ рѣшеніемъ тѣ же богачи, кулаки; *они* не хотѣли столовыхъ и заиграли на струнахъ религіозной нетерпимости. Иначе странно, почему татары, отказавшись отъ Креста въ Казанской губерніи, шли въ нашъ районъ, просили помощи отъ Креста и поступали въ больнички отъ Креста?

Въ дальнѣйшемъ отношеніе къ намъ населенія не оставляло желать лучшаго. Народъ скоро привыкъ, полюбилъ и оцѣнилъ самоотверженную дѣятельность фельдшерицъ, сестеръ мисосердія; онъ приходилъ къ нимъ полѣчиться, съ просьбами помочь той или другой его бѣдѣ, умиротворить домашнюю ссору и т. д. Нужно только было видѣть какіе трогальные проводы устраивали своимъ „барышнямъ", „сестрицамъ" татары или чуваши. Они оставляли работу, собираясь проводить; не знали какъ благодарить своихъ „кормилицъ", просили ихъ писать письма, многіе плакали. Одна медичка и сестра, работавшія у татаръ и мордвы, говорили мнѣ, что онѣ растроганы неожиданными ласками народа и никакъ не думали увидѣть такую благодарность отъ грубаго чувашенина или мордвина.

А. Кряжимскій.

II. Изъ Белебеевскаго уѣзда (Уфимской губ.).

Въ началѣ февраля 1899 г. въ одномъ изъ отрядовъ общества Краснаго Креста я отправился въ мѣста голодовки. Прикомандированъ я былъ къ отряду штабсъ-ротмистра кавалергардскаго полка С. В. Александровскаго, на котораго было возложено завѣдываніе помощью въ Самарской и Уфимской губерніяхъ. По прибытіи въ г. Самару, гдѣ была главная квартира и контора отряда, долженъ былъ разрѣшиться вопросъ о предстоящей работѣ уже болѣе детально и назначенъ опредѣленный пунктъ. Несмотря на существованіе конторы, а слѣдовательно подведенія итога всѣмъ требованіямъ въ данное время, телеграммы и донесенія, то и дѣло приходящія изъ уѣздовъ, сбивали съ толку завѣдывающихъ, вынесшихъ къ тому-же изъ своихъ объѣздовъ далеко не одинаковое впечатлѣніе, а вслѣдствіе этого новые члены отряда, пока не выѣзжали изъ Самары, получали то одно, то другое назначеніе, а нерѣдко во время пути и третье. Нужда нежданно, негаданно выростала въ деревнѣ, двѣ недѣли тому назадъ бывшей, повидимому, благополучной: изъ двухъ случаевъ цынги вдругъ получалось 50, или развивалась эпидемія тифа или просто обнаруживалась нищета и голоданіе жителей, до тѣхъ поръ какъ-то крѣпившихся и молчавшихъ. Въ началѣ дѣятельности, когда на каждаго приходились большіе районы, такія неожиданности были не рѣдкостью и весьма мѣшали правильному и быстрому распредѣленію силъ отряда. Были (къ счастью рѣдко) и такіе задержки: кто-нибудь изъ отряда находилъ въ данной мѣстности цынгу, тифъ или просто голодъ, а земскій начальникъ (nomina sunt odiosa) телеграфировалъ, что у него „все благополучно“: больныхъ нѣтъ, голоду тоже; требовалась провѣрка при помощи медика и въ доказательство невѣрующему показывались распухшіе, пораженные цынгой.

На мою долю выпало завѣдываніе Заитовской волостью Белебеевскаго уѣзда, Уфимской губ. Къ работѣ здѣсь я могъ приступить однако только въ мартѣ, такъ какъ до тѣхъ поръ временно завѣдывалъ другимъ райономъ. До моего прибытія волость была какъ-то заброшена: при десятитысячномъ почти населеніи, и населеніи бѣдномъ, въ ней было только около 400 чел. кормившихся, да и то, какъ оказалось, на половину лицъ обезпеченныхъ. Послѣднее произошло вслѣдствіе того, что завѣдываніе было поручено мѣстнымъ мулламъ, оказавшимся далеко не на высотѣ своего призванія. Въ завѣдуемыхъ ими столовыхъ они творили, что хотѣли: варево представляло изъ себя что-то жиденькое, съ крупинками пшена и тощими кусками мяса, хлѣбъ всегда сырой. По пріѣздѣ моемъ на нихъ поднялась масса жалобъ

и у всѣхъ уличенныхъ было, конечно, отобрано завѣдываніе столовыми.

Съ марта мѣсяца въ Заитовской волости кормилось:

	Мартъ.	Апрѣль	Май.	Іюнь.	Итого.
въ школьныхъ столовыхъ	530	343	185	175	1233
въ смѣшанныхъ. . . .	885	1060	1163	945	4053
выдано порцій	25351	30530	39874	30276	126031

Всего въ 34-хъ столовыхъ кормилось 1233+4053=5286 чел., т. е. ежемѣсячно кормились около 1320 чел., что при населеніи волости въ 9702 чел., считая мужчинъ, женщинъ и дѣтей, составляетъ 13,6%. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда помѣщеніе въ столовую оказывалось почему-либо неудобнымъ, — или по болѣзни, или не такъ ужъ бѣдна была семья, или потому, что нѣкоторые (особенно старики) стыдились ходить въ столовую,—выдавались отъ Краснаго Креста единовременныя пособія мукой, пшеномъ, солью; выдавались также ссуды для пропущенныхъ при записи на земскій паекъ, по 1 пуд. въ мѣсяцъ на человѣка и, въ мартѣ, горохъ для посѣва. Получавшихъ пособія этого рода было: въ мартѣ 221, апрѣлѣ—592, маѣ—879, іюнѣ—1682, іюлѣ—150, итого 3524 чел. или въ среднемъ въ мѣсяцъ — 844 чел.; роздано имъ муки 1589 пудовъ, пшена 317 пудовъ, соли 105 пуд., гороху 100 пудовъ. Всего же истрачено продуктовъ: муки—3277 пуд., пшена—840 пуд., соли—256 пуд., гороху—540 пудовъ, перцу—1½ п., сала—44 пуда, капусты—50 пуд.

Кромѣ продовольственной помощи для облегченія населенія, какъ извѣстно, устроены были, по соглашенію министерства финансовъ, внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ, лѣсныя работы. Въ Уфимской губ. такія работы были около г. Белебея, почти въ 100 верстахъ отъ Заитовской волости. Сначала ограничились тѣмъ, что устроили работы и думали, что голодное мѣстное населеніе набросится на нихъ, но, кромѣ жителей ближнихъ мѣстъ, рабочіе медленно собирались. Причина была та, что большинству не на что было тронуться въ путь, нечего было оставить семьѣ на первое время, а когда стали выдавать для облегченія задатки и подъемные, то рабочіе пошли въ избыткѣ; конному рабочему выдавалось задатку—1 р. 50 коп., пѣшему—30 коп. и подъемныхъ (безъ отработыванія ихъ) конному—1 р. и пѣшему—30 коп.; рабочіе, повторяю, пошли охотнѣе, но жаль, что это уже было въ срединѣ февраля, а не ранѣе. Изъ Заитовской волости, гдѣ я началъ работать съ 1-го марта, мнѣ удалось отправить на работы 300 человѣкъ, по преимуществу пѣшихъ. На мѣстѣ работъ была устроена отъ общества Краснаго Креста продажа сѣна по стоимости его для Краснаго Креста, а такъ какъ сѣно закуплено было оптомъ въ среднихъ губерніяхъ и доставлено было съ платой по льгот-

ному тарифу, то каждый пудъ обошелся на 16—15 копѣекъ дешевле мѣстнаго сѣна, что значительно облегчило рабочимъ содержаніе лошадей; для рабочихъ были устроены бараки, дешевыя столовыя и продажа съѣстныхъ припасовъ. Значеніе этихъ работъ состояло не въ томъ, чтобы дать возможность заработать на черный день, унести часть заработка домой, а въ томъ, чтобы дать возможность прокормиться отъ своихъ трудовъ тѣмъ тысячамъ, которые стремились на эти работы, а главное въ томъ, чтобы какъ-нибудь отвлечь, удалить изъ деревень тотъ излишекъ ртовъ, который дѣлалъ земскую ссуду въ такой степени недостаточной, удалить тѣхъ отцовъ, братьевъ, мужей, которые, не получая сами ссуды и не имѣя работы, отнимали кусокъ у своихъ женъ и дѣтей. Для Заитовской волости значеніе этихъ работъ было таково, что изъ 1879 лицъ, неполучавшихъ ссуды, 300 человѣкъ т. е. 15% ушли, кто на мѣсяцъ, кто на болѣе.

Дать населенію возможность кормиться отъ трудовъ своихъ, а не даромъ, было поставлено одной изъ желаемыхъ цѣлей, но населеніе оказалось такъ бѣдно, голодающихъ такъ много, а съ другой стороны, возможность дать работу тысячамъ людей настолько не легка, при слабо развитыхъ мѣстныхъ кустарныхъ промыслахъ (въ Уфимской губ. занимаются кустарными промыслами только 10% всего населенія)—что по необходимости на первомъ мѣстѣ по численности среди пользующихся отъ Краснаго Креста помощью стояли кормящіеся даромъ. Почти повсемѣстно мѣстные жители дѣлали лапти, кто хотѣлъ и сколько могъ. Красный Крестъ скупалъ ихъ по 2—3 коп. пару и въ этомъ-же районѣ или въ другомъ, бѣдномъ льномъ, раздавалъ неимущимъ; по Заитовской волости сплетено около 1000 паръ лаптей. Въ нѣкоторыхъ пунктахъ Белебеевскаго уѣзда были поддержаны ткацкіе кустарные промыслы—производство полотенцевъ, пологовъ, холста, скатертей и т. п. По преимуществу этимъ занялся женскій персоналъ отряда, какъ болѣе понимающій толкъ въ данномъ дѣлѣ; мѣстами было развито производство рогожъ, шитье мѣшковъ, были устроены сукновальни (двѣ или три). Изъ полученныхъ этимъ путемъ работъ была устроена въ г. Самарѣ выставка, на которой особое вниманіе обратили на себя тканьевыя работы, образцы которыхъ были закуплены для отправки на парижскую выставку. Въ результатѣ этого въ настоящее время ассигновано 3.000 руб. на болѣе подробное знакомство, закупку образцовъ, и первоначальную поддержку кустарныхъ промысловъ. Большой поддержкой для населенія оказалась также перевозка разныхъ грузовъ для учрежденій Краснаго Креста: муки, пшена и т. д.

Начиная съ іюня мѣсяца въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ томъ числѣ и въ Заитовской волости, была организована удешевленная продажа муки, пшена и другихъ продуктовъ; мука при цѣнѣ на окрестныхъ базарахъ въ 80—90 коп. въ складѣ Краснаго

Креста продавалась по 60—65 коп.; отпускалось не болѣе 1 пуда на семью въ недѣлю, во избѣжаніе скупки маклаками и перепродажи на базарѣ, на большія семьи давалось и $1^1/_2$ п.; пшено продавалось по 1 р. — 1 р. 40 к., по 10 ф. на семью на недѣлю. Въ Заитовской волости продано по удешевленной цѣнѣ муки 710 пуд., пшена—68 пуд. Роздано бѣднымъ, по преимуществу дѣтямъ, 1000 арш. ситца, что дало возможность 276 чел. завести ту или другую принадлежность костюма; кромѣ того при закрытіи столовыхъ вся имѣющаяся въ нихъ посуда была роздана бѣднымъ.

Такимъ образомъ всѣхъ получившихъ то или другое матеріальное пособіе отъ общества Краснаго Креста по Заитовской волости было 9386 чел.; именно: въ столовымъ кормилось 5286 чел., на работы отправлено—300 чел., пайки, добавленія къ ссудѣ и проч. получили 3524 чел.; ситецъ, одежда роздана 276 чел. Раздѣливъ 9386 на 4, получимъ, что ежемѣсячно въ среднемъ получало пособіе 2346 человѣкъ, что составляетъ 24,2% всего населенія или 41,7% его нерабочаго состава.

Распредѣливъ всѣ виды помощи (исключая лѣченія больныхъ) по мѣсяцамъ, мы видимъ, что наростаніе нужды шло такимъ образомъ:

	Получало пособіе.	Цынготн. больн.
Мартъ	1636	42
Апрѣль	1995	127
Май	2227	152
Іюнь	2802	—
Іюль	150	—

т. е. наростаніе нужды среди населенія, что выразилось расширеніемъ помощи, и увеличеніе числа цынготныхъ заболѣваній идутъ параллельно другъ-другу, число цынготныхъ падаетъ лишь мѣсяцемъ раньше, что объясняется тѣмъ, что въ концѣ мая и въ іюнѣ появились уже въ изобиліи травы, которыми населеніе питалось и излѣчило себя отъ цынги, но отъ нужды не въ состояніи было излѣчиться, и лишь въ іюлѣ, когда наступили покосъ, пахота озимыхъ и жатва, кривая стремительно пала. Кривыя эти лишній разъ подчеркиваютъ, что разъ населеніе голодаетъ зиму, оно не можетъ оправиться до новаго сбора, что лѣто само по себѣ не приноситъ ему никакихъ благъ и что нужда наростаетъ и въ лѣтніе мѣсяцы, а потому всякіе разсчеты о помощи необходимо дѣлать, включая и лѣтніе мѣсяцы до іюля, по крайней мѣрѣ.

Матеріальнымъ пособіемъ ежемѣсячно пользовалось, какъ уже сказано, 2346,5 чел., въ теченіе 4-хъ мѣсяцевъ на нихъ истрачено 7030 руб., что составляетъ въ мѣсяцъ 1758,5 р. или въ

среднемъ каждый человѣкъ обошелся въ мѣсяцъ 74 коп., прокормленіе же 5286 чел. въ столовыхъ (въ мѣсяцъ — 1320,5 чел.) потребовало затратъ всего въ 4962 р., или въ мѣсяцъ 1240,5 р., т. е. на человѣка въ мѣсяцъ 94 копѣйки.

Эпидемическихъ заболѣваній за это время было:

	Брюш. тифъ.	Цынга.	Дифтеритъ.
Мартъ	11	42	—
Апрѣль . . .	26	127	23
Май	10	152	—
Итого . .	47	321	23

Въ среднемъ въ мѣсяцъ брюшныхъ тифозныхъ больныхъ—12 чел., цынготныхъ—107. Въ описываемой мѣстности цынга въ большинствѣ случаевъ имѣла относительно легкія формы. Изъ 321 заболѣванія тяжелыхъ случаевъ цынги всего было 10, изъ нихъ смертью окончилось 6; умерло 4 престарѣлыхъ субъекта и двое молодыхъ: дѣвушка 15 лѣтъ и мальчикъ 14 лѣтъ. Всѣ цынготные больные получали пищу изъ общаго котла, а кромѣ того капусту, чай, сахаръ, лукъ отдѣльно на руки. трудно больные получали молоко, лимонную кислоту, клюквенный экстрактъ. Большинство пораженныхъ цынгой были лица недоѣдавшія, сидѣвшія въ лучшемъ случаѣ на одномъ хлѣбѣ. жившія въ скверныхъ гигіеническихъ условіяхъ и въ худшемъ случаѣ питавшіяся суррогатами хлѣба; но я знаю около 20 лицъ изъ семей зажиточныхъ, гдѣ не было недостатка въ хлѣбѣ, молокѣ, картофелѣ и т. п., и гдѣ были сравнительно хорошія условія жизни, а цынга, хотя и слабой степени, была. Слѣдуетъ, однако. замѣтить, что лица эти были частью слабаго тѣлосложенія, частью со слабымъ обмѣномъ веществъ: тучные, малокровные. Въ завѣдуемой мною волости цынготные больные лѣчились на дому; метода изолированія, какъ это дѣлалось по другимъ мѣстамъ, не была примѣнена, во-первыхъ потому, что населеніе неохотно относилось ко всякому изолированію отъ семьи; во-вторыхъ невозможно было найти хорошій, обширный свѣтлый домъ; въ 3-хъ мною подмѣченъ былъ фактъ, что цѣлыя семьи, пораженныя цынгой, труднѣе поправляются, чѣмъ отдѣльныя лица, хотя бы пораженныя болѣе сильной формой болѣзни; причиной несомнѣнно являлась скученность, спертый воздухъ. Въ особенности излишни были эти лазареты съ наступленіемъ теплыхъ солнечныхъ весеннихъ дней, когда больные повыползли изъ своихъ конуръ и лачужекъ и стали отворять и провѣтривать свои помѣщенія. Большинство цынготныхъ больныхъ были женщины. Раздѣливъ всѣ 321 случай по группамъ на мужчинъ, женщинъ и дѣтей, мы получаемъ 270 женщинъ, дѣтей—34, мужчинъ—17. Поразительное, бьющее въ глаза преобладаніе числа больныхъ женщинъ легко

объясняется. Женщина у магометанина—будь то башкиръ, тептярь, чувашенинъ—это забитое, безотвѣтное существо, заваленная непосильной работой раба, это—жена, не знающая ласкъ мужа, готовая повиноваться его первому грубому окрику, это существо, питающееся остатками отъ стола мужа, это—мать, рѣдко видящая въ вскормленныхъ ею дѣтяхъ сыновнее отношеніе и благодарность за воспитаніе. Въ статьѣ „Башкиры въ Челябинскомъ уѣздѣ" („Уральская жизнь") А. Туркинъ такъ обрисовываетъ положеніе женщины-башкирки: „вся тяжесть въ борьбѣ за существованіе, вся повседневная горечь труда главнымъ образомъ падаетъ на башкирскую женщину, на это несчастное существо, утратившее давно всѣ черты женственности. Сгорбленная, рано увядшая, покорная и безсмысленная, съ утра до вечера она на ногахъ для того, чтобы имѣть возможность накормить своего голоднаго повелителя. Среди этихъ женщинъ не прозвенитъ смѣхъ, рѣдко возвысится голосъ... дѣвушки по большей части уже давно бываютъ запроданы... подойдетъ время и онѣ должны будутъ выйти (не зная жениха) безъ всякаго намека и протеста за свою судьбу" („Россія" № 173, 1899 г.). На всѣ 270 случаевъ больныхъ женщинъ я помню не болѣе 15—20 случаевъ участливаго отношенія мужа къ женѣ, случаевъ же, гдѣ капуста, чай, сахаръ и т. п., отданные мужу или брату для передачи больнымъ ихъ женамъ и сестрамъ, не доходили по назначенію, было не мало.

Всѣ цынготные въ моемъ районѣ поправлялись очень быстро: весь опухшій, съ кровоподтеками, со сведенными ногами больной въ двѣ-три недѣли поправлялся настолько, что могъ ходить, а еще черезъ недѣлю—двѣ шелъ уже на работы. Изъ общаго котла цынготные получали варево, приготовленное по разсчету—$^1/_4$ ф. мяса на человѣка, $^1/_4$ ф. пшена, $^1/_8$ ф. гороха, а затѣмъ приправа изъ луку и перцу, хлѣба—1 ф. на человѣка. Тяжелые больные получали кромѣ этого еще молоко—1 бутылку въ день.

Кромѣ оказанія помощи цынготнымъ, тифознымъ и др. эпидемическимъ больнымъ, мнѣ пришлось вести и амбулаторные пріемы; таковые были два раза въ недѣлю съ раздачей лѣкарствъ; съ марта по іюнь зарегистрировано всего 690 больныхъ (на самомъ же дѣлѣ больныхъ было принято, по крайней мѣрѣ, вдвое больше, но по недостатку времени не записано), изъ нихъ 449 мужчинъ и 241 женщ. Такимъ образомъ всѣхъ получившихъ медицинскую помощь было—цынготныхъ—321, тифозныхъ—47, дифтер.—23 и амбулатор. 690 а всего—1081 человѣкъ или 11% наличнаго населенія.

Для иллюстраціи вопроса, въ какой степени пострадало населеніе отъ недорода 1898 года, какой ущербъ получило оно въ своемъ хозяйствѣ и какъ вообще отразилось хроническое недоѣданіе физіологически и экономически на населеніи, приведу отно-

сящіяся къ этому цифровыя данныя. Какъ и всегда въ подобные года, зажиточный элементъ деревни, имѣвшій запасы лишней муки еще отъ прошлыхъ лѣтъ, счелъ наступившій голодный годъ удобнымъ временемъ и, раскрывъ свои скирды и кладовыя, началъ „благодѣтельствовать“ своимъ односельчанамъ. Въ лучшемъ случаѣ бѣднякъ покупалъ муку съ условіемъ вернуть за пудъ — осенью два, обыкновенно-же ему приходилось соглашаться на такое условіе: при стоящей въ данное время цѣнѣ на пудъ 70—80 к. брать съ условіемъ осенью вернуть за каждый пудъ 1 р. 20 к.—1 р. 30 к., что составляетъ болѣе 200% годовыхъ. Мнѣ удалось установить точно относительно нѣсколькихъ продажъ возмутительные факты. Десятина озимаго была взята въ качествѣ залога подъ выданные тептярю Сейхетдинову изъ дер. Зирикловъ 3 руб., съ условіемъ вернуть черезъ недѣлю, если-же нѣтъ, то десятина пропадала; случайно я узналъ за два дня до срока объ этомъ и корыстолюбивые планы кулака не сбылись; двое домохозяевъ села Гукаева распродали по частямъ свой дворъ и „благодѣтели“ покупали у нихъ амбаръ—стоющій 15 руб.—за 3—4 рубля, избы за треть цѣны, скотъ за ту-же цѣну; богатые крестьяне понизили заработную плату до 5 коп. въ день на хозяйскихъ харчахъ, а работа съ 6 утра до поздняго вечера, и еще бахвалились тѣмъ, что вотъ кормимъ, да еще и деньги даемъ. Всѣмъ подобнымъ фактамъ трудно подвести итогъ и вычислить вредъ, ими причиненный, но, безъ сомнѣнія, онъ очень великъ.

Перейдемъ теперь къ общеволостному хозяйству и посмотримъ, что сдѣлалось съ нимъ за зиму.

Разстройство и упадокъ крупнаго и мелкаго скотоводства представляется въ такомъ видѣ:

	Къ 1 авг. 1898 г.	Къ 1 янв. 1899 г.	Къ апрѣлю 1899 г.	Къ іюню 1899 г.
Лошадей	3574	2511	2188	1633
Коровъ	3011	2319	1271	—
Овецъ	7021	6264	2124	—
Козъ	1986	755		
Свиней	387	293	157	—

т. е. къ апрѣлю мѣсяцу осталось лошадей только 61,2% прежняго количества, коровъ меньше половины—42,2%, а мелкаго скота и того меньше, только 23,3%; къ іюню по военно-конской переписи лошадей оказалось только 1633 или 48,7%, безлошадныхъ въ іюнѣ было по волости—368 дворовъ изъ 1699, что составляетъ 21,6%.

Сама собой напрашивалась мысль, какъ такое тяжелое положеніи хозяйства должно отражаться и на другихъ сторонахъ

квестьянской жизни, не будетъ-ли въ нихъ измѣненія? Для рѣшенія этого вопроса съ цифрами въ рукахъ, я обратился къ метрическимъ книгамъ и извлекъ данныя о движеніи браковъ, смертности и рожденій за данный годъ и за предыдущіе 4 года.

Браковъ до недорода по волости было въ среднемъ въ годъ по 100, въ 1898 году число это падаетъ до 57, чуть не вдвое, по отдѣльнымъ деревнямъ это колебаніе еще значительнѣе: оно упало мѣстами въ 3—4 раза.

Обращаясь къ цифровымъ даннымъ о смертности и рождаемости, мы видимъ, что голодовка отразилась на нихъ такимъ образомъ.

Смертность населенія за періодъ 1894—1897 при 9540 въ среднемъ жителяхъ равнялась 2,37%, въ 1898 году она повысилась до 2,93% особенно усилилась смертность женщинъ: тогда какъ число умершихъ мужчинъ повысилось на 15,8%, число умершихъ женщинъ повысилось на 35,72%; относительно же рождаемости мы имѣемъ обратное явленіе—уменьшеніе ея: въ 1894—1897 годахъ она равнялась 4,68%, въ 1898 году она пала до 3,79%; причемъ дѣвочекъ родилось значительно меньше, чѣмъ мальчиковъ, тогда какъ раньше ихъ рождалось больше: число родившихся мальчиковъ упало на 6 59%, число родившихся дѣвочекъ уменьшилось на 26%. Такимъ образомъ мы видимъ, что и мужчинъ, и женщинъ въ 1898 году умерло больше, чѣмъ въ предыдущіе года, но женщинъ въ два съ лишнимъ раза больше, чѣмъ мужчинъ.

Удобной земли въ волости 20512 дес., въ томъ числѣ 12.882 дес. пашни, 685 дес. покоса и 6945 дес. лѣса, всѣхъ-же домохозяевъ 1699; допуская, что всѣ они лошадные, что никто изъ нихъ не отдаетъ надѣла въ аренду, получаемъ, что въ среднемъ на каждаго домохозяина приходится земли пашенной—7,6 дес. При трехпольной системѣ этого нельзя назвать достаточнымъ, при условіи, что основу крестьянскаго хозяйства въ данной волости составляетъ земледѣліе, а остальныя отрасли труда регулируются уже имъ. Изъ бесѣдъ съ мѣстными земцами, земскими врачами и помѣщиками выяснилось, что большинству жителей никогда не хватаетъ хлѣба и съ февраля, марта цынга—обычное явленіе. Недоѣданіе въ данной мѣстности существуетъ и въ годы средняго урожая, но никогда послѣ 1891 г. это недоѣданіе и, какъ послѣдствіе его, цынга не достигали такихъ размѣровъ, какъ въ минувшемъ году. Въ первое время работы въ волости, когда появились цынготные и татары увидѣли, что, ходя по избамъ, я ищу пораженныхъ цынгой (татары называютъ ее „дангля“), они наивно спрашивали меня „развѣ дангля хворь? Дангля каждый годъ бываетъ у насъ, никто не лѣчитъ, не кормитъ, зачѣмъ нынче такъ?“

Для полноты данныхъ, считаю не лишнимъ сдѣлать коекакія замѣтки о грамотности, культурности населенія и объ

отношеніи его къ оказанной ему помощи. Волость Заитовская состоитъ изъ 20 населенныхъ мѣстъ—двухъ русскихъ селъ, 14-ти татарскихъ (башкиры, тептяри, чуваши) деревень, одной черемисской и 3-хъ поселковъ русскихъ; жителей 9,702 чел. Въ 4-хъ школахъ—одна школа грамоты, одна церковно-приходская и двѣ инородческихъ—учится около 200 человѣкъ дѣтей; русско-татарскія школы съ ихъ неумѣющими говорить по русски учителями и татарскія, находящіяся въ вѣдѣніи муллъ школы-пансіоны (медрессе), въ виду минимальнаго даваемаго ими знанія, не приходится ставить въ рядъ школъ, дающихъ даже грамоту. Насколько мало дается даже въ школахъ грамоты, приведу въ примѣръ записку, посланную мнѣ однимъ изъ мясоторговцевъ, кончившимъ нѣсколько лѣтъ назадъ такую школу:

„Записка господину наблюдателю по столовымъ частямъ Его Родію на счетъ столовыхъ. Не нужно-ли вамъ говядины или баранины для свѣтлаго Христова Воскресенія на православныхъ столовыхъ русскаго изделья. Цѣна 3 рубля пудъ та или друга то вы пришлите нужно или не нужно или сколько нужно на село Чулаево и на сельцо Ново-Юзеево чичасъ же пропишите съ этимъ человѣкомъ. Апрѣль 16-го дня 1899 г. Денегъ хотя пришлете, хотя не пришлете опосля можно расчестись“.

Да и мудрено быть грамотнымъ питомцамъ этихъ школъ, если и учителя ихъ не особенно далеко отъ нихъ ушли. Что это не голословно, приведу, какъ примѣръ, выдержки изъ записки одной учительницы: „Хотя я Вамъ не представила мѣсячный отчетъ у насъ всего много пшена и гороху, только не хватаетъ муки. Ваше Высокоблагородія прикажите мнѣ, сколько мнѣ платить за подводу, на который привозятъ провизію“. Грустно становится, когда видишь, что единственный человѣкъ въ деревнѣ болѣе или менѣе интеллигентный,—учитель, не далеко ушелъ отъ той массы, которую-бы долженъ развивать, на которую-бы долженъ влiять! Но когда я побывалъ въ холодной и неуютной комнаткѣ вышеупомянутой учительницы и узналъ, что она получаетъ лишь 10 руб. въ мѣсяцъ и находится въ большой зависимости отъ старосты и схода, то я не рѣшился бросить въ нее камнемъ: вѣдь, на такія условія, въ глушь едва-ли пойдетъ человѣкъ хотя съ небольшими запросами и интересами. Деревня Куртуталь населена черемисами-язычниками, учитель ея инородческой школы—самъ язычникъ! Учитель другой школы женатъ на татаркѣ, которая ни слова не знаетъ по русски, но за то мужъ ея прекрасно владѣетъ татарскимъ языкомъ! Не удивительно поэтому было, что послѣ 3-мѣсяцевъ даровой помощи, крестьяне, когда узнали, что за это ничего не возьмутъ, не повѣрили этому: „Какъ это можно, разсуждали они, такъ много народу даромъ кормить“. Ни учителя, ни священники не знали даже въ общемъ какъ организована помощь на-

роду, откуда берутся суммы, а не зная сами, не дали и народу разумныхъ объясненій и вотъ между народомъ начали бродить темные слухи объ антихристѣ, объ антихристовомъ хлѣбѣ-соли. Нужно замѣтить, что волость Заитовская расположена въ сторонѣ отъ трактоваго и желѣзнодорожнаго пути, изрѣдка лишь заглянетъ въ нее земскій начальникъ или исправникъ: въ теченіе 5-ти мѣсяцевъ, что мнѣ пришлось работать въ волости, послѣдній былъ два раза и первый три, но оба всегда на короткое время. Въ волости находятся два помѣщика, но вліяніе ихъ не велико.

Съ крайнимъ подозрѣніемъ относилось татарское населеніе къ раздаваемымъ рубашкамъ и матеріямъ, видя въ этомъ что-то подготовительное къ крещенію; устройство пріютовъ (въ настоящее время перешедшихъ въ постоянные) вызывало не мало толковъ и разговоровъ среди населенія, по преимуществу среди стариковъ; я знаю примѣры, что нѣкоторые изъ нихъ, не найдя въ пріютѣ никого изъ знакомыхъ или родныхъ, ѣздили за сорокъ слишкомъ верстъ, исключительно изъ-за того, чтобы убѣдиться, что взятые въ пріютъ не крещены въ русскую вѣру и блюдутъ предписанія корана. Подозрительное и отрицательное отношеніе это въ вышеприведенныхъ случаяхъ было лишь въ началѣ появленія отряда Краснаго Креста: двѣ-три недѣли времени разсѣивали всѣ колебанія и сомнѣнія и отъ желающихъ попасть въ столовую или получить рубашку, или пособіе мукой или пшеномъ не было отбоя, такъ что приходилось списки дѣлать съ большой осторожностью, чтобы не вызвать излишнихъ нареканій въ несправедливой записи въ столовую или на пособіе. Съ этой цѣлью пришлось, во избѣжаніе всякихъ обмановъ со стороны отдѣльныхъ лицъ, уже съ самаго начала придти къ нѣкоторымъ положеніямъ, а именно: 1) всѣ списки (по каждой деревнѣ былъ составленъ подробный списокъ жителей, съ указаніемъ числа членовъ семьи, числа дѣтей, сколько помѣщается въ столовую, сколько на пособіе, число коровъ, лошадей, овецъ) составлять на сходѣ; 2) всякія перемѣны въ спискахъ или добавленіе новыхъ членовъ въ столовую никоимъ образомъ не дѣлать дома, а тоже на сходѣ. Къ обоимъ этимъ положеніямъ пришлось придти послѣ того, какъ неоднократно былъ обманываемъ дома о числѣ лицъ семейства, хозяйствѣ и проч.; 3) старосты, сотскіе, муллы и прочіе представители деревни лица очень ненадежныя, ихъ необходимо при всякихъ раздачахъ записи на пособіе держать въ сторонѣ. Организація столовыхъ была поставлена такъ. Послѣ того, какъ дѣлалось очевиднымъ, что въ данной деревнѣ необходимо открыть столовую, на сходѣ жителямъ объявлялось это и объяснялось, какъ и чѣмъ будутъ кормить, и тутъ-же на сходѣ происходили выборы кашевара; послѣдній нанимался на такихъ условіяхъ: его подвода

(складъ продуктовъ былъ на разстояніи отъ прочихъ деревень отъ 5—20 вер.), его дрова, помѣщеніе, выпечка хлѣбовъ (припеку 15—20 ф.), его котелъ—плата за все это 4—5 р. въ мѣсяцъ. Для наблюденія за кашеварами, такъ какъ при обширности района и массѣ работы приходилось самому быть не болѣе раза въ 1½—2 недѣли, сельскій сходъ выбиралъ двухъ-трехъ зажиточныхъ, пользующихся уваженіемъ и довѣріемъ деревни лицъ (на необходимость этого имъ, конечно, указывалось), изъ нихъ ежедневно одинъ долженъ былъ присутствовать при приготовленіи пищи, дѣлежѣ порцій и наблюдалъ за чистотой посуды. Правда, этотъ контроль оказался далеко ниже, чѣмъ на него разсчитывалось, но все-же съ введеніемъ его варка пищи улучшилась, но еще лучше она стала съ введеніемъ системы штрафовъ—за сырой хлѣбъ—20 к., за недостачу гороха—25 к., пшена—25 к., послѣ трехкратнаго повторенія—разсчетъ.

Послѣдняго не пришлось примѣнить ни разу: достаточно было оштрафовать двухъ-трехъ кашеваровъ и всѣ попытки къ утайкѣ провизіи и худое приготовленіе пищи кончились.

Н. В. Залѣсскій.

Новыя книги.

А. Н. Бѣжецкій. Медвѣжьи углы. Повѣсти и очерки. Спб. 1899.

Его-же. На пути. Разсказы и очерки. Спб. 1899.

Въ книжкахъ, заглавіе которыхъ мы выписали, рѣчь идетъ о путешествіяхъ, войнѣ и женщинахъ. Г. Бѣжецкій—надо отдать ему справедливость—и путешествуетъ, и дерется, и ухаживаетъ за женщинами, т. е. пишетъ обо всемъ этомъ, очень бойко. Перо его такъ и бѣгаетъ по бумагѣ, рука его не знаетъ удержу, а самъ обладатель этой руки, орудующій этимъ бойкимъ перомъ, очевидно, кромѣ страсти къ похожденіямъ, въ которой онъ признается, обуреваемъ еще страстью къ писательству, о чемъ онъ предоставляетъ заключать самому читателю. У насъ очень много праздныхъ людей, которые полагаютъ, что „когда есть средства и человѣку дѣлать нечего, то самое лучшее путешествовать"—и опредѣляютъ свое отношеніе къ жизни такъ: мы—„зрители, а все остальное—театръ". Къ ихъ числу принадлежитъ и нашъ авторъ—путешественникъ, военный человѣкъ и любитель женщинъ. Нужно только прибавить, что этотъ „тоскующій россіянинъ" не любитъ тосковать въ одиночествѣ, а наводитъ еще тоску на другихъ, что этотъ „зритель" заставляетъ другихъ любоваться собой. Если „человѣку дѣлать нечего" и если онъ испытываетъ въ языкѣ привычное чувство зуда, дѣлающее изъ него

въ нѣкоторомъ родѣ говорильную машину, то какъ же ему не писать! Охотники послушать разговорчиваго собесѣдника всегда найдутся; за предпріимчивымъ и проницательнымъ издателемъ, умѣло приспособляющимся ко вкусамъ, дѣло также не станетъ. Все это такъ понятно и такъ обычно! Но, равнодушные къ литературнымъ успѣхамъ нашего автора и къ карману г. издателя, пускающаго въ оборотъ третье изданіе его „Медвѣжьихъ угловъ" и разсказовъ „На пути", мы никакъ не можемъ согласиться съ ихъ легкомысленнымъ отношеніемъ къ духовнымъ интересамъ читателей. Есть точка зрѣнія на литературу, недоступная для гг. Бѣжецкихъ и Сувориныхъ, благодаря ихъ идейному ничтожеству, и есть читатели, которымъ военныя и амурныя повѣствованія нашего автора кажутся не только праздной, но и вредной болтовней, а ароматъ свѣтскаго бездѣльничанья, которымъ проникнуты эти разсказы—отталкивающимъ.

Заглянемъ въ книжки г. Бѣжецкаго,—въ эту своеобразную „желѣзнодорожную литературу", которой такъ бойко торгуютъ станціонные книжные кіоски. Представьте себѣ для большей наглядности, что вы въ дорогѣ и что, заплативъ заботливымъ антрепренерамъ около трехъ рублей, вы ищете только развлеченія отъ дорожной скуки. Вы начинаете перелистывать путешествія и приключенія г. Бѣжецкаго и сразу же обогащаетесь полезнымъ свѣдѣніемъ: вы узнаете, что есть отставные военные, которые любятъ носить военную форму и постоянно подновляютъ ее, а есть и такіе, которые только донашиваютъ свою форму, постепенно замѣняя ее штатскимъ платьемъ, начиная съ панталонъ. Вы благодарите автора, но, вспомнивъ о потраченныхъ деньгахъ, нетерпѣливо перелистываете дальше и съ удивленіемъ читаете растянутое на нѣсколько страницъ, детальное описаніе станціоннаго зала, въ которомъ вы только что пили чай и закусывали. Вы еще разъ благодарите автора, любезно разсказавшаго вамъ, какъ разставлены въ буфетѣ столы, какая на столахъ посуда, какія на нихъ стоятъ вина, какія закуски украшаютъ стойку и т. д., но... начинаете морщиться. А предупредительный г. Бѣжецкій спѣшитъ сообщить вамъ, что „нигдѣ мужчины не носятъ такихъ скверныхъ туфель, какъ во Франціи"; затѣмъ распространяется о женскихъ характерахъ и о томъ, какъ узнать характеръ женщины по почтовой бумагѣ, которую она употребляетъ; читаетъ цѣлую лекцію о томъ, въ какихъ странахъ Европы пьютъ пиво и въ какихъ вино, какъ пьютъ то и другое и гдѣ вино вытѣсняется пивомъ; а дальше — съ увлеченіемъ рѣшаетъ вопросъ, какимъ женщинамъ какія къ лицу шляпки. ...Вы удручены этой словесной яичницей и начинаете еще сильнѣе скучать. Тогда г. Бѣжецкій преподноситъ вамъ скучнѣйшія военно историческія справки о разныхъ заграничныхъ городахъ, въ которыхъ онъ спасался отъ своей русской

скуки... Но вы уже спите, читатель,—спите, подложивъ подъ голову удивительное литературное попурри, въ которомъ историческія судьбы Венеціи тѣсно перетасованы съ сомнительнаго достоинства афоризмами и праздными наблюденіями празднаго путешественника и все это приправлено житейскими наставленіями бывалаго человѣка, вплоть до указаній лицамъ мужскаго пола, какъ ухаживать за женщинами. Кстати, о женщинахъ. Онѣ занимаютъ совершенно исключительное мѣсто въ повѣстяхъ и очеркахъ г. Бѣжецкаго. „Прекрасныя читательницы!—патетически восклицаетъ онъ,—я главнымъ образомъ пишу для васъ"... И, дѣйствительно, мысль о прекрасномъ полѣ,—по крайней мѣрѣ о тѣхъ его представительницахъ, которыя не прочь заинтересоваться „душкой военнымъ", — неотступно преслѣдуетъ нашего „тоскующаго" путешественника. Вы на каждомъ шагу встрѣчаете у него такія замѣчанія: „женщинъ ни одной"... „не было женщинъ, которыя могли разсѣять нашу скуку" или: „а главное, появились женщины". И когда нашъ вояжеръ входитъ въ вагонъ, онъ первымъ дѣломъ осматривается, есть ли женщины, и „раздражается", если въ вагонѣ не оказывается ни одной дамы. Познакомившись поближе съ этимъ женолюбомъ, мы не удивились, когда прочли, что онъ, подъѣзжая къ одному изъ Принцевыхъ острововъ, „уже мысленно прогуливался (тамъ) съ какой нибудь этакой гречанкой"; не удивились и тому, что, вспоминая о своемъ купаньи на глазахъ у дамъ и замѣчая по этому поводу: „здѣсь, очевидно, не принято стѣсняться", — онъ откровенно прибавляетъ: „такая простота меня очень порадовала". Мы только удивились, почему нашъ аматеръ, „движимый мгновеннымъ впечатлѣніемъ", не залѣзъ въ окно къ какой-то красавицѣ-гречанкѣ и побоялся объясненія съ ея мужемъ. О, разнузданная откровенность!.. Но отплатимъ откровенностью за откровенность. Не будемъ скрывать отъ автора, что онъ вполнѣ правъ, когда въ одномъ мѣстѣ своихъ путевыхъ воспоминаній говоритъ: „серьезный читатель, вѣроятно (навѣрное, г. Бѣжецкій!), уже утомился и давно находится въ недоумѣніи, читая мои воспоминанія"—и когда полагаетъ, что „иногда бываетъ полезно, чтобы заглавіе не объясняло содержанія, чтобы читатель до конца оставался въ недоумѣніи"...

Въ двухъ книжкахъ г. Бѣжецкаго есть одинъ только недурной разсказъ,—недурной потому именно, что въ немъ не повѣствуется ни о путешествіяхъ, ни о войнѣ, ни о женщинахъ. Къ „войнѣ" (мы употребляемъ это слово въ самомъ широкомъ смыслѣ) онъ имѣетъ очень отдаленное касательство и не оскорбляетъ поэтому нравственнаго чувства; но, что не менѣе важно—читая его, забываешь на время, благодаря отсутствію въ немъ субъективнаго элемента, надоѣдливаго автора. Маленькій разсказъ, о которомъ мы говоримъ, называется „Нарочный". Но

этотъ маленькій разсказъ не можетъ измѣнить общаго впечатлѣнія и нисколько не уменьшаетъ основныхъ недостатковъ г. Бѣжецкаго - литератора: праздности мысли и излишней болтливости. Мы думаемъ, что, кромѣ откровенности, нашъ авторъ обнаруживаетъ еще извѣстную дозу проницательности, когда онъ, мѣстами, прерываетъ потокъ своего краснорѣчія замѣчаніемъ: „однако, я заболтался“. И намъ остается пожелать словоохотливому автору меньше болтать.

И. А. Саловъ. Мелочи жизни. Разсказы. М. 1899.

Съ г. Саловымъ читающая публика знакома давно и, нужно прибавить, хорошо знаетъ этого писателя. Его репутація установилась и не измѣняется, его литературная дѣятельность идетъ ровно, безъ всякихъ скачковъ. По размѣрамъ своего художественнаго дарованія и по отношенію своему къ основнымъ запросамъ общественной жизни г. Саловъ занимаетъ довольно скромное мѣсто въ нашей литературѣ; но это мѣсто онъ занимаетъ прочно, и свое маленькое дѣло онъ дѣлаетъ неуклонно. Г. Саловъ вѣренъ самому себѣ. И если читатель не возлагаетъ на этого автора большихъ надеждъ и не ожидаетъ встрѣтить въ его произведеніяхъ ни широкихъ перспективъ, ни захватывающихъ настроеній, то онъ всегда знаетъ, что г. Саловъ его не обманетъ, и никогда въ г. Саловѣ не разочаровывается. Современный читатель, которому такъ часто приходится имѣть дѣло въ литературѣ съ бездарной стряпней, составленной изъ непитательныхъ и нездоровыхъ блюдъ, не можетъ не оцѣнить простоты и безискусственности этого писателя и не сочувствовать неизмѣнно *гуманному* духу его произведеній.

„Мелочи жизни“—очень удачное заглавіе не только для интересующей насъ книжки, но и вообще для разсказовъ нашего автора. Именно житейскія мелочи останавливаютъ на себѣ главнымъ образомъ его вниманіе,—мелочи обыденныя и докучливыя, которыми наполнена жизнь и которыя всей своей массой тяготѣютъ надъ жизнью и давятъ ее. Мы не думаемъ входить здѣсь въ болѣе детальную оцѣнку г. Салова, какъ писателя, ни останавливаться подробно на четырехъ разсказахъ, составляющихъ содержаніе „Мелочей жизни“. Они ничѣмъ не выдѣляются среди прочихъ разсказовъ автора изъ провинціальной жизни, и мы отмѣтимъ только преобладающіе въ немъ мотивы. Мы говоримъ о томъ вниманіи, какое удѣляетъ въ этихъ разсказахъ авторъ провинціальному кулаку, хищнику—или, выражаясь иными словами, представителю ростовщическаго и торговаго капитала. Тема, какъ видите, не новая, будничная и, пожалуй, пріѣвшаяся. Но то, что на извѣстномъ отдаленіи и съ извѣстной точки зрѣнія подлежитъ только подсчету и квалификаціи,—то составляетъ

жизненный вопросъ для многаго множества человѣческихъ существованій. И мы нисколько не удивимся, если подобныя „мелочи жизни“ все чаще и чаще будутъ фигурировать въ произведеніяхъ писателей, живущихъ на мѣстахъ, въ провинціи, въ деревнѣ, гдѣ кулацкія оргіи, на ряду съ прочими опредѣляющими условіями русской жизни—а, можетъ быть, именно благодаря имъ—являются могучимъ факторомъ массоваго обнищанія. Сказать, что это временная историческая оболочка или неизбѣжная переходная стадія развитія,—мало. Всякое явленіе при данной обстановкѣ неизбѣжно уже въ силу факта своего существованія, при другихъ же условіяхъ оно могло принять иные размѣры и форму; а понятіе „временное“—слишкомъ неопредѣленно и растяжимо, и можно представить себѣ такую совокупность сопутствующихъ условій, при которой это „временное“ будетъ тянуться почти безконечно. Но обнаруживаетъ ли данное „переходное“ явленіе тенденцію перейти въ высшую стадію развитія и какъ сильна эта тенденція? Отвѣтить на эти вопросы можно только путемъ конкретной дѣйствительности.

Мы уже говорили, что кулаки, уѣздные и сельскіе богатѣи, занимаютъ видное мѣсто въ книжкѣ г. Салова. Какъ только наблюдаталь провинціальной жизни заглядываетъ въ деревню, ему, какой бы стороной народной жизни онъ ни интересовался, сейчасъ же приходится имѣть дѣло съ тѣмъ разслоеніемъ деревни, которое обязано своимъ происхожденіемъ не столько усовершенствованію способовъ земледѣльческаго производства и связанной съ нимъ концентраціи капитала въ рукахъ „крѣпкаго крестьянства“, сколько концентраціи доходовъ, развитію на почвѣ общаго низкаго культурнаго уровня хищническихъ инстинктовъ и мошеннической эксплоатаціи слабаго сильнымъ. Провинціальнаго наблюдателя поражаетъ въ деревнѣ не ростъ производительныхъ силъ, не прогрессъ экономическій, который слишкомъ мало даетъ о себѣ знать, а именно развитіе хищничества, инстинктовъ грабительства, прогрессирующее размноженіе людей волчьей породы. „Людей такихъ по деревнямъ нашимъ легіоны,—говоритъ г. Саловъ про своего Ивана Пареёныча („Крапивники“);—это одинъ изъ видовъ нашей зародившейся деревенской буржуазіи, захватившей въ свои лапы простоватое крестьянское сословіе“. И прибавляетъ: „къ серьезному труду (онъ) былъ неспособенъ и измошенничался до того, что только о томъ и помышлялъ, какъ бы кого надуть... Главная дѣятельность Ивана Пареёныча заключалась въ аферахъ“. Но Иванъ Пареёнычъ — мелкая рыбешка. „Деревенская буржуазія“, о которой повѣствуетъ г. Саловъ, не только потому такъ бросается въ глаза, что ея много, но также потому, что отдѣльные ея экземпляры, не встрѣчая препятствія для своего расцвѣта и расширяя поле своей дѣятельности, достигаютъ чрезвычайно крупныхъ размѣровъ и

оказываютъ слишкомъ сильное давленіе на тѣ пружины, которыми регулируется жизнь провинціальнаго обывателя. Въ этомъ отношеніи любопытенъ „Паукъ“ г. Салова. Этотъ паукъ оплелъ своею паутиной весь уѣздъ и цѣлый уѣздъ держалъ въ своихъ сѣтяхъ. „Его степенство, какъ и подобаетъ, конечно, такому человѣку, былъ украшенъ нѣсколькими медалями, былъ пріятельски знакомъ съ властями какъ гражданскими, такъ военными и духовными, и имѣлъ у себя ихъ фотографическіе портреты, подаренные самими оригиналами съ надписями... Вслѣдствіе этого Степанъ Иванычъ — такъ звали уѣзднаго паука — опредѣлялъ становыхъ, квартальныхъ, поповъ, дьяконовъ, учителей и другихъ должностныхъ лицъ, а также и увольнялъ таковыхъ отъ занимаемыхъ должностей“. И всесильный Степанъ Иванычъ нисколько не преувеличивалъ, когда обращался къ своей жертвѣ, запутавшемуся въ его сѣтяхъ мужичку, съ такими словами: „Что хочу съ тобой, то и сдѣлаю. Хочу канатъ совью, а хочу распластаю, да посолю, чтобы не протухъ!“ Говорить о ростѣ производительныхъ силъ по поводу дѣятельности Степана Иваныча не приходится, это не предприниматель, выколачивающій прибавочную стоимость, это— „паукъ“, который *что хочетъ*, то и дѣлаетъ со своей жертвой. Такой же „паукъ“ и третій хищникъ—Клещевъ, выведенный г. Саловымъ въ разсказѣ „Злючка“. Всѣ они, не исключая вышеупомянутаго Ивана Парѳеныча, вышли изъ народа, и всѣ эксплоатируютъ этотъ народъ самыми примитивными способами: произвольнымъ ростовщическимъ процентомъ и отработками, обмѣромъ и обвѣсомъ или спаиваньемъ въ кабакахъ. „Не было села, не было сколько нибудь сносной деревушки, въ которыхъ не развѣвалось бы кабацкое знамя Степана Иваныча“ и „сколько подъ знаменемъ этимъ было выпито, сколько подъ сѣнь его было перетаскано разнаго добра мужичьяго — сосчитать не легко“... Такъ же примитивно выполняетъ свою роль деревенскаго буржуа и Клещевъ. Имѣя полторы тысячи десятинъ земли, онъ считалъ посѣвы „дѣломъ не стоющимъ вниманія; за то покупку хлѣба и торговлю деньгами предпочиталъ всякимъ другимъ коммерческимъ операціямъ. Тутъ, по крайности, „видимость“ есть, — говорилъ онъ, подразумѣвая подъ словомъ „видимость“ немедленно получаемый ростовщическій барышъ,—а о отъ посѣвовъ жди еще... То ли получишь, то ли нѣтъ“. Такимъ образомъ, „деревенская буржуазія“, съ которой мы познакомились по разсказамъ г. Салова, вполнѣ сохранила патріархальный образъ своего предка, классическаго Разуваева. Ея „экономическое развитіе“ и теперь пребываетъ на той же высотѣ, на какой стояло и 10, и 20, и 30 лѣтъ тому назадъ. Но, не измѣняясь качественно, она растетъ количественно и попрежнему, даже чаще прежняго, фигурируетъ въ описаніяхъ сельскаго быта, совершенно заслоняя собою въ глазахъ наблю-

дателя другіе, экономически болѣе развитые, но, очевидно слишкомъ ничтожные, элементы дифференцировавшейся деревни. О послѣднихъ мы знаемъ очень мало, вѣрнѣе—почти не знаемъ; а кровопійство—употребляя слова Щедрина—„продолжаетъ и до днесь тяготѣть надъ жизнью“ деревни. И что же, спрашивается, оно можетъ дать деревнѣ прогрессивнаго? Чего оно можетъ, какъ положительный факторъ, быть предвѣстникомъ? Разрушительная его роль понятна; а созидательная едва ли не ограничивается созиданіемъ кадровъ бездомныхъ и безработныхъ нищихъ...

Еще нѣсколько словъ о „Мелочахъ жизни“ г. Салова. Разсказы эти производятъ впечатлѣніе чего-то, написаннаго между дѣломъ, и затронутыя въ нихъ темы мало разработаны. Быть можетъ, это послѣднее обстоятельство отчасти и обусловливается ихъ эпизодичностью, но вѣрнѣе, что указанный недостатокъ коренится въ свойствахъ и размѣрѣ таланта г. Салова. Лучше всего нашему автору удались описанія охотничьихъ экскурсій, неразлучныхъ съ ними красотъ природы и т. п. внѣшнихъ аксессуаровъ; болѣе же интересные, соціальные сюжеты захвачены недостаточно глубоко. И самый интересный по замыслу разсказъ „Злючку“,—попытку изобразить маленькій „лучъ свѣта въ темномъ царствѣ“, въ лицѣ подростка-дѣвочки, дочери кулака Клещева,—мы должны признать слабымъ по исполненію.

К. Случевскій. Черная буря. Москва. Университетская типографія на Страстномъ бульварѣ. 1900.

Эту книжку вы не встрѣтите среди изданій, разсылаемыхъ для отзывовъ въ редакціи. Едва-ли также вы найдете ее въ петербургскихъ или московскихъ книжныхъ магазинахъ. Она имѣетъ спеціальное назначеніе: развлекать и поучать путешественниковъ по желѣзнымъ дорогамъ, въ районѣ, подчиненномъ „контрагентству и книгоиздательству“ знаменитаго В. А. Грингмута.

„Черная буря“ — заглавіе довольно заманчивое, „К. Случевскій“—имя литературное,—и злополучный путешественникъ наскоро пріобрѣтаетъ во время десятиминутной остановки небольшую книжечку съ аппетитной обложкой, обведенной символической каймой... Перевертываете вы затѣмъ обложку и видите: „Черная буря и другіе разсказы“. Еще далѣе васъ поражаетъ удивительная странность: на первомъ же листкѣ внизу страницы обозначена сразу цифра 89! Дальше книжка снабжена двойной пагинаціей: вверху и внизу каждой страницы. Верхняя пагинація идетъ до стр. 20, здѣсь прекращается и опять начинается съ 1-й. Нижняя, начавшаяся съ 89, держится до стр. 119. Далѣе нѣкоторое время и вверху и внизу идетъ новый счетъ страницъ, но увы — не надолго. Въ серединѣ книжки вы опять видите

вверху 1-ю страницу, внизу — 53... и т. д. Попробуйте по этой удивительной системѣ оріентироваться и разыскать что вамъ нужно. Понятно, что никакого оглавленія нѣтъ и быть не можетъ. За то очень быстро книжонка распадается на свои составныя части, и вы видите, что это плохо склеенные отдѣльные листы какого-то залежавшагося изданія, наскоро сляпанные въ одно цѣлое, прикрытые заманчивой обложкой и ставшіе орудіемъ желѣзнодорожнаго гешефтмахерства В. А. Грингмута надъ беззащитнымъ пассажиромъ.

Обращаясь къ содержанію, вы видите, что издатель называетъ *разсказами* жиденькія компилятивныя статейки, въ родѣ замѣтки на 10 страницахъ „Что такое наши кустари". Авторъ полагаетъ, между прочимъ, что кустарныхъ промысловъ въ Европѣ меньше, чѣмъ у насъ потому, что тамъ сильно развиты пути сообщенія. И однако „теперь (т. е. съ развитіемъ у насъ желѣзныхъ дорогъ) кустарные промыслы наши... развились очень сильно... и произведенія нашихъ кустарей идутъ до Парижа и Лондона"... Пусть такъ, хотя это и странно, — но неужели это „разсказъ"? Далѣе мы встрѣчаемъ „прогулку по нижегородской ярмаркѣ",— такое же жидкое и сухое упражненіе на всѣмъ извѣстную тэму: ярмарка расположена у сліянія Оки и Волги. Въ ней есть главный домъ... Мануфактурными товарами торгуютъ гг. Морозовы, во главѣ чайной торговли стоитъ домъ А. Губкина... Нѣсколько цифръ, нѣсколько поверхностныхъ описаній съ чужихъ словъ,— причемъ напримѣръ авторъ полагаетъ совершенно напрасно, будто „Самокатъ" есть „жилое помѣщеніе для простого народа", — „*подвальный*, самый населенный *этажъ* чудовищной ярмарки" *). Ничего подобнаго этому фантастическому этажу на ярмаркѣ нѣтъ; самокаты—просто деревянные балаганы съ трактирами и мѣстами увеселеній; самое названіе происходитъ отъ каруселей. Точно также невѣрно, будто „ярмарка лежитъ на низкомъ уровнѣ Песковъ"... Пески—небольшой островъ, на которомъ расположены балаганы съ желѣзомъ. Очевидно авторъ совсѣмъ не знаетъ ярмарки „въ натурѣ".

Таковы же и свѣдѣнія, сообщаемыя въ „разсказахъ": „Внизъ по Волгѣ" (жидкія извлеченія изъ путеводителей), „Засыпанный городъ" (изъ гидовъ о Помпеѣ). Нѣсколько обстоятельнѣе упражненіе о „Троице-Сергіевой лаврѣ",—это потому, что и популярная литература о ней богаче. „Извѣстный писатель паломникъ Муравьевъ... начинаетъ свое описаніе Лавры съ лунной ночи. Старцы на молитвѣ еще стоятъ въ келіяхъ, несется ароматный запахъ отъ скошеннаго сѣна". И т. д., и т. д.

*) Курсивъ нашъ. Мы охотно указали бы страницу, гдѣ помѣщено это удивительное извѣстіе, но—какая польза отъ этого указанія, если за стр. напр. 308, мы встрѣчаемъ стр. 225?

Собственно *разсказовъ* въ книжкѣ только три. Во 1-хъ, „Черная буря“, давшая свое имя сборнику. Въ ней повѣствуется о томъ, какъ рыбацкую шняку въ Ледовитомъ океанѣ разбила „черная буря“. Рыбакамъ грозила явная смерть: „штормъ снесъ мачту, замолкли послѣдніе урывчатые разговоры людей, безконечнымъ гуломъ надавила буря“... Въ шнякѣ показалась течь, — но, къ счастію, въ самую критическую минуту шняку кинуло на что-то, на „какую-то таинственную неожиданность, на какое-то страшилище, сразу воспрянувшее изъ волнъ океана“. Оказалось, что это мертвый китъ, и рыбаки съ потонувшей шняки спасаются (въ „черную бурю“?) на его гладкой спинѣ. Происшествіе, безъ сомнѣнія, изумительное, но дѣло не въ этомъ. Другой разсказъ носитъ заглавіе: „Неожиданное спасеніе“: „Черное море, въ ту ночь, о которой идетъ рѣчь, обидѣвшись своимъ названіемъ, доказывало, что оно, при участіи луны, обладаетъ удивительною способностью щеголять всѣми переливами своихъ аквамариновъ и зеленыхъ изумрудовъ“... Луна только еще всходила, по морю плыла лодка. Пловецъ увидѣлъ, какъ что-то блеснуло въ волнахъ. „Что или кто именно, — патетически спрашиваетъ авторъ,—заявилъ такъ поспѣшно, такъ неожиданно о своей самостоятельности и нежеланіи оставаться бархатистою тѣнью между другихъ тѣней? Кто не довольствуется благодушествомъ зеленоватыхъ красокъ и тоновъ мирно дремлющей ночи?“ Оказалось, что о своей самостоятельности и нежеланіи довольствоваться „благодушествомъ зеленыхъ красокъ“ заявила улитка, попавшая въ море со щепкой. Пловецъ захватилъ ее въ лодку и вывезъ на берегъ. „Спасеніе улитки,—философствуетъ авторъ—было предопредѣлено... Гребецъ въ данномъ случаѣ явился въ роли судьбы: случайный, неожиданный, никакимъ разсчетамъ не поддающійся, самъ въ себѣ не властный, но тѣмъ не менѣе всесильный“... Самый, однако, замѣчательный изъ всѣхъ разсказовъ носитъ заглавіе: „Что людямъ иногда кажется?“ У нѣкоей Али былъ ребенокъ, и ей казалось, что сыну грозятъ всевозможныя опасности. „Сначала Аля очень часто плакала, а потомъ и плакать перестала. А страхи только и дѣлали (sic), что возникали, роились, разнообразились... Аля не могла болѣе терпѣть этого. Прежде она, какъ сказано, плакала; теперь почему-то слезъ не имѣлось“... И вотъ, „однажды ей представился случай къ непосредственному дѣйствію противъ одного изъ страховъ. Во дворъ въ іюлѣ мѣсяцѣ забѣжала бѣшеная собака“: „Аля не замѣтила, какъ и куда спрятался ея сынокъ. Она видѣла передъ собой только давно желанное (sic) воплощеніе одного изъ страховъ“. Она выскочила на дворъ съ утюгомъ и убила собаку. „Удары утюга оказались страшными и такой невѣроятной силы, что совершенно искрошили голову въ жидкіе клочья, въ острые куски“. Въ другой разъ Аля увидѣла на взморьѣ, какъ какой-то ре-

бенокъ упалъ въ воду. „Сынъ мой! Сынъ мой — очерчивалось молніями по глубокому темени (sic!) затуманеннаго сознанія Али“. Рыбакъ вытащилъ упавшаго мальчика, Аля стала прижимать его къ своей груди и „рыдала подъ свистъ налетавшаго съ моря вихря“. Оказалось, однако, что мальчикъ не ея, а чужой, что и подаетъ автору поводъ для нравоученія: „не все то правда, что людямъ иногда кажется“. Заключеніе безспорное, но намъ вспоминается невольно, что г. Случевскій получилъ отъ академіи похвальный отзывъ за безукоризненный языкъ своихъ разсказовъ, и мы останавливаемся въ изумленіи передъ „глубокимъ теменемъ сознанія“ и другими прелестями этой книженки. Штемпель „контрагентства В. А. Грингмута“ объясняетъ, конечно, очень многое. Всюду, гдѣ раздается паровозный свистокъ и есть желѣзнодорожные кіоски, имя г-на Грингмута и слава его продѣлокъ пользуются широчайшей извѣстностью. Но неужели, всетаки, В. А. Грингмутъ пошелъ такъ далеко, что для своего издательскаго „дѣланія“ выдумалъ собственнаго К. Случевскаго?

Этотъ вопросъ интересовалъ насъ главнымъ образомъ при чтеніи этой „Черной бури“ и этихъ „другихъ разсказовъ“.

Ч. Вѣтринскій. Въ сороковыхъ годахъ. Историко-литературные очерки и характеристики. М. 1899.

Сорокалѣтняя годовщина смерти Грановскаго въ 95 году и еще болѣе „дни Бѣлинскаго“ въ 98 г.—эти два событія главнымъ образомъ—привлекли вниманіе образованной части нашихъ современниковъ къ далекой эпохѣ 40-хъ годовъ. Они побудили однихъ воскресить въ своей памяти свѣтлые образы дѣятелей этой эпохи, крупными буквами вписавшихъ имена свои въ исторіи русской общественности, а другихъ, мало знакомыхъ съ людьми и эпохой—поближе присмотрѣться къ тому прошлому, изученіе котораго „неминуемо выдвигаетъ рядъ нравственныхъ и общественныхъ вопросовъ, имѣющихъ ближайшее соприкосновеніе съ современностью“. Г. Вѣтринскій—въ статьѣ, посвященной общему обзору эпохи—справедливо полагаетъ, что „при всѣхъ отличіяхъ нашего времени отъ дореформеннаго, мы ушли отъ него еще не слишкомъ далеко, не настолько, чтобы всѣ „переживанія“ той эпохи перестали мѣшать спокойному и нормальному литературному и общественному развитію...“ И потому „жизнь, душевная борьба и идейныя стремленія“ лучшихъ представителей 40-хъ годовъ, далеко опередившихъ свое время въ пониманіи задачъ этого развитія, представляетъ для насъ „особый интересъ“.

Книжка г. Вѣтринскаго не имѣетъ характера научной историко-литературной монографіи, методически составленной, пре-

слѣдующей какія либо спеціальныя задачи изученія или устанавливающей какія-либо новыя точки зрѣнія на предметъ изслѣдованія. Она состоитъ изъ ряда отдѣльныхъ очерковъ, написанныхъ въ разное время и объединенныхъ лишь общностью того источника, изъ котораго авторъ бралъ свои темы; и въ этихъ очеркахъ авторъ, не сообщая никакихъ новыхъ данныхъ, задается цѣлью только собрать и сгруппировать обширный и разсѣянный въ многочисленныхъ изданіяхъ матеріалъ, имѣющій отношеніе къ характеристикѣ 40-хъ годовъ и ихъ дѣятелей. Составленная изъ отдѣльныхъ статей, книжка, какъ цѣлое, нѣсколько страдаетъ отъ повтореній, неизбѣжныхъ при отсутствіи единства работы; но нужно признать, что этотъ недостатокъ въ значительной мѣрѣ сглаживается умѣлымъ подборомъ данныхъ и фактовъ, которые, лишній разъ попадаясь на глаза читателю, способствуютъ лучшему уразумѣнію наиболѣе существенныхъ особенностей описываемаго времени и внутренняго облика выводимыхъ въ очеркахъ лицъ.

„Историко-литературные очерки и характеристики" г. Вѣтринскаго подобраны интересно и въ общемъ составлены хорошо. Тотъ или другой дѣятель эпохи 40-хъ годовъ всегда разсматривается въ нихъ въ тѣсной связи со своимъ временемъ и во взаимодѣйствіи съ прочими выдающимися своими современниками, благодаря чему читатель не теряетъ изъ вида общей перспективы и всегда, даже знакомясь съ явленіемъ, по существу своему маловажнымъ, или съ личностью, по своему общественному значенію второстепенной, находится въ курсѣ самыхъ насущныхъ вопросовъ тогдашней общественной жизни и умственныхъ интересовъ того времени. Такъ, говоря о „Загадочной книгѣ" — „Выбранныхъ мѣстахъ изъ переписки съ друзьями", авторъ не только останавливается на личности Гоголя, на его отношеніи къ своему творчеству и на основныхъ чертахъ его психическаго склада, послѣдующее развитіе которыхъ погубило „великаго художника" и подарило русскому обществу антигуманную и антиобщественную „Переписку", но попутно яркими красками рисуетъ и тотъ историческій моментъ, въ который появилась книга Гоголя, и подробно описываетъ пріемъ, оказанный ей въ различныхъ слояхъ общества. То же нужно сказать, напр., и о статьѣ, посвященной В. П. Боткину и написанной въ 94 г., ко дню двадцатипятилѣтія его смерти. Статья о Боткинѣ самая большая въ сборникѣ г. Вѣтринскаго и на первый взглядъ можетъ показаться непонятнымъ, почему такъ много распространяется авторъ объ „этомъ дилетантѣ сороковыхъ годовъ, безплодно растратившемъ свою жизнь въ эпикурейскомъ отношеніи и къ наукѣ, и къ искусству, и къ жизни", въ которомъ, по словамъ Тургенева, сидѣли удивительно ретроградные инстинкты и предубѣжденія" и который обладалъ удивительной способностью „наслаж-

даться жизнью". Но авторъ вѣрно замѣчаетъ, что „пониманіе эпохи не можетъ быть полнымъ, если не будетъ ясенъ литературный и нравственный обликъ такихъ незаурядныхъ, хотя и второстепенныхъ представителей ея, какъ Боткинъ", въ которомъ особенно рѣзко сказались „нѣкоторыя черты, свойственныя въ большей или меньшей степени почти всѣмъ дѣятелямъ сороковыхъ годовъ". И, знакомя читателя съ Боткинымъ, авторъ опять таки постоянно имѣетъ въ виду эпоху и пользуется случаемъ прослѣдить, какъ складывалось міровоззрѣніе ея лучшихъ представителей и какъ измѣнялось оно съ теченіемъ времени.

Первое мѣсто въ сборникѣ отведено, конечно, Бѣлинскому. Можно было бы упрекнуть автора, удѣлившаго „гордости, славѣ и украшенію" русской литературы небольшую замѣтку въ 30 съ чѣмъ-то страничекъ, если бы имя Бѣлинскаго и пространныя выдержки изъ Бѣлинскаго не фигурировали въ книжкѣ на каждомъ почти шагу и не указывали читателю на ту исключительную роль, которая принадлежала Бѣлинскому, какъ дѣятелю 40-хъ годовъ и какъ „крестному отцу" современной нашей литературы. Мы не можемъ, конечно, рекомендовать никому изъ читателей ограничить книжкой г. Вѣтринскаго свое знакомство съ нашимъ великимъ критикомъ и выдающимся человѣкомъ, которому столько современниковъ „было обязано своимъ спасеніемъ". Краткая и бѣглая характеристика, помѣщенная въ сборникѣ, имѣетъ въ виду только „оживить въ представленіи читателей скорбный и прекрасный образъ великаго учителя русскаго общества" и познакомить ихъ въ общихъ чертахъ съ его взглядами и съ его дѣятельностью. Но познать и полюбить „великое сердце" Бѣлинскаго,—что мы считаемъ обязательнымъ для всякаго, неравнодушнаго къ судьбамъ своей родины и къ участи своихъ близкихъ, — возможно только при болѣе обстоятельномъ знакомствѣ съ источниками — съ сочиненіями критика, теперь болѣе доступными, и съ трудомъ г. Пыпина, собравшаго его переписку. Нельзя не указать еще на то обстоятельство, что нѣкоторыя данныя, существенно необходимыя для освѣщенія личности Бѣлинскаго, не были использованы авторомъ „историко-литературныхъ очерковъ и характеристикъ" въ виду чисто внѣшнихъ затрудненій. Такъ, онъ заявляетъ, напр., что по независящимъ обстоятельствамъ не могъ *перепечатать* изъ VIII тома сочиненія г. Барсукова о Погодинѣ „завѣщаніе" Бѣлинскаго— его знаменитое письмо къ Гоголю, написанное болѣе полувѣка тому назадъ. Еще въ большей степени вліяніе этихъ внѣшнихъ причинъ отразилось на другомъ очеркѣ г. Вѣтринскаго—наименѣе удачномъ изъ всѣхъ его характеристикъ — посвященномъ Герцену. Скудость литературныхъ данныхъ о жизни и дѣятельности Герцена поразительна и совершенно не соотвѣтствуетъ тому мѣсту, которое занимаетъ эта замѣчательная личность въ

исторіи нашего общественнаго развитія: біографическими набросками г. Смирнова почти исчерпывается литература о Герценѣ. А изъ его сочиненій, кромѣ кое какихъ писемъ, „сборникъ сочиненій 40-хъ годовъ „Раздумье" и изданіе „Кто виноватъ?" 1891 г.—вотъ и все, что хотя и стало библіографической рѣдкостью (особенно первое изданіе), но изрѣдка попадаетъ въ руки русскаго читателя". И теперь, когда русское общество справляетъ *тридцатую* годовщину смерти Герцена (9-го января), нельзя не пожалѣть лишній разъ, что „надъ писателемъ, дѣятельность котораго проходила три царствованія назадъ, все еще тяготѣетъ старое недовѣріе къ нему".

Не останавливаясь на другихъ статьяхъ, отмѣтимъ еще очеркъ „Два русскихъ общественныхъ типа", который мы считаемъ лучшимъ въ сборникѣ г. Вѣтринскаго. Въ этомъ очеркѣ дается обстоятельная характеристика И. С. Аксакова и небезизвѣстнаго цензора Никитенка, и проводится между ними очень любопытная и интересная параллель, „на основаніи матеріала, оставленнаго ими самими" — переписки Аксакова и дневника Никитенка. Книжка г. Вѣтринскаго заканчивается статьей о Щепкинѣ, самоучкѣ-крѣпостномъ, имя котораго „неразрывно соединено съ именами лучшихъ дѣятелей просвѣщенія въ Россіи". 50-лѣтній юбилей сценической дѣятельности Щепкина, этого реформатора сценическаго искусства, торжественно отпразднованный въ 1855 г., въ самомъ началѣ новаго царствованія, былъ знаменательнымъ явленіемъ въ русской жизни,—говоритъ г. Вѣтринскій. На этомъ юбилеѣ „общество (или, по крайней мѣрѣ, часть его) чествовало въ лицѣ Щепкина—быть можетъ, не совсѣмъ ясно сознавая это—одного изъ представителей предшествовавшей эпохи, когда только что зарождалось общественное самосознаніе, чествовало ожесточеннаго врага крѣпостного права, друга Грановскаго (скончавшагося полтора мѣсяца передъ тѣмъ) друга автора „Кто виноватъ?" и „Сороки-воровки",—словомъ, чествовало человѣка сороковыхъ годовъ".

Заключимъ настоящую замѣтку слѣдующими словами нашего автора, резюмирующими основной взглядъ его на значеніе интересующей насъ эпохи и подчеркивающими главные мотивы, которые побудили его дать читателямъ рядъ характеристикъ дѣятелей „замѣчательнаго десятилѣтія". Если „содержаніе прежнихъ жизненныхъ запросовъ—говоритъ г. Вѣтринскій—въ значительной мѣрѣ утратило для насъ жгучій интересъ", то „не утратили своего значенія и должны живо интересовать насъ тѣ нравственныя побужденія, которыя руководили недавними дѣятелями, ихъ манера ставить вопросы и требованія отъ жизни, ихъ взглядъ на личныя свои отношенія къ идеальному будущему, которому они думали служить". Вполнѣ соглашаясь съ этимъ мнѣніемъ и признавая, что „нравственныя побужденія" передовыхъ людей

40-хъ годовъ имѣютъ огромное общественно-воспитательное значеніе, мы не можемъ не пожелать книжкѣ г. Вѣтринскаго возможно широкаго распространенія. Знакомясь съ этими людьми, жившими „наканунѣ“ и въ глухое и темное время освѣщавшими дорогу русскому обществу, и проникаясь ихъ высокими нравственными стремленіями, пусть наши современники почаще вспоминаютъ завѣтъ „великаго человѣколюбца“—своего „многострадальнаго“ предшественника и учителя,—который сказалъ: „я не хочу счастія и даромъ, если не буду спокоенъ насчетъ каждаго изъ моихъ братьевъ по крови“.

М. В. Ватсонъ. Джозуэ Кардуччи. Критико-біографическій очеркъ. (Итальянская библіотека) Спб. 1899.

Новый выпускъ „итальянской библіотеки“, задуманной нашей заслуженной переводчицей и знатокомъ южно-романскихъ литературъ, посвященъ патріарху современной итальянской поэзіи Джозуэ Кардуччи. Это яркая и красивая фигура, привлекательная даже для тѣхъ, кто не можетъ примириться съ политической эволюціей болонскаго профессора, обратившагося изъ былого Тиртея свободы въ покладистаго сторонника криспіанской Италіи. Образцы сатиры Кардуччи, удачно переданные переводчицей, воскрешаютъ предъ читателемъ литературную форму, которую онъ склоненъ былъ считать отжившей и несвойственной нашему разсудочному вѣку: настоящую лирическую, стихотворную сатиру, классической формой и неподдѣльнымъ паѳосомъ негодованія напоминающую римскую,—лучшая похвала для поэта-мыслителя, преклоняющагося предъ латинской древностью.

Сложность и многообразіе художественныхъ мотивовъ —наиболѣе характерная черта поэзіи Кардуччи и ею, быть можетъ, объясняются какъ бы противорѣчія его судьбы: лирикъ, то есть поэтъ субъективный по преимуществу, онъ — признанный провозвѣстникъ и глава итальянскаго реализма; парнасецъ по изысканности и новизнѣ формы, онъ бываетъ въ своей поэзіи и публицистомъ, и обличителемъ, и критикомъ; въ эпоху своего политическаго либерализма онъ поразилъ даже единомышленниковъ своимъ знаменитымъ лирическимъ манифестомъ—„гимномъ сатанѣ“ — произведеніемъ, переходящимъ за рамки всякой политической программы и какъ бы таящимъ тѣ мотивы, которые во всей полнотѣ раздались значительно позже—четверть вѣка спустя. Жаль, что авторъ біографіи Кардуччи не нашелъ возможнымъ дать русскимъ читателямъ переводъ этого наиболѣе извѣстнаго и наиболѣе интереснаго его стихотворенія.

А. В. Мезьеръ. Русская словесность съ XI по XIX столѣтіе включительно. Библіографическій указатель. Часть I (XI—XVIII вѣка). СПБ. 1899.

„Русская словесность—это одна изъ тѣхъ отраслей знанія, которая пользуется наибольшимъ почетомъ среди русской читающей публики. Больше всего читаются, возбуждаютъ всеобщій интересъ именно произведенія словесности. На второмъ мѣстѣ по степени возбуждаемаго интереса стоятъ произведенія по исторіи русской литературы и критики произведеній словесности. Но насколько богаты всѣ эти отдѣлы? И богаты-ли они? И въ чемъ состоитъ это богатство? И какія произведенія словесности вызвали наибольшее количество и какихъ изслѣдованій и критическихъ статей? Всѣ эти вопросы остаются безъ отвѣта. Между тѣмъ они имѣютъ несомнѣнно большой и научный, и литературный, и публицистическій интересъ. Чтобы отвѣтить на всѣ эти вопросы, нужно подвести итоги всему тому, что сдѣлано русскими писателями, художниками, учеными, публицистами и критиками съ начала русской словесности, а для этого нужно предпринять громадный, кропотливый, неблагодарный трудъ составленія такого библіографическаго указателя, какой мы предлагаемъ въ настоящее время вниманію всѣхъ интересующихся даннымъ вопросомъ". Къ этому заявленію издателя можно бы прибавить еще, что и издательство библіографическихъ пособій есть дѣло также неблагодарное и трудное. Эти книги требуютъ особенной точности, обыкновенно очень объемисты, а сбытъ находятъ незначительный. Изданіе ихъ не можетъ быть у насъ дѣломъ частнаго лица—это долгъ ученыхъ учрежденій; составленіе же ихъ также должно быть не случайнымъ занятіемъ любителей, а дѣломъ спеціалистовъ.

Есть два рода библіографическихъ указателей; одни, не выходящіе за предѣлы одной области знанія, составляются обыкновенно спеціалистами. Здѣсь мы встрѣчаетъ и настоящее знакомство съ предметомъ и критическое отношеніе къ литературѣ, и научную систему: условія, необходимыя для того, чтобы библіографическая работа не обратилась въ хаотическое собраніе болѣе или менѣе случайныхъ справокъ. Есть и такія работы; онѣ иногда производятся даже спеціалистами по библіографіи—то есть дилетантами, а то и невѣждами во всѣхъ наукахъ, кромѣ науки каталоговъ и оглавленій. Типичнымъ образцомъ—можно сказать, идеаломъ послѣднихъ былъ покойный Межовъ, громадные труды котораго останутся навсегда низшимъ видомъ библіографической работы. Здѣсь есть и пропуски, объясняющіеся тѣмъ, что работа производилась механически, о содержаніи книгъ составитель могъ судить только по заглавію, есть здѣсь нелѣпости въ системѣ и—что самое главное—здѣсь нѣтъ критической перспективы, при

которой работа перестаетъ быть каталогомъ и становится настоящимъ научнымъ пособіемъ.

Среднее положеніе между обоими этими типами занимаетъ работа, лежащая предъ нами. Необходимость въ такомъ трудѣ назрѣла давно. Мы не преувеличимъ его значенія, если назовемъ его по истинѣ драгоцѣннымъ для всѣхъ тѣхъ разнообразныхъ категорій читателей, которыя онъ имѣетъ въ виду. Прежде всего къ нему обратятся обширные слои читающей публики, которая такъ мало освѣдомлена въ богатствахъ родной литературы. Ради этой публики мы-бы желали видѣть скорѣе продолженіе и окончаніе этого труда, такъ какъ русскіе читатели—и никто не поставитъ имъ это въ упрекъ—интересуются больше новыми классиками родной литературы, чѣмъ народной словесностью, древней письменностью и литературой XVIII вѣка. Быть можетъ, однако, кой кто изъ этихъ читателей заглянетъ, благодаря указателю, и въ эти дебри россійской словесности, и увидитъ, какъ много живого и интереснаго въ этихъ литературныхъ могилахъ, какъ многое изъ того, чѣмъ онъ восхищается въ потомкахъ, коренится въ забытыхъ, а подчасъ и ославленныхъ предкахъ. Наша школьная наука не сумѣла сроднить насъ съ нашимъ литературнымъ прошлымъ, не сумѣла воспитать въ насъ вкуса къ исторіи: она слишкомъ настойчиво преслѣдовала иныя цѣли и вмѣсто уваженія къ старикамъ ухитрилась внушить къ нимъ равнодушное отчужденіе. Этимъ отчужденіемъ не страдаютъ лишь тѣ научные работники, которые среди самостоятельныхъ изысканій пришли къ забытымъ старикамъ, занялись ими и поняли ихъ значеніе. И для такихъ работниковъ трудъ г-жи Мезіеръ будетъ очень полезенъ; они найдутъ въ немъ сводъ множества указаній, до сихъ поръ разбросанныхъ по разнообразнымъ, иногда и мало доступнымъ изданіямъ. И именно не ради большой публики, которая найдетъ въ лежащей предъ нами работѣ почти все ей необходимое, но ради научныхъ тружениковъ, тратящихъ непроизводительно такъ много времени на черную работу,—мы бы желали видѣть почтенный трудъ г-жи Мезьеръ свободнымъ отъ многихъ недоразумѣній и упущеній, которыя въ немъ можно отмѣтить и которыя никакъ нельзя назвать маловажными. Замѣчанія о системѣ распредѣленія матеріала мы оставимъ въ сторонѣ, хотя, несомнѣнно, эта система повинна въ разныхъ противорѣчіяхъ и недоразумѣніяхъ; отмѣтимъ хотя бы то, что библіографію *рукописей* мы нашли въ общемъ отдѣлѣ библіографіи русскихъ книгъ церковной *печати*. Существеннымъ упущеніемъ является отсутствіе во введеніи отдѣла, посвященнаго полнымъ обзорамъ исторіи русской литературы по всѣмъ ея отдѣламъ: это избавило бы составительницу отъ необходимости заносить полные курсы во всѣ періоды, о которыхъ въ этихъ курсахъ упоминается: вы найдете не разъ указанія на *части* курсовъ Пыпина, Порфирь-

ева, Караулова, тогда какъ проще было привести ихъ въ введеніи съ указаніемъ ихъ содержанія.

Нѣкоторые отдѣлы указателя составлены съ достаточной полнотой—таковъ въ особенности отдѣлъ древне-русской книжной словесности, но въ нѣкоторыхъ много, слишкомъ много пропусковъ. Такъ, напримѣръ, въ отдѣлѣ „Главныя сочиненія по исторіи русскаго языка и письменности" мы не нашли такихъ изслѣдованій, какъ „Лекціи по славянскому языкознанію" Флоринскаго, „Славянскія нарѣчія" Гебауэра (Кіевъ, 1882), „Славянскія нарѣчія" Григоровича, работы Ржича (СПБ. 1878 и М. 1890), „Къ вопросу о гунѣ" Крушевскаго, „Къ исторіи звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи" Карскаго (Варшава, 1893), „Этимологическаго словаря" Горяева (Тифлисъ, 1892); здѣсь-же въ видѣ общей оговорки мы находимъ въ концѣ указаніе, не разъ въ разнообразныхъ формахъ повторяемое составительницей и просто забавное въ библіографическомъ указателѣ: „много изслѣдованій помѣщено вообще (?) въ „Извѣстіяхъ" 2-го Отд. Имп. Акад. Наукъ" съ 1852—62 гг., въ „Уч. Зап. Акад. Наукъ" съ 1862 г. и въ „Сборникахъ 2-го Отд. Ак. Наукъ", а также въ другихъ повременныхъ изданіяхъ ученыхъ обществъ и университетовъ". Не говоря ужъ о томъ, что „Извѣстія 2 Отдѣленія" издавались не только въ пятидесятыхъ годахъ, но издаются и теперь,—на что, скажите, библіографическій указатель, если свѣдѣнія, даваемыя имъ, будутъ отличаться такой опредѣленностью? Здѣсь-же мы находимъ указаніе: „кромѣ всего указаннаго см. также: „Филологическія Записки", издав. въ Воронежѣ съ 60 г." Не угодно-ли, нуждаясь въ литературной справкѣ и обратясь для этого къ библіографическому указателю, въ подзаголовкѣ котораго торжественно означено: Книги и журнальныя статьи,—найти въ немъ... совѣтъ просмотрѣть самолично журналъ за *сорокъ лѣтъ* изданія, тѣмъ болѣе, что составительница не нашла возможнымъ упомянуть въ отдѣлѣ „Библіографія повременной литературы", что къ этому журналу составленъ хорошій указатель. Вообще литература библіографіи, то есть самаго въ этомъ дѣлѣ важнаго, извѣстна составительницѣ меньше всего другого (отмѣтимъ, между прочимъ, отсутствіе указаній на такія капитальныя изданія, какъ „Перекличка альманаховъ" Путятина, „Русскія иллюстрированныя изданія" Верещагина, три тома „Русской историч. библіографіи" Межова за 1800—1854 гг.). Быть можетъ, поэтому отдѣлъ „Библіографія русскихъ книгъ гражданской печати", если даже и предположить, что въ этотъ важный отдѣлъ должны были войти только „наиболѣе полные и важные для библіографическихъ изслѣдованій труды", какъ гласитъ его подзаголовокъ, страдаетъ такими упущеніями, при которыхъ человѣкъ имъ пользующійся останется въ очень и очень многихъ случаяхъ въ весьма неудобномъ положеніи. Здѣсь пропущены указатели первостепенной важности, безъ ко-

торыхъ до окончанія „Русскихъ книгъ“ Венгерова человѣку работающему двинуться невозможно. Это—„Систематическая роспись магазиновъ Глазунова“ (сост. Ефремовымъ, (СПБ. 1867), съ пятью прибавленіями (1869--1889), и такіе-же „Каталоги“ магазиновъ Базунова (1869, шесть прибавленій, 1870—1875) и Исакова (СПБ. 1877—1888), составленные Межовымъ и, наконецъ, указатели главнаго управленія по дѣламъ печати. Столь существенные пропуски именно въ литературѣ библіографіи, для библіографа дополняются тѣмъ, что „Указатель“ не носитъ ни малѣйшихъ слѣдовъ знакомства составителя съ богатой данными статьей „Библіографія“ въ „Энциклопедическомъ словарѣ“ Брокгауза и Ефрона. Не будемъ останавливаться на мелкихъ упущеніяхъ. Въ литературѣ причитаній указана лишь одна часть знаменитаго сборника Барсова, тогда какъ ихъ три (II—„Плачи завоенные и др.“ Москва, 1882. III—„Плачи свадебные и др.“, напечатана въ „Чтеніяхъ Моск. Общ. Ист.“ 1885 г.). Напрасно также составительница утверждаетъ, что „спеціальныхъ изслѣдованій о причитаніяхъ“ нѣтъ, не упоминая о статьѣ А—ра Н. Веселовскаго „Die russischen Todtenklagen“ (въ „Russische Revue“ 1873, т. III) и др. Много пропусковъ въ литературѣ пословицъ; здѣсь нѣтъ даже новѣйшихъ работъ Тимошенко („Литературные источники и прототипы трехсотъ русскихъ пословицъ“. Кіевъ, 1897), Ляцкаго и др., а изъ старыхъ между многими прочими пропущенъ, можно сказать, классическій трудъ Максимова „Крылатыя слова“.

Всѣ эти упущенія—число ихъ можно-бы удвоить и утроить—не лишаютъ работу г-жи Мезьеръ значенія. Тотъ, кто знаетъ, какъ много тяжелаго механическаго—то есть самаго тягостнаго—труда вкладывается въ библіографическія работы и какъ въ сущности мало самоудовлетворенія способны онѣ дать составителю, тотъ оцѣнитъ лежащій предъ нами трудъ. Важно начать. Спеціалистъ на основаніи своихъ старыхъ работъ и случайныхъ воспоминаній легко укажетъ здѣсь десятокъ—другой, а то и сотню пропусковъ, но онъ будетъ неправъ, если не сознается, что отнынѣ за всякой справкой по литературѣ русской словесности онъ прежде всего обратится къ „Указателю“ г-жи Мезіеръ. А когда „Указатель“ этотъ будетъ оконченъ, онъ станетъ навѣрное любимымъ справочникомъ обширныхъ слоевъ русской читающей публики и принесетъ ей большую пользу.

Георгъ Брандесъ. Шекспиръ, его жизнь и произведенія. Томъ I. Пер. подъ редакціей Н. И. Стороженка. Изд. К. Т. Солдатенкова. Москва. 1899.

Л. Шестовъ. Шекспиръ и его критикъ Брандесъ. Спб. 1899.

С. Д. Махаловъ. Фантазія на трагедію „Гамлетъ“ Шекспира. Москва. 1900.

Громкое имя автора даетъ возможность новой книгѣ Брандеса обойтись безъ особенныхъ рекомендацій: она въ нихъ не нуждается, но, надо сказать правду, она и заслуживаетъ ихъ далеко не въ такой степени, въ какой ихъ стоили прежнія произведенія датскаго критика и историка европейской литературы. Редакторъ русскаго перевода, сказавъ въ похвалу ей, что она „читается какъ самый интересный культурно-историческій романъ“, въ сущности, приблизилъ насъ къ жестокой правдѣ: научное изслѣдованіе Брандеса слишкомъ похоже на романъ; его „умѣніе читать между строками“ не разъ переходитъ въ вылавливаніе между строкъ Шекспира того, чего тамъ по существу вовсе нѣтъ: автобіографическихъ признаній и указаній. Не мудрено, что книга, основанная на такомъ неустойчивомъ фундаментѣ, болѣе близка къ культурно-историческому роману, чѣмъ къ научному изслѣдованію. Но—чтожъ,—романъ подходящая форма для гипотезъ и парадоксовъ, а гипотезы и парадоксы—лучшій способъ привлечь и увлечь обширный кругъ читателей. Брандесъ не всегда правъ въ своихъ взглядахъ на Шекспира, но онъ не только любитъ Шекспира, но и знаетъ его—у насъ же принято преклоняться въ кредитъ: можно знать, можно и не знать. Знаютъ то, что входитъ въ репертуаръ заѣзжихъ трагиковъ, ищутъ драмы подъ названіемъ „Фальстафъ“ и смѣшиваютъ „Какъ вамъ угодно“ и „Что хотите“.

Въ этой атмосферѣ безразличія книга г. Шестова производитъ своеобразное и значительное впечатлѣніе; она проникнута такимъ серьезнымъ, дѣятельнымъ и горячимъ отношеніемъ къ великому поэту, что захватываетъ даже тамъ, гдѣ васъ возмущаютъ воззрѣнія автора. Если хотите, это книга не о Шекспирѣ и не о Брандесѣ: замѣчанія о творчествѣ Шекспира и трудѣ Брандеса—только форма, въ которую, быть можетъ и не случайно, отлились волновавшія автора мысли; это—разсужденія о нравственной философіи, это бурный и, намъ кажется, основанный на недоразумѣніи, протестъ противъ раціонализма, это книга о себѣ, пожалуй, больше, чѣмъ о Шекспирѣ; но за всѣмъ этимъ было бы несправедливостью не замѣтить тѣхъ рѣзкихъ и справедливыхъ возраженій, какія получаютъ въ работѣ г. Шестова теоріи Брандеса. Частные вопросы изученія Шекспира, занимающіе датскаго критика, его не интересуютъ. Онъ предполагалъ лишь „выяснить, что видитъ Брандесъ въ Шекспирѣ и чѣмъ былъ Шекспиръ“—и надо сказать, въ тѣхъ рамкахъ, какія онъ себѣ поставилъ, это удалось ему. Отъ маленькаго модернизованнаго Шекспира, созданнаго Брандесомъ по образу и подобію своему, онъ возвращаетъ насъ къ Шекспиру по истинѣ могучему и вѣчному, отъ сверхчеловѣчка къ всечеловѣку. Несмотря на

хорошія знанія, вложенныя въ книгу, отъ нея отдаетъ не книжной ученостью, а свободной и пытливой мыслью, которая и заблуждается лишь потому, что не стоитъ на мѣстѣ, а тянется вверхъ и ищетъ.

„Культурно-историческіе очерки“ г. Махалова посвящены не только „Гамлету“, но и инымъ важнымъ вопросамъ шекспирологіи. „Фантазіи“ въ нихъ не много—наоборотъ, авторъ любитъ держаться у почвы и ссылается на авторитетныя имена даже при предположеніяхъ весьма умѣреннаго размаха. Но еще чаще онъ цитируетъ безъ всякой нужды и безъ особеннаго разбора, не столько для подтвержденія, сколько для настроенія. Вотъ, напримѣръ, простая мысль: можно бороться и словомъ, слово есть тоже дѣло—мысль, вѣроятно, столь же ясная автору, какъ и его читателю, во всякомъ случаѣ, достаточно ясная для изученія Шекспира. Но нѣтъ—начинается пальба поясненіями и цитатами: „Что можно сдѣлать силою слова, доказываетъ примѣръ Савонаролы, убѣдившаго *убѣжденіемъ* разгульную Флоренцію въ аскетическій монастырь. Вызовъ Галилея—é pur si muove“, брошенный его мучителямъ, дышетъ *дѣятельнымъ* героизмомъ. Никого не убивши и не ранивши, Вольтеръ боролся за естественныя человѣческія права. Когда въ Англіи была выпущена низкопробная монета, наносившая ущербъ низшему классу, Свифтъ началъ изданіе „Писемъ Суконщика“, въ которыхъ пламенно обличалъ это зло: послѣ четвертаго письма монета была изъята изъ употребленія“. И дальше—все то же: „Трейчке въ своей работѣ о Байронѣ... Самъ Байронъ въ письмѣ къ Муру... у всѣхъ на памяти юбилей Фонвизина... Одинъ изъ научныхъ трудовъ Чичерина... В. Гольцевъ о Грановскомъ... Гончаровъ о Чацкомъ... Басистовъ о Рудинѣ... Мининъ, Іоанна д'Аркъ“—„слова, слова, слова“. Этотъ стиль гимназическаго сочиненія дѣйствуетъ нестерпимо, отбивая у читателя всякую охоту войти въ суть „фантазіи“ г. Махалова. А между тѣмъ здѣсь есть кой-что интересное—и новыя у насъ свѣдѣнія, и вѣрныя соображенія.

Эдуардъ Чепей. Аграрный переворотъ въ Англіи въ XVI в. по свидѣтельству современниковъ. Переводъ съ англійскаго подъ редак. Н. А. Рубакина. С.-Петербургъ, 1899 г.

Въ жизни человѣчества есть не мало эпохъ, о которыхъ „историкъ, скорбя, говоритъ“. Про одну изъ эпохъ подобнаго рода и пишетъ, со словъ современниковъ, Эдуардъ Чепей, ассистентъ по каѳедрѣ исторіи въ пенсильванскомъ университетѣ. Роль и значеніе въ экономической исторіи Англіи аграрнаго переворота XVI вѣка слишкомъ хорошо извѣстны (напримѣръ изъ 27 главы „Капитала“), чтобы объ нихъ нужно было распространяться. Это былъ періодъ „такъ называемаго первоначальнаго накопле-

нія“, серьезность котораго состояла въ отдѣленіи самостоятельнаго работника отъ его орудій производства, въ созданіи какъ птица свободныхъ пролетаріевъ. Молодой, алчный до прибылей капиталистъ расчищалъ въ это время путь къ мануфактурѣ, сокрушая по дорогѣ старыя формы хозяйственной жизни. Глубина измѣненій соціальнаго строя Англіи въ теченіе XVI вѣка лучше всего характеризуется тѣмъ обиліемъ свидѣтельствъ современниковъ о превращеніи „веселой Англіи“ въ „печальную и вздыхающую“, которыя легли въ основу брошюры Чепея. Будучи вѣрнымъ отголоскомъ того времени, брошюра даетъ хотя и сжатый, но тѣмъ не менѣе очень яркій и содержательный очеркъ перехода Англіи къ новому экономическому строю. Болѣе страдавшая сторона въ этомъ переходѣ, крестьянство—всегда бывшее, и часто совсѣмъ незаслуженно, пасынкомъ цивилизаціи—дала и большее литературное выраженіе своихъ жалобъ. Формы послѣднихъ крайне разнообразны. Онѣ рождаются то въ бурныхъ возстаніяхъ подавленнаго и обнищавшаго народа, то слышатся въ молитвенныхъ словахъ короля Эдуарда VI, обращавшагося къ престолу всевышняго съ такими просьбами: „усердно молимъ Тебя, ниспошли Твой Святой Духъ въ сердца тѣхъ, которые владѣютъ землей, пастбищами и жильями, чтобы они, памятуя, что они Твои арендаторы, не возвышали платы за свои поля и земли“ и пр.; онѣ то вырываются бурнымъ негодованіемъ изъ устъ Томаса Мора, то произносятся незамѣтными писателями и памфлетистами. Но откуда бы онѣ ни исходили, какія бы оттѣнки ни принимали у разныхъ лицъ, суть ихъ одинаково отражаетъ на себѣ глубину происходившаго въ XVI в. переворота. Самъ авторъ, впрочемъ, не всегда раздѣляетъ мрачный и негодующій тонъ современниковъ. Съ высоты научной объективности онъ напримѣръ въ одномъ мѣстѣ прямо протестуетъ противъ нападокъ на землевладѣльцевъ за возвышеніе ими до maximum'а арендной платы, говоря, что это обстоятельство было „слѣдствіемъ экономическихъ причинъ, а не нравственныхъ“ (стр. 36). Позволительно однако сильно усомниться въ основательности подобнаго замѣчанія. Признаніе извѣстной роли за посылками экономическаго характера въ возвышеніи арендной платы еще нисколько не защищаетъ землевладѣльцевъ отъ нападенія со стороны арендаторовъ, ибо несомнѣнно, что спекуляція—какъ это отмѣчается въ другихъ мѣстахъ и самимъ авторомъ — сыграла въ этомъ фактѣ роль не меньшую, чѣмъ что другое. Въ такомъ случаѣ лендлорды далеко не представляются неуязвимыми. Сомнительность достоинства ихъ позиціи какъ въ этомъ, такъ и многихъ другихъ случаяхъ засвидѣтельствовалъ еще авторъ „Капитала“.

Бернштейнъ. Общественное движеніе въ Англіи XVII вѣка. Изданіе Л. Ф. Пантелѣева Спб. 1899 г.

Книга Бернштейна представляетъ собою блестящій опытъ на основаніи новыхъ матеріаловъ и архивныхъ документовъ возстановить въ истинномъ видѣ такія общественныя теченія эпохи англійской революціи, которыя англійскими историками или обходились молчаніемъ или изображались совершенно невѣрно. По мнѣнію автора, общественное движеніе въ Англіи XVII стол. составлялось изъ трехъ простыхъ и очень глубокихъ теченій—религіознаго, экономическаго и политическаго. Первое являлось въ сущности продолженіемъ реформаціоннаго движенія, которое на родинѣ Виклефа совершалось при весьма неблагопріятныхъ условіяхъ. Экономическое теченіе также ведетъ свое происхожденіе отъ конца XV вѣка, когда масса пролетаріевъ была выброшена на рынокъ труда „освобожденіемъ" феодальвныхъ дворовыхъ и насильственнымъ изгнаніемъ массы крестьянъ съ ихъ участковъ, которые обращались крупными землевладѣльцами въ пастбища. Это теченіе было чисто-народное и выражалось въ непрерывныхъ почти протестахъ обезземеленныхъ крестьянъ противъ узурпаторовъ. Наконецъ третье теченіе—политическое представляло собою первоначально неопредѣленное, а чѣмъ ближе къ XVII в. все болѣе ясное стремленіе нарождавшейся въ Англіи буржуазіи ограничить королевскую власть. Само собою разумѣется, что всѣ три теченія имѣли между собою тѣсную внутреннюю связь, хотя развивались они неравномѣрнымъ темпомъ. Чтобы уразумѣть внутренній смыслъ и значеніе побѣды *всей Англіи* надъ Карломъ I, надо хоть въ общихъ чертахъ представить себѣ, чѣмъ была Англія въ началѣ XVII в. Это была страна земледѣльческая; промышленность въ ней еще очень мало была развита; между мелкимъ крестьянствомъ и земледѣльческими наемными рабочими сильнаго антагонизма не было, ибо по условіямъ жизни и труда классы эти слишкомъ близко стояли другъ къ другу. Настоящій антагонизмъ существовалъ лишь между мелкимъ крестьянствомъ, мелкими арендаторами и солидарными съ ними сельскими рабочими съ одной стороны и крупными землевладѣльцами съ другой. Благодаря такому соотношенію общественныхъ силъ, революція 1648 г. въ Англіи, постольку, поскольку она касалась англійской народной массы, была чисто крестьянской революціей. Ея экономическая основа заключалась въ борьбѣ крестьянъ за право свободнаго пользованія общинными землями и пастбищами и въ стремленіи обуздать произволъ тѣхъ, кто насильственно расхищалъ крестьянскія земли. Крестьяне XVII стол. выставляютъ такія же требованія, какъ ихъ предки XVI в., съ той развѣ разницей, что послѣдніе были готовы возстановить свои старинныя права на землю силою, а первые заявляютъ свои требованія въ болѣе мирномъ тонѣ. Но аргумен-

тація тѣхъ и другихъ почти одна и таже. „Мы не можемъ дальше выносить столь большую и жестокую несправедливость, говорили поселяне XVI в., втайнѣ подготовляя извѣстное возстаніе Кета, мы уничтожимъ всѣ заборы и ограды, засыпимъ ямы, освободимъ отъ нихъ общинныя земли, и всѣ огражденія (межевыя), которыя они устроили столь безстыдно, какъ низко и безчувственно, сравняемъ съ землей... Они высосали кровь изъ жилъ нашихъ и мозгъ изъ костей нашихъ, общинныя земли, оставленныя намъ предками нашими для пользованія нашего и семействъ нашихъ, отняты у насъ“. Въ XVII в. „землекопы“ эти крайніе представители крестьянской партіи (истинные левеллеры) также добиваются права пользованія пустопорожними землями. Они не имѣютъ намѣренія насильственно захватывать чью-либо собственность или разрушить ограды (какъ во времена Кета); они считаютъ современныхъ имъ землевладѣльцевъ старшими братьями, которые уже получили свою часть, хотя бы они добились этого несправедливымъ путемъ; сами же они, хотя и младшіе братья, все же не видятъ основанія, почему они должны быть лишены части въ общемъ наслѣдственномъ достояніи и терпѣть голодъ, когда не занятая и невоздѣланная земля имѣется въ избыткѣ; по этому они рѣшили по своему усмотрѣнію приняться за воздѣлываніе пустопорожнихъ земель. Справедливое землепользованіе, охрана общинныхъ земель отъ расхищенія—это общій лозунгъ англійской народной массы въ эпоху революціи, и этотъ лозунгъ находитъ себѣ яркое выраженіе и страстную защиту въ цѣломъ рядѣ памфлетовъ и сочиненій, написанныхъ въ революціонный періодъ вождями демократической партіи. Такъ, въ многочисленныхъ памфлетахъ того времени требовалось уничтоженіе „норманскаго закона“, что означало измѣненіе существующихъ отношеній собственности (главнымъ образомъ земельной). Уолвинъ, вождь левеллеровъ, выражаетъ желаніе, чтобы не было ни заборовъ, ни оградъ, ни межевыхъ ямъ, и врачъ П. Чемберленъ предлагаетъ въ одномъ своемъ сочиненіи націонализацію всѣхъ прежнихъ коронныхъ, церковныхъ и вообще безхозяйныхъ земель. Но наиболѣе рѣзко отразился чисто-крестьянскій характеръ революціонной программы англійскаго народа въ 1684 г. въ утопіи Джерарда Уилстонлея, одного изъ самыхъ замѣчательныхъ вождей „истинныхъ левеллеровъ“. Въ этой утопіи Уилстонлей называетъ торговлю мошенничествомъ и возникновеніе ея грѣхопаденіемъ человѣчества; истинная свобода, по его мнѣнію, заключается не въ свободѣ торговли и даже не въ свободѣ вѣроисповѣданія, а въ свободномъ пользованіи землей. „Человѣкъ скорѣе могъ бы существовать безъ тѣла, чѣмъ безъ пищи для него, поэтому отнятыя земли братомъ у брата есть угнетеніе и порабощеніе“. Улистанлей доходитъ до такой крайности, что предлагаетъ наказаніе тюрьмой за подстрекательство къ куплѣ-продажѣ и

смертную казнь за продажу земли и даже ея плодовъ. Очевидно городской пролетаріатъ игралъ въ то время еще очень ничтожную роль, если самые выдающіеся руководители демократическаго движенія совершенно игнорировали его интересы. Даже такой замѣчательный политическій дѣятель и проницательный демагогъ, какъ Джонъ Лильборнъ, этотъ идеалъ борца за право, на памфлеты котораго вся армія ссылалась „какъ на государственные законы", находитъ возможнымъ въ своемъ проектѣ избирательной реформы лишить избирательнаго права лицъ. живущихъ заработной платой. Невольно напрашивается вопросъ: что же связывало англійскую народную массу, мечтавшую о сохраненіи старинныхъ правъ на землю, и буржуазію, которая фактически подкапывалась подъ устои общинно-земледѣльческой жизни англійскаго народа? Отвѣтъ на этотъ вопросъ весьма простъ: у нихъ былъ общій врагъ: произволъ Карла I и его приближенныхъ. Чтобы осилить этого врага, соединилось англійское крестьянство съ крупными землевладѣльцами и горожанами. Если экономическіе интересы обоихъ сословій были прямо полярны, то политическія ихъ требованія имѣли много общаго. И Petition of rights, которую третій парламентъ заставилъ признать въ 1628 г. Карла I, и манифестъ „агитаторовъ", принятый въ 1647 г. всей арміей, одинаково требовали отмѣны незаконныхъ налоговъ и исключительныхъ судовъ, коренного преобразованія судопроизводства и охраны личности. Парламентъ могъ осилить Карла I только при помощи арміи, которая въ сущности представляла собою весь англійскій народъ. „Это были,—какъ говорится въ манифестѣ 1647 г., — свободные люди англійскаго народа, собравшіеся и оставшіеся съ оружіемъ въ рукахъ для защиты своихъ и народныхъ правъ и вольностей". Чтобы привлечь на свою сторону армію, которая не переставала относиться недовѣрчиво къ его поведенію, парламентъ не поскупился на обѣщанія, но, сломивъ своего противника, онъ тотчасъ же показалъ, что не намѣренъ выполнить свои обѣщанія. Противъ „землекоповъ" воздвигаются жестокія гоненія, Лильборнъ и друзья его подвергаются преслѣдованіямъ; протесты арміи противъ незаконныхъ дѣйствій парламента подавляются силою. Народъ оказывается кругомъ обманутымъ, а буржуазія старается всѣ плоды побѣды обратить въ свою пользу.

Съ возстановленіемъ въ 1660 г. династіи Стюартовъ начинается расхищеніе государственныхъ земель и изгнаніе съ нихъ крестьянъ. The glorious revolution 1688 г. приноситъ крестьянамъ еще большее ухудшеніе. Захватъ общинныхъ земель санкціонируется закономъ, а черезъ полстолѣтія совершенно исчезнетъ въ Англіи Jeomenry, то самое независимое крестьянство, которое составляло главную опору Кромвеля. Такъ печально кончилось великое общественное движеніе въ Англіи XVII в.,

начавшееся съ такими блестящими надеждами и имѣвшее за себя весь англійскій народъ въ лицѣ единственной въ своемъ родѣ народной арміи.

Размѣры журнальной рецензіи не позволяютъ намъ подробно остановиться на блестящей оцѣнкѣ, даваемой авторомъ Лильборну (Джону), Овертону, Гаррингтону и многимъ другимъ лицамъ, которымъ историки обыкновенно удѣляли очень мало вниманія. Бернштейнъ точно воскрешаетъ этихъ забытыхъ людей и отводитъ имъ въ исторіи англійской революціи то мѣсто, котораго они по справедливости заслуживаютъ. По мнѣнію автора, названныя лица по широтѣ своей кругозора и глубинѣ пониманія историческаго момента стояли далеко выше средняго уровня своихъ современниковъ, а во многихъ отношеніяхъ они являются поборниками идей и воззрѣній, волнующихъ до сихъ поръ человѣчество.

Въ заключеніе остается прибавить, что книга Бернштейна, хорошо переведенная, читается съ захватывающимъ интересомъ, а по богатству новаго фактическаго матеріала и живости изложенія имѣетъ немного себѣ равныхъ въ нашей новѣйшей переводной литературѣ.

Проф. **В. В. Ивановскій. Вопросы государствовѣдѣнія, соціологіи и политики**. Казань, 1899 г.

Названная книга проф. Ивановскаго является нѣкоторымъ отступленіемъ отъ общаго типа произведеній гг. профессоровъ государственнаго права, обычно представляющихъ собою болѣе или менѣе глубокомысленныя варяціи на тему: все существующее разумно. Хотя авторъ нигдѣ не скрываетъ своего отношенія къ изслѣдуемымъ явленіямъ, однако онъ не насилуетъ фактовъ и въ изложеніи своемъ остается объективнымъ настолько, насколько это возможно при обсужденіи затрагиваемыхъ имъ вопросовъ.

Разбираемая нами книга состоитъ изъ ряда статей, напечатанныхъ ранѣе въ спеціальныхъ и общихъ періодическихъ изданіяхъ.

Вопросы, трактуемые въ ней очень разнообразны, что вмѣстѣ съ простотой и ясностью изложенія дѣлаетъ ее интересною и доступною не только для спеціалистовъ. Содержаніе ея распредѣляется слѣдующимъ образомъ. Нѣсколько статей посвящено общимъ вопросамъ государственнаго права: природа государства, структура современныхъ государствъ, классификація государственныхъ нормъ, новыя ученія о законѣ. Главы шестая, седьмая и восьмая посвящены вопросамъ русскаго государственнаго права; среди нихъ слѣдуетъ отмѣтить интересную статью объ

„историческихъ основахъ земскаго управленія въ Россіи“. Юридическому анализу современнаго земскаго положенія авторъ предпосылаетъ изслѣдованіе общей эволюціи мѣстнаго управленія въ Россіи до земскаго положенія 1864 г., которое приводитъ его къ заключенію „что исторія мѣстнаго управленія Россіи является хотя медленнымъ и постепеннымъ, но, въ общемъ, непрерывнымъ развитіемъ и совершенствованіемъ мѣстныхъ установленій“ (227 стр.) Относительно земскаго Положенія 1864 г. онъ полагаетъ „что дѣйствовавшія по этому положенію земскія учрежденія не являются у насъ какими-нибудь чужеядными растеніями, не были навязаны откуда либо извнѣ, не есть плодъ какихъ-либо временныхъ увлеченій, но выросли исторически на русской почвѣ, непосредственно подготовляясь, по крайней мѣрѣ, въ теченіе полувѣка“ (215).

Напротивъ, въ значительныхъ измѣненіяхъ, внесенныхъ земскимъ Положеніемъ 1890 г., авторъ совершенно не признаетъ „согласія съ историческими началами“; по его мнѣнію, „въ нихъ трудно уловить желаніе слѣдовать указаніямъ исторіи“ (229).

Въ главѣ девятой (французская децентрализація) авторъ даетъ интересныя свѣдѣнія о попыткахъ децентрализаціи мѣстнаго управленія во Франціи, предпринятыхъ въ 1895 году.

Глава десятая (общественное управленіе въ Германіи) одна изъ лучшихъ въ сборникѣ. Въ ней авторъ подвергаетъ очень обстоятельной критикѣ воззрѣнія Рудольфа Гнейста и его теорію „начальственнаго самоуправленія“.

Главы, посвященныя вопросамъ соціологіи и педагогики (Соціологія, какъ наука и предметъ преподаванія, роль общественныхъ наукъ въ дѣлѣ образованія и воспитанія) написаны менѣе интересно. Однако въ виду общихъ достоинствъ сборника мы не затрудняемся рекомендовать его нашимъ читателямъ. Тѣмъ болѣе, что соотвѣтствующая отрасль литературы у насъ крайне бѣдна.

Основныя начала государственнаго права. Соч. А. Эсмена. Томъ II. Государственное право французской республики. Переводъ Н. Кончевской, подъ ред. и съ предисл. М. М. Ковалевскаго. Москва 189[illegible].

Пресловутое дѣло Дрейфуса, на два года приковавшее всеобщее вниманіе къ Франціи, обнаружило передъ всѣмъ культурнымъ міромъ, какъ много въ ея современной государственной организаціи скрывалось архаическаго, отжившаго, стоящаго въ полномъ противорѣчіи съ ея республиканской формой правленія. Все это двухлѣтнее броженіе такъ глубоко всколыхнуло общественную жизнь Франціи, привело ее въ состояніе такого неустойчиваго равновѣсія, что пересмотръ основныхъ началъ государственнаго и административнаго механизма въ ту или другую

сторону представляется неизбѣжнымъ; тѣмъ болѣе, что современная французская конституція появилась на свѣтъ именно какъ временная, переходная. Она была вотирована собраніемъ, въ которомъ большинство составляли монархисты; поэтому она представляетъ собою компромиссъ между монархистами и республиканцами, причемъ каждая сторона надѣялась на скорое измѣненіе ея въ своемъ направленіи.

Въ виду этихъ соображеній книга, посвященная государственному праву французской республики, въ настоящее время пріобрѣтаетъ особый интересъ. Къ сожалѣнію, названный нами трудъ парижскаго профессора А. Эсмена (I томъ котораго, вышедшій въ двухъ русскихъ переводахъ, имѣлъ вполнѣ заслуженный успѣхъ у публики) не можетъ вполнѣ удовлетворить читателя, такъ какъ авторъ ограничивается лишь анализомъ взаимоотношенія высшихъ органовъ государственной власти: президентъ, министры, палаты— таково почти исключительное содержаніе книги Эсмена. Поэтому книга его далеко не даетъ того точнаго и яркаго представленія о государственномъ строѣ Франціи, какое, напримѣръ, для Англіи даетъ книга Дайси (Основы государств. права Англіи. Спб. 1891 г.). Отчасти это объясняется обычаемъ французскихъ публицистовъ цѣлый рядъ вопросовъ государственнаго права относить исключительно къ области права административнаго, — но во всякомъ случаѣ русскій читатель не встрѣтитъ въ книгѣ Эсмена ни слова о гарантіяхъ индивидуальныхъ правъ во Франціи (право личной свободы, свободы слова, собраній, союзовъ), о мѣстномъ управленіи, о самоуправленіи. Не касается Эсменъ и очень важнаго вопроса о законности и административномъ правѣ; а между тѣмъ чрезмѣрное развитіе административнаго права въ ущербъ строгой законности такъ же характерно для Франціи, какъ характерно для нея всемогущество администраціи и безсиліе органовъ общественнаго самоуправленія. Неподсудность должностныхъ лицъ обыкновенному суду создаетъ для нихъ совершенно привилегированное положеніе. „При французской системѣ ни одинъ правительственный чиновникъ, исполняющій приказанія своихъ начальниковъ безъ всякихъ корыстныхъ или порочныхъ побужденій, не можетъ быть юридически отвѣтственъ за свои поступки". Онъ не отвѣчаетъ передъ гражданскими судами, такъ какъ онъ совершалъ административный актъ; онъ не будетъ обвиненъ административнымъ судомъ, потому что поступокъ, въ которомъ его обвиняютъ, онъ совершилъ, выполняя свои служебныя обязанности. (Дайси, указанное сочиненіе, стр. 260).

Вся дрейфусовская эпопея показала, къ какимъ прискорбнымъ результатамъ приводитъ этотъ принципъ, и поставила вопросъ о его коренномъ пересмотрѣ.

Всѣ эти интересные и важные вопросы Эсменъ оставляетъ совершенно безъ разсмотрѣнія; за то въ книгѣ его читатель най-

детъ очень обстоятельное и удачное изображеніе современнаго парламентскаго механизма во Франціи.

Авторъ хорошо выясняетъ юридическое положеніе президента, министровъ, палатъ и ихъ взаимоотношеніе, поясняя его соотвѣтствующими историческими справками. Поэтому для всѣхъ, кто слѣдитъ за европейской государственной жизнью, книга Эсмена будетъ очень полезна. Особенно интересна глава V, посвященная выясненію роли и функцій законодательныхъ палатъ. Отдѣльныя главы (VI и VII) трактуютъ о „верховномъ судѣ“ и „пересмотрѣ конституціи“.

Переводъ очень хорошъ.

Д-ръ Н. М. Поповъ (ордин. проф. Казанск. Унив.). **Эпилепсія въ исторіи Европы XIX столѣтія.** Казань. 1899.

Эта брошюра д-ра Попова посвящена разсмотрѣнію одного случая эпилепсіи, случая, имѣвшаго извѣстное вліяніе на исторію Европы въ XIX вѣкѣ, т. е., той эпилепсіи, которою страдалъ Наполеонъ I. Авторъ дѣлаетъ сначала краткую характеристику эпилептика, отмѣчая, во-первыхъ, основную черту „эпилептическаго характера“—раздражительность, указывая, затѣмъ, на измѣнчивость настроенія эпилептика, причемъ больной, наклонный „къ безумнымъ вспышкамъ гнѣва, къ актамъ дикой жестокости“, вдругъ „безъ достаточнаго мотива круто мѣняется: онъ дѣлается боязливымъ, робкимъ, приниженнымъ, услужливымъ до низкопоклонства, снисходительнымъ, даже льстивымъ“ (стр. 4). Наконецъ, авторъ указываетъ на то, что „видной особенностью эпилептиковъ въ очень многихъ случаяхъ является также притупленіе нравственнаго чувства, выражающееся между прочимъ грубымъ, черствымъ эгоизмомъ... По мѣрѣ того, какъ тянется заболѣваніе, альтруистическія чувствованія все болѣе и болѣе глохнутъ, эпилептикъ все болѣе и болѣе становится человѣкомъ, думающимъ только о себѣ, отстаивающимъ только собственные интересы, да и то понимаемые чрезвычайно узко“ (стр. 5—6).

Отмѣтивши основныя черты „эпилептическаго характера“, авторъ указываетъ, что всѣ онѣ болѣе или менѣе явственно замѣтны въ характерѣ Наполеона. Особенное историческое значеніе имѣли двѣ черты характера Наполеона, а именно, измѣнчивость его настроенія и нравственная тупость. Измѣнчивость настроенія выражалась у Наполеона между прочимъ и тѣмъ, что изъ человѣка бурно-дѣятельнаго, спавшаго всего по 3 часа въ сутки, легко и быстро работавшаго, онъ вдругъ превращался въ человѣка вялаго, апатичнаго и бездѣятельнаго. И подобная бездѣятельность нападала на него иногда въ самые важные историческіе моменты. Такъ, передъ битвой подъ Лейпцигомъ Наполеонъ „все утро безцѣльно бродилъ по Лейпцигу съ такимъ растеряннымъ видомъ

и въ такомъ безпорядочномъ костюмѣ, что императора не узнавали его офицеры. Только черезъ день Наполеонъ сталъ снова бодрымъ и дѣятельнымъ. Повидимому, въ такомъ же положеніи онъ находился и наканунѣ битвы при Линьи, когда, едва отдавъ необходимыя приказанія, онъ погрузился какъ будто въ „летаргическое" состояніе. Во время роковой битвы при Ватерлоо Наполеонъ чувствовалъ себя такъ плохо, что вынужденъ былъ сойти съ коня и, сидя у стола, то и дѣло впадалъ въ дремоту" (стр. 10).

Нравственная тупость Наполеона и вытекающій отсюда его безграничный эгоизмъ достаточно извѣстны образованной публикѣ, особенно послѣ работы Тэна. На указаніе, что война стоила 200,000 человѣческихъ жизней, Наполеонъ, не задумываясь, отвѣтилъ: „что значитъ для меня 200,000 человѣкъ" (стр. 13). Войны Наполеона стоили жизни четыремъ милліонамъ людей; отмѣтивши этотъ фактъ, авторъ заканчиваетъ свою брошюру слѣдующими словами: „Я не берусь рѣшить вопроса, сколько человѣческихъ жертвъ требовали въ эпоху Наполеона благо Франціи и счастіе всего человѣчества. Я не историкъ и даже не знаю, нужны-ли были такія жертвы вообще, но, какъ невропатологъ, я твердо убѣжденъ, что значительная часть этихъ четырехъ милліоновъ всецѣло падаетъ на долю эпилепсіи, которою страдалъ великій человѣкъ" (стр. 20).

Хотя въ брошюрѣ д-ра Попова нѣтъ, собственно говоря, ничего новаго, однако, въ виду слабаго распространенія медицинскихъ свѣдѣній среди публики, мы рекомендуемъ эту брошюру вниманію нашихъ читателей.

Н. Н. Баженовъ. Д-ръ мед. **Символисты и Декаденты.** Психіатрическій этюдъ. М. 1899.

Этюдъ д-ра Баженова представляетъ несомнѣнный интересъ, хотя, къ сожалѣнію, онъ страдаетъ и весьма существеннымъ недостаткомъ — неполнотою. Нашъ авторъ не далъ ни одного изслѣдованія, ни одной „исторіи болѣзни" съ тою полнотою, которая исключала-бы возможность спора и возраженій. Это объясняется, конечно, главнымъ образомъ неполнотою данныхъ, бывшихъ въ его рукахъ. Но, всетаки, фактъ тотъ, что даже о такихъ „признанныхъ главахъ", какъ Стефанъ Маллармэ и Мэтерлинкъ, нашъ авторъ принужденъ сказать: „Мнѣ неизвѣстны ихъ біографіи, и я, не имѣя необходимыхъ данныхъ въ рукахъ, воздерживаюсь отъ зачисленія ихъ въ ту или другую рубрику психопатологіи" (стр. 14).

Нѣсколько больше свѣдѣній мы получаемъ о старшихъ представителяхъ „символистически-декадентскаго направленія" (говоря только о психіатрической сторонѣ вопроса и не касаясь его литературной стороны, мы оставляемъ безъ разсмотрѣнія вопросъ

о законности отожествленія символистовъ и декадентовъ), напр., о Боделэрѣ. Боделэръ умеръ отъ прогрессивнаго паралича помѣшанныхъ; въ своихъ „Paradis artificiels“ онъ „воспѣвалъ наслажденія, доставляемыя ядами центральной нервной системы—алкоголемъ, гашишемъ и опіумомъ“ (стр. 6). Онъ былъ необычайно тщеславенъ и любилъ рисоваться. „Max. du Camp разсказываетъ, что Боделэръ явился къ нему однажды съ волосами, выкрашенными въ голубой цвѣтъ. Du Camp умышленно не замѣчаетъ этого, не смотря на то, что Боделэръ вертится передъ зеркаломъ, проводитъ рукой по головѣ и всячески старается обратить на себя вниманіе. Наконецъ, не выдерживаетъ: „Вы ничего не находите у меня особеннаго?“—Нѣтъ, а что? — „Да, вотъ, у меня голубые волосы!“—Ну, это что за диковина,—отвѣчаетъ du Camp,—вотъ, если бы они были зеленые!..—Боделэръ вспыхиваетъ, уходитъ отъ du Camp. и, встрѣтивши общихъ знакомыхъ, говоритъ имъ: „Вы къ du Camp? не ходите! Онъ сегодня въ отвратительномъ расположеніи духа“ (стр. 6—7). Что Боделэръ былъ человѣкъ больной, это несомнѣнно, однако, и здѣсь нашъ авторъ не можетъ ни поставить точнаго діагноза, ни указать на то, какъ болѣзнь Боделэра отражалась на его поэзіи.

Но если относительно отдѣльныхъ лицъ анализъ д-ра Баженова и оказывается недостаточнымъ, то, съ другой стороны, психіатрическая характеристика всего направленія удалась ему гораздо лучше. Основная и вполнѣ вѣрная мысль нашего автора заключается въ томъ, что тѣ особенности, которыя характеризуютъ декадентское направленіе и которыми гг. декаденты гордятся, являются выраженіемъ не „прогрессивной эволюціи“ человѣческаго духа, какъ это они думаютъ, а „регрессивной“ его эволюціи. Такъ, напримѣръ, декаденты очень гордятся своею способностью не только сочетать разнородныя ощущенія, но даже давать чувственную окраску отвлеченнымъ предметамъ: они говорятъ, напр., о „звукѣ“ скуки и „запахѣ“ раскаянія. A. Rimbaud написалъ „извѣстный сонетъ объ окраскѣ гласныхъ“; у него A—черное, E—бѣлое, J—красное, U—зеленое, O—голубое“ (стр. 23), а у René Ghil'я: „A—органы, E—арфы, J—скрипки, O—мѣдныя трубы, U—флейты, причемъ, сверхъ того, арфы—бѣлаго цвѣта, скрипки—синяго, флейты—желтаго, трубы—краснаго и органы—чернаго“ (стр. 23). Мы уже говорили, что декаденты очень гордятся этою своею особенностью; такъ, напр., Jean Moréas пишетъ: „благодаря этой окраскѣ словъ, видимой значительнымъ числомъ лицъ, мы присутствуемъ при прогрессивной эволюціи нашихъ высшихъ органовъ чувствъ, мы идемъ такимъ образомъ къ сознательному синтезу ощущеній“ (стр. 23). (Мы дали эту цитату въ русскомъ переводѣ,—у нашего автора она приведена по-французски).

Вопросъ о сочетаніи ощущеній, особенно частный вопросъ

объ окрашенномъ слышаніи (audition colorée французскихъ авторовъ) породилъ уже цѣлую литературу, и нашъ авторъ совершенно вѣрно указываетъ на то, что психологическій анализъ показалъ, что окрашенное слышаніе есть явленіе не прогрессивное, а регрессивное: оно возникаетъ, наприм., при отравленіи гашишемъ.

Всѣмъ извѣстны тѣ странныя ассоціаціи, та странная послѣдовательность образовъ и словъ, которыми щеголяютъ декаденты; д-ръ Баженовъ усматриваетъ здѣсь „тотъ болѣзненный симптомъ, который мы, психіатры, называемъ incoherentio idearum—безсвязность идей, и такъ какъ слово есть выраженіе идеи, то послѣдовательно и другой, не менѣе патологическій симптомъ—безсвязность рѣчи“ (стр. 24). Авторъ приводитъ подстрочный переводъ слѣдующаго стихотворенія Réné Ghil'я: „Но ихъ животы, осколокъ ночи и грозъ, отвычка отъ большого столкновенія небесныхъ луговъ, заря, теряющая смыслъ брачныхъ гимновъ, съ улыбкой привлекаетъ тщеславіе глазъ. О! глубокій отбросъ различныхъ позолотъ, и твоя тщетная человѣческая прелесть говоритъ, что ты вырождаешься, древность груди, на которой очищается лучшее! Своею фатою со слишкомъ волнообразными складками эти женщины, влюбленныя даже въ одно подобіе надгробныхъ надписей, идутъ иррадіировать вдали отъ соблазнительнаго солнца за то, что высокіе вечера мечей не вспоминали, что отъ чреслъ ихъ можетъ родиться искупитель, который долженъ появиться изъ неизвѣстныхъ временъ нашихъ грезъ“ (стр. 24—5). Въ pendant къ этому, д-ръ Баженовъ приводитъ отрывки изъ сочиненія больного, страдавшаго вторичнымъ хроническимъ слабоуміемъ. Вотъ, напр., одинъ отрывокъ изъ писаній этого больного: „Кашель можетъ представлять изъ себя важное, онъ удачно группируетъ общность духа съ кругомъ искусственнаго центра, въ особенности національную рознь“ (стр. 25). А вотъ другой отрывокъ изъ писаній того-же больного, отрывокъ, въ которомъ, по нашему мнѣнію, логическая связь мыслей болѣе сохранена, чѣмъ въ стихотвореніи Réné Ghil'я. Отрывокъ этотъ таковъ: „если дворянство въ Россійскомъ Царствѣ и поято и восхищено не къ Христовымъ пирамъ, а къ однимъ царскимъ, князевымъ и барабановскимъ, то жаль будетъ, если отнесутъ къ князевымъ и барабановскимъ пирамъ гг. докторовъ, врачей и медиковъ столичнаго города Москвы“ (стр. 26).

А вотъ стихотвореніе душевно-больного, которое, по мнѣнію д-ра Баженова, должно напомнить стихи декадентовъ (стр. 28):

„Небо какъ огонь,
Смотрю на право—
Высокія деревья
Чуть не загораются,
Смотрю впереди—

Опасности нѣтъ...
Синіе огоньки
Видны только справа.
Каменный столбъ
Прямо стоитъ.
Дверь къ дому налѣво
Крышей зеленой,
Желѣзной покрыта".

„Резюмируя все вышесказанное, говоритъ авторъ (стр. 28), мы можемъ сказать теперь, что относительно цѣлаго ряда—и при томъ крупныхъ представителей этого направленія намъ было не трудно съ біографическими данными въ рукахъ доказать, что это были несомнѣнно душевно-больные люди. Что касается до остальныхъ, то анализъ элементовъ ихъ творчества выяснилъ намъ слѣдующія основныя черты: скудость фантазіи и убожество мысли, поверхностность, капризность и причудливость настроенія, извращенность вкусовъ и вообще ненормальность психологической реакціи, нравственная тупость, уродливость и болѣзненность ассоціативныхъ и высшихъ логическихъ процессовъ, равную той, которую можно наблюдать въ тяжелыхъ и большею частію неизлѣчимыхъ формахъ психозовъ, и рядомъ съ этимъ ничѣмъ не мотивированную переоцѣнку собственной личности".

Въ заключеніе авторъ бѣгло касается двухъ вопросовъ: не является-ли поэзія декадентовъ указаніемъ на вырожденіе европейской цивилизаціи? и нѣтъ-ли связи между геніальностью и помѣшательствомъ? На оба эти вопроса нашъ авторъ даетъ отрицательные отвѣты.

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

(Значащіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала **не продаются**. Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя коммиссій по пріобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ).

Избранныя сочиненія **А. С. Пушкина**. Съ критико-біографическимъ очеркомъ, портретомъ и 2 картинами. Изданіе саратовскаго губернскаго земства. Саратовъ. '99. Ц. 35 к.

И. А. Крыловъ. Избранныя сочиненія. Изданіе К. И. Тихомирова. Т. I. М. 98. Ц. 60 к. Т. II. М. 99. Ц. 1 р.

Сборникъ стихотвореній, поэмъ и разсказовъ **А. В. Арсеньева**. Съ предисловіемъ П. И. Вейнберга и портретомъ автора. Изданіе А. А. Ивановой. Спб. 99. Ц. 1 р. 25 к.

Денница. Альманахъ 1900 года, изданный подъ редакціей П. П. **Гнѣдича**, К. К. Случевскаго и I. I. Ясинскаго. Спб. Ц. 1 р.

Аполлонъ Коринфскій. Бывальщины. 3-е изданіе. Спб. 1900. Ц. 2 р.

Дмитрій самозванецъ. Трагедія въ 5 дѣйствіяхъ. **А. С. Хомякова.** Спб. 99. Ц. 1 р.

Антонъ Чеховъ. Разсказы. Изданіе А. Ф. Маркса. Спб. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

А. Ф. Струве. Въ сумеркахъ. Романъ. Повѣсти и очерки. Спб. 99. Ц. 1 р.

Л. Ждановъ. Женскія тѣни. М. 99. Ц. 50 к.

Карлъ Эйзерманъ. Манія величія (Записки изъ желтаго дома). Харьковъ. 1900. Ц. 60 к.

Ф. Д. Нефедовъ. Святочные разсказы. 2-е изданіе С. Дороватовскаго и А. Чарушникова. Спб. 1900. Ц. 60 к.

Н. Тимковскій. Повѣсти и разсказы. Т. I. Изданіе С. Дороватовскаго и А. Чарушникова. Спб. 1900. Ц. 1 р.

Евгеній Чириковъ. Очерки и разсказы. Книжка вторая. Изданіе С. Дороватовскаго и А. Чарушникова. Спб. 1900. Ц. 1 р.

А. М. Өедоровъ. Степь сказалась. Романъ. Спб. 1900. Ц. 1 р.

А. С. Пушкинъ. Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ. Съ портретомъ и 2 рис. Изданіе М. Ѳ. Тихомирова. Владиміръ губ. 99. Ц. 2 к.

А. **С. Пушкинъ.** I. Гробовщикъ. II. Станціонный смотритель. Съ портретомъ и 1 рис. Изданіе М. Ѳ. Тихомирова. Владиміръ губ. 99. Ц. 5 к.

М. Ю. Лермонтовъ. Ашикъ-Керибъ. Съ портретомъ и 1 рис. Изданіе М. Ѳ. Тихомирова. Владиміръ губ. 99. Ц. 2 к.

Три смерти. Разсказъ **Льва Толстого.** Съ портретомъ. Изданіе М. Ѳ. Тихомирова. Владиміръ губ. 99. Ц. 2 к.

И. А. **Покровскій.** Сборникъ пѣсенъ и гимновъ на два голоса. Изданіе М. Ѳ. Тихомирова. Владиміръ. 1900. Ц. 70 к.

Русскія народныя сказки, пѣсенки, прибаутки, побасенки. I. Ай дуду. Рисунки С. В. Малютина. Изданіе А. И. Мамонтова. М. 99. Ц. 20 к.

А. **В. Кругловъ.** Полканъ Собакевичъ. Повѣсть. 2-е изданіе В. С. Спиридонова. М. 99. Ц. 1 р.

Утро. Три разсказа для дѣтей. А. **В. Круглова.** Съ рис. Н. Н. Ольшанскаго. Изданіе В. С. Спиридонова. М. 99. Ц. 25 к.

Анна Догановичъ. Старые и малые. Сборникъ разсказовъ для дѣтей. Съ рис. Н. Н. Ольшанскаго. Изданіе В. С. Спиридонова. М. 99 Ц. 40 к.

Ѳомка-дуракъ. Разсказъ **Анны Догановичъ.** Съ рис. 3-е изданіе В. С. Спиридонова. М. 99.

И. Мырона. Абу-Каземови капци. (Арабська казка). Черкасы. 99. Ц. 5 коп.

Дѣти Солнцевыхъ. Повѣсть для юношества. **Е. Н. Кондратовой.** Съ рис. Е. П. Самокишъ-Судковской. Изданіе А. Ф. Девріена. Спб. 99.

Избранникъ Божій. Историческая повѣсть начала XVII вѣка. Сочиненіе **П. Н. Полевого.** Съ рис. К. В. Лебедева. Изданіе А. Ф. Девріена. Спб. 99.

Феликсъ Данъ. Аттила. Романъ изъ эпохи переселенія народовъ. Переводъ съ нѣм. С. Д. Крылова. Изданіе К. И. Тихомирова. М. 99. Ц. 1 р.

Ж. Казоттъ. Влюбленный дьяволъ. Съ рис. Переводъ и изданіе Л. Г. Жданова. 2-е изданіе. М. 1900. Ц. 75 к.

Генрикъ Сенкевичъ. Пойдемъ за нимъ! Переводъ съ польск. В. М. Лаврова. 2-е изданіе редакціи „Русской Мысли". М. 1900.

Элиза Ожешкова. Юльянка. Переводъ съ польск. В. М. Лаврова. Изданіе редакціи „Русской Мысли". М. 1900.

Юр. Озаровскій. Наше драматическое образованіе. Спб. 1900. Ц. 1 р.

Ѳ. Д. Батюшковъ. Критическіе очерки и замѣтки. Спб. 1900. Ц. 1 р.

Большая энциклопедія. Словарь общедоступныхъ свѣдѣній по всѣмъ отраслямъ знанія, подъ ред. С. Н. Южакова. Изданіе т-ва „Просвѣщеніе". Т. I. Вып. 3—4. Спб. 99. Ц. 1 р.

Семейный университетъ Ф. С. Комарскаго. Собраніе популярныхъ лекцій для самообразованія. Т. I. Вып. Ш. Спб. 99.

Фридрихъ Паульсенъ. Введеніе въ философію. Переводъ подъ редакціей В. П. Преображенскаго. 2-е изданіе Московскаго психологическаго о-ва. М. 99. Ц. 3 р.

Добро въ ученіи гр. Толстого и Ф. Нитше. (Философія и проповѣдь). **Л. Шестова.** Спб. 1900. Ц. 1 р. 50 к.

М. Гюйо. Воспитаніе и наслѣдственность. Соціологическое изслѣдованіе. Редакція Г. Фальборка и В. Чарнолускаго. Изданіе т-ва „Знаніе". Спб. 1900. Ц. 1 р. 50 к.

Непринужденныя научно-популярныя бесѣды. Подъ редакціей Г. М. Бубиса. Вып. I. Преступный человѣкъ предъ судомъ науки. **Г. М. В—са.** Спб. 1900. Ц. 20 к.

В. Тотоміанцъ. Мощь коопераціи. Спб. 1900. Ц. 20 к.

Вселенскіе учители. Составилъ **А. В. Кругловъ.** Изданіе В. Спиридонова и Ѳ. Постникова. М. 99. I. Василій Великій. Ц. 30 к. II. Григорій Богословъ. Ц. 25 к.

А. Алтаевъ. Свѣточи правды. Очерки и картины изъ жизни великихъ людей. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 1900. Ц. 2 р. 25 к.

А. Ѳ. Хотовъ. Жанна д'Аркъ. Біографическій очеркъ. Харьковъ. 99. Ц. 90 к.

С. И. Рапопортъ. Народъ-богатырь. Очерки политической и общественной жизни Англіи. Спб. 1900. Ц. 1 р. 50 к.

Н. Арндтъ. Экономическія послѣдствія превращенія Германіи въ промышленную страну. Переводъ съ нѣм. М. Э. Гуковскаго. Одесса. 1900. Ц. 30 к.

М. В. Аничковъ. Война и трудъ. Спб. 1900. Ц. 4 р. 50 к.

Д. А. Линевъ (Далинъ). Третья книга „не сказокъ". Спб. 1900. Ц. 1 р. 50 коп.

Экономическій строй Россіи. **Максима Ковалевскаго.** Переводъ съ франц. Изданіе А. В. Ермолаевой. Спб. 1900. Ц. 1 р. 50 к.

Санитарныя условія коечно-каморочныхъ квартиръ въ рабочихъ районахъ Москвы. М. 99. Ц. 30 к.

Сергѣй Шумаковъ. Обзоръ „грамотъ коллегіи экономіи". Вып. I. М. 99. Ц. 1 р. 50 к.

Севастополь и его славное прошлое. Сочиненіе **А. П. Валуевой (Мунтъ).** Съ 34 рис. Н. С. Самокиша. Изданіе А. Ф. Девріена. Спб. 99.

Регесты и надписи. Сводъ матеріаловъ для исторіи евреевъ въ Россіи. Т. I. Изданіе о-ва для распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи. Спб. 99.

Третій конгрессъ сіонистовъ (въ Базелѣ). Изданіе кн. магазина Шермана. Одесса. 1900. Ц. 35 к.

Е. И. Якушкинъ. Обычное право русскихъ инородцевъ. Матеріалы для библіографіи обычнаго права. М. 99. Ц. 1 р. 50 к.

Александръ Бычковъ. Очерки Якутской области. Путевыя замѣтки. Съ картой рыболовныхъ песковъ. Томскъ. 99. Ц. 50 к.

Былое и настоящее сибирскихъ инородцевъ. Вып. I. **Ф. Я. Конъ.** Физіологическія и біологическія данныя о якутахъ. Минусинскъ. 99. Ц. 1 р.

Башкиры. Этнографическое и санитарно-антропологическое изслѣдованіе. Д-ра мед. **Д. П. Никольскаго.** Спб. 99. Ц. 1 р. 50 к.

Труды Троицкосавско-Кяхтинскаго отдѣленія приамурскаго отдѣла Русскаго Географическаго о-ва. Т. II, вып. 3. М. 99.

Естественно-историческій атласъ. Составили **П. Шмидтъ, И. Палибинъ и А. Рихтеръ.** Вып. III. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 1900.

Врачъ **М. Н. Паргаминъ.** Сознательность, любовь и семейная жизнь у животныхъ. Съ портретомъ автора. Спб. 99. Ц. 2 р.

Проф. **А. В. Пель.** Физіолого-химическія основы теоріи спермина и клиническіе матеріалы о терапевтическомъ примѣненіи спермина. Спб. 99.

Санитарныя условія квартиръ для бѣдныхъ въ Москвѣ. **П. Кедрова.** (Изъ „Медицинской бесѣды“). Воронежъ. 99.

Краткій очеркъ дѣятельности комитета врачебно-продовольственной помощи VII съѣзда о-ва русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова. Казань. 99.

Борьба съ чахоткой въ Германіи и въ Россіи. Д-ръ **Р. Павловская.** Спб. 99. Ц. 40 к.

О причинѣ происхожденія мужского или женскаго потомства. **Ст. Воскр—ій.** Томскъ. 1900. Ц. 30 к.

Береженого Богъ береже. Оповидання селянына про скотську чуму. 2-е видання. Черкассы. 99. Ц. 3 к.

Ризачка або дизентерія. Розмова ликаря зъ селянамы. Напысавъ ликарь **Авраменко.** Черкассы. 99. Ц. 2 к.

Техническій анализъ. Оборудованіе заводскихъ лабораторій. Вып. II. Съ 10 рис. и 12 табл. Составилъ **Е. И. Орловъ.** Изданіе К. И. Тихомирова. М. 99. Ц. 60 к.

М. В. Веренъ. Разсказы о борьбѣ человѣка съ природой. Изданіе т-ва И. Д. Сытина. М. 99. Ц. 30 к.

Между огнемъ и льдомъ (О вулканахъ и ледникахъ). Очерки и картины изъ жизни земли. **А. П. Нечаева.** Съ 85 рис. Изданіе А. П. Девріена. Спб. 99.

Г. Петерсъ. Что говорятъ камни? Жизнь минераловъ и ихъ круговоротъ въ природѣ и техникѣ. Для самообразованія и юношества. Съ 187 рис. Переводъ съ нѣм. съ дополненіями. А. П. Нечаева. Съ предисловіемъ проф. А. А. Иностранцева. Изданіе А. Ф. Девріена. Спб. 99.

К. Ѳ. Агринскій. Русскія народныя примѣты о погодѣ и ихъ значеніе для практической метеорологіи и сельскаго хозяйства. Изданіе кн. магазина М. А. Мудрявцева. Саратовъ. 99. Ц. 1 р. 50 к.

Молочное хозяйство. Научно-практическое руководство. **Д-ра В. Кирхнера.** Переводъ съ нѣм. подъ редакцій Ф. С. Груздева и Ив. А. Каширскаго. Съ 162 рис. и чертежами. Изданіе П. П. Сойкина. Спб. 99. Ц. 3 р.

Отчетъ Кіевскаго о-ва грамотности за 1898 годъ. Кіевъ. 99.

Очеркъ развитія черниговской общественной библіотеки за 20 лѣтъ ея существованія и отчетъ библіотеки за 1897 годъ. Черниговъ. 98.

Отчетъ харьковской общественной библіотеки за 13-й годъ ея существованія. Харьковъ. 99.

Харьковское о-во распространенія въ народѣ грамотности. Отчетъ по устройству сельскихъ библіотекъ за 1898 г. Харьковъ. 99.

Отчетъ о-ва взаимнаго вспомоществованія учащимъ и учившимъ въ начальныхъ народныхъ училищахъ Псковской губ. за 1898 годъ. Псковъ. 99.

С. Н. Враиловскій. Комитетъ народныхъ чтеній въ Хабаровскѣ. Владивостокъ. 99.

Историческій очеркъ и отчетъ о-ва народныхъ чтеній за 1898—9 г. Владивостокъ. 99.

Правила для безошибочнаго выговора при чтеніи вслухъ и слуховомъ диктантѣ французскаго языка, составленныя **Л. Ф. Штейнъ-Нурокъ**. Спб. 99. Ц. 25 к.

English grammar. Англійская грамматика, письма, прозаическія статьи и стихотворенія для русскихъ учебныхъ заведеній. Составлены и собраны **Л. Чудновской**. Изданіе южно-русскаго о-ва печатнаго дѣла. Одесса. 1900. Ц. 1 р. 50 к.

Lehrbuch der deutschen Sprache. Учебникъ нѣмецкаго языка для гимназій. Составилъ **А. Плестереръ**. Курсъ 3-го класса. Изданіе кн. магазина К. И. Тихомирова. М. 99. Ц. 40 к.

Учебникъ геометріи. Концентръ IV. Составилъ **И. Шафровъ**. Изданіе К. И. Тихомирова. М. 1900. Ц. 40 к.

Списокъ книгъ для народныхъ библіотекъ на сумму отъ 5 до 500 р. Изданіе кн. магазина „Русской Мысли". М. 1900. Ц. 10 к.

E. Semenoff. Alexandre Pouchkine. Paris. 1900. Pr. 2 fr.

Le droit au produit intégral du travail. Etude historique par d-r **Anton Menger**. Traduit par Alfred Bonnet. Avec une préface de Charles Andler. Paris. 1900. Pr. 3 fr. 50 c.

Изъ Англіи.

I.

Мы съ самаго начала принципіально протестовали противъ этой войны, ибо она, во первыхъ, несправедлива; во вторыхъ,—безпочвенна,—пишетъ проф. Фредерикъ Гаррисонъ, предсѣдатель общества позитивистовъ, въ январьскомъ нумерѣ Positivist Rewiew.—Пользуюсь наиболѣе мягкими терминами для опредѣленія положенія вещей. Далѣе авторъ продолжаетъ, что не важнымъ уже обстоятельствомъ является то, что эта несправедливая война велась глупо. „Оставляемъ разрѣшеніе вопроса присяжнымъ политиканамъ, если они думаютъ, что овчинка стоитъ выдѣлки. Мы желаемъ коснуться ошибокъ при веденіи войны лишь по стольку, по скольку онѣ исходятъ изъ того корня, на которомъ выросла сама война. Такъ, мы желаемъ обратить вниманіе на то, что генералъ Метуэнъ пошелъ освобождать Кимберлей, погубилъ около трехъ тысячъ человѣкъ въ четырехъ битвахъ, единственно

для того, чтобы спасти собственность Сесиля Родса. Всѣ военные критики согласны, что освобожденіе Кимберлея съ стратегической точки зрѣнія — величайшая нелѣпость... Бѣдствія, обрушившіяся на насъ въ послѣдніе два мѣсяца, отнюдь не могли бы быть устранены, если бы военное дѣло велось лучше. Эти бѣдствія являются неизбѣжнымъ результатомъ безумнаго джингоизма, болѣзни, впервые появившейся 23 года тому назадъ, когда премьеръ добылъ у колебавшейся палаты общинъ согласіе на титулъ индійской императрицы. Ядъ постепенно отравилъ весь организмъ, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ капитанъ Маганъ убѣдилъ многихъ, что владычество надъ морями — единственно вѣрный базисъ имперіи. Мы, позитивисты, постоянно доказывали, что политика джингоизма антинаціональна; доказывали мы также, что Англія не въ силахъ вести ее и неминуемо погибнетъ, настаивая на ней. Я старъ уже и потому думалъ, что гибель имперіи свершится не при мнѣ. Но ослѣпленные государственные дѣятели и воюющіе джинго въ прессѣ, повидимому, поставили себѣ задачей ускорить конецъ. Присутствуемъ ли мы теперь при началѣ конца или же есть еще время покаяться? Это вопросъ первой важности".

Въ этой выдержкѣ изъ статьи извѣстнаго писателя, авторъ принимаетъ послѣдствіе за причину (то есть зарожденіе джингоизма считаетъ съ того момента, какъ Биконсфильдъ провелъ въ въ парламентѣ вопросъ о новомъ титулѣ королевы); но въ ней хорошо отразилось тревожное настроеніе той части англійскаго общества, которая не захвачена теперь вихремъ джингоизма; той части общества, которая со страхомъ смотритъ на гадовъ, выползшихъ неизвѣстно откуда вслѣдствіе сотрясенія, произведеннаго войной.

Наблюдатель, научившійся цѣнить даровитую, энергичную, свободолюбивую, высоко ставящую принципъ законности англосаксонскую расу, съ сердечной болью видитъ теперь, какъ эта безумная война вынесла здѣсь на первое мѣсто наиболѣе грубые, дикіе и ограниченные элементы, которые до того времени прятались, стыдясь своей культурной неумытости. Если мы станемъ судить по тону почти всей прессы, по театральнымъ пьесамъ *) да по представленіямъ въ кафе-шантанахъ и на основаніи этого заключимъ, что вся Англія теперь опьянена джингоизмомъ въ наиболѣе грубой и непривлекательной формѣ его, то нашъ выводъ будетъ ошибоченъ. Воинственный духъ уличной прессы и театровъ обозначаетъ лишь, что наиболѣе крикливыя и наименѣе симпатичныя части англійскаго общества заняли теперь на время всю передовую линію. Положеніе дѣлъ сильно

*) О послѣднемъ см. статью „Черное Рождество", „Р. Вѣд.", № 352, 1899 г.

напоминаетъ одну извѣстную игрушку: полушаръ, наполненный совершенно прозрачною и чистою водой, такъ что тонкій осадокъ на днѣ почти незамѣтенъ; но стоитъ встряхнуть полушаръ, и вся вода замутится. Въ ней закрутятся черные хлопья, змѣйки, головастики и т. п. Толчокъ прекратится,—и змѣйки и лягушки вновь упадутъ на дно и покроются пескомъ. Не одна Англія подвержена подобнымъ толчкамъ. Во многихъ другихъ странахъ черные хлопья, змѣи и жабы кружатся и въ обычное время, даже безъ толчка. Тамъ гадамъ незачѣмъ прикрывать свои хищныя стремленія принципами свободы. Совсѣмъ наоборотъ: неприкрашенные „щучьи" идеалы возводятся во многихъ мѣстахъ на континентѣ въ принципъ. Наблюдателю *обидно* переживать въ Англіи такіе моменты, какъ теперь. Въ другое время наглая глупость никакъ не смѣла бы выползти здѣсь въ такомъ неприкрытомъ видѣ на свѣтъ Божій, какъ теперь.

Мы, жители континента, къ гадамъ привыкли; въ силу этого, видъ ихъ не повергаетъ насъ въ полное уныніе, какъ англичанъ, полагающихъ, что гаду предписано „въ травѣ пресмыкаться", а не выползать на первое мѣсто. Этимъ объясняется слишкомъ тревожное настроеніе лучшихъ элементовъ англійскаго общества. Джингоистская пресса, печатные органы биржи, втянувшей Англію въ эту злосчастную войну, стараются выставить дѣло такъ, будто всѣ составныя части громадной имперіи охвачены теперь стремленіемъ „отстоять флагъ". Въ дѣйствительности, дѣло обстоитъ не совсѣмъ такъ. Въ Ирландіи, напр., всюду населеніе высказалось крайне враждебно къ Англіи и отнюдь не скрываетъ своихъ симпатій бургерамъ. Въ нѣсколькихъ городахъ муниципалитеты рѣшили поднести званіе почетныхъ гражданъ Крюгеру и Жуберу. Демонстраціи приняли такой враждебный характеръ, что кое гдѣ вмѣшалась полиція. Правительство отрѣшило отъ должности всѣхъ мировыхъ судей, высказавшихся за бургеровъ. Населеніе вновь избрало ихъ и теперь возникаетъ любопытный инцидентъ, который долженъ разрѣшиться парламентомъ.

Вотъ на какую замѣтку натолкнулся я въ „Irish People". Дѣло идетъ о посадкѣ въ Ватерфорѣ на пароходъ 360 ирландскихъ резервистовъ для отправки ихъ на театръ военныхъ дѣйствій. „Солдатъ пришлось доставить въ гавань въ товарныхъ вагонахъ. Все время фузилеры резервисты кричали до хрипоты: „да здравствуетъ Крюгеръ" и „ура"! въ честь буровъ. Должно полагать, это было крайне поучительное зрѣлище для офицеровъ. Наконецъ поѣздъ прибылъ къ пароходу. Солдатъ хотѣли заставить перейти мостки, соединяющіе набережную съ пароходомъ. Это оказалось не менѣе труднымъ дѣломъ, чѣмъ переходъ черезъ Тугелу. Ирландцевъ пришлось загонять штыками и прикладами. Фузилеры отстегивали пояса со штыками и бросали ихъ въ воду съ крикомъ:

— Мы не станемъ сражаться противъ стараго Крюгера!

Наконецъ солдатъ загнали. Нѣкоторыхъ прямо сносили на рукахъ, какъ барановъ. Когда фузилеровъ усадили на пароходъ, убрали мостки и подняли якорь, ирландцы запѣли національный гимнъ зеленаго Эрина и затѣмъ опять прокричали троекратно „ура“ старому Крюгеру и храбрымъ бургерамъ“.

Въ Канадѣ все французское населеніе высказалось противъ войны. Въ англійскихъ провинціяхъ многіе депутаты сложили съ себя полномочія, не желая участвовать въ парламентѣ, который пошлетъ солдатъ истреблять бургеровъ. Въ австралійскихъ колоніяхъ войну усиленно популяризировали, притомъ, не всегда легальными средствами. И все же въ двухъ колоніяхъ министерства пали за слишкомъ джангоистскія симпатіи. „Австралійскія колоніи номинально считаются вассалами британской имперіи,—писалъ Sydney Bulletin, наиболѣе вліятельная южно-австралійская газета.—Вѣрность ихъ тоже лишь номинальна. Конституція отнюдь не обязываетъ насъ защищать имперію, спотыкающуюся подъ тяжестью пріобрѣтенной съ грѣхомъ пополамъ добычи; мы не обязаны помогать англичанамъ при ограбленіи бургеровъ. Да въ этомъ не представляется никакой необходимости. Англійскій флотъ и армія болѣе чѣмъ достаточны для сокрушенія 30 тысячъ бургеровъ. Не принуждаемые конституціей, безъ всякой необходимости, мы готовы помогать Англіи въ этой несправедливой войнѣ... Кто повѣритъ, что австралійскія войска идутъ изъ любви къ Британіи? Они идутъ въ погонѣ за сильными ощущеніями; идутъ, потому что ищутъ перемѣны и дутой славы; идутъ, наконецъ, потому, что солдатъ воспитали для войны, и они теперь ищутъ возможности примѣнить свои познанія на практикѣ. Безъ войны, этимъ тренированнымъ мясникамъ кажется, что они праздно проводятъ время“. „Исторія, которая съ такой гордостью внесла въ свои лѣтописи борьбу маленькой швейцарской республики съ громадной габсбургской имперіей,— осудитъ покушеніе британской имперіи на храбрыя республики бургеровъ, — говоритъ австралійская газета въ другой статьѣ. Пусть британская имперія насиліемъ соберетъ территорію, большую, чѣмъ та, которая народилась подъ римскимъ владычествомъ. Это не воспрепятствуетъ ей потерпѣть судьбу всѣхъ государствъ, держащихся на насиліи и несущихъ, въ силу этого, въ себѣ ферментъ разложенія“.

Статьи, подобныя цитированнымъ, меньше всего доказываютъ, что всѣ колоніи охвачены патріотическимъ пыломъ, какъ стараются выставить джингоистскія газеты.

Настоящая война поучительна еще тѣмъ, что casus belli нашли потомъ, когда столкновеніе уже произошло. Первоначальнымъ оффиціальнымъ поводомъ къ войнѣ было положеніе уитлэндеровъ. Такъ было заявлено въ тронной рѣчи; такъ

говорилось на митингахъ, въ передовыхъ статьяхъ и, въ особенности, въ колоніяхъ. Инициаторы войны знали, что большую публику въ Англіи нужно увлечь чѣмъ либо возвышеннымъ. „Англія идетъ освобождать угнетенныхъ уитлэндеровъ отъ олигархіи, во главѣ которой стоитъ Крюгеръ!"—такъ до сихъ поръ говорятъ правительственныя газеты въ колоніяхъ. Не смотря на всѣ усилія, сторонники войны не могли выставить *ни одного* факта, доказывающаго, что положеніе уитлэндеровъ въ Трансваалѣ было въ чемъ либо хуже, чѣмъ положеніе иностранцевъ въ Англіи, напр. Въ концѣ концовъ, центръ тяжести аттаки былъ перенесенъ на избирательное право. Республика соглашалась предоставить уитлэндерамъ избирательное право, если они проживутъ семь лѣтъ въ Трансваалѣ; Англія требовала это право для прожившихъ пять лѣтъ. Разсмотримъ нѣсколько ближе это требованіе, допустивъ, что дѣйствительно одно государство можетъ потребовать у другого, чтобы оно приняло въ подданство его гражданъ. Петиція, поданная королевѣ трансваальскими уитлэндерами (см. октябрьскую книжку „Р. Б.") покрыта 21,684 подписями. Генералъ Жуберъ въ своемъ письмѣ къ королевѣ доказываетъ, что большинство подписей—поддѣльно; что многіе подписавшіеся будто никогда не видали петицію и что въ документѣ значатся такія лица, которыя уже давно умерли. Предположимъ, однако, что всѣ подписи вѣрны и что составители петиціи не пользовались услугами мертвыхъ душъ. Въ числѣ подписавшихся—5% женщинъ, которыя и въ Англіи не пользуются избирательными правами. По вычисленію сэра Альфреда Мильнера, изъ подписавшихся лишь 3/4 бѣлые. (Blue Book, 9,345, p. 184). Многія изъ подписей сдѣланы до очевидности одною и тою же рукою; но мы примемъ оффиціальное объясненіе этого страннаго явленія: употребленіе одного и того же пера. Въ концѣ концовъ, петицію, если она вѣрна, подписали не болѣе 15 тысячъ англичанъ старше 16 лѣтъ. Половина подписавшихся—перелетныя птицы, которыя не думаютъ остаться въ Трансваалѣ. Остается, такимъ образомъ, 7,500 человѣкъ, которые могли бы воспользоваться избирательнымъ правомъ, если предоставить его рѣшительно всѣмъ; но такъ какъ въ Трансваалѣ, какъ и въ Англіи, требуется небольшой цензъ, то изъ этихъ 7,500 человѣкъ могли бы быть избраны лишь 4,000 чел. Изъ нихъ не больше половины прожили уже въ Трансваалѣ пять лѣтъ. Такимъ образомъ, принимая оффиціальную мотивировку, выйдетъ слѣдующее. Англія потеряла уже 8 тысячъ человѣкъ (и потеряетъ еще не мало, такъ какъ война, въ сущности, еще лишь началась) и готова истратить 800.000,000 рублей, чтобы двѣ тысячи уитлэндеровъ стали гражданами республики не въ 1901 г., какъ предлагалъ Крюгеръ, а въ 1899 г., какъ хотѣло англійское правительство. На придачу, большинство тѣхъ уитлэндеровъ, которыхъ, будто бы,

пошли освобождать, сражаются теперь въ рядахъ бургеровъ. Въ парламентѣ Морлей привелъ нѣсколько цифръ, показывающихъ, сколько получаетъ уитлэндеръ-работникъ въ Трансваалѣ. Заработная плата тамъ была отъ 15 ш. до 2 ф. въ день. Восемьдесятъ % всѣхъ работниковъ получали, кромѣ того, еще квартиру. Не смотря на дороговизну жизни, работники откладывали порядочно. Они себя чувствовали болѣе независимыми, чѣмъ въ Англіи, и были довольны положеніемъ вещей. Австралійская газета *Sydney Bulletin*, которая настойчиво предостерегаетъ Южную Австралію отъ увлеченія джингоизмомъ, доказываетъ колонистамъ, что поводомъ къ войнѣ былъ „Виноградникъ Навуѳея". Газета суммируетъ свои взгляды такъ.

Внимательно изучивъ вопросъ, мы пришли къ слѣдующему заключенію. Тѣ причины, которыя выставляются Англіей, какъ поводъ къ войнѣ,—лживы. Въ данномъ случаѣ, Англія отнюдь не имѣетъ права на тѣ доспѣхи паладина, въ которыхъ она парадируетъ передъ колоніями. Мы допускаемъ, однако, что Англію втянули въ войну силы, лежащія внѣ контроля ея. Ни одна изъ тѣхъ шести причинъ, которыя выставляются у насъ (въ колоніяхъ), какъ casus belli, не заключаетъ въ себѣ ни капли истины. 1) Война началась не изъ за того, что уитлэндеру не предоставлена болѣе легкая возможность стать натурализованнымъ буромъ и отказаться отъ родной страны, традицій, исторіи, національной гордости и т. д. Уитлэндеръ совсѣмъ не желалъ бросить за бортъ всѣ гордыя традиціи, чтобы стать маленькимъ скромнымъ буромъ. Въ конвенціи 1884 г. уитлэндеръ не выговаривалъ себѣ права натурализоваться. Да вообще ни въ одной странѣ не существуетъ такое право натурализованія, которое можно было бы требовать силой. Если бы кто либо вздумалъ предложить иностранцамъ, живущимъ въ Англіи, чтобы они потребовали это право натурализаціи,—его посадили бы въ домъ умалишенныхъ. 2) Война не ведется изъ за того, что уитлэндеру не дано право участія въ выборахъ, безъ натурализаціи, ибо ни въ одной странѣ это не дѣлается. 3) Не начата также война изъ за того, что Англія тѣсно связываетъ право представительства съ обложеніемъ налогами. Такого принципа не существуетъ. Изъ 383.000,000 плательщиковъ налоговъ, въ имперіи болѣе $^{3}/_{4}$ не имѣютъ совсѣмъ права представительства. Всюду въ имперіи иностранцы платятъ всѣ налоги, но однако не пользуются избирательнымъ правомъ. 4) Столкновеніе не вызвано тѣмъ, что налоги, платимые уитлэндерами, чрезмѣрно высоки: въ Трансваалѣ уитлэндеры (какъ и коренное населеніе) платятъ меньше, чѣмъ въ сосѣднихъ англійскихъ колоніяхъ. Золотые промыслы обложены меньше, чѣмъ въ Родезіи и во многихъ колоніяхъ Австраліи. 5) Еще меньше война возникла изъ-за того, что буръ невѣжественъ и грязенъ. Въ Англіи не мало мѣстъ, гдѣ населеніе еще

болѣе невѣжествено. Англійскіе солдаты, наконецъ, не шли на войну съ губкой въ одной рукѣ и съ кускомъ мыла—въ другой. Они явились не для того, чтобы вымыть буровъ. 6) Не потому стала воевать Англія, что одинъ изъ ея подданныхъ убитъ въ Трансваалѣ, а убійца не открытъ. Въ Квинслэндѣ, напр., въ послѣднія десять лѣтъ свершилось много неоткрытыхъ убійствъ, но они нисколько не взволновали Англію...

Несообразность выставленія положенія уитлэндеровъ, какъ поводъ къ войнѣ, была до такой степени очевидна, что попытались найти другой casus belli уже послѣ того, какъ война началась. Такимъ мотивомъ явилась гегемонія. Шовинистскія газеты заговорили о таинственномъ заговорѣ всѣхъ голландцевъ въ Южной Африкѣ съ цѣлью изгнанія англичанъ. Трансвааль былъ душой заговора,—по словамъ джинго. Республика тайно вооружалась, будто бы, много лѣтъ, чтобы напасть на громадную имперію. Факты говорятъ намъ другое. Военныя издержки республики сразу увеличились съ 1895 г., послѣ разбойничьяго набѣга Джемсона. Бургеры увидѣли, что имъ грозитъ страшная опасность. Вотъ таблица расходовъ республики, составленная на основаніи оффиціальнаго источника: „Staats Almanak der Zuid Afrikaansche Republick“.

	Военные расходы.	Обществен. работы.	Спеціальн. платежи.	Жалованье.	Всего.
1889	f 75,523	f .300,071	f 58,737	f.171,088	f 605,419
1890	42,999	507,579	58,160	133,701	742,439
1891	117,927	492,094	52,486	76,494	739,001
1892	29,739	361,670	40,276	93,410	525,095
1893	19,340	200,106	148,981	132,132	500,559
1894 . . .	28,158	260,962	75,859	163,547	528,526
1895 . .	87,308	353,724	205,335	838,877	1.485,244
1896	495,618	701,022	682,008	128,724	2.007,372
1897	396,384	1.012,866	248,684	135,345	1.793,279
1898 (первые 9 мѣсяц.) .	163,451	383,033	157,519	100,874	804,877

II.

Война и вызванный ею толчокъ, въ силу котораго въ воздухѣ „закружились бѣсы разны“—породила въ англійской прессѣ совершенно неизвѣстныя до тѣхъ поръ явленія. Колонновожатый истиннаго патріотизма—Daily Mail послѣдовалъ по стопамъ бульварныхъ французскихъ газетъ, помѣщавшихъ во время пересмотра дрейфусовскаго дѣла въ кассаціонномъ судѣ адресы судей для свѣдѣнія громилъ и уличныхъ буяновъ. „Ни въ одной странѣ, кромѣ нашей, главный агентъ буровъ, Монтэгю Уайтъ, не могъ бы жить такъ спокойно,—пишетъ Daily Mail.—Между тѣмъ, для

насъ, живущихъ въ одномъ домѣ съ нимъ и волнующихся за судьбу нашихъ друзей и родственниковъ, воюющихъ теперь съ бурами, совсѣмъ непріятно встрѣчать въ корридорахъ представителя республики" (29 дек. 1899 г.). Далѣе указанъ адресъ агента. Та-же газета указала деревенскій адресъ Монтэгю Уайта. Результатомъ было то, что пятаго ноября толпа буяновъ напала на домъ и разгромила двери и окна. Поучительно сопоставить это съ докладомъ Конингама Грима, англійскаго агента въ Преторіи. „Буры относились ко мнѣ крайне вѣжливо и предусмотрительно,—пишетъ онъ.—Мы расстались съ президентомъ Крюгеромъ очень сердечно. Такъ же относились ко мнѣ и къ женѣ бургеры повсюду въ республикѣ, когда я оставлялъ Трансвааль".

Въ прессѣ раздались голоса, которые уже давно не были слышны. Pall Mall Gazette требуетъ политики террора въ Капской колоніи. „Намъ сообщили,—пишетъ газета,—что конституція еще дѣйствуетъ въ Кэптаунѣ. Мы, однако, сильно сомнѣваемся, чтобы это было полезно. Наступила пора, когда нужно разрѣшить вопросъ: не лучше ли управлять при помощи устрашенія, если мы не могли управлять любовью" (27 декабря). Даже солидный Times, такъ гордящійся всегда англійской конституціей, пишетъ: „нужно принять необходимыя мѣры, дабы внушить населенію спасительный страхъ. Иначе мы не искоренимъ смуту въ Капской колоніи" (28 декабря). Та же газета требовала, чтобы всѣхъ плѣнниковъ, жителей Капской колоніи, разстрѣляли. „Нужно надѣяться, что по отношенію къ нимъ не будетъ проявлена излишняя мягкость и человѣколюбіе... Положеніе военныхъ дѣлъ значительно улучшится, когда мы очистимъ почву отъ всѣхъ сомнительныхъ элементовъ" (Times, перед. статья отъ 6 января 1900 г.). Правительство говорило, что война начата для того, чтобы доставить широкія политическія права уитлэндерамъ. Такъ говорятъ до сихъ поръ священники-джинго. Не прошло еще трехъ мѣсяцевъ, какъ торійскія газеты заговорили объ уничтоженіи конституціи въ Капской колоніи. Кстати о священникахъ-джинго. Трудно рѣшить, кто былъ болѣе откровененъ въ этой войнѣ,—биржевики-ли, вызвавшіе ее, или же духовенство, взявшее биржу подъ свое покровительство. Наиболѣе яростнымъ сторонникомъ войны является церковная газета—Methodist Times. До начала войны ректоръ произнесъ въ Виндзорѣ въ церкви проповѣдь, изъ которой возьму одно мѣсто. „Оомъ Поль (Крюгеръ) поползетъ на брюхѣ по лужамъ крови, гнуся въ носъ псалмы при каждой затрещинѣ, которую ему закатитъ Томми (англійскій солдатъ). А подкупленные злодѣи его (т. е. буры) будутъ поражены карающей десницей британскихъ героевъ". Епископъ Армагскій выступилъ съ апологіей войны, въ которой доказывалъ, что „Господь, сотворившій громы, создалъ также и войну на пользу людямъ". Каноникъ Вирсмэнъ нашелъ даже возможнымъ

сказать похвальное слово джемсоновскому набѣгу, котораго (оффиціально по крайней мѣрѣ) стыдились даже многіе джинго. „Не слѣдуетъ забывать,—говоритъ каноникъ, что набѣгъ имѣлъ и благодѣтельные результаты. Во-первыхъ, онъ помѣшалъ образованію космополитической уитлэндерской республики въ Трансваалѣ, которая явилась бы помѣхой при присоединеніи всей Южной Африки. Набѣгъ не далъ созрѣть интригѣ между Трансвааломъ и одной иностранной державой, которая (интрига) подкопала бы англійское главенство въ Южной Африкѣ. Слишкомъ много суровыхъ словъ сказано было по адресу д-ра Джемсона. Нужно вспомнить все то хорошее, что сдѣлалъ онъ“ *) Въ десятомъ нумерѣ „War Against War“ нашелъ я стихотвореніе „Ministers of Moloch“, внушенное проповѣдями священниковъ джинго.

„Какъ шумитъ теперь, какъ рой майскихъ жуковъ, черная, злобная, преподобная стая. Она учитъ Евангелію, не имѣя представленія о немъ, и болѣе жестока, мстительна и кровожадна, чѣмъ та невѣжественная толпа, которую собирается учить.

„О, слѣпые, злобные, напыщенные вожди слѣпцовъ! И теперь вокругъ бивуачныхъ костровъ, при сверканіи пушечнаго огня и блескѣ штыковъ (на приличномъ, однако, разстояніи) вновь роится черная сила. Она вопитъ истерически, кривляется, швыряетъ грязью и неистовствуетъ въ своемъ безуміи болѣе, чѣмъ безработная чернь. Черная стая кощунствуетъ, сыплетъ проклятіями и каркаетъ, какъ гарпіи. Ибо тамъ, гдѣ есть трупы, тамъ нѣтъ недостатка въ стервятникахъ“.

Поучительное зрѣлище представляетъ также отношеніе джингоистской прессы къ бургерамъ до и послѣ пораженій. „Буры выродились“,—говоритъ газета. „Команда разбѣжится, какъ только убьютъ двухъ человѣкъ. Буры деморализованы теперь благосостояніемъ“. Оранжевая республика ни за что не присоединится къ Трансваалю, а если сдѣлаетъ это, — намъ же будетъ лучше: „сразу выкрасимъ всю Южную Африку въ національный англійскій цвѣтъ“. Бургеры не въ состояніи сражаться съ дисциплинированной арміей. Уитлэндеры не станутъ помогать республикамъ. Трехъ дивизій болѣе чѣмъ достаточно, чтобы стереть въ порошокъ буровъ. Когда война началась, джинго увѣряли, что лордъ Мэтуэнъ освободитъ Кимберлей въ недѣлю, что „Буллеръ внушаетъ бурамъ спасительный страхъ и что генералъ будетъ ѣсть свой рождественскій плумпудингъ въ Преторіи“. Газета „Daily Mail“ категорически заявила, что генералы буровъ—„грубая шайка трусовъ, подлецовъ и негодяевъ“. Sun увѣрялъ, что одинъ Томми можетъ вышибить мозги шести бурамъ. Всѣ же джингоистскія газеты сходились въ томъ, что буры—

*) Daily News, 2 января 1900 г.

расса „трусовъ, хвастуновъ, воровъ, убійцъ, прелюбодѣевъ, лицемѣровъ и лжецовъ“, способныхъ лишь „убивать женщинъ“, а англійскіе солдаты „храбры, скромны, честны, миролюбивы, нравственны и великодушны“. Дѣйствительность не оправдала упованій и обѣщаній джинго, и теперь газеты, доказывавшія, что одинъ Томми вышибетъ мозги шести бурамъ, ведутъ кампанію противъ военнаго министерства,—почему оно сразу не послало шести Томми противъ одного бура. Дѣйствительность доказала также, что нравственныя характеристики Томми и бура—совершенно не вѣрны. Кое что можно было рѣшить a priori. Англійская армія вербуется по вольному найму. Въ солдаты идутъ подонки общества, лѣнивые настолько, что не хотятъ заняться какимъ либо трудомъ. Въ офицеры поступаютъ дѣти лордовъ, ректоровъ, джентри, которымъ ни наука, ни какое другое дѣло не дались. Англійская армія практикуется въ войнахъ съ черными. Такъ какъ эти войны происходятъ въ далекихъ странахъ, то пресса знаетъ лишь о результатахъ. Въ этихъ войнахъ армія привыкла не церемониться съ „дикарями“: ихъ истребляютъ сотнями, дабы предупредить возстаніе. Истребленіе производится систематически и спокойно: поставятъ въ трехъ верстахъ отъ непріятеля скорострѣльныя пушки и начнутъ палить по чернымъ, вооружоннымъ лукомъ и стрѣлами. Побѣда, конечно, получается блистательная. Послѣ побѣды крааль отдается солдатамъ, какъ призъ, т. е., по просту, на разграбленіе.

Такой именно методъ войны англійскіе солдаты принесли въ Трансвааль. Генералъ Китчинеръ пріобрѣлъ въ Хартумѣ страшную славу предупредителя возстаній. Въ англійскихъ колоніяхъ въ Африкѣ, да въ ультра джингоистской прессѣ въ Англіи, очевидно, желали, чтобы война велась по извѣстному уже типу: съ истребленіемъ мужчинъ, съ порабощеніемъ женщинъ и съ конфискаціей частной недвижимой собственности. Вотъ два факта. Газетѣ South African News пишутъ: „Англійскія дамы въ Наталѣ рады войнѣ. Обсуждая всевозможныя выгоды ея, онѣ, между прочимъ, говорятъ, что наконецъ-то англичанки будутъ имѣть, послѣ окончанія войны, бѣлыхъ горничныхъ, женъ и дочерей буровъ, такъ какъ цвѣтнокожія служанки никуда не годятся“. Въ Англіи, на банкетѣ, маркизъ Лорнъ подалъ совѣтъ, какъ замирить республики, когда онѣ будутъ взяты. По мнѣнію благороднаго лорда, нужно конфисковать всѣ земли частныхъ владѣльцевъ и раздать ихъ англичанамъ. Такимъ образомъ возможность возстанія разъ навсегда будетъ прекращена. Благородный лордъ желалъ бы превратить Южную Африку въ Новую Ирландію.

Посмотримъ, какіе результаты получились отъ примѣненія старой военной „системы“ въ Трансваалѣ. Всѣ англійскіе генералы отмѣчаютъ не только храбрость буровъ, но и гуманное отношеніе ихъ къ раненымъ и плѣннымъ. Вотъ что пишетъ, напр., поручикъ Ка-

наганъ, находящійся теперь въ плѣну въ Преторіи: „Все, что вы станете читать въ Англіи о бурахъ — абсолютная неправда. Буры крайне мягко обращаются съ плѣнными и ранеными, какъ будто-бы то были ихъ собственные товарищи. Все, что у нихъ есть, они охотно отдадутъ, если только попросить, хотя бы вещь имъ была крайне необходима самимъ. Насъ доставили въ Преторію въ спальныхъ отдѣленіяхъ вагоновъ перваго класса. Всю дорогу буры были къ намъ крайне внимательны, кормили насъ отлично, давали на каждой остановкѣ кофе. По прибытіи насъ помѣстили въ гиподромѣ, въ свѣтлыхъ, сухихъ комнатахъ, освѣщенныхъ электричествомъ. При помѣщеніи имѣются ванны. Буры снабдили насъ всѣмъ, отъ платья до зубныхъ щетокъ включительно. Помимо обѣдовъ, мы ежедневно получали гостинцы отъ частныхъ лицъ: фрукты, сигары и т. п. Въ сущности, мы можемъ имѣть все, что угодно, за исключеніемъ свободы" („Daily News", 28 декабря 1899 г.). Когда англійскіе плѣнники, взятые при Никольсонсъ-Нелѣ входили въ Преторію, президентъ Крюгеръ вѣжливо снялъ шляпу. Watchman въ Кэптоунѣ помѣщаетъ письмо англійскаго солдата, взятаго въ плѣнъ въ Кольсбергѣ: „Мы рѣшительно ни въ чемъ не нуждаемся. Намъ разрѣшенъ табакъ, карты, мы можемъ читать газеты, книги. Не позволены лишь спиртные напитки. Не достаетъ лишь одного—свободы. Есть много худшихъ положеній, чѣмъ плѣнъ у буровъ. Плѣнники веселы, какъ зяблики". Теперь вотъ какъ обращаются со своими плѣнниками англичане. Привожу выдержку изъ „Algemeen Handelsblad", газеты, выходящей въ Амстердамѣ.

„Всѣхъ бургеровъ, взятыхъ въ плѣнъ, посадили на старое военное судно *Пенелопа*. Большинство буровъ никогда не видало моря и жестоко страдаетъ отъ качки. Судно лежитъ на рейдѣ не далеко отъ Кэпгауна. Въ то время, какъ англійскіе плѣнники играютъ въ футбалъ на открытомъ воздухѣ въ Преторіи, африкандеры, босые, въ лохмотьяхъ, мрачно бродятъ по пловучей тюрьмѣ. Ихъ содержатъ, какъ каторжниковъ. Плѣнникамъ воспрещено чтеніе газетъ. На пароходѣ ихъ 189 человѣкъ. Всѣ они не мѣняли уже бѣлья съ тѣхъ поръ, какъ взяты въ плѣнъ. Лица у бургеровъ исхудали отъ голода и страданій. Кормятъ плѣнниковъ скудно и плохо. У бургеровъ ничего нѣтъ. Всѣ ихъ деньги украдены. Я знаю очень хорошо,—продолжаетъ корреспондентъ,—что на полѣ битвы военными трофеями считаются лошади, оружіе, сбруя; но никогда не слыхалъ, чтобы культурные побѣдители грабили раненыхъ и убитыхъ. А именно это сдѣлали англійскіе солдаты. У плѣнниковъ отняли все: часы, носовые платки, деньги, обручальныя кольца, сапоги и даже платье *)...

*) То, что англійскимъ солдатамъ дается позволеніе грабить раненыхъ и убитыхъ, подтверждается письмами солдатъ къ роднымъ. „Дорогіе ро-

Никогда, никогда не могъ я предположить, что солдаты могутъ быть такими дикарями. При Эландслаагте 300 уланъ окружили девяносто бургеровъ. Послѣдніе, видя, что сопротивленіе невозможно, побросали винтовки и крикнули: „сдаемся!“ Но ротмистръ, командовавшій отрядомъ, крикнулъ: „бейте поганцевъ!“ Началась страшная бойня...

„Плѣнниковъ вначалѣ заперли въ Лэдисмитѣ въ тюрьму для кафровъ, затѣмъ перевели въ тюрьму въ Моритцбургѣ, гдѣ обращеніе было еще хуже. Наконецъ, плѣнниковъ посадили въ трюмѣ парохода въ Дурбанѣ. Въ трюмѣ только что возили лошадей; въ силу этого, все было загажено. Вонь стояла невыносимая. Насѣкомыя кишѣли. Съ плѣнниками обращались не какъ съ гражданами, исполнившими свой долгъ, а какъ съ послѣдними ворами или убійцами“.

Избіеніе бросившихъ уже оружіе буровъ, къ сожалѣнію, фактъ, не подлежащій сомнѣнію. „Times“ описывалъ убійство бѣгущихъ буровъ послѣ битвы при Эландслаагте, называя это „великолѣпнѣйшей колкой свиней“. Вотъ показаніе подъ присягой поручика Филипа Коха, племянника голландскаго генерала Коха, тяжело раненаго при Эландслаагте. Филипъ Кохъ былъ взятъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ генераломъ, но затѣмъ обмѣненъ. Онъ повезъ тѣло своего дяди, умершаго черезъ десять дней въ плѣну, для похоронъ въ Преторіи. Подъ присягой поручикъ Кохъ показалъ слѣдующее: „Сообщаю все это для того, чтобы мои земляки и всѣ африкандеры могли знать, что ждетъ ихъ въ случаѣ плѣна во время этой войны, въ которую капиталисты втянули Англію“. Послѣ боя при Эландслаагте поручикъ Кохъ отправился, вмѣстѣ съ докторомъ, помогать раненымъ. Тутъ они нашли генерала Коха, который заявилъ, что англійскіе солдаты ограбили его и отняли не только деньги, часы, обручальное кольцо, но даже все платье. Дѣйствительно, генералъ лежалъ совершенно раздѣтый, едва прикрытый какимъ-то мѣшкомъ. Тутъ англичане подошли, подобрали генерала и отвезли его въ Лэдисмитъ. Здѣсь онъ пролежалъ безъ пищи, на открытомъ воздухѣ, сутки. Ему вначалѣ не разрѣшали даже подушки и рубахи. Десять дней спустя генералъ умеръ не столько отъ ранъ, сколько отъ плохого обращенія. На полѣ битвы ограбили не только одного Коха, но всѣхъ бургеровъ“. „Изъ всего того, что я видѣлъ, заканчиваетъ свое показаніе поручикъ, я вывелъ слѣдующее заключеніе.

дители, читаемъ мы въ одномъ письмѣ, помѣщенномъ на-дняхъ въ „Star“ (4 января). Спѣшу сообщить вамъ... что добылъ также на мою долю коекакую добычу (loot): часы, цѣпочку къ нимъ, два обручальныхъ кольца, нѣсколько библій (только за нихъ ничего не дадутъ,—онѣ голландскія), кое-что изъ платья да еще много платковъ“. Такія письма являются corpus delicti, которое не можетъ быть опровергнуто никакими оффиціальными сообщеніями.

Нашимъ бургерамъ нечего ждать отъ англичанъ обращенія христіанъ и культурныхъ людей. Я стыдился бы такъ поступать даже съ кафрами. Я видѣлъ бургера Лепельтакефта, раненаго гусаромъ, несмотря на то, что онъ сдался въ плѣнъ и бросилъ ружье и револьверъ. Бургеру велѣли идти впередъ. Онъ не повернулся достаточно быстро, по мнѣнію англійскаго офицера. Тогда послѣдній выстрѣлилъ бургеру въ спину изъ револьвера и убилъ наповалъ. Я видѣлъ все это самъ" („Standard and Digger's News" 4 ноября 1899 г.).

Мы знаемъ уже, что англійскіе солдаты могли бы поучиться гуманности у бургеровъ. То же самое можно сказать относительно большой публики въ Южной Африкѣ. Черчель, корреспондентъ газеты „Daily Telegraph", недавно убѣжавшій изъ плѣна изъ Преторіи, пишетъ: „Буры относятся къ плѣннымъ крайне мягко и сердечно. Въ то время, какъ насъ везли въ Преторію, буры собирались на станціяхъ, чтобы повидать плѣнниковъ, и крайне дружественно предлагали намъ папиросы и фрукты". А вотъ какъ описываетъ „Veritas" въ „Standard and Digger's News" прибытіе плѣнныхъ бургеровъ въ Дурбанъ. „Ихъ погнали въ доки, чтобы тамъ запереть въ каторжную тюрьму. Собравшаяся толпа улюлюкала, осыпала плѣнниковъ ругательствами и швыряла въ нихъ чѣмъ попало. То же самое повторилось, когда плѣнныхъ вводили въ Лэдисмитъ. Хотя власти присутствовали, но они не ударили пальцемъ о палецъ, чтобы помѣшать дикимъ и грубымъ сценамъ". Но буры—„мужики". Въ силу этого, они, какъ вольтеровская принцесса Палестринская, быть можетъ, не знаютъ, что грабежъ плѣнныхъ—c'est un usage établi de temps immémorial parmi les nations policées, что это—une loi du droit des gens, à laquelle on n'a jamais dérogé. Явленіе страшно не только тѣмъ, что происходитъ, а отношеніемъ къ нему прессы. Тутъ видно, какой страшный переворотъ произвелъ „толчокъ шару".

Англійская печать въ Наталѣ и Капской колоніи *) восхваляетъ патріотизмъ толпы, выразившійся во враждебномъ отношеніи къ плѣнникамъ. Та же самая пресса систематически помѣщала *завѣдомо лживыя* сообщенія о жестокости буровъ и злоупотребленіи ими бѣлымъ флагомъ. Поучительно то, что военная цензура, которая теперь вычеркиваетъ изъ газетъ въ Наталѣ почти все, не тронула лживыхъ замѣтокъ, хотя англійскіе генералы въ оффиціальныхъ реляціяхъ сообщали, что обращеніе буровъ съ ранеными образцовое. Англійская джингоистская пресса, имѣя оффиціальные отчеты своихъ генераловъ, тѣмъ не менѣе умышленно перепечатывала и перепечатываетъ изъ продажныхъ органовъ Сесиля Родса завѣдомую ложь. Эта грубая и сознатель-

*) Вся эта печать почти безъ исключенія находится во власти Сесиля Родса и Chartered Company.

ная ложь въ Англіи уже иллюстрируется соотвѣтствующими рисунками, дабы сильнѣе дѣйствовать на нервы большой и невѣжественной публики. Лживыя сообщенія газетъ вызвали оффиціальный протестъ президента Штейна. Въ другомъ документѣ, посланномъ всѣмъ представителямъ иностранныхъ державъ, президентъ приводитъ многочисленные примѣры злоупотребленія бѣлымъ флагомъ... со стороны англичанъ. „Вооруженные отряды англичанъ выходили подъ бѣлымъ флагомъ, защищая себя такимъ образомъ отъ аттаки до тѣхъ поръ, пока не занимали выгодную позицію... Такимъ образомъ, близь Лэдисмита присоединилось подкрѣпленіе къ англичанамъ, и соединенныя войса аттаковали затѣмъ нашихъ буровъ. Въ другой разъ бѣлый флагъ былъ поднятъ надъ поѣздомъ, который отправился наводить мостъ для военныхъ операцій".

III.

Кто является въ настоящее время сторонникомъ войны въ Англіи? Партія эта многочисленна и крайне пестра по своему составу. Часть этой партіи очень долгое время не рѣшалась вслухъ высказать свои завѣтныя мечтанія, связанная традиціями партіи, воспоминаніями о другихъ временахъ; другая же часть съ самаго начала выступила съ барабаннымъ боемъ, съ дикими завываніями и улюлюканьями. Этихъ „воющихъ джинго" остальные элементы партіи долгое время стыдились, считая зазорнымъ не только быть съ ними вмѣстѣ, но просто даже знаться. До толчка „воющіе джинго" сами стыдились своей культурной неумытости, сидѣли тихо и авторитетно говорили лишь о лошадиныхъ статьяхъ да о томъ, чей кулакъ тяжеле: боксера Неда или же короткаго Боба. Многіе изъ этихъ воющихъ джинго были сильно скомпрометированы въ денежныхъ спекуляціяхъ, напр., Гарри Марксъ, редакторъ газеты Sun, котораго Гулли охарактеризовалъ величайшимъ шантажистомъ города Лондона. Война выдвинула всѣхъ этихъ героевъ улицы на первый планъ. Они стали колонновожатыми истиннаго патріотизма, раздавая патенты на него. Такъ, вождемъ вдругъ сталъ юркій репортеръ Хармсвортъ, ставшій милліонеромъ вслѣдствіе того, что угадалъ вкусы улицы (см. „Р. Б." за 1897, кн. 3). Затѣмъ, въ партіи войны мы видимъ „боевыхъ" миссіонеровъ, отправляющихся въ Африку проповѣдовать Евангеліе инородцамъ, съ револьверомъ въ одной рукѣ и съ образчикомъ товаровъ да бутылкой рома въ другой. Рядомъ съ миссіонерами, далѣе, стоитъ та толпа, героемъ которой является „нашъ Джо", Джозефъ Чэмберлэнъ. Приглядимся теперь внимательнѣе къ составнымъ элементамъ партіи войны. Прежде всего, это боевые тори, мечтающіе о всемірной имперіи. Эти очень много говорятъ объ „юніонъ

джэнѣ", о томъ, что все должно подчиниться англичанамъ, избранному народу нашей эры, о блескѣ національнаго оружія, о томъ, что „сладко умереть за отечество" и т. д. „Pro patria" это—своимъ порядкомъ; но, въ то же время, наиболѣе видные боевые тори отлично умѣютъ устраивать свои собственныя дѣла. Возьмемъ, напримѣръ, ярaго туркофила сэра Элиса Ашмета Бартлэта. Недавно онъ заявилъ, что всю жизнь молился объ одномъ: чтобы „юніонъ джэнъ" (національное англійское знамя) развѣвался надъ Хартумомъ и Преторіей. Богъ исполнилъ его молитву, далъ ему узрѣть англійскій флагъ надъ Хартумомъ.

Изъ отчетовъ Chartered Company мы видимъ, что сэръ Элисъ состоитъ однимъ изъ учредителей акціонерной компаніи въ Родезіи. Благочестивый патріотизмъ, такимъ образомъ, принимаетъ нѣсколько другую окраску. Или взять туркофильство того-же Ашмета Бартлэта. Патріоты указывали въ „С. Джемсской Газетѣ" на то, что сэръ Элисъ любитъ султана Абдула, потому что Абдулъ естественный врагъ Россіи, а Россія—врагъ Англіи. Теперь оказывается, что туркофильство имѣетъ и реальную выгоду: сэръ Элисъ такъ долго любилъ султана Абдула, пока получилъ очень выгодную концессію, которую сейчасъ же пустилъ на биржу.

За войну также старые либералы, большею частью крупные фабриканты. Они не перешли въ лагерь тори, вмѣстѣ съ либералами юніонистами, потому что требуютъ отдѣленія церкви отъ государства, такъ какъ въ Ланкаширѣ, откуда фабриканты родомъ, большинство населенія методисты. Старые либералы стояли за расширеніе имперіи, за новые рынки, потому что, по формулѣ старыхъ либераловъ, the trade follows the flag,—промышленность растетъ вмѣстѣ съ имперіей. Въ войнѣ съ Трансваалемъ старые либералы пытались сохранить аппарансы: ихъ органы печати упорно говорили, что Англія идетъ воевать не потому, что хочетъ захватить республики, а потому, что желаетъ спасти уитлэндеровъ, стонущихъ подъ гнетомъ у буровъ. „Мы желаемъ открытую дверь для всѣхъ",—говорили и говорятъ до сихъ поръ эти газеты. Теперь, когда даже оффиціальные органы оставили старую мотивировку и выдвинули новую—гегемонію,—старые либералы все еще говорятъ про страданія уитлэндеровъ. Старые либералы присоединились къ воющимъ джинго, хотя, повидимому, стыдятся еще нѣсколько подобной компаніи. Органы старыхъ либераловъ говорятъ, что желаютъ видѣть имперію, состоящую изъ автономныхъ колоній. Автономными колоніями должны быть и республики, когда ихъ возьмутъ. Крайніе же джинго мечтаютъ о полномъ разгромѣ республикъ, о посрамленіи ихъ и объ отдачѣ голландцевъ подъ власть англичанъ. Лишь послѣдніе должны имѣть право голоса. Затѣмъ партія войны комплектуется въ значительной степени изъ слугъ господина Купона, изъ приверженцевъ „миссисъ Гранди", которыхъ я старался охарактеризо-

вать въ прошломъ письмѣ. Численный составъ слугъ г. Купона очень значителенъ, хотя, конечно, можно дать лишь приблизительныя цифры.

По послѣдней переписи по занятіямъ, все населеніе Англіи (безъ Ирландіи и Шотландіи) раздѣляется такъ:

Профессіон. занятія	926,132
Слуги	1.900,328
Торговый классъ	1.349,735
Земледѣльцы и рыбопром.	1.336,945
Промышлен. классъ	7.336,344
Не занятые классы	9.154,373

Можно сказать, что весь торговый классъ и значительная часть не занятыхъ классовъ за войну. Послѣдняя имѣетъ сторонниковъ и среди трудящихся классовъ, гдѣ можно наблюдать странное и на первый взглядъ непонятное явленіе работниковъ тори. Въ партіи войны, въ концѣ концовъ, взяли верхъ наиболѣе грубые элементы, всплывшіе отъ толчка. Обитатели литературныхъ хлѣвовъ, „величайшіе шантажисты города Лондона“, боевые миссіонеры, являющіеся въ то-же время распространителями новыхъ коленкоровъ, тонкіе цѣнители спорта—вдругъ почувствовали себя героями дня, вдругъ увидѣли, что ихъ пустили на первое мѣсто. И въ уравновѣшенной, спокойной англійской прессѣ начался совершенно невиданный до тѣхъ поръ вѣдьмовскій шабашъ „настоящихъ патріотовъ“. Образовался, такъ называемый, „патріотизмъ гулигановъ“. „Гулиганы“ это—грубое наглое, полупреступное населеніе, живущее въ великой каменной пустынѣ. Лежитъ послѣдняя не въ Центральной Азіи, какъ можно судить по названію, и не въ Аравіи, а въ Южномъ Лондонѣ. Блестящій публицистъ Бyкананъ примѣнилъ кличку къ воинствующимъ джинго, и слово стало крылатымъ. Вождемъ политическаго гулиганизма является теперь Розбери, одинъ изъ наиболѣе видныхъ участниковъ Chartered company. Пѣвцомъ партіи является Родіардъ Киплингъ. Когда послѣдній выступилъ на литературное поприще, отъ него ожидали очень многаго. Онъ дебютировалъ блестящими очерками изъ жизни туземцевъ въ Индіи, гдѣ отецъ его былъ чиновникомъ. Эти очерки, написанные тепло и колоритно, доставили автору большую извѣстность не только въ Англіи, но и на континентѣ. Критики говорили, что Киплингъ заполнитъ, наконецъ, то мѣсто, которое осталось вакантнымъ въ англійской литературѣ послѣ Диккенса. Его талантъ достигъ зенита въ 1894 г., когда Киплингъ написалъ „The jungle Book“, лучшее произведеніе его, поражающее насъ силой воображенія и богатствомъ фантазіи, „Jungle Book“, это—серія фантастическихъ разсказовъ, героемъ которыхъ является одно и

то же лицо, мальчикъ, выросшій въ волчьей стаѣ. Авторъ рисуетъ своеобразную звѣриную конституцію, войны съ обезьянами и т. д. „Jungle Book“,—одна изъ любимѣйшихъ теперь дѣтскихъ книгъ, но ее съ наслажденіемъ прочтетъ и взрослый. „Вторая книга о Джунгляхъ“, послѣдовавшая черезъ годъ, уступала значительно первой, но является тоже замѣчательнымъ произведеніемъ. Но вотъ Киплингъ выходитъ на новую дорогу—пѣвца арміи. Какъ и Грэнтъ Аллена, его увлекла „миссисъ Гранди“; но Грэнтъ Алленъ былъ настоящій ученый, съ широкимъ умственнымъ кругозоромъ; Киплингъ же по образованію типичный англичанинъ изъ среднихъ классовъ. Онъ прошелъ такую же школу, какъ и тѣ читатели Грэнтъ Аллена, о которыхъ я говорилъ въ прошломъ письмѣ. Широкій кругозоръ все же удержалъ талантъ Грэнтъ Аллена въ извѣстной степени равновѣсія. Онъ могъ писать повѣсти съ сыщиками; но не сталъ бы восхвалять этихъ сыщиковъ, какъ спеціальныхъ героевъ. У Киплинга нѣтъ задерживающаго тормаза въ видѣ знанія или же стройнаго міросозерцанія. Въ силу этого, поступивъ на службу къ миссисъ Гранди, онъ тамъ совершенствовался. Спеціальностью Киплинга стали лакейско-патріотическія оды и солдатскія пѣснопѣнія. Киплингъ—бардъ имперіи, основанной на принципахъ гулиганизма. Таковы всѣ его сборники солдатскихъ стихотвореній; такова его поэма „The Seven sens“. Солдатъ Киплинга—типичный лондонскій гулиганъ: онъ пьянствуетъ, ругается и свирѣпъ въ битвѣ. И этого гулигана Киплингъ воспѣваетъ, какъ героя.

Есть еще другой пѣвецъ имперіи, Альфредъ Остинъ. До 1896 г. это былъ крайне посредственный сочинитель поэмъ, балладъ и стансовъ. Имъ написаны: „Рандольфъ“, „Человѣческая трагедія“, „Савонаролла“, „Вавилонская башня“ и т. д. Критика отмѣчала вымученную напыщенность произведеній Остина, его неуклюжіе стихи и тяжеловѣсныя риѳмы. Читать поэму Остина дѣло не совсѣмъ легкое. Поэтъ напоминаетъ нѣсколько дѣвицу мѣщанку, укладывающую свое приданое въ сундукъ. Огромная, пухлая, безформенная перина въ яркой ситцевой наволокѣ слишкомъ велика и никакъ не влѣзаетъ въ сундукъ. Наконецъ перина всунута, но крышка не прикрывается, хотя на ней пляшетъ призванный на помощь братецъ. Между крышкой и стѣнками сундука перина вытащена наружу уродливыми пестрыми пузырями. Остинъ тоже пытается вогнать въ стихъ расплывчатое, неопредѣленное, пухлое содержаніе, облеченное въ яркую, пеструю оболочку шаблонныхъ образовъ и избитыхъ сравненій. Но съ января 1896 г. Альфредъ Остинъ былъ возведенъ въ званіе придворнаго поэта лавреата. Съ нимъ повторилась знакомая намъ съ дѣтства исторія кукушки, пожалованной въ соловьи. Каждый разъ, когда случается какое-нибудь важное событіе, поэтъ лавреатъ думаетъ, что ему нужно воспѣть его. Результатомъ

является аршинная стишина, напичканная сравненіями въ духѣ псевдо-классицизма. Тутъ и брони, и Геликонъ, и Пегасъ, и Юпитеръ со свитой; словомъ, весь тотъ поэтическій арсеналъ, который со времени „Кромвеля“ Гюго сданъ безповоротно въ архивъ на вѣчное забвеніе.

Остина политическіе гулиганы уважаютъ (вѣдь всетаки поэтъ лавреатъ!), но не читаютъ. Зачитываются они солдатскими одами Киплинга. Теперь въ большой славѣ поэма его „Absent minded beggar“. Нужно сказать, что свои поэмы Киплингъ пишетъ на странномъ жаргонѣ, почти непонятномъ обыкновенному англичанину. „Beggar“, значитъ нищій. Такъ какъ заглавіе было непонятно, то самъ Киплингъ разъяснилъ, что такъ въ казармахъ солдаты называютъ ласкательно другъ друга. Поэмы Киплинга, тѣ страсти, которыя онъ воспѣваетъ и тѣ идеалы, которые рисуетъ, возвращаютъ насъ на нѣсколько столѣтій назадъ. Поэмы эти поразительно напоминаютъ грубыя военныя пѣсни ландскнехтовъ. Идеи и нравы, которые принесъ съ собой политическій гулиганизмъ, тоже очень мало гармонируютъ съ тѣми идеями, которыя были выработаны англійскими мыслителями и проведены въ жизнь такими государственными дѣятелями, какъ Вильберфорсъ или Гладстонъ.

IV.

Въ то время, какъ джинго распорядились уже вполнѣ съ республиками, съ недвижимой собственностью частныхъ лицъ и даже со старымъ президентомъ *), знающія хорошо Южную Африку лица высказываютъ крайне пессимистическіе взгляды. По ихъ мнѣнію, война — актъ не только величайшей несправедливости, но и величайшаго политическаго безумія. Война эта будетъ чревата несчастіями для Англіи и для всей Южной Африки. Прежде всего, война приведетъ за собою неизбѣжнаго спутника капитализма—милитаризмъ, основанный на конскрипціи. Въ самомъ дѣлѣ, о конскрипціи давно уже, но крайне глухо заговаривали въ консервативныхъ газетахъ. Около года тому назадъ, когда чуть-чуть не возникло осложненіе изъ за того, какого цвѣта флагъ долженъ развѣваться на берегу гніющаго тропическаго болота Фашоды, въ инспирированной газетѣ былъ пущенъ пробный шаръ, чтобы узнать мнѣніе страны на счетъ всеобщей воинской повинности. Газеты высказались такъ рѣшительно, что въ парламентѣ членъ министерства заявилъ, что правительство, которое предложитъ конскрипцію, не продержится и четверти

*) „Standart and Diggers'News“ сообщаетъ, что на о. Св. Елены обновлено жилище, гдѣ былъ когда то заключенъ Наполеонъ, и вполнѣ приготовлено для президента Крюгера, когда война окончится. Извѣстіе вызвало крайнее раздраженіе въ республикахъ („Times“, 5 января 1900).

часа. Тогда джинго высказались въ томъ смыслѣ, что конскрипція собственно и не нужна, такъ какъ одинъ англійскій солдатъ стоитъ шести другихъ. Войны съ черными пріучили джинго преувеличивать свои собственныя силы. Когда же первое столкновеніе съ культурными непріятелями окончилось неблагопріятно для англичанъ, джинго забили въ набатъ и заговорили о необходимости изыскать болѣе *вѣрныя* средства для комплектованія арміи. „У насъ огромная имперія, въ силу этого нужно отыскать *новыя* средства для защиты ея". Такъ глухо заговорили газеты послѣ первыхъ пораженій. „Ни крымская война, ни возстаніе сипаевъ не подвергали имперію такой опасности, какъ событія въ Южной Африкѣ,—писалъ „Times".—Никогда еще Англія не была такъ изолирована; никогда еще къ ней не относились такъ враждебно, какъ теперь. Вопросомъ первой необходимости является теперь правильно организованная армія. И эта армія явится, если рѣшиться на энергичныя средства" *) Органъ Сити, повидимому, симпатизируетъ бельгійской системѣ конскрипціи, при которой за извѣстную сумму можно откупиться отъ дѣйствительной службы и числиться въ милиціи. Такая система была бы охотно принята въ средѣ капиталистовъ. Другія джингоистскія газеты высказались въ пользу конскрипціи еще болѣе рѣшительно (въ „письмахъ въ редакцію" газеты были гораздо смѣлѣе, чѣмъ въ передовыхъ статьяхъ). „Положеніе Англіи, имѣющей много колоній и мало солдатъ, крайне серьезно,—читаемъ мы въ Daily Telegraph. Нисколько не преувеличивая, можно сказать, что черезъ три мѣсяца Англія останется безъ солдатъ для своей защиты, и, если возникнутъ какія либо осложненія съ Франціей, Германіей или Россіей, вся наша надежда можетъ быть возложена лишь на флотъ. Принимая во вниманіе обширность нашихъ колоній и сравнительно ничтожное число регулярныхъ войскъ, нельзя не придти къ заключенію, что конскрипція въ той или другой формѣ должна быть введена возможно скорѣе. Только такимъ образомъ можно увеличить нашу регулярную армію. Новая мѣра, поглотивъ значительное число излишняго населенія, облегчитъ бѣдность и уменьшитъ отвѣтственность флота".

По самой возможности появленія такихъ статей въ Англіи, гдѣ населеніе такъ дорожитъ своей индивидуальностью, которую оно такъ долго и такъ мужественно отстаивало, — видно, какой страшный толчокъ общественному равновѣсію нанесла война. Живущіе въ Англіи и внимательно присматривающіеся къ тому, что дѣлается кругомъ, думаю, не будутъ удивлены, если на ближайшихъ выборахъ вопросъ о конскрипціи выдвинется на первый планъ.

„Горизонтъ покрытъ черными тучами,—пишетъ д-ръ Монкюръ,

*) „Times", 18 декабря 1899 г.

извѣстный американскій публицистъ.—Мирный конгрессъ въ Гаагѣ превратился въ совѣтъ, санкціонировавшій войну. Обѣ англосаксонскія націи превращаются въ военныя державы. Восемнадцать мѣсяцевъ борьбы американскихъ войскъ съ небольшими отрядами филиппинцевъ и пораженія, которыя потерпѣли англичане отъ буровъ, доказываютъ, какъ далеко зашли дорогія намъ страны подъ знаменемъ милитаризма. Старая ихъ военная машина заржавѣла. Народъ сталъ работниками, учеными, литераторами. Даже тѣ немногіе талантливые люди, которые избрали военную карьеру, выдвинулись не мечемъ, а перомъ своимъ. Но теперь должно наступить торжество милитаризма, и есть опасеніе предполагать, что это торжество не будетъ кратковременно. Ибо подавленіе свободы народовъ, хотя бы столь немногочисленныхъ, какъ буры или филиппинцы, на сторонѣ которыхъ теперь симпатіи всего міра, не можетъ быть сдѣлано безъ отступленія назадъ, по пути реакціи. Послѣдствіемъ войны съ бургерами можетъ, къ сожалѣнію, явиться реакція въ мірѣ моральномъ и соціальномъ, упадокъ личной свободы, гибель литературы и возрожденіе правительственнаго произвола. Теперь многимъ англичанамъ кажется вполнѣ похвальнымъ дѣломъ раздавить маленькую голландскую республику. То же самое думали 107 лѣтъ тому назадъ относительно только что народившейся французской республики. Но, воюя съ Франціей, Англія завербовала въ полки своихъ лучшихъ дѣятелей и отправила ихъ за море. Англія вызвала появленіе Бонапарта и породила тотъ милитаризмъ, который грозитъ теперь раздавить Францію. Успѣхъ въ Америкѣ джингоистскихъ книгъ капитана Магана доказываетъ, что милитаризмъ явился на смѣну Эмерсону, Лонгфелло, Гоуторнесу и др. Тотъ восторженный пріемъ, который былъ оказанъ солдатскимъ балладамъ Киплинга, доказываетъ начало литературнаго паденія въ Англіи. Въ глазахъ посторонняго наблюдателя, наиболѣе блестящей страницей въ англійской исторіи послѣднихъ лѣтъ было признаніе независимости Трансвааля на другой день послѣ пораженія. Англія не потеряла престижа, но, наоборотъ, выиграла много. Ибо весь міръ зналъ, что Англія можетъ раздавить бургеровъ“.

По мнѣнію знатоковъ страны, затрудненія начнутся тогда, когда Англія, собравъ всѣ силы, раздавитъ наконецъ республики. Вотъ, напр., статья Сиднея Лоу въ декабрьской книжкѣ Nineteenth Century (South African Problems and Lessons). Англія не можетъ даже думать о томъ, чтобы послѣдовать совѣту крайнихъ джинго— „сдѣлать Южную Африку“ коронной колоніей, т. е. управляемой центральной властью. Республики, когда онѣ будутъ присоединены, должны быть сдѣланы автономными колоніями, со своимъ собственнымъ парламентомъ. Но такъ какъ въ Южной Африкѣ голландское населеніе преобладаетъ, то въ будущемъ

колоніальномъ парламентѣ управленіе страной окажется въ рукахъ партіи враждебной Англіи. Авторъ категорически заявляетъ, что англійское населеніе въ Южн. Африкѣ никогда не увеличится имиграціей. Никогда, такимъ образомъ, англійскій элементъ не возьметъ верхъ надъ голландскимъ, какъ полагаютъ сторонники войны: англичане не селятся даже въ Канадѣ и Австраліи. Они не любятъ земледѣлія и стремятся въ города да на золотые промыслы. Что касается англійскихъ работниковъ, то, повидимому, имъ не будетъ мѣста въ Южной Африкѣ. Авторъ, очевидно, имѣетъ въ виду Родезію и Кимберлей, гдѣ Chartered Company замѣнила дорогой трудъ европейцевъ дешевымъ принудительнымъ трудомъ черныхъ. Отчасти я писалъ уже объ этомъ въ ноябрьской книжкѣ „Рус. Бог.". Вотъ еще фактъ. Въ концѣ декабря 1899 г. состоялось засѣданіе Chartered Company. Большую рѣчь произнесъ лордъ Грей, вице-президентъ компаніи. Благородный лордъ сказалъ, что гордится своимъ участіемъ въ компаніи, когда вспомнитъ, что въ ней состоитъ предсѣдателемъ Сесиль Родсъ. Затѣмъ вице-президентъ развилъ доктрину о чернокожихъ рабочихъ въ рудникахъ, принадлежащихъ компаніи. Лордъ Грей нарисовалъ трогательную картину счастливой жизни, которую ведутъ негры на пріискахъ въ Родезіи. Предприниматели только о томъ и думаютъ, какъ бы облагодѣтельствовать цвѣтнокожихъ и сдѣлать ихъ счастливыми. Негры работаютъ добровольно; они вполнѣ довольны своимъ положеніемъ въ шахтахъ и „получаютъ наказаніе лишь тогда, когда заслужили его". Но есть такіе непроходимые дураки среди черныхъ, которые совершенно не поддаются благодѣтельному вліянію культуры. Вмѣсто того, чтобы идти просвѣщаться въ шахты, негры упорно предпочитаютъ сидѣть на своей землѣ, сѣять маисъ да доить коровъ. Лордъ Грей считаетъ справедливымъ облагать такихъ упрямцевъ налогомъ съ дыма (hut tax) и „рабочей податью". Послѣднюю должны платить всѣ негры, которые не покажутъ свидѣтельства, что они пробыли хоть четыре мѣсяца въ году на пріискахъ *). Мѣра остроумна, но не нова: она примѣнялась когда-то испанцами въ Мексикѣ и въ Южной Америкѣ. По недоразумѣнію, конечно, писалось, что мѣра эта— одна изъ наиболѣе позорныхъ страницъ въ колоніальной исторіи Испаніи. Другіе директоры указывали на то, что трудъ черныхъ болѣе выгоденъ, чѣмъ трудъ бѣлыхъ, и говорили, что, когда республики будутъ присоединены, владѣльцамъ пріисковъ слѣдуетъ обратить серьезное вниманіе на преимущества рабочей системы въ Родезіи.

Къ слову: въ Трансваалѣ воскресный трудъ воспрещенъ,—въ Кимберлеѣ въ пріискахъ работаютъ всю недѣлю. Въ Трансваалѣ

*) „Truth", Dec. 21, 1899, p. 1540.

рабочій день, какъ для бѣлыхъ, такъ и для черныхъ, опредѣленъ фольксраадомъ въ 8 часовъ; въ Кимберлеѣ черные работаютъ 14 часовъ въ день. Въ Кимберлеѣ введена принудительная работа черныхъ; въ Трансваалѣ фольксраадъ воспретилъ ввести ту же систему въ Іоганнесбургѣ, какъ хотѣли капиталисты уитлэндеры.

Мы видимъ изъ всего сказаннаго, что Лоу правъ, заявивъ, что въ присоединенныхъ республикахъ, преобразованныхъ по образцу Родезіи, не будетъ болѣе мѣста для англійскаго работника. Вся черная работа будетъ выполняться туземцами. Англичанъ привлекаетъ въ Южную Африку только золото. Они укочуютъ, какъ только всѣ пріиски будутъ разработаны. Англичане, пріѣзжающіе въ Южную Африку, холостяки или же соломенные вдовцы, буры же женятся рано и имѣютъ большія семьи. Голландцы, такимъ образомъ, должны одержать верхъ надъ англичанами своею плодовитостью. При демократической государственной системѣ невозможно устранить большинство населенія отъ участія въ государственныхъ дѣлахъ. Въ силу этого, въ концѣ концовъ, Южная Африка все же отпадетъ отъ англичанъ. Ту же мысль развиваетъ талантливый историкъ Брайсъ, авторъ труда „American Commonwealth", извѣстнаго, если не ошибаюсь, и русской публикѣ. Брайсъ хорошо изучилъ на мѣстѣ Южно-Африканскія республики. Результатомъ путешествій его явилась книга „Impressions of South Africa". Въ Капской колоніи большая часть населенія—голландцы. Ими населены всѣ деревни,—говоритъ Брайсъ.—И деревенское населеніе засѣло гораздо прочнѣе, чѣмъ городское, состоящее изъ англичанъ. Голландцы настойчивы, спокойны, трудолюбивы, уважаютъ законы, гостепріимны и просты. Они всегда были хорошими колонистами и хорошими гражданами. Вмѣстѣ съ тѣмъ, голландцы упорны, рѣшительны, свободолюбивы, сильно чувствуютъ родственныя узы и долго помнятъ причиненное имъ зло... Голландцы эти также привязаны къ свободѣ, какъ и шотландцы. И теперь это населеніе находится въ тяжеломъ положеніи. Оно не можетъ не симпатизировать бургерамъ Оранжевой республики и Трансвааля, съ которыми связано не только общими традиціями, однимъ языкомъ и вѣрой, но также и узами родства. Теперь голландское населеніе Капской колоніи видитъ, что страна его сдѣлана базисомъ для военныхъ операцій противъ двухъ республикъ. Оно слышитъ ежедневно грохотъ батарей, которыя ѣдутъ, чтобы сѣять смерть среди его родственниковъ. Англійская пресса ежедневно возводитъ на это населеніе самыя черныя обвиненія, и скоро оно услышитъ, какъ пресса будетъ ликовать по поводу побѣдъ, которыя принесутъ горе въ семьи колонистовъ. Спасеніе можетъ быть лишь въ одномъ: въ скорѣйшемъ устраненіи причинъ, вызвавшихъ взрывъ рассовой ненависти. И это, по мнѣнію Брайса,

можетъ быть достигнуто предоставленіемъ широкаго самоуправленія Южно-Африканскимъ колоніямъ.

Англія испытала уже, что значитъ деспотически обращаться съ свободолюбивыми колоніями. Она попробовала разъ и заплатила за опытъ Сѣверо-Американскими владѣніями. Опытно убѣдилась она также въ выгодѣ діаметрально противоположной политики: Канада и Австралія привязались къ Англіи съ тѣхъ поръ, какъ она стала относиться къ нимъ, какъ къ участникамъ федеративнаго союза, а не какъ къ побѣжденнымъ. Въ Южной Африкѣ, — доказываетъ Брайсъ, — Англія дважды уже почти достигала тѣхъ же самыхъ результатовъ. Въ 1877 г. край былъ почти замиренъ, когда насильственное присоединеніе Трансвааля къ имперіи вызвало войну за освобожденіе. Въ 1881 г., по почину Гладстона, вновь установились дружественныя отношенія. Рассовая вражда почти изгладилась, когда набѣгъ Джемсона вызвалъ ее опять въ еще болѣе сильной формѣ. Война же 1899 г. вырыла глубокую пропасть между голландцами и англичанами. Брайсъ доказываетъ, что Англія будетъ имѣть въ Южной Африкѣ новую Ирландію, а въ ближайшемъ будущемъ—войну за освобожденіе. Но болѣе всего рѣшительны выводы Робертона Скотта, большого знатока южно-африканскихъ дѣлъ. Вотъ нѣкоторыя изъ тѣхъ пунктовъ, которые доказываетъ авторъ въ своей книгѣ „Африка въ 1900 г.“ Авторъ прежде всего отмѣчаетъ роковое вліяніе биржевой партіи съ Сесилемъ Родсомъ во главѣ. Надъ предостереженіями такихъ знатоковъ, какъ Шрейнеръ, южно-африканскій комитетъ, назначенный въ Лондонѣ для изслѣдованія дѣла о набѣгѣ Джемсона,—глумился, хотя большинство членовъ комитета не имѣло никакого понятія о Южной Африкѣ. Либералы и тори соединились въ рѣшеніи не допустить никакихъ дѣйствительныхъ разслѣдованій положенія дѣла. Сесиль Родсъ не понесъ никакого наказанія за организацію набѣга и за то, что скомпрометировалъ Англію. Общественное мнѣніе осудило набѣгъ только потому, что онъ не удался. Безчестіе, которое онъ навлекъ на страну, не было понято. Требованіе буровъ вознагражденія за убытки, причиненные набѣгомъ, было поднято въ Англіи на смѣхъ. Въ силу этого, въ бурахъ окончательно утвердилась увѣренность, что англичане замышляютъ гибель республики. Англійское правительство не поняло, что голландцы составляютъ преобладающій элементъ въ Южной Африкѣ. Чэмберлэнъ продолжалъ громить въ рѣчахъ коварство республикъ, не смотря на набѣгъ. Вся англійская южно-африканская печать и часть газетъ, выходящихъ въ Англіи, были инспирированы Сесилемъ Родсомъ. Эта печать пустила въ оборотъ завѣдомую и наглую ложь про бургеровъ. Находились глупцы, которые вѣрили этой лжи. Въ концѣ концовъ, ложь захватила „большую публику“. Англійскіе администраторы упорно пренебрегали всѣмъ прошлымъ

опытомъ и стремились лишь къ одной цѣли: во что бы то ни стало присоединить Трансвааль *).

Далѣе Робертсонъ-Скоттъ говоритъ, что въ Англіи меньшинство, а въ Южной Африкѣ большинство населенія знало тѣ факты, предъ которыми въ будущемъ историкъ остановится въ изумленіи. Факты эти слѣдующіе.

1) Такъ называемыя „страданія“ уитлэндеровъ были раздуты до чудовищныхъ размѣровъ. Это чрезмѣрное преувеличеніе было бы смѣшно, если бы не имѣло такихъ страшныхъ послѣдствій. Число уитлендеровъ умышленно преувеличено.

2) Буры имѣли какъ легальное, такъ и моральное право на полную автономію.

3) Голландцевъ въ Южной Африкѣ больше, чѣмъ англичанъ. Перевѣсъ первыхъ надъ послѣдними станетъ еще болѣе значителенъ, когда золото истощится и когда „перелетныя птицы“ укочуютъ вмѣстѣ съ нимъ, ибо англичане не любятъ заниматься земледѣліемъ.

4) Главенству Англіи въ Южной Африкѣ ничто не угрожаетъ и никогда ничто не угрожало. Увѣренія газетъ, что сюзеренатъ Британіи въ Южной Африкѣ оспаривается—ложны.

5) За очень немногими исключеніями, англійскіе историки Южной Африки грубо извращаютъ факты. Эти историки поражаютъ своимъ невѣжествомъ, предвзятымъ намѣреніемъ и непониманіемъ дѣйствительности.

6) Альфредъ Мильнеръ прежде никогда не бывалъ въ Южной Африкѣ; что касается Чемберлэна, то онъ никогда не зналъ основъ колоніальной политики. „Знающіе истинное положеніе вещей,—продолжаетъ Робертсонъ Скоттъ,—могли-бы обратиться

---

*) Бумаги, захваченныя бурами въ Дунди послѣ отступленія оттуда англичанъ, доказываютъ, что уже въ 1896 г. англійское правительство твердо рѣшило разгромить двѣ республики. Въ числѣ захваченныхъ документовъ есть портфели съ картами путей, пригодныхъ для вторженія. Планы эти приготовлены майоромъ Грантомъ, капитаномъ Мельвилемъ и капитаномъ Гейлемъ непосредственно послѣ набѣга Джемсона, когда оффиціально правительство увѣряло республики въ дружбѣ. Въ другомъ портфелѣ находятся планы коммуникаціонныхъ путей въ Оранжевой республикѣ. Они приготовлены въ 1897 г., и отмѣтка генерала Буллера совѣтуетъ держать ихъ въ большой тайнѣ. Затѣмъ захвачены спеціальныя военныя карты Трансвааля и Оранжевой республики съ меморандумомъ объ окольномъ пути черезъ Драконовыя горы. Докладъ тайнаго агента говоритъ далѣе, что 4000 бургеровъ изъ Капской колоніи и Наталя присоединятся къ республикамъ въ случаѣ войны. Тутъ же приводится указаніе о числѣ винтовокъ, имѣющихся въ распоряженіи бургеровъ. Агентъ прибавляетъ, что буры не умѣютъ уже такъ хорошо стрѣлять, какъ во время войны за независимость. Эти документы убѣдили еще болѣе бургеровъ Оранжевой республики, что, не смотря на постоянное увѣреніе въ дружбѣ, Англія задумываетъ разгромъ ея.

къ націи со слѣдующими словами: остановитесь! Если не во имя высшей справедливости, то хоть въ виду тѣхъ бѣдствій, которыя грозятъ вамъ. Война эта является еще болѣе преступнымъ безуміемъ, чѣмъ крымская. Стоить-же она намъ будетъ еще дороже!" Авторъ предсказываетъ слѣдующее. Лордъ Робертсъ и Китчинеръ потерпятъ такія-же пораженія, какія потерпѣли генералы Уайтъ, Метуэнъ, Гатэкръ и Буллеръ при Никольсонсъ-Некѣ, Магерсфонтейнѣ, Стормбергѣ и Колензо. Тысячи изъ тѣхъ солдатъ, которыхъ теперь Англія отправляетъ въ Южную Африку,—никогда не возвратятся. Каждый день будутъ рости слѣдующія бѣдствія: a) число мятежниковъ изъ Капской колоніи. Въ дѣйствительности, Гладстонъ уступилъ бургерамъ послѣ пораженія при Маджубѣ, потому что опасались всеобщаго возстанія въ Капской колоніи; b) падежъ лошадей, обстоятельство, крайне важное въ арміи, въ которой кавалерія играетъ первую роль; c) усложнится поддержаніе коммуникаціонной линіи, придется ставить патрули на каждой милѣ; d) увеличится сопротивленіе инородцевъ; они очень хорошо видятъ, на чьей сторонѣ преимущество и кто лучше умѣетъ сражаться; послѣднія-же побѣды голландцевъ произвели на черныхъ гораздо болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ полагаютъ, и e) усилится возможность вмѣшательства иностранныхъ державъ.

Южная Африка ужасный театръ войны для тѣхъ, которые не родились здѣсь; буры-же стали такими опытными воинами за полстолѣтіе безпрерывныхъ сраженій, что въ нашъ вѣкъ скорострѣльныхъ пушекъ были въ состояніи выдержать аттаку гораздо болѣе многочисленнаго врага. Преимущества до такой степени велики на сторонѣ бургеровъ, что послѣдніе отнюдь не уменьшали въ оффиціальныхъ отчетахъ свои потери. Что касается комиссаріата, то бургеры не зависятъ всецѣло отъ желѣзныхъ дорогъ, какъ англійскіе генералы. Бургеры всегда будутъ превосходить англичанъ своею подвижностью, своимъ знаніемъ страны, сознаніемъ какъ своей правоты, такъ и того, что они борятся за независимость. На сторонѣ буровъ также то преимущество, что у нихъ много тайныхъ друзей (голландскіе колонисты, туземцы). Англичане не поняли всего этого и объясняютъ свои пораженія сказками объ измѣнѣ, численнымъ превосходствомъ непріятеля, какими-то нѣмецкими унтерами, артиллеристами, выучкой генерала Жубера у нѣмцевъ и т. д. Даже если англійскія войска вступятъ въ Трансвааль, что случится очень не скоро, затрудненія не только не уменьшатся, но, наоборотъ, увеличатся. Чѣмъ дальше англійскія войска станутъ удаляться отъ Дурбана, тѣмъ болѣе широкій поясъ непріятельской страны отрѣжетъ ихъ отъ всякой помощи. Вѣдь англійскіе генералы не посмѣютъ на виду у всего міра разстрѣливать всѣхъ „недовольныхъ" или-же предать разграбленію всю страну, какъ это-бы

они навѣрное сдѣлали въ другомъ мѣстѣ! Война повлечетъ за собою страшный финансовый кризисъ въ Южной Африкѣ. Обыкновенные пути сообщенія, мосты, желѣзнодорожныя линіи будутъ разрушены; шахты будутъ, по всей вѣроятности, взорваны. Авторъ исчисляетъ, что каждая недѣля военныхъ дѣйствій обходится Англіи въ 2 милліона ф. ст. Война, по его мнѣнію, можетъ кончиться не раньше 1901, а то и 1902 г. На тѣ деньги, которыя будутъ затрачены на войну, Англія, по разсчету автора, могла-бы имѣть государственный пенсіонъ для всѣхъ престарѣлыхъ, подводный телеграфъ, соединяющій всѣ англійскія владѣнія и желѣзную дорогу отъ Хартума до береговъ Краснаго моря. Англіи придется совершенно истребить всѣхъ голландцевъ; въ противномъ случаѣ, населеніе никогда не признаетъ себя побѣжденнымъ. Оно будетъ сражаться до безконечности. И неизбѣжно наступитъ моментъ, когда Англія потеряетъ свои Южно-Африканскія владѣнія, какъ она потеряла Сѣверо-Американскія.

Таковы, въ общихъ чертахъ, тѣ выводы, къ которымъ приходитъ авторъ. Посмотримъ теперь, какія заключенія можно сдѣлать, имѣя предъ собой Южно-Африканскую драму.

Два вѣка тому назадъ великій англійскій сатирикъ такъ объяснялъ причины войнъ. „Иногда поводомъ является честолюбіе королей, которымъ постоянно кажется, что у нихъ слишкомъ мало подданныхъ; иногда испорченность министровъ, втягивающихъ своихъ государей въ войну, дабы потушить или направить въ другую сторону ропотъ гражданъ, вызванный системой злоупотребленій... Иногда два государя воюютъ изъ-за территоріи, на которую ни одинъ изъ нихъ не имѣетъ никакого права... Иногда война возгорается потому, что непріятель слишкомъ силенъ; иногда потому, что онъ слишкомъ слабъ. Иногда наши сосѣди желаютъ получить то, чего у нихъ нѣтъ... Вполнѣ справедливо вторгнуться въ чужую страну, когда тамъ только что былъ голодъ, свирѣпствовала чума или же когда тамъ загорѣлась междуусобная война... Когда король посылаетъ солдатъ покорить страну, населеніе которой бѣдно и невѣжественно, считается вполнѣ похвальнымъ истребить одну половину жителей, а другую обратить въ рабство. Это называется пріобщить дикарей къ цивилизаціи“ *). Къ сожалѣнію, многіе изъ этихъ причинъ могутъ явиться casus belli еще и теперь. Но нашъ вѣкъ выдвинулъ еще одинъ могучій поводъ, котораго не было при Свифтѣ. Когда въ странѣ накопляется огромный денежный капиталъ, финансисты помѣщаютъ его въ иностранныхъ бумагахъ и въ иностранныхъ предпріятіяхъ. Когда это помѣщеніе сдѣлано въ сильномъ и первоклассномъ государствѣ,—результаты не всегда замѣтны или могутъ стать замѣтны лишь при исключи-

*) „A voyage to the Houyhnhms“, chapter V.

тельныхъ условіяхъ. Но если капиталы помѣщены въ бумагахъ или предпріятіяхъ слабаго, умирающаго или же только что народившагося государства,—биржа легко можетъ втянуть въ войну изъ-за него. Такъ было съ Египтомъ; такъ теперь повторяется съ Южной Африкой. Въ другомъ письмѣ я показалъ уже генезисъ войны. Биржѣ приходится лишь найти достаточно безсовѣстнаго министра, затѣмъ завладѣть частью прессы, дабы зажечь въ большой публикѣ ненависть къ маленькому народу однимъ изъ старыхъ, но испытанныхъ средствъ; напр., сказать, что маленькій народъ состоитъ изъ угнетателей или что онъ задумывалъ покорить страну, которая въ двѣсти разъ больше ея. Если это такъ, то явленіе, наблюдаемое теперь въ Англіи, не есть нѣчто исключительное, присущее ей одной, а тѣсно связано со всякимъ государствомъ въ капиталистическомъ фазисѣ развитія.

Все, что наблюдается теперь въ Англіи, доказываетъ не то, что Британія отличается нарочитымъ коварствомъ отъ Германіи или Франціи (напр. Франція имѣла на Тонкинъ или Алжиръ, Германія на Кіа Чау, Соединенные Штаты на Филиппины или Италія на Абиссинію еще меньшее право, чѣмъ англичане на Трансвааль), а то, что война такое ужасное явленіе, которое можетъ вывести изъ равновѣсія даже такую устойчивую, культурную страну, какъ Англія. Даже въ ней толчокъ, произведенный такимъ противозаконнымъ и безнравственнымъ поступкомъ, какъ *наступательная* война, пробудилъ мирно спавшихъ гадовъ и вынесъ на поверхность подонки общества. Въ другой странѣ при подобныхъ-же обстоятельствахъ мы наблюдали-бы еще болѣе отвратительныя явленія *).

Война съ Трансваалемъ осуждена, прежде всего, въ Англіи и въ самомъ парламентѣ (рѣчи „честнаго Джона“ — Морлея). Англія сдѣлала minimum того вреда, который другое государство сдѣлало-бы при подобныхъ обстоятельствахъ: какъ-бы ни были сильны завыванія воинственныхъ джинго, министерство, если покоритъ республики, все-же не посмѣетъ ихъ обратить въ „коронную колонію“, а дастъ имъ полную автономію, какъ, напр., Новой Зеландіи, Канадѣ или же Новому Южному Валису. Принципы гражданской свободы такъ твердо укоренились въ англичанахъ, что сторонникамъ войны удалось увлечь большую публику сообщеніями (лживыми и рѣшительно ни на чемъ не основанными), что бургеры угнетаютъ свободу англичанъ.

Что-же касается маленькихъ республикъ, то онѣ въ нашъ прозаическій вѣкъ доказали, что героическая борьба, подобная

*) Во время франко-прусской войны цвѣтъ нѣмецкихъ профессоровъ слагалъ шовинистскія оды и ликовалъ по поводу разгрома „безнравственной“ Франціи.

той, о которой мы мальчиками съ замираніемъ сердца и съ слезами восторга на глазахъ читали въ Шиллеровской „Исторіи отпаденія Соединенныхъ Нидерландовъ“,—возможна и нынѣ. Маленькій мужественный народъ доказалъ міру, что въ жилахъ его течетъ кровь потомковъ тѣхъ героевъ, которые когда-то, подъ знаменами Эгмонта и Вильгельма Оранскаго, сражались съ полками Альбы. Бургеры доказали, что народъ, одушевленный жаждой свободы, является страшнымъ противникомъ, даже когда силы врага неизмѣримо больше.

Діонео.

Крестьянскій вопросъ во Франціи.

(Письмо изъ Франціи).

Раздѣленіе города и деревни, составляющее одну изъ темныхъ, но неизбѣжныхъ сторонъ настоящаго строя, кончится только вмѣстѣ съ нимъ, а до тѣхъ поръ будетъ давить на всю современную цивилизацію, мѣшая правильности и быстротѣ соціальнаго прогресса. Избѣгая въ этихъ письмахъ охотиться на чужихъ владѣніяхъ, я буду говорить и на сей разъ исключительно о Франціи. Но читатель знаетъ, конечно, какой животрепещущій интересъ представляетъ вопросъ о противоположности города и деревни во всемъ цивилизованномъ мірѣ. Во Франціи этотъ вопросъ уже давно сводится въ главныхъ чертахъ къ крестьянскому вопросу, къ вопросу объ экономической и политической роли того класса, который въ концѣ концовъ заставляетъ равнодѣйствующую общественныхъ силъ отклоняться то въ ту, то въ другую сторону. И защитники существующаго порядка вещей, и противники его, признаютъ важное значеніе крестьянства въ исторіи Франціи. И если реформаторы подчеркиваютъ эгоизмъ и неразвитость здѣшняго мужика, какъ препятствіе прогрессу, то консерваторы видятъ въ тѣхъ же чертахъ гарантію устойчивости современнаго строя. Но и тѣ, и другіе одинаково находятъ, что при теперешнихъ условіяхъ рѣшительный переломъ въ общественной эволюціи можетъ наступить не прежде, чѣмъ французскій мужикъ измѣнитъ свой основной обликъ.

Во время крайне любопытныхъ теоретическихъ дебатовъ о земледѣльческомъ кризисѣ, происходившихъ лѣтомъ 1897 г. въ палатѣ депутатовъ, Жоресъ съ свойственнымъ ему широкимъ лирическимъ краснорѣчіемъ такъ изображалъ психологію французскаго мужика и могущія произойти въ немъ перемѣны подъ вліяніемъ кризиса:

... Да, полезно,—я не боюсь сказать это съ трибуны,—полезно, что въ теченіе цѣлыхъ годовъ крестьяне на своихъ узкихъ поляхъ страдали отъ дѣйствія отдаленныхъ и обширныхъ экономическихъ явленій; ибо черезчуръ долго крестьянинъ замыкался въ узкомъ и слѣпомъ индивидуализмѣ; онъ зналъ лишь свой маленькій участокъ, любилъ его свирѣпою любовью, но ничего дальше. Да и что значилъ для него весь міръ! Тщетно надъ узкими и ревниво охраняемыми имъ межами великія силы природы развертывались въ гигантскомъ общеніи пространства: къ своей землѣ и только къ своей землѣ крестьянинъ пріурочивалъ движеніе и солнца, и вѣтра, и облаковъ, весь порядокъ и весь хаосъ вещей. Онъ всматривался изъ всего горизонта лишь въ одну брешь, чрезъ которую до него достигали благодѣтельныя или губительныя вѣянія. Даже высокія звѣзды, восходя и закатываясь за близкую линію сосѣднихъ холмовъ, вписывали свое движеніе лишь въ тѣсныхъ рамкахъ его личнаго существованія... Но теперь, словно съ тѣмъ, чтобы показать всю тайную силу идеализма, заключающагося въ экономическихъ фактахъ, всеобщая гибельная конкурренція разбиваетъ въ душѣ крестьянина оковы узкаго эгоизма, которыхъ не могли разрушить ни нравственныя увѣщанія, ни религіозная проповѣдь; и въ то время, какъ католическій колоколъ тщетно распространялъ въ этомъ замкнутомъ горизонтѣ волны античной мысли и восточныхъ мечтаній, набатъ бѣдствія и разоренія, раздаваясь среди обширныхъ полей, впервые пробудилъ крестьянина къ болѣе возвышеннымъ мыслямъ и болѣе широкимъ заботамъ. Да, не напрасно крестьянинъ пройдетъ чрезъ эти года кризиса и страданій; онъ выйдетъ изъ нихъ лучше подготовленнымъ къ новымъ судьбамъ; и надо же наконецъ, чтобы онъ сталъ понимать что-нибудь кромѣ того, что существуетъ въ настоящее время, потому что это существующее начинаетъ исчезать *).

Съ другой стороны вотъ какъ идеализируетъ крестьянина, вотъ какими восторженными диѳирамбами привѣтствуетъ его въ отвѣтной рѣчи Жоресу пресловутый Поль Дешанэль, типъ ритора - апологета современнаго строя, при которомъ такъ сладко живется всѣмъ этимъ привилегированнымъ „идеалистамъ“:

Онъ, благородный сынъ Франціи, чувствуетъ, что человѣческое счастіе состоитъ не въ грезахъ о химерическомъ равенствѣ при пользованіи матеріальными благами; что оно не заключается даже въ томъ благородномъ досугѣ, въ тѣхъ эстетическихъ удовольствіяхъ, о которыхъ вы говорили раньше; но что его надо искать выше, въ сознаніи отвѣтственнаго существа. О, дорогой крестьянинъ Франціи, вѣчный созидатель богатства, могущества и свободы, вѣчный спаситель отечества и въ мирѣ и на войнѣ, ты, который столько уже разъ исправлялъ пораженія нашихъ армій и ошибки нашихъ правительствъ, твой ясный и тонкій разсудокъ спасетъ отъ варварскаго матеріализма идеалистическую душу Франціи **).

---

*) См. стенографическій отчетъ о засѣданіи 26-го іюня 1897 г. въ *Journal officiel*, 1897, стр. 1692.

**) См. отчетъ о засѣданіи 10-го іюля 1897 г. въ *Journal officiel*, 1897, стр. 1945 (перепечатано въ сборникѣ рѣчей и статей Дешанэля: Paul Deschanel, *La question sociale*; Парижъ, 1898, 3-е изд., стр. 361).

Вы видите, что какъ ни разно изображаютъ здѣшняго мужика представители различныхъ направленій, какъ ни различны надежды, возлагаемыя на него друзьями и врагами современнаго порядка вещей, во всѣхъ этихъ разнообразныхъ оцѣнкахъ и упованіяхъ есть одно общее, и это общее—признаніе исторической важности крестьянства. Усиливающійся интересъ къ вопросамъ, касающимся этого класса, интересъ, который замѣчается повсюду, побуждаетъ меня снова вернуться къ этому предмету, хотя уже болѣе трехъ лѣтъ тому назадъ я въ общихъ чертахъ и на основаніи личныхъ наблюденій и при помощи книжнаго матеріала пытался дать читателямъ „Русскаго Богатства“ характеристику французскаго мужика. Съ тѣхъ поръ появилось немало новыхъ документовъ, да и самъ я, задумываясь надъ этой вѣчно интересной темой о крестьянствѣ, пришелъ къ мысли освѣтить нѣкоторыя стороны вопроса, оставшіяся раньше въ тѣни.

Я попрошу прежде всего у читателя позволенія поставить передъ нимъ цифровой, такъ сказать, остовъ этого вопроса: не питая суевѣрнаго пристрастія къ статистикѣ, я всетаки полагаю, что она обрисовываетъ общіе и приблизительные контуры нашей темы довольно ясными чертами. Пусть же читатель не поскучаетъ надъ двумя-тремя таблицами, выводы изъ которыхъ вознаградятъ его за нѣсколько монотонныхъ рядовъ цифръ.

Посмотримъ прежде всего, до какой степени во Франціи раздѣленіе города и деревни отмѣчено до сихъ поръ преобладаніемъ послѣдней надъ первымъ, хотя это преобладаніе все болѣе и болѣе уменьшается. Вотъ, дѣйствительно, какъ измѣнялась пропорція городского и сельского населенія за послѣдніе четыре-пять десятковъ лѣтъ:

ГОДА ПЕРЕПИСИ:	Городское населеніе.	Сельское населеніе.	Все населеніе.	% городскаго населенія.	% сельскаго населенія.
1846	8646743	26753343	35400486	24,4	75.6
1851	9135459	26647711	35783170	25,5	74,5
1856	9844828	26294536	36139364	27,3	72,7
1861	10789766	26596547	37386323	28,9	71,1
1866	11595348	26471716	38067064	30,5	69,5
1872	11234899	24868022	36102921	31,1	68,9
1876	11977396	24928392	36905788	32,4	67,6
1881	13096542	24575506	37672048	34,8	65,2
1886	13766508	24452395	38218903	35,6	64,1
1891	14311292	24031900	38343192	37,4	62,6 *)

Мы не знаемъ еще распредѣленія населенія между городомъ

---

*) *Resultats statistiques du dénombrement de* 1891; Парижъ, 1894, стр. 65.

и деревней по послѣдней переписи (1896 г.), но относительное и даже абсолютное уменьшеніе сельскаго населенія, очевидно, продолжается. И однако и до сихъ поръ это населеніе составляетъ болѣе трехъ пятыхъ всего числа жителей. Сельскій элементъ все еще является главной группой среди гражданъ третьей республики. Правда, только что данная нами таблица даетъ не столько внутреннее строеніе, сколько внѣшній видъ французскаго населенія: она основана на довольно произвольно установленномъ (съ 1846 г.) признакѣ отличія между городомъ и деревней по числу жителей, причемъ всѣ населенныя мѣста, имѣющія болѣе 2000 жителей скученнаго населенія, считаются городскими, всѣ же остальныя сельскими. Тогда какъ несомнѣнно, что даже въ чисто деревенскихъ поселеніяхъ часть жителей занимается промыслами, извозомъ и т. п., а съ другой стороны, что и въ большихъ центрахъ могутъ находиться люди, интересы которыхъ связаны съ земледѣліемъ. Къ счастію, французская статистика занятій вноситъ существенную поправку въ черезчуръ формальное раздѣленіе между горожанами и поселянами. Въ 1891 г. населеніе Франціи распадалось слѣдующимъ образомъ на различныя профессіональныя группы *).

РОДЫ ЗАНЯТІЙ.	Число лицъ данной категоріи.	% всего населенія.
I. Земледѣліе	17.435888	47,33
II. Промышленность	9,532660	25,89
III. Перевозка	11.99333	3,26
IV. Торговля	39,61496	10,76
V. Армія, полиція и пр. . .	715.624	1,94
VI. Администрація	699,611	1,90
VII. Либеральныя профессіи .	1.114873	3,03
VIII. Лица, живущія исключительно своими доходами . .	12.69750	5,89
Итого	36.829135	100
Лица, не вошедшія въ рубрики, безъ профессіи и т. п. .	13.04250	—
Общій итогъ . . .	38:133385	—

Итакъ, земледѣліе до сихъ поръ кормитъ чуть не половину всѣхъ французовъ, и если земледѣльческій классъ не превышаетъ своею численностью всѣхъ остальныхъ классовъ вмѣстѣ взятыхъ, то каждый изъ нихъ въ отдѣльности далеко уступаетъ ему. Такъ промышленность занимаетъ всего четверть жителей, а торговля одну десятую; остальныя же профессіи поражаютъ

*) См. таблицу на стр. 271 „Dénombrement“ (я привожу ее въ сокращенномъ видѣ).

своею сравнительною маловажностью. И замѣтьте, общее экономическое развитіе, которое увлекаетъ въ настоящее время весь цивилизованный міръ, далеко не совершается во Франціи такъ быстро, какъ это можно было бы ожидать согласно ходячимъ теоріямъ нашей эпохи, и земледѣліе, напр., отступаетъ лишь медленными шагами передъ другими профессіями, въ то время, какъ въ эволюціи самихъ этихъ профессій выражается едва-ли еще не больше медленность индустріальнаго преобразованія страны. Вотъ въ самомъ дѣлѣ какими цифрами характеризуются измѣненія въ профессіональномъ составѣ населенія за послѣдніе полвѣка.

Годы переписи.	% жителей въ земледѣліи.	промышленности.	торговлѣ.	прочихъ профессіяхъ.
1856	52,94	29,07	4,53	9,06
1861	53,16	27,35	3,92	9,19
1866	51,49	28,79	3,99	9,48
1872	52,71	24,06	8,43	11,16
1876	53,04	25,93	10,73	10,30
1881	50,03	25,56	10,53	10,16
1886	47,82	25,17	11,50	11.09
1891	47,33	25,89	10,76	10,82 *)

Оставляя въ сторонѣ возможныя оплошности профессіональной статистики прежнихъ переписей, мы не можемъ не отмѣтить того интереснаго факта, что рядомъ съ медленнымъ паденіемъ пропорціи земледѣльческаго населенія, обнаруживается паденіе или, по крайней мѣрѣ, застой (за исключеніемъ самыхъ послѣднихъ лѣтъ) въ пропорціи промышленнаго класса; да и торговый классъ, быстро возросши послѣ погрома 1870 — 1871 г., остановился приблизительно на одномъ уровнѣ, раздѣляя въ этомъ отношеніи судьбу либеральныхъ и др. профессій. Эта сравнительная неподвижность или устойчивость соціальнаго строя Франціи и объясняетъ, почему въ ней до сихъ поръ сохранились черты преимущественно земледѣльческой страны, несмотря на высокое развитіе отдѣльныхъ — но не самыхъ типичныхъ для настоящаго времени, — отраслей промышленности. И этою же сравнительною устойчивостью опредѣляется продолжающееся въ исторіи Франціи значеніе земледѣльческихъ классовъ, и главнымъ образомъ класса крестьянъ-собственниковъ.

Но еще поучительнѣе будетъ для насъ, послѣ этого общаго статистическаго введенія, остановиться болѣе подробно на положеніи и эволюціи только что упомянутыхъ земледѣльческихъ классовъ, такъ какъ, лишь разбивая эту съ перваго взгляда однородную сельскую массу на различныя категоріи, мы можемъ надлежащимъ образомъ изучить бытъ французскаго крестьянства

*) *Dénombrement*, стр. 273.

и сдѣлать изъ такого изученія общіе выводы. Однимъ изъ интереснѣйшихъ вопросовъ въ этомъ отношеніи является движеніе различныхъ группъ земледѣльческаго класса и различныхъ категорій собственности. Недавно появившіеся „результаты земледѣльческаго десятилѣтняго изслѣдованія“ даютъ намъ понятіе о характерѣ измѣненій, происшедшихъ въ этой сферѣ между 1882 и 1892 г. Документы 1892 г. ожидались, вообще говоря, съ очень большимъ нетерпѣніемъ и защитниками, и противниками современнаго аграрнаго строя: соціалисты надѣялись найти въ нихъ подтвержденіе закона о концентраціи собственности и пролетаризированіи производителей; либеральные и консервативные буржуа льстили себя, наоборотъ, надеждой открыть въ этихъ цифрахъ доказательство все усиливающейся, по ихъ мнѣнію, „демократизаціи“ собственности. Но статистика не оправдала вполнѣ упованій ни того, ни другого лагеря, и въ глазахъ безпристрастнаго изслѣдователя эволюція французскихъ земельныхъ отношеній является настолько неопредѣленной, настолько, если можно такъ выразиться, нерѣшительной, что это подтверждаетъ лишній разъ высказанное мною выше мнѣніе объ устойчивости и относительной неподвижности экономическихъ условій во Франціи. Но это, конечно, нисколько не мѣшаетъ самостоятельному интересу новыхъ земледѣльческихъ данныхъ. Въ моей первой статьѣ о французскомъ крестьянствѣ я опирался на статистику 1882 г.; а такъ какъ въ настояшемъ этюдѣ мнѣ придется сравнивать эту статистику съ цифрами 1892 г., то кой-какія повторенія неизбѣжны. Но я постараюсь во всякомъ случаѣ воспользоваться результатами этого сравненія съ нѣкоторыхъ новыхъ сторонъ, чтобы лучше закрѣпить въ представленіи читателя и статическую и динамическую картину земледѣльческой Франціи, т. е. и современное положеніе вещей въ деревнѣ, и замѣчающіяся измѣненія въ немъ.

Посмотримъ прежде всего, какую роль играютъ въ земледѣльческомъ населеніи собственники, и какую эволюцію можно отмѣтить въ этомъ отношеніи за десятилѣтній періодъ: не забудьте, что апологія современнаго строя ведется во Франціи главнымъ образомъ во имя будто бы необыкновенно благопріятнаго распредѣленія собственности между производителями. Вотъ вамъ таблица различныхъ категорій „дѣйствительныхъ земледѣльческихъ работниковъ“ (т. е. главъ семейства, не считая ихъ женъ, дѣтей, прислуги и т. п.) въ 1882 и 1892:

ТАБЛИЦА А.

Лица, занимающіяся земледѣліемъ.		Въ 1882 г. Число.	% общаго числа.	Въ 1892 г. Число.	% общаго числа.
I. Главы хозяйственной эксплоатаціи.	1) Собственники, воздѣлывающіе исключительно свою землю или же извлекающіе изъ нея доходы при помощи своей семьи или постороннихъ лицъ	2,150,696	31,1	2.199,220	33,0
	2) Фермеры	968,328	14,0	1.061,401	15,9
	3) Половники	341,576	4,9	344,168	5,2
	Итого	3.460,600	50,0	3.604,789	54,1
II. Помощники или наемные рабочіе.	4) Управляющіе	17,966	0,3	16,191	0,2
	5) Помощники	1.480,687	21,4	1.210,081	18,2
	6) Рабочіе при фермѣ	1.954,251	28,3	1.832,174	27,5
	Итогъ	3.452,904	50,0	3.058,346	45,9
	Общій итогъ	9.913,504	100,0	6.663,135	100,0*)

Вотъ съ другой стороны таблица различныхъ категорій земледѣльческихъ работниковъ по степени ихъ хозяйственной независимости:

ТАБЛИЦА В.

Группы лицъ, работающихъ:		Въ 1882 г. Число.	% общаго числа.	Въ 1892 г. Число.	% общаго числа.
I. Исключительно на себя		2.150,696	31,2	2.199,220	33,2
II. Въ одно и то же время на себя въ качествѣ собственниковъ и на другихъ въ качествѣ фермеровъ, половниковъ и поденщиковъ		1.374,646	19,9	1.188,025	17,8
III. Исключительно на другихъ.	1) Управляющіе	17,966	48,9	16,091	49,0
	2) Фермеры, половники и поденщики, не имѣющіе своей собственности	1.415,915		1.442,625	
	3) Работники на фермѣ	1.954,251		1.832,174	
	Итогъ	6.913,504	100,0	6.663,135	100,0**)

*) Составлено мною въ сокращенномъ видѣ на основаніи таблицъ въ *Statistique agricole de la France. Resultats généraux de l'enquête decennale de 1892;* Парижъ, 8197, стр. 381 и 391.

**) См. таблицу на стр. 395 уже цитированной „Statistique agrcole".

Наконецъ нижеслѣдующая двойная таблица показываетъ степень участія въ собственности шести различныхъ категорій земледѣльческаго класса.

ТАБЛИЦА С.

Категоріи въ 1882 г.	Число собственниковъ.	Число не имѣющихъ собственности.	Отношеніе въ % собственниковъ данной категоріи къ общему числу собственниковъ.	Отношеніе въ % лицъ данной категоріи, не имѣющихъ собственности, къ общему числу не имѣющихъ собственности.	% собственниковъ въ данной категоріи.	% не имѣющихъ собственности въ данной категоріи.
1) Собственники и т. д. . . . . (какъ въ табл. А).	2.150,696	—	61,01	—	100,00	—
2) Фермеры . .	500,144	468,184	14,19	13,82	51,65	48,35
3) Половники . .	147,128	194,448	4,17	5,74	43,07	56,93
4) Управляющіе .	—	17,976	—	0,53	—	100,00
5) Поденщики . .	727,374	753,313	20,63	22,23	49,12	50,88
6) Рабочіе при фермѣ	—	1.954,251	—	57,68	—	100,00
Итогъ . . .	3.525,342	3.388,128	100,00	100,00	50,99	49,01
Общій итогъ . .	6.913,504				100,00	
Категоріи въ 1892 г.	Тѣ же рубрики, что и выше.					
1) Собственники и т. д. . . . . . (какъ въ табл. А).	2.199,220	—	64,93	—	100,00	—
2) Фермеры . . .	475,778	585,623	14,04	17,88	44,82	55,18
3) Половники. . .	123,297	220,871	3,64	6,74	35,82	64.18
4) Управляющіе .	—	16,091	—	0,49	—	100,00
5) Поденщики . .	588,950	621,131	17,39	18,96	48,67	51,33
6) Рабочіе при фермѣ	—	1.832,174	—	—	55,93	100,00
Итогъ . . .	3.387,245	3.275,890	100,00	100,00	50,83	49,17
Общій итогъ . .	6.663,135				100,00 *)	

Вооружившись тремя приведенными только-что таблицами, мы можемъ уже довольно твердыми ногами стоять на фактической почвѣ, противоставляя эти цифры субъективной оцѣнкѣ тѣхъ или другихъ изслѣдователей. При этомъ мы оставляемъ въ сторонѣ общее уменьшеніе числа земледѣльческихъ производителей въ десятилѣтній промежутокъ между двумя статистиками (1882 и 1892 г.): во первыхъ, мы уже видѣли и раньше, что численность этого класса вообще слегка падаетъ; во вторыхъ, это уменьшеніе настолько въ сущности незначительно (равняясь 6913504 — —6663135 = 250369 лицамъ, или 3,62% земледѣльческихъ про-

*) Составлено по таблицамъ на стр. 386 и 396 „Statistique agricole“.

изводителей 1882 г.), что останавливаться на немъ не представляетъ особаго интереса. Наоборотъ насъ занимаетъ вопросъ объ измѣненіи пропорціи между отдѣльными категоріями лицъ, живущихъ земледѣліемъ: относительное движеніе различныхъ группъ позволяетъ намъ лучше схватить смыслъ аграрной эволюціи.

Итакъ, какіе же выводы позволяетъ намъ сдѣлать изученіе этого относительнаго движенія различныхъ группъ? Прежде всего укажемъ на фактъ увеличенія пропорціи самостоятельныхъ хозяевъ сравнительно съ помѣщиками и наемными рабочими. Въ самомъ дѣлѣ, въ то время, какъ въ 1882 г. „главы эксплуатаціи" составляли половину всего активнаго земледѣльческаго населенія, въ 1892 г. они составляли уже 54,1% его (см. таблицу А). Но было бы наивно придавать этому факту такое оптимистическое значеніе, какое придаютъ ему апологеты современнаго строя. Во первыхъ, самое увеличеніе это гораздо скромнѣе, чѣмъ ожидали восторженные поклонники „демократической" собственности. Во вторыхъ, присмотритесь хорошенько къ дѣйствительной хозяйственной самостоятельности упомянутыхъ „главъ эксплуатаціи". Въ самомъ дѣлѣ, если эта категорія обнимаетъ, какъ мы видѣли, 54% активнаго земледѣльческаго населенія, то 21,1% представляютъ фермеры (15,9%) и половники (5,2%), т. е. лица, которыхъ, конечно, нельзя разсматривать за дѣйствительно независимыхъ сельскихъ хозяевъ; такимъ образомъ на долю настоящихъ самостоятельныхъ хозяевъ, хозяевъ - собственниковъ, остаются лишь 33%, т. е. меньше одной трети активнаго земледѣльческаго населенія. Обратите вниманіе и на то обстоятельство, что если пропорція „главъ эксплуатаціи" возрасла за 10 лѣтъ, то въ этомъ возрастаніи повинны не одни хозяева-собственники, процентъ которыхъ поднялся съ 31,1 до 33, но и полузависимые классы фермеровъ и половниковъ, общее количество которыхъ составляло въ 1882 г. 13,9%, а въ 1892 г. уже 21,1% „главъ хозяйственной эксплуатаціи".

Другимъ фактомъ является сокращеніе класса помощниковъ и наемныхъ рабочихъ, пропорція которыхъ равнялась въ 1882 г. половинѣ активнаго земледѣльческаго населенія, а въ 1892 упала до 46% этого населенія; и уменьшеніе это коснулось всѣхъ трехъ категорій: и управляющихъ, и поденщиковъ, и рабочихъ при фермѣ. Опять таки и это движеніе слишкомъ маловажно, чтобы оправдывать неумѣренные восторги защитниковъ современныхъ отношеній. Но, главное-то, изъ статистики вы не можете сдѣлать ровно никакого вывода относительно того, что сдѣлалось съ людьми, исчезнувшими изъ категоріи „помощниковъ и рабочихъ"; а между тѣмъ вопросъ о судьбѣ ихъ очень интересенъ для характеристики эволюціи французской деревни. Вы, конечно, можете допускать вмѣстѣ съ гг. Мелиномъ, Дешанелемъ и пр. философами и поэтами „демо-

кратизаціи собственности", что недостающіе наемники пополнили ряды „главъ эксплуатаціи"; но съ такимъ же правомъ вы можете думать, что они просто-на-просто ушли изъ деревни подъ давленіемъ неблагопріятныхъ условій и утонули въ массѣ городского пролетаріата. И это предположеніе становится тѣмъ вѣроятнѣе, что если число „помѣщиковъ и наемниковъ" уменьшилось абсолютно между 1882 г. и 1892 г. на 394558 человѣкъ (3452904—3058346= =394558), то все активное земледѣльческое населеніе уменьшилось за т тъ же промежутокъ времени, какъ мы уже видѣли, на 250369 человѣкъ. Несомнѣнно, что, по крайней мѣрѣ, часть этого уменьшенія должна объясняться переходомъ сельскихъ „помощниковъ и наемниковъ" въ городъ, если только апологеты „демократизаціи" не предпочтутъ наткнуться на другой рогъ дилеммы, а именно допустить, что, несмотря на всѣ прелести подворнаго владѣнія, часть собственниковъ рѣшилась раздѣлаться съ землей и перейти въ классъ горожанъ.

Какъ бы то ни было, современное положеніе вещей во французской деревнѣ далеко не можетъ наполнять душу трезваго наблюдателя тѣмъ восхищеніемъ, съ какимъ пишутъ и говорятъ объ аграрныхъ отношеніяхъ Маниловы, а тѣмъ болѣе Чичиковы третьяго сословія: слабое увеличеніе числа хозяевъ нисколько не мѣшаетъ тому, что и въ настоящее время поденщики составляютъ чуть не одну пятую всего активнаго земледѣльческаго населенія, а рабочіе при фермѣ между четвертью и третью этого населенія. Какъ направленіе десятилѣтней эволюціи, такъ и современное положеніе сельскаго люда въ смыслѣ хозяйственной независимости довольно рельефно вырисовываются изъ нашей таблицы В: въ самомъ дѣлѣ, если пропорція лицъ, работающихъ исключительно на себя, возрасла за десять лѣтъ (31,2% въ 1882 г. и 33,2% въ 1892), то за то возрасла въ этотъ же промежутокъ и пропорція лицъ, работающихъ исключительно на другихъ (48,9% въ 1882 г. и 49% въ 1892 г.), тогда какъ смѣшанная категорія земледѣльцевъ, работавшихъ одновременно и на себя, и на другихъ, уменьшилась, словно сдавленная съ двухъ сторонъ двумя противоположными группами (въ 1882 г. эта категорія составляла, дѣйствительно, 19,9%, въ 1892 г. уже только 17,8%). Но если оставить въ сторонѣ эти поистинѣ незначительныя движенія за десять лѣтъ и обратить вниманіе на настоящее положеніе, то окажется, что въ современной французской деревнѣ чуть не пять десятыхъ, т. е. половина активнаго населенія работаютъ исключительно на другихъ, около двухъ десятыхъ, работая на себя, работаютъ въ то же время и на другихъ, и лишь немногимъ болѣе трехъ десятыхъ работаютъ исключительно на себя.

Наконецъ, участіе въ собственности шести различныхъ земледѣльческихъ группъ опредѣляется данными нашей таблицы С, которая исходитъ изъ голаго факта владѣнія землею, какъ бы

ни былъ малъ самъ по себѣ участокъ. Если сравнивать въ этомъ отношеніи статистики 1882 г. и 1892 г., то общая пропорція собственниковъ и лицъ, не имѣющихъ собственности, остается почти безъ измѣненія или, точнѣе говоря, процентъ собственниковъ падаетъ, но крайне незначительно (50,99 въ 1882 г. и 50,83 въ 1892 г.), между тѣмъ какъ процентъ лицъ, не имѣющихъ собственности, повышается, но тоже крайне незначительно (49,01 въ 1882 г. и 49,17 въ 1892 г.). Измѣненія получаютъ нѣсколько болѣе замѣтный характеръ среди каждой отдѣльной категоріи, но все же мало ощутительны. Единственное увеличеніе обнаруживается въ классѣ собственниковъ, которые живутъ исключительнымъ воздѣлываніемъ своей земли или извлеченіемъ изъ нея доходовъ при помощи своей семьи или помощниковъ (пропорція этой группы равнялась въ 1882 г. 61,01% всѣхъ собственниковъ, а въ 1892 г. уже 64,93%). Но всѣ другія группы собственниковъ потерпѣли паденіе, болѣе же всѣхъ другихъ категоріи половниковъ (4,17% въ 1882 и 3,60% въ 1892) и поденщиковъ (20,63% въ 1882 г. и 17,40% въ 1892 г.). Понятно, что, сообразно съ такими измѣненіями пропорцій каждаго класса въ общемъ итогѣ собственниковъ, измѣнился и внутренній составъ каждаго класса, т. е. его дѣленіе на собственниковъ и на лицъ, не имѣющихъ собственности. Такъ, напр., въ 1882 г. изъ каждыхъ 100 половниковъ 43 обладали собственностью, а 57 нѣтъ; въ 1892 же изъ 100 половниковъ насчитывалось всего 35 собственниковъ и уже цѣлыхъ 65 лицъ, не имѣющихъ собственности. Точно также въ 1882 г. изъ каждыхъ 100 поденщиковъ 49 были собственниками, а 51 принадлежали къ неимѣющимъ собственности; въ 1892 г. первыхъ оказалось менѣе 48, а вторыхъ болѣе 52. Словомъ, мы можемъ сказать вмѣстѣ съ авторомъ статьи о „Франціи“ въ приложеніи къ многотомному „Географическому словарю“ Сэнъ-Мартэна и Русслэ:

> Вообще говоря, раздѣленіе между собственниками и не-собственниками слегка обострилось въ теченіе десятилѣтняго періода: пропорція собственниковъ, работающихъ исключительно для себя, увеличилась, какъ увеличилась и пропорція не-собственниковъ, тогда какъ промежуточный классъ, который сочеталъ трудъ за свой собственный счетъ съ трудомъ на другихъ, замѣтно уменьшился *).

До сихъ поръ мы касались той стороны аграрныхъ отношеній, которую можно назвать до извѣстной степени формальною: центромъ нашего изслѣдованія былъ вопросъ объ участіи различныхъ категорій земледѣльческаго класса въ земельной собствен-

*) Vivien de Saint-Martin et Louis Rousselet, *Nouveau dictionnaire de géographie universelle, Supplement*, 10 (France); Парижъ, 1898.

ности. Но съ практической, съ реальной точки зрѣнія важно не юридическое понятіе о собственности, а ея хозяйственное значеніе; важенъ не тотъ фактъ, что то или другое лицо обладаетъ собственностью, а величина этой собственности и степень дѣйствительной экономической обезпеченности, которую даетъ извѣстный участокъ своему владѣльцу. Вопросъ о размѣрахъ собственности является необходимымъ дополненіемъ къ предшествовавшимъ выводамъ: имъ мы и займемся. Вотъ въ какихъ цифрахъ выражается современное распредѣленіе земли во Франціи и обрисовывается эволюція собственности за десять лѣтъ (я уже говорилъ впрочемъ въ своей прежней статьѣ, что въ этомъ отношеніи намъ приходится довольствоваться статистикою хозяйственной эксплуатаціи земли или mode d'exploitation, какъ называютъ ее французскіе документы: прямой статистики собственности нѣтъ во Франціи, а къ выводамъ на основаніи кадастральныхъ участковъ (cotes foncières) мыслящіе изслѣдователи относятся все болѣе и болѣе скептически):

Таблица Д.

Категоріи культуры въ 1882 г.	Число хозяйственныхъ единицъ.	Общая поверхность въ гектарахъ.	Средняя поверхн. хоз. единицы въ гектарахъ.	% общаго числа хоз. единицъ.	% общей поверхности.
1) Очень мелкая (отъ 0 до 1 гектара) .	2.167,667	1.083,833	0,50	38,22	2,19
2) Мелкая (отъ 1 до 10 гект.)	2.635,030	11.366,274	4,31	46,46	22,92
3) Средняя (отъ 10 до 40 гект.)	722,222	14.845,650	20,41	12,81	29,93
4) Крупная (свыше 40 гект.)	142,088	22.266,104	156,71	2,51	44,96
Итогъ и средняя .	5.672,007	49.561,861	8,74	100,00	100,00
Категоріи культуры въ 1892 г.	Рубрики тѣ же, что и выше.				
1) Очень мелкая . .	2.235,405	1.327,253	0,59	39,21	2,68
2) Мелкая	2.617,558	11.244,750	4,29	45,90	22,77
3) Средняя . . .	711,118	14.313,417	20,13	12,47	28,99
4) Крупная.	138,671	22.493,393	162,21	2,42	45,56
Итогъ и средняя .	5.702,752	49.378,813	8,65	100,00	100,00*)

*) Составлено по таблицѣ на стр. 280 текста „Statistique agricole" 1882 и таблицамъ на стр. 364 — 365 текста „Statistique agricole" 1892 и стр. 232 цифръ. Не мѣшаетъ замѣтить, что изъ земледѣльческой территоріи здѣсь исключены государственные лѣса: если ввести въ эти таблицы и поверхность упомянутыхъ лѣсовъ (1.089,096 гект.), то общее пространство земледѣльческой территоріи выразится цифрою въ 504.767,909 гектаровъ.

Чему же учитъ насъ эта таблица? Посмотримъ сначала на процессъ эволюціи. И здѣсь мы снова встрѣчаемся съ тѣмъ же нерѣшительнымъ характеромъ цифръ, съ какимъ мы уже познакомились въ статистикѣ различныхъ категорій земледѣльческаго населенія и различныхъ группъ собственниковъ. Въ общемъ можно сказать, что двѣ крайнія категоріи собственности (точнѣе, хозяйственной эксплоатаціи), очень мелкая и крупная, движутся въ направленіи, противоположномъ тому, какое принимаетъ движеніе двухъ среднихъ категорій, мелкой и средней собственности; а именно, первая группа категорій расширяется на счетъ второй группы. Но эта эволюція прокидывается очень слабо и слагается изъ второстепенныхъ движеній, которыя сверхъ того не совсѣмъ однородны. Дѣйствительно, оставляя въ сторонѣ абсолютное — очень незначительное, впрочемъ—уменьшеніе общей земледѣльческой поверхности между 1882 и 1892 гг. на 183048 гект. (49.561,861—59.378,813=183,048), мы можемъ обрисовать такими штрихами смыслъ эволюціи за десятилѣтній періодъ. Такъ часто упоминаемой теперь формулѣ концентраціи соотвѣтствуетъ во Франціи лишь движеніе крупной собственности: пропорція этой категоріи въ общемъ числѣ хозяйственныхъ единицъ упала съ 2,51% на 2,42%, тогда какъ эксплуатируемая этимъ способомъ поверхность возросла пропорціонально съ 44,96% до 45,56% всей поверхности, въ результатѣ чего увеличилась средняя поверхность крупной собственности, дойдя до 162 гектаровъ вмѣсто прежнихъ 157. Но именно только-что приведенныхъ цифръ достаточно, чтобы видѣть всю, такъ сказать, гомеопатичность этой концентраціи: въ десять лѣтъ средніе размѣры крупной собственности увеличились едва на одну тридцатую долю.

Съ другой стороны, словно чтобы нейтрализовать это теченіе на одномъ полюсѣ собственности, подобное же теченіе на противоположномъ полюсѣ увеличило значеніе очень мелкой собственности, которая усилилась не только по числу хозяйственныхъ единицъ (38,22% въ 1882 г. и 39,21% въ 1892 г.), но еще больше по пространству эксплоатируемыхъ ею земель (2,19% въ 1882 г. и 2,68% въ 1892 г.), благодаря чему средніе размѣры очень мелкой собственности поднялисъ почти на одну десятую, съ 50 аровъ 1882 г. до 59 аровъ въ 1892 г. Въ концѣ концовъ, концентрація крупной собственности и округленіе очень мелкой, будучи сами по себѣ незначительны, лишь усиливаютъ своимъ совокупнымъ дѣйствіемъ неопредѣленность характера французской аграрной эволюціи.

Что касается до остальныхъ двухъ категорій, то и мелкая собственность, и средняя обнаружили въ свою очередь такое незначительное, хотя и обратное движеніе (въ направленіи къ раздробленію), что объ немъ почти говорить нечего. Въ самомъ дѣлѣ, обѣ эти группы уменьшились въ очень легкой степени по числу

хозяйственныхъ единицъ (мелкая составляла въ 1882 г. 46,46% всѣхъ хозяйствъ и въ 1892 г. 45,90%, средняя же 12,81% въ 1882 г. и 12,47% въ 1892 г.), и чуть-чуть сильнѣе по пространству эксплоатируемой ими поверхности (мелкая въ 22,92% общей площади въ 1882 г. упала до 22,77%, средняя съ 29,93% въ 1882 г. до 28,99% въ 1892 г.). Въ результатѣ средніе размѣры мелкой собственности уменьшились всего на одну двухсотую (4,31 гектара въ 1882 г. и 4,29 гектара въ 1892 г.), а средней собственности на одну семидесятую (20,41 гектара въ 1882 г. и 20,13 гектара въ 1892 г.). Дѣло идетъ, какъ видите, о микроскопическихъ величинахъ!

Но опять-таки, если эволюція французскихъ аграрныхъ отношеній поражаетъ своею слабостью и неопредѣленностью *), то сами по себѣ цифры распредѣленія собственности представляютъ очень большой интересъ, и прежде всего въ томъ отношеніи, что показываютъ несостоятельность ходячихъ буржуазныхъ представленій о Франціи, какъ о крестьянскомъ Эльдорадо. Въ самомъ дѣлѣ, очень мелкія хозяйственныя единицы составляютъ около двухъ пятыхъ всего числа хозяйствъ, но обработываютъ немногимъ болѣе сороковой части всей поверхности; мелкія хозяйства составляютъ чуть не половину общаго числа, но располагаютъ немногимъ болѣе одной пятой территоріи; такъ что обѣ эти категоріи вмѣстѣ взятыя охватываютъ собой семнадцать двадцатыхъ всего числа хозяйствъ, и распоряжаются всего четвертью земельной площади. И, наоборотъ, крупныя помѣстья не обнимаютъ и одной сороковой общаго числа участковъ, но за то хозяйничаютъ чуть не надъ половиной территоріи Франціи. Наконецъ, владѣнія средней величины составляютъ одну восьмую всего количества хозяйственныхъ единицъ, а занимаютъ въ общемъ болѣе четверти, но менѣе трети земледѣльческой площади. Этихъ данныхъ вполнѣ достаточно, чтобы видѣть неравномѣрность распредѣленія собственности въ той странѣ, которую буржуазные экономисты столь часто ставятъ въ образецъ здоровыхъ аграрныхъ отношеній: небольшая сравнительно группа крупныхъ владѣльцевъ, которымъ принадлежитъ половина Франціи; громадная масса мелкихъ собственниковъ, обладающая незначительной частью территоріи; и

*) Эта слабость и неопредѣленность эволюціи должны, конечно, препятствовать и черезъчуръ рѣшительной оцѣнкѣ французскихъ отношеній со стороны писателей, даже очень различно смотрящихъ на процессъ экономическаго развитія. Такъ Бернштейнъ довольствуется указаніемъ на „дальнѣйшее дробленіе хозяйствъ“ во Франціи (Ed. Bernstein, *Die Voraussetzungen des Socialismus und die Aufgaben der Socialdemokratie;* Штутгартъ, 1899, стр. 63), тогда какъ Каутскій заключаетъ, что въ этой странѣ „развитіе во всякомъ случаѣ не быстро“ (Karl Kautsky, *Die Agrarfrage. Eine Übersicht über die Tendenzen der modernen Landwirthschaft und die Agrarpolitik der Sozialdemokratie;* Штутгартъ, 1899, стр. 132).

въ срединѣ ограниченная часть крестьянства, могущая вести хозяйство при сравнительно благопріятныхъ условіяхъ—такова картина земледѣльческой Франціи. По самымъ оптимистическимъ выкладкамъ писателей, желающихъ представить въ розовомъ свѣтѣ здѣшнюю деревню, число такихъ крестьянъ не превосходитъ одной четверти земледѣльческаго населенія. Такъ Сушонъ, авторъ недавней монографіи о „крестьянской собственности", низшимъ предѣломъ которой онъ ставитъ 5 гектаровъ, а высшимъ 20 гектаровъ, полагаетъ, что

во Франціи долженъ быть круглымъ счетомъ 1 милліонъ земледѣльцевъ—собственниковъ, живущихъ при помощи своихъ земель, не переставая сами обрабатывать ихъ и не прибѣгая серьезно къ наемнымъ рабочимъ. А такъ какъ крестьянская семья состоитъ среднимъ числомъ изъ четырехъ членовъ, то отсюда мы можемъ заключить, что средняя крестьянская собственность кормитъ около 4 милліоновъ человѣкъ, т. е. немного менѣе одной четверти всего земледѣльческаго населенія *).

Какой же окончательный выводъ мы можемъ извлечь изъ всѣхъ предшествующихъ цифръ и частныхъ заключеній? Это, съ съ одной стороны, глубокое убѣжденіе въ томъ, что процессъ аграрной эволюціи происходитъ во Франціи такъ медленно и съ такими отклоненіями отъ обычной формулы концентраціи средствъ производства (въ данномъ случаѣ земли) и пролетаризированія производителей, что общественному дѣятелю здѣсь не приходится разсчитывать на автоматическій, такъ сказать, ходъ земельнаго капитализма для рѣшенія соціальнаго вопроса. Это, съ другой стороны, не менѣе глубокое убѣжденіе въ томъ, что, несмотря на медленность аграрной эволюціи, и здѣшній деревенскій строй страдаетъ отъ неравномѣрнаго распредѣленія собственности; что и здѣшній земледѣльческій классъ заключаетъ въ себѣ значительное большинство производителей, живущихъ и трудящихся при тяжелыхъ условіяхъ; и что, вообще говоря, во французской деревнѣ накопилось много злобъ дня, требующихъ настоятельнаго рѣшенія, не дожидаясь торжества формулы концентраціи. Ибо, кромѣ 3.058,000 рабочихъ при фермѣ и поденщиковъ и т. п., изъ которыхъ хоть какою-нибудь собственностью обладаютъ лишь 589,000 человѣкъ, а чуть не 2.430,000 человѣкъ являются настоящими пролетаріями; кромѣ этой арміи обездоленныхъ, французское крестьянство заключаетъ въ своихъ рядахъ 1.400,000 фермеровъ и половниковъ, изъ которыхъ собственниковъ насчитывается гораздо менѣе половины (600,000); и, наконецъ, между всѣми категоріями и этихъ, такъ сказать, полусобственниковъ и настоящихъ собственниковъ, болѣе 4.000,000 хозяевъ такихъ мелкихъ участковъ, которые зачастую превращаются пу-

*) A. Souchon, *La propriété paysanne. Etude d'economie rurale*; Парижъ 1899, стр. 70.

темъ раздѣловъ въ микроскопическіе клочки, чуть не въ прямую пыль *). Нельзя же заклать этихъ живыхъ, мыслящихъ и чувствующихъ, любящихъ и страдающихъ личностей на жертвенникѣ абстрактной формулы и пригласить ихъ по возможности скорѣе исчезнуть съ исторической сцены, превратившись въ пролетаріевъ, какъ нельзя смотрѣть сложа руки на мучительный процессъ этого исчезновенія, дожидаясь, пока медленная эволюція не упроститъ экономической схемы цѣною гибели цѣлыхъ милліоновъ существъ, а пока услаждая свои досуги чтеніемъ извѣстнаго мѣста Лукреція:

Suave, mari magno...

„пріятно, когда обширное море бушуетъ подъ напоромъ вѣтра, смотрѣть съ берега на великія усилія другого человѣка"!..

Горячее дыханіе жизни въ состояніи, впрочемъ, растопить ледъ самой, казалось-бы, незыблемой формулы, и въ этомъ отношеніи очень характеристиченъ взглядъ на деревню и дѣятельность въ ней, высказанный уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ французской рабочей партіей (марксистами)...

Эти мѣры, предлагаемыя рабочей партіей, показываютъ, что, подъ давленіемъ жизненныхъ интересовъ, ея представители вынуждены отказаться отъ исключительныхъ упованій на фатальное развитіе сельскаго капитализма и пролетаризацію производителей; и что уже теперь партія пытается опираться въ своей практической дѣятельности, между прочимъ, и на сохраненіе, мало того—на расширеніе общинныхъ формъ собственности. И это замѣтьте, во Франціи, гдѣ община подъ напоромъ всевозможныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, усилившихся въ особенности за послѣднее столѣтіе, утратила свое прежнее значеніе и играетъ лишь второстепенную роль. Судите же поэтому о цѣлесообразности пріемовъ тѣхъ торетиковъ, которые въ странахъ, гдѣ община занимаетъ еще важное мѣсто въ ряду экономическихъ отношеній,—напр. въ Россіи—считаютъ общинную собственность крупнымъ препятствіемъ для соціальнаго прогреса и положительно не находятъ себѣ мѣста въ деревнѣ, пока старая форма владѣнія не перейдетъ въ исторію...

*) По статистикѣ 1892 г. (стр. 357), во Франціи считается 2.235,405 участковъ отъ 0 до 1 гектара и 1.829,259 участковъ отъ 1 до 5 гектаровъ, итого 4.064,664 хозяйствъ не доходящихъ до размѣровъ собственности, которой можно какъ слѣдуетъ кормиться по опредѣленію Сушона. Не мѣшаетъ, кромѣ того, замѣтить, что на крестьянской собственности, удовлетворяющей этимъ требованіямъ, лежитъ, по вычисленіямъ самого же автора, около 2 милліардовъ франковъ долгу по гипотекѣ, что, конечно, составляетъ сравнительно съ общею цѣнностью упомянутыхъ земель (15 милліардовъ франковъ) долю гораздо болѣе умѣренную, чѣмъ гипотечный долгъ хотя бы нѣмецкихъ крестьянъ, но все-же значительно ослабляетъ оптимистическіе выводы буржуазныхъ экономистовъ. (Ср. Souchon, I. c., стр. 139).

Но возвратимся къ Франціи. Признаніе общины даже со стороны французскихъ марксистовъ—въ качествѣ одного изъ орудій преобразованія аграрныхъ отношеній, навело меня на мысль обратить вниманіе на эту сторону вопроса. И если въ своей прежней статьѣ я преимущественно останавливался на индивидуализмѣ здѣшняго крестьянина, то въ настоящемъ этюдѣ я хотѣлъ бы коснуться коллективныхъ стремленій французскаго земледѣльческаго класса.

Меня слишкомъ бы завела въ сторону исторія паденія прежнихъ формъ труда, семьи и собственности во Франціи. Ограничусь поэтому замѣчаніемъ, что и въ этой странѣ процессъ ихъ разложенія осложнялся и опредѣлялся тяжелыми требованіями фиска, захватомъ общинныхъ земель феодалами, законодательными мѣрами раздѣла, вызванными желаніемъ имущаго меньшинства еще при старомъ режимѣ и получившими всеобщій и обязательный характеръ при революціонномъ правительствѣ, которое съ своей обычной свирѣпой энергіей старалось уничтожить эти, какъ ему казалось, „остатки варварства". И однако, несмотря на эти мѣры и вопреки дѣйствію такъ называемаго наполеоновскаго (гражданскаго) кодекса, и до сихъ еще поръ во Франціи сохранились въ извѣстныхъ мѣстахъ прежнія формы семьи и собственности. Я укажу сначала на болѣе архаическую и болѣе рѣдкую теперь организацію общаго семейнаго или, лучше сказать, родового и вообще коллективнаго труда, чтобы перейти затѣмъ собственно къ общинному владѣнію землею, которое имѣетъ въ настоящее время болѣе практическій характеръ. Это изслѣдованіе лишній разъ покажетъ, что упомянутыя формы вовсе не составляютъ исключительной подоплеки какого-нибудь избраннаго народа — напр. русскихъ или вообще славянъ, какъ то думали иные изъ восточныхъ „патріотовъ", — а характеризуютъ извѣстную ступень въ эволюціи всякаго общества.

Само собою разумѣется, что остатки первобытныхъ учрежденій сохранились лучше тамъ, гдѣ природныя условія мѣшали быстрому развитію частной собственности и расцвѣту свободной конкурренціи. Мѣста гористыя и вообще менѣе плодородныя, благопріятствовавшія коллективному труду и пользованію землею и прочими угодьями, а, главное, не возбуждавшія особенно сильнаго аппетита среди привилегированнаго и имущаго меньшинства, до сихъ поръ заключаютъ наибольшее число старыхъ формъ собственности. Физическая, и въ особенности гипсометрическая карта Франціи въ общихъ чертахъ совпадаетъ съ соціальною картою страны. И если исключить пустыри, болота и торфяники въ равнинахъ и нѣкоторые бѣдные острова Бретани, то можно сказать, что форма труда и собственности во Франціи тѣмъ древ-

нѣе въ данномъ мѣстѣ, чѣмъ выше оно надъ уровнемъ моря. Говоря такъ, я нисколько не забываю коллективныхъ хозяйствъ, которыя еще сравнительно недавно встрѣчались кой гдѣ въ низменностяхъ; но во всякомъ случаѣ здѣсь они отжили теперь свой вѣкъ, и намъ надо идти въ горы и горныя долины, чтобы очутиться среди архаическихъ учрежденій. Бросьте въ самомъ дѣлѣ взглядъ на карту поверхности страны, и увидите, какъ три группы возвышенностей рельефно обрисовываются на граціозномъ многоугольникѣ Франціи: на юго-западѣ Пиренеи; на юго-востокѣ и востокѣ Альпы съ Юрою и, сѣвернѣе, Вогезы; а въ срединѣ, ближе къ югу, такъ называемый центральный массивъ. И какъ разъ въ этихъ трехъ горныхъ мѣстностяхъ и встрѣчаешься съ наиболѣе старыми и наиболѣе обширными остатками прежней экономической организаціи.

Одной изъ древнѣйшихъ формъ является во Франціи семейная, можно сказать, почти родовая община, въ которой не только собственность, но и трудъ носитъ коллективный характеръ. До сихъ поръ она наилучше сохранилась въ Пиринеяхъ, хотя весь современный складъ жизни повсюду пробиваетъ бреши и идетъ на приступъ этой архаической цитадели. До сихъ поръ, въ департаментахъ Верхнихъ и Нижнихъ Пиренеевъ, въ особенности въ долинѣ Оссо (Vallée d'Ossau) и у верховьевъ горной рѣчки, орошающай По (Gave de Pau), возлѣ знаменитаго Котрэ и т. п., вы сталкиваетесь съ большими семьями въ родѣ сербской задруги или семейной общины индусовъ (joint family, какъ называютъ ее англичане). До сихъ поръ эти семьи, хотя все болѣе и болѣе исчезающія со сцены, носятъ черты, описанныя подробно еще Ле-Плэемъ, которому его общее мѣровоззрѣніе, представляющее причудливую смѣсь буржуазныхъ и феодальныхъ идей, не помѣшало быть внимательнымъ наблюдателемъ. Въ одной изъ своихъ монографій различныхъ типовъ семей, онъ такъ изображаетъ изученную имъ семейную группу, жившую въ Котрэ:

Общественное мнѣніе поддержало въ этой мѣстности, и въ особенности среди упомянутой семьи, такую организацію, которая сильно отличается отъ организаціи, господствующей въ большей части Франціи. Семейная собственность, сохраняемая во всей цѣлости изъ поколѣнія въ поколѣніе, соединяетъ полною общностью жизни всѣхъ членовъ, которые не пожелали обосноваться внѣ семьи *).

---

*) Цитирую по книжкѣ Э Демолэна, одного изъ главныхъ учениковъ Ле-Плэя: Edmond Demolins, *Les Français d'aujourd'hui. Les Types sociaux du midi et du centre;* Парижъ, безъ обозначенія года (вышла въ 1898 г.), стр. 13. Демолэнъ, авторъ перехваленнаго этюда о „Превосходствѣ англосаксонской расы“, отличается своеобразною педантичною наивностью въ области соціологіи и зачастую видитъ вещи исключительно сквозь призму своей системы. Но въ частныхъ случаяхъ не лишенъ дара наблюденія и построенія.

Дѣйствительно, описанная Ле-Плэемъ группа состояла изъ пятнадцати человѣкъ, а именно: старика-вдовца, представлявшаго главу семейной общины; мужа его дочери и самой этой дочери, которая являлась наслѣдницею и распорядительницею собственности, тогда какъ ея мужъ готовился занять мѣсто старика; семи дѣтей этой пары; дяди, тетки и двухъ холостыхъ братьевъ хозяйки, и наконецъ слуги пастуха. Тридцать лѣтъ спустя, какъ сообщаютъ послѣдующіе наблюдатели, эта семейная коммуна, сначала разросшись до значительныхъ размѣровъ, стала ареною внутреннихъ раздоровъ и распалась. Но традиціонныя черты этого типа кровной общины встрѣчаются во многихъ мѣстахъ не только Пиринеевъ, но и Альповъ. Въ упомянутой уже нами пиринейской долинѣ Оссо ученикъ Ле-Плэя находитъ

тѣ же тенденціи семейнаго коммунизма. И тамъ также дяди признаютъ авторитетъ наслѣдника, избраннаго главою общины. „Нерѣдко тамъ увидишь сыновьевъ, которые обрекаютъ себя на холостую жизнь и продолжаютъ работать исключительно на пользу общины. Дѣти, которыя эмигрировали, но не успѣли въ своихъ предпріятіяхъ, возвращаются къ домашнему очагу, гдѣ и находятъ свое мѣсто въ общинѣ. Въ старыхъ брачныхъ договорахъ на каждомъ шагу встрѣчается особое условіе, согласно которому, въ случаѣ разоренія или вдовства, дочь, получившая приданое, возвращается въ родительскій домъ съ правомъ на комнату и травы *deu caseu* (сада)". Глава общины является въ сущности лишь представителемъ ея: семейное достояніе не принадлежитъ ему лично. Онъ лишь сберегаетъ его и управляетъ имъ во имя коллективнаго цѣлаго, которое никогда не умираетъ. Собственность разсматривается, согласно пиринейскому обычному праву, лишь какъ постоянный фидеикоммиссъ. Послѣдовательные владѣльцы земли передаютъ ее съ рукъ на руки какъ священный предметъ, отданный на храненіе. Чтобы достигнуть этого результата, обычай отличается, можно сказать, неумолимой строгостью и мало во что ставитъ свободу личности. Наслѣдникъ не можетъ располагать на правахъ полной собственности переданнымъ ему имуществомъ; въ сущности онъ имѣетъ на него лишь право пользованія и можетъ отчуждать его или обмѣнивать лишь въ случаѣ крайней необходимости. Эти усилія для поддержанія общаго цѣлаго, путемъ полнаго сохраненія семейной собственности, настолько энергичны, что до послѣднихъ лѣтъ торжествовали надъ предписаніями гражданскаго кодекса относительно равнаго раздѣла. Благодаря соглашенію дѣтей и снисходительности представителей закона пропитанныхъ мѣстнымъ духомъ, семьи успѣвали обходить легальныя предписанія путемъ всевозможныхъ комбинацій и порою даже при помощи прямого обмана *).

Наибольшею живучестью отличаются семейныя общины половниковъ въ гористыхъ мѣстностяхъ Тарнскаго департамента, гдѣ эта форма обладаетъ до сихъ поръ такою устойчивостью, что наблюдатели (напр. умершій въ 1892 г. Бодрильяръ) до сихъ поръ принуждены останавливаться на ней, какъ на

настоящемъ типѣ особой организаціи семьи и труда. Эти общины напоминаютъ аналогичныя земледѣльческія ассоціаціи среднихъ вѣковъ и

*) Demolins, l. c., стр. 15—17, passim.

древняго общества, ассоціаціи, которыя существуютъ и въ другихъ странахъ. Онѣ представляютъ собою скопленія семей, работающихъ на одномъ и томъ же участкѣ, или, еще лучше, одну и ту же семью съ ея отраслями, находящимися въ различныхъ степеняхъ родства съ первоначальною группою, послѣдовательно разросшеюся, благодаря бракамъ и рождающимся отъ нихъ дѣтямъ. Такимъ образомъ вы встрѣчаете до четырехъ хозяйствъ, группирующихся подъ руководствомъ одного главы, дѣда и отца, или оставшагося въ живыхъ старшаго члена. Когда онѣ становятся черезчуръ многочисленны для потребностей эксплоатаціи даннаго участка, то онѣ посылаютъ изъ своей среды новые рои, и если нѣтъ причинъ окончательнаго распаденія, то образуютъ новыя группы по прежнему образцу *).

Уже цитированный нами Демолэнъ указываетъ на современные „частные“ примѣры семейныхъ общинъ въ центрѣ Франціи, а именно въ прежнихъ областяхъ Лимузэна и Оверни, принадлежащихъ въ орографическомъ отношеніи къ центральному массиву. Я приведу наиболѣе характерную выдержку изъ описанія Демолэномъ такихъ группъ, а именно то мѣсто, гдѣ онъ изображаетъ распорядки этихъ, какъ видно, уже разлагающихся формъ быта:

Въ такихъ семьяхъ собственно такъ называемое общеніе сводится къ вещамъ, утилизируемымъ въ натурѣ (каковы [жилище, утварь, и т. д). и къ предметамъ, потребляемымъ также въ натурѣ всѣми членами вокругъ очага. Доходы же, напротивъ, дѣлятся поровну каждый годъ, но способомъ, который сильно отзывается коммунизмомъ: они распредѣляются не по отдѣльнымъ семьямъ, а по душамъ. Каждый членъ семьи, мужского или женскаго пола, имѣющій болѣе 14 лѣтъ отъ роду, составляетъ душу и считается имѣющимъ право на одну часть. Такимъ образомъ четырнадцатилѣтній ребенокъ стоитъ на равной ногѣ съ людьми въ цвѣтѣ силъ. Этотъ маленькій фактъ уже достаточно показываетъ, въ какой степени идея коммунистическаго равенства господствуетъ еще здѣсь надъ умами **).

Но еще интереснѣе, чѣмъ сама семейная группа, тотъ общій духъ, который царитъ въ данной мѣстности и отражается не только на однихъ членахъ французской „задруги“, но и на всѣхъ крестьянахъ и даже на всѣхъ горожанахъ, короче сказать, на цѣломъ населеніи. Это, съ одной стороны, необыкновенное развитіе и популярность нищенства: въ окрестностяхъ Рошешуара и въ самомъ городѣ (въ департаментѣ Верхней Вьенны) нищіе ходятъ вереницами, входятъ въ дома, какъ свои, и самими хозяевами принимаются какъ старые пріятели, разнося поклоны отъ родственниковъ къ родственникамъ, исполняя разныя порученія и проявляя при своемъ попрошайничествѣ неизвѣстную обыкновеннымъ нищимъ добросовѣстность, напр., отказываясь отъ денегъ, когда имъ дали старую обувь, находя, что „этого на сей

---

*) Henri Baudrillart, *Les populations agricoles de la France. 3-e série. Les populations du Midi;* Парижъ, 1893, стр. 427.

**) Demolins, стр. 88.

разъ достаточно", и т. п. Это, съ другой стороны, обычай взаимнаго мародерства на поляхъ и въ каштановыхъ рощахъ, куда самые честнѣйшіе обыватели забираются съ корзинами въ рукахъ и наполняютъ ихъ фруктами, нисколько не стѣсняясь хозяевъ, которые въ свою очередь платятъ тѣмъ же своимъ сосѣдямъ. Это—не менѣе распространенный обычай брать взаимно вещи на подержаніе безъ всякаго вознагражденія, причемъ богатые люди прибѣгаютъ къ этой практикѣ съ такой же охотой, какъ и бѣдные. Это—необыкновенная любовь къ подробнѣйшимъ мѣстнымъ генеалогіямъ, которыя связываютъ кровными узами самыхъ отдаленныхъ родственниковъ, и точность опредѣленія степеней этого родства, по истинѣ, поражаетъ посторонняго наблюдателя. Это, наконецъ, распространеніе чувствъ родственной симпатіи на сосѣдей, между которыми аффективная связь здѣсь сильнѣе, чѣмъ между настоящими родственниками въ другихъ мѣстахъ, подвергшихся вліянію индивидуализма и свободной конкурренціи. Словомъ, мы встрѣчаемся тутъ съ переживаніями первобытныхъ формъ, при которыхъ коллективные интересы людей преобладали надъ личнымъ началомъ, частною собственностью и т. п.

Но для того, чтобы встрѣтиться съ самыми яркими проявленіями принципа сосѣдства, мы снова должны отправиться на юго-западъ Франціи, въ прежнюю Гасконь, гдѣ до сихъ поръ сосѣдство налагаетъ такія взаимныя обязанности на живущія другъ близь друга семьи, что передъ ними едва не отступаютъ и сами кровныя узы. Бракъ, рожденіе, крещеніе, смерть, тяжелая болѣзнь, несчастная случайность, постройка дома, расчистка новаго участка подъ пашню, отъѣздъ и пріѣздъ,—словомъ, всѣ обстоятельства жизни человѣка вызываютъ самое дѣятельное и самоотверженное участіе сосѣдей. И вамъ невольно припоминаются знаменательные стихи стараго Гезіода, которому пришлось тягаться изъ-за наслѣдства со своимъ братомъ и который знаетъ цѣну хорошаго сосѣдства, обращая къ этому же брату такія поученія:

Зови къ себѣ (на угощеніе) въ особенности того, кто живетъ близь тебя Ибо если встрѣтится тебѣ какая домашняя нужда, то сосѣди сбѣгаются на помощь сейчасъ же и неподпоясанными, тогда какъ твои семейные начнутъ еще подпоясываться. Столь же великая бѣда дурной сосѣдъ, какъ великая польза—хорошій. Тотъ пріобрѣлъ себѣ большее благо, кто пріобрѣлъ хорошаго сосѣда. И быкъ не пропадетъ у тебя, если только нѣтъ плохого сосѣда. Принимай настоящей мѣрой отъ сосѣда и возвращай же ему настоящей, въ томъ же размѣрѣ, а если можешь и больше, чтобы и въ будущемъ, когда случится надобность, ты нашелъ его готовымъ на помощь *).

---

*) Ср. римскаго агронома о значеніи сосѣдской „помочи": M. Porcius Cato, *De re rustica*, IV (если будешь строиться, то помогутъ тебѣ и работою, и скотомъ, и матеріаломъ. И если (отъ чего да и збавитъ небо!) случится какая нужда, то будутъ охотно защищать тебя).

Но оставимъ нашего древняго земледѣльца-поэта изъ Аскры, что у подножія Геликона. На возвышенностяхъ бассейна Гароины, случаи современнаго вмѣшательства сосѣдей такъ часты и важны, что, перебравъ ихъ на основаніи монографіи барона д'Артига, касающейся мѣстности Ортъ (pays d'Orthe, которой авторъ даетъ ошибочную орѳографію pays d'Horte), Демолэнъ слѣдующимъ образомъ характеризуетъ здѣсь силу и значеніе учрежденія:

Эта организація сосѣдства очень любопытна; въ ней чувствуется энергичное усиліе, чтобы выработать цѣлую систему пособія и взаимопомощи, которая въ дѣйствительности далеко переходитъ за обстоятельства, только что перечисленныя нами. Для этого населенія, въ которомъ традиціонная семейная община почти совершенно распалась не замѣнившись, однако, ни опекою патроновъ (patronage), ни привычкою личной инициативы, сосѣдская община представляетъ собою крупный рессурсъ. Потому-то ее и постарались укрѣпить здѣсь рядомъ строгихъ обычаевъ, потому-то и отчаянно прицѣпились къ ней *).

Намъ, конечно, дѣла нѣтъ до наивной соціологіи Демолэна. Мы можемъ лишь пожимать плечами, когда онъ ставитъ эволюцію отношеній кверху ногами, полагая, что сосѣдская община выросла изъ распаденія семейной и по причинѣ этого распаденія, тогда какъ наоборотъ—начало сосѣдства, въ качествѣ остатка родового строя, должно было предшествовать семейной группировкѣ. Равнымъ образомъ мы можемъ совершенно оставить безъ вниманія пресловутую „опеку патроновъ", которую полу-буржуазная, полу-феодальная школа Ле-Плэя подноситъ читателю подъ всевозможными соусами: не даромъ-же самъ основатель школы хозяйничалъ на Уралѣ надъ горнозаводскими рабами Демидова!.. Что намъ нужно было отмѣтить, такъ это могущество сосѣдскаго принципа, въ которомъ даже при существованіи частной собственности сохраняются еще коллективныя стремленія первобытнаго строя.

Родовое и семейное начало замѣтно еще въ нѣкоторыхъ наиболѣе архаическихъ формахъ труда и собственности въ Бретани, напр. въ земледѣльческихъ коммунахъ острововъ Гоэдика и Гуата (въ департаментѣ Морбиганъ). Лавелэ, на основаніи замѣтки аббата Делаланда, такъ изображаетъ бытъ этихъ островитянъ:

Обитатели живутъ здѣсь коммуной. Земля не раздѣлена на частныя владѣнія. Всѣ работаютъ въ виду общаго интереса и живутъ плодами коллективнаго труда. Священникъ является главой общины; но въ случаѣ важныхъ рѣшеній ему помогаетъ совѣтъ, состоящій изъ двѣнадцати наиболѣе уважаемыхъ стариковъ. Этотъ режимъ, если только онъ вѣрно

*) Demolins, стр. 317.

описанъ, представляетъ собою одну изъ самыхъ архаическихъ формъ аграрнаго коммунизма *).

Подробнѣе и точнѣе этотъ строй описанъ Бодрильяромъ, который, указавъ на крайнее дробленіе здѣшнихъ участковъ, измѣряемыхъ такъ называемой „межой“ (sillon, имѣющій два фута ширины на 40 метровъ длины), продолжаетъ слѣдующимъ образомъ:

Увеличиваясь, населеніе умножило число клочковъ до такой степени, что въ настоящее время есть участки, вырѣзанные изъ половины межи; мало того, одна изъ этихъ полу-межъ обработывается поочередно тремя семействами, которымъ она принадлежитъ вмѣстѣ и нераздѣльно. Именно это чрезмѣрное дробленіе и вызвало лѣкарство въ видѣ извѣстнаго рода общности труда и эксплуатаціи. Здѣсь распахиваютъ сразу нѣсколько клочковъ, и также поступаютъ при жатвѣ и другихъ земледѣльскихъ работахъ. Эти сдѣлки облегчаются узами родства въ мѣстности, гдѣ браки заключаются исключительно между осѣвшими здѣсь семьями и не простираются далѣе небольшого сосѣдняго острова Гуата. Дѣйствительно въ Гоэдикѣ встрѣчается лишь десятокъ фамилій, которыя постоянно слышатся въ разговорѣ... Эта община далеко однако не исключаетъ частной собственности, которая обезпечиваетъ каждому независимость. Это—община добровольная и ограничивается извѣстными примѣненіями, которыя считаются полезными для блага всѣхъ и каждаго. Есть вещи, которыми жители владѣютъ сообща или дѣлятъ ихъ между всѣми, напр., тростникъ на прудахъ, предметы, выброшенные моремъ, и т. д. Что касается до распредѣленія земельныхъ участковъ, то оно совершается съ извѣстными особыми обрядами, которые связаны съ тѣми-же условіями и тѣмъ-же характеровъ религіозныхъ идей **).

Совершенно естественно поэтому, что и артели—въ данномъ случаѣ, морскія рыболовныя—очень распространены между жителями описанныхъ острововъ, гдѣ нерѣдко встрѣтишь до полдюжины рыбацкихъ семей, владѣющихъ и пользующихся одною шлюпкою, причемъ харчи у моряковъ общіе, а уловъ дѣлится поровну ***). Впрочемъ, слѣдуетъ вообще замѣтить, что артели наиболѣе распространены во Франціи тамъ, гдѣ коллективный трудъ или, по крайней мѣрѣ, коллективная собственность не исчезла еще совсѣмъ изъ земледѣлія. Изъ многочисленныхъ примѣровъ артелей въ такихъ мѣстностяхъ, я остановлюсь на одномъ очень характерномъ, потому что онъ представляетъ намъ черты артели, живущей отхожимъ промысломъ, и показываетъ намъ, что артели и этого типа вовсе не составляютъ привилегіи славянскихъ странъ, а въ частности Россіи. Для этого намъ слѣ-

*) Emile de Laveleye, *De la propriété et de ses formes primitives*; Парижъ, 1891, 4-е изд., стр. 514.—См. вообще объ остаткахъ коллективнаго труда и собственности во Франціи на стр. 244—257 и стр. 497—516 книги Лавелэ.

**) Henri Baudrillart, *Les populations agricoles de la France. Normandie et Bretagne;* Парижъ, 1885, стр. 527.

***) Ibid., стр. 526.

дуетъ перенестись на противоположный, юго-восточный, конецъ Франціи, въ гористыя мѣстности Альповъ и ихъ орографическихъ придатковъ. Въ долинѣ Барселоннетты, маленькаго окружнаго городка департамента Нижнихъ-Альповъ, издавна распространенъ обычай уходить артелями на разные промыслы, а въ особенности на торговлю сукнами и т. п. товарами, и замѣчательно, что масса уходящихъ отправляются въ такую отдаленную страну, какъ Мексика, гдѣ артели барселоннетцевъ пользуются всеобщею извѣстностью. Я не могу вдаваться въ подробности организаціи этихъ артелей, отсылая читателя къ тѣмъ страницамъ труда Демолэна, гдѣ авторъ дѣлаетъ длинныя выдержки изъ спеціальныхъ монографій по предмету *). Замѣчу лишь, что артельный принципъ сохраняется еще до сихъ поръ между громаднымъ большинствомъ эмигрантовъ, хотя меньшинство, формально принадлежа къ этимъ союзамъ, уже выработалось въ могущественную капиталистическую аристократію, которая лишь эксплоатируетъ коллективныя стремленія земляковъ. Почти всѣ эмигранты остаются за океаномъ временно и, какъ только сколотятъ небольшую сумму, возвращаются домой. Не составляютъ исключенія и только что упомянутые магнаты капитала, зачастую милліонеры, виллы которыхъ красуются въ окрестностяхъ родного города.

Болѣе демократическій характеръ сохранили артели гористаго (пиринейскаго) юго-запада Франціи, откуда цѣлыя толпы крестьянъ уходятъ временно пастухами за океанъ, въ Аргентинскую республику, или коновалами въ сосѣднюю Испанію. И образуемыя ими ассоціаціи представляютъ собою крѣпкіе союзы, основанные на началахъ равенства вознагражденія: члены ихъ

> складываютъ всѣ барыши въ одно и образуютъ изъ нихъ одну общую массу, которую они затѣмъ дѣлятъ по числу душъ, согласно самой строгой справедливости, не забывая при этомъ даже доли больныхъ *).

Я бы могъ набрать еще немало фактовъ существованія въ современной Франціи прежнихъ формъ труда. Но я ограничился лишь наиболѣе типичными, тѣмъ болѣе, что въ цѣломъ строѣ здѣшней деревни эти явленія играютъ незначительную и съ каждымъ днемъ все слабѣющую и слабѣющую роль, представляя, какъ мнѣ уже пришлось разъ сказать, главнымъ образомъ „археологическій интересъ“. Но иначе обстоитъ дѣло по отношенію не къ раннимъ формамъ труда, а къ раннимъ формамъ собственности, которыя въ видѣ общинныхъ земель коммунъ имѣютъ гораздо большее значеніе, чѣмъ это можетъ показаться съ пер-

*) Demolins, стр. 28.
**) Demolins, l. c., стр. 29—36,

ваго раза. Эта общинная собственность не только, обратила на себя вниманіе составителей земледѣльческой программы рабочей партіи: въ послѣднее время она является предметомъ оживленныхъ дебатовъ и въ буржуазной прессѣ, буржуазныхъ ученыхъ и практическихъ обществахъ и т. п. Знаменательно, что французское общество земледѣлія (Société des Agriculteurs de France) избрало послѣдней темой для конкурса вопросъ объ общинныхъ земляхъ во Франціи и дало премію тому автору, который высказался за бережное отношеніе къ этой собственности: я говорю о докторѣ правъ Рожерѣ Граффэнѣ, сочиненіемъ котораго я воспользуюсь для нѣкоторыхъ сторонъ вопроса *).

Интересно прежде всего опредѣлить общее пространство коммунальныхъ земель во Франціи. Въ своемъ первомъ этюдѣ о крестьянствѣ я, имѣя подъ рукою недостаточные документы (площадь всѣхъ обширныхъ земель въ 60-хъ годахъ и данныя объ общинныхъ лѣсахъ въ 1892 г.), заключилъ о быстромъ уменьшеніи собственности коммунъ. Теперь, изучая ближе этотъ вопросъ по новымъ матеріаламъ, я прихожу къ заключенію, что этого уменьшенія не замѣчается, и что даже обнаруживается легкое возрастаніе, которое, впрочемъ, я склоненъ приписывать неоднородности источниковъ сравниваемыхъ цифръ. Какъ бы то ни было, Граффэнъ, на основаніи одного финансоваго документа 1877 г., исчисляетъ пространство общинныхъ земель въ 4.316,310 гект., изъ которыхъ 2.058,707 гект. лѣсовъ и 2.257,603 гект. другихъ земель, распадающихся на 1.620,503 гект. производительной почвы и 637,100 гект. непроизводительной **). Но вотъ каковы цифры общинной собственности по оффиціальной земледѣльческой статистикѣ 1892 г. (меня нѣсколько удивляетъ, что Граффэнъ не утилизировалъ этихъ появившихся въ 1896 г. данныхъ для своего сочиненія, которое вышло два года спустя): общая площадь коммунальныхъ земель равнялась 4.431,328 гект., или 8,79% всей земледѣльческой поверхности страны (равняющейся, какъ извѣстно, 50.467,909 гект.); изъ этого числа лѣса занимали 2.148,948 гект., или 22,57% всей лѣсной площади Франціи, пустоши и прочія невоздѣланныя земли 1.448,671 гект., искусственные и естественные луга, пастбища и огороды 555,846 гект., пахотныя земли 260,581 гект., сады 10,945 гект. и виноградники 6,337 гект. Вся эксплоатируемая общинами поверхность равняется такимъ образомъ 2.982,657 гектарамъ ***), и я обращаю вниманіе читателей на то обстоятельство, что об-

---

*) Roger Graffin, *Les biens communaux en France. Etude historique et critique;* Парижъ, 1899.

**) Graffin, стр. 270.

***) *Statistique agricole de la France,* стр. 351—353.

щинная собственность заключаетъ не только лѣса и пустыри, но и луга, и сады, и даже виноградники.

Само собою разумѣется, впрочемъ, что лѣса, пустыри и пастбища играютъ выдающуюся роль на коммунальной территоріи, равно какъ сама эта территорія достигаетъ наибольшихъ размѣровъ въ гористыхъ и вообще менѣе плодородныхъ мѣстностяхъ. Мнѣ остается только напомнить читателю объ указанномъ уже ранѣе фактѣ совпаденія орографической и соціальной картъ Франціи. Возьмите въ самомъ дѣлѣ карту распредѣленія общинныхъ земель по департаментамъ, на которой оттѣнки тѣмъ гуще, чѣмъ значительнѣе пропорція этихъ земель *), и вы поразитесь, до какой степени удачно она воспроизводитъ общій рельефъ страны. Три группы возвышенностей на юго-западѣ, юго-востокѣ и востокѣ и въ центрѣ выступаютъ съ большою точностью, и наиболѣе темно окрашенныя мѣста обозначаютъ, словно на гипсометрической картѣ, положеніе самыхъ значительныхъ горныхъ кряжей. Для того, чтобы судить о важности коммунальныхъ земель въ только что упомянутыхъ концахъ Франціи, достаточно сказать, что въ пиринейскихъ департаментахъ общинная собственность занимаетъ отъ одной пятой до болѣе двухъ пятыхъ всей поверхности (22% въ департаментѣ восточныхъ Пиринеевъ, 30% въ департаментѣ нижнихъ Пиринеевъ и цѣлыхъ 43% въ департаментѣ верхнихъ Пиринеевъ); что въ альпійскихъ департаментахъ она охватываетъ отъ одной пятой до болѣе половины территоріи (21% въ Изерѣ, 42% въ Савоѣ, 51% въ департаментѣ верхнихъ Альповъ, и т. п.); и что даже въ центральномъ массивѣ она часто превышаетъ одну десятую (10% въ Коррезѣ, 11% въ Пюи-де-Домѣ, 14% въ Канталѣ) и достигаетъ порою почти одной шестой всей площади (16% въ Крёзѣ).

Наиболѣе чистый характеръ первобытнаго широкаго коммунизма сохранился въ пользованіи горными пастбищами, которыя зачастую находятся въ нераздѣльномъ владѣніи не только всѣхъ членовъ данной общины, но цѣлой группы сосѣднихъ общинъ. Такъ въ окрестностяхъ Котрэ Демолэнъ указываетъ на существованіе обширнаго пастбища въ 10,000 гектаровъ, принадлежащаго союзу семи коммунъ (стр. 8), тогда какъ цѣлая долина Оссо состоитъ въ нераздѣльномъ пользованіи всѣхъ мѣстныхъ общинъ, которыя посылаютъ своихъ представителей въ своеобразный федеральный совѣтъ, распоряжающійся хозяйственной политикой пастушеской конфедераціи (стр. 9). А въ извѣстномъ уже намъ барселоннеттскомъ округѣ болѣе трети всѣхъ земель занято обширными коммунальными пастбищами (стр. 11). Съ другой стороны, по очень недавнимъ свѣдѣніямъ (1898 г.), сообщеннымъ Луи Этчевери французскому обществу земледѣлія, въ мѣстности

*) Graffin, стр. 270—271.

Сизъ (pays de Size въ департаментѣ нижнихъ Пиринеевъ) съ незапамятныхъ временъ существуютъ нераздѣльныя пастбища цѣлыхъ двадцати коммунъ, которыя отнюдь не тяготятся этимъ широкимъ коллективнымъ пользованіемъ и нисколько не думаютъ измѣнять свои многовѣковые порядки *).

Что касается до общиннаго пользованія лѣсами, то формы его довольно разнообразны. Но въ послѣднее время вопросъ о хозяйственной эксплоатаціи лѣсныхъ угодій сильно обострился, и внутри коммунъ замѣчается стремленіе выработать болѣе одинаковую и справедливую практику, споры о которой проникли и во французскій парламентъ. Дѣло идетъ о регулированіи пользованія общинными лѣсами между членами коммуны, или такъ называемаго *affonage* **). Я не буду вводить въ подробности исторіи и перипетіи борьбы между различными теченіями, интересами и обычаями внутри общинъ. Достаточно сказать, что до закона 1883 г. наибольшую вражду среди рядовыхъ членовъ общины возбуждало право коммунъ держаться традиціоннаго обычая, распространеннаго особенно во Франшъ-Контэ и опредѣлявшаго количество лѣса, на которое имѣлъ право общинникъ, площадью, находившеюся подъ его постройками. Въ основаніи этого права, очевидно, лежалъ справедливый принципъ „каждому по его потребностямъ", характеризующій систему архаическаго коммунизма. Но на практикѣ и подъ вліяніемъ буржуазной цивилизаціи, проникшей и въ общинные порядки, этотъ принципъ выродился въ чудовищное злоупотребленіе: въ гористыхъ мѣстностяхъ восточной Франціи, гдѣ лѣса составляютъ такія важныя угодья въ хозяйствѣ общинъ ***), капиталисты нарочно становились членами богатыхъ коммунъ, застраивали обширную площадь громадными, но никуда не годными сараями и такимъ образомъ получали львиную долю въ очень цѣнныхъ лѣсныхъ участкахъ.

Законъ 1883 г. отмѣнилъ это традиціонное право, на почвѣ котораго высшая справедливость превратилась въ возмутительную ложь, согласно поговоркѣ „summum jus summa injuria" и

---

*) Graffin, l. c., стр. 181 и примѣч. 2.

**) Собственно этотъ терминъ, идущій отъ средневѣковой латыни (*affoagium* въ документахъ начиная съ XIII вѣка), означаетъ обыкновенно пользованіе дровянымъ лѣсомъ; для пользованія же строевымъ употребляется чаще специальный терминъ *maronage*. Но *affonage* можно разсматривать и какъ родовой терминъ. См. Graffin, стр. 137—138.

***) Я обращаю вниманіе читателей на замѣчательное совпаденіе для этой части Франціи карты лѣсовъ и карты общинной собственности: густота оттѣнковъ на той и на другой почти одинакова, и пропорція коммунальныхъ земель въ общей территоріи почти та же, что и пропорція лѣсовъ въ той же территоріи,—ясный признакъ того, что здѣсь коммуны владѣютъ главнымъ образомъ лѣсами. Ср. карту общинныхъ земель у Граффэна съ картой лѣсовъ въ земледѣльческомъ атласѣ: *Atlas de statistique agricole*; Парижъ, 1887, карта V.

благодаря хищничеству буржуазіи. Но съ 1883 г. и по отмѣнѣ упомянутаго права, борьба внутри общинъ изъ-за пользованія лѣсомъ обострилась въ другой точкѣ и по вопросу, который не переставалъ обсуждаться между членами коммунъ съ самой великой революціи. Вопросъ этотъ ставится такъ: какимъ образомъ дѣлить лѣсъ между лицами, имѣющими право пользованія,—по „дымамъ“ (собственно говоря, по „огнямъ“, par feu) или по душамъ? Законъ 1883 г., комментируя и опредѣляя точнѣе законъ 1827 г., подтвердилъ старинный принципъ дѣлежа по дымамъ, но и здѣсь усложнившіяся условія жизни вызвали рядъ неудобствъ и вывернули, такъ сказать, на изнанку архаическую справедливость. Дѣйствительно, въ прежнее время, когда семьи были вообще многочисленны, и нѣсколько поколѣній садились вокругъ семейнаго очага, дымъ или, если хотите, огонь—„нѣтъ дыма безъ огня“—выражалъ довольно опредѣленную хозяйственную единицу, которая имѣла большее значеніе, чѣмъ отдѣльный человѣкъ. Но теперь, когда распаденіе большихъ семейныхъ единицъ вызвало очень сильную разницу въ численности отдѣльныхъ семей и создало цѣлый классъ независимыхъ одиночекъ *), дѣлежъ коммунальнаго лѣса по дымамъ превратился въ вопіющую несправедливость, создавая привилегію для малочисленныхъ семей и одиночекъ. И надо видѣть, къ какимъ ухищреніямъ прибѣгаютъ теперь многочисленныя и, по большей части, бѣдныя семьи, чтобы обойти законъ 1883 г. Дѣйствительно, этотъ законъ, примѣняясь къ современнымъ условіямъ, разсматриваетъ за дымъ или отдѣльное хозяйство „всякое лицо, живущее своимъ хозяйствомъ или обладающее отдѣльнымъ помѣщеніемъ съ очагомъ (habitation à feu distincte), приготовляетъ ли оно на немъ себѣ и своимъ пищу, или же, столуясь вмѣстѣ съ другими, обладаетъ отдѣльною собственностью, занимается отдѣльнымъ промысломъ и имѣетъ свои особые интересы“. И вотъ взрослые дѣти въ большой семьѣ заключаютъ фиктивное условіе о наймѣ комнаты съ родителями и въ ихъ же домѣ, равно какъ объ арендѣ части отцовской собственности, и продолжая жить вмѣстѣ съ родными, получаютъ тѣмъ не менѣе лишнюю долю въ общинномъ лѣсѣ. Но съ другой стороны, и зажиточная семья можетъ, несмотря на свою сравнительную малочисленность, взять верхъ надъ очень большой, но бѣдной семьей:

Богатая семья, состоящая изъ пяти человѣкъ, изъ которыхъ трое могутъ имѣть отдѣльные интересы и занимать каждый по комнатѣ съ особымъ очагомъ, получитъ три части, тогда какъ бѣдная семья изъ де-

*) Съ 1856 по 1891 г. число такихъ „хозяйствъ“ (ménages), состоящихъ изъ одного лица, увеличилось на 700.000. тогда какъ число хозяйствъ изъ четырехъ, пяти, шести и болѣе лицъ осталось безъ измѣненія, несмотря на приростъ населенія, семьи же изъ двухъ и трехъ лицъ возрасли въ числѣ См. *Dénombrement de 1891*, стр. 106 введенія.

сяти человѣкъ, владѣющая лишь двумя-тремя комнатами, изъ которыхъ лишь въ одной есть очагъ, должна будетъ довольствоваться одною частью *).

Словомъ, масса несправедливостей обнаруживается въ самыхъ различныхъ направленіяхъ на почвѣ даннаго закона, и во французской деревнѣ происходитъ теперь сильное движеніе среди большинства въ пользу дѣлежа по душамъ, а не по дымамъ. Это движеніе можно отчасти сравнить съ движеніемъ въ русской деревнѣ въ пользу передѣла по живымъ душамъ въ противоположность ревизскимъ: и тамъ, и здѣсь чувствуется потребность сознательно исправить неудобства, выросшія изъ старыхъ, потерявшихъ свою прежнюю справедливость отношеній. Но самая живучесть этого движенія внутри общины показываетъ, что члены ея заняты стремленіемъ реформировать общинные порядки, но отнюдь не думаютъ разрушить самое основаніе общины. Какъ бы то ни было, общинная собственность пережила во Франціи цѣлый рядъ нападеній: захватъ земель феодалами и ихъ несправедливыя притязанія въ XVI-мъ и XVII-мъ вѣкахъ; наплывъ агрономическихъ буржуазныхъ идей въ XVIII-мъ вѣкѣ **); законъ конвента отъ 10-го іюня 1793 г. относительно обязательнаго раздѣла коммунальныхъ земель между всѣми жителями, разъ треть послѣднихъ желаетъ этого ***); законъ 20-го марта 1813 г., которымъ Наполеонъ конфисковалъ часть общинной собственности въ пользу истощенной войнами казны и подъ видомъ государственнаго займа; законъ 28-го іюля 1860 г., который обязывалъ общины такъ или иначе эксплоатировать невоздѣланныя земли и т. д. И все же, несмотря на громадное расхищеніе коммунальной собственности, урѣзанной, искалѣченной, отнятой силою или хитростью, служившей предметомъ всевозможныхъ легальныхъ и нелегальныхъ экспериментовъ, все же ея площадь составляетъ и въ настоящее время, какъ мы видѣли, около одиннадцатой части территоріи и, по крайней мѣрѣ въ теченіе послѣднихъ 15 лѣтъ, не обнаруживаетъ никакого уменьшенія. И знаменательно, что обостреніе соціальнаго вопроса начинаетъ вызывать критическое отношеніе къ доктринамъ исключительной полезности частной собственности на землю даже между буржуа, заставляя ихъ раз-

---

*) См. спеціальную монографію по вопросу о пользованіи общиннымъ лѣсомъ: Léon Germain, *Du mode de répartition de l'affonage communal;* Парижъ—Нанси, 1899, стр. 8—9.

**) См. любопытныя жалобы на „лѣность“ крестьянъ-общинниковъ со стороны собственниковъ Берри, которыхъ возмущали въ особенности ихъ „претензіи извлекать выгоду изъ ассоціаціи“ въ Paul Lafargue, *La propriété, origine et évolution:* Парижъ, 1895, стр. 385.

***) О гибельномъ вліяніи этого раздѣла на послѣдующую судьбу большинства крестьянъ, см. H. Taine, *Les origines de la France contemporaine. La revolution I;* Парижъ, 1896, 18-е изд., стр. 365—368; и III, 1896, 13-е изд., стр. 476 и прим. 1.

сматривать проблему общиннаго владѣнія съ болѣе широкой точки зрѣнія, чѣмъ это обыкновенно практикуется среди этихъ классовъ. Такъ Граффэнъ, по всѣмъ видимостямъ консервативный буржуа, произноситъ слѣдующія характерныя слова:

Для того, чтобы оцѣнить полезность коммунальныхъ земель, не слѣдуетъ становиться на узкую точку зрѣнія производства и стоимости. Должно также и даже по преимуществу разсматривать услуги, которыя эта собственность можетъ оказывать жителямъ, оказывать человѣку, для блага котораго все создано на землѣ. „Земледѣліе для земледѣлія"— вотъ формула, которую мы отнюдь не допускаемъ. Мы предпочитаемъ припомнить текстъ Св. писанія: terram dedit filiis hominum (и далъ землю сынамъ человѣческимъ). По волѣ божіей земля для человѣка. *)

Такимъ образомъ мы чуть-чуть не подошли къ столь популярной еще мѣстами въ восточной Европѣ формулѣ „земля мірская да Божья!" Я не могу при этомъ удержаться, чтобы не привести одного очень типичнаго факта, который показываетъ, что въ этомъ отношеніи и самъ французскій мужикъ, не смотря на общее развитіе индивидуализма въ его средѣ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ напоминаетъ далекаго восточнаго собрата. Дѣйствіе происходитъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ плодородномъ департаментѣ Сарты, въ трехъ-четырехъ часахъ желѣзной дороги отъ Парижа, въ странѣ, гдѣ безчисленныя шпалеры деревьевъ, служащихъ границами фермъ, придаютъ пейзажу обманчивый видъ обширнаго лѣса,—такъ распространена здѣсь мелкая частная собственность,—и гдѣ коммунальныя земли не составляютъ и 1% всей территоріи. И что же? Вотъ свидѣтелемъ какихъ событій былъ здѣсь нѣкто Ардуэнъ-Дюмазе, авторъ живыхъ, хоть и нѣсколько поверхностныхъ „экскурсій по Франціи". Нашъ путешественникъ вздумалъ проѣхаться по долинѣ Вегры, одного изъ притоковъ Луары, но, приближаясь къ деревнѣ Тенніе, получаетъ совѣтъ отъ мѣстнаго жителя лучше и не подходить близко къ живописнымъ берегамъ рѣчки. Заинтригованный туристъ спрашиваетъ причину такого совѣта и получаетъ въ отвѣтъ, что обитатели Тенніе могутъ принять его за землемѣра изъ Парижа и до смерти забросать каменьями: чуть не сорокъ лѣтъ (начиная съ 1858 г.) они сопротивляются приговору суда, воспрещающему имъ пасти скотъ на тучныхъ лугахъ частныхъ собственниковъ и нѣсколько разъ уже принимали въ колья и вилы какъ самихъ хозяевъ, такъ и властей, пытавшихся положить конецъ этому самовольному общинному пользованію. И курьезнѣе всего то обстоятельство, что жители Тенніе не имѣютъ никакихъ письменныхъ доказательствъ на право этого пользованія, но ссылаются лишь на стародавность такихъ порядковъ. Авторъ, дѣйствительно, встрѣчаетъ во всей деревнѣ подозрительные взгля-

*) Graffin, l. c.

ды, шушуканье вокругъ и нѣмое молчаніе въ отвѣтъ на свои вопросы. Наконецъ, прогуливаясь по полямъ, онъ сталкивается съ гурьбой мальчишекъ, которые съ воодушевленіемъ распѣваютъ на голосъ марсельезы пѣсню о своихъ общинныхъ правахъ. И эту-то коммунальную марсельезу туристъ сообщаетъ читателямъ, замѣчая, что вопросъ о правѣ пасти скотъ на земляхъ собственниковъ волнуетъ здѣсь цѣлый районъ и уже стоилъ жизни нѣсколькимъ человѣкамъ въ окрестныхъ деревняхъ. Я приведу лишь самыя типичныя мѣста этого оригинальнаго протеста, распѣваемаго мужиками прямо въ лицо владѣльцамъ луговъ:

Толпой, жители Тенніе, возстанемъ въ ярости! Пойдемъ, пойдемъ впередъ, сдвинемъ наши ряды, чтобы изгнать этихъ негодяевъ!.. Какъ! они хотятъ окружить изгородями наши луга, чтобы обогащаться на нашъ счетъ?.. Мы не потерпимъ ихъ оскорбленій и грабительскихъ дѣйствій, ибо мы владѣльцы и настоящіе хозяева пастбищъ... Издавна это наслѣдіе сохранялось нашими предками; и какъ у нихъ, у насъ хватитъ мужества дать отпоръ хищникамъ. Нашъ интересъ говоритъ объ этомъ, и наши внуки будутъ довольны своей судьбой, что имъ оставлены въ удѣлъ права... Когда придутъ враги, то пусть они знаютъ, что мы смоемъ съ нихъ позоръ ихъ поведенія водой: они очень легко могутъ найти могилу въ глубокихъ волнахъ Веґры *).

Не правда-ли, мы наталкиваемся здѣсь на знакомое зрѣлище аграрнаго „недоразумѣнія“? И сопротивленіе народнаго сознанія узкой юридической формулѣ; и вѣра въ свои права, основанная на давности пользованія, которое стóитъ въ глазахъ мужика всякихъ письменныхъ документовъ; и на массовое недовѣріе къ пришельцу—„землемѣру“—все находится въ данномъ случаѣ на лицо, какъ и на далекомъ востокѣ Европы...

Указавъ на сохранившіяся старыя формы общаго труда и общинной собственности, я хочу заключить эту статью нѣсколькими словами о новыхъ формахъ кооперативнаго начала, которыя возникаютъ теперь во французской деревнѣ: я говорю о синдикальномъ движеніи среди земледѣльческихъ классовъ. Но для надлежащаго понятія о характерѣ этого движенія, надо не ограничиваться его теперешними чертами, а заглянуть въ будущее, мысленно продолживъ линіи его современныхъ контуровъ. Ибо въ настоящее время, какъ мы это скоро увидимъ, упомянутое движеніе носитъ реакціонный отпечатокъ, и реакціонный не только въ соціальномъ смыслѣ, но и въ политическомъ; тогда какъ въ будущемъ оно можетъ вырости—и, вѣроятно, скоро выростетъ,—въ здоровый элементъ экономическаго преобразованія страны.

*) Ardouin-Dumazet, *Voyage en France*, II-e série; Парижъ, 1894 стр. 36—42 *passim*. Демолэнъ (стр. 237—241) приводитъ тоже выдержку изъ разсказа туриста, но, въ качествѣ человѣка, любящаго порядокъ, опускаетъ мужицкую марсельезу.

Дѣйствительно, до сихъ поръ прогрессивныя стремленія отчетливо обрисовываются въ деревнѣ лишь внутри синдикатовъ, принадлежащихъ къ типу исключительно рабочихъ (exclusivement ouvriers); но такихъ союзовъ къ 31-му декабря 1897 г. насчитывалось всего 69, и общее число ихъ членовъ не превышало 8002, обнаруживая даже уменьшеніе съ 1884 г., когда оно достигало 9604 человѣкъ, распредѣленныхъ между 91 синдикатомъ *). Съ другой стороны собственно такъ называемые „земледѣльческіе синдикаты“ (syndicats agricoles), несмотря на свой смѣшанный характеръ на бумагѣ, въ дѣйствительности состоятъ почти исключительно изъ собственниковъ и фермеровъ, находящихся подъ опекою и руководствомъ крупныхъ землевладѣльцевъ, по большей части заядлыхъ реакціонеровъ; сельскіе же рабочіе въ такихъ синдикатахъ почти не встрѣчаются. И, однако, число этихъ проникнутыхъ консервативными стремленіями союзовъ доходило 31-го декабря 1897 г. до 1499, а общее число членовъ ихъ до 448,395 **).

Между чисто рабочими сельскими синдикатами наиболѣе сильные образованы дровосѣками. Одно время это синдикальное движеніе распространилось на 12 департаментовъ центра (и отчасти востока) и насчитывало въ 1894 г. 66 союзовъ съ 7,055 членами; но съ тѣхъ поръ пошло на убыль и по послѣднимъ даннымъ (отъ 1-го января 1898 г.) обнаруживается лишь въ 8 департаментахъ,—особенно же въ Шерѣ, Луарэ и Ньеврѣ,—причемъ число синдикатовъ не превышаетъ 33, а число членовъ 3,871. Ослабленіе синдикальнаго теченія между дровосѣками объясняетъ и приведенную выше статистику паденія общаго числа сельскихъ рабочихъ синдикатовъ, хотя въ другихъ отрасляхъ сельскаго труда, напр., въ чисто-земледѣльческихъ синдикатахъ, обнаруживается прогрессъ. Дѣло въ томъ, что, какъ читатель уже могъ видѣть изъ приведенныхъ цифръ, дровосѣки составляютъ самый значительный элементъ рабочихъ синдикатовъ деревни. Въ частности же особенно пострадала федерація дровосѣковъ Шерскаго департамента, федерація, которая выросла изъ знаменитой стачки 1891—1892 г., вызвала сочувствіе даже между буржуазными членами парламента, успѣла временно поднять чрезмѣрно низкую заработную плату дровосѣковъ (съ 75 сантимовъ въ день до 90 и порою до 1 фр. 50 сантимовъ) и сошла, если не юридически, то фактически со сцены, подъ влія-

*) См. оффиціальный документъ „бюро труда“ при минстерствѣ торговли и промышленности: *Les associations professionnelles ouvrières*. I; Парижъ, 1899, стр. 284 - 285.

**) Ibid., стр. 284. Графъ де Рокиньи, одинъ изъ вожаковъ этого движенія, насчитывалъ въ маѣ 1897 г. 1700 синдикатовъ съ 600,000 членовъ (см. de Rocquigny, *Le mouvement syndical dans l'agriculture*, Парижъ, 1897, стр. 5).

ніемъ сельскаго кризиса и конкурренціи мелкихъ крестьянъ-собственниковъ.

Но перейдемъ къ земледѣльческимъ синдикатамъ „смѣшаннаго“ типа. Сами вожаки этой организаціи принуждены сознаться, что многіе изъ нихъ, несмотря на такое названіе, не заключаютъ въ себѣ ни одного рабочаго, нѣкоторые очень незначительное число, а всѣ вообще „не даютъ никакихъ выгодъ, которыя ищетъ въ нихъ рабочій“ *). И до сихъ поръ лирическій восторгъ пѣвцовъ смѣшанныхъ синдикатовъ упражняется надъ исключительнымъ примѣромъ синдиката въ Кастельнодари (Одскаго департамента), который на 1,000 членовъ заключаетъ 600 рабочихъ. И это само собою понятно: эти синдикаты представляютъ собою кооперативныя общества для покупки и распредѣленія между членами удобреній, сѣмянъ, земледѣльческихъ машинъ, виноградныхъ лозъ и т. п., для продажи земледѣльческихъ продуктовъ (вина, свеклы и т. д.), для изготовленія и продажи сыровъ, оливковаго масла и т. п., для устроенія питомниковъ, усовершенствованныхъ фермъ и другихъ предпріятій этого рода. Но что будетъ дѣлать со всѣми этими прекрасными вещами не только рабочій, у котораго нѣтъ другой собственности, кромѣ рукъ, но и мелкій крестьянинъ-собственникъ, вертящійся со своей семьей на какомъ-нибудь гектарѣ—двухъ земли и не могущій, среди заботъ и мученій свирѣпаго и неблагодарнаго труда, думать о чемъ-либо другомъ, кромѣ своей межи и сегодняшняго дня? До сихъ поръ, земледѣльческіе синдикаты сослужили службу лишь болѣе зажиточнымъ владѣльцамъ „крестьянской собственности“, какъ ее опредѣляетъ знакомый намъ Сушонъ, а главное-то привилегированному меньшинству, состоящему изъ реактивной знати и консервативной буржуазіи деревни. Выбитые изъ прежнихъ позицій высокаго общественнаго положенія общимъ развитіемъ демократическаго духа, эти столпы реакціи набираютъ теперь себѣ кліентовъ среди крестьянъ и стараются опираться на синдикаты въ своей политической дѣятельности, не забывая, конечно, прежде всего своихъ матеріальныхъ интересовъ. Изъ этой категоріи набираются главнымъ образомъ друзья Мелина, „присоединившіеся“ къ республикѣ крупные собственники, которые успѣли, опираясь на одураченныхъ крестьянъ, не только распространить въ странѣ вѣянія пресловутаго „новаго духа“, духа реакціи и клерикализма, но и провести въ парламентѣ высокія ввозныя пошлины на хлѣбъ. Вѣдь извѣстно, что этой манной, падающей не съ неба, а изъ кармана потребителей, этой манной питаются исключительно крупные землевладѣльцы, производящіе хлѣбъ на продажу, а не рядовой мужикъ, которому зачастую и въ концѣ концовъ приходится подкупать хлѣба.

*) См. слова Лопиталя въ брошюрѣ Рокиньи, стр. 11.

Я считаю достаточнымъ цитировать имена главныхъ руководителей земледѣльческихъ синдикатовъ, а особенно ихъ крупныхъ союзовъ (unions régionales). Въ самомъ главномъ изъ этихъ союзовъ, юго-восточномъ, президентомъ крупнѣйшій собственникъ Эмиль Дюпортъ, а вице-президентами три другихъ крупныхъ владѣльца, изъ нихъ одинъ „знатный", А. де-Фонгалланъ. Въ Альпийско-Провансальномъ союзѣ предсѣдательствуетъ маркизъ де-Вилльнёвъ-Траксъ; въ союзѣ Бургундіи и Франшъ-Контэ графъ Лежеасъ (а въ мѣстномъ синдикатѣ Полиньи, маркизъ де-Фруассаръ). Въ Центральномъ союзѣ послѣ смерти богатѣйшаго агронома Дези главную роль играетъ баронъ де-Ларнажъ, а въ мѣстномъ синдикатѣ департамента Луарэ „знатный" господинъ Е. де-Лаажъ-де-Ме. Въ Бретонскомъ союзѣ президентомъ виконтъ де-Лоржериль, а въ частныхъ синдикатахъ орудуютъ де Жаръ-де-Керанруэ (въ Морлэ) и графъ-де-Лобье (секретарь синдиката въ департаментѣ Илль-и-Вилэнъ). Анжуйскій союзъ функціонируетъ подъ предсѣдательствомъ графа де-ла-Буйллери. Въ совѣтѣ „центральнаго союза земледѣльческихъ синдикатовъ Франціи" засѣдаетъ уже извѣстный читателямъ графъ де-Рокиньи и т. д. Словомъ, армія сельскихъ кооператоровъ шествуетъ, словно мужицкія милиции среднихъ вѣковъ, подъ предводительствомъ маркизовъ, графовъ, виконтовъ и бароновъ, рядомъ съ которыми выступаютъ вполнѣ достойные ихъ крупные сельскіе капиталисты. Отсюда читатель уже можетъ вывести заключеніе о современномъ характерѣ синдикальнаго движенія въ деревнѣ.

Но не надо забывать слѣдующаго: въ самомъ принципѣ кооперации, въ принципѣ коллективнаго труда и пользованія, заключается внутренняя сила развитія, которая рано или поздно переростаетъ тѣ оболочки, въ какія ее можетъ закутывать современный строй. И этой силѣ развитія не въ состояніи безнаказанно сопротивляться и реакціонные элементы настоящаго общества. Пріучая людей объединять свои усилія, задумываться надъ формами, примиряющими личные интересы и благо коллективнаго цѣлаго, и мало того, что задумываться: практически дѣйствовать надъ рѣшеніемъ этого лишь временнаго, лишь исторически-преходящаго противорѣчія, — кооперація группируетъ всѣхъ дѣйствительныхъ производителей на почвѣ общихъ задачъ, противоставляя ихъ эгоистичнымъ стремленіямъ мнимыхъ производителей, крупныхъ паразитовъ, которые подъ именемъ „труда" занимаются въ сущности лишь присвоеніемъ продуктовъ чужой дѣятельности. Въ одной изъ своихъ наиболѣе интересныхъ рѣчей бельгійскій депутатъ рабочей партіи, Вандервельде, показалъ, какъ кооперативное движеніе, организованное на родинѣ оратора клерикалами и реакціонерами, начинаетъ теперь повертываться противъ самихъ же иниціаторовъ и подготовлять почву для дѣятельности истинныхъ друзей народа. Можно думать, что

и кооперативное движеніе французской деревни, пока вырабатывающееся подъ вліяніемъ знати и буржуазіи, разобьетъ цѣпи эгоизма и разобщенности среди здѣшняго крестьянства и повернетъ его въ сторону общественнаго прогресса, вопреки стараніямъ всѣхъ этихъ маркизовъ, графовъ и крупныхъ землевладѣльцевъ. Поживемъ, увидимъ...

Въ этой статьѣ я задался цѣлью представить на основаніи статистическихъ данныхъ современное состояніе французскаго крестьянства и указать на вытекающія отсюда задачи для здѣшней деревни.

Съ другой стороны, нисколько не преувеличивая значенія коллективныхъ формъ труда и собственности среди сельскихъ классовъ настоящей Франціи, я постарался къ традиціонному облику французскаго мужика — индивидуалиста прибавить столь часто оставляемую въ тѣни черту его общественности и общинныхъ порядковъ. Только такимъ образомъ мы можемъ получить болѣе точное понятіе о здѣшнемъ крестьянствѣ. Мы видѣли, что люди, которые въ своихъ программахъ опирались до сихъ поръ только на городской классъ и смотрѣли на мужика, лишь какъ на будущаго пролетарія, принуждены были ввести въ свои планы дѣятельности и современнаго мужика, какъ онъ есть, и притомъ не только мужика собственника, но и мужика члена общины, пользующагося коммунальной собственностью. Это показываетъ, что въ Западной Европѣ прогрессивная мысль пришла къ заключенію, что соціальный вопросъ не можетъ быть рѣшенъ только въ городскихъ центрахъ. Жизнь и интересы деревни должны входить существеннымъ элементомъ при рѣшеніи такой задачи. Ибо только совмѣстное изученіе города и деревни, только одинаковое введеніе этихъ обѣихъ сторонъ современной цивилизаціи въ программу общественнаго преобразованія позволитъ сторонникамъ прогресса рѣшить соціальный вопросъ...

Н. Кудринъ.

Памяти Герцена.

25 марта 1812 г.—9 января 1870 г.

Тридцать лѣтъ со дня смерти Герцена: какъ много для смертныхъ, и какъ мало для безсмертныхъ—точно вчера написаны его послѣднія строки...

Пересмотрите „Раздумье“. Это одна изъ лучшихъ и интереснѣйшихъ русскихъ книгъ, это одинъ изъ знаменательнѣйшихъ дебютовъ русскаго писателя. Молодой авторъ вылился въ ней весь цѣликомъ, со всѣми чертами, которыя затѣмъ въ дальнѣйшемъ развитіи вошли существенными элементами въ законченный обликъ сложившагося писателя. Публицистъ и художникъ, созерцатель и проповѣдникъ, критикъ, и мечтатель, гордый скептикъ и дѣтски-незлобивый человѣколюбецъ уже ясно выдѣлены въ авторѣ этихъ увлекательныхъ разнообразныхъ статей. Не знаешь, чѣмъ наслаждаться болѣе, что ближе и дороже читателю—скорбный ли юморъ „Записокъ молодого человѣка“, боль за попраннаго человѣка въ „Сорокѣ-воровкѣ“, блескъ ли парадоксовъ въ „Капризахъ“ или сила и глубина анализа европейской жизни въ „Письмахъ съ Avenue Marigny“.

„Что за странная и вмѣстѣ съ тѣмъ удивительная книга,—говоритъ ея критикъ,—въ одно время она и новая и старая; она какъ будто написана вчера, потому что отвѣчаетъ на вопросы дня, и въ то же время она говоритъ о двадцатыхъ и сороковыхъ годахъ; она переноситъ васъ и въ средніе вѣка, и заставляетъ заглядывать въ такое далекое будущее, что пугаешься собственной отважности. Вы чувствуете, что авторъ съ вами, что онъ живой человѣкъ вашего времени; но онъ по времени человѣкъ сороковыхъ годовъ. Отчего же вы, человѣкъ шестидесятыхъ годовъ, съ нимъ не расходитесь и не видите его съ собою, но даже дальше себя?

Давно не являлось въ нашей литературѣ ничего подобнаго. Книга эта обнимаетъ даже не эпоху, а больше, она обнимаетъ и нашъ родной Востокъ и далекій для насъ Западъ; она писана, когда крѣпостное право стояло у насъ въ полномъ своемъ всеоружіи, а между тѣмъ въ каждомъ словѣ ея чувствуется Европа, она какъ бы связываетъ русскую мысль съ европейской“ *).

---

*) Шелгуновъ: „По поводу одной книги“.

Тридцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ написаны и эти строки, а въ этой книгѣ, отдѣленной отъ насъ уже болѣе чѣмъ полувѣковымъ разстояніемъ, все также свѣжо и нетлѣнно, все также дышетъ безсмертіемъ. Это не высиженная за письменнымъ столомъ срочная работа цехового труженника—это прихотливая игра по истинѣ свободнаго, глубокаго и проницательнаго мыслителя. И эти качества лишь усиливаются въ дальнѣйшихъ произведеніяхъ.

„Что за умница былъ этотъ человѣкъ",—говоритъ въ одномъ письмѣ Тургеневъ. Именно, умница. Болѣе блестящаго, остроумнаго, тонкаго писателя не было у насъ. Какая сила и гибкость діалектики въ „Письмахъ съ того берега" *), какая мѣткость и правдивость характеристикъ, какая возвышенность лиризма въ „Быломъ и думахъ", какіе ослѣпительные взрывы софизма и какой наболѣвшій сарказмъ въ „Запискахъ д-ра Крупова" и ихъ безпощадно тяжеломъ продолженіи „Афоризмахъ" Тита Левіафанскаго. И какой правдой все это проникнуто, какимъ порываніемъ къ истинѣ, какою все освѣщающей любовью къ свободѣ, какою необузданностью сильной молодости, не знающей въ своей мысли никакихъ оковъ.

И всегда и неизмѣнно — какая живая связь съ дѣйствительностью. „Авторъ не пишетъ ничего догматически; онъ переживаетъ свои сомнѣнія и свои раздумья, и потому, что онъ ихъ переживаетъ, онъ затягиваетъ васъ въ себя, передаетъ вамъ часть своей силы, зажигаетъ васъ—и вы начинаете чувствовать, думать и понимать", замѣчаетъ тотъ же критикъ. И то же свойство отмѣчаетъ другой во всей дѣятельности писателя: „подъ его рѣчами и умствованіями всегда была живая подкладка; теоретическіе вопросы превращались у него въ жизненные вопросы; они его мучили, какъ нравственныя задачи, безъ разрѣшенія которыхъ невозможно спокойно и увѣренно жить и дѣйствовать" (Страховъ, „Борьба съ западомъ").

Герценъ ждетъ біографа. У насъ нѣтъ не только настоящей исторіи его жизни, его развитія, его таланта въ связи съ исторіей его времени—мы не имѣемъ даже хорошаго свода данныхъ для его жизнеописанія. А между тѣмъ едва ли есть дѣятель, съ біографіей котораго такъ естественно и непосредственно соединялась бы исторія его времени — знаменательнѣйшей въ нашей духовной жизни эпохи 30-хъ — 60-хъ годовъ. Вспомнимъ этотъ знаменитый кружокъ друзей его молодости, этихъ „идеалистовъ тридцатыхъ годовъ"—и согласимся съ его некрологистомъ, что

---

*) Ср. любопытное замѣчаніе Достоевскаго въ „Дневникѣ писателя" за 1873 г. о томъ особенномъ достоинствѣ этой книги, что въ ней—она написана въ видѣ діалога—оппонентъ автора „тоже очень уменъ и часто ставитъ его къ стѣнѣ".

„это былъ вѣроятно самый идеалистическій характеръ всего кружка, къ которому онъ принадлежалъ, — идеалистъ не только по свойству идей, лежавшихъ въ основѣ его общественныхъ и нравственныхъ убѣжденій, но и по идеалистическому пониманію дѣйствительности“ („Вѣст. Европы“, 1870, февраль).

Его жизнь занимаетъ центральную часть нашего вѣка и связана съ послѣдующимъ и предыдущимъ. Его дѣтство прошло въ старой барской Москвѣ, среди грибоѣдовскихъ персонажей, носившей еще не сглаженный отпечатокъ прошлаго столѣтія; здѣсь коренились, здѣсь зарождались тѣ настроенія, которымъ суждено было впослѣдствіи войти въ психику совершенно иного склада: въ душу настоящаго европейца, въ лучшемъ смыслѣ слова, въ вѣщую душу человѣка, который всѣмъ своимъ существомъ тянулся къ міру грядущаго. И въ этомъ, между прочимъ, тайна жизненности и свѣжести его произведеній, послѣднее изъ которыхъ написано болѣе четверти вѣка тому назадъ. Въ эти сорокъ лѣтъ его писательской дѣятельности не было крупнаго событія ни въ русской, ни въ западно-европейской жизни, такъ или иначе не отраженнаго на Герценѣ; жизнь его была по истинѣ микрокосмомъ русской жизни—и можно сказать съ увѣренностью: пройдутъ годы, и книга „Герценъ и его время“ будетъ написана. Эта будущая книга дастъ, наконецъ, и широкую характеристику сложной душевной жизни и оцѣнку дѣятельности покойнаго писателя — не спѣшную, боевую и предвзятую критику публициста, а спокойное, вдумчивое и серьезное сужденіе историка. Богъ знаетъ, настало ли время для такой исторической оцѣнки: Герценъ упорно не отходитъ въ область исторіи; онъ живъ болѣе, чѣмъ кто либо изъ его современниковъ — общественныхъ дѣятелей и, кажется, слава его не позади, а впереди. „Перечитывая Герцена,—замѣчаетъ Страховъ, — можно съ величайшимъ изумленіемъ убѣдиться, что множество мыслей, впослѣдствіи вошедшихъ въ оборотъ въ русской литературѣ, были высказаны въ первый разъ имъ“. Этого мало—въ оборотъ вошло далеко не все высказанное Герценомъ, — и можно сомнѣваться, такъ ли желательно людямъ толка покойнаго Страхова, чтобы въ оборотъ и въ самомъ дѣлѣ вошли мысли Герцена. А вотъ— оттѣнить то, въ чемъ онъ расходился съ разными теченіями своего направленія, раздуть это, поставить на первый планъ и и тѣмъ пытаться закрыть настоящаго Герцена—это дѣло другое. И поэтому нужна настоящая, серьезная книга о Герценѣ: изъ его имени можно сдѣлать что угодно—потому что его совсѣмъ не знаютъ. Ни съ чьимъ именемъ не связано болѣе ошибочныхъ представленій, никого не перечитываютъ такъ мало, ни изъ кого не сдѣлано столько жупеловъ, сколько изъ Герцена.

Понемногу, однако, выясняется и въ общемъ сознаніи одна основная ошибка относительно его личности, понемногу распро-

страняется истинный взглядъ, до сихъ поръ усвоенный немногими: по натурѣ Герценъ не былъ ни политикомъ, ни агитаторомъ, ни партійнымъ дѣятелемъ. А между тѣмъ литература—иногда съ чрезмѣрной настойчивостью и преувеличеніями—указывала на это со дня смерти Герцена. Уже въ началѣ семидесятыхъ годовъ взглядъ этотъ былъ высказанъ Страховымъ, затѣмъ подтвержденъ анонимнымъ авторомъ предисловія къ заграничному собранію сочиненій Герцена. И тогда же чуткій И. С. Тургеневъ намѣтилъ первую причину этого. „Что за умница, писалъ онъ, былъ этотъ человѣкъ, и какъ онъ глубоко проникалъ въ суть нашей дребедени! Но *именно отъ этой причины* онъ менѣе всего былъ политическій дѣятель“. Кто *глубоко проникаетъ* въ суть, тотъ не природный дѣятель... А широта Герцена была его господствующей чертой, отмѣтить которую не забывалъ никто изъ писавшихъ о немъ, и которую такъ умѣло формулировалъ покойный Шелгуновъ, называя автора „Раздумья“ — „человѣкомъ безъ ярлыка“, говоря, что нѣтъ на немъ клейма — ни „Москва, 1840 года“, ни „Петербургъ, 1860 г.“. „Такіе люди могутъ по очереди пережить двадцатые, сороковые, шестидесятые и даже сотые годы, лишь бы Богъ далъ вѣку, и не остановятся на какомъ-либо предыдущемъ періодѣ, чтобы сдѣлаться врагами послѣдующаго“. Свои первые опыты онъ не даромъ собралъ подъ именемъ „Раздумья“—чего-то прямо противоположнаго дѣятельности, борьбѣ. Онъ и былъ всегда только „художественной натурой на политической основѣ“.

Разносторонне и блестяще образованный, безконечно добрый, мягкій и женственно нѣжный, склонный къ наслажденіямъ духовнаго эпикуреизма и къ смутнымъ „религіознымъ“ настроеніямъ художественнаго пантеизма (вспомнимъ его близость съ мистикомъ Витбергомъ)—онъ доступенъ былъ инымъ настроеніямъ, менѣе окрашеннымъ общественными запросами. Смѣшно и думать, что послѣдняя сторона была слабо развита въ немъ—такихъ дефектовъ не было въ этомъ органически полномъ, цѣльномъ умѣ и высокомъ характерѣ; но роль умнаго и тонкаго созерцателя, роль вдумчиваго и участливаго наблюдателя, лишь въ важные моменты высказывающаго свое вѣское, рѣшающее слово, была ему болѣе свойственна, чѣмъ роль активнаго политика, дѣятеля, лидера. Какъ въ первыхъ своихъ „Письмахъ изъ Италіи и Франціи“ онъ не задумался смѣлой рукой развѣнчать тотъ строй политической свободы, который казался идеаломъ его кружку изъ прекраснаго далека, такъ и въ концѣ, въ изданныхъ уже по смерти его „Письмахъ къ старому товарищу“, онъ выражалъ свое несочувствіе грядущему „не художественному“ укладу западнаго коммунизма. Свобода личности была центромъ его общественныхъ воззрѣній. Характерно, что нелады его съ русской эмиграціей начались съ требованія съ него денегъ. „Это оскорбляло его“, за-

мѣчаетъ писатель, знавшій его заграничныя отношенія, — *потому—что было требованіе*". Всякое насиліе надъ личностью, всякое нивелляторство было ему одинаково ненавистно, отъ кого бы оно ни исходило—отъ Аракчеева или отъ Мацнини. „Свобода" монтаньяровъ, „порядокъ" законодательнаго собранія, „египетское" устройство работъ соціализма ничѣмъ не отличаются для него отъ любой деспотіи. „Подчиненіе личности обществу, народу, человѣчеству, идеѣ,—продолженіе человѣческихъ жертвоприношеній, закланіе агнца для примиренія Бога, распятіе невиннаго за виновнаго" („Съ того берега", цит. по книгѣ Н. Н. Страхова).

Я приведу одно его воспоминаніе. Онъ разсказываетъ о томъ, какъ въ его присутствіи два близкихъ ему человѣка, итальянскіе эмигранты, спорили разъ о поэзіи Леопарди; Мацнини нападалъ на Леопарди, Саффи защищалъ его. Мацнини, по мнѣнію Герцена, просто не понималъ Леопарди. „Людямъ дѣятельности, агитаторамъ, двигателямъ массъ непонятны эти ядовитыя раздумья, эти сокрушительныя сомнѣнія. Они въ нихъ видятъ одну безплодную жалобу, одно слабое уныніе. Мацнини не могъ сочувствовать Леопарди, это я впередъ зналъ; но онъ напалъ на него съ какимъ то ожесточеніемъ. Мнѣ было очень досадно; разумѣется, онъ на него сердился за то, что онъ ему не годился на пропаганду. Такъ Фридрихъ II могъ сердиться—я не знаю—ну, напримѣръ, зачѣмъ онъ не годился въ драбанты. Это возмутительное стѣсненіе личности, подчиненіе ея категоріямъ, кадрамъ, точно историческое развитіе — барщина, на которую сотскіе гонятъ, не спрашивая воли, слабаго и крѣпкаго, желающаго и не желающаго". Наоборотъ, Саффи „разбиралъ его съ тѣмъ эстетическимъ, художественнымъ чутьемъ, въ которомъ человѣкъ больше обличаетъ извѣстныя стороны своего духа, чѣмъ *думаетъ*". Что можно прибавить къ этимъ строкамъ, гдѣ человѣкъ больше обличаетъ важнѣйшую сторону *своего* духа, чѣмъ чужого? Кто читалъ Герцена, тотъ знаетъ, въ какой степени это характерно для него: о чемъ бы онъ ни писалъ, онъ писалъ о себѣ—и это самое цѣнное и дорогое въ его книгахъ. Идеи старѣютъ и обновляются, возрождаются, пошлѣютъ и умираютъ; предъ ними можно преклоняться, можно умирать за нихъ, можно ихъ ненавидѣть всею силой души. Но невозможно любить ихъ той любовью, которая связываетъ насъ съ живой индивидуальностью, вѣчно новой, всегда дѣятельной, никогда не повторяющейся и согрѣвающей насъ своею кровью.

Не предназначенному судьбой къ организаторской общественной дѣятельности, Герцену пришлось быть политическимъ дѣятелемъ. Пострадало ли отъ этого перемѣщенія центра тяжести его интересовъ его литературное дарованіе? Едва ли. Есть и такіе люди. Созданные для міра иныхъ интересовъ, для мир-

ныхъ и самодовлѣющихъ радостей мысли и творчества, они поневолѣ бросаются въ общественную борьбу, отказываясь отъ себя, отъ своей личности, отъ своего творчества и не переставая терзаться трагическимъ сознаніемъ: „мнѣ борьба мѣшала быть поэтомъ". И надо сказать правду: въ тѣхъ кровавыхъ гекатомбахъ, которыя мы ежечасно и ежеминутно несемъ Молоху исторіи, эти жертвы, быть можетъ, самыя ужасныя. Съ мучительной и безъисходной рѣшимостью мы отдаемъ на черную работу носителей самыхъ драгоцѣнныхъ возможностей, самыхъ рѣдкихъ и высокихъ силъ—силъ не только боевыхъ, но зиждущихъ; мы отрываемъ ихъ отъ того, что безконечно важно и цѣнно не только для насъ, но и для тѣхъ грядущихъ миріадъ, во имя которыхъ мы живемъ. Эти жертвы нужны—и мы ихъ приносимъ. Но Герценъ не изъ ихъ числа. Ему ни отъ чего не пришлось отказываться: умъ боевой, парадоксальный и діалектическій, онъ въ борьбѣ набирался силъ. Мемуары единственные въ своемъ родѣ, „Былое и думы"—только съ виду — книга о прошломъ. Этотъ дѣятельный умъ даже воспоминанія свои писалъ, „волнуясь и спѣша", споря, обличая, нападая — не ради прошлаго, конечно, но во имя живой современности и — еще больше—во имя того будущаго, отъ котораго не отрывалась мысль Герцена.

Положительные результаты дѣятельности Герцена извѣстны. Въ частности, труды по исторіи крестьянской реформы выяснили достаточно роль и вліяніе его въ этомъ подвигѣ русской жизни. Теперь нельзя уже говорить о „неудачномъ, неясномъ и въ сущности вредномъ" въ дѣятельности Герцена, а „ его преступные увлеченія, его измѣна дѣлу русскаго народа, его пагубное вліяніе на молодежь"—пустые, смѣшные и печальные росказни. Преступнаго не было въ этой чистой душѣ, и свободою отъ *такихъ* увлеченій хвастать не приходится. Истинному дѣлу русскаго народа не измѣнилъ тотъ, кто всю жизнь посвятилъ ему, кто былъ великимъ русскимъ писателемъ, кого „вѣра въ Россію спасла на краю нравственной гибели". Герценъ писалъ, конечно, не для малолѣтковъ, а взрослымъ можно многому у него поучиться. Широта воззрѣній соединяется въ немъ съ убѣжденностью, образованіе съ оригинальностью, честность сочетается съ дарованіемъ, ненависть къ гнету съ презрѣніемъ къ разнузданности. Какой онъ мыслитель,—его идеи и сегодня носятся въ воздухѣ; какой онъ труженикъ,—его литературное наслѣдіе такъ богато; какой онъ стилистъ—его проза можетъ стать классической, и ни одинъ его эпитетъ не устарѣлъ.

„Отдѣлить писателя отъ человѣка не всегда легко, а въ настоящемъ случаѣ невозможно". И это былъ прекрасный человѣкъ. Онъ бывалъ невыносимо счастливъ—и счастіе оставляло въ немъ добрые слѣды; онъ страдалъ безмѣрно—и очищался въ этихъ страданіяхъ. Онъ падалъ и воскресалъ. Въ немъ не было

ни мелкихъ недостатковъ, ни маленькихъ достоинствъ: все было въ немъ серьезно, широко и сильно. Онъ прошелъ указанный ему свыше путь бодро и дѣятельно, немного грустно, немного насмѣшливо и оставилъ по себѣ яркій, лучезарный слѣдъ...

Ар. Горнфельдъ.

Памяти Д. В. Григоровича.

22-го декабря прошлаго года скончался Дмитрій Васильевичъ Григоровичъ. Скончался онъ 77-ми лѣтъ, то-есть въ возрастѣ, какого рѣдко достигаютъ русскіе писатели. Но и въ другихъ отношеніяхъ судьба Григоровича была довольно исключительна.

Онъ началъ писать въ 1843—44 году. Послѣ нѣсколькихъ совершенно незначительныхъ разсказовъ, изъ которыхъ „Петербургскіе шарманщики" едва ли не лучшій, онъ въ 1874 году вдругъ поднялся до самой вершины литературы повѣстями изъ народнаго быта „Деревня" и въ особенности „Антонъ Горемыка". О впечатлѣніи, произведенномъ этими повѣстями на современниковъ, можно судить по слѣдующимъ словамъ Салтыкова: „Я помню „Деревню", помню „Антона Горемыку", помню такъ живо, какъ будто все это совершилось вчера. Это былъ первый благотворный весенній дождь, первыя хорошія, человѣчныя слезы, и съ легкой руки Григоровича мысль о томъ, что существуетъ мужикъ-человѣкъ, прочно залегла и въ русской литературѣ, и въ русскомъ обществѣ". Бѣлинскій очень одобрилъ „Деревню", хотя и отмѣтилъ въ ней нѣкоторые недостатки, а отъ „Антона Горемыки" пришелъ въ полный восторгъ. Свое мнѣніе онъ заключилъ такими словами: „Желаемъ отъ всей души, чтобы г. Григоровичъ продолжалъ идти по этой дорогѣ, на которой отъ его таланта можно ожидать такъ многаго". И, какъ бы слѣдуя завѣту великаго критика, Григоровичъ написалъ еще нѣсколько разсказовъ и два романа изъ народнаго быта, но все это не могло идти ни въ какое сравненіе съ „Антономъ Горемыкой" и едва обращало на себя вниманіе критики. Далеко не первоклассный талантъ обнаружилъ Григоровичъ и въ рядѣ юмористическихъ разсказовъ, и въ романѣ изъ помѣщичьяго быта „Проселочныя дороги". Но „Антонъ Горемыка" ярко горѣлъ въ памяти читателей, и отъ Григоровича ждали произведенія такой же или еще большей силы и значенія. Къ удивленію, Григоровичъ совсѣмъ замолчалъ. Всѣ бурные 60-е и 70-е годы, когда его сверстники—Салтыковъ, Достоевскій, Толстой, Тургеневъ, Островскій,

Писемскій—все развертывали сво и силы и давали значительнѣйшія произведенія, Григоровичъ не писалъ ничего (по крайней мѣрѣ, не печаталъ). Все это время онъ посвятилъ дѣятельности въ обществѣ поощренія художествъ, которому усердно служилъ и до конца дней своихъ; и не даромъ кто-то предлагалъ назвать музей общества музеемъ Григоровича. Но въ послѣднее время онъ, не оставляя сложной и хлопотливой работы по обществу поощренія художествъ, вновь появился въ литературѣ съ „Сномъ Карелина", „Акробатами благотворительности", „Гуттаперчевымъ мальчикомъ", „Пикникомъ". Это были произведенія писателя, хорошо знающаго изображаемый имъ бытъ, талантливаго, опытнаго, гораздо болѣе искуснаго, чѣмъ въ своихъ первыхъ произведеніяхъ, но несравненно менѣе значительнаго, чѣмъ въ „Антонѣ Горемыкѣ". А объ Антонахъ Григоровичъ точно и думать забылъ.

Какъ это случилось? Почему авторъ „Антона Горемыки" совсѣмъ ушелъ изъ литературы, когда Антоны стали особенно занимать ее и когда мысль объ освобожденіи Антоновъ, а потомъ и фактъ освобожденія, и все огромное, что связывалось съ этимъ фактомъ, вызвали небывалое оживленіе въ русскомъ обществѣ? И почему, вернувшись къ литературѣ подъ конецъ своей жизни, Григоровичъ уже не оглядывался на „мужика-человѣка", котораго онъ такъ горячо воспѣлъ когда-то и который когда-то такъ прославилъ его? И почему вообще „Антонъ Горемыка" на всю жизнь Григоровича остался высшимъ пунктомъ его творчества, хотя внѣшнимъ образомъ, съ точки зрѣнія техники писанія, онъ и совершенствовался?

Вопросы интересные.

Литература похоронила въ Григоровичѣ не надежду, каковую она питаетъ, напримѣръ, по отношенію къ Льву Толстому, вѣчно такъ или иначе движущемуся, несмотря на его семьдесятъ слишкомъ лѣтъ, а заслугу, притомъ очень давнюю. Чтобы оцѣнить эту заслугу въ мѣру ея дѣйствительнаго достоинства, надо обратиться за полстолѣтія слишкомъ назадъ, когда, по словамъ Бѣлинскаго, „маститые питомцы старой піитики" сѣтовали такъ:

„Бывало, поэзія поучала, забавляя, заставляла читателя забывать о тягостяхъ и страданіяхъ жизни, представляла ему только картины пріятныя и смѣющіяся. Прежніе поэты представляли и картины бѣдности, но бѣдности опрятной, умытой, выражающейся скромно и благородно; притомъ же къ концу повѣсти всегда являлась чувствительная молодая дама или дѣвица, дочь богатыхъ и благородныхъ родителей, а не то благодѣтельный молодой человѣкъ, — и во имя милаго или милой сердцу водворяли довольство и счастье тамъ, гдѣ была бѣдность и нищета, и благородныя слезы орошали благодѣтельную руку, — и читатель невольно подносилъ свой батистовый платокъ къ гла-

замъ и чувствовалъ, что онъ становится добрѣе и чувствительнѣе... А теперь! посмотрите, что теперь пишутъ! Мужики въ лаптяхъ и сермягахъ, часто отъ нихъ несетъ сивухой, баба — родъ центавра,—по одеждѣ не вдругъ и узнаешь, какого это пола существо; углы—убѣжища нищеты, отчаянія и разврата, до которыхъ надо доходить по двору, грязному по колѣни; какой-нибудь пьянюшка, подъячій или учитель изъ семинаристовъ, выгнанный изъ службы,—все это списывается съ натуры, въ наготѣ страшной истины, такъ что если прочтешь — жди ночью тяжелыхъ сновъ"...

Не разъ и позже, гораздо позже мы слышали эти сѣтованія, но тогда это было уже совершенно безсмысленная воркотня, почти не стоившая противоборства: „нагота страшной истины" завоевала себѣ мѣсто въ литературѣ прочно и окончательно; мужикъ въ лаптяхъ и армякѣ, подъячій, учитель изъ семинаристовъ и многіе другіе мелкіе люди заняли въ самой жизни слишкомъ замѣтное мѣсто, чтобы не отражаться и въ литературѣ. Не то было въ 40-хъ годахъ. Горсть писателей, изображавшихъ тогда жизнь разной мелкой сошки, и въ особенности мужика, „въ наготѣ страшной истины", совершала положительно подвигъ, все значеніе котораго намъ теперь даже трудно себѣ представить. И Григоровичъ занималъ среди этой горсти совершенно особенное мѣсто. Обыкновенно его „Антона Горемыку" и „Деревню" ставятъ рядомъ съ „Записками Охотника" Тургенева, видя въ тѣхъ и другихъ первые художественные протесты противъ крѣпостного права. Это, конечно, неосновательно. Въ художественномъ отношеніи „Записки охотника" настолько же выше „Антона Горемыки", насколько слабѣе, блѣднѣе его въ смыслѣ „наготы страшной истины". Въ особенности это слѣдуетъ сказать о первыхъ очеркахъ „Записокъ охотника",этихъ тонкихъ, изящныхъ, акварельныхъ рисункахъ, въ которыхъ „истина" или вовсе не страшна, а только красива, или не имѣетъ никакого отношенія къ безправому положенію мужика. Григоровичъ, напротивъ, грубо и рѣзко ударилъ своимъ „Антономъ Горемыкой" по больному мѣсту.

Грубость и рѣзкость вообще составляли особенность таланта Григоровича. Художникъ въ душѣ, человѣкъ искренно и глубоко, всѣмъ своимъ существомъ преданный искусству, онъ не обладалъ первымъ условіемъ, необходимымъ для крупнаго художника на дѣлѣ,—чувствомъ мѣры. Его юморъ, какъ и его сантиментализмъ, обыкновенно пересолены и впадаютъ въ шаржъ. Таковъ онъ былъ въ литературѣ, таковъ былъ и въ жизни, въ разговорахъ, на которые былъ великій мастеръ и охотникъ. Я мало зналъ покойника, но одно время встрѣчался съ нимъ у Некрасова и потомъ въ литературномъ фондѣ, членами комитета котораго намъ довелось быть въ теченіе трехъ лѣтъ вмѣстѣ. Я

изумлялся необузданности, безмѣрности воображенія Григоровича. Иногда это было забавно, а иногда, скажу прямо, непріятно...

Разъ зашла рѣчь о воспоминаніяхъ, запишу слѣдующій эпизодъ. Однажды Некрасовъ пригласилъ меня, въ числѣ прочихъ сотрудниковъ „Отечественныхъ Записокъ“, послушать новое произведеніе Григоровича въ чтеніи самого автора. Это былъ отрывокъ изъ романа „Петербургъ прошлаго времени“. Если не ошибаюсь, этотъ самый отрывокъ былъ гораздо позже, въ 1887 году, напечатанъ въ „Русской Мысли“ подъ заглавіемъ: „Сонъ Карелина“. Говорю, „если не ошибаюсь“, потому что плохо помню содержаніе отрывка. Помню только общее впечатлѣніе чего-то растянутаго, туманнаго, какого-то красиво написаннаго пустого мѣста въ цѣломъ, съ узорами внѣшней наблюдательности и остроумія въ отдѣльныхъ мѣстахъ. Это же самое я нашелъ въ 1887 г. въ отрывкѣ „Сонъ Карелина“, но не вполнѣ увѣренъ, что именно его читалъ тогда Григоровичъ у Некрасова. Чтеніе было обставлено съ нѣкоторой помпой. Кромѣ насъ, сотрудниковъ „Отечественныхъ Записокъ“, было нѣсколько постороннихъ приглашенныхъ, въ томъ числѣ Гончаровъ, который вошелъ, когда чтеніе уже началось, присѣлъ на стулъ у самой двери и, тотчасъ по окончаніи чтенія, ушелъ, не выразивъ своего мнѣнія. Некрасовъ со свойственною ему дипломатичностью очень хвалилъ отрывокъ, совѣтовалъ кончать романъ, но напечатать отрывокъ не предлагалъ. Мнѣ-же, не смотря на мою тогдашнюю молодость (дѣло было въ началѣ 70-хъ годовъ), ясно было, что и Григоровичъ, и Некрасовъ, вульгарно выражаясь, ломаютъ комедію: Григоровичъ не просто для того читаетъ, чтобы подѣлиться съ слушателями своимъ произведеніемъ, а чтобы Некрасовъ взялъ его въ „Отечественныя Записки“, а Некрасовъ хвалитъ потому, что это отрывокъ и отъ напечатанія его можно уклониться, въ случаѣ надобности, подъ этимъ предлогомъ. Григоровичъ, конечно, понималъ это, но не показалъ и тѣни неудовольствія и, когда сѣли ужинать, сталъ душой общества, въ особенности же послѣ ужина, когда жена Некрасова ушла въ свои комнаты... Онъ сыпалъ остротами, анекдотами, разсказами и временами нельзя было не хохотать, слушая его чрезмѣрности. Но временами онъ впадалъ въ сантиментализмъ и говорилъ съ дрожью въ голосѣ, и всетаки ясно было, что это чрезмѣрность, что поводъ для этой дрожи слишкомъ мелокъ и ничтоженъ.

Пересоленности юмора и сантиментализма Григоровича способствовалъ и другой его недостатокъ: отмѣченное еще Бѣлинскимъ, по поводу героини „Деревни“, его неумѣніе проникать во „внутренній міръ“ своихъ созданій. Его необузданное воображеніе заваливало фигуры его дѣйствующихъ лицъ массой внѣшнихъ мелочей, и эти внѣшнія черты, какъ комическія, такъ и траги-

ческія, такъ поглощали его вниманіе, что сквозь нихъ ему трудно бы было добраться до „внутренняго міра“. Поэтому ни одного сколько-нибудь крупнаго, яркаго типа Григоровичъ, не смотря на свою плодовитость въ былое время, не создалъ. Не типъ и Антонъ Горемыка. Типиченъ не онъ самъ, типична его судьба, безмѣрность несчастій, обрушивающихся одно за другимъ на этого психологически слишкомъ элементарнаго человѣка, чтобы онъ могъ быть типомъ. Бѣлинскій былъ совершенно правъ, говоря, что Антонъ—„лицо трагическое въ полномъ значеніи этого слова“, но эта трагичность вся относится къ внѣшнимъ событіямъ жизни Антона. И именно потому, что Антонъ такъ элементаренъ, а несчастія его такъ естественно безмѣрны,—онъ пришелся какъ разъ по плечу Григоровичу, и „Антонъ Горемыка“ навсегда остался лучшимъ произведеніемъ Григоровича, даже независимо отъ того, что онъ „наготою страшной истины“ „ударилъ по сердцамъ съ невѣдомою силой“.

„Антонъ Горемыка“ былъ счастливой случайностью, какъ для русской литературы, такъ и для самого автора, который, благодаря этой повѣсти, съ разу занялъ мѣсто въ переднемъ углу литературы, рядомъ съ людьми гораздо болѣе яркаго таланта и значенія. Но случайностью былъ и весь циклъ разсказовъ и романовъ Григоровича изъ народнаго быта.

Какъ уже сказано, Григоровичъ былъ художникъ въ душѣ. Въ ранней молодости онъ пробовалъ себя въ живописи — и неудачно. Тогда онъ обратился къ литературѣ. Кругомъ шли горячіе философскіе и соціально-политическіе дебаты, складывался и погибалъ кружокъ петрашевцевъ, среди котораго были близкіе Григоровичу люди. Но его не тянуло въ эти стороны, его занимали искусство и—веселая жизнь. Онъ писалъ мелкіе разсказы и веселился. Въ своихъ „Литературныхъ воспоминаніяхъ“ онъ съ чрезвычайною искренностью и простотой разсказываетъ, какъ онъ очнулся подъ вліяніемъ братьевъ Бекетовыхъ и ихъ кружка. Онъ пишетъ:

„Кружку Бекетовыхъ я многимъ обязанъ. До того времени, какъ я сдѣлался постояннымъ его членомъ, мои мыслительныя способности облекались точно туманомъ. Бесѣды съ Достоевскимъ никогда не переходили предѣловъ литературы; весь интересъ жизни сосредоточивался на ней одной. Читалъ я, правда, много, но читалъ безъ всякаго разбора, все, что поподало подъ руку, читалъ исключительно романы, повѣсти, жизнеописанія художниковъ. Я ни надъ чѣмъ не задумывался сколько нибудь серьезно; общественные вопросы меня нисколько не интересовали. Впечатлительный и страстный, я очертя голову бросался въ жизнь, отдаваясь минутному увлеченію. Многое, о чемъ не приходило мнѣ въ голову, стало теперь занимать меня; живое слово, отрезвляющее умъ отъ легкомыслія, я впервые услышалъ

только здѣсь, въ кружкѣ Бекетовыхъ. Успѣхъ моего умственнаго развитія выразился уже тѣмъ, что моему самолюбію было больно за мою отсталость противъ многихъ изъ бывшихъ товарищей; литературными моими попытками и тѣмъ, что онѣ печатались, не чѣмъ было гордиться; я вполнѣ уже сознавалъ ихъ незначительность и незрѣлость. Послѣднюю мою повѣсть „Сосѣдка“, написанную въ промежутокъ этого времени, я почти стыдился признать за свою. Я чувствовалъ, что дальше такъ идти нельзя, что каждый, пожалуй, опередитъ меня, и я останусь затеряннымъ. Внутренній голосъ подсказывалъ мнѣ, что во мнѣ что то есть, что я могу что то сдѣлать, могу пойти впередъ, но для этого нужны другія условія, нужно, прежде всего, разстаться съ праздною жизнью и оставить Петербургъ“.

Григоровичъ такъ и сдѣлалъ: весной 1846 г. уѣхалъ въ родную деревню. Далѣе читаемъ: „Я сознавалъ, что пришелъ конецъ моимъ мытарствамъ, что пора одуматься, пора придти въ себя, приняться за настоящую работу и доказать, что мои порывы къ литературѣ не были мимоходными капризами, но признакомъ врожденнаго призванія. Тишина, меня окружавшая, производила не меня обаятельное дѣйствіе; я къ ней прислушивался, какъ къ сладчайшей музыкѣ. Благословенная эта тишина нѣжила меня, но не давала, однако, подходящей темы для выдающейся повѣсти, которую во что бы то ни стало я хотѣлъ сочинить. Напрасно бродилъ я по цѣлымъ днямъ въ поляхъ и лѣсахъ, любовался картинами природы, напрасно цѣлыми ночами напрягалъ воображеніе, пріискивая интересный сюжетъ,—сюжетъ не вырисовывался, и если приходилъ, то непремѣнно напоминалъ „Хуторокъ“ Кольцова или страданія маленькаго „Оливера Твиста“ — двухъ любимыхъ моихъ авторовъ въ то время, сочиненія которыхъ я привезъ съ собой. Какъ всегда почти бываетъ въ человѣческой жизни, случай, — этотъ хозяинъ, надъ которымъ нѣтъ власти, выручилъ меня. Къ матушкѣ привезли больную молодую бабу. За обѣдомъ матушка разсказала ея исторію“...

Исторія эта и составила сюжетъ „Деревни“. Полуфранцузъ, совершенно незнакомый съ простонароднымъ русскимъ языкомъ и даже съ литературнымъ языкомъ справлявшійся, по собственному признанію, плохо, Григоровичъ написалъ эту повѣсть съ большимъ трудомъ. Въ слѣдующее лѣто, опять уѣхавъ въ деревню, онъ написалъ уже „Антона Горемыку“.

Читатель видитъ, что деревенскія темы подвернулись Григоровичу дѣйствительно совершенно случайно. Не за ними онъ поѣхалъ въ деревню, не ихъ искалъ тамъ, не ими интересовался, и если бы не разсказъ матери за обѣдомъ, онъ можетъ быть и все это лѣто только бы „любовался красотами природы“, да цѣлыми ночами „пріискивалъ интересный сюжетъ“ на тему въ родѣ „Хуторка“ и „Оливера Твиста“. Имъ двигало только со-

знаніе присутствія въ немъ дарованія и боязнь, что „каждый, пожалуй, опередитъ его, и онъ останется затеряннымъ". На чемъ выдвинуться,—ему было безразлично; онъ былъ пустой сосудъ, подставленный теченію обстоятельствъ: авось въ деревенской тиши, вдали отъ петербургской суеты, что нибудь зальется въ этотъ сосудъ и вызоветъ творческое броженіе... А написавъ „Антона Горемыку", онъ сталъ уже въ нѣкоторомъ родѣ спеціалистомъ по народному быту, хотя ни разу уже не поднимался до той силы, какая въ „Антонѣ Горемыкѣ" сказалась; ни разу больше не удалось ему найти такое счастливое приложеніе не только положительнымъ, а и отрицательнымъ свойствамъ своего таланта.

Въ другой сферѣ, въ сферѣ чиновничьей, помѣщичьей, свѣтской, жаждущей попасть въ свѣтъ и т. п. Григоровичъ тоже никода не поднимался до высоты, въ своемъ родѣ хотя бы приблизительно равной высотѣ „Антона Горемыки". Это все шаржи, имѣющіе цѣлью смѣшить и почти не вызывающіе улыбки, нагроможденія внѣшнихъ событій, въ которыхъ совсѣмъ не видишь человѣка. Позднѣйшія произведенія этого рода, появившіяся, послѣ слишкомъ двадцатилѣтняго промежутка, въ 80-хъ годахъ,—„Акробаты благотворительности", „Пикникъ" и проч.,—гораздо выше въ смыслѣ техники, но не представляютъ всетаки большого интереса.

Въ 60-хъ годахъ Григоровичъ замолчалъ. Онъ былъ слишкомъ уменъ, чтобы не понимать, что его пѣсенка спѣта, что ему нечего дѣлать въ шумную эпоху нашего „возрожденія".

Онъ отдался другимъ видамъ искусства не какъ художникъ на дѣлѣ, а какъ художникъ въ душѣ,—въ качествѣ организатора художественнаго предпріятія, знатока, коллекціонера. Не берусь судить о его дѣятельности въ этой области, но ушелъ онъ изъ литературы безъ злобы, безъ печали и гнѣва, а это хоть и отрицательная, но немаловажная заслуга, особенно если припомнить положеніе, занятое кое кѣмъ изъ его сверстниковъ въ 60-хъ и 70-хъ годахъ. Ушелъ съ такъ и приставшимъ къ нему высокимъ титуломъ автора „Антона Горемыки". Конечно, это былъ высокій титулъ, какъ бы случайно ни было происхожденіе знаменитой повѣсти...

Ник. Михайловскій.

Политика.

О вѣкѣ и годѣ минувшемъ.

I.

Когда кончились споры о Дрейфусѣ, люди культурнаго міра заспорили о вѣкѣ, когда онъ кончается и когда онъ начинается. Страстность этого въ сущности академическаго спора лишній разъ обнаруживаетъ, до чего изнервилось современное человѣчество, переносящее эту свою нервную неуравновѣшенность изъ одного вѣка въ другой и обѣщающее надолго превратить XX вѣкъ въ печальное повтореніе по истинѣ пресловутаго fin du siècle'a. Что такое этотъ „fin du siècle“? Если мы на это отвѣтимъ названіемъ извѣстнаго романа Эмиля Зола „La Débacle“, то едва-ли мы будемъ въ нашемъ отвѣтѣ далеки отъ истины. „La Débacle“ употреблено романистомъ въ переносномъ значеніи, въ смыслѣ *крушенія*. Это, какъ мы сказали, недалеко отъ истины, но нѣсколько сильно (или нѣсколько преждевременно). Характеръ явленія, однако, схваченъ удачно. Во Франціи этотъ „распадъ“ общественныхъ тканей начался раньше, въ другихъ странахъ—позже, но въ той или иной формѣ онъ сказался повсюду, на всемъ протяженіи культурнаго міра: Для Австріи онъ дошелъ до полнаго хаоса, для Испаніи—до военнаго разгрома, для Италіи — до тяжелыхъ внутреннихъ смутъ и финансоваго кризиса; для Англіи—разсчетъ наступаетъ на самомъ порогѣ новаго вѣка; для Германіи—минута разсчета приближается, предосуществляясь въ немалочисленныхъ продромахъ глубокаго историческаго кризиса. Не напоминаемъ слишкомъ извѣстныхъ событій на несчастномъ Балканскомъ полуостровѣ. Напомнимъ еще о нашихъ хроническихъ недородахъ. Рядомъ съ этими диссолюціонными процессами, проявлялись, конечно, и возстановительные, выработывавшіе новыя общественныя ткани на мѣсто тѣхъ, кои стали жертвою процесса разложенія, но несомнѣнно „распадъ тканей“ былъ самымъ характеристичнымъ и выдающимся явленіемъ fin du siècle'a; la débacle — его лучшее опредѣленіе, его доминирующее содержаніе. Годъ отсрочки, которой добиваются нѣкоторые, ничего въ этомъ отношеніи не измѣнитъ и XX вѣкъ вступаетъ въ свои права, 1 января 1900 или 1 января 1901 г.—все еще въ тотъ періодъ, когда процессы „распада“ преобладаютъ надъ процессами „сочетанія и согласованія“, надъ процессами развитія.

Однако, всетаки, когда же XX вѣкъ вступаетъ въ свои права, 1 января 1900 или 1 января 1901 года? Въ Россіи этотъ вопросъ кажется очень простымъ, потому что въ названіи года мы замѣнили *количественныя* числительныя (l'an mille huits cents soixante deux) *порядковыми* (годъ тысяча восемь сотъ шестьдесятъ *второй*), но эта подстановка, сдѣланная для удобства рѣчи нашими предками XVIII вѣка (раньше считали отъ сотворенія міра и новый годъ встрѣчали 1 сентября), конечно, не аргументъ. Но съ другой стороны и употребленіе количественныхъ числительныхъ для обозначенія года само по себѣ доказываетъ не очень много. На этомъ употребленіи, если не ошибаюсь, опирался Араго, когда въ 1800 году встрѣчалъ новый тогда XIX вѣкъ, оспаривая противоположное мнѣніе Гаусса, желавшаго отсрочки на годъ, до 1 января 1801 года. Гауссъ говорилъ: „Предположимъ, что я долженъ 1800 франковъ и наступилъ срокъ уплаты, причемъ для удобства я раскладываю уплачиваемую сумму по 18 пакетамъ; есть-ли это основаніе, чтобы въ восемнадцатомъ пакетѣ я положилъ вмѣсто 100 только 99 франковъ?“ На это красивое возраженіе ему отвѣчали, что во всѣхъ 18 пакетахъ положено по сто,— потому что „l'an 1“ есть не тотъ годъ, когда родился Христосъ, а слѣдующій за нимъ *). Едва-ли возможно въ настоящее время съ полною достовѣрностью рѣшить, первый годъ нашей эры есть ли годъ рожденія Христа или слѣдующій за нимъ? Когда протекали первые года нашей эры, оффиціальный счетъ велся отъ основанія Рима, религіозный же счетъ у евреевъ и христіанъ— отъ сотворенія міра; эра же отъ Р. Х. установлена значительно позже. Однако, если бы даже это разногласіе разрѣшилось въ томъ смыслѣ, что первый годъ нашей эры включаетъ въ себя годъ рожденія Іисуса Христа, то и въ такомъ случаѣ Араго имѣлъ, что возразить на красивое сопоставленіе Гаусса. „Примѣръ вашъ, могъ онъ сказать, не соотвѣтствуетъ дѣйствительности; не мы уплачиваемъ 1,800 франковъ, до насъ уже уплачено 1,700 франковъ, мы должны уплатить только 100. Мы не знаемъ, когда наши предки (или даже только предшественники) уплатили 99, но отсюда не слѣдуетъ, чтобы мы были обязаны вмѣсто 100 платить 101“. А если и есть тутъ ошибка (что не доказано), то она въ самомъ дѣлѣ была древняя, потому что 900 лѣтъ тому назадъ трепещушія поколѣнія конца X вѣка ожидали свѣтопреставленія по истеченіи перваго тысячелѣтія нашей эры и готовились къ этому грозному дню не 1 января 1001, но 1 января 1000 года. Ошибка эта (если только ошибка) не только очень древняя, но и очень распространенная, потому что интересно

*) Въ такомъ случаѣ, когда мы пишемъ 1850 годъ, это значитъ, что идетъ тысяча восемсотъ пятьдесятъ первый (а не пятидесятый, какъ у насъ, русскихъ, принято говорить).

было бы найти такое историческое сочиненіе (кромѣ изданныхъ спеціально къ встрѣчѣ вѣка), гдѣ событія, напр., 1300 или 1600 годовъ относились бы къ XIII и XVI, а не къ XIV и XVII в. Гг. ходатайствующіе объ отсрочкѣ, не должны ли ходатайствовать объ исправленіи всѣхъ историческихъ сочиненій?

Впрочемъ, оставимъ астрономамъ доказывать, а культурнымъ людямъ спорить и пререкаться... Кто хочетъ погрѣться около еще горячаго пепла угасшаго вѣка, предоставимъ ему это грустное погребеніе невозвратнаго времени. Предоставимъ другимъ спѣшить на встрѣчу восходящему свѣтилу и вступить въ сферу, озаряемую и согрѣваемую первыми-ли его лучами, свѣтомъ-ли его предтечи, юной зари вѣка. Я предпочитаю быть со вторыми, которыхъ отъ всего сердца поздравляю съ новымъ вѣкомъ, но охотно шлю свои поздравленія только съ новымъ годомъ и тѣмъ, которые все еще не могутъ разстаться съ дорогимъ покойникомъ, все еще очарованные этимъ гигантомъ-чародѣемъ, такъ глубоко потрясшимъ и взбудоражившимъ міръ и такъ много завѣщавшимъ и славнаго и постыднаго, и благодатнаго и опаснаго новому XX вѣку!

II.

Весь въ крови умеръ сто лѣтъ тому назадъ XVIII в. Весь въ крови родился XIX в., подъ грохотъ орудій, среди стоновъ многолѣтней (1792—1815) ожесточенной борьбы.

Zwo gewalt'ge Nationen ringen
Um der Welt alleinigen Besitz,
Aller Länder Freiheit zu verschlingen,
Schwingen sie den Dreizack und den Blitz.

Такими строфами 1 января 1800 года встрѣчалъ новый вѣкъ Шиллеръ („Der Antritt des neuen Jahrhunderts"). Эти два народа, на порогѣ XIX вѣка оспаривавшіе другъ у друга міровое господство, были французы и англичане:

Gold mussihnen jede Landschaft wägen
Und wie Brennus in der rohen Zeit
Legt der Franke seinen ehrnen Degen
In die Wage der Gerechtigkeit.
Seine Handelsflotten streckt der Brite
Gierig wie Polypenarme aus
Und das Reich der freien Amphitrite
Wiel er schliessen, wie sein eignes Haus.

Эта поэтическая характеристика момента вступленія новаго XIX вѣка является вмѣстѣ съ тѣмъ прекрасною историческою характеристикою. Въ самомъ дѣлѣ, за господство надъ міромъ

спорили *новыя политическія начала*, провозглашенныя французами, и *новый экономическій строй*, уже достигшій въ Англіи (и тогда только въ одной Англіи) значенія важнаго фактора (вскорѣ затѣмъ *рѣшающаго* фактора) исторіи. Англія уже становилась капиталистическою націей и если капитализмъ самъ по себѣ отнюдь не находится въ противорѣчіи ни съ демократизмомъ, провозглашеннымъ французскою революціей, ни съ милитаризмомъ, который создавало тогда наполеоновское консульство, то съ другой стороны преобладаніе политическихъ интересовъ надъ экономическими, завѣщанное всѣмъ историческимъ прошлымъ Европы и еще болѣе того выдвинутое на первый планъ революціонными и наполеоновскими войнами, это преобладаніе было безусловно несовмѣстимо съ новымъ экономическимъ строемъ. Капитализмъ можетъ терпѣть демократію, какъ *безразличную* среду для своего развитія (безразличную, когда экономически дезорганизованную); онъ можетъ покровительствовать и милитаризму, когда тотъ ему служитъ, но чтобы Франкъ,

...какъ Бреннъ въ былые годы
На вѣсы свободы
Мечъ свой положилъ

и что-бы *булатъ*, а не *злато*, рѣшалъ историческія судьбы народовъ, этого капитализмъ допустить не можетъ. Это было-бы его самоубійствомъ. И потому-то и тогда уже онъ

...владѣнья вольной Амфитриты
Запереть стремился, какъ свой домъ!

Чувствуя себя безсильнымъ на сушѣ, новый экономическій строй протянулъ руку старому политическому строю и въ союзѣ съ нимъ въ двадцатилѣтней безпримѣрной въ исторіи по ожесточенію и настойчивости борьбѣ одолѣлъ таки новыя политическія начала, одолѣлъ вдвойнѣ, сначала заставивъ демократію выродиться въ цезаризмъ и милитаризмъ, а затѣмъ раздавивъ это новое, уже несомнѣнно опасное и вредное явленіе.

Первыя пятнадцать лѣтъ XIX в. и наполнены этою кровавою борьбою. Современники видѣли Наполеона, Александра, Меттерниха, Штейна, Веллингтона, французскихъ революціонеровъ и легитимистовъ, нѣмецкихъ націоналистовъ, династическіе споры, великія программы, отвлеченные принципы... Они видѣли возвышающіеся и падающіе троны, возникающія и разсыпающіяся государства, возвеличенныя и раздавленныя націи, видѣли правду и неправду борьбы, величіе и стыдъ, славу и позоръ, всю гамму человѣческихъ страстей, достигшихъ высшей степени напряженія. И за всѣмъ этимъ блескомъ, и за всѣмъ этимъ ужасомъ, за всѣмъ этимъ торжествомъ и за всѣмъ этимъ горемъ они не видѣли тайнаго смысла исторической эволюціи. Тò были муки ма-

тери Европы при рожденіи капитализма, новаго историческаго младенца, имѣвшаго наполнить своей стихійной силой наступавшій тогда XIX вѣкъ, наполнить его собою и привести его къ тому „распаду общественныхъ тканей“, о которомъ мы говорили выше. Теперь намъ это ясно. На далекомъ отъ насъ фонѣ первыхъ годовъ XIX вѣка многое успѣло поблѣднѣть, что такъ ярко горѣло и блестѣло передъ современниками. И эфемерный блескъ Наполеонидовъ (во всемъ безславіи его намъ показалъ 1870 годъ), и естественное право Жана-Жака Руссо и якобинцевъ, и права историческія Маттерниха, и мечтательный національизмъ Фихте и Арндта, и священный союзъ Александра, и даже все хитросплетеніе мудрецовъ вѣнскаго конгресса... Что изъ всего этого до насъ дожило? Чего еще мы можемъ опасаться и на что уповать изъ этихъ тогда могучихъ и дѣятельныхъ силъ? Очевидно, не здѣсь наши упованія и наши опасенія, не здѣсь наши друзья и наши враги... Между тѣмъ, какъ та сила, которая столѣтіе тому назадъ „владѣнья вольной Амфитриты запереть стремилась, какъ свой домъ“, эта экономическая сила, поработившая своему руководству весь вѣкъ, и нынѣ есть главная сила, съ которою приходится считаться человѣчеству въ его стремленіи къ счастью и къ правдѣ.

До XIX вѣка Европа жила въ натуральномъ хозяйственномъ строѣ. Чтобы обогащаться, надо было тогда властвовать, потому что обогащеніе производилось совершенно откровенно при помощи насилія. Такъ испанцы обогащались въ XV—XVI вв. прямымъ грабежемъ инковъ и ацтековъ; такъ въ XVI—XVII вв. голландцы обогащались, превративъ колоніальную торговлю въ свою монополію и ограждая эту монополію силою оружія; такъ англичане и французы послѣдовали за голландцами въ XVII и XVIII вв. Націи вели между собою кровопролитныя войны за эти монополіи, и обогащеніе являлось лишь послѣдствіемъ политическаго успѣха. Преобладаніе политическаго фактора было рѣшительнымъ и политическіе интересы доминировали въ исторіи; экономическіе были въ значительной степени лишь производными отъ политическихъ. Рабовладѣніе, крѣпостное право, сословныя привилегіи, муниципальныя хартіи, промышленныя и торговыя монополіи—все это были прежде политическими учрежденіями, а затѣмъ уже экономическими явленіями, существовавшими и дѣйствовавшими подъ покровомъ ихъ политическаго бытія. Естественно, если политика преобладала надъ экономіей, и не удивительно, что именно съ такими воззрѣніями на соотношеніе историческихъ силъ человѣчество вступило и въ XIX в. „Надо быть сильнымъ, чтобы быть богатымъ“, думали тогда народы. „Надо быть богатымъ, чтобы быть сильнымъ“, думаютъ поколѣнія, вступающія въ XX в. Исторія XIX в. есть

прежде всего исторія именно этого переворота въ соотношеніи историческихъ силъ.

Процессъ этого преобразованія теперь достаточно изученъ и объ его ходѣ не можетъ быть споровъ (въ томъ случаѣ, конечно, когда онъ предоставленъ самому себѣ). Первымъ предвѣстникомъ процесса является превращеніе ремесленника въ кустаря; параллельно съ этимъ скопляются денежныя богатства въ рукахъ торговцевъ, какъ послѣдствіе монопольной торговли. Капиталы ищутъ примѣненія, и кредитныя операціи являются, рядомъ съ торговлею, и очень выгодною, и знакомою затратой капитала. Развитіе роскоши въ высшихъ классахъ, обогащаемыхъ рабовладѣніемъ и привиллегіями, открываетъ широкое примѣненіе для крупныхъ кредитныхъ операцій, тогда какъ превращеніе ремесленника въ кустаря, работающаго на рынокъ (а не по заказу) и зависимаго отъ неизбѣжнаго колебанія этого рынка, вызываетъ потребность въ кредитѣ и здѣсь и открываетъ еще болѣе широкое примѣненіе для мелкихъ, но безчисленныхъ кредитныхъ операцій. Это развитіе кредитныхъ операцій знаменуетъ собою тотъ подготовительный фазисъ процесса, который называется *капитализаціей доходовъ*. Это еще не капитализмъ, потому что это вовсе не новый экономическій строй; это только руина стараго строя, обездоленіе большинства и сосредоточеніе капиталовъ въ рукахъ меньшинства. Эта хозяйственная несостоятельность болѣе или менѣе значительнаго числа мелкихъ самостоятельныхъ производителей, лишая ихъ возможности продолжать самостоятельное производство, принуждаетъ ихъ искать наемнаго труда, а сопровождающее ее скопленіе капиталовъ, которымъ становится все тѣснѣе въ сферѣ торговли и кредита, заставляетъ капиталистовъ искать новаго выгоднаго ихъ примѣненія. Отсюда мануфактура, потомъ фабрика. Уже возможность широкаго раздѣленія труда даетъ значительное удешевленіе продукта, что даетъ возможность капиталисту нанести новый ударъ самостоятельному кустарному производству. Примѣненіе машинъ является вторымъ и рѣшительнымъ моментомъ въ этомъ неравномъ спорѣ. Фабрика одолѣваетъ. Происходитъ процессъ *капитализаціи промысловъ*, и страна становится *капиталистическою*, если сумѣетъ обезпечить для себя достаточное количество рынковъ сбыта.

Когда Англія на порогѣ XIX в. вела свою упорную борьбу съ Франціей, которая „какъ Бреннъ въ былые годы на вѣсы свободы мечъ свой положила“, то она уже прошла или почти прошла всѣ только что описанныя стадіи эволюціи. Она была снаружи страною строго аристократическою, но по существу уже капиталистическою. И сама эта грандіозная борьба, въ значительной степени вызванная преобразованіемъ англійскаго экономическаго строя, явилась факторомъ, содѣйствовавшимъ окончательному торжеству этого строя. Англія къ концу XVIII в. за-

владѣла Индіей и вытѣснила оттуда французовъ, голландцевъ и португальцевъ, имѣя въ виду старыя задачи монополизировать въ свою пользу торговлю индійскими продуктами, столь цѣнимыми въ Европѣ того времени. „Континентальная система“, изобрѣтенная Наполеономъ, и была высоко цѣлесообразно направлена противъ этихъ разсчетовъ англичанъ. Если Европа отказывалась торговать съ ними, то какой же барышъ они извлекутъ изъ своей монополіи. Очевидно, ничего кромѣ огорченія. А затѣмъ, что будутъ дѣлать эти безчисленные корабли, ради которыхъ Англія „владѣнья вольной Амфитриды заперать съумѣла, какъ свой домъ“? Что они будутъ возить и чѣмъ будетъ кормиться ихъ экипажъ? Этотъ экипажъ—цвѣтъ націи. Англичане, однако, разсудили, что если нельзя возить изъ Индіи въ Европу индійскій товаръ, то никто не мѣшаетъ имъ возить англійскій товаръ изъ Европы въ Индію. И они повезли. Они бы повезли его и безъ этого, но „континентальная система“, понизивъ съ одной стороны морскіе тарифы, а съ другой освободивъ капиталы для затраты въ промышленность, могущественнымъ образомъ посодѣйствовала этому превращенію Англіи въ страну крупной промышленности и превращенію Индіи въ рынокъ этой промышленности.

Если мы прослѣдимъ затѣмъ экономическую исторію Англіи, то прежде всего убѣдимся, что изложенная эволюція завершилась или по крайней мѣрѣ вполнѣ совершилась въ первой четверти или, самое большое, въ первой трети истекшаго вѣка. Такъ какъ эта стадія капиталистической эволюціи только значительно позже совершилась во Франціи и Нидерландахъ, только теперь совершается въ Германіи и Соединенныхъ Штатахъ и еще далеко не совершилась въ прочихъ странахъ, вовлеченныхъ въ процессъ капиталистической эволюціи, а такъ какъ съ другой стороны только эту же стадію объяснилъ Карлъ Марксъ въ первомъ томѣ своего „Капитала“, то обыкновенно и принято ее считать за полную картину всей капиталистической эволюціи, дальнѣйшее развитіе предоставляя лишь предвидимой стадіи обращенія капитализма въ болѣе совершенную общественную форму производства. Этотъ моментъ обращенія еще нигдѣ не наступилъ, но и Англія не стояла всѣ эти семьдесятъ лѣтъ неподвижно и проходила (а за нею Нидерланды и Франція) дальнѣйшія ступени той же капиталистической эволюціи, мало замѣченныя и еще меньше объясненныя присяжными истолкователями этой эволюціи. Именно въ этихъ дальнѣйшихъ ступеняхъ, пройденныхъ передовыми націями Европы, и заключается для насъ, вступающихъ въ XX вѣкъ, глубокое поученіе. Здѣсь находимъ и самыя серьезныя предостереженія, и широкія надежды и обѣщанія не только предвидимаго, но уже вступающаго на путь осуществленія менѣе горестнаго будущаго. Укажемъ поэтому вкратцѣ на дальнѣй-

шія стадіи экономической эволюціи передовыхъ націй и на тотъ переворотъ, который эта эволюція внесла въ экономическій строй всего историческаго міра.

III.

Если мы вспомнимъ бѣгло набросанную выше эволюцію капитализма, то замѣтимъ, что на той стадіи, которую мы набросали, она завершается развитіемъ крупной промышленности, обобществленіемъ производства, разобщеніемъ факторовъ производства (труда и капитала). Страна производитъ громадное количество товара, ежегодно выносимаго ею на рынокъ; товаръ этотъ производится наемными рабочими, которые въ видѣ заработной платы получаютъ часть стоимости произведеннаго ими товара. Чтобы уплатить эту часть и чтобы выручить и остальную, капиталисты должны продать товаръ. Только часть его могутъ купить рабочіе, не больше той части, цѣну которой они получили въ видѣ заработной платы. Въ сущности, значительно меньше, потому что часть надо уступить торговцамъ, часть кредиторамъ, часть пойдетъ на транспортъ обмѣниваемыхъ товаровъ, часть поступаетъ въ сбереженіе. По тѣмъ же причинамъ не могутъ купить всей остальной части товаровъ богатые классы. Капиталистическая нація должна найти себѣ постояннаго покупателя внѣ своей страны, должна пріобрѣсти иностранные рынки. Прибыль выручается преимущественно сбытомъ на иностранные рынки. Эта прибыль уплачивается монетою и, грубо говоря, составляетъ разность между вывозомъ товаровъ и ихъ ввозомъ въ страну. Если страна вывозитъ товаръ на 10 милліоновъ, а ввозитъ на 9 милліоновъ, то она уплачиваетъ иностранцамъ монетою 9 милліоновъ (въ томъ числѣ, допустимъ, 900 тыс. ихъ прибыли), а получаетъ отъ нихъ 10 милліоновъ (въ томъ числѣ 1 мил. прибыли), увеличивая свой капиталъ ежегодно на 1 мил. (или можетъ увеличить, такъ какъ можетъ часть и растратить). Дѣло сложнѣе нѣсколько, но въ грубыхъ, основныхъ очертаніяхъ, въ этомъ причина обогащенія капиталистической страны. обезпечившей себѣ иностранные рынки сбыта. Перевѣсъ вывоза надъ ввозомъ товара является очень удобнымъ показателемъ такого преуспѣянія капиталистической страны. Въ Англіи до сороковыхъ годовъ XIX в., во Франціи до шестидесятыхъ, этотъ перевѣсъ былъ постояннымъ прочнымъ экономическимъ явленіемъ, но съ этого времени начались колебанія, а затѣмъ столь же прочно установилось противоположное экономическое явленіе, перевѣсъ ввоза надъ вывозомъ. За Англіей то же случилось съ Нидерландами и Франціей и, однако, эти страны продолжали богатѣть. Этотъ перевѣсъ ввоза надъ вывозомъ давно уже сталъ экономическимъ закономъ для этихъ четырехъ самыхъ

богатыхъ, самыхъ передовыхъ странъ культурнаго и капиталистическаго міра, знаменуя собою новую стадію эволюціи.

Сущность этого преобразованія въ томъ, что экономически передовыя страны стали вывозить не только товары, но и прямо свои капиталы. Сначала этотъ вывозъ сложился въ форму кредита, и мы знаемъ какими милліардами долга опутаны экономически отсталыя націи, уплачивая ежегодно сотни милліоновъ экономически передовымъ націямъ, преимущественно французамъ, англичанамъ, голландцамъ и бельгійцамъ, въ послѣднее время и нѣмцамъ. Видя себя все полнѣе превращающимися въ простыхъ данниковъ этихъ богатыхъ націй, экономически отсталые народы попробовали удержать у себя хоть часть этой дани, именно ту часть, которую уплачивали въ видѣ разности между ввозомъ и вывозомъ и которая составляла прибыль иностранныхъ капиталовъ, снабжающихъ экономически отсталыя страны своими дешевыми товарами, приготовленными въ ихъ капиталистической лабораторіи. Средствомъ для такого уменьшенія своей золотой дани отсталые народы избрали протекціонизмъ. Они задумали завести свой домашній капитализмъ и противопоставить его иностранному. Между тѣмъ, этотъ иностранный капиталъ экономически передовыхъ націй росъ быстро и требовалъ приложенія. Протекціонизмъ стѣснилъ ростъ собственной промышленности; кредитныя операціи не вмѣщали всего прироста капитала, и слишкомъ расширять эти операціи было опасно (вспомнимъ банкротства Турціи, Греціи, Аргентины, въ самое послѣднее время даже Испаніи); тогда гора рѣшила сама пойти къ своему Магомету, капиталъ экономически передовыхъ націй самъ началъ переселяться въ экономически отсталыя. „Вы желаете,—любезно говорили англійскіе, французскіе, нидерландскіе и германскіе капиталисты, обращаясь къ отсталымъ народамъ,—вы желаете завести у себя собственный капитализмъ: это прекрасная идея и мы готовы всѣми силами ей содѣйствовать, наша опытность, наши капиталы и наши техники это дѣльце отлично устроятъ“. И вотъ нѣмецкій капиталъ создаетъ въ Польшѣ цѣлый громадный лодзинскій промышленный центръ, франко-бельгійскій капиталъ организуетъ въ крупныхъ размѣрахъ горнозаводское дѣло на югѣ Россіи, англійскій—захватываетъ нефтяное дѣло на Кавказѣ; милліарды иностраннаго капитала затрачены на наши желѣзныя дороги, судостроительные заводы, городскіе водопроводы, газовое и электрическое дѣло, телефоны, даже винодѣліе... И это въ Россіи, которая стоитъ не въ хвостѣ, а въ переднихъ рядахъ экономически отсталыхъ странъ, имѣетъ собственные капиталы, собственныхъ техниковъ и достаточно сильна, чтобы имѣть и собственную экономическую политику, которую ей нельзя продиктовать ни изъ Лондона, ни изъ Берлина. Въ другихъ экономически отсталыхъ странахъ гораздо

неблагополучнѣе. Въ Турціи, Египтѣ, Греціи, Румыніи, Сербіи, Болгаріи, Португаліи, Персіи, Сіамѣ, Кореѣ иностранные капиталы и иностранные предприниматели хозяйничаютъ довольно свободно, а правительства принуждены слѣдовать указаніямъ, даваемымъ изъ политическихъ центровъ экономически господствующихъ націй. Немногимъ лучше въ Испаніи, Италіи, Японіи, Мехикѣ и южно-американскихъ республикахъ. Въ Индіи англійскій капиталъ нашелъ себѣ грандіозное примѣненіе. Китай нынѣ превращается въ такое же поприще примѣненія иностраннаго капитала. Въ Южной Африкѣ изъ за этого же ведется англичанами истребительная борьба.

Протекціонизмъ былъ, однако, лишь одною изъ причинъ этой грандіозной миграціи капиталовъ, столь существенно измѣнившей физіономію капиталистической эволюціи. Другою причиною было удешевленіе капитала на мѣстѣ его роста и большая его дороговизна въ странахъ отсталыхъ. Тамъ прибыль выше; для этого стоитъ вмѣсто Манчестера открывать фабрики въ Бомбеѣ и Шанхаѣ. Третьей причиной надо считать рабочее движеніе, столь стѣснительное для капиталистовъ, затрачивающихъ свои средства въ западно-европейскую промышленность, и совершенно не существующее въ Индіи, Египтѣ, Китаѣ. Какъ бы то ни было, а этимъ путемъ капиталъ экономически господствующихъ странъ продолжаетъ рости. По прежнему, капитализація и доходовъ (при помощи международнаго кредита), и промысловъ (благодаря переселенію капитала) совершается на счетъ руины милліоновъ мелкихъ самостоятельныхъ хозяйственныхъ единицъ, но не своихъ, а иностранныхъ. Доходы и промыслы экономически отсталыхъ странъ капитализуются въ пользу экономически господствующихъ націй; въ рукахъ ихъ промышленныхъ классовъ сосредоточиваются богатства, извлекаемыя изъ ликвидаціи мелкихъ хозяйствъ эксплоатируемыхъ ими народовъ (обыкновенно это называется насажденіемъ европейской культуры, напр., нынѣ въ Китаѣ). Такимъ образомъ, протекціонизмъ не уменьшаетъ золотой дани отсталыхъ народовъ передовыми; онъ ее увеличиваетъ, потому что уплачиваетъ ее не въ прибыляхъ иностраннаго продукта, прибыляхъ всегда низкихъ, но въ прибыли своего продукта, прибыли, всегда значительно высшей. Если попутно при этомъ капиталистическомъ процессѣ, совершаемомъ подъ руководствомъ иностраннаго капитала, выростаютъ и національные капиталы, то они съ трудомъ конкуррируютъ съ болѣе дешевымъ, болѣе умѣлымъ и неизмѣримо болѣе сильнымъ капиталомъ иностраннымъ. Варшавскіе, Губонины, Мамонтовы, фонъ-Дервизы шатаются и падаютъ, увлекая за собою и болѣе слабыхъ, а дѣло иностраннаго капитала ростетъ и крѣпнетъ. Промышленные классы экономически господствующихъ націй поставили нынѣ своей задачею капитализовать въ свою пользу и доходы, и про-

мыслы всего міра. Они насаждаютъ европейскую культуру, т. е. капитализацію доходовъ и промысловъ, по лицу всей восточной и южной Европы, южной и центральной Америки, всей Азіи, Африки и Океаніи. Размахъ грандіозный. Онъ одновременно угрожаетъ разореніемъ и всѣмъ экономически отсталымъ народамъ, и всѣмъ рабочимъ классамъ экономически господствующихъ націй, такъ какъ переселеніе капитала знаменуетъ и перенесеніе промышленности. Это самый крупный козырь, который исторія нынѣ дала въ руки капитализму. Онъ останавливаетъ процессъ удешевленія капитала и угрожаетъ рабочему движенію. Въ этихъ новыхъ путяхъ, изобрѣтенныхъ капитализмомъ, и заключаются тѣ опасности, которыя завѣщаны XX вѣку, и тѣ предостереженія человѣчеству, о которыхъ мы говорили. Но въ нихъ же мы видимъ и серьезныя надежды на избавленіе. Отсталыя страны, вѣроятно, еще попытаются нѣкоторое время слѣдовать нынѣшнему пути своему, который имъ еще кажется повтореніемъ блестящаго пути западно-европейскихъ націй. Онѣ скоро убѣдятся въ своемъ заблужденіи; оно становится все очевиднѣе. Тогда придется выбирать новые пути. Ихъ не придется долго искать, если къ тому времени процессъ „распада", свершаемый новымъ фазисомъ капитализма, не успѣетъ разложить всѣ основы самостоятельнаго народнаго хозяйства, потому что именно оно можетъ послужить исходомъ новой самостоятельной экономической эволюціи, которая въ XX в. дастъ отъ себя такіе же расходящіеся по всему міру круги, какіе въ XIX в. дала эволюція капиталистическая.

Здѣсь въ этомъ бѣгломъ взглядѣ на исторію XIX в. не мѣсто вдаваться въ подробности этой необходимой и неизбѣжной эволюціи, ни указывать возможныя и вѣроятныя стадіи ея поступательнаго движенія. Но совершенно умѣстно сказать, что это движеніе не будетъ тою безсознательною, не руководимою разумомъ эволюціей, которая нѣкогда создала рабство, потомъ монополію, въ XIX в.—капитализмъ. Это движеніе, исходя изъ данныхъ хозяйственныхъ комбинацій историческаго момента, будетъ такъ же сознательно, явится такимъ же созданіемъ умственнаго и политическаго факторовъ, какъ въ свое время было упраздненіе рабства, а потомъ—отмѣна сословныхъ привиллегій и монополій. Безсознательная, стихійная эволюція только обезпечила бы полное и невозбранное хозяйничаніе капитализма, который такъ же неизбѣжно привелъ бы современный міръ къ упадку, какъ рабство привело къ паденію древній міръ, не съумѣвшій отъ него освободиться. Великія умственныя силы, накопленныя новымъ міромъ, и болѣе совершенная политическая организація, имъ выработанная, даютъ намъ полное основаніе ожидать, что XX вѣкъ разрѣшитъ эту задачу послѣ того, какъ XVIII и XIX вѣкъ разрѣшили задачу упраздненія рабства.

Эта роль другихъ историческихъ факторовъ въ прошедшемъ и будущемъ естественно приводитъ насъ къ бѣглому обзору и ихъ исторіи въ XIX в.

IV.

„Новыя политическія начала“, о которыхъ мы упомянули выше и которыя, провозглашенныя французскою революціей, вступили на порогѣ XIX в. въ такую упорную борьбу и съ старымъ политическимъ строемъ остальной континентальной Европы, и съ новымъ экономическимъ строемъ Англіи, были плодомъ умственнаго движенія XVIII в. Это были идеи демократическаго равенства, свободы и народнаго правленія. Не будемъ гадать, что бы было, если бы этимъ идеямъ Европа дозволила свободно развиваться и осуществляться во Франціи. Этого Европа не могла сдѣлать. Естественное право, провозглашенное французами, находилось въ непримиримомъ противорѣчіи съ незыблемостью историческихъ правъ, на которыя опираяся весь политическій строй остальной Европы. Столкновеніе стало неизбѣжно и коалиція за коалиціей формировались противъ Франціи, которая должна была съ одной стороны вооружиться съ ногъ до головы, а съ другой стороны обезопасить себя отъ внутреннихъ враговъ (урокъ Вандеи былъ неотразимъ). Первое создало громадную армію и выдвинуло популярныхъ генераловъ; второе вызвало къ жизни терроръ, а оба вмѣстѣ привели свободную демократію къ ногамъ новаго цезаря, который „цѣпи лаврами обвилъ“. Именно это время во Франціи и заложило въ сердца милліоновъ культъ арміи и поклоненіе милитаризму. Демократія, въ сущности не свободная, а только освобожденная (не овладѣвшая еще навыками свободы), внесла въ жизнь націи всю ту стихійную безсознательность, которую воспитала въ ней исторія, державшая ее вдалекѣ отъ умственнаго движенія; это движеніе создало демократическія идеи, но демократіи оставалась имъ въ сущности чуждою и шла за вожаками, которые ее освобождали, а потомъ за генералами, которые защищали отечество. Чувство патріотизма демократія поняла, но смѣшала его съ милитаризмомъ и шовинизмомъ и надолго связала съ наполеоновскою легендою. Безчеловѣчіе англичанъ на Св. Еленѣ только сильнѣе поднимало ореолъ великаго императора и развивало легенду, которая властвовала надъ великими сердцами даже иностранцевъ. Нашъ Пушкинъ серьезно думалъ, что Наполеонъ „міру вѣчную свободу изъ мрака ссылки завѣщалъ“, Лермонтовъ и Гейне довели это поклоненіе до какого то культа. Если такъ думали и чувствовали крупные умы и благородныя сердца среди иностранцевъ, то чего же мы должны ждать во Франціи, гдѣ вдобавокъ Наполеона смѣнили сначала низкопоклонные ставленники иноземцевъ,

а потомъ средне-купеческіе горизонты Орлеановъ. Беранже былъ выразителемъ національнаго настроенія, когда клеймилъ господствующія сферы послѣ наполеоновскаго времени.

Не одна Франція была демократизована французской революціей и наполеоновскими войнами. Эта демократизація въ большей или меньшей степени прошла по лицу всей Европы, а въ теченіе XIX вѣка постепенно стала явленіемъ, общимъ всему культурному міру. Демократизація есть пріобщеніе къ сознательной исторической жизни обширныхъ народныхъ слоевъ, раньше этого жившихъ внѣ этой жизни, а слѣдовательно и внѣ того умственнаго и моральнаго движенія, которое сглаживаетъ національную исключительность и создаетъ общіе умственные и нравственные интересы, уваженіе къ человѣку и его правамъ независимо отъ его народности, словомъ гуманные идеалы и гуманныя чувства. Демократизація, подготовляя въ будущемъ окончательное торжество этихъ идеаловъ и чувствъ, въ настоящемъ, въ моментъ своего введенія, даетъ значеніе обширнымъ слоямъ, лишеннымъ этихъ идеаловъ и чувствъ, а потому временно какъ бы замедляетъ ихъ осуществленіе. Проникнутые до мозга костей своими племенными особенностями, чуждые и чуждающіеся всего иноземнаго, его непонимающіе и презирающіе, новые историческіе слои являются сначала, пока не воспитаются въ новыхъ условіяхъ жизни, элементомъ стихійнаго безсознательнаго національзма, для оправданія котораго всегда найдутся и полукультурные элементы, создающіе теоріи и программы. Иногда на встрѣчу и на службу этимъ зоологическимъ инстинктамъ являются и великія заблужденія крупныхъ и благородныхъ умовъ. Какъ бы то ни было, но, благодаря демократизаціи Европы въ XIX вѣкѣ, этотъ вѣкъ сталъ вмѣстѣ съ тѣмъ вѣкомъ національзма. Во Франціи это сказалось, какъ мы видѣли, наполеоновскою легендою и культомъ арміи; въ Англіи — аналогичнымъ джингоизмомъ и тѣмъ самомнѣніемъ, по которому всякій средній британецъ считаетъ всѣхъ небританцевъ чѣмъ то въ родѣ полуобезьянъ; въ Италіи и Германіи—стремленіемъ къ объединенію, завершившимся въ послѣдней культомъ милитаризма, и т. д. Демократизація и націонализмъ были кардинальными явленіями политической исторіи XIX вѣка.

Этотъ вѣкъ, при своемъ вступленіи въ исторію, засталъ крѣпостное право въ Россіи, Австріи, Италіи, его остатки въ Германіи, рабство на всемъ протяженіи обѣихъ Америкъ, во всѣхъ европейскихъ колоніяхъ, во всѣхъ варварскихъ государствахъ. Онъ засталъ охоту на двуногихъ и свободную торговлю людьми на рынкахъ, Онъ уступаетъ нынѣ мѣсто XX вѣку, вполнѣ разрѣшивъ эту задачу. Крѣпостное право, рабовладѣніе и работорговля уничтожены, и если въ какомъ нибудь Марокко или Дарфурѣ еще ютятся ихъ пережитки, то ихъ исчезновеніе есть

вопросъ ближайшаго времени и сомнѣнія больше не возбуждаетъ. Это освобожденіе народныхъ массъ, будучи послѣдствіемъ демократическихъ идей, не могло не вести къ дальнѣйшей демократизаціи строя. Вслѣдъ за крѣпостнымъ правомъ, пали и феодальныя привилегіи, сословныя преимущества, торгово-промышленныя монополіи, бюрократическій произволъ, духовная опека всяческихъ духовныхъ и свѣтскихъ инквизиторовъ. Самоуправленіе получило повсемѣстное признаніе, общественное мнѣніе выросло въ серьезную историческую силу, вѣротерпимость стала закономъ здоровой исторической жизни, а равно терпимость къ мнѣніямъ и слову, націи приняли непосредственное и сознательное участіе въ творчествѣ своей исторіи. Въ одной странѣ эта эволюція совершилась вполнѣ, въ другой только отчасти, въ большей или меньшей степени, но процессъ совершался повсемѣстно и демократизація культурныхъ обществъ была столько же закономъ ихъ политической жизни въ XIX в., какъ капитализація—закономъ изъ экономическаго развитія.

Мы уже отмѣтили выше, что демократизація европейскихъ обществъ, пріобщая къ историческому творчеству многочисленные народные слои, чуждые гуманному и просвѣтительному движенію предыдущихъ вѣковъ, не могла сразу пріобщить ихъ къ этому движенію и, стало быть, создавала новую историческую силу, чуждую этому движенію и проникнутую стихійною безсознательностью органическихъ процессовъ жизни. Зоологія вступила до извѣстной степени въ свои права. Расовое чувство, въ культурныхъ слояхъ ослабленное и облагороженное умственною и моральною культурою, нынѣ выходило на историческую авансцену въ своемъ первобытномъ зоологическомъ убранствѣ. Національзмъ сталъ тоже закономъ политической жизни XIX в. Наполеоновская легенда вплоть до современнаго поклоненія генераламъ во Франціи; всесвѣтный джингоизмъ вплоть до наблюдаемаго нами дневного грабежа Южноафриканскихъ республикъ въ Англіи; порабощеніе Эльзасъ-Лотарингіи и сѣвернаго Шлезвига въ Германіи съ программою насильственной германизаціи инородныхъ племенъ; постыдное взаимное поѣданіе народностей въ Австріи; совершенно беззастѣнчивая насильственная мадъяризація въ Венгріи; шведскія покушенія на Норвегію; непримиримая національная нетерпимость балканскихъ народовъ,и т.д. и т. д., вплоть до вспышки такъ называемаго „имперіализма“въ Соединенныхъ Штатахъ, все это многообразныя проявленія національзма, неизвѣстнаго предыдущимъ вѣкамъ и выдвинутаго на историческое поприще демократіей. Эти національныя движенія,правда,выдвигали на первый планъ и такихъ дѣятелей, какъ Гарибальди и Кошутъ, но это могло быть и можетъ повториться (нынѣ Крюгеръ и Жуберъ, недавно Парнелль) только въ рядахъ угнетаемой народности, когда идея національности сли-

вается временно съ идеей освобожденія. Вообще же Наполеонъ, Бисмаркъ, Биконсфильдъ являются типичными представителями національзма, а также и ихъ эпигоны, Буланже, Чемберленъ, Шенерэръ и какъ ихъ еще тамъ называютъ. Выведя на историческое поприще это опасное и вредное порожденіе многовѣкового устраненія народныхъ слоевъ отъ сознательной исторической жизни, XIX в. въ своей богатой и плодотворной умственной жизни создалъ могучее орудіе для борьбы съ нимъ. Народы историческіе воспитывались и подъ вліяніемъ этого великаго и плодотворнаго умственнаго движенія, и подъ давленіемъ тяжелыхъ историческихъ уроковъ. Такимъ образомъ, если исторія XIX в. есть исторія развитія и торжества всяческаго національзма, то она же является вмѣстѣ съ тѣмъ исторіей его медленнаго, но безпрерывнаго, если можно такъ выразиться, выщелачиванія изъ сознанія народныхъ массъ политически передовыхъ націй. Еще недавно въ статьѣ „Правители и властители современной Европы“, которую можно найти въ „Сборникѣ Русскаго Богатства“, въ 1899 году, я подробно обозрѣлъ съ этой точки зрѣнія современное состояніе Европы. Господство разнузданнаго національзма на юго-востокѣ (Австро-Венгрія и Балканскій полуостровъ); его господство, но уже минируемое гуманными идеями и чувствами, завоевавшими сознаніе не большинства еще, но значительнаго меньшинства въ Германіи и Италіи; тотъ же процессъ, только значительно дальше продвинутый, въ Англіи (гдѣ былъ возможенъ періодъ гладстоніанства); наконецъ, серьезное пораженіе національзма во Франціи,—таково резюме нашего обзора. Если мы къ этому присоединимъ Гаагскую конференцію мира, то радостное, не безслѣдно прошедшее чувство, которымъ всѣ народы встрѣтили русскую ноту отъ 12 августа 1898 года, и результаты, достигнутые на конференціи, то мы скажемъ съ полнымъ убѣжденіемъ, что XIX вѣкъ, создавъ національзмъ и окрыливъ его для высокаго полета, самъ же началъ обрѣзывать ему крылья, но окончательно отвести ему подобающее скромное мѣсто въ исторіи предоставилъ новому XX вѣку. Любовь къ родному языку, родному быту и родному племени—чувство, столько же естественное, сколько законное и почтенное, и всякая мирная дѣятельность, направленная къ ихъ развитію, но никакому другому развитію не угрожающая и не завидующая, и есть та почва, на которой создаются и скромные почтенные труженики народнаго блага и просвѣщенія, и славные народные пѣвцы, и такія эпическія фигуры, какъ Гарибальди и Крюгеръ. Это и есть то мѣсто, которое XX вѣкъ отведетъ національному чувству и національному сознанію, соскобливъ съ него всякія накипи національзма, омрачившаго собою политическую исторію XIX в. и надолго заковавшаго культурный міръ въ тяжкія цѣпи милитаризма. Слава Богу, Наполеонъ, который

эти „цѣпи лаврами обвилъ“, уже больше не прославляется... И однако Бисмаркъ и Биконсфильдъ еще прославляются. Освобожденіе Франція отъ національзма (конечно, еще не вполнѣ завершенное, но довольно явственно уже опредѣлившееся) даетъ увѣренность, что этотъ великій и плодотворный процессъ уже не остановится, хотя на этомъ пути человѣчеству придется пережить еще не мало горестныхъ моментовъ, въ родѣ переживаемаго нынѣ англичанами.

Національзмъ, составляющій содержаніе политической исторіи XIX вѣка, является, какъ мы сказали, плодомъ *безсознательнаго* историческаго творчества вновь пріобщенныхъ къ этому творчеству народнихъ слоевъ. Такимъ же плодомъ безсознательнаго историческаго творчества представляется, какъ мы выше видѣли, и капитализмъ, оба тѣсно связанные съ демократизаціей европейскихъ обществъ. Эта демократизація, на весь срокъ постепеннаго пріобщенія демократіи не только къ исторической дѣятельности, но и къ умственному движенію эпохи, лишила это умственное движеніе подобающаго ему значенія въ исторіи. Сознательныя причины уступили мѣсто безсознательнымъ; національзмъ и капитализмъ (и служащій имъ обоимъ милитаризмъ) получили полную свободу и свершали свое механическое движеніе, не справляясьсъ указаніями разума и совѣсти. Но время шло. Исторія воспитывала демократію. Демократія постепенно просвѣщалась и пріобщалась въ умственной жизни. Сознательные процессы вступили въ борьбу съ безсознательными. Они объявили войну національзму и достигли серьезныхъ успѣховъ. Они ополчились и противъ капитализма и уже собрали громадныя средства для борьбы съ ними. Не со вчерашняго дня человѣчество изучаетъ эти средства, но долго они оставались достояніемъ интеллектуальныхъ верховъ, тогда какъ страдающіе низы или безсознательно работали на пользу капитализма, или бунтовали противъ него столь же стихійно, безсознательно и нецѣлесообразно. Это, если не окончилось еще, то кончается. Много трудовъ на этомъ пути предстоитъ XX вѣку, но многое уже подготовлено. Національзмъ, капитализмъ и милитаризмъ, это три мрачныя силы XIX в., переходятъ по наружности торжествующими и преуспѣвающими въ новый вѣкъ, но въ сущности настолько поколебленными, что едва-ли позволительно сомнѣваться въ исходѣ историческаго процесса.

Встрѣчая новый XIX вѣкъ вышецитированными строфами, Шиллеръ заключилъ свое стихотвореніе меланхолическимъ восклицаніемъ:

Freiheit ist nur in der Reich der Traüme,
Und das Schöne blüht nur im Gesang.

Это печальное мнѣніе великаго поэта попытался опровергнуть

XIX в., но не съумѣлъ. Это будетъ сдѣлано вѣкомъ XX, все равно, начался-ли онъ уже 1 янв. 1900 года, или начнется 1 янв. 1901 г. Съ этою увѣренностью въ сердцѣ, мы можемъ привѣтствовать наступленіе новаго вѣка въ обѣихъ датахъ и ожидать отъ него и много добра, и много правды, и много свѣта, хотя болѣе, чѣмъ вѣроятно, читатель, что

Жить въ эту пору прекрасную
Ужъ не придется ни мнѣ, ни тебѣ.

Культурные люди спорятъ, завершился-ли XIX вѣкъ 1 янв. 1900 года. Никто не споритъ, что завершился 1899 годъ. Что онъ намъ принесъ и какое собственное наслѣдіе оставилъ?

Мирная конференція въ Гаагѣ.

Пораженіе французскихъ націоналистовъ и укрѣпленіе просвѣщенной французской демократіи.

Неудача англійскихъ націоналистовъ въ Южной Африкѣ.

Эти три событія доминировали въ исторической жизни 1899 года и за это, не смотря на многое горестное, что принесъ этотъ годъ, мы должны помянуть его добромъ.

Мы, вѣроятно, будемъ еще имѣть случай возвратиться къ событіямъ минувшаго года.

С. Южаковъ.

Хроника внутренней жизни.

Нѣсколько словъ по поводу государственной росписи на 1900 г.

Есть въ житейскомъ обиходѣ извѣстныя правила практической морали, которыя всѣми признаются за несомнѣнную и безспорную истину и которыя, однако, имѣютъ очень малое значеніе въ качествѣ дѣйствительно опредѣляющихъ поступки людей руководящихъ началъ: предъ „безспорными“ истинами почтительно склоняются и—проходятъ мимо. Ихъ никто не рѣшается подвергнуть сомнѣнію, но мало кто интересуется тѣми практическими выводами, которые могутъ и должны быть изъ нихъ сдѣланы; такъ какъ—не сознаваясь въ этомъ прямо даже предъ собой—всѣ молчаливо чувствуютъ, что эти несомнѣнныя руководящія истины въ сущности только красивыя декораціи, отъ которыхъ очень мало зависитъ то, что въ дѣйствительности происходитъ на сценѣ, ими обставленной.

Такія же „безспорныя“ истины есть и въ области практиче-

ской политики. Къ числу ихъ принадлежитъ и часто повторяемое всѣми финансистами „вполнѣ безспорное положеніе, что прочность государственныхъ финансовъ, какъ бы ни была правильна ихъ организація, зависитъ въ конечномъ результатѣ отъ матеріальнаго благосостоянія населенія". Эту истину тоже никто не оспариваетъ; но если провѣрить ея примѣненіе въ дѣйствительной практикѣ государственно-хозяйственной жизни разныхъ странъ и разныхъ эпохъ,—результаты получаются довольно неожиданные. Приходится признать или что руководители финансовой политики плохо вѣрятъ въ ту „безспорную" истину, которую они громко провозглашаютъ, или что „конечные результаты" заботятъ ихъ гораздо менѣе, нежели злоба даннаго дня или данныхъ дней, вполнѣ захватывающая собою все ихъ вниманіе.

Въ раннія эпохи хозяйственной жизни, при господствѣ несложныхъ формъ общественнаго хозяйства и простыхъ и прозрачныхъ экономическихъ отношеній, связь между обезпеченностію потребностей фиска и достаточностію массы трудящагося населенія представляется наиболѣе прямою и ясною; но именно въ эти эпохи государственная власть всего менѣе обнаруживаетъ наклонность беречь и щадить народныя средства. Государственное хозяйство на этихъ ступеняхъ своего развитія носитъ на себѣ хищническій характеръ: военное и полицейское государство беретъ у населенія все, что только можетъ взять, очень мало озабочиваясь соразмѣрностью роста своихъ требованій съ ростомъ тѣхъ источниковъ, изъ которыхъ покрываются его нужды. Позже, когда начинаетъ развиваться культурная сторона государственной дѣятельности, въ его финансовой политикѣ рядомъ съ чисто фискальными выступаютъ и задачи народно-хозяйственныя. Государство не только беретъ себѣ крупную долю изъ продукта національнаго труда, но считаетъ необходимымъ оказывать свое содѣйствіе и помощь и для приращенія этого продукта. Но это не значитъ еще, однако, чтобы интересы благосостоянія народныхъ массъ выступали теперь на видное мѣсто, какъ объектъ государственныхъ попеченій. Подъемъ уровня народнаго благосостоянія есть процессъ медленный и трудный; какое бы прочное обезпеченіе финансовой состоятельности государства процессъ этотъ ни обѣщалъ „въ конечныхъ результатахъ",—онъ не можетъ служить основою для быстраго развитія государственнаго хозяйства. Чѣмъ ускореннѣе тотъ темпъ, которымъ идетъ ростъ государства и его требованій, тѣмъ сильнѣе должна поэтому обнаруживаться тенденція найти для финансоваго благополучія государства опоры, независимыя отъ непосредственнаго благосостоянія народныхъ массъ. Главныя заботы экономической политики государства сосредоточиваются не на изысканіи путей и средствъ къ повышенію народнаго благосостоянія, а на содѣй-

ствіи возможно быстрому росту національнаго богатства. Въ эту сторону государственную политику должны наклонять и интересы могущественныхъ общественныхъ группъ, являющихся правящими классами въ государствѣ. Оживленіе и расширеніе общаго хозяйственнаго оборота страны даетъ возможность и параллельнаго расширенія оборотовъ хозяйства самаго государства. На извѣстной ступени развитія этого хозяйства, государство вступаетъ активно на арену торгово промышленной дѣятельности, монополизируя въ своихъ рукахъ извѣстныя отрасли торговыхъ или промышленныхъ операцій или же являясь въ этихъ отрасляхъ конкуррентомъ частной промышленности. Обороты собственнаго, частнаго хозяйства казны дѣлаются крупною статьею въ государственномъ бюджетѣ; извѣстная доля государственнаго дохода получается въ видѣ *предпринимательской прибыли* государства по его частно-хозяйственнымъ операціямъ и *ренты* съ принадлежащихъ государству имуществъ.

При крайней сложности народно-хозяйственной жизни, въ періодъ господства капиталистическихъ формъ хозяйства,—въ которомъ находятся теперь страны культурнаго Запада,—или въ эпохи переходныя, подобныя переживаемой теперь нашимъ отечествомъ,—развитіе разныхъ сторонъ этой жизни идетъ далеко не параллельно. Въ частности процессъ возрастанія національнаго богатства никакъ не предполагаетъ, какъ необходимое сопутствующій аналогичный процессъ и въ движеніи народнаго благосостоянія. Оба эти процесса не только не параллельны, но въ извѣстные моменты своего развитія прямо и рѣзко антагонистичны другъ другу. „Накопленіе богатства на одномъ полюсѣ общества производитъ въ то-же время на другомъ—накопленіе нищеты, тягостей труда, рабства, невѣжества, огрубѣнія и нравственнаго униженія“. Антагонистическій характеръ капиталистическаго накопленія особенно рѣзко проявляется въ тѣ эпохи, когда капиталистическія формы производства пробиваютъ себѣ дорогу въ народно-хозяйственной жизни, сметая и разрушая старые производственные процессы и старыя формы экономическихъ отношеній. На помощь растущей силѣ капитализма приходитъ въ этомъ періодѣ и государство своею экономическою и финансовою политикою. Такъ какъ при этомъ вновь слагающіяся подъ государственнымъ покровительствомъ экономическія формаціи не въ силахъ еще выдерживать на себѣ всю тягость фискальныхъ требованій государства, а наоборотъ часто сами требуютъ извѣстныхъ жертвъ со стороны фиска,—то въ такія эпохи государственное хозяйство двойнымъ бременемъ ложится на средства народныхъ массъ. Онѣ должны нести на себѣ непосредственно главную долю налоговыхъ тягостей; въ то же время въ значительной мѣрѣ на ихъ же счетъ идетъ и ростъ новыхъ народно-хозяйственныхъ формъ, двигающихъ впередъ накопленіе народ-

наго богатства — но параллельно съ этимъ не поднимающихъ, а опускающихъ къ низу уровень народнаго благосостоянія. „Въ конечномъ результатѣ“ этого антагонистическаго процесса развитія присущія ему внутреннія противорѣчія должны вскрыться и ясно выступить наружу; но, какъ показываетъ историческій опытъ, они очень долго могутъ оставаться подъ спудомъ и прогрессивное обнищаніе народныхъ массъ можетъ уживаться съ продолжительнымъ періодомъ финансоваго блеска и усиленнаго роста національнаго богатства страны.

Наша финансовая исторія послѣдняго времени можетъ служить очень яркою иллюстраціею того, насколько сложными представляются взаимныя отношенія различныхъ теченій въ народно-хозяйственной жизни. Несомнѣнно, что мы переживаемъ длящійся періодъ расцвѣта финансоваго благополучія и также несомнѣнно, съ другой стороны, что далеко не все обстоитъ благополучно въ нижнихъ глубокихъ слояхъ народнаго хозяйства. Какъ бы оптимистично мы ни были настроены, ничего похожаго на такой же быстрый проростъ народныхъ достатковъ, какъ быстро возростаютъ обороты государственнаго бюджета, мы не могли бы увидѣть. Самыя бюджетныя цифры даютъ скорѣе противоположныя указанія. Но въ этихъ же цифрахъ мы находимъ также и указанія на идущій параллельно и въ одномъ направленіи съ ростомъ государственнаго хозяйства—хотя и нѣсколько инымъ темпомъ—прогрессивный ростъ нѣкоторыхъ отраслей промышленности и торговли и связанное съ нимъ „накопленіе богатства на одномъ полюсѣ“ народно-хозяйственнаго цѣлаго. До сихъ поръ, однако, это накопленіе скорѣе питается отъ государственнаго бюджета, нежели питаетъ его. Главною своею долею государственный бюджетъ все еще опирается непосредственно на платежныя силы народныхъ массъ,—хотя съ каждымъ годомъ въ финансовой политикѣ все болѣе и болѣе выступаетъ наружу тенденція эмансипироваться отъ этой зависимости и создать, въ собственномъ хозяйствѣ казны, бюджетные источники болѣе способные къ возрастанію соотвѣтственно съ ростомъ государственныхъ требованій, нежели „исчерпанныя“ уже въ значительной мѣрѣ платежныя средства податныхъ массъ.

Опубликованная въ новогоднихъ газетахъ „Общая государственная роспись доходовъ и расходовъ на 1900 годъ“ носитъ на себѣ тѣ же характеристичныя для всего послѣдняго періода нашей финансовой исторіи черты.

Общіе итоги росписи обрисовываютъ положеніе государственнаго хозяйства въ несомнѣнно благопріятномъ видѣ.

Всѣ обыкновенные расходы на текущія государственныя потребности, не смотря на значительное ихъ повышеніе сравнительно съ предшествовавшими годами, сполна покрываются предположенными по росписи обыкновенными государственными

доходами (отъ налоговъ, имуществъ и предпріятій казны, возмѣщенія долговъ казнѣ и разныхъ бюджетныхъ поступленій). Затѣмъ предвидится еще извѣстный остатокъ отъ обыкновеннаго бюджета, который, по обычно усвоенному за послѣдніе годы порядку, предполагается обратить на пополненіе бюджета „чрезвычайнаго“ (на капитальныя затраты по сооруженію и оборудованію желѣзныхъ дорогъ, выдачу ссудъ желѣзнодорожнымъ обществамъ и нѣкоторые другіе предметы, выходящіе изъ круга текущихъ надобностей даннаго финансоваго года). Въ остальной части, не покрываемой остатками отъ доходовъ 1900 бюджетнаго года, чрезвычайный бюджетъ имѣется въ виду выполнить на счетъ „свободной наличности государственнаго казначейства“. т. е. изъ сбереженій отъ прошлыхъ смѣтныхъ годовъ. Общая сумма всѣхъ обыкновенныхъ расходовъ на 1900 г. опредѣляется росписью въ 1.564,4 м. р.; по росписи предыдущаго 1899 г. она составляла 1.462,7 м. р., въ 1898 г. (за который имѣется уже сведенный отчетъ по исполненію росписи) израсходовано было на текущія государственныя потребности 1.358,3 м. р. Такимъ образомъ государственные расходы выросли къ 1900 г. на 101,8 м. р. по сравненію съ 1899 г., на 206,1 м. р. по сравненію съ 1898 г. На покрытіе указанной суммы государственныхъ расходовъ по доходной росписи имѣется 1593,7 м. р. предположенныхъ къ поступленію въ 1900 г. обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ, т. е. обыкновнннный бюджетъ сводится съ превышеніемъ доходовъ надъ расходами въ 29,3 м. р. „Чрезвычайныхъ“ расходовъ предположено на 192,9 милл. р. (изъ нихъ 187,9 м. р. на желѣзнодорожныя надобности), чрезвычайныхъ доходовъ (вклады въ государственный банкъ на вѣчное время)—3 м. р. Недостающіе 189,9 м. покрываются, какъ уже упомянуто, изъ остатковъ обыкновеннаго бюджета 1900 г. (29,3 м. р.) и изъ остатковъ отъ смѣтъ прежнихъ годовъ, составляющихъ свободную наличность государственнаго казначейства (160,6 м. р.). Общій итогъ обыкновеннаго и чрезвычайнаго бюджета вмѣстѣ составитъ 1.757,4 м. р. Десять лѣтъ тому назадъ государственные расходы—обыкновенные и чрезвычайные—составляли 1.030,2 м. Съ тѣхъ поръ обороты государственнаго хозяйства возрасли болѣе чѣмъ на 700 м. рублей или на 70%, перейдя уже за 1¾ милліарда рублей. Вся эта огромная сумма вполнѣ покрывается, какъ мы видѣли, бюджетными поступленіями 1900 года и сбереженіями отъ прежнихъ смѣтъ; надобности въ какихъ либо чрезвычайныхъ рессурсахъ въ формѣ государственныхъ займовъ не предстоитъ для сведенія не только обыкновеннаго, но и чрезвычайнаго бюджета.

Можно предвидѣть съ большою вѣроятностію, что дѣйствительное выполненіе росписи дастъ результатъ еще болѣе благопріятный въ фискальномъ отношеніи, нежели смѣтныя предположенія. За это говоритъ опытъ ближайшаго прошлаго. Въ теченіе

уже довольно длиннаго ряда лѣтъ государственные доходы растутъ непрерывно изъ года въ годъ, значительно опережая въ этомъ отношеніи смѣтные расчеты. Мы имѣемъ такія цифры для измѣренія этого роста за послѣдніе годы (въ милліонахъ рублей):

	Предполагалось.	Поступило.	+ противъ смѣты.	+ противъ предыдущ. года.
1894 г. . .	1,005	1,145	140	114
1895 „ . .	1,143	1,244	101	99
1896 „ . .	1,240	1,369	129	125
1897 „ . .	1,318	1,416	98	47
1898 „ . .	1,365	1,585	220	169
1899 „ . .	1,469	1,659	190	74
1900 „ . .	1,593	—	—	—

Какъ показываютъ эти цифры, во всѣ годы, вошедшіе въ табличку, дѣйствительные доходы оказывались всегда много выше и смѣтныхъ предположеній, и итоговъ дѣйствительныхъ поступленій непосредственно предшествовавшаго смѣтнаго періода. Нѣтъ основанія предполагать, чтобы одинъ 1900 г. составилъ исключеніе изъ этого общаго правила; по крайней мѣрѣ въ объясненіяхъ къ росписи мы не находимъ никакихъ указаній на то, чтобы финансовыя обстоятельства этого года были неблагопріятнѣе предыдущихъ, между тѣмъ его доходы исчислены въ суммѣ значительно меньшей противъ итога дѣйствительныхъ доходовъ 1899 г. и только на $^1/_2$% превышающей итогъ 1898 года. Безъ большого риска можно предсказать, что дѣйствительное исполненіе смѣты значительно превзойдетъ эти расчеты.

Вмѣстѣ съ тѣмъ нужно ожидать и болѣе благопріятнаго баланса росписи. По отношенію къ движенію государственныхъ расходовъ въ бюджетныхъ цифрахъ послѣднихъ годовъ нельзя подмѣтить такого же постояннаго превышенія дѣйствительнаго исполненія росписи сравнительно со смѣтными расчетами, какое обнаруживается въ движеніи государственныхъ доходовъ. Исполненіе расходнаго бюджета обыкновенно довольно близко совпадаетъ со смѣтою; поэтому когда цифры дѣйствительныхъ поступленій по росписи превосходятъ смѣтныя исчисленія,—должны повышаться и цифры свободныхъ остатковъ отъ этихъ поступленій за покрытіемъ расходной смѣты. За пятилѣтіе 1894—98, для котораго мы имѣемъ законченные отчеты по исполненію росписей, предполагавшееся и дѣйствительное превышеніе доходовъ надъ расходами представляло такія величины (въ милліонахъ рублей):

	Превышеніе доходовъ надъ расходами предполагавшееся	действительное
1894 г. . .	23,6	99,8
1895 „ . .	22,8	114,9
1896 „ . .	8,4	139,7
1897 „ . .	33,5	117,4
1898 „ . .	13,4	226,6
въ среднемъ .	20,3	159,7
1900 г. . .	29,3	—

Сопоставленіе двухъ приведенныхъ рядовъ цифръ позволяетъ сдѣлать и для 1900 г. предсказаніе болѣе благопріятное, нежели то, какое даютъ намъ смѣтныя предположенія.

Эта блестящая картина, имѣетъ, однако, и свои тѣневыя стороны. Если изъ года въ годъ государство получаетъ доходовъ болѣе, чѣмъ тратитъ, это показываетъ безспорно, что фискъ не встрѣчаетъ затрудненій къ удовлетворенію своихъ потребностей со стороны недостаточности государственной кассы, но это показываетъ также и нѣчто другое, а именно, что населеніе систематически переплачиваетъ фиску болѣе, чѣмъ ему нужно. Вѣдь въ государственномъ хозяйствѣ доходы, получаемые главнымъ образомъ путемъ налоговъ, должны сообразоваться съ предстоящими государству расходами. То, что идетъ фиску, берется отъ населенія; накоплять „избытки“ при нормальномъ ходѣ дѣлъ фискъ могъ бы, повидимому, только въ такомъ случаѣ, если бы таковые же избытки оказывались и въ платежныхъ средствахъ населенія; или если бы фискъ черпалъ свои доходы изъ какихъ нибудь собственныхъ источниковъ, независимыхъ отъ средствъ плательщиковъ государственныхъ налоговъ. Въ такихъ ли условіяхъ находится наше государственное хозяйство? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, намъ нужно взглянуть на составъ доходнаго бюджета.

Мы уже упоминали выше, что, несмотря на рѣзко обнаруживающуюся въ финансовой политикѣ послѣдняго періода тенденцію къ расширенію собственнаго хозяйства казны, до сихъ поръ еще главная, преобладающая доля государственныхъ расходовъ покрывается на счетъ налоговъ. Это подтверждаютъ и бюджетныя цифры 1900 года. Если соединить всѣ статьи росписи въ три большія группы, отнеся къ первой налоги, прямые и косвенные, пошлины и выкупные платежи (имѣющіе въ сущности вполнѣ налоговой характеръ), ко второй—доходы отъ правительственныхъ регалій, доходы съ казенныхъ капиталовъ и отъ отчужденію государственныхъ имуществъ, и къ третьей—поступленія въ возмѣщеніе государственныхъ расходовъ и доходы разнаго рода, то получимъ такія цифры:

	Милл. рубл.	%
Налоги	924	58,0
Частное хозяйство казны	597	37,5
Прочія поступленія	72	4,5
	1,594	100,0

На долю налоговъ приходится такимъ образомъ около 3/5 общаго итога доходной росписи; на самомъ дѣлѣ относительное значеніе налоговъ въ доходномъ бюджетѣ еще гораздо значительнѣе: дѣло въ томъ, что какъ доходъ отъ казенныхъ имуществъ и предпріятій казны въ роспись заносятся цифры дохода *валового*, а расходы, связанные съ эксплуатаціею названныхъ имуществъ показываются въ соотвѣтствующихъ статьяхъ расходнаго отдѣла росписи и предпріятій. Двѣ самыя главныя статьи въ данной категоріи доходовъ составляютъ поступленія по желѣзнодорожному хозяйству казны и по винной монополіи. И по той, и по другой рубрикѣ валовыя цифры представляютъ очень крупныя величины, (по росписи 1900 г. валовой доходъ отъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ исчисленъ въ 330,9 м. р., и доходъ отъ казенной продажи питей въ 118,1 м. р.,—т. е. на обѣ статьи вмѣстѣ падаетъ 75% всей суммы смѣтныхъ доходовъ отъ частнаго хозяйства казны); но онѣ поглощаются если не сполна, то въ очень крупной долѣ, расходами по этимъ операціямъ,такъ что для покрытія общихъ государственныхъ расходовъ прибыли отъ названныхъ операцій не могутъ служить еще сколько нибудь солиднымъ источникомъ. Цифры государственной росписи въ тѣхъ крупныхъ итогахъ, въ которыхъ они опубликованы, не позволяютъ выдѣлить съ точностію всѣ расходы на желѣзныя дороги, разбросанные по смѣтамъ нѣсколькихъ министерствъ.

Въ самомъ благопріятномъ случаѣ однако размѣры чистаго дохода отъ казеннаго желѣзнодорожнаго хозяйства — никакъ не могутъ оказаться значительными. Судя по даннымъ, приведеннымъ въ докладѣ министра финансовъ, чистая прибыль казны отъ желѣзныхъ дорогъ составляла за 1895 г. 1,8 м. р., за 1896 г.—11,3 м. р., за 1897 г.—12,5 м. р. и за 1898 г.—12,1 м. р.; причемъ послѣднія двѣ цифры получены, не принимая въ расчетъ результатовъ эксплуатаціи сибирской желѣзной дороги, если же ввести и ихъ въ счетъ, размѣръ прибыли за 1897 г. сократится до 8 м. р., а 1898 г. до 1 милл. рублей. Едва ли есть основанія думать, что результаты 1900 г. могутъ на много превзойти результаты двухъ ему предшествовавшихъ. Что касается винной монополіи, то доходъ отъ нея по смѣтѣ вычисленъ въ 118,1 м. р., а общая сумма расходовъ въ 116,1 м. р. (въ томъ числѣ 94,4 м. р. на текущіе расходы по операціи и 21,7 м. р. на подготовительныя работы по распространенію ка-

зенной продажи питей); слѣдовательно общій балансъ операціи даетъ плюсъ въ доходахъ на 2 милл. рублей.

Валовой доходъ по всѣмъ остальнымъ операціямъ и имуществамъ казны—кромѣ винной монополіи и желѣзныхъ дорогъ—опредѣленъ по росписи 1900 г. въ 145,5 м. р. (наиболѣе значительныя поступленія ожидаются при этомъ отъ казенныхъ лѣсовъ, земель и оброчныхъ статей—63,6 м. р. и по почтовой и телеграфной регаліямъ—48 м. р.). Если даже совсѣмъ не принимать въ разсчетъ расходовъ, вызываемыхъ эксплоатаціею названныхъ имуществъ и предпріятій казны, то во всякомъ случаѣ указанная сумма дохода—145,5 м. р.—составитъ едва 1/6 часть исчисленныхъ по росписи поступленій отъ налоговъ всѣхъ видовъ.

Такимъ образомъ не подлежитъ сомнѣнію, что каково бы ни было въ будущемъ фискальное значеніе развивающагося съ каждымъ годовъ частнаго хозяйства казны,—до сихъ поръ бюджетныя средства на общіе государственные расходы берутся въ наибольшей долѣ изъ налоговъ и слѣдовательно всѣ „излишки", накопленные фискомъ, должны ложиться излишнею тягостью на плательщиковъ государственныхъ налоговъ.

Въ самыхъ бюджетныхъ данныхъ, однако, мы можемъ найти указанія, что платежныя средста этихъ плательщиковъ и безъ того крайне напряжены. Такія указанія даетъ съ одной стороны очень слабое возрастаніе потребленія обложенныхъ косвенными налогами предметовъ, а съ другой — хроническое накопленіе недоимокъ по главнѣйшей статьѣ прямого обложенія—выкупнымъ платежамъ крестьянскаго населенія.

Косвенные налоги составляютъ преобладающую часть въ системѣ нашихъ налоговъ. По росписи 1900 г. вся сумма налоговъ распредѣляется между налогами прямыми (относя къ нимъ и выкупные платежи), косвенными и пошлинами такъ:

	Милл. руб.	%
прямые налоги	198,1	21,4
косвенные	641,1	69,4
пошлины	84,8	9,2
	924,0	100

Косвенными налогами обложенъ какъ извѣстно цѣлый рядъ распространенныхъ предметовъ потребленія, производимыхъ внутри страны —спиртъ и вино, пиво, медъ, табакъ, сахаръ, керосинъ, спички—и всѣ продукты какъ непосредственнаго, такъ и производственнаго потребленія, привозимые изъ за границы. Налоги на потребленіе имѣютъ своимъ естественнымъ послѣдствіемъ вздорожаніе обложенныхъ продуктовъ. Таможенный сборъ оказываетъ такое вліяніе вдвойнѣ, отражаясь непо-

средственно на цѣнахъ предметовъ ввозимыхъ изъ за границы и косвенно на цѣнахъ аналогичныхъ продуктовъ внутренняго производства; то, что переплачиваютъ потребители въ послѣднемъ случаѣ, составляетъ налогъ, вносимый ими не въ государственную кассу, а въ пользу покровительствуемыхъ отечественныхъ промышленниковъ. Какое воздѣйствіе можетъ оказывать косвенное обложеніе этою своею стороною на народное потребленіе, — наиболѣе яркою илюстраціею можетъ служить крайне ничтожное распространеніе въ народномъ обиходѣ желѣза и металлическихъ издѣлій, благодаря высокимъ ввознымъ пошлинамъ на эти предметы. Какъ извѣстно, потребленіемъ желѣза часто измѣряютъ степень культуры данной страны и, какъ извѣстно также, среднія цифры этого потребленія въ русскомъ народномъ, особенно крестьянскомъ хозяйствѣ оказываются поразительно малыми. Желѣзныя орудія, вслѣдствіе высокой цѣны металла, являются еще предметами мало доступной роскоши для крестьянина-земледѣльца... Въ нашемъ таможенномъ обложеніи играютъ впрочемъ очень видную роль и такія пошлины, которыя имѣютъ исключительно или главнымъ образомъ фискальный характеръ, падая на предметы ввоза, съ которыми отечественное производство не конкуррируетъ совсѣмъ или въ очень слабой степени. Такъ, двѣ наиболѣе крупныя по суммѣ получаемыхъ пошлинъ статьи ввоза составляютъ хлопокъ и чай (въ 1898 г. на эти два предмета ввоза падала почти 1/3 всѣхъ таможенныхъ сборовъ). Пошлина съ чая, составляя столько же, сколько и средняя его цѣна, удорожаетъ этотъ важный продуктъ широко распространеннаго потребленія вдвое; пошлина съ хлопка (3 р. 11 к. съ 1 пуда) набавляетъ на его цѣну около 40%. Въ общемъ по отношенію ко всей массѣ ввозимыхъ товаровъ таможенная пошлина составляла въ 1898 году 36% отъ ихъ цѣнности; десять лѣтъ назадъ это отношеніе составляло 27%, т. е. въ среднемъ дѣйствительное обложеніе возрасло за десятилѣтіе на 1/3; размѣры собственно тарифныхъ ставокъ усилились за это время гораздо болѣе, но самый составъ ввоза измѣнялся подъ вліяніемъ тарифа: ввозъ болѣе обложенныхъ товаровъ долженъ былъ сократиться и наоборотъ увеличилась относительная доля товаровъ, платящихъ умѣренныя таможенныя пошлины. Въ конечномъ счетѣ, потребитель переплачиваетъ на обложенныхъ продуктахъ несомнѣнно гораздо болѣе того, что берется пошлиною, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда эта пошлина поражаетъ не готовый продуктъ, а матеріалъ или полуфабрикатъ, который долженъ пройти еще чрезъ нѣсколько стадій прежде чѣмъ достигнетъ потребителя.

На таможенный сборъ приходится около 1/3 всей суммы поступленій отъ косвенныхъ налоговъ, на 1900 г. доходъ отъ него вычисленъ въ 217,8, м. р. (при общемъ итогѣ косвенныхъ

налоговъ въ 641,1 м. р.). Еще большее значеніе и въ системѣ косвеннаго обложенія и въ общей системѣ налоговъ принадлежитъ налогу питейному; около $^1/_2$ всѣхъ косвенныхъ налоговъ и около $^1/_4$ всѣхъ налоговыхъ поступленій (считая и пошлины, и выкупные платежи) получается съ обложенныхъ питей. На 1900 г. питейный доходъ опредѣленъ въ суммѣ 292,9 м. р. почти равной дѣйствительному поступленію 1898 г. (289,6 м. р.). Питейный налогъ, падая на предметъ всеобщаго потребленія, находится въ наиболѣе непосредственной зависимости отъ состоянія платежныхъ средствъ массовыхъ плательщиковъ и на движеніи этого налога всего яснѣе могутъ отразиться поэтому измѣненія въ этомъ состояніи. Результаты анализа бюджетныхъ данныхъ въ этомъ отношеніи оказываются мало утѣшительными. Поступленія питейнаго налога въ общемъ растутъ, хотя и неособенно быстро, но этотъ ростъ обусловливается возрастаніемъ не размѣровъ потребленія, а нормъ обложенія. Самое потребленіе, если сравнивать болѣе или менѣе продолжительные періоды, остается почти неподвижнымъ, склоняясь даже скорѣе въ сторону сокращенія; за отдѣльные годы оно обнаруживаетъ довольно рѣзкія колебанія, въ зависимости, главнымъ образомъ, отъ состоянія урожаевъ, поднимаясь при обильномъ сборѣ хлѣбовъ и падая въ годы недородовъ. За последнее десятилѣтіе, по отношенію къ которому у насъ имѣются подъ руками полныя данныя, 1887 — 96 гг., общее количество потребленнаго безводнаго спирта, составляло около 239 милл. ведеръ, т. е. въ среднемъ 23,9 милл. ведеръ въ годъ, причемъ въ первую половину десятилѣтія годовая средняя составляла 24,2 милл. вед. (не смотря на то, что въ это пятилѣтіе вошелъ и голодный 1891 г. съ минимальною цифрою потребленія, въ 22 м. вед.), а во вторую — 23,5 м. вед. Если сравнить два крайніе года десятилѣтія: 1887, въ которомъ потреблено было 25,1 м. ведеръ, и 1896, съ итогомъ потребленія въ 24 м. вед., сокращеніе потребленія будетъ еще замѣтнѣе. Въ 1897 году, неблагопріятномъ по сбору хлѣбовъ, размѣръ потребленія вина упалъ еще, въ слѣдующемъ 1898 кривая потребленія опять поднялась до уровня 1895—96 гг. и т. д.

Еще болѣе рѣшительныя указанія на отяготительность для плательщиковъ налоговыхъ требованій, чѣмъ данныя о движеніи потребленія обложенныхъ косвеннымъ сборомъ продуктовъ, доставляютъ цифры хроническаго недопоступленія нѣкоторыхъ прямыхъ налоговъ. Такая именно хроническая недоимочность обнаруживается росписями и контрольными отчетами по отношенію къ самому крупному изъ прямыхъ налоговъ, падающему на крестьянское населеніе, именно по выкупнымъ платежамъ. Въ теченіе уже очень длиннаго ряда лѣтъ поступленіе выкупныхъ платежей, колеблясь изъ года въ годъ, главнымъ образомъ подъ вліяніемъ размѣра урожая въ тѣхъ или иныхъ мѣстностяхъ, остается въ общемъ

ниже оклада. За десять лѣтъ, 1889—98 гг., выкупныхъ платежей, не считая накопившихся недоимокъ, причиталось къ поступленію около 980 м. р., въ дѣйствительности внесено населеніемъ 896 м. р., на 84 милл. или на 8,5% менѣе противъ оклада. Благодаря этому недобору и недоборамъ прежнихъ лѣтъ, на населеніи накопилась къ 1 января 1899 г. огромная сумма недоимки въ 117,4 м. р. или въ 120% первоначальнаго оклада выкупныхъ платежей.

Усиленная задолженность населенія по выкупнымъ платежамъ не могла не обратить на себя вниманіе финансоваго управленія. Значительная часть недоимокъ была въ послѣдніе годы разсрочена или отсрочена до конца выкупного періода, а затѣмъ предпринята пересрочка въ извѣстныхъ случаяхъ и самой капитальной суммы долга, — съ удлиненіемъ его срока и сокращеніемъ въ зависимости отъ этого оклада текущихъ платежей. Въ докладѣ министра финансовъ по росписи на текущій годъ приводятся подробныя свѣдѣнія о ходѣ работъ по осуществленію всѣхъ этихъ мѣропріятій по облегченію взноса выкупныхъ платежей. Но какіе бы результаты ни оказали эти льготы въ будущемъ,—самый фактъ накопленія на крестьянскомъ населеніи громадныхъ недоборовъ по платежамъ, взыскиваемымъ „съ примѣненіемъ суровыхъ понудительныхъ мѣръ", въ то самое время, когда, на другомъ полюсѣ, въ государственномъ казначействѣ накоплялись крупныя „сбереженія" отъ превышенія полученныхъ доходовъ надъ расходами,—не теряетъ своего крайне важнаго, „симптоматическаго" значенія. Фактъ этотъ показываетъ, что напряженіе платежныхъ силъ значительной части населенія въ это время перешло за предѣлы упругости и дальнѣйшее на нихъ давленіе оказывалось уже безрезультатнымъ. Фискъ получилъ отъ общей совокупности всѣхъ налоговъ больше, чѣмъ ему было нужно, но съ другой стороны и требованія, предъявленныя къ плательщикамъ, тоже превышали ихъ платежныя силы, такъ что фискальное благополучіе пріобрѣтено было очень тяжелою для крупныхъ группъ населенія цѣною.

Мы видѣли, изъ какихъ источниковъ государство получаетъ свои средства; посмотримъ теперь, на какія надобности они тратятся. Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, сведемъ въ нѣсколько общихъ рубрикъ всѣ назначенія по росписи 1900 г., а для того, чтобы можно было судить и о движеніи расходовъ разныхъ категорій, приведемъ параллельно соотвѣтствующія цифры для двухъ крайнихъ годовъ послѣдняго десятилѣтія, за которое у насъ есть отчеты государственнаго контроля объ исполненіи государственныхъ росписей. Наша классификація будетъ по необходимости грубая и довольно внѣшняя: источники, которыми мы пользуемся, не позволяютъ намъ сгруппировать всѣ расходныя рубрики детально и притомъ строго придерживаясь самаго назначенія каждаго расхода, а не того, какимъ вѣдомствомъ онъ про-

изведенъ. Десятилѣтніе обзоры помѣщаемые въ отчетахъ государственнаго контроля даютъ итоги расходовъ *по министерствамъ*, выдѣляя только особо расходы желѣзнодорожные и расходы по винной монополіи. Это же дѣленіе расходовъ принято и въ нижепомѣщаемой табличкѣ.

	1889 г м. р.	1898 г. м. р.	1900 г. м. р.
1. Платежи по государ. долгамъ (кромѣ желѣзнодорожныхъ) . .	197,1	166	167,2
2. Войско и флотъ	264,3	365,8	410,9
3. Общая администр. и судъ:			
а) Высшія учрежд., внѣшнія сношенія, Императ. дворъ	17,2	20,7	21,2
б) Минист. внутрен. дѣлъ и юстиція	97,3	122,5	132,4
4. Финансовое управленіе и контроль	103,3	138,6	163,7
Расходы по винной монополіи	—	77,9	116,1
5. Госуд. имущ., земледѣліе, коннозаводство, пути сообщ. (кромѣ жел. дор.).	49,2	73,2	81,6
6. Желѣзныя дороги.	107,2	346,2	400,5
7. Общая школа (мин. нар. просв.).	22,0	26,9	33,2
Церковь (свят. синодъ) . . .	11,2	20,4	23,6
Итого . .	868,8	1.358,3	1.550,4 *)

Если сравнить оба крайніе столбца цифръ въ нашей таблицѣ, то окажется, что за промежутокъ времени, отдѣляющій тѣ годы, къ которымъ относится тотъ и другой рядъ цифръ, физіономія нашего расходнаго бюджета рѣзко измѣнилась. Не только общій итогъ его выросъ почти вдвое, но измѣнилась и перспектива между различными категоріями расходовъ, покрываемыхъ на счетъ государственныхъ расходовъ. Въ 1889 году 30,4% всѣхъ государственныхъ расходовъ шли на войско и флотъ, на второмъ мѣстѣ стояли платежи по госуд. долгу, поглощавшіе 22,6% расходнаго бюджета; затѣмъ слѣдовали расходы на общую администрацію и судъ — 13,2%; на четвертомъ мѣстѣ стояли расходы желѣзнодорожные, на которые причиталось 12,3% бюджетнаго итога; почти столько же требовало финансовое управленіе—12,0%; на всѣ остальные потребности шло менѣе—% государственнаго бюджета, причемъ 5,7% покрывали потребности матеріальной культуры,—кромѣ желѣзныхъ дорогъ,—2,5% шло

*) Кромѣ того, по росписи 1900 г. назначено: на случай возвышенія стоимости провіанта и фуража 2 м. р. и на экстренныя надобности, не предусмотрѣнныя смѣтами, 12 м. р.; съ присоединеніемъ этихъ 14 м. р. общій итогъ расходной росписи 1900 г. составитъ 1,564,4 м. р.

на расходы общей школы и 1,3 на расходы церковнаго управленія, покрываемые изъ государственнаго бюджета.

Въ 1900 году на первый планъ въ расходномъ бюджетѣ выдвигаются расходы частнаго хозяйства казны,—собственно двухъ отраслей этого хозяйства: желѣзнодорожной операціи и казенной продажи питей. Обѣ эти статьи вмѣстѣ поглощаютъ цѣлую треть (33,3%) государственнаго бюджета; соотвѣтственно съ этимъ понижаются и относительныя доли другихъ категорій государственныхъ расходовъ: на военныя издержки падаетъ теперь не 30,4% государственныхъ расходовъ, какъ въ 1889 г., а только 26,5; платежи по государственному долгу берутъ только 10,8% расходнаго бюджета; финансовое управленіе 10,5%; общая администрація и суды 10%, на нужды матеріальной культуры идетъ 5,3%, на министерство народнаго просвѣщенія—2,1% и на церковное управленіе 1,5%.

Такимъ образомъ самымъ крупнымъ и выдающимся фактомъ въ движеніи расходнаго бюджета за послѣдніе годы, является расширеніе операцій собственнаго частнаго хозяйства казны. Какъ мы имѣли уже случай говорить, до настоящаго времени фискальное значеніе этихъ операцій еще не особенно велико; но оно несомнѣнно растетъ. За послѣдніе годы частное хозяйство казны даетъ уже нѣкоторый плюсъ, — если не брать въ расчетъ „чрезвычайныхъ" затратъ государства на сооруженіе и оборудованіе новыхъ рельсовыхъ путей. За десятилѣтіе 1889—98 гг. государство получило всего отъ желѣзнодорожнаго хозяйства по разнымъ рубрикамъ росписи обыкновенныхъ доходовъ 1842,2 м. р.; за то же время было затрачено на желѣзнодорожныя надобности по обыкновенному государственному бюджету 2030,1, т. е. общій итогъ всѣхъ пожертвованій казны (по обыкновенному бюджету) за 10 лѣтъ составилъ 187,9 м. р. Но если мы раздѣлимъ взятый нами періодъ на 2 пятилѣтія, то найдемъ, что въ первомъ пятилѣтіи дефицитъ выражается 170,4 м. р., во второмъ же составляетъ только 17,5 м. р.; наконецъ, въ послѣдніе годы онъ смѣняется уже нѣкоторымъ избыткомъ доходовъ надъ расходами. Такимъ образомъ желѣзнодорожное хозяйство казны понемногу становится уже на свои ноги. Полный балансъ этого хозяйства можно, однако, подвести, только введя въ разсчетъ и обороты чрезвычайнаго бюджета, которыхъ мы коснемся нѣсколько ниже.

Если оставить въ сторонѣ желѣзныя дороги и казенную винную монополію, то въ остальной части бюджета 1900 года преобладающее значеніе сохраняется за тѣми же статьями расходовъ, которые давали окраску и бюджету 1889 г. Абсолютное уменьшеніе обнаруживаютъ при этомъ только платежи по государственному долгу (на 30 милл. приблизительно или на 15%), въ результатѣ нѣсколькихъ конверсій,—сопряженныхъ съ пониженіемъ текущаго процента и соотвѣтственнымъ увеличеніемъ

капитальной суммы долга или удлиненіемъ сроковъ его погашенія. Всѣ прочія категоріи расходовъ возрасли, причемъ наиболѣе крупныя прибавки абсолютно приходятся на расходы на военныя надобности и на финансовое управленіе; возрасли относительно и культурные расходы, но культурныя абсолютныя затраты на потребности до сихъ поръ еще занимаютъ очень скромную долю въ общемъ расходномъ бюджетѣ. Такъ, если мы возьмемъ за 100 общую сумму всѣхъ государственныхъ расходовъ, кромѣ расходовъ на желѣзныя дороги и на винную монополію,—то эта общая сумма такъ распредѣлится между главными категоріями государственныхъ годовъ:

	1889 г.	1900 г.
1. Государственный долгъ	25,9	16,1
2. Войско и флотъ	34,7	39,7
3. Общая администрація и судъ	15,0	14,9
4. Финансы и контроль	13,5	15,9
5. Потребности культуры матеріальной . .	6,5	7,9
6. Потребности духовной культуры:		
общая школа	2,9	3,2
церковь	1,5	2,3
Итого .	100,0	100,0

Приведенныя цифры показываютъ, что на всѣ культурныя потребности вообще (кромѣ желѣзныхъ дорогъ) и на нужды образованія въ частности государство затрачиваетъ очень незначительную часть тѣхъ средствъ, которыя оно получаетъ съ населенія въ формѣ налоговъ или выручаетъ въ собственномъ своемъ хозяйствѣ. Нужно замѣтить, впрочемъ, что общія затраты на школы разныхъ категорій шире, чѣмъ бюджетъ собственно министерства народнаго просвѣщенія; школьные расходы раскиданы и въ смѣтахъ нѣсколькихъ другихъ министерствъ. Небезынтересно будетъ свести ихъ всѣ вмѣстѣ. Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ подъ руками сравнительныхъ данныхъ за весь періодъ, охватываемый помѣщенной выше табличкой; но мы можемъ сопоставить смѣтныя назначенія 1900 года съ дѣйствительными расходами 1895 г., отдѣленнаго отъ него пятилѣтнимъ промежуткомъ времени. Вотъ эти сравнительныя данныя.

	1895	1990	въ 1900 +
	тысячи	рублей:	
I. Общая школа (мин. нар. просв.):			
университеты.	3.788	4.464	616
среднія школы	8.282	9.780	1.498
низшія школы, городск. и сельскія	4.015	6.485	2.470
учительскіе институты, семинаріи и пр.	1.231	1.270	39

особыя учебныя заведенія .	1.437	1.657	220
II. Спеціальныя учебныя заведенія гражд. вѣдомства	2.327	6.461	4.134
пособія на дворянскіе пансіоны	—	2.000	2.000
III. Военныя и морскія учебн. заведенія	8.531	10.033	7.190
IV. Духовныя учебныя заведенія	2.184	9.374	1.502
Итого .	31.795	51.524	19.729

Какъ видно изъ нашей таблички, общая сумма расходовъ на учебныя заведенія всѣхъ вѣдомствъ, назначенныхъ по росписи на 1900 г., составляетъ 51,5 м. р. Это равняется 3,3% всѣхъ обыкновенныхъ расходовъ (1550 м. р.); пять лѣтъ назадъ, въ 1895 г., на школу тратилось абсолютно значительно менѣе, именно 31,8 м. р., но по отношенію къ общему бюджетному итогу того времени (868,8 м. р.) это составляло такую же и даже нѣсколько большую долю, чѣмъ въ 1900 г. (3,5%). Такимъ образомъ, относительное значеніе школьныхъ расходовъ въ нашемъ бюджетѣ не усилилось, а скорѣе нѣсколько упало за разсматриваемое пятилѣтіе.

Между отдѣльными категоріями школьныхъ расходовъ наиболѣе замѣтное увеличеніе оказывается по духовной школѣ (главнымъ образомъ въ виду крупныхъ ассигнованій казны на церковно-приходскія школы) и затѣмъ по расходамъ на спеціальныя учебныя заведенія, главнымъ образомъ на 2 политехникума,—кіевскій, уже открытый, и петербургскій, на содержаніе котораго по росписи 1900 г. ассигновано 2.000 р. Такая же сумма вновь назначена въ нынѣшнемъ году и на пособія дворянскимъ обществамъ по устройству и содержанію дворянскихъ пансіоновъ-пріютовъ. Въ общемъ, не смотря на сдѣланныя за 5 лѣтъ прибавки, общая сумма государственныхъ затратъ на народное образованіе остается болѣе чѣмъ скромною. Въ особенности это можно сказать о низшей школѣ. На всѣ содержимыя казною уѣздныя, городскія, приходскія, начальныя и народныя училища вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія отпускается около 6½ милліоновъ руб. Это не составляетъ и полпроцента отъ всей массы бюджетныхъ тратъ. И это въ концѣ того пятилѣтія, когда народная школа въ особенности привлекала къ себѣ всеобщее вниманіе!

Выше, говоря о доходномъ бюджетѣ, мы видѣли, что бюджетныя средства добываются съ очень большимъ напряженіемъ платежныхъ источниковъ, такъ что накопленіе „избытковъ“ въ государственномъ хозяйствѣ идетъ неизбѣжно на счетъ недочетовъ въ хозяйствѣ значительной части плательщиковъ. Теперь мы видимъ, съ другой стороны, что, не смотря на такіе избытки,

многія очень существенныя государственныя потребности — и прежде всего потребность въ распространеніи просвѣщенія среди народныхъ массъ,—остаются неудовлетворенными. Естественно возникаетъ вопросъ, ради какихъ же цѣлей изъ народнаго дохода извлекается ежегодно въ государственную кассу больше, чѣмъ это нужно для покрытія текущихъ государственныхъ потребностей.

Отвѣтъ на этотъ вопросъ даютъ намъ цифры бюджета „чрезвычайнаго“. Подъ чрезвычайными расходами разумѣются такія издержки, которыя не относятся къ текущимъ надобностямъ даннаго бюджетнаго года, а разсчитаны на длинный рядъ лѣтъ (каковы, напримѣръ, расходы на разныя крупныя сооруженія, въ родѣ новыхъ желѣзныхъ дорогъ, портовъ и пр.) или вызываются такими экстренными, выходящими изъ обычнаго ряда явленіями, какъ крупные неурожаи или иныя народныя бѣдствія и т. д. Обычнымъ способомъ для покрытія чрезвычайныхъ расходовъ являются государственные займы: расходъ, плодами котораго пользуются нѣсколько поколѣній плательщиковъ, разлагается, такимъ образомъ, на болѣе или менѣе длинный рядъ лѣтъ. Въ нашей финансовой практикѣ послѣдняго времени установилось, какъ общее правило, отнесеніе значительной части чрезвычайныхъ расходовъ на общія бюджетныя средства; иными словами, отнесеніе на средства теперешнихъ плательщиковъ государственныхъ налоговъ, полностью или въ наибольшей части такихъ затратъ, плодами которыхъ должны воспользоваться будущія поколѣнія. Въ этомъ морѣ тонутъ всѣ бюджетные „излишки“, получаемые путемъ усиленнаго обложенія всѣхъ источниковъ государственнаго дохода и усиленною экономіею въ текущемъ расходномъ бюджетѣ. За десятилѣтіе 1889—98 г. произведено было чрезвычайныхъ расходовъ на 1.930 милл. руб. На пополненіе этихъ расходовъ, имѣлось „чрезвычайныхъ рессурсовъ“ (отъ государственныхъ займовъ, вкладовъ на вѣчное время въ государственный банкъ, возврата ссудъ желѣзнодорожными обществами и нѣкоторыхъ другихъ статей) до 930 м. р. Остающійся милліардъ непокрытыхъ расходовъ поглотилъ собою всѣ остатки, накопившіеся отъ превышенія текущихъ доходовъ надъ расходами за это десятилѣтіе (972 м. р.). На какія же потребности обращены были всѣ эти чрезвычайные расходы? Наибольшую ихъ часть взяли издержки по упорядоченію государственнаго долга; на это ушло 801,8, м. р., но, съ другой стороны, отъ государственныхъ займовъ получено было 759,2 м. р., такъ что чистый расходъ по этой операціи составлялъ около 42,6 м. р. Затѣмъ идутъ различные *желѣзнодорожные* расходы (главнымъ образомъ сооруженіе новыхъ желѣзныхъ дорогъ), взявшіе въ общей суммѣ 789 м. р., тогда какъ всѣ чрезвычайныя желѣзнодорожныя поступленія доставили только 123,5 м. р.; 196,2 м. р. потребовались на разные виды помощи

населенію, пострадавшему въ голодные годы, 90 милл. р. пошло на экстренные расходы, по усиленію военнаго флота и 53 м. р. на остальныя чрезвычайныя надобности (въ томъ числѣ 18 м. р. въ воспособленіе дворянскому поземельному банку).

Вотъ крупныя категоріи тѣхъ добавочныхъ тягостей, которыя должны были нести на себѣ плательщики государственныхъ налоговъ сверхъ обычнаго, текущаго государственнаго тягла.

Крупныя чрезвычайныя издержки введены и въ бюджетъ 1900 г.; и въ этомъ случаѣ, какъ мы уже говорили ранѣе, ихъ предполагается покрытъ изъ общихъ бюджетныхъ источниковъ. За исключеніемъ 5 м. р. на выдачу вознагражденій за отмѣну права пропинаціи, всѣ остальные чрезвычайные расходы, въ суммѣ 187,9 м. р., предназначены исключительно на нужды желѣзнодорожныхъ операцій казны.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что желѣзнодорожное дѣло является центромъ тяжести чрезвычайнаго бюджета. И здѣсь оно до сихъ поръ еще требуетъ крупныхъ жертвъ со стороны государственнаго казначейства; такъ что въ конечномъ счетѣ желѣзнодорожное, даетъ казнѣ не плюсъ, а минусъ. Приходится, слѣдовательно, признать, что переформированіе на новыхъ началахъ нашего бюджетнаго хозяйства путемъ созданія новыхъ, самостоятельныхъ источниковъ государственнаго дохода, находится еще пока въ процессѣ.

Но рядомъ съ этимъ, государство, своею финансовою политикою въ указанномъ направленіи оказываетъ могущественное воздѣйствіе и на другіе, гораздо болѣе широкіе процессы, совершающіеся въ хозяйствѣ народномъ. Желѣзныя дороги,—вмѣстѣ съ усиленнымъ таможеннымъ покровительствомъ крупной обрабатывающей промышленности—являются могучимъ факторомъ промышленнаго роста и параллельно съ нимъ идущаго процесса пересозданія стараго строя хозяйственной жизни. Подъ вліяніемъ парового транспорта растетъ и національное богатство страны, растетъ и капиталистическая оболочка этого богатства, со всѣми присущими ей антагонизмами.

Докладъ министра финансовъ, сопровождающій государственную роспись 1900 года, рисуетъ передъ нами картину блестящихъ успѣховъ, достигнутыхъ уже русскою обработывающею промышленностью, подъ вліяніемъ покровительственной политики государства и усиленнаго развитія рельсовой сѣти.

Успѣхи эти несомнѣнно очень значительны, хотя несомнѣнно также, что нѣкоторыя краски въ упомянутой картинѣ представляются нѣсколько сгущенными. Въ частности нельзя не признать довольно рискованнымъ пріемъ числового опредѣленія быстроты промышленнаго роста чрезъ сопоставленіе итоговъ оффиціальнаго учета производительности фабрикъ и заводовъ за разные годы разсматриваемаго періода. По свѣдѣніямъ департа-

мента торговли и мануфактуръ, обороты фабрикъ и заводовъ Европейской Россіи (безъ производствъ горныхъ, мукомольнаго и производствъ, обложенныхъ акцизомъ) опредѣлялись въ 1877 г. въ 541 м. р., въ 1887—въ 802, въ 1892—въ 1.010 и въ 1897 г. въ 1,816 м. р. Отсюда средній ежегодный приростъ производительности измѣряется для періода 1878—86 гг. въ 26,4 м. р., для пятилѣтія 1888—92 гг. въ 41,6 м. р. и, наконецъ, для послѣдняго пятилѣтія 1893—96 гг. — въ 161,2. Въ докладѣ особенно подчеркивается этотъ послѣдній выводъ. Какъ показываютъ приведенныя цифры, читаемъ мы въ комментаріяхъ къ росписи „за послѣднее отчетное пятилѣтіе ростъ обрабатывающей промышленности совершался въ четыре раза быстрѣе, чѣмъ въ пятилѣтіе 1888 — 92 гг. и въ шесть разъ быстрѣе, чѣмъ въ десятилѣтіе 1878—1887 гг.“. Но, какъ извѣстно, статистика промышленности есть одна изъ наиболѣе сложныхъ и наименѣе совершенныхъ отраслей статистики,—къ нашей оффиціальной статистикѣ это приложимо въ особенности,—а среди операцій этой статистики учетъ размѣровъ производства—пунктъ, можетъ быть, самый щекотливый. Здѣсь крупныя погрѣшности болѣе чѣмъ возможны и, принимая безъ критики полученные выводы, мы сильно рискуемъ принять разницу въ счетѣ за разницу въ самомъ фактѣ. Чтобы не быть голословными, приведемъ маленькую иллюстрацію. Самою старою и самою значительною отраслью нашей крупной обрабатывающей промышленности является обработка прядильныхъ веществъ. Табличка доклада по росписи даетъ цифру оборотовъ этой отрасли производства въ 1892 г. въ 581,6 м. р. и въ 1897 г.— въ 946 милл., приростъ за пятилѣтіе составляетъ 62%. Сопоставимъ этотъ выводъ съ нѣкоторыми другими статистическими данными, могущими до извѣстной степени служить его провѣркою. Главная вѣтвь текстильной промышленности есть промышленность бумажная. Наши бумажныя фабрики работаютъ на привозномъ изъ за границы хлопкѣ (значеніе среднеазіатскаго хлопководства пока еще ничтожно). На сколько же быстро увеличивается перерабатываемый ими матеріалъ? Таможенные отчеты даютъ на это такой отвѣтъ: если количество хлопка ввезеннаго за пятилѣтіе 1887—91 гг. взять за 100, то ввозъ 1892—96 гг. составитъ по отношенію къ нему 103%, а ввозъ 1897 года, исключительно благопріятнаго, 111%. Возьмемъ другое сопоставленіе. Продукты фабрикъ и заводовъ, по крайней мѣрѣ въ наибольшей своей части, чтобы пойти въ потребленіе, должны быть *перевезены* съ мѣста своего производства; если эта перевозка производится желѣзными дорогами (а именно это и представляетъ общее правило), то слѣды этого мы найдемъ въ желѣзнодорожной отчетности. Ростъ желѣзнодорожныхъ перевозокъ даннаго продукта долженъ идти параллельно съ ростомъ размѣровъ его производства, нѣсколько его обгоняя при этомъ,

такъ какъ усиленіе перевозокъ находится въ зависимости и отъ другихъ причинъ, кромѣ увеличенія производства транспортируемыхъ продуктовъ. Что же говорятъ намъ желѣзнодорожныя данныя? Изъ сводной статистики желѣзнодорожныхъ перевозокъ (изд. м-ства финансовъ) мы видимъ, что въ 1892 г. по всей сѣти перевезено было продуктовъ мануфактурной промышленности 27,550 тыс. пуд., въ 1897 г. перевозка возрасла до 32,145 тыс. пуд. Приростъ за пять лѣтъ измѣряется 17 процентами. Какъ видимъ, обѣ приведенныя на справку категоріи достовѣрныхъ статистическихъ данныхъ даютъ гораздо болѣе скромныя указанія относительно темпа промышленнаго роста въ области мануфактурныхъ производствъ, нежели цифры цитированной выше таблички...

Но, какъ бы блестящи ни были успѣхи крупной промышленности, они не могутъ заслонить собою другой, болѣе тѣневой стороны, обнаруживающейся въ нашей народно-хозяйственной жизни послѣдняго періода. Если на одномъ общественномъ полюсѣ мы видимъ быстрый поступательный ростъ и накопленіе богатствъ, то на другой встрѣчаемся съ явленіями совершенно иного порядка,—тоже растущими и тоже связанными съ тѣми же общими причинами, которыя содѣйствовали росту національнаго богатства въ формѣ крупной промышленности и росту фискальнаго могущества государства. Всего явственнѣе эти тѣневыя стороны народно-хозяйственной жизни выступили въ голодовкахъ, вызванныхъ неурожаями послѣдняго десятилѣтія, и въ отмѣченномъ уже фактѣ крайней податной задолженности значительной части крестьянскаго населенія.

Докладъ министра финансовъ касается и обѣихъ этихъ группъ общественныхъ фактовъ. Первой, впрочемъ, только вскользь, и никакъ нельзя сказать, чтобы приводимыя при этомъ соображенія представлялись особенно убѣдительными. Докладъ говоритъ не о послѣдствіяхъ неурожаевъ, а о самыхъ неурожаяхъ. Отмѣчая тотъ фактъ, что послѣ трехъ неурожайныхъ годовъ четвертый оказался съ урожаемъ выше средняго, причемъ особенно обильный сборъ получился въ губерніяхъ, постигнутыхъ въ предыдущемъ году неурожаемъ, и, наоборотъ, серьезный недоборъ тамъ, гдѣ въ прошломъ году сборъ былъ выше средняго,—докладъ считаетъ очевидно отсюда вытекающимъ выводъ, „что ближайшая причина неурожаевъ минувшихъ лѣтъ лежитъ не въ истощеніи хлѣбородныхъ земель, а въ обстоятельствахъ случайнаго характера“. Эта очевидность подлежитъ, однако, сильному сомнѣнію. Приведенный документъ несомнѣнно опровергалъ бы выводъ, утверждающій, что въ пораженныхъ неурожаями послѣднихъ лѣтъ мѣстностяхъ недороды должны являться фактомъ хроническимъ, исключая самую возможность урожайныхъ годовъ рядомъ со скудными. Но такого утвержденія, сколько извѣстно, никто изъ самыхъ крайнихъ „пессимистовъ“ никогда не выставлялъ. Выставлялась на видъ только

большая воспріимчивость истощенныхъ земель къ неблагопріятнымъ метеорологическимъ условіямъ и большая губительность для истощеннаго населенія даже и не рѣзкихъ относительно неурожаевъ. Къ сожалѣнію, эти выводы нисколько не могутъ быть поколеблены фактомъ обильнаго сбора хлѣбовъ въ восточномъ районѣ Европейской Россіи въ минувшемъ году.

Съ гораздо большею подробностью останавливается докладъ по росписи на фактахъ, касающихся податной недоимочности населенія. Исходя изъ того „вполнѣ безспорнаго положенія",— „что прочность государственныхъ финансовъ, какъ бы ни была правильна ихъ организація, зависитъ въ конечномъ результатѣ отъ матеріальнаго благосостоянія населенія, главную массу котораго составляетъ у насъ сословіе крестьянское",—министръ финансовъ приводитъ подробныя данныя о тѣхъ мѣрахъ, которыя предприняты были въ послѣднее время для облегченія податного бремени, лежащаго на крестьянствѣ. Мѣры эти заключались, съ одной стороны, въ облегченіи способовъ уплаты выкупныхъ платежей, а съ другой—въ упорядоченіи способовъ взиманія всѣхъ вообще сборовъ съ надѣльныхъ земель сельскихъ обществъ. Преобразованіе системы взиманія податей еще не закончено и о воздѣйствіи его еще трудно пока судить. По отношенію къ преобразованію выкупныхъ платежей докладъ указываетъ уже на извѣстные цифровые результаты. Сущность предпринятыхъ мѣръ сводится, какъ мы уже упоминали, съ одной стороны, къ разсрочкѣ или отсрочкѣ накопившихся *недоимокъ* по выкупнымъ платежамъ, а съ другой,—къ пониженію въ извѣстныхъ случаяхъ самаго *оклада* текущихъ взносовъ съ соотвѣтственнымъ удлиненіемъ срока выкупной операціи. По объясненію министра финансовъ, первая часть операціи почти закончена; изъ 116 м. р. недоимокъ числившихся къ 1 января 1899 г. разсрочено до настоящаго времени уже 96 милл. и предстоятъ въ ближайшемъ будущемъ еще дальнѣйшія разсрочки. Операція разсрочки недоимокъ начата еще въ 1894 г. Она потребовала столь продолжительнаго срока главнымъ образомъ вслѣдствіе того, что финансовое вѣдомство признавало необходимымъ строго ограничить примѣненіе льготы только недоимками, накопившимися не по винѣ плательщиковъ,—отвергая систему огульныхъ податныхъ льготъ, хотя и болѣе легкую, но вмѣстѣ съ тѣмъ и „менѣе справедливую". Процессъ отдѣленія козлищъ отъ овецъ требовалъ труда и времени—а пока и тѣ, и другія несли одинаковое тягло. Другая характеристическая черта послѣдней реформы (отличающая ее отъ выполненнаго въ 1881 г. пониженія выкупныхъ платежей), заключается въ томъ, что выгоды, ею предоставляемыя, не безвозмездны: сокращеніе текущаго оклада налагаетъ новыя обязанности въ будущемъ. Эта особенность задерживала преимущественно примѣненіе второй половины реформы (измѣненіе самыхъ окладовъ платежей); но теперь, въ результатѣ нѣкото-

рыхъ принятыхъ мѣръ и добавочныхъ льготъ, созданныхъ узаконеніемъ 31 мая 1899 года,—и эта часть операціи довольно успѣшно двинулась впередъ. Въ результатѣ выполненія всей операціи будущія поколѣнія плательщиковъ возьмутъ на себя часть податной тягости, оказавшейся непосильною для плательщиковъ настоящихъ.

Мы видѣли выше, что въ очень значительной мѣрѣ истощеніе податныхъ силъ населенія зависѣло именно отъ того, что на счетъ его налоговыхъ взносовъ создавались грандіозныя предпріятія для будущаго. Поэтому самъ по себѣ фактъ перенесенія на будущее части долговъ настоящаго не можетъ представляться по существу несправедливымъ. Нельзя однако не обратить вниманія, что и въ будущемъ расплачиваться за прошлые чужіе грѣхи придется опять таки тѣмъ же группамъ платильщиковъ которыя представляются наиболѣе отягощенными и теперь.

Н. Анненскій.

Издатели: Вл. Г. Короленко. Н. К. Михайловскій.

Редакторы: П. Быковъ. С. Поповъ.

ГАЗЕТЫ,

выразившія желаніе на взаимный обмѣнъ изданіями и объявленіями на 1900 г.

въ г. *Астрахани*:

„АСТРАХАНСКІЙ ЛИСТОКЪ“ (ежедневно). Редакторъ-издатель *В. И. Склабинскій*. На годъ 7 р. 50 к., на ½ года 5 р., на 1 мѣс. 1 р. 25 к.

въ г. *Асхабадъ*:

„АСХАБАДЪ“ (ежедневно). Редакторъ-издатель *З. Д. Джавровъ*. На годъ 7 р., на ½ года 4 р., на мѣс. 1 р. 50 к.

въ г. *Баку*:

„КАСПІЙ“ (ежедневно). На годъ 8 р. 50 к., на ½ года 5 р., на 1 мѣс. 1 р. 50 к.; за границу на годъ 13 р., на ½ года 7 р.

въ г. *Благовѣщенскъ*:

„АМУРСКІЙ КРАЙ“ (три раза въ недѣлю). Редакторъ-издатель *Г. И. Клитчогло*. На годъ 9 р., на ½ года 5 р., на 1 мѣс. 1 руб.

въ г. *Вильнѣ*:

„ВИЛЕНСКІЙ ВѢСТНИКЪ“ (ежедневно). Редакторъ-издатель *П. Бывалькевичъ*. На годъ 8 р., на ½ года 4 р., на 1 мѣс. 1 р.

„СѢВЕРО-ЗАПАДНОЕ СЛОВО“ (ежедневно). Редакторъ-издатель *Г. Е. Клочковскій*. На годъ 8 р., на ½ года 4 р. 50 к., на мѣс. 1 р.

въ г. *Владивостокъ*:

„ВОСТОЧНЫЙ ВѢСТНИКЪ“ (четыре раза въ недѣлю). Редакторъ-издатель *В. Сущинскій*. На годъ 9 р., на ½ года 4 р. 50 к., на 1 мѣс. 1 р. 50 к.

въ г. *Владикавказъ*:

„КАЗБЕКЪ“ (ежедневно). Издатель *С. І. Казаровъ*. На годъ 7 р., на ½ года 4 р.

въ г. *Воронежъ*:

„ДОНЪ“ (ежедневно). Редакторъ-издатель *В. Веселовскій*. На годъ 7 р., на ½ 4 р., на 1 мѣс. 1 р.

въ г. *Екатеринославъ*:

„ПРИДНѢПРОВСКІЙ КРАЙ“ (ежедневно). Редакторъ *В. В. Святловскій*. Издатель *М. С. Копыловъ*. На годъ 12 р., на 1/2 года 6 р. 50 к., на 1 мѣс. 1 р. 40 к.; за границу на годъ 23 р., на 1/2 года 12 р., на 1 мѣс. 2 р. 50 к.

„ДНѢПРОВСКАЯ МОЛВА“ (разъ въ недѣлю). Редакторъ-издатель *Н. В. Быковъ*. На годъ 5 р., на 1/2 года 2 р. 50 к., на 3 мѣс. 1 р. 25 к.

въ г. *Екатеринбургѣ*:

„УРАЛЬСКАЯ ЖИЗНЬ“ (ежедневно). Редакторъ-издатель *П. И. Пѣвинъ*. На годъ 5 р., на 1/2 года 3 р., на 1 мѣс. 75 к.

въ г. *Иркутскѣ*:

„ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ (ежедневно). Редакторъ-издатель *И. И. Поповъ*. На годъ 9 р., на 1/2 года 5 р., на 1 мѣс. 1 р.

въ г. *Казани*:

„ВОЛЖСКІЙ ВѢСТНИКЪ“ (ежедневно). Издательница *Л. П. Рейнгардтъ*. Редакторъ *Н. В. Рейнгардтъ*. На годъ 9 р., на 1/2 года 5 р., на 1 мѣс. 1 р.

въ г. *Карсѣ*:

„КАРСЪ“. Редакторъ *А. Островскій*. На годъ 3 р.

въ г. *Кишиневѣ*:

„БЕССАРАБЕЦЪ“. (ежедневно). Редакторъ-издатель *П. Крушеванъ*. На годъ 9 р., на 1/2 года 5 р., на 3 мѣс. 3 р.

въ г. *Красноярскѣ*:

„ЕНИСЕЙ“ (три раза въ недѣлю). Редакторъ-издатель *Е. Ф. Кудрявцевъ*. На годъ 7 р., на 1/2 года 4 р., на 1 мѣс. 1 р.

въ г. *Костромѣ*:

„КОСТРОМСКОЙ ЛИСТОКЪ (ежедневно). Редакторъ-издательница *Т. П. Андроникова*. На годъ 4 р. 20 к., на 1/2 года 2 р. 20 к., на 1 мѣс. 50 к.

въ г. *Самарѣ*:

„САМАРСКАЯ ГАЗЕТА“ (ежедневно). Редакторъ-издатель *С. И. Костеринъ*. На годъ 7 р., на 1/2 года 3 р. 50 к., на 1 мѣс. 70 к.

въ г. *Самаркандѣ*:

„ЗАКАСПІЙСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ (ежедневно). Редакторъ-издатель *Н. М. Федоровъ*. На годъ 8 р., на 1/2 года 5р .

въ г. *Саратовъ*:

„САРАТОВСКІЙ ЛИСТОКЪ“ (ежедневно). Редакторъ *П. О. Лебедевъ*. Издатели: *П. О. Лебедевъ* и *И. . Горизонтовъ*. На годъ 8 р., на 1/2 года 4 р. 50 к., на 1 мѣс. 1 р. 20 к.

въ г. *Симбирскъ*:

„СИМБИРСКІЯ ГУБ. ВѢДОМОСТИ“. Неоффиціальная часть (два раза въ недѣлю). Редакторъ *Д. А. Горчаковъ*. На годъ 3 р., на 1/2 года 1 р. 75 к.

въ г. *Севастополь*:

„КРЫМСКІЙ ВѢСТНИКЪ“ (ежедневно). Редакторъ-издатель *С. М. Спиро*. На годъ 8 р., на 1/2 года 5 р., на 1 мѣс. 1 р. 25 к.

въ г. *Смоленскъ*:

„СМОЛЕНСКІЙ ВѢСТНИКЪ“ (ежедневно). Редакторъ *В. В. Гулевичъ*. Издательница *Ю. П. Азанчевская*. На годъ 6 р.

въ губ. г. *Ставрополь*:

„СѢВЕРНЫЙ КАВКАЗЪ“ (три раза въ недѣлю). На годъ 5 р. 50 к., на 1/2 года 3 р., на 3 мѣс. 1 р. 75 к.

въ г. *Таганрогъ*:

„ТАГАНРОГСКІЙ ВѢСТНИКЪ“ (три раза въ недѣлю). Редакторъ *М. М. Красновъ*. Издатели наслѣдники *Миронова*. На годъ 7 р., на 1/2 года 4 р., на 1 мѣс. 85 к.

въ г. *Тифлисъ*:

„ТИФЛИССКІЙ ЛИСТОКЪ“ (ежедневно). Редакторъ-издатель *Х. Г. Хачатуровъ*. На годъ 7 р., на 1/2 года 3 р. 50 к., на 1 мѣс. 1 р.

въ г. *Тобольскъ*:

„СИБИРСКІЙ ЛИСТОКЪ“ (два раза въ недѣлю). На годъ 5 р., на 1/2 года 2 р. 75 к., на 3 мѣс. 1 р. 50 к.

въ г. *Курскъ*:

„КУРСКІЯ ГУБ. ВѢДОМОСТИ“. Неоффиціальная часть (ежедневно). За редактора *С. П. Корниловъ*. На годъ 4 р., на 1/2 года 2 р., на 3 мѣс. 1 р. 50 к.

въ губ. г. *Минскъ*:

„МИНСКІЙ ЛИСТОКЪ“ (три раза въ недѣлю). Редакторъ-издатель *И. Фотинскій*. На годъ 4 р., на 1/2 года 2 р. 50 к., на 1 мѣс. 75 з.

въ г. *Нижнемъ-Новгородѣ*:

„**НИЖЕГОРОДСКІЙ ЛИСТОКЪ**“ (ежедневно). Редакторъ-*Г. Н. Казачковъ*. На годъ 7 р., на 1/2 4 р., на 1 мѣс. 1 р. 25 к.

„**ВОЛГАРЬ**“ (ежедневно). Редакторъ-издатель *С. И. Жуковъ*. На годъ 8 р., на 1/2 года 5 р., на 1 мѣс. 1 р.

въ г. *Орлѣ*:

„**ОРЛОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ**“ (ежедневно). Редакторъ-издатель *А. Аристовъ*. На годъ 7 р., на 1/2 года 4 р., на 1 мѣс. 90 к.

въ г. *Перми*:

„**ПЕРМСКІЯ ГУБ. ВѢДОМОСТИ**“. Неоффиціальная часть (ежедневно). Редакторъ *Функъ*. На годъ 7 р., на 1/2 года 4 р., на 1 мѣс. 1 р.

въ г. *Петербургѣ*:

„**ВРАЧЪ**“. Редакторъ *В. А. Манассеинъ*. Издательница *О. А. Риккеръ*. На годъ 9 р., на 1/2 года 4 р. 50 к., на 3 мѣс. 2 р. 25 к. Адресъ: Невскій пр., 14.

въ г. *Петрозаводскѣ*:

„**ОЛОНЕЦКІЯ ГУБ. ВѢДОМОСТИ**“. Неоффиціальная часть. Редакторъ *С. А. Левитскій*. На годъ 5 р., на 1/2 года 3 р.

въ г. *Ригѣ*:

„**ПРИБАЛТІЙСКІЙ ЛИСТОКЪ**“ (ежедневно). На годъ 7 р., на 1/2 года 3 р. 50 к., на 1 мѣс. 75 к.; за границу на годъ 14 р., на 1/2 года 8 р., на 1 мѣс. 2 р. 50 к.

въ г. *Ростовѣ на Дону*:

„**ДОНСКАЯ РѢЧЬ**“ (ежедневно). За редактора *А. Шепкаловъ*. На годъ 8 р., на 1/2 года 4 р. 50 к., на 1 мѣс. 1 р.

въ г. *Томскѣ*:

„**СИБИРСКІЙ ВѢСТНИКЪ**“ (ежедневно). Редакторъ-издатель *Г. В. Прейсманъ*. На годъ 9 р., на 1/2 года 4 р. 50 к., на 1 мѣс. 75 коп.

„**СИБИРСКАЯ ЖИЗНЬ**“ (ежедневно). Издатель *П. И. Макушинъ*. Редакторы: *П. И. Макушинъ* и *А. И. Макушинъ*. На годъ 5 р., на 1/2 года 3 р.; за границу на годъ 9 р., на 1/2 года 5 р.

---

[15]

AP50
.R94

Russkoe bogatstvo.
January, 1900.

[15]